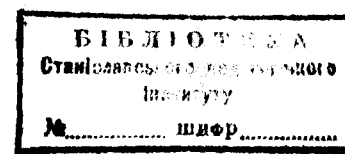

А. Морзон

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

Перевод с английского
Н. ЧЕРНЯВСКОЙ

Редакция и вступительная статья
А. САМОЙЛО

1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга А. Л. Мортон «История Англии» принадлежит перу современного английского прогрессивного историка. 1-е издание книги появилось в мае 1938 г., потом книга выходила без изменений в 1945 и 1946 гг. (2-е издание). В 1948 г. вышло 3-е, переработанное издание, в которое автор внес ряд дополнений и изменений.

Книга подвергалась неоднократным обсуждениям крупных английских историков-марксистов. Переработка книги в 1948 г. была прямым результатом тех дискуссий, которые имели место в связи с выходом первых изданий.

Книга А. Л. Мортон представляет собой, несомненно, значительное явление в историографии современной Англии.

Старым буржуазно-либеральным общим работам—«Истории английского народа» Грина, «Истории Англии» Тревельяна и др.—противопоставлена новая «История Англии», написанная автором, пользующимся марксистско-ленинской методологией исторического исследования. Применение нового, революционного метода исторического исследования дало английскому историку Мортону несомненное преимущество перед его буржуазными предшественниками и современниками, ставящими себе в заслугу свое полное невежество в области марксистско-ленинской теории.

Общей чертой, характерной для современных английских буржуазных историков всех направлений, является полная беспомощность в определении тенденций исторического развития Англии. Эта беспомощность сказывается в отрицании всякой закономерности исторического процесса (т. е. в отрицании самой истории как науки), в стремлении превратить историю просто в нагромождение массы разрозненных, произвольно отобранных фактов, имеющих целью идеологическое воздействие на читателя в желательном для автора направлении. Эти черты видны особенно ярко у наиболее известного современного буржуазного историка Англии—Дж. М. Тревельяна. Его «Социальная история Англии», вышедшая в свет в 1944 г., содержит громадное количество занимательных фактов из самых различных областей и краткие исторические сведения об Англии, и история

быта, и история литературы и искусства и т. д. Но у Тревелияна мы не найдем социальной истории, анализа отношений между различными классами английского общества на всем протяжении истории Англии. Нет у него и связи между массой приведенных фактов; рассматриваемый материал превращен в бесформенную груду ничем не связанных между собой чисто внешних событий. Метод автора сводится к отрицанию исторического анализа.

Описание в розовом свете разнообразных сторон исторического прошлого английского общества у Тревелияна не имеет ничего общего с подлинно научными задачами истории—раскрытием закономерностей исторического процесса, раскрытием основных движущих сил исторического развития.

Однако подобное коллекционирование исторических фактов имеет для буржуазной историографии вполне определенный политический смысл. За этим, как правило, скрывается прямая апология прошлого господствующих классов, имеющая целью оправдать их господство в настоящем. Тревелиян ставит перед собой задачу изобразить в розовом свете кровавое прошлое английского дворянства и буржуазии, прикрыть гнуснейшие преступления правящих классов Англии, оправдать британский колониальный империализм. Окруженная громкой рекламой книга Тревелияна являет собою яркий образец буржуазной, прикрытой авторитетом науки грубейшей фальсификации истории, имеющей целью внушить читателю преклонение перед господствующим классом, перед господством капитала, перед существующим строем. Отсюда восторженные похвалы буржуазной прессы этому упадочному произведению одного из крупнейших представителей английской буржуазной историографии. Книга Тревелияна может служить иллюстрацией глубокого падения буржуазной исторической науки.

В противоположность «Социальной истории Англии» Тревелияна, «История Англии» Мортоня раскрывает прежде всего основные движущие силы исторического развития Англии, вскрывает внутренние закономерности истории английского народа. Общей основой, определяющей разнообразные исторические факты, различные стороны жизни английского общества на разных исторических этапах, является состояние производительных сил в Англии.

Благодаря применению автором этого важнейшего положения марксизма-ленинизма история Англии раскрывается как закономерный процесс внутреннего развития; все многообразные внешние факты английской истории вытекают из этого основного процесса.

Мортон показывает, как изменения в экономике приводят к новым явлениям в социальных и политических отношениях

английского общества. На первый план в истории Англии выступает роль трудящихся масс, история самих производителей материальных благ, классовая борьба, непрерывно в различных формах ведущаяся между эксплуатируемыми и эксплуататорами, составляющая главное содержание исторического процесса в классовых обществах.

Положения марксистско-ленинской методологии исторического исследования определяют и отбор фактического материала, включенного автором в свой труд. Здесь уже нет речи о произволе в отборе фактов; для каждой эпохи автор стремится отобрать существенные, наиболее важные факты. В результате Мортону удается показать строгие исторические закономерности за внешним кажущимся хаосом бесчисленных исторических событий. Именно поэтому работа Мортоня весьма ценна по своему фактическому материалу.

Автор, крупный знаток современной специальной литературы по истории Англии, использовал фактический материал самых последних специальных работ английских исследователей, но метод исторического материализма позволил ему глубже овладеть этим материалом, сделать из него самостоятельные новые выводы на основе революционной теории марксизма-ленинизма. Если в книге Мортоня нет прямой полемики с английскими буржуазными историками, а места автор даже цитирует современных английских либеральных историков (Тревелияна и др.), то фактически своим изложением, всей конструкцией своей книги, своими выводами, широко использованными цитатами из Маркса, Энгельса и Ленина автор, конечно, полемизирует, борется с обычными буржуазными концепциями, разоблачая тем самым фальсификацию буржуазных ученых, представляющих исторический процесс как в кривом зеркале.

В своей книге автор показал, что народ—английский рабочий класс, английское крестьянство—является настоящим творцом английской истории. Книга написана для народа. Ее язык прост и доступен. Книга написана живо и страстно, она читается с интересом.

Научные методологические принципы марксизма-ленинизма дают автору возможность по-новому подойти к отдельным частным вопросам английской истории, противопоставить подлинную историческую действительность фальсификации буржуазных историков.

Это, например, можно сказать об освещении крестьянских движений в средние века: очень четко и правильно, с привлечением большого конкретного материала охарактеризованы восстание Уота Тайлера 1381 г., борьба крестьян против грабежа общинных земель господствующими классами в XVI в.

Трактовка Мортонем английской буржуазной революции представляется собой значительный шаг вперед по сравнению с буржуазной историографией.

Буржуазные специалисты по английской революции (Гардинер, Тревельян, Дэвис и др.) пытались доказать, что длительная гражданская война велась исключительно из-за религиозных разногласий между пуританами и сторонниками англиканской церкви, что революция в Англии была «пуританской», религиозной, возвышающейся над «низменными земными интересами». Этой идеалистической концепции Мортон противопоставляет концепцию политической борьбы буржуазии за собственные интересы; в определенный исторический период эта борьба имела большое прогрессивное значение, но она неизбежно была ограничена рамками буржуазных задач.

Автор вскрывает в главе X («Англия вигов») узкоклассовый характер так называемой «сквайрархии» (т. е. господства на местах и в центральном правительственном аппарате землевладельцев-помещиков), перед которой так благоговейно английские буржуазные историки, к какому бы направлению они ни принадлежали. Мортон показывает олигархический, антинародный характер партии вигов, выставивших себя борцами за свободу и высокие идеалы, а на деле превративших парламент в центр коррупции; Мортон дает правильную оценку исторического значения восстания американских колоний Англии как буржуазной революции, нанесшей удар «по всей продажной олигархической системе управления XVIII в.» (стр. 267).

Мортон приводит большой, частично совершенно новый материал о промышленном перевороте в Англии (глава XI). Он дает яркий очерк аграрного переворота, завершившегося в Англии в XVIII в., затем подробно характеризует технический переворот в каменноугольной, железной, текстильной промышленности, в транспорте и т. д. При этом промышленный переворот дан не как период чисто технического прогресса, а как новый этап в развитии производительных сил, повлекший за собой переворот в социальных отношениях. С промышленным переворотом тесно связано появление на исторической сцене промышленного пролетариата в современном смысле слова.

Говоря об англо-французских отношениях в период 1789—1815 гг., автор показывает реакционную позицию английского правительства Питта Младшего и др., возглавлявших контрреволюционную интервенцию во Франции. Агрессия английского правительства была направлена особенно против якобинцев. Отношения между Англией и Францией оставались враждебными вплоть до реставрации Бурбонов. «Другие державы иногда переходили от одной воюющей стороны к другой, вступали в войну или выходили из войны. Но Англия, за исключением

только одного краткого периода времени после Амьенского мира в 1802 г., непрерывно находилась в состоянии войны с Францией, до самого взятия Парижа в 1814 г.» (стр. 294). Хорошо показано революционное движение в самой Англии, вспыхнувшее в связи с французской буржуазной революцией, в частности деятельность Корреспондентского общества, а также ирландское восстание 1799 г.

Подробно освещен кризис после французских войн и затем экономический подъем Англии в 20-е и 30-е годы (глава XII).

Очень интересны страницы, содержащие новый, малоизвестный материал о движении сельскохозяйственных рабочих в период 1810—1831 гг. Автор отмечает, что восстание батраков в 1831 г. как бы заключало собой целый ряд движений в деревне, начиная с 1381 г. В очерке о фабричном законодательстве автор широко использовал VIII главу I тома «Капитала» Карла Маркса. Работы Маркса использованы также и в характеристике известного билля о реформе 1832 г. Мортон характеризует билль как показатель борьбы класса промышленной буржуазии против землевладельцев и отмечает, что буржуазия добилась в дальнейшем победы в политической области именно вследствие промышленной революции. Узко классовый буржуазный характер избирательной реформы привел к дальнейшему подъему рабочего движения, вылившегося в массовое чартистское движение.

Совершенно новое освещение, по сравнению с обычной трактовкой английскими историками, дано внешней политике Англии 30—50-х годов XIX в. Этот период освещается в соответствии со статьями Маркса, относящимися к данному периоду. Крымскую войну автор характеризует как первую войну «в серии европейских войн, явившихся естественным результатом поражения революции 1848 г.» (стр. 344).

В характеристике эпохи империализма Мортон полностью стоит на позициях ленинизма, приводит пять основных признаков империализма, указанных В. И. Лениным, и под этим углом зрения рассматривает отдельные факты истории Англии данного периода.

Автор подробно останавливается на истории рабочего движения в Англии, начиная с профессионального движения второго и третьего десятилетий XIX в. («революционный тредюнионизм»), включая чартизм (он дан особенно обстоятельно и красочно) и кончая профессиональным движением 60—70-х годов и социалистическим движением 80-х и 90-х годов. Весьма ценным при этом является показ автором большой роли Маркса и Энгельса в английском рабочем движении, как в 40-е и 50-е годы в связи с чартизмом, так и позднее, в связи с I Интернационалом и первыми национальными организациями английских социалистов. Автором использованы статьи Энгельса, печатавшиеся в начале 80-х годов

в английской рабочей газете «Labour Standard». Большое внимание автор уделил массовому движению как в самой Англии (движение неквалифицированных рабочих), так и в Ирландии (фенианизм и ирландское крестьянское движение).

Остро и вполне правильно определяет Мортон роль парламентской лейбористской партии в период подъема классовой борьбы в 1906—1914 гг. «Лейбористская партия довольствовалась ролью простого радикального придатка к либералам. Она разрешала себе осторожно критиковать детали, но никогда не осмеливалась выступать с самостоятельной политикой или мечтать о каких-либо действиях, которые могли угрожать существованию (либерального—А. С.) правительства» (стр. 421).

Лакейскую натуру лейбористских парламентских лидеров Мортон раскрывает язвительным замечанием о единственном случае, когда лейбористские парламентарии действительно рассердились на правительство,—это было тогда, когда Эдуард VII не пригласил лидеров лейбористской партии на официальный прием в Букингемском дворце (стр. 421).

Характеризуя социальную сущность «ллойд-джорджизма», Мортон, в соответствии с определением В. И. Ленина, рассматривает социальную демагогию Ллойд-Джорджа как попытку подкупить рабочий класс, связывает демагогию Ллойд-Джорджа с громадным ростом военных ассигнований в бюджете 1911—1912 гг. и ростом налогового обложения (стр. 421). В этих вопросах Мортон решительно выступает против традиционного изображения политики Ллойд-Джорджа английской буржуазной историографией.

Марксистско-ленинская методология исторического исследования дала возможность автору уже в 1937 г. закончить свою популярную работу по истории Англии предупреждением о надвигающейся угрозе второй мировой войны и призывом к борьбе за судьбу народа и за судьбу всего мира.

Однако книга А. Л. Мортонна не лишена серьезных недостатков. Основным недостатком состоит в том, что автор еще не в полной мере использует новое, революционное орудие исторического исследования—марксистско-ленинскую методологию; в некоторых вопросах он стоит еще на буржуазных позициях или недостаточно решительно порывает с лженаучными либеральными и лейбористскими взглядами. В качестве такого примера из области исторических концепций общего характера необходимо указать на зависимость автора от буржуазной историографии в таких принципиально важных вопросах, как периодизация истории. В своей книге он придерживается старой буржуазной периодизации, считая концом средневековья последние годы XV в., связывая конец средневековья с периодом великих географических открытий. Но хотя великие географические открытия и способствовали крушению феодализма, сами по себе они не могли ликвидировать

его господства. Только в результате победы буржуазной революции в Англии в середине XVII в., первой революции общеввропейского масштаба, был положен конец безраздельному господству класса феодалов (Нидерландская революция, происшедшая во второй половине XVI в., была слишком незначительной по масштабу, чтобы оказать решающее влияние на соотношение сил загнивающего феодализма и идущего ему на смену капитализма). Лишь с середины XVII в., когда в стране классического развития капитализма был свергнут феодальный строй, начинается эпоха господства нового типа производственных отношений—отношений капиталистических. Только этот революционный переход от феодализма к капитализму в Англии положил конец средневековью и ознаменовал начало новой истории.

Вторым недостатком работы А. Л. Мортонна является известный уклон в экономизм. Мортон раскрывает процесс экономического развития, смены одних хозяйственных форм другими, но в ряде случаев недостаточно показывает роль классовой борьбы, в процессе которой происходит развитие производительных сил; не всегда в достаточной мере подчеркивается им борьба прогрессивных классов за новое, за свержение отживающих социальных порядков, за утверждение нового социального строя, а также и борьба отживающих классов, как борьба против нового, за сохранение старого социального строя, сковывающего развитие производительных сил. Иногда создается впечатление, что смена социально-экономических форм происходит самотеком, как экономическая неизбежность. Особенно заметен этот уклон в экономический материализм в главе V («Конец средневековья»), где говорится о превращении феодального английского общества в буржуазное: «...XV в. нес с собой одновременно и хаос и расцвет, обусловленные одной и той же причиной» (стр. 120); с накоплением капитала «исчезновение фермерского хозяйства стало неизбежным». Здесь вместо показа борьбы, в процессе которой насильственно производились (а не просто «происходили») резкие перемены в положении крестьянства, автор проявляет своего рода исторический фатализм. Нужно сказать, что самый материал, приводимый Мортонном, противоречит этой неправильной мысли. Мортон дает иллюстрации политики господствующих классов, ставящих своей целью дальнейшее закабаление народа. Так, например, в тексте говорится о законе 1429 г., ограничивающем избирательные права фригольдеров имущественным цензом в размере 40 шиллингов дохода; авторы закона открыто заявляют о своих целях—отстранить от участия в выборах в парламент «неимущих», «людей небольшого достатка». Далее приводится закон 1445 г., согласно которому в парламент могут быть избраны исключительно люди благородного происхождения. Но, приводя эти данные, автор не квалифицирует их как сознательную поли-

тику господствующих классов, как составную часть той классовой борьбы, которая составляла основное содержание исторического процесса. Вследствие этого автор оказывается не в состоянии вскрыть значение такого решающего факта, как наличие политического господства класса эксплуататоров и полное устранение от политической жизни класса эксплуатируемого. Этот факт, как известно, имел громадное значение для исхода классовых столкновений, а в конечном счете — и для экономического развития.

Это преувеличение «автоматизма» экономических процессов приводит автора к противоречию с исторической действительностью, к противоречию со своим собственным материалом. В главе VI («Новая монархия и буржуазия»), говоря об аграрной революции XVI в., Мортон выдвигает следующее положение: «Характер социального законодательства конца XVI в. указывает на то... что период первоначального накопления капитала, насильственного и незаконного захвата земли закончился. Буржуазия теперь добилась твердой базы, достаточного количества капитала для того, чтобы обеспечить себе непрерывное и автоматическое накопление богатства при помощи узаконенной и мирной эксплуатации образовавшегося класса неимущих» (стр. 146). Антиисторизм этого утверждения, его несоответствие всему дальнейшему материалу автора поражают читателя. Как можно говорить о «мирной эксплуатации», когда в дальнейшем речь идет о революции XVII в., о непрерывной борьбе английского народа против эксплуататоров? Как можно говорить о прекращении «насильственных, незаконных захватов», когда ограбления, т. е. грабеж крестьян, продолжались? Наконец, можно ли говорить о какой-то «законности», когда в дальнейших главах речь идет об ограблении Индии, об ограблении огромной колониальной империи? Подобное мнение автора свидетельствует о прямой недооценке эксплуататорской природы класса буржуазии. Именно эта ошибочная оценка автором классовой природы буржуазии приводит его здесь к разительному противоречию со всем конкретным историческим материалом, излагаемым им же самим в своей книге.

Говоря о монархии Тюдоров, Мортон не дает четкого определения ее классового характера. Он говорит о том, что буржуазия являлась опорой или союзником Тюдоров, но забывает, что господствующим классом при абсолютной монархии попрежнему является класс феодалов. Здесь Мортон оказывается на позициях буржуазной историографии. Для буржуазных историков, строящих свою классификацию сменяющихся форм человеческого общества на основе лишь внешних форм политической власти, феодализм кончается с момента ликвидации феодальной раздробленности общества. Для буржуазных историков централизованные

абсолютные монархии XVI—XVIII вв. представляют особую, новую форму общества.

В научной марксистско-ленинской историографии классификация общественных формаций основывается не на различии политических форм, а на различии способа производства. Основу общества в эпоху абсолютных монархий попрежнему составляют крепостнические феодальные формы эксплуатации крестьянства; попрежнему деревня господствует над городом, в деревне получают свое развитие даже новые зарождающиеся формы капиталистического производства (мануфактура). Самое развитие нарождающегося класса буржуазии и укрепление централизованного государства происходят за счет крепостного крестьянства. Товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Э. Людвигом раскрыл социальную природу абсолютизма на примере русского государства этого периода: «Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»¹. Крепостной труд крестьян как характерная черта производственных отношений и господства феодалов служит для историка-марксиста несомненным доказательством, что общество периода абсолютных монархий являлось обществом феодальным.

Такая точка зрения подтверждается высказываниями Маркса по этому вопросу: «Соответствующим политическим выражением старого общества была корона божией милостью, опекающая бюрократия, самостоятельная армия. Соответствующей социальной основой этой старой политической власти было привилегированное дворянское землевладение с его крепостными или полукрепостными крестьянами, мелкая промышленность, патриархальная или организованная на цеховых началах, обособленные друг от друга сословия, противоположность города и деревни, и — главное — господство деревни над городом...

Корона была представительницей именно феодально-аристократического общества...»². Маркс подчеркивает здесь феодальный характер монархии, самой королевской власти в противоположность господствующему в среде буржуазных историков взгляду на монархию, как на новый, уже не феодальный этап развития общества.

¹ И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Э. Людвигом (Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, 1937, стр. 523).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 262—263.

Излагая события английской буржуазной революции XVII в., Мортон характеризует индипендентов как «наиболее демократическую и революционную часть движения» (стр. 200), левеллеров же, борющихся за углубление революции, выдвинувших ряд гораздо более демократических проектов государственного устройства Англии, изображает доктринерами, сектантами, приносившими лишь вред революции; «левеллеры вследствие своих принципов должны были отстаивать программу, для проведения которой в жизнь у них не было средств» (стр. 211). Мортон заявляет, что движение левеллеров было движением «обреченного класса... независимых фермеров, которые... на протяжении двух последующих столетий были... раздавлены ростом капиталистического сельского хозяйства» (стр. 214). Отсюда он делает вывод о том, что политика левеллеров неизбежно должна была привести к реставрации, так как она, якобы, изолировала... революционную мелкую буржуазию (стр. 211). Наконец, Мортон замечает: «Они (левеллеры), подобно якобинцам, завели революцию слишком далеко...» (стр. 214). Автор фактически осуждает плебейскую расправу над врагами народа. Требование всеобщего избирательного права (да и то неполного—с исключением слуг, наемных рабочих), выдвинутое левеллерами, по словам Мортон, является чрезмерным, заводящим революцию «слишком далеко». В этом вопросе Мортон оказался в плену у самых реакционных историков, злейших врагов всех революционных народных движений. Своим утверждением, будто якобинцы в 1793 г. «завели революцию слишком далеко», Мортон повторяет ходячее мнение реакционных историков, которые стремились опорочить всякое смелое революционное действие; оклеветать якобинцев и свалить на них вину за реакцию, наступившую после гибели якобинцев в результате контрреволюционного переворота, совершенного партией реакционной буржуазии.

В. И. Ленин ярко охарактеризовал историческое значение якобинцев: «историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени»¹.

Мортон оказывается под влиянием реакционной историографии и тогда, когда он идеализирует Кромвеля. Так, он заявляет, что обреченность движения левеллеров, отсутствие социальной базы у этого движения «является историческим оправданием... консерватизма Кромвеля» (стр. 214). Мортон противопоставляет якобы нереальной программе левеллеров «государственную мудрость» Кромвеля, о котором он с похвалой говорит: для Кромвеля «отвлеченные принципы всегда играли менее существенную роль,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 495.

чем практическая необходимость поддержания власти» (стр. 211). Эти выражения Мортон сводятся по существу к прямому восхвалению «сильной власти», удушающей народное революционное движение. Автор упускает из вида, что только борьба народных масс заставила буржуазию и верхушку армии провозгласить республику, совершив революционную расправу над королем. На этот факт неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма: «Исключительно благодаря вмешательству... йоменри и плебейского элемента городов, борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот»¹, — говорит Ф. Энгельс об английской революции. «...именно союз городского «плебса»... с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века»², отмечает В. И. Ленин.

Оказавшись в данном случае в плену реакционных взглядов; господствующих в среде английских буржуазных историков, Мортон преуменьшает значение движения крестьянской бедноты, так называемых диггеров («копателей»), отождествляет их с левеллерами, хотя принужден признать «немаловажное значение» их воззрений (диггеры выдвигали требование частичной ликвидации частной собственности на землю); он ничего не говорит о страхе, охватившем собственническую Англию, когда революция стала расширяться, о тревоге за судьбу частной собственности, толкнувшей буржуазию на путь соглашения с феодальной реакцией.

Мортон обходит полным молчанием одну из главных причин крушения английской республики—порабощение и ограбление ирландского народа английской армией и республиканским правительством в 50-е годы XVII в. Он подробно и ярко описывает зверское истребление ирландцев, раскрывает хищничество господствующих классов Англии в завоеванной Ирландии, но ничего не говорит о социальных и политических последствиях этого для самого английского народа.

Следствием порабощения Ирландии явилась потеря английским народом собственной свободы, поворот в развитии английской буржуазной революции, крушение республики. Перед походом в Ирландию демократические элементы были вычищены из армии и потеряли влияние; восторжествовали элементы захватнические, националистические, ищущие добычи и обогащения за счет побежденных. Захват земель в Ирландии привел к феодальному перерождению верхушки парламентской армии, ускорив процесс обогащения буржуазии. Теперь английская буржуазия с особенной настойчивостью ставила вопрос о подавлении революции, о создании диктатуры. Республика, установленная

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 297.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 373.

под напором народных масс, была ликвидирована, ей на смену пришел протекторат—самодержавие главы армии, завоевавшей Ирландию,—Кромвеля. Социальная метаморфоза Кромвеля характерна для всей верхушки армии: из английского землевладельца средней руки он превратился в богатейшего лендлорда. В Англии на первый план выступили крупные землевладельцы, новая земельная аристократия, лендлорды, применявшие колониально-крепостнические формы эксплуатации ограбленных, лишенных всех прав ирландцев. Ирландия стала цитаделью английского лендлордизма и реакции, были созданы предпосылки для реставрации и победы в Англии феодально-плутократического строя. Лишенные средств существования в своей стране, находящиеся на краю голодной смерти, ирландцы массами эмигрируют в Англию, берутся здесь за любую работу на любых, самых тяжелых условиях, что способствует ухудшению общих условий найма рабочей силы в Англии. Эти тяжелые последствия порабощения Ирландии для английского народа не ограничиваются только XVII веком; они сказываются вплоть до наших дней. Об этом глубоко и длительно влиянии колониального порабощения Ирландии на исторические судьбы английского народа говорят Маркс, Энгельс, Ленин. «Английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию»,—пишет Маркс в письме к Кугельману¹. «Ирландия является цитаделью английской земельной аристократии. Эксплуатация этой страны служит не только главным источником ее материальных богатств. Она составляет ее величайшую моральную силу. Английская аристократия фактически воплощает господство Англии над Ирландией. Ирландия является поэтому важнейшим средством, с помощью которого английская аристократия сохраняет свое господство в самой Англии»²,—пишет Маркс в другом месте. «Мне кажется несомненным, что дела в Англии приняли бы другой оборот, если бы не было необходимости военного господства и создания новой аристократии в Ирландии»³,—пишет Энгельс. «Несчастье для народа, если он поработил другой народ». Не освободиться рабочему классу Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета»,—пишет В. И. Ленин⁴. И далее: «Свободу этой нации связывало и уродовало то, что она угнетала другую нацию»⁵. Вместо освещения совершенно естественно возникающего вопроса о том, какие же слои английского общества извлекли выгоду из разорения Ирландии (само разорение Мортон изображает весьма ярко), кто и как обогатился за счет злодейств, совершенных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Огиз, 1940, стр. 229.

² Там же, стр. 234—235.

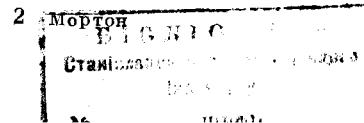
³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 240—241.

⁴ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 20, стр. 410.

⁵ Там же, т. 21, стр. 374.

в завоеванной стране, Мортон в главе X («Англия вигов») проводит апологетическое, извращающее историческую действительность объяснение страданий народных масс Ирландии и Шотландии, представляя эти страдания результатом перехода общества «одним скачком от родового строя к буржуазному», минуя феодализм (стр. 253). Это объяснение явно заимствовано у буржуазных фальсификаторов истории, которые, вопреки очевидности, хотя и представить разорение страны, подрыв ее производительных сил, упадок сельского хозяйства, вымирание населения как прогресс (!), как скачок от первобытной племенной экономики к капитализму. В действительности же этот «прогресс» выразился в том, что ирландцы были превращены в бесправных рабов английских лендлордов, началась безудержная, ничем не ограниченная эксплуатация ирландцев и шотландцев ради обогащения кучки английских лендлордов. Данные, приводимые в главе XIV книги (стр. 380), цифры, иллюстрирующие ограбление Ирландии, почерпнутые из официального отчета «Ирландской комиссии по проведению закона о бедных» 1835 г., ярко опровергают выдуманное автором утверждение. Из общей стоимости сельскохозяйственной продукции Ирландии—36 млн. ф. ст.—арендная плата (т. е. доход лендлордов) составляет 10 млн. ф. ст., налоги, десятина, барыши посредников и купцов—20 млн. ф. ст., а непосредственным производителям остается лишь 6 млн. ф. ст.! Говоря о страшном голоде, постигшем Ирландию в 1847 г., сам же Мортон отмечает, что в этом году погибло 1,5 млн. людей, но не от голода, люди эти «были убиты арендной платой и барышами» английских господ (стр. 380); в этом году в Англию было вывезено из Ирландии на 17 млн. ф. ст. пищевых продуктов.

Вопросам колониальным, помимо страниц, посвященных Ирландии, автор отводит специальную главу (глава XV «Колониальная экспансия»), в которой приводится большой фактический и цифровой материал о преступлениях английских колонизаторов: о безудержном грабеже Индии, Египта, о принудительном труде, о рабстве в африканских колониях Англии. Основным недостатком работы Мортонна в области колониального вопроса является отрыв колониальной истории от внутренней истории Англии. Здесь автор «Истории Англии» следует традиционной схеме английских буржуазных историков: отдельно излагаются события, происходящие на Британских островах, отдельно говорится о событиях в колониях, как о событиях внешних, стоящих в стороне от основного хода английской истории. На самом деле внутреннюю и внешнюю политику правящих классов Англии направляла, начиная с XVII в., одна и та же сила—погоня за колониальной добычей; грабеж колоний создавал богатства буржуазии, определял политическое влияние отдельных групп правящего класса, борьба партий также в значительной мере определялась коло-

ниальными интересами. Автор совершенно недостаточно вскрывает преступные грязные источники обогащения современных хозяев империалистической Англии, ее господствующих классов. Не раскрыты грабительские «подвиги» «героев» Ост-Индской компании, не раскрыта роль позорного промысла — работорговли, которая на протяжении 200 лет служила источником обогащения английской аристократии. В этом отношении даже некоторые буржуазные историки, как, например, американский историк Э. Вильямс в своей работе, вышедшей в 1945 г., «Капитализм и рабство» (русский перевод вышел в 1950 г.), дают более яркий материал, разоблачающий грязные источники богатства английской буржуазии. Грабеж колоний определял темпы и масштабы индустриализации страны и чрезвычайно сильно отразился на характере и истории рабочего движения в Англии. «Необходимо отметить, что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временное загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века. Ибо две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке. Маркс и Энгельс систематически, в течение ряда десятилетий, прослеживали эту связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями английского капитализма»¹. Вот этой-то непосредственной связи внутренних исторических процессов в Англии с колониальной историей, с историей Британской империи, о которой говорит В. И. Ленин, и не прослеживает Мортон.

Мортон не использовал высказывания В. И. Ленина в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», которое дает ключ к правильному освещению процессов, происходящих в английском рабочем движении: «Расхождение «вождей» и «масс» особенно резко сказалось в конце империалистической войны и после нее во всех странах. Основную причину этого явления разъясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852—1892 годах на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабочей аристократии переходили на сторону буржуазии, были—прямо или косвенно—на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями»². Этого процесса в английском рабочем движении Мортон не освещает. Он не вскрывает на конкретных исторических фактах сущность тредюнионизма, на которую многократно указывали В. И. Ленин и И. В. Сталин. «Тред-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 270.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, изд. 3, стр. 188.

юнионистская политика рабочего класса есть именно *буржуазная политика* рабочего класса»¹, — писал В. И. Ленин в «Что делать?», так как тредюнионизм отвлекает рабочий класс от общеполитической борьбы, ограничивает его борьбу экономической борьбой с хозяевами в рамках капитализма, исходит из условий существования капиталистических отношений и тем самым обрекает на вечное наемное рабство. Борьба рабочего класса направляется по линии сохранения капиталистических отношений; тредюнионизм стихийно стремится «под крылышко буржуазии»². Мортон не раскрывает на конкретных исторических фактах классовый смысл оппортунистической политики лейбористов, получившей определение в следующих словах В. И. Ленина: «Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться»³. Мортон не дает характеристики Великой Октябрьской социалистической революции как события, открывшего новую эру в истории человечества. Автор ограничивается лишь указанием на непосредственное влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в странах Запада.

Говоря о первой мировой империалистической войне, Мортон вслед за буржуазными западными историками совершенно неправильно изображает роль русского фронта. Автор недооценивает значение русского наступления в Восточной Пруссии в 1914 г., которое заставило немецкое командование снять с Западного фронта два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию (кроме того один корпус, направлявшийся на Западный фронт, был направлен на восток). В результате оттяжки крупных немецких сил на Восточный фронт был сорван пресловутый «план Шлиффена», немцы не смогли нанести молниеносного удара по Парижу, были остановлены на Марне, и весь фронт союзников был спасен от разгрома. Вслед за Восточно-Прусской операцией на русском фронте было осуществлено Галицийское наступление — главная операция в кампании 1914 г., как по количеству участвовавших войск (100 дивизий), так и по достигнутым русскими армиями успехам. Вся Галиция была очищена от австро-венгерских войск, и русские армии достигли Карпат, угрожая прорывом в Моравию, Силезию, Венгрию.

В кампании 1915 г., когда война приняла явно затяжной характер, германское командование поставило себе целью нанести решительный удар на Восточном фронте, вывести Россию из строя и таким образом ликвидировать войну на два фронта. Русские

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 396.

² В. И. Ленин, Там же, стр. 356.

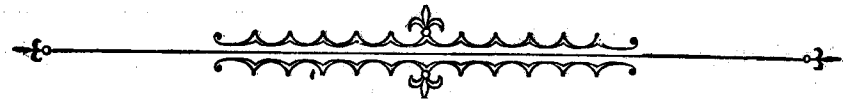
³ В. И. Ленин, Соч., т. 25, изд. 3, стр. 343—344.

армии в 1915 г. приняли на себя главный удар герmano-австрийских войск и дали союзникам целый год передышки для собиранья сил. Стратегические планы немецкого командования были сорваны русской армией, немцы были вынуждены вести войну на два фронта.

В 1916 г. на Восточном фронте было осуществлено большое наступление русских войск на Луцком направлении. В результате этой операции австро-германская армия потеряла около 2 млн. человек, громадное количество орудий и военных материалов; русские овладели территорией в 25 тыс. кв. км. Для спасения положения германскому командованию пришлось в самый острый момент Верденской операции снять с Западного фронта 11 дивизий; австрийцы сняли с итальянского фронта 6 дивизий. Натиск на Верден был ослаблен, что привело к провалу немецких планов; итальянская армия была спасена. Об этих общеизвестных фактах Мортон не говорит, уделяя все внимание операциям союзников.

Таковы главнейшие недостатки книги Мортон. Проистекают они, как уже сказано выше, из недостаточно полного овладения автором новой, революционной марксистско-ленинской методологией исторического исследования. В ряде специальных вопросов автор все еще остается на старых позициях, привычных для традиционной буржуазной английской историографии. Тем не менее, работа Мортон представляет собой серьезную попытку дать марксистский анализ истории Англии, попытку, во многих отношениях удачную и представляющую несомненный интерес для советского читателя.

А. Самойло

Глава I

ПЛЕМЕНА И ЛЕГИОНЫ

1. Иберийцы

На первых картах мира Британия изображена в виде бесформенной группы островов, находящихся на окраине мира. Однако на некоторых картах юго-западный край этой группы сближается непосредственно с севером Испании; это говорит о том, что еще намного раньше, за столетия до составления каких-либо дошедших до нас карт, Британия, по тогдашним представлениям, находилась не на краю мира, а была расположена на оживленной торговой дороге, соединявшей средиземноморскую цивилизацию с поставлявшим янтарь Севером. Именно по этому длинному морскому пути, а не через Па-де-Кале или Ламанш, цивилизация впервые достигла берегов Британии.

В Корнуэлле, в Ирландии и вдоль побережья Уэльса и Шотландии именуются памятники, оставленные иберийцами или людьми мегалитической культуры, пришедшими в Британию и населившими ее в третьем тысячелетии до н. э. Последняя группа таких памятников в Сатерленде, последнем пункте, к которому приставали корабли иберийцев до того, как они уходили по Северному морю в Скандинавию, ясно указывает направление дороги и ее назначение. В то время еще продолжалось начавшееся примерно за тысячелетие до этого оседание земли; казавшийся с виду более коротким и безопасным путь вверх по Ламаншу и вдоль европейского берега был закрыт если не полосой земли, соединявшей Британию с континентом, то проливами, которые были узки и мелководны и изменяли свою форму под влиянием быстрых волн прилива и отлива. Возможно, именно это и побудило иберийцев поселиться в Британии.

Хотя имеется мало точных сведений об иберийцах неолита, все же о них можно сделать достаточно достоверных предположений, поскольку они оставили ясные следы своего пребывания на земле. Кроме того, они стали одними из основных родоначальников современного населения Британских островов, особенно в Ирландии, Уэльсе и на западе Англии. Они селились преимущественно на меловых склонах холмов, идущих от равнины

Солсбери. Ниже гребня этих холмов проложены их дороги, такие, как дорога Икнилд и дорога Пилигрима, являющиеся древнейшими и наиболее известными в истории дорогами Англии. На склонах холмов и вдоль дорог расположены длинные курганы, крупные земляные сооружения, например те, что возвышаются над Сисбери и Доулбери¹, и круглые каменные сооружения, самое большое из которых — Эйвбери, а наиболее известное — Стонхендж. Именно на основании этих памятников и спускающихся вниз площадок, которые использовались для сельского хозяйства, мы можем строить предположения о том, что это были за люди.

Размеры и величие их памятников говорят о том, что это был многочисленный и хорошо организованный народ. Тысячи людей, повидимому, работали совместно на постройке этих огромных земляных сооружений; хорошо продуманная сеть дорог связывала между собой их селения. Например, дорога Икнилд соединяет промышленный центр Граймз Грейвз—место, где были сосредоточены крупные каменоломни в Норфолкском Брекленде, с религиозным центром Эйвбери. Спускающиеся по склонам площадки свидетельствуют об интенсивном сельском хозяйстве, главными орудиями которого были мотыга и лопата. Весь уклад иберийской цивилизации говорит о наличии некоторой специализации и о разделении труда, которые давали, например, возможность жителям Норфолка добывать и обтесывать кремль, торговля которым велась по всей стране.

Более непосредственным свидетельством о социальном строе иберийцев являются длинные могильные холмы. Эти холмы, имевшие часто более 60 м в длину, служили местом погребения и указывают на наличие резко выраженной классовой дифференциации. С одной стороны, бесспорно, должны были существовать вожди, или нобили, т. е. люди весьма знатные, поскольку потребовались такие пышные гробницы для их погребения. С другой стороны, должно было быть очень большое количество людей, чей дешевый, возможно даже и рабский, труд мог быть применен на таких работах. Если бы удалось точно установить, что огромные пирамидальные насыпи в Силбери и Марлборо служили также могильными холмами, тогда имелись бы все основания прийти к выводу о существовании чего-то близкого к королевской власти.

Наконец, имеются некоторые доказательства того, что иберийская культура носила в основном мирный характер. Во время раскопок было найдено мало предметов, которые могли бы служить

¹ Земляные сооружения в том виде, в каком они существуют теперь, были сделаны значительно позже, в железном веке, но нижний их слой часто бывает неолитического происхождения.

оружием и которые относились бы к более ранней дате, чем первое нашествие кельтов в последний период бронзового века; у нас мало также оснований для предположения, что земляные сооружения, построенные на склонах холмов, были крепостями.

Распространение определенного типа орудий и домашней утвари служит доказательством того, что иберийцы вели довольно обширную торговлю, как сухопутную, так и морскую, с Испанией и даже с другими средиземноморскими странами. Вопрос о том, были ли тогда известны какие-нибудь другие металлы, помимо золота, добывавшегося в Ирландии, не выяснен, поскольку чрезвычайно трудно провести четкое разграничение между неолитическим периодом и ранним бронзовым веком. Вскоре после 2000 г. до н. э. новый народ альпийской группы вторгся в страну, на этот раз с юго-востока и востока. По характерному для них виду гончарных изделий они получили название «народа чаш». Они бесспорно были знакомы с применением и обработкой бронзы. Новый народ был близок по культуре старым поселенцам. Вновь пришедшие распространились по восточному побережью, по Восточной Англии и вверх по долине Темзы. Иберийцы и альпийцы встретились и смешались в районе Уилтшира, являвшемся центром всей цивилизации, существовавшей в Британии до прихода кельтов. Возможно также, что именно благодаря этому смешению появился Стонхендж несколько ранее 1000 г. до н. э. В течение этого периода в Корнуэлле и Уэльсе добывались и, вероятно, вывозились в больших количествах олово, медь и свинец.

Во время раннего и среднего бронзового века цивилизация населения Британии достигла довольно высокого уровня; но она была распространена лишь в незначительной части страны. Горные районы запада и севера были, как и теперь, мало населены. Интересно отметить, что значительная часть низменности, ныне представляющая собой богатейшие площади, занятые под сельскохозяйственные культуры, была тоже неиспользованной. Эта земля была тогда покрыта дубовыми и ясеневыми лесами и густым непроходимым кустарником. Такие леса, произраставшие на сырой, глинистой почве, представляли собой непреодолимое препятствие для людей, владевших только каменными или даже бронзовыми орудиями. И действительно, эти леса оставались почти нетронутыми вплоть до римского завоевания и были расчищены только после завоевания Британии саксами. Доисторический человек селился на сухих меловых возвышенностях не потому, что они были наиболее богатыми, но потому, что это были наилучшие места из тех, которые он мог освоить с помощью имевшихся в его распоряжении орудий. Только с появлением сыгравшего колоссальную роль железного топора были завоеваны более богатые, но зато и более лесистые низины.

2. Кельтские племена

Вскоре после 700 г. до н. э. в Британию вторглась первая волна кельтских завоевателей, возможно с верховьев Рейна. Их движение началось во втором тысячелетии до нашей эры, когда варварские племена научились у средиземноморских народов пользоваться бронзой и применили свои знания для изготовления оружия, намного более совершенного, чем оружие их учителей. В Британии наиболее характерным является появление листообразного меча, который вытеснил менее удобные ножи и кинжалы раннего и среднего бронзового века.

Кельты распространились вплоть до Испании и Малой Азии. Примерно в 390 г. до н. э. кельтские племена разграбили Рим и создали королевство на плодородной Ломбардской равнине. О характере этих нашествий можно судить по описанию Цезарем его войны с геллветами, пытавшимися пройти через Галлию, чтобы избежать нападений со стороны германских племен из-за Рейна. Это были передвижения крупных племен, состоявших из независимых воинов, руководимых племенными вождями, и большого количества сопровождавших их женщин и детей. Это скорее было переселение народов, чем набеги военных отрядов, и конечной целью их был не столько грабеж, сколько желание завоевать новые места и осесть на них.

Первыми кельтскими завоевателями Британии были гойделы, или геллы. Примерно через два столетия после них пришли бритты—ветвь кельтов, которая научилась применять железо и изгнала своих родичей, пользовавшихся бронзой, с юга и востока в Уэльс, Шотландию, Ирландию и в холмистые области Пеннина и Девона. Третья волна завоевателей—белги из северной Галлии, среди которых было, вероятно, большое количество тевтонов; они пришли около 100 г. до н. э. и заняли большую часть пространства, теперь известного как внутренние графства.

Смещение кельтских завоевателей с их иберийскими предшественниками в различных частях страны носило разный характер. В то время как запад носил главным образом иберийский характер, кельты сумели распространить свою племенную организацию, правда до некоторой степени измененную фактом завоевания, на все Британские острова.

В связи с этим необходимо остановиться на главных чертах этого уклада, поскольку мы сможем лучше понять все следующее тысячелетие, если будем рассматривать его как распад родового общества, закончившийся заменой его феодализмом. С этой точки зрения римское завоевание должно было бы рассматриваться как перерыв этого процесса, если бы не тот факт, что оно ослабило кельтский родовой строй. Это особенно относится к тем частям

страны, которые первыми подвергались набегам каждого из последующих завоевателей.

Структура племенного общества уходит корнями в период даже более ранний, чем тот, который мы рассматриваем. На протяжении большей части каменного века—большого периода, начинающегося с появления самого человека,—общественное производство основывалось на первобытном коммунизме. Все убитые животные, пойманная рыба и всякая другая пища—все это добывалось совместно и совместно же потреблялось. Общественной группой, совместно занимавшейся всеми видами труда, была особая родственная группа. Во времена иберийцев основной родовой группой была, повидимому, родственная группа, объединявшая потомков общих прапрадедов. Размеры поселений, обнаруженных во время раскопок на юге и юго-западе Англии, которые относятся к этому периоду, подтверждают это предположение.

Это раннее общество, однако, представляло собой не просто ряд мелких родственных групп без экономических и общественных связей друг с другом. В действительности существовали очень тесные отношения, которые соединяли их в более многочисленные группы, называемые родами и племенами. Первой формой сотрудничества был обмен товаров, прежде всего пищи. По аналогии с австралийскими общественными группами наших дней можно предположить, что этот обмен базировался на примитивном разделении труда, дававшем возможность определенным группам специализироваться на определенных видах охоты. Другой чрезвычайно важной формой связи между родовыми группами являлись брачные отношения. Для родовой группы считалось нормальным явлением находить себе мужей или жен вне своей группы, а чаще всего в таких группах, с которыми они были связаны уже упомянутым обменом пищи.

Род был группой огромного общественного значения. Человек, стоявший вне ее, был подобен рыбе, вынутой из воды, он был беспомощен и обречен на гибель. Род не только представлял собой единственно возможную основу экономической жизни человека, но он защищал его от всех превратностей сурового примитивного существования того времени. Если человек убивал или ранил человека из другого рода, его собственный род или выплачивал компенсацию (по-английски «вергельд», по-валлийски «галанас»), или поддерживал его в родовой вражде, если пострадавший род отказывался от компенсации. Если человек убивал кого-либо из своего собственного рода, он объявлялся вне закона. Род играл важную роль в течение очень длительного периода времени. Например, в Англии род продолжал существовать как организация, сохранявшая значительные жизненные силы, еще накануне норманского завоевания. В Уэльсе, Шотландии и

Ирландии род потерял свое значение только сравнительно недавно.

Многие другие институты родового общества, подобно роду, сохранились очень надолго; они существовали еще много позже того периода, когда основной формой экономической организации и социальных отношений вместо первобытного коммунизма стали рабство или феодализм. Деревенские общины, окончательно уничтоженные только капиталистическим промышленным переворотом, являются во многих отношениях представителями того же первобытного коммунизма, который существовал за много столетий до этого. Ограничения в отношении свободного распоряжения земельной собственностью, нашедшие отражение в различных законах о наследовании, по существу сохранились еще от родового строя. Многие права средневековых английских королей произошли не из их положения вождей феодальных баронов, но из прежнего их положения предводителей племени во время войн. Геральдика является остатком тотемизма племенного общества. Наиболее жизненные элементы европейской литературы средневековья были взяты из греческих, германских и кельтских саг и эпоса родового общества.

Основой кельтского племени были родовые группы, которые, в свою очередь, объединялись, образуя большие группы, также связанные подлинным или предполагаемым родством; из них уже создавались племена и народ. Но основой экономической жизни кельтов все же являлась родовая группа. Кельты занимались сельским хозяйством и первые в Британии ввели в пользование плуг. Кельтский плуг был небольшим и легким, так что поля приходилось пропахивать дважды, второй раз — поперек полевых борозд. Этим и объясняется, что кельтские поля имели квадратную форму, в то время как позже, при введении тяжелых плугов, поля уже приняли вид полос. Участок («гвели») кельтской родовой группы являлся общей собственностью всей группы и делился среди взрослых мужчин, каждый из которых участвовал в общественной вспашке и уборке урожая¹. Очень знаменателен тот факт, что хотя участок («гвели») мог почти до бесконечности делиться, все же он оставался собственностью всей группы и тщательно сохранялся в качестве экономической единицы. Наряду с этим, когда группа становилась слишком многочисленной, часть ее обычно откалывалась и селилась на новом участке где-либо в другом месте. Это не представляло трудностей,

¹ Такие термины, как «гвели» и «галанас» (стр. 25), или английский термин «вергельд» (стр. 25), взяты из писанных валлийских и англо-саксонских законов; следовательно, они относятся к периоду, намного более позднему, чем доисторическое родовое общество, о котором мы можем судить только на основании заключений, выведенных из данных языка и археологии.

так как земли хватало на всех, хотя, правда, *расчищенной* земли могло быть мало.

Способ обработки земли у кельтов был довольно примитивен, они часто только царапали поверхность почвы. Однако их успехи в использовании металлов и техническое усовершенствование плуга давали им возможность осваивать новые места. К самому концу кельтского периода белги ввели усовершенствование, которое произвело подлинную революцию, — тяжелый плуг, в который впрягали по четыре или даже восемь волов. Хотя дубовые леса, росшие на сырой почве, оставались еще не расчищенными, все же именно во время этого периода началось движение вниз к долинам, которые начали заселяться; в Солсбери, Даунз и Норфолкском Брекленде почти исчезло население, и эти местности превратились в пастбища для овец.

Родовое общество кельтов вступило в полосу социального расслоения, расслоение это у них не было ярко выражено и не имело решающего значения. Различие между вождем и свободным членом племени было скорее количественным, чем качественным, социальные же различия, повидимому, являлись прежде всего результатом покорения местного населения. Эти различия, по всей вероятности, принимали форму рабства лишь при исключительных обстоятельствах. Техника производства была все еще настолько примитивна, что исключала экономическую возможность рабства. Валлийские законы наводят нас на мысль о том, что как в свободных, так и в зависимых деревушках бок о бок жили два народа. Местное население зависимых гвели, повидимому, эксплуатировалось не массой свободных земледельцев, но непосредственно вождями и землевладельцами, появившимися после того, как произошла колонизация. Возможность для них эксплуатировать труд этой большой группы полурабов, бесспорно, положила начало укреплению власти вождей и стала все более резко отделять их от общей массы рядовых членов племени.

Появление белгов кладет начало новой стадии развития кельтской Британии. Белги более усиленно, чем гойделы и бритты, занимались земледелием, и юго-восток Британии скоро стал, по определению Цезаря, житницей страны. Одновременно начали возникать города, как, например, Верулярий (Сент-Олбанс) и Камулудун (Колчестер). Хотя эти города, по существу, и представляли собой только крупные, укрепленные частоколом деревни, они являлись разительным контрастом неогороженным деревушкам и отдельным усадьбам времен более ранних пришельцев. Белги поддерживали тесную связь с Галлией, и постепенно развивалась регулярная, хотя и не обширная, торговля. Наряду с этим появились первые местные деньги в форме монет. Бритты еще пользовались в качестве денег железными брусьями, по внешнему виду напоминавшими незаконченные отделкой мечи. Но в этот

период уже начали чеканить золотые монеты, по образцу македонских статеров, привозимых купцами с континента. Интересно отметить, что с каждой новой чеканкой эти монеты становились все более грубыми, но следует отметить и тот факт, что в Англии в период от окончания римского завоевания до царствования Эдуарда III золотые монеты совершенно не чеканились. С ростом сельского хозяйства, торговли и городов могущественные вожди стали претендовать на королевскую власть над большими областями; так, например, во время нашествия Цезаря в 53 г. до н. э. вся юго-восточная Британия считалась подчиненной некоему Кассивелавну. Столицей его, вероятно, был Камулодун.

3. Римская Британия

Британия привлекла внимание римлян прежде всего вследствие ее тесной связи с Галлией. Покорив Галлию, Цезарь скоро услышал о жемчуге и зерне, которыми, по слухам, была богата Британия. В то же время экспорт олова из Корнуэлла, начавшийся, повидимому, уже за 2 тыс. лет до н. э., все еще продолжался. Однако нашествия Цезаря были продиктованы скорее стратегическими, чем экономическими соображениями. Британия служила центром, поддерживавшим галльское сопротивление римскому владычеству. Британские войны переправлялись через Ламанш, чтобы помочь своим галльским сородичам, и галльские мятежники находили убежище и поддержку у британских племен. Нет оснований предполагать, чтобы в тот период римляне стремились завоевать Британию, но им необходимо было организовать карательную экспедицию, чтобы они могли считать захват Галлии окончательным.

Римский империализм, основанный на хищнической эксплуатации провинций, нуждался в непрерывном продвижении вперед для предотвращения упадка центральных областей, становившихся все более паразитическими. В 55 г. до н. э. Галлия была только что завоевана, римские купцы и ростовщики еще только приступили к ее освоению и разграблению. Лишь по прошествии почти целого столетия Рим смог начать освоение новой провинции — Британии. Позднее мы увидим, что именно неспособность продолжать процесс поглощения вследствие возраставшего сопротивления и привела к упадку Римской империи¹.

¹ Упадок Римской империи был прежде всего следствием революции рабов внутри империи, которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 412). Сама невозможность вести дальнейшие завоевания объясняется именно ростом революционного движения эксплуатируемых масс, а вовсе не чисто военными причинами. — *Прим. ред.*

Во всяком случае, два нашествия Цезаря были не более чем крупной разведкой. Первое нашествие было осуществлено летом 55 г. до н. э. силами двух легионов и отряда кавалерии, что составляло всего примерно 10 тыс. человек. Нападающие добились некоторых успехов, но им было оказано сильное сопротивление, и на следующий год выступила армия, насчитывавшая уже приблизительно 25 тыс. человек. Ей удалось перейти Темзу, и столица Кассивелавна была взята штурмом. Затем Цезарь уехал, взяв заложников и заручившись обещанием о выплате ему дани. Нет никаких данных, свидетельствующих, что это обещание когда-либо было выполнено.

За девяносто лет, в период между этими набегами и нашествием в 43 г. н. э., когда началось фактическое завоевание Британии, произошло много изменений. Раскопки показывают, что в течение этого периода происходило усиленное экономическое развитие юго-восточной Британии. Торговля приняла крупные размеры, зерно и шкуры животных обменивались на глиняную посуду и различные предметы роскоши. Много торговцев и колонистов селилось в городах; в связи с этим города настолько разрослись, что в 50 г. н. э., только через семь лет после нашествия Клавдия, Веруламей получил права римского муниципия с гражданским самоуправлением и правами римского гражданства для его жителей. Высшие классы Британии начали подражать римским обычаям и даже строить грубые подобию римских каменных вилл.

Один римский историк подсчитал, возможно с некоторым преувеличением, что когда Боадицея подняла на восстание¹ именов в 60 г. н. э. и разрушила Веруламей, Камулодун и Лондиний (Лондон), в этих трех городах погибло 70 тыс. человек. Несомненно, что легкость, с какой была завоевана страна, объясняется главным образом экономическим развитием, имевшим место в предыдущем веке, и разложением вследствие этого кельтской родовой организации.

Римское владычество в Британии, продолжавшееся почти 400 лет, ставит перед историками две важные и тесно связанные между собой проблемы: Насколько глубок был процесс романизации? Насколько длительны были его результаты?

Римская Британия разделялась на две части: гражданский, или равнинный, район и горный, или военный, район. Уэльс и вся площадь к северу и западу от района Пик вплоть до Римского вала, который шел от устья реки Тайн до Карлайла, представляли собой военный район. Оккупация района севернее Римского вала бывала только случайной и кратковременной. Характер

¹ Это восстание явилось наиболее серьезным актом сопротивления, оказанным римлянам в Южной Британии.

же оккупации военных районов не вызывает никаких сомнений. Сеть дорог, заполненных военными фортами, покрывала всю площадь. Севернее Йорка и западнее Честера и Карлеона совершенно отсутствовали крупные гражданские города. Здесь были расположены три легиона: один в Йорке, один в Честере и один в Карлеоне. Римский вал охранялся сильным гарнизоном вспомогательных войск. Во всей провинции содержался постоянный гарнизон, численностью примерно в 40 тыс. человек.

На местное население военных районов оккупация почти не оказала влияния, за исключением, может быть, населения, жившего вдоль Римского вала и вокруг главных стоянок войск. Население это часто восставало вплоть до 200 г. н. э. Нет оснований предполагать серьезное воздействие извне на экономическую и родовую организацию местного населения, поскольку из ранних валлийских законов мы видим, что даже несколькими столетиями позже она оставалась нетронутой. Весь этот район был беден, суров по климату и холмист; ничто в нем не могло привлечь жадности завоевателей, за исключением некоторых минералов, добывавшихся в Уэльсе.

В гражданских районах положение было другим. Британия очень ценилась как житница зерна, и ежегодно груженные корабли уходили в Галлию приблизительно вплоть до 360 г. н. э., когда внезапное прекращение этих рейсов явилось одним из наиболее зловещих признаков упадка римского могущества.

Десятки городов выросли вдоль римских дорог. Пять из них были муниципиями: Веруламий, Камулудун, Эбурак (Йорк), Линкольн и Глостер. Лондон, который по какой-то непонятной причине никогда не получал статуса муниципия, был больше любого из вышеуказанных городов, он стал наиболее важным торговым центром в Северной Европе. Между городами расположились виллы римских или британских магнатов. Эти виллы были не только местом приятного времяпрепровождения, но и центрами поместий. Британские высшие классы оказались полностью романизированными и из кельтских вождей племен превратились в римских землевладельцев и чиновников.

Все вышеизложенное известно нам хорошо; но остается невыясненным, в какой степени римские обычаи, латинский язык и римский способ производства оказали влияние на население вне городов. Основой римского сельского хозяйства являлись крупные поместья, обрабатывавшиеся главным образом полурабам—колонами,—которым разрешалось возделывать для себя клочки земли, за что они должны были уплачивать фиксированную ренту или выполнять барщинные работы. Эта система получила широкое распространение в конце Римской империи, когда уменьшение населения и невозможность найти новые источники для пополнения рабов чрезвычайно обострили вопрос о рабочей

силе. Почти несомненно, что эта система также широко применялась и в Британии и существовала наряду с кельтской родовой организацией сельского хозяйства даже в наиболее заселенных районах.

В период римского владычества были расчищены большие лесные массивы. Вдоль рек и дорог и по краям лесного пояса вырубались просеки; спрос на топливо для искусно сделанного центрального отопления на виллах играл, должно быть, важную роль в этом процессе. Мы должны придти к заключению, что энергия и методичность римлян в корне изменили весь уклад гражданских районов и что жизнь всего населения стала строиться по римскому образцу. Не имеется никаких данных, свидетельствующих, чтобы в тот период люди считали себя бриттами, а не обитателями римских провинций¹.

И все же влияние римского владычества оказалось удивительно нестойким. Сохранились дороги. Города сохранились, но опустели, и нет данных о том, что после англо-саксонских набегов в каком-нибудь из римских городов постоянно сохранялось население. Вполне вероятно, что экономическая структура виллы в какой-то мере послужила образцом при организации английского города и феодального манора. И, наконец, христианство, занесенное легионерами, оставалось религией, исповедуемой в тех частях Британии, которые не подвергались англо-саксонскому завоеванию; отсюда христианство проникло в Ирландию², где оно приобрело любопытный родовой характер, и, наконец, наложило сильный отпечаток на формирование культуры королевства англов — Нортумбрии.

4. Падение римского владычества

Крушение Римской империи было вызвано особым переплетением внутренних и внешних причин, причем первые коренились иногда очень глубоко и влияние их сказывалось очень медленно. Даже в период наибольшего расцвета своего могущества империя страдала серьезными недугами. Когда средства, которые облегчали эти недуги, нельзя было больше применять, начался глубокий процесс разложения империи.

Вначале Италия была страной мелких земледельцев-крестьян, и города ее были только торговыми центрами, обеспечивающими

¹ Завоеванное население Британии вовсе не так легко примирилось с римским владычеством. Это ошибочное мнение, распространяемое буржуазными историками, основано на том, что наибольшее количество данных о римской Британии исходит из городов, и данные эти относятся к жизни романизированной верхушки британского общества.—Прим. ред.

² Независимая группа миссионеров прибыла в Ирландию также из Испании, возможно, еще ранее.

их нужды. Со времени войн, происходивших между Римом и Карфагеном (264 — 200 гг. до н. э.), крестьянские участки были уничтожены и заменены огромными поместьями, на которых работали отряды рабов. Итальянского крестьянина согнали с земли, точно так же как это сделали с английским крестьянином в XVI — XVIII вв. Но в то время как в Англии уничтожение крестьянского сельского хозяйства сопровождалось ростом капиталистической промышленности в городах, в Италии этого не произошло. Промышленность осталась на низком уровне развития, и в ней применялся почти исключительно труд рабов. Результатом этого явилось быстрое развитие купеческого и ростовщического капитала без соответствующей промышленной базы. В связи с этим, особенно в самом Риме, возник паразитический пролетариат, обладающий гражданскими правами, но лишенный обеспеченных средств существования. Поголовное разращение этой толпы купцами и откупщиками, сменившими старую аристократию к концу республики, потребовало непрерывной экспансии для захвата новых провинций, ограбление которых только и могло дать средства к существованию как этого пролетариата, так и имущих классов.

Эти провинции нужны были также для пополнения армии рабов, являвшейся основой всей римской экономики. Производительность труда рабов всегда очень низка, и римская армия рабов никогда не могла обеспечить свое воспроизводство, что приводило к постоянно возобновляющемуся обезлюдению как провинций, так и центра. Когда завоевания достигли таких размеров, что стало уже невозможным, с военной точки зрения, удерживать и осваивать новые территории, упадок был неизбежен; правда, этот упадок в течение некоторого времени маскировался усовершенствованными методами эксплуатации, например заменой рабского труда более раннего периода своего рода крепостным трудом. Политическая организация, носившая форму военной диктатуры, увеличивала слабость империи, так как соперничавшие провинциальные полководцы постоянно враждовали между собой, пытаясь использовать свои легионы для того, чтобы добиться императорской короны. Британия, отдаленная от центра и изолированная провинция, особенно страдала от этой борьбы, так как из нее периодически выкачивалась живая сила для поддержки таких авантюристов, как Максим (383) и Константин (407).

В течение долгого времени империя продолжала существовать скорее в связи с отсутствием какой-либо внешней силы, достаточно мощной для нападения, чем благодаря своей собственной силе. В IV в. целый ряд переселений народов на запад через степи Азии и Европы привел в движение также и германские племена, ближе всего живущие к римским границам. Вся последовательность событий остается невыясненной, но, в основном, мы можем проследить переселение на запад из Средней Азии монгольского

племени—гуннов. Сначала приход германских племен в империю, где они поглощались и частично романизировались, не только разрешался, но даже поощрялся. Постепенно же, по мере увеличения затруднений, власть центрального правительства над отдаленными провинциями ослабевала. Одна за другой они подвергались набегам варварских племен, организовывавших разнообразные независимые королевства; одни были в значительной степени римскими по культуре и языку, а другие были почти целиком варварскими.

Британия, как одна из наиболее отдаленных и наименее защищенных провинций, отпала одной из первых и почти совершенно потеряла свой римский облик.

Первые нападения последовали не со стороны германских племен через Северное море, а со стороны непокоренных кельтов—гойделов Шотландии и Ирландии. Это само по себе явилось признаком упадка Римской империи, поскольку такие нападения раньше отбивались без особого труда. После периода мира 250—350 гг. был произведен ряд набегов на Британию вплоть до стен Лондона. Виллы были сожжены и разграблены, и примерно после 360 г. они уже редко отстраивались вновь. Города, обнесенные стенами, держались дольше, но все же, например в Силчестере, монет периода после 420 г. не удалось найти. Но зато на форуме там был найден неотесанный камень с огамической надписью¹; это доказывает, что племенная организация кельтов вновь утверждала свои права еще до нашествия англо-саксов.

Даже после первых вторжений римляне смогли частично оправиться, но в 407 г. долгий период римской оккупации закончился двумя событиями. Первым был уход Константина, который с основными войсками находился в Британии, а теперь решил попытаться захватить императорский престол. Вторым был переход через Рейн в Галлию большого числа германцев, которые отрезали Британию от римского мира и помешали возвращению или замене отошедших легионов.

Принято говорить, что 407 г. отмечает «уход римлян», и в некотором смысле это правильно. Но все же у римлян не было никакого заранее обдуманного плана ухода из Британии. Константин только намеревался прибавить новые провинции к той, которой уже владел, и тот факт, что его легионам не удалось вернуться, можно рассматривать почти как случайность. Однако именно в этот период прекратилось регулярное прибытие новых имперских правителей и чиновников. Жителям южной и восточной Британии, у которых была уничтожена родовая организация и новая цивилизация которых была уже серьезно ослаблена, предстояло самим обеспечить себе управление и способ защиты

¹ Огамическое письмо—древнекельтское письмо.—Прим. ред.

от их соплеменников, населявших более отдаленные части островов и никогда не бывших покоренными.

Когда около 450 г. появился новый враг—англы и саксы, племена с германского побережья, уже внушавшие страх дерзкими набегами и намеревавшиеся завоевать страну и поселиться в ней,—многое из того, что было сделано римлянами, уже было уничтожено. Богатейшая и наиболее культурная часть острова, на которой англо-саксы высаживались, была разорена еще до их прихода. Централизованное управление исчезло; его сменили слабые мелкие княжества, находившиеся под властью местных землевладельцев или магнатов, возглавлявших вооруженные отряды. Эти отряды были почти столь же опасны для своего народа, как и враги, охраной от которых они должны были служить. В значительной степени именно по этой причине следы римского господства в Британии так незначительны, а англо-саксонское завоевание оказалось таким полным.)

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА

1. Англо-саксонское¹ нашествие

Нам неизвестно почти ничего о периоде с 407 г., когда Константин увел из Британии легионы, до 597 г., когда в Кенте высадился Августин, принесший с собой христианство и способствовавший возобновлению связи Британии с Европой. От того времени до нас не дошло никаких письменных памятников, кроме печального рассуждения монаха Гильдаса «о гибели Британии», написанного в 560 г. и имеющего очень слабое отношение к истории. Предания же самих завоевателей, записанные гораздо позднее Бедой Достопочтенным (около 731 г.), а также в англо-саксонской хронике (начатой незадолго до 900 г.), отрывочны, сбивчивы и противоречивы. Даже свидетельств археологии у нас мало: низкий уровень культуры завоевателей не дает возможности обнаружить какие-либо следы их ранних становищ, за исключением скудного содержимого их погребений. Однако именно на основании этих свидетельств, дополненных письменными памятниками и критически использованными данными исторической географии, мы должны воссоздать в общих чертах ход и характер нашествий.

Завоеватели в их основной массе были выходцами из наиболее отсталых и неразвитых германских племен, обитавших в районе устья Эльбы и на юге Дании. Эти племена—англы и саксы—были очень схожи между собой по языку и обычаям, так что едва ли даже можно говорить о том, что между ними существовали действительные различия. Третья группа завоевателей (завоевателей этой группы обычно называют ютами) представляла, по всей вероятности, какое-то франкское племя с низовьев Рейна. Именно среди этих племен в последние дни своей империи римляне обычно набирали вспомогательные войска, и места погребений в Кенте, а также на о-ве Уайт, где селились юты, свидетельствуют о том, что это были люди, достигшие по сравнению с остальной массой завоевателей более высокой степени культуры, что заставляет предположить наличие контакта—впрочем, не непосредственного—с рим-

¹ Автор употребляет здесь термин «английское». На деле англы были только одним из германских племен, участвовавших во вторжении. Саксы играли не менее важную роль.—Прим. ред.

ской цивилизацией. Таким образом есть все основания согласиться с мнением, что юты вступили в страну в качестве союзников, приглашенных британским военным вождем, и впоследствии вытеснили своих хозяев. Слабые следы преемственности от римских поселений и римских методов ведения сельского хозяйства можно обнаружить только в Кенте.

Вообще общественная организация завоевателей была все еще родовой, сходной с организацией кельтов, описанной в первой главе. Завоеватели—будет вполне уместным называть всех завоевателей в целом англичанами, хотя, разумеется, слово это вошло в употребление только спустя несколько веков¹—были скорее земледельческим, чем скотоводческим народом, и еще до вступления в Британию в их родовой организации начался процесс быстрого разложения. По Европе в это время мощными волнами проходило переселение народов, которое разбрасывало и перемешивало между собой родственные поселения. К IV в. в Германии уже утвердилось королевская власть. Выделялся также класс профессиональных воинов, отличных от крестьян и возвышающихся над ними. Крестьяне же могли заниматься только земледелием, пока им позволяла это делать мирная обстановка. Родственные группы постепенно теряли свое значение, с одной стороны, вследствие роста значения военной дружины, группирующейся вокруг вождя и связанной с ним личными отношениями, а с другой—вследствие роста чисто территориальной единицы—деревни.

Темпы разложения необычайно усиливались самими вторжениями. Первые набеги на берега Британии совершались, вероятно, небольшими военными отрядами и, повидимому, способствовали росту богатства и престижа прослойки воинов по сравнению с земледельцами, не покидавшими пределы родных земель. В V в. набеги сменились чем-то похожим на переселение целых народов. Хотя в отдельных случаях на побережье и могли возникать самостоятельные мелкие селения, теперь все же принято думать, что основное вторжение произвели одно или два больших войска, подобно войску датчан, которые чуть не покорили полностью Англию в 871 г. В такое войско, помимо воинов-профессионалов, могли входить и земледельцы; возможно, с ними прибывало и значительное число женщин и детей, как это нередко бывало в войсках датчан. И за войском, вероятно, также двигались земледельцы со своими семьями, но, во всяком случае, боевое ядро вторжения составляли воины, хорошо вооруженные и специально обученные.

Разнообразный характер поселений, возникших в результате нашествия, отражает смешанный и неустойчивый состав войска.

¹ Современные англичане происходят от смешения целого ряда народов, так что говорить об англо-саксонских завоевателях, как «англичанах», нельзя.—Прим. ред.

В одном месте могла осесть родовая группа, делившая землю на основе грубо уравнительного распределения. В другом месте селился какой-нибудь военный предводитель с группой зависящих от него лиц, в третьем, быть может, оставалась горстка уцелевших бриттов, обращенных в рабов (нередко в живых оставался как раз тот, кто еще до нашествия был рабом). Главным результатом нашествия со всеми сопровождавшими его переселениями и бесконечными военными набегами было то, что оно в бесчисленных по своему разнообразию комбинациях перемешало победителей и побежденных, усилило военную организацию, соответственно ослабив родовую. Эти же факторы заметно подняли власть королей; к концу этого периода короли выступают с претензией, сначала робкой и сильно ограниченной народным правом, на то, что они являются единственными и верховными собственниками земли.

Подробности вторжения безнадежно утрачены для нас, однако его общие черты можно установить; можно даже дать несколько приблизительных дат, относящихся к этому периоду. О ютах мы уже упоминали выше. Общепринятая и, повидимому, верная дата их вторжения—около 450 г. Об англах нет достоверных сведений вплоть до конца V в., когда они уже овладели северо-восточным побережьем и большей частью центральных графств. Можно предположить, что местом их высадки было устье Хамбера, а реки Трент и Уз послужили им дорогой в глубь острова.

В какой-то момент между двумя этими датами в страну через Уош проникли отряды саксов. На своих длинных плоскодонных лодках они поднялись по реке Большой Уз, прошли Страну болот и высадились неподалеку от Кембриджа. Оттуда они двинулись на юго-запад по дороге Икнилд и хлынули в восточные районы центральных графств и в долину Темзы. Словами, полными ужаса, описывает Гильдас последовавшее за этим опустошение. В течение ряда лет страна подвергалась страшному разорению. Все, что еще сохранилось от римской культуры, было стерто с лица земли, а бритты уничтожены, поработены или оттеснены на запад¹.

Приблизительно к 500 г. наступило затишье, вероятно в момент, когда земледельцы начали делить земли, а войну предоставили профессионалам-воинам. Гильдас говорит о некоем Амбросии Аврелиане—одном из немногих известных в эту чрезвычайно темную эпоху лиц, который, как можно со значительной степенью вероятности предположить, действительно существовал,—собравшем рассеянных по стране бриттов и одержавшем ряд побед над врагами.

¹ Несмотря на поражение, понесенное бриттами в борьбе с англо-саксами, они не утратили своего влияния на дальнейшую историю страны. В англо-саксонских законах мы встречаем упоминания о существовании наряду с англо-саксонской знатью и бриттской знати, купившей свои привилегии ценой измены народу. Однако и рядовые бритты своей борьбой сумели добиться некоторого улучшения своего положения.—Прим. ред.

Последнюю из этих побед, у горы Бедон, Гильдас относит к году своего собственного рождения—вероятно около 516 г. В этот же период или немного позднее произошло массовое переселение бриттов в Арморикю в таких масштабах, что оно дало стране ее теперешнее название Бретань и кельтский характер, который она сохраняет и поныне.

Позднее, в VI в., наступление англо-саксов началось снова. Победа у Деорхема в Глостершире привела саксов к Бристольскому каналу. Битва у Честера в 613 г. открыла мерсийцам путь к Ирландскому морю. Бритты были теперь разрезаны на три группы и оттеснены в горные районы Девона и Корнуэлла (западный Уэльс), собственно Уэльс и Камберленд (Стратклайд). Покорение их в этих областях было лишь вопросом времени, хотя в Уэльсе они держались вплоть до середины средних веков.

К этому времени англичане образовали несколько мелких королевств, их границы непрерывно то расширялись, то отступали, в зависимости от исхода бесконечных войн. Ведению этих войн, а также, разумеется, и самому вторжению сильно помогала сохранившаяся сеть римских дорог. Некоторые из этих королевств и поныне хранят память о себе в названиях современных английских графств, другие исчезли бесследно, и едва ли можно восстановить даже их имена. К концу VI в. образовалось семь крупных королевств. На севере от Форты до Хамбера протянулась Нортумбрия. Две ее части, Дейра, соответствующая Йоркширу, и Берниция, лежащая между Тисом и Фортон, временами появляются в качестве самостоятельных королевств. Восточная Англия находилась на месте Норфолка, Суффолка и части Кембриджшира. Эссекс, Кент и Суссекс приблизительно соответствуют современным графствам тех же названий, Уэссекс лежал к югу от Темзы и к западу от Суссекса, его западная граница постепенно отодвигалась к Сомерсету. Мерсия занимала большую часть центральных графств, причем между нею и Уэссексом в течение долгого времени шел спор из-за района Котсуолд.

Вопрос об отношении англо-саксов к покоренному населению острова издавна был у историков излюбленной темой полемики. Одни утверждали, что бритты были почти полностью истреблены, другие же считали, что небольшое количество завоевателей англичан поселилось среди массы покоренного населения. Окончательное мнение по этому поводу пока еще не установлено, но можно указать на некоторые факты, освещающие этот вопрос.

Во-первых, катастрофически снизилась общая численность населения. Почти все города были разрушены и надолго остались необитаемыми. Некоторое исключение, быть может, составляет только Лондон. Хотя у нас и нет прямых свидетельств о том, что он был все время населен, но уже само положение узлового пункта в системе дорог неизбежно отводило ему роль торгового центра

висть победителей и побежденных, чтобы между ними могли существовать нормальные взаимоотношения. Валлийцы же смотрели на англичан как на кару господню, ниспосланную им за грехи. Христианство проникло в Англию из Рима и немного позднее из Ирландии, через Иону. Седьмое столетие целиком заполнено процессом христианизации—столкновениями соперничающих сект и заключительным триумфом римской католической церкви.

Августин, высадившийся в Кенте в 597 г., был послан папой Григорием Великим, при котором происходит заметное оживление религиозной деятельности, сопровождавшееся широким развитием миссионерства. Король Кента Этельберт был женат на христианке и был почти готов к принятию крещения. За обращением Кента последовало обращение Эссекса и Восточной Англии. В 625 г. Эдвин, король Нортумбрии, женился на родственнице кентского королевского дома, вместе с которой на север отправился и Павлин—первый епископ Йорка. Летопись отмечает еще ряд столь же быстрых обращений в христианство; так, после принятия крещения Эдвином Павлин 25 дней кряду крестил новообращенных в реке Глен. Такие же массовые крещения производились затем в реках Суэйл и Трент.

Новая религия одержала громкую, но непрочную победу. Она не проникла глубоко в массы, и, когда в 633 г. в битве при Хитфилде Эдвин был побежден и убит королем Мерсии Пендой, дехристианизация Нортумбрии совершилась еще стремительнее, чем ее обращение в христианство. Решения по вопросам религии попрежнему принимали короли, исходя из политических соображений или из убеждений, а народные массы следовали их решениям.

В следующем году в Нортумбрии короновался новый король Освальд. Он воспитывался у ирландских монахов Ионы, с ним прибыл Айдан, который основал затем в Линдисфарне большой монастырь, ставший подлинной колыбелью христианской религии в Северной Англии, и начал новое обращение в христианскую веру жителей Нортумбрии. Кельтский тип христианской церкви с его простым благочестием и отсутствием централизации был гораздо ближе суровому сердцу северного земледельца-солдата. Один нортумбрийский поэт, живший в следующем столетии, так писал о Христе:

«Молодой герой,
Всемогущий бог,
Силен и храбр».

Раннее христианство Нортумбрии было неповторимым слиянием героического язычества прошлого с более мягкой, но все же героической верой ирландских христиан. В результате отношение к этой религии было совершенно иное, чем к исходившей от Рима

религии дисциплины и страха, продолжавшей постепенно подчинять себе юг Англии¹. Когда Освальд в 642 г. был побежден и убит королем Пендой, в Нортумбрии продолжало сохраняться христианство, а через 20 лет христианизировалась и Мерсия. Тем временем новая вера постепенно проникла и в Уэссекс, и только Суссекс, отделенный болотами Ромни и обширными лесами Андресвелльд, попрежнему оставался языческим.

В 664 г. римские и кельтские христиане встретились в Уитби, чтобы согласовать расхождения по ряду вопросов. За внешне незначительными предметами споров, вроде установления даты празднования Пасхи и точной формы священнической тонзуры, скрывались гораздо более серьезные разногласия. Характер кельтского христианства, развившегося в непокоренной Ирландии, складывался применительно к родовому укладу жизни. Устройство церкви приняло здесь форму монастырей, каждый из которых представлял собой не более, чем группу отшельников, обитающих в убогих хижинах. Земли у них было немного, да и та все еще оставалась собственностью всего рода. Эта церковь никогда не имела никакой местной или приходской организации, а ее епископы были всего только странствующими проповедниками с совершенно неопределенной властью над своей паствой.

Римское христианство унаследовало все, что сохранилось от римской дисциплины и централизации: римское право с его педантичным определением собственности и признанием рабства и точно разработанную иерархию клира. Кроме того, эта церковь уже подразделялась на сложную систему епархий и церковных приходов. Ближайшим государством, где господствовала римская католическая церковь и которое к тому же оказывало на Англию особенно большое влияние, была Франция, а именно во Франции развитие феодальных отношений зашло довольно далеко. Победа Рима на соборе в Уитби была, следовательно, победой феодализма и всего, что нес с собой феодализм.

Все характерные черты римского христианства, и хорошие и плохие, нашли живое воплощение в Вильфреде, который впервые обращает на себя внимание в Уитби и становится впоследствии архиепископом Йорка. Суетливый, но дипломатичный, ревностно охранявший авторитет своей церкви и свой собственный авторитет как ее представителя, этот человек стоит первым в галерее тех крупных клерикальных государственных деятелей, которые приобретут такое значение в последующие столетия. Он вел бесконечные интриги, строил церкви и поучал королей;

¹ Христианская религия кельтов несколько отличалась от введенного позже в Британию католического христианства, так как содержала больше уступок народным традициям кельтов. Тем не менее, и этот толк христианской религии, хотя и в смягченной форме, служил тем же целям эксплуатации народных масс, что и римское католичество. — *Прим. ред.*

он нажил несметные богатства и, умирая, приказал положить их рядом с ним. Все это было так непохоже на аскета Кутберта из Линдисфарна, который по неделям питался только горсткой сырых луковиц и часто молился целый день, стоя по горло в морской воде. И все же религии Вильфреда, а не Кутберта принадлежало будущее.

Поскольку христианские священники были единственным грамотным слоем, они вскоре составили постоянный аппарат государственной бюрократии и сыграли большую роль в формировании феодальных отношений. Особенно сказывалось это в вопросах собственности. Привыкнув иметь дело с письменными грамотами и духовными завещаниями, они вскоре начали подрывать уже ослабевшие права общин. Мы можем проследить этот процесс на примере возникновения института бокленда, наряду с фольклэндом. Фольклэнд, как это явствует из названия, был землей, которой владели на основании обычного или народного права. Она не была общественной землей, однако никто не мог считать ее своей полной собственностью, ею только владели в рамках сельской общины. Бокленд—это земля, пожалованная лорду специальной грамотой (*hoc*). Владение такой землей укрепляло положение лорда в двух отношениях—экономическом, поскольку это освобождало его от целого ряда повинностей, падавших на фольклэнд, т. е. на все остальные земли, и правовом, поскольку он получал чрезвычайно прочные права на землю, оспаривать которые властен был только королевский суд, или «уитенагемот».

С другой стороны, права рода все еще были значительны. В законах Альфреда говорится, что бокленд не должен выходить за пределы рода наследника, если этого не пожелал тот, «кто первый получил его», и «те, которые жаловали ему землю». Первые жалованные грамоты на землю получили церковные организации, но, как только выявились все преимущества бокленда, их стали все ревностнее добиваться светские магнаты.

Чтобы захватить в свои руки земли, церковь пускала в ход все средства и ухищрения, начиная от запугивания адскими муками и кончая прямым подлогом. С ростом земельных владений церковников росла и власть этих крупных помещиков в стране и влияние, которое оказывали они на ее административный аппарат. Епископ и его окружение или монастырь нужно было поддерживать для того, чтобы они могли оставаться в том состоянии, к которому призвал их бог, а для этого они естественно и неминуемо должны были обратиться к эксплуатации крестьян и превратить сельскую общину в феодальное поместье. Светские лендлорды не замедлили последовать их примеру, и, таким образом, обогащение церковников шло рука об руку с закрепощением земледельцев.

Но, с другой стороны, церковь создала образованный класс, стимулировала развитие торговли, способствовала установлению более тесных связей с Европой и проводила в жизнь как учреждения, охватывавшее всю страну, централизаторские тенденции— в этом было большое прогрессивное значение церкви. Двухсотлетие, прошедшее от христианизации страны до прихода скандинавов, было периодом медленного, но неуклонного роста материальной культуры. Снова стали применять камень в строительстве, и если этот камень поставляли преимущественно разрушенные города и виллы, созданные еще во времена римского завоевания, и даже дороги, то происходило это главным образом потому, что передовые области Англии были бедны строительным камнем. Так, на постройку большой церкви, основанной Вильфредом в Хексеме, использовался камень, взятый из Римского вала. Дома мирян, будь то даже королей и тэнов, все еще строили из дерева. Дома эти, хотя и грубые, были часто просторными, с правильным соотношением частей; правда, они могли показаться бедными по сравнению с замками и поместьями знати, возникшими после норманнского завоевания, но зато дом саксонского крестьянина, вероятно, был намного лучше хижины крепостного времен феодализма, сделанной из обмазанных грязью прутьев и построенной в период, когда в стране уже ощущалась нехватка строительного леса. Высокого уровня достигают в это время работы по металлу и оформление манускриптов, а некоторые монастыри, особенно монастыри Нортумбрии, показывают образцы учености. Именно в одном из таких монастырей, в Джарроу, жил и работал Беда, самый образованный человек Европы своего времени, первый и один из крупнейших историков Англии.

Политическая история этого времени—это история целой серии военных столкновений, в которых одерживают верх сначала Кент, потом Нортумбрия и Мерсия, и наконец, Уэссекс. Исход этих столкновений зависел в значительной степени от индивидуальных качеств отдельных королей. Кентский король Этельберт, короли Нортумбрии Эдвин и Осги, мерсийские короли Пенда и Оффа и король Уэссекса Эгберт—все они сыграли существенную роль во временном возвышении своих государств. Однако здесь можно проследить, хотя и с трудом, влияние общих факторов.

Первоначальное превосходство Кента объяснялось более высоким культурным уровнем его франкских завоевателей и более тесным контактом с Европой. Его упадок обуславливался тем, что он занимал небольшую территорию, и тем, что ему не удалось подчинить своему влиянию Лондон и районы, расположенные в низовьях Темзы. Период возвышения Нортумбрии совпадает с проникновением туда более высокой культуры, занесенной кельтской церковью, и отчасти может быть связан с воинственным нравом

жителей, который они сохранили в этом суровом болотистом краю. Упадок Нортумбрии был вызван ее слишком честолюбивой попыткой расширить свои границы, одновременно и к северу, за счет Шотландии, и к югу, за счет Мерсии. Ослабляло Нортумбрию и отсутствие прочной связи между двумя ее составными частями Дейрой и Берницией, и их внутренние распри.

Причины возвышения Мерсии менее ясны, но возможно, что наиболее важную роль в этом сыграло возникновение многочисленного и процветающего населения в плодородных равнинах центральных графств и военный опыт, который приобрела Мерсия в борьбе с валлийцами. Слабость этого государства заключалась в отсутствии хороших естественных рубежей, в результате чего Мерсия оставалась незащищенной от атак врага со всех сторон и должна была вести постоянные войны. В противоположность Мерсии Уэссекс имел удобные естественные рубежи, и хинтерланд на юго-западе был достаточно обширен, чтобы позволить Уэссексу расширять свои границы, и в то же время не настолько велик, чтобы создавать повод для беспокойств. В Уэссексе имелись значительные площади плодородной земли, и к концу VIII в. это королевство начинает устанавливать важные для него связи с раскинувшимся по ту сторону Ламанша франкским государством Карла Великого, которое к этому времени как раз поднимается во всей силе.

Вскоре после 800 г., в царствование короля Эгберта, Уэссекс начинает опережать соперничавшие с ним государства, однако тенденция эта так и не получила окончательного завершения до скандинавского нашествия, которое изменило весь ход событий. Вся тяжесть этого нашествия обрушилась прежде всего на Мерсию и Нортумбрию, которые вскоре были разгромлены. Это освободило Уэссекс от его давних противников, поставив лицом к лицу перед новым и куда более грозным врагом.

4. Скандинавы

«18 июня 793 г.,—повествует хроника,—язычники подвергли страшному разрушению божью церковь в Линдисфарне путем грабежа и убийства».

Этой коротенькой записью открывается повествование о бедствиях и сражениях, длившихся около 300 лет, в течение которых чужеземцы захватили половину Англии, а скандинавы и их обычаи наложили на эту страну неизгладимый отпечаток.

Захватчиков называли общим именем «датчане» или «скандинавы»; имевшиеся здесь, главным образом, в виду два скандинавских народа были так родственны друг другу, а передвижения их так тесно переплетались, что не всегда можно с уверенностью сказать, с каким из них мы сталкиваемся в каждом отдельном

случае. Войско их, по всей вероятности, зачастую было смешанным и по составу, но в основном в Англию вторглись датчане, а в Ирландию и Шотландию—норвежцы. Хотя эти народы в ряде аспектов и стояли на более низкой ступени развития, чем англосаксы, они обладали одним искусством, которое делало их опаснейшими врагами.

Ключ к разгадке их развития—большой железный топор, появившийся в местах их погребения около 600 г. Этот топор дал им возможность вырубать леса Дании и освоить в скором времени узкую полосу земли между морем и горами на норвежском берегу. К 700 г. эти районы, малоплодородные и, во всяком случае, тесные, были заселены почти настолько, насколько это позволяли их природные ресурсы. Но топор не только дал скандинавам возможность расчистить леса—он помог им построить корабли, такие крупные и удобные для мореходства, каких никогда еще не видывали на севере. На этих кораблях они скоро начали совершать относительно далекие рейсы, и следующим шагом была колонизация незаселенных Шетландских и Фарерских островов. Первые поселенцы были мирными крестьянами, но к концу VIII в. острова эти превратились в базу для разбойничьих набегов с моря.

Во время одного из таких пиратских набегов и был разграблен Линдисфарн; однако для Англии в целом это был пока еще единичный случай. Пути движения скандинавов перестают быть непонятными, если усвоить один простой принцип, по которому они действовали: хотя они и были готовы к битвам, они искали не битв, а поживы, и их набеги были направлены туда, где можно было рассчитывать на хорошую добычу и не встретить при этом серьезного сопротивления. В 800 г. таким местом была Ирландия, которая избегла нашествия и римлян, и англичан и которая обладала культурой богатой и самобытной и была почти настолько же беззащитна, как перуанские инки времен Писарро. Не следует забывать, что в те далекие времена Ирландия была главной золотодобывающей страной Западной Европы. И хотя междоусобицы среди отдельных племен Ирландии были нередки, но войны Ирландии не могли тягаться со свирепыми и хитрыми скандинавами.

В первые годы IX в. скандинавы были заняты грабежами Ирландии. Когда страна была опустошена настолько, что набеги эти уже не давали пиратам большой добычи, их длинные суда устремились к югу, туда, где лежала обширная, неповоротливая империя Карла Великого, в которой царил полный беспорядок. Париж был разграблен, и завоеватели наводнили широкие просторы Франции. Предпринимали скандинавы и еще более дерзкие походы; во время одного из таких походов в 846 г. был осажден даже Рим.

Еще до этого внимание датских мореходов начала привлекать Англия. В 838 г. крупный отряд датчан был наголову разбит Эгбертом, но, несмотря на поражения, каждый год на английский берег высаживались все новые орды захватчиков. В 842 г. Лондон был сожжен. Зимой 850—851 гг. пираты провели на острове Танет вместо того, чтобы отплыть на родину, как они обычно делали до этого. С этого времени набеги их стали смелее, и, наконец, в 866 г. большое войско датчан высадилось в Англии с целью захватить ее земли и осесть на них. С военной точки зрения на их стороне было почти все. Железа в Скандинавии всегда было достаточно, шведские месторождения разрабатывались еще с доисторических времен. Трофеи, захваченные предыдущими поколениями, дали скандинавам возможность заготовить лучшие по тому времени оружием и доспехами. Они имели топоры и длинные мечи, на головах были железные шлемы, в руках щиты, а на пиратах и профессиональных воинах нередко были надеты и кольчуги.

Они выработали также новые методы ведения войны. По морю они быстро передвигались на своих длинных многовесельных кораблях (в каждом из которых помещалось до 100 человек), а по суше они двигались на конях, которых они захватывали повсюду, где только ни бывали, превращаясь в первую в истории конную пехоту. В бою они соединяли сплоченность корабельной команды с выносливостью орды варваров. Они научились также строить укрепленные частоколом форты и в случае поражения отступали под их прикрытие, не боясь преследования.

По сравнению с ними англичане были вооружены слабо, у основной части ополчения были только дротики и кожаные латы. Даже тэны, которых было меньше, уже начали к этому времени превращаться в земледельцев и не всегда годились для длительных походов, что же касается медлительного ополчения, то больше чем на одно сражение оно едва ли было пригодно. Пока Альфред не создал своего флота, преимущества неожиданного нападения всегда были на стороне захватчиков. Военный гений Альфреда, его способность учиться у врага и перегонять его— вот что было одной из главных причин поражения датчан. Другой причиной был неразвитый общественный строй скандинавов, что затрудняло для них ведение длительных крупных военных операций. Войско их имело постоянную тенденцию распадаться на отдельные части, когда оно встречало неожиданно решительный отпор со стороны противника; каждый отдельный предводитель тянул своих людей туда, где можно было получить добычу более легкой ценой.

Во всяком случае, войско, высадившееся в Восточной Англии весной 866 г., казалось действительно страшной силой. В следующем году датчане двинулись на север, в большой битве под

стенами Йорка разбили нортумбрийцев и в течение следующих трех лет завоевывали и грабили земли Мерсии и Восточной Англии, не встретив там серьезного сопротивления. В начале 871 г. долго потом называвшегося «годом сражений», датчане прошли по дороге Икнилд, так же как четыре века тому назад это сделали саксы, и основали в Рединге укрепленный лагерь, послуживший великолепной стратегической базой для нападения на Уэссекс. Разбитые при Ашдауне, они спаслись от разгрома в своем укреплении, и последовавшие за этим восемь боев не дали перевеса ни той, ни другой стороне. В конце того же года войско заключило перемирие с Альфредом, который в самом разгаре борьбы наследовал брату в качестве короля. Еще через четыре года завоевание перешло в новую фазу — датчане теперь основали свои независимые королевства в Нортумбрии и Восточной Англии и поделили между собой земли.

В 876 г. с моря прибыло подкрепление, и атаки на Уэссекс возобновились; после двух лет упорной борьбы на Альфреда было произведено неожиданное нападение в Чиппенеме, и ему пришлось отступить к болотам Сомерсетшира. Неожиданно снова ударив на врага, Альфред одержал в Этандюне решающую победу и вынудил датчан заключить мир. С этого времени Англия была разделена на две примерно равные части: «область датского права» — к северу и востоку от линии, проходящей вверх по течению реки Ли до ее истока и по дороге Уотлинг до Честера, и саксонскую Англию — к югу и западу от этой линии. Новую попытку завоевать страну, предпринятую спустя пятнадцать лет, англичанам удалось отбить еще быстрее. После этого скандинавы снова стали совершать свои набеги главным образом на Северную Францию, где они встречали менее упорное сопротивление. В первые годы следующего столетия Роллон создал там герцогство Нормандию.

Ущерб, нанесенный этими нашествиями в культурном и материальном отношении, трудно переоценить. «Среди англичан образованность пришла в такой упадок, — жалуется Альфред, — что лишь немногие по эту сторону Хамбера — и я думаю, что и к северу от него также, — могли понять требник и перевести письмо с латинского на английский язык. Нет, не могу я припомнить, чтобы к югу от Темзы был хоть один такой человек, когда я вступил на престол». Аналогичную картину в другой области дают нам и законы Альфреда: размеры штрафов за различные проступки (вергельд) в среднем составляют только половину штрафов, которые взимались за соответствующие проступки по законам Этельберта, действовавшим двумя столетиями раньше, — факт, который является ясным доказательством того, что в стране мало движимого имущества. Увенчавшиеся успехом усилия Альфреда остановить этот упадок не в меньшей

степени, чем талант полководца, являются его заслугой перед английской историей.

Первой задачей Альфреда было оградить государство от вторжения в будущем. Для этой цели он построил корабли, превосходящие по своим качествам датские: «без малого вдвое длиннее тех... быстроходней, устойчивей и выше». Более длительное значение имела созданная им система укрепленных крепостей, в которых стояли гарнизоном хорошо обученные профессиональные солдаты. Эти солдаты могли самостоятельно отражать незначительные нападения врага или же создать боевое ядро, вокруг которого могло сплотиться ополчение. Эти крепости явились первыми городами Англии, благодаря им англичане перестали быть чисто сельским народом. Оборонительные меры Альфреда дали возможность народу жить и трудиться в мире.

Альфред приглашал ученых из Европы, даже из Уэльса, и, будучи средних лет, сам научился читать и писать по-английски и по-латыни — подвиг, которого Карл Великий так и не смог совершить во всю свою жизнь. Он жадно стремился постичь все знания, которые только мог дать ему его век; если бы он жил в более просвещенную эпоху, он обладал бы, вероятно, подлинно научными взглядами. Человек слабого здоровья, никогда не знавший, что такое длительный мир, он проделал чрезвычайно большую работу, об основательности которой можно судить по долгому периоду мирного развития, следовавшему за его смертью. Из преемников его Эдвард, Ательстан, Эдмунд и Эдгар — все были хорошими солдатами и администраторами; период от 900 до 975 г. знаменателен отвоеванием области датского права, которая, впрочем, продолжала сохранять свой скандинавский характер, хотя и признала суверенитет английских королей. Англо-саксы и скандинавы были достаточно родственны друг другу по языку и учреждениям, чтобы сохранять более или менее добрососедские отношения, и в X в. многие черты различий между ними постепенно стерлись.

До сих пор мы делали упор только на отрицательные стороны датского нашествия, но ими одними еще не исчерпывается его влияние на историю Англии. В некоторых отношениях датчане обладали более высокой культурой, чем англо-саксы. О широком использовании ими железа уже упоминалось: они ввели в Англию в употребление большой топор. Мы видели, что ранние англо-саксонские поселения были расположены на очень незначительной территории вне густых лесов, покрывавших удобнейшие для сельского хозяйства земли страны.

Далее, по сравнению с домоседами саксами, датчан можно назвать народом торговым и городским. До того как датчане вступили в Англию, они уже совершили ряд далеких плаваний. У людей, которые переплывали Средиземное море и видели

великий Константинополь, не могло быть места суеверному страху, с которым англо-саксы все еще смотрели на римлян и на все, что они создали. Датчане были не только пиратами, но и торговцами, и торговля считалась у них почетным делом. Датское нашествие привело повсеместно к строительству городов и оживлению торговли, и ко времени норманского завоевания и города и торговля в Англии были уже значительно развиты.

5. Конец англо-саксонского периода

Спустя три поколения после смерти Альфреда культура и учреждения Англии начали приходить в упадок. Фактически полный упадок родового общества сопровождался движением к феодализму, но английское общество казалось неспособным своими собственными силами пойти дальше определенного пункта. Возможно, что остановка была только временного порядка, но рассуждения на эту тему бесполезны, поскольку промежуток между двумя нашествиями на Англию — сначала датчан при королях Свене и Кануте, а затем норманов — был слишком мал, чтобы дать ей время оправиться.

В течение X в. объединение Англии в единое королевство идет рука об руку с разделением страны на шайры¹, нередко возникающие вокруг построенных Альфредом или датчанами укрепленных городов. Если более мелкие ранние королевства могли управляться из одного центра, от аппарата, способного охватить всю страну, не было, и хотя рив шайра, или шериф, теоретически нес ответственность перед королем за управление шайром, подлинный контроль центра над этим управлением был крайне незначительным. Над шерифом стоял эльдормен, в его ведении была группа шайров, нередко приблизительно соответствовавшая какому-нибудь из прежних королевств. В то время как шериф продолжал быть чиновником и впоследствии стал главным связующим звеном государственной машины, эльдормен, подобно графу или герцогу в европейских странах, вскоре превратился в полунезависимого местного магната. Власть эльдормена особенно возросла за время непродолжительного существования империи Канута, когда вся Англия составляла только часть значительно большего целого. Это усиление власти эльдормена совпадает с принятием им датского титула эрла.

В области суда феодализм также делает значительные успехи — королевские судебные права делегируются теперь отдельным могущественным лицам. Прежняя система судов шайра, сотни

и сельской общины действовала успешно только до тех пор, пока какой-нибудь землевладелец данного округа не приобретал такой власти, что мог оспорить их решения. Появление могущественных полуфеодалов лордов поколебало авторитет традиционных судов, и они были дополнены, а где и вытеснены, судами лордов, которые получили право вершить суд путем пожалования. Лорды стремились получить такие права из-за доходов, которые давали штрафы. Новый суд попрежнему использовал старые методы ордалий — испытания огнем и водой — наряду с более новым, но тем не менее все-таки уважаемым методом очищения клятвой, в соответствии с которым обвиняемый должен был привести на суд несколько своих односельчан — число зависело от тяжести предъявленного обвинения, — чтобы те клятвенно удостоверили суд в его невинности. Частные суды, всегда являвшиеся одной из наиболее характерных черт феодального строя, прочно укоренились в Англии к моменту норманского завоевания.

Другая характерная особенность феодального поместья — закрепощенное крестьянство — становится обычным явлением, за исключением только области датского права. Любопытно, что датское вторжение имело двойственные последствия. В самой области датского права вторжение замедлило процесс закрепощения земледельца, а в саксонской части Англии оно ускорило это закрепощение. Свидетельства «Собеседований Эльфрика»¹ — серии диалогов, написанных незадолго до 1000 г. в виде учебника для учеников монастырских школ Винчестера, — заставляют нас предположить, что, как правило, крестьянин в те времена был несвободным.

«Скажи, землепашец, как ты работаешь?» — спрашивает учитель.

«Ох, сударь, работа очень тяжела. Поднимаюсь с зарей, выгоняю волов в поле и запрягаю их в плуг; как ни сурова зима, я не смею остаться дома из страха перед моим господином; закрепив лемех и резак плуга, я ежедневно должен вспахать целый акр, а то и более».

«А что еще ты должен сделать за день?»

«Дел очень много. Надо наполнить кормушки волов, напоить их, убрать навоз».

«Тяжела, однакоже, твоя работа».

«Да, тяжела, потому что я несвободный».

Термины фримен (свободный) и серв (крепостной) могут показаться странными для человека наших дней, поскольку в феодальную эпоху они употреблялись в особом значении. Их можно понять только в связи с землевладением. Человек, не владеющий

¹ Часто переводится как «графство». — Прим. ред.

¹ Эльфрик (около 955 — 1020 гг.) — автор проповедей и грамматических сочинений. — Прим. ред.

землей, не был ни свободным, ни несвободным, его вообще не принимали в расчет¹. Свободным был тот, кто имел землю на условиях несения военной службы или другой какой-либо почетной обязанности, или же тот, кто платил денежную ренту. Сервом, или вилланом, был тот, кто держал землю на условиях выполнения сельскохозяйственных работ на земле своего господина. Он был прикреплен к своему наделу, тогда как фримен мог оставить свою землю и уйти в другое место или даже в некоторых случаях «забрать свою землю», как тогда говорилось, и отдался под власть нового лорда. Серв пользовался определенными правами, точно определенными обычаям, даже в том случае, где для них не было никакой юридической защиты. Одним из следствий норманского завоевания было то, что линия раздела между сервом и фрименом, очень слабо намеченная в саксонской Англии, проводилась на более высоких ступенях социальной лестницы, и все, кто был ниже этой линии, твердо оставались в положении сервов.

В конце X в., при короле Свене, объединившем под своей властью Данию и Норвегию, набеги скандинавов на Англию возобновляются. В предшествующий период они были заняты набегами на земли Северной Франции, но после установления сильного скандинавского герцогства в Нормандии центр их нападений перемещается. Богатство и ослабление Англии, о котором не могли не знать скандинавы, снова делают ее заманчивым объектом их посягательства. На этот раз вторжения их организованы были на началах своеобразной коммерции: сначала производился набег, затем следовало требование уплаты денег, бывшей условием увода войск. Через год-другой вся операция производилась заново.

Такая выплата датских денег, как они назывались, производилась в период между 991 и 1014 гг. семь раз и составила общую сумму в 158 тыс. фунтов серебра, что по современному исчислению соответствует по крайней мере 10 млн. ф. ст. — цифра колоссальная для того времени. Последние датские деньги в размере 82 500 фунтов Англия заплатила в 1018 г., когда стал королем Канут, выдавший из этих средств денежное вознаграждение своим солдатам. Из этих датских денег вырос первый постоянный налог. Налог этот регулярно взимался в царствование Канута и норманских королей, он положил начало поимущественному налогу, составлявшему важную статью королевских доходов вплоть до эпохи Стюартов. В социальном отношении налог этот также имел серьезные последствия: он лег тяжелым бременем на плечи земледельца, еще более ускорив

¹ Он мог, разумеется, быть рабом, но тогда он рассматривался скорее как своего рода имущество, а не человеческая личность.

процесс его закрепощения. И соответственно этому усилилась власть местных магнатов, которые несли ответственность за сбор налога и использовали это обстоятельство как новое средство для укрепления своей власти над землей и теми, кто ее обрабатывал. Феодальное правило «нет человека без господина» и «нет земли без хозяина» можно с этого времени полностью отнести к Англии.

Другой своеобразной чертой этого периода нашествий была организующая роль лондонских горожан в оказании сопротивления врагу. После бесславного падения центрального правительства Этельреда Неразумного Лондон продолжал стоять непоколебимо. К тому времени он был уже значительно больше, чем все другие английские города, и теперь начал выступать в истории почти как независимая политическая единица. Значение его было настолько велико, что в 1016 г. ополчение Мерсии отказалось выступить против датчан, «если его не поддержат горожане Лондона». Год за годом Лондон отражал датчан от своих стен и сдался только, когда сопротивление прекратилось уже повсюду. О богатстве Лондона можно судить по тому факту, что при выплате большого взноса датских денег в 1018 г. на Лондон пришлось сумма в 10 500 фунтов, т. е. более одной восьмой всей суммы, заплаченной Англией.

Когда в 1018 г. сын Свена Канут стал королем Англии, так же как и Норвегии и Дании, казалось, что будущее Англии связано со скандинавскими странами, а не с Францией. Однако социальный строй северных народов все еще был в значительной степени родовым и не подходил для создания устойчивой империи. Достигнутое на время политическое объединение этих стран слишком во многом обязано было индивидуальным качествам короля и закончилось после его смерти. И только когда энергия северян соединилась с феодальными институтами Франции, она смогла создать предпосылки для развития постоянной государственной власти.

Дальнейшим шагом вперед явилось в царствование Канута создание небольшого постоянного войска хорошо обученных профессиональных солдат, состоящих на жалованьи, — хаускарлов. Для феодализма всегда была характерна повторяющаяся тенденция феодального и полуфеодального класса воинов (рыцарей и тэнов) превращаться в крупных землевладельцев и со все большей неохотой исполнять военную службу. Таким образом, создание Канутом войска хаускарлов было, по существу, аналогично произведенной во время Столетней войны замене феодального рыцаря профессиональным наемным солдатом. Период правления Канута знаменателен также усилением семьи Годвинов, которые поднялись от неизвестности к почти безраздельной власти над всей Англией, лежащей вне области датского права.

После смерти Канута сыновья короля неспособны были удержать в руках его распадающуюся империю, и семье Годвинов без труда удалось восстановить на престоле старую английскую линию. Новый король Эдуард Исповедник был набожный слабоумный человек, прошедший юность изгнанником в Нормандии. Возвратившись, он привез с собой целую свиту норманских монахов и знати и роздал им лучшие и богатейшие епархии и земли. История его правления — это история непрерывной борьбы между норманским влиянием при дворе и властью Годвинов. Распространением норманского влияния и объясняется в значительной степени та легкость, с которой им удалось завоевать Англию.

В конце концов Годвины одержали верх и полностью подчинили короля своему влиянию, отчасти напоминаящему влияние, которому Капетинги подчинили во Франции потомков Карла Великого. Вся Англия была теперь разделена на шесть больших графств, три из которых были владениями Годвинов. Когда в январе 1066 г. Эдвард умер, уитенагемот, или «совет мудрых людей» — собрание, некоторыми чертами похожее на древнегерманские собрания свободных людей, а еще более на королевский совет времен феодализма, — провозгласил королем Гарольда, старшего сына Годвина. Вильгельм, герцог Нормандский, также предъявлял претензии на эту корону и, чтобы провести их в жизнь, начал собирать войска.

Покорение Англии норманами можно рассматривать одновременно как последнее из нашествий скандинавов и как первый крестовый поход. Хотя Вильгельм и был феодальным князем, армия его не была феодальной армией; она состояла из людей, набранных отовсюду, привлеченных обещаниями земли и грабежа. Он предусмотрительно заручился поддержкой самых разнообразных союзников, в том числе и папы Римского; последний союз породил в дальнейшем целый ряд претензий и конфликтов. Армия Вильгельма была невелика, вероятно около 12 тыс. человек, но она была обучена новым, неизвестным в Англии приемам ведения войны. Англичане выучились от датчан использовать лошадей для быстрого передвижения войск, но сражаться все еще продолжали в пешем строю, тесно сомкнутой массой под прикрытием издавна применяемой ими стены щитов. Основным оружием их был топор. Норманы применяли искусное сочетание одетых в тяжелые доспехи конников и стрелков из арбалетов, сочетание, позволявшее им расстраивать ряды противника еще издали, до начала решительной атаки. Как только стену щитов пробивали, конница бросалась вперед, не давая преследуемому врагу никакой возможности оправиться. В этом была причина победы норманов с военной точки зрения. Политическая причина победы заключалась в том, что Вильгельм обладал твердой

властью над своими вассалами, в то время как Гарольду эрлы Мерсии и Нортумбрии оказывали открытое неповиновение.

Все лето 1066 г. Гарольд ждал в Суссексе высадки норманов. В начале сентября терпение ополченцев иссякло, и они потребовали, чтобы их распустили по домам. Через несколько дней Гарольд услышал, что норвежский король, его тезка, высадился с севера и захватил Йорк. Со своими хаускарлами Гарольд спешно поскакал на север и 25 сентября наголову разбил захватчиков у Стамфорд Бридж. Первого октября он узнал о высадке Вильгельма в Певенси. Через неделю он уже был снова в Лондоне; там он пробыл несколько дней, ожидая, пока соберется ополчение, потом двинулся к югу и расположился со своим войском в Батл, на меловом холме, откуда виден был лагерь Вильгельма. С точки зрения тактики, быстрота и решительность передвижения Гарольда были замечательны, а его хаускарлы показали превосходную боеспособность. С точки зрения стратегии, однако, благоразумнее было бы пробыть в Лондоне дольше. Получилось так, что успела собраться только часть ополчения, а хаускарлы, которые одни только и могли противостоять кавалерии норманов, были обессилены тяжело доставшейся победой и двумя переходами, почти не имевшими себе равных в истории тех времен.

Однако, так или иначе, новые методы ведения войны делали победу норманов почти неизбежной, и одной битвы оказалось достаточно, чтобы решить судьбу Англии на много веков. Хроника описывает эту битву в словах, превратившихся в формулу, которая стала почти обязательной при описании сражений английских королей и самая краткость которой только подчеркивает решительный характер сражения:

«Весть об этом дошла до короля Гарольда, и он созвал тогда большое войско и двинулся ему навстречу в Хор Эпл Три, а Вильгельм пошел на него неожиданно, не дав ему расставить своих людей. Однакоже король храбро бился с людьми, которые пошли за ним, и много людей полегло и с той и с другой стороны. Пал король Гарольд и его братья, эрлы Леофвин и Гирт, и еще много добрых мужей, и французы захватили место боя».

Глава III

ФЕОДАЛЬНАЯ АНГЛИЯ

1. Норманское завоевание

В битве при Сенлаке¹ Вильгельм сломил силу дома Годвинов и открыл себе дорогу в Южную Англию. Центральные графства и Север все еще оставались непокоренными, а Лондон и на этот раз превратился в центр сопротивления, к которому понемногу начали двигаться Эдвин и Моркар — эрлы Мерсии и Нортумбрии. Армия Вильгельма была недостаточно сильна, чтобы предпринять прямое нападение на Лондон. Он предпочел обойти противника с фланга. Эта блестяще проведенная операция заключалась в том, что он переправился через Темзу выше Лондона, опустошая все на своем пути, и в конце концов отрезал Лондон от Севера, т. е. лишил город всякой надежды на получение подкрепления.

Лондон сдался, второпях созданный уитенагемот объявил Вильгельма королем, а на Рождество в Вестминстерском аббатстве он был коронован. Земли всех, кто оказывал поддержку Гарольду или принимал участие в сражении при Сенлаке, были конфискованы и поделены между норманскими соратниками Вильгельма. Остальная часть Англии, признавшая Вильгельма королем, была оставлена в покое. В 1069 г., когда Вильгельм готовился приступить к следующему этапу завоевания, Мерсия и Нортумбрия подняли мятеж при поддержке короля Дании.

После похода, в котором военный талант Вильгельма проявился в полном блеске, союз этот был разгромлен. Победитель позаботился о предотвращении подобных восстаний в будущем и сделал это с жестокостью, перед которой бледнела свирепость скандинавов. Большая часть Йоркшира и Дургамы была превращена в пустыню и в течение нескольких десятилетий оставалась почти необитаемой. По-настоящему эти области ожили только в XII в., когда монахи Цистерцианского ордена превратили склоны Пеннинского хребта в обширные пастбища для

¹ Я пользуюсь этим названием из соображений удобства, хотя относится оно к гораздо более поздней дате. Вопрос осложняется тем, что место битвы Гарольда не имело в то время специального названия.

овец. Над развалинами сожженных деревень Севера вознесся большой Дургамский замок, как бы символизируя неизбежность новой власти. За окончательным покорением страны последовали новые конфискации земель и новое распределение их между норманами.

Именно с этого момента можно считать феодализм в Англии окончательно утвердившимся. Мы видели, как в сельских общинах постепенно создавалась экономическая база феодализма в Англии и как ее политический строй еще до нашествия норманов стал принимать феодальные формы. Теперь возведение политической надстройки над экономическим базисом было с неуклонным и догматическим единообразием завершено норманами. За какие-нибудь несколько лет все земли страны перешли из рук их прежних владельцев в руки Вильгельма Завоевателя.

Коренной политической особенностью феодального строя является делегация власти сверху вниз; при этом всякая власть опиралась на землевладение. Король был единственным и безраздельным собственником всех земель и жаловал их непосредственным держателям за несение военных и прочих служб, а также за уплату некоторых установленных обычаем повинностей. Вместе с землей жаловалось также политическое право управлять людьми, обрабатывавшими землю: право вершить над ними суд, взимать налоги и требовать выполнения повинностей. По отношению к королю самая важная обязанность его вассалов заключалась в том, чтобы сопровождать короля на поле военных действий; вся страна была разделена на округа, известные под именем рыцарских ленов и грубо соответствующие прежним держаниям тэнов; каждый из таких округов должен был снаряжать и содержать одного тяжело вооруженного кавалериста.

Именно потому, что Англия была покорена в течение немногих лет и политические институты феодализма насаждались сверху, этот строй получил здесь более полное и законченное выражение, чем в большинстве других стран. В других странах собственность короля по отношению ко всей земле являлась фикцией. Здесь же она была фактом, и король жаловал землю своим вассалам на своих условиях, очень выгодных для него. Как говорилось в летописи, «король отдавал землю в аренду за самую дорогую ренту, а потом приходил кто-нибудь и предлагал еще больше, чем давал предыдущий, и король оставлял землю тому, кто предлагал ему больше. И он не заботился о том, какими грешными путями шерифы получали ее от бедных людей, и о том, как много несправедливостей они делают, но чем больше говорили о правом законе, тем больше совершалось незаконных деяний».

Теоретически феодализм всегда был своего рода договором короля со своими вассалами; в Англии это положение более соответствовало действительности, чем в любой другой стране.

Самая завершенность, которую приняли формы феодальных установлений в Англии, не замедлила создать в этой стране предпосылки для государственной организации, выходящей за рамки феодальной системы¹. Эта государственная организация базировалась на могуществе Вильгельма как военного вождя победоносной армии и на донорманской организации шайров у саксов. Вильгельм имел возможность раздавать своим приверженцам земли, разбросанные по разным частям страны; вернее, он вынужден был так поступать, ибо покорение страны проходило по частям, и с завоеванием каждой новой области он даровал своим соратникам то, что они рассматривали лишь как одну из частей должного вознаграждения за их труды. Вследствие этого ни один барон в Англии, каким бы большим количеством земли в целом он ни обладал, не в состоянии был сконцентрировать крупные военные силы в одном месте. Кроме того, во владении самого короля оставалось еще так много земли, что он смело мог считать себя несравненно сильнее любого барона и любого возможного объединения баронов. Помимо сотен своих поместий Вильгельм владел еще всеми лесами, которые по подсчетам того времени занимали третью часть страны. Это было, надо полагать, не только потому, что «стройных ланей он любил, как если бы он был их отец». Гораздо вероятнее, что он сознавал колоссальные возможности, которые таили в себе эти все еще не использовавшиеся пространства.

В Англии не было допущено возникновения крупных княжеств, владетели которых могли стать полунезависимыми феодальными князьями, как это получилось со многими представителями феодальной знати во Франции. Отступление от нормы составляли только Честер и Шрусбери — пограничные эрлства, предназначенные служить опорными пунктами против Уэльса, а также занимающий такое же положение по отношению к Шотландии Дургам под властью князя-епископа. Вследствие этого представитель центральной власти — шериф — имел в каждом графстве большую силу, чем любой барон в своих владениях. А поскольку для того, чтобы шериф мог оказывать давление на местную знать, не было необходимости слишком укреплять его положение, не было и опасности, что шерифы со своей стороны смогут стать независимыми по отношению к короне.

¹ Автор здесь неправильно рассматривает феодализм как систему политических отношений, которая может быть наложена сверху. Между тем, феодализм — это прежде всего совершенно определенная система производственных отношений, покоящаяся на эксплуатации крестьян классом феодалов и закрепленная в форме феодального государства как политического выражения этих отношений. Норманское завоевание привело к известному укреплению королевской власти, однако это не изменило феодальной сущности английского государства. — *Прим. ред.*

Путь развития феодализма в Англии является, таким образом, весьма своеобразным. С самого начала государственная власть здесь была сильнее, а влияние феодальной знати более слабым. Частные войны между представителями знати были в Англии скорее исключением, чем правилом, и корона запрещала отдельным феодалам содержать частные войска и возводить замки, насколько это было возможно. Действия агентов трона, несомненно, были тягостны для народа, эксплуатация масс вилланов была очень жестокой. Однако королевские поборы были в известной степени фиксированы и регулярны.

Есть даже основания предполагать, что английский народ смотрел на власть короля как на защиту от своих непосредственных господ — лордов. Когда в 1075 г. началось восстание баронов, недовольных притеснениями короля, Вильгельм нашел возможным созвать ополчение, чтобы подавить этот мятеж. Жестокость, сопровождавшая завоевание, вскоре была забыта крестьянами, успевшими за годы датских нашествий привыкнуть к завоеванию и грабегам; суровую, но крепкую власть Вильгельма они предпочитали феодальной анархии, от которой страдать больше всего приходилось именно им. На практике присутствие чужеземного лорда в поместье было, очевидно, для земледельца куда более ощутительно, чем присутствие чужеземца-короля в Вестминстере. Главным противоречием феодального общества является противоречие между крестьянами в целом и их эксплуататорами, включая сюда как баронов, так и короля; и, следовательно, интересы короля и баронов в основном совпадали. Тем не менее, когда в отдельные моменты недовольство баронов угрожало положению короля, последний мог искать поддержки в крестьянских массах. Когда в царствование Генриха I восставшие бароны пытались посадить на трон его брата Роберта, герцога Нормандского, Генрих вторгся в Нормандию с армией, состоящей в значительной части из саксов, и в битве при Таншбре в 1106 г. разбил Роберта и его феодальные войска.

Полуторавековой период между норманским завоеванием и Великой Хартией был периодом наиболее полного развития феодализма в Англии. Однако было бы ошибкой думать, что в эти годы прекратилось движение истории. Обычное представление о средневековье как о периоде застоя или едва ощутимого изменения очень далеко от истины, ибо не только каждое столетие, но и каждое поколение вносило в жизнь свои характерные особенности и свои важные изменения. И нельзя, указав пальцем на какую-нибудь дату, сказать: «В этот момент феодализм в Англии существовал в абсолютной и полной форме».

Весь этот период отмечен непрестанной борьбой между централизующей властью трона и децентрализаторскими феодальными тенденциями. Основным направлением развития было

усиление центральной власти, но эта власть развивалась в рамках феодальных институтов, которые определяли ее характер и ограничивали ее. Развитие происходило в рамках исторических условий, общих для всей Европы, но оно подвергалось влиянию особых условий, созданных в Англии пережитками дофеодальных саксонских институтов и, наконец, в силу особенностей географического положения страны. Теперь нам предстоит наметить ход этой борьбы в истории тех времен и проследить, как возникали и развивались новые классовые группировки как чисто местного, так и общенационального значения.

2. Социальная структура Англии времен «Книги страшного суда»

Через двадцать лет после завоевания Вильгельм разослал почти во все города, деревни и деревушки Англии специальных посланцев, уполномоченных созвать всех влиятельных людей каждой общины с тем, чтобы опросить их и составить подробный обзор экономической жизни страны. Вопросы задавались самые разнообразны: Сколько земли? Кто ею владеет? Какова ее доходность? Сколько плугов? Сколько держателей? Сколько рогатого скота, овец, свиней? Перепись эта была встречена населением крайне недоброжелательно. «Стыдно и говорить об этом, а он не стыдился это делать», — возмущенно сетует монах-летописец. Однако ничто с такой определенностью не свидетельствует о полнейшем покорении страны и о могуществе Вильгельма, как составление этой «Книги страшного суда» всего через двадцать лет после сражения при Сенлаке. Ни одна страна не знала ничего подобного. Это было бы одинаково невозможно в Англии саксонского периода и в феодальной Франции, и тем не менее у нас нет ни малейшего основания предполагать, что мероприятие это встретило сколько-нибудь заметное сопротивление со стороны даже самых могущественных баронов.

Перепись преследовала две цели: во-первых, получить сведения, необходимые для сбора «гельда», поимущественного налога, и, во-вторых, подробно информировать короля о размерах и распределении богатств, земель и доходов его вассалов. Для нас этот документ представляет еще большую ценность — он дает нам исчерпывающую, если и не абсолютно точную картину социальной структуры Англии того времени. Феодальное поместье (манор), наложенное на старинную общину¹, являлось

¹ Взгляд, что манор был «наложен сверху» на более раннюю общину, заимствован автором у русского буржуазного историка эмигранта Виноградова. На деле происходило совсем иначе. Сам манор вырос на основе общины (причем границы манора далеко не всегда совпадали с границами общины). В то же время община была опорой крестьян в борьбе с манором. — *Прим. ред.*

единицей сельскохозяйственной экономики. Не следует забывать, разумеется, что Англия еще была почти полностью сельскохозяйственной страной. Некоторые из этих поместий (маноров) были непосредственными владениями короля; остальные он отдавал своим многочисленным светским и церковным вассалам. Те в свою очередь имели большее или меньшее число субвассалов, которые и являлись фактическими держателями поместий. Каждая деревня, какой бы ни была она маленькой и глухой, должна была приспосабливаться к этой схеме социального устройства, и все общество было разделено на ряд групп, поднимающихся от самой низшей ступени общественной лестницы, на которой находились сервы, до самой высокой ее ступени — короля.

«Книга страшного суда» подразделяла земледельцев на социальные группы и даже устанавливала их численность; мы, таким образом, имеем возможность привести грубые статистические данные о населении с оговоркой, что речь идет только о взрослых мужчинах, являющихся фактическими держателями наделов. Результаты можно представить в следующей таблице:

Социальные группы	Отношение к общему населению	Численность
Рабы	9 %	25 000
Бордарии и коттарии . .	32 »	89 000
Вилланы	38 »	106 000
Свободные	12 »	33 000

Если увеличить эти цифры в пять раз, считая за пять среднюю численность крестьянских семей, и принять в расчет невключенные группы (лорды и их непосредственные вассалы, должностные лица манора, священники, монахи и монахини, купцы и ремесленники, безземельные наемные работники и отдельные земледельцы, ускользнувшие от внимания королевских посланцев), получим приблизительную цифру всего населения в 1,75 — 2 млн.

Социальные группы, учтенные в переписи, распределялись по различным частям страны неравномерно. Рабы были особенно многочисленны на Юго-Западе: в Глостершире их процент в общем населении доходил до 24, в Корнуэлле и Гемпшире составлял 21, Шропшире — 17. В Линкольне, Йоркшире и Хантингдоне они не упоминаются вовсе, очень мало их было в Восточной Англии и восточных центральных графствах. Бордарии и коттарии распределялись более равномерно, только немногие графства имели более 40 и менее 20% этой группы населения. Вилланы также размещались по стране равномерно, менее распространены они были только в Восточной Англии и Линкольне, где было много свободных, и в Эссексе и Гемпшире, где особенно многочисленны были бордарии и коттарии. Свободные встречались

только на Востоке и в восточных центральных графствах — территории старинной «Области датского права». В Линкольне на них падает 45% всего населения, Суффолке — 40% и Норфолке — 32%. Много свободных жило в Ноттингеме, Лейстере и Нортгемптоне; они почти совсем не встречаются в остальных графствах. Близкая к ним группа сокменов для удобства также причислена к свободным.

Рассмотреть эти социальные группы по отдельности и проследить, как изменялась их судьба в последующие поколения, — вот, вероятно, наиболее правильный путь к изучению социальной истории того периода.

Рабы во времена составления «Книги страшного суда» были уже быстро исчезающей группой. В основном это были домашние слуги или пастухи и пахари на господской земле. Лорды уже в то время находили, что выгоднее нанимать своих личных слуг, а господскую пашню обрабатывать подневольным трудом сервов. Приблизительно около 1200 г. рабы исчезли — они были поглощены вышестоящими группами вилланов и коттариев.

О бордариях и коттариях уже упоминалось. Это, повидимому, были люди одной группы, записанные в разных частях страны под разными именами. Они имели небольшие наделы, не входившие в общую систему общинных полей. Хотя большинство крестьян этой группы являлось крепостными, некоторых из них относили в разряд свободных, и когда в XIV в. началась волна раскрепощения, эта группа переходит в свободные слуги вилланов, которые были слишком тесно связаны с хозяйством манора. Многие из них, владевшие каким-нибудь ремеслом, не работали на домне лорда, а платили оброки продуктами своего производства — холстами, кузнечными или столярными изделиями. Такая повинность считалась менее рабской, и не без оснований, поскольку ремесленники работали самостоятельно, а не под надзором должностных лиц манора.

Вилланы, держатели наделов в общинных полях размером в 6 га и в 12 га, были основой всей жизни манора. После норманского завоевания их повинности были точно определены и, как правило, увеличены. Эти повинности были двух родов: барщина и помочи. Барщина выполнялась в течение определенного количества дней каждую неделю — обычно в течение трех дней. Помочи были дополнительной повинностью, которую могли требовать в любое время. Вторая повинность была наиболее тягостной, и от нее труднее всего было освободиться, исполнять ее приходилось в наиболее страдную пору уборки урожая или стрижки овец, когда труд его был особенно дорог и в господском поместье и на своей земле. Ясно, что при таких тяжелых повинностях виллана основную часть работ в его собственном хозяйстве должны были выполнять члены его семьи. Между

вилланами и коттариями существовала тесная связь. Нередко наделами коттариев владели члены семей вилланов, у которых не было своей доли в общинных полях; для вилланов наделы коттариев служили как бы земельным резервом в том случае, если они по какой-либо причине пустовали. С течением времени закон все чаще объединяет эти две группы под одним общим именем вилланов или сервов.

Группа свободных, подобно группе рабов, в эпоху составления «Книги страшного суда» клонилась к упадку. Уже в 1086 г. многих, кто был свободен до норманского завоевания, после перехода земель в руки новых владельцев стали причислять к несвободным. Общая тенденция времени состояла в том, чтобы считать всякого крестьянина крепостным, если только он не представляет неопровержимых доказательств противного. В период, последовавший за составлением «Книги страшного суда», исчезновение группы свободных пошло быстрыми темпами, и когда в Англии снова появляется большое число лично свободных держателей небольших земельных участков, это уже, как правило, не прямые потомки представителей группы *libri homines* времен «Книги страшного суда», а вилланы, которые тем или иным путем смогли добиться относительной свободы.

Норманы ввели в Англии кодекс писаного сурового феодального права, явившегося отражением усилившейся эксплуатации земледельцев и стремления слить всех земледельцев в одной группе сервов, «не владеющих ничем, кроме своего брюха», как тогда говорилось, и не защищенных никакими законами от произвола лорда манора, кроме предписания о том, что их нельзя было убить или изувечить без подобающего суда. Это было прогрессом в положении раба, но для остальной части населения это означало шаг назад; это время — свидетель дальнейшего усиления тягот существования и общей нищеты.

Все ухищрения законников были направлены на дальнейшее увеличение повинностей, и вилланы не только несли суровую барщину, но и подвергались всякого рода притеснениям. Сельская мельница, например, принадлежала лорду, и все зерно для помола должно было свозиться туда. Это создавало такую благодатную почву для злоупотреблений, что во всей народной литературе средневековья не найти ни одного мельника, который не был бы мошенником. Далее, точно так же как король объявил себя собственником всех лесов страны, лорды маноров присвоили себе исключительное право пользования деревенскими пустошами. Когда это право строго проводилось в жизнь, вилланы лишались возможности доставать торф и рубить дрова, им негде стало пасти свиней. В это же время начинают выходить и первые из длинного ряда правил об охоте, которые еще много столетий были язвой для сельского населения Англии.

И, быть может, самое худшее заключалось в том, что все земли, отвоєванные у пустошей, включались в господский домен, и ими нельзя было увеличить площадь общинных полей.

Таково было официально признанное положение вещей, а лорды и их законники стремились провести его повсюду. На практике, впрочем, закон несколько смягчался обычаем, и по большей части в нормальном манере крепостной был в относительной безопасности. Законы могли утверждать, что крепостному «не должно знать сегодня, что ему прикажут делать завтра». В действительности же все работы были с неизменным однообразием распределены на целый год. Если у виллана и не было других средств, то уже в самом упорстве и консерватизме его, в отказе изменять свои привычки заключалось мощное орудие для защиты старинных обычаев от нападения. Более двух веков в каждом поместье не затухала напряженная борьба между этим крестьянским упорством и хитростью норманского законника. Вначале законнику удалось одержать ряд крупных побед, однако дальше определенного предела дело не пошло. Даже в самые тяжелые моменты в манере сохранялись какие-то незыблемые права, которые делали серва человеком, а не вещью, остатки свободы, послужившие отправным пунктом для борьбы за достижение дальнейших прав, когда в XIV в. экономические силы начали работать уже в другом направлении, превращая крепостного в свободного наемного работника или хозяина небольшого земельного участка, платившего за свой надел уже не трудом, а рентой.

Эту непрестанную скрытую борьбу в деревне надо всегда учитывать при изучении политической истории того периода, ибо эта борьба помогает понять политическую историю, и ни один из этих факторов, взятых изолированно, не дает возможности до конца понять весь ход истории той эпохи.

3. Королевская власть, бароны, церковь

Сыновья Вильгельма Завоевателя, Вильгельм II и Генрих I, продолжали проводить политику укрепления королевской власти за счет ослабления феодальных магнатов. Генрих, выделявшийся среди королей своего времени тем, что умел читать и писать, и, таким образом, умел ценить и использовать в своих интересах аппарат образованной бюрократии, осуществил в стране целый ряд преобразований. Он начал свое правление попыткой снискать расположение саксов тем, что собрал и снова подтвердил старые законы, которые к тому времени совершенно ошибочно приписывались Эдуарду Исповеднику. Эти законы он, по мере возможности, привел в соответствие с новыми идеями норманского феодализма.

Генрих разработал судебный процесс, с помощью которого удалось в конечном итоге отстранить от судопроизводства частных лиц и превратить его полностью в дело государства. В более ранние времена преступление прежде всего считалось направленным против самой жертвы этого преступления или его семьи и, таким образом, дело улаживалось уплатой соответствующей компенсации пострадавшим. Теперь все чаще стали считать, что преступление направлено против королевского мира, за что государство имело право и обязано было карать. Концепция королевского мира, возникшая в позднюю англо-саксонскую эпоху, укреплялась с каждым новым этапом усиления власти государства.

Для ведения судебных дел начали рассылать разъездных судей, была введена новая форма процедуры с участием присяжных. Вначале присяжные были группой выборных, которые под присягой обязывались представить на суд всех, кто в данной округе подозревался в совершении преступления. Присяжных избирали не за их подлинное или предполагаемое беспристрастие, а потому, что считали их лицами, заранее хорошо осведомленными обо всех фактах. Суд присяжных не рассматривался как право каждого индивидуума, но как особая королевская привилегия. Это была новая форма судебной машины, рассчитанная на переход дел на рассмотрение королевских судов, и никто другой не имел права воспользоваться ею, не заплатившись за это. Король был заинтересован в осуществлении судопроизводства главным образом по соображениям финансового порядка: «где правосудие, там хорошие деньги» — так можно грубо перевести одно из юридических изречений того времени. Верховная власть желала привлечь как можно больше дел в королевские суды из-за штрафов, которые она брала, и если рост королевских судов ослабил могущество знати, то это было скорее непредвиденным следствием, чем заранее намеченной целью¹.

Почти все нововведения Генриха преследовали цели финансового характера, и одним из наиболее важных было учреждение специального финансового ведомства (казначейства) для дел по сбору доходов. Значительную часть доходов короны давали королевские поместья, остальное составляли государственные налоги и всевозможные феодальные сборы и ренты. Все эти суммы собирали шерифы каждого графства, передававшие их в казначейство. Казначейство являлось особой ветвью Curia Regis (Королевской курии), органа, состоящего из чиновников,

¹ Королевская власть совершенно сознательно стремилась к ослаблению знати, в том числе и путем ослабления ее судебной власти, и в данном случае достигнутый ею результат был далеко не случаен. — *Прим. ред.*

изо дня в день занятых работой управления. Заседания *Sigra Regis* происходили регулярно, в то время как феодальный «королевский совет», состоявший из непосредственных держателей короны в том количестве, которое король считал достаточным для совета, собирался всего только несколько раз в году. Уже довольно рано Королевский совет начал расчленяться на отделы. Совет в целом, объединяющий самых видных представителей светской и духовной знати, явился зародышем парламента. Более тесный круг королевских советников, к которому можно было обращаться изо дня в день, превратился в Тайный совет и, хотя и косвенным образом, в современный кабинет министров. Королевская курия, таким же образом разделенная, выделила Суд королевской скамьи, казначейство и ряд судов. Большинство этих учреждений относится к гораздо более поздней эпохе и упоминается здесь ради удобства. В те времена они воспринимались еще не как самостоятельные органы, а как различные формы, принимаемые советом для осуществления различных видов деятельности, теоретически оставаясь все тем же королевским советом. Важно отметить, что из этого феодального учреждения развилась постоянная бюрократия, выполнявшая функции центрального правительства страны.

После смерти Генриха все эти преобразования приостановились, он не оставил после себя сыновей, завещав престол своей дочери Матильде. Группа влиятельных баронов отказалась признать ее и оказала поддержку племяннику Генриха — Стефану Блуа. Последовало двадцать лет войны, в которой ни той, ни другой стороне не удавалось одержать полной победы. Это было время, надолго оставившее в народе воспоминания. Все самые отрицательные тенденции феодализма, подавлявшиеся при норманских королях, теперь вырвались на свободу. Повсюду возникали укрепленные феодальные замки и вспыхивали феодальные междоусобицы. Сотни местных тиранов убивали, терзали и грабили многострадальное крестьянство, хаос царил повсюду. «Никогда еще мучеников не подвергали таким пыткам, как этих людей», — сообщает летописец, рассказывая об ужасах того времени.

Однако в правлении Стефана знаменательны не сами по себе бедствия и беспорядки, а характер исключительности, который они носят, тот факт, что условия, для большей части Европы являвшиеся нормальными, в Англии возникли только при исключительных обстоятельствах — в условиях спора о престолонаследии и слабости короны, которая не могла водворить порядок. Испытав тяжесть этой безудержной феодальной анархии, народные массы увидели, что ее вкус очень горек, и они с радостью встретили новую попытку короны обуздать произвол знати. В 1153 г. представители обеих сторон встретились в Уоллинг-

форде и достигли компромисса. Стефан был признан королем, но после его смерти престол должен был перейти к сыну Матильды Генриху Анжуйскому.

В следующем году Стефан умер. Генрих, присоединивший к своим обширным владениям Англию и Нормандию, сделался бесспорно самым могущественным монархом в Западной Европе. Хотя теоретически он владел на континенте наибольшей и богатейшей половиной Франции на правах феодального держания, полученного от французского короля, фактически Генрих был их неограниченным властителем. Он сразу же повел борьбу с могуществом баронов, усилившихся за время предыдущего правления. Сотни замков были разрушены, и на их месте начали строиться неукрепленные помещичьи усадьбы, которые и остаются типичным жилищем высшего класса Англии на протяжении остальной части средневековья.

Государственный аппарат, созданный Генрихом I, был восстановлен и получил дальнейшее развитие. Все большей властью облакаются специальные разъездные уполномоченные, представлявшие короля во всех концах страны, да и сам Генрих непрерывно совершал поездки по своим владениям. Поездки эти отчасти были вынужденными, поскольку большая доля государственных доходов поступала все еще в виде зерна, мяса и другой продукции королевских поместий. Во времена, когда передвижения по стране являлись сложным и дорогостоящим предприятием, единственной возможностью для короля использовать эти продукты было переходить со свитой своих придворных из поместья в поместье и потреблять все это тут же на местах.

Все более широко использовались шерифы в качестве постоянных представителей верховной власти. В то же время за ними был установлен строжайший контроль и были поставлены некоторые ограничения их практике обогащения, производившегося путем ограбления населения графства и мошеннического присвоения денег, которые должны быть переданы королевской казне. В 1170 г. была произведена даже чистка, так называемое «Расследование шерифов», и более половины шерифов были отстранены от должности и заменены новыми, более тесно связанными с королевским казначейством. В интересах короны было прекратить все незаконные вымогателства, чтобы как можно более увеличить свои собственные доходы. Почти все реформы этого периода имели своей целью увеличить и упорядочить сбор королевских податей.

Усиливающейся государственной властью помимо баронов пришлось столкнуться с претензиями церкви, которая хотела, чтобы ее признали независимой международной организацией, стоящей вне всяких национальных рамок. Борьба между церковью и государством в Англии являлась только частью битвы;

охватившей всю Европу, имевшей в разных странах различный исход. В Германии император Генрих IV вынужден был в 1177 г. в Каноссе смиренно подчиниться папе Григорию VII, во Франции же, наоборот, победа, по существу, осталась за короной. Вопрос упирался в двойственную роль церкви и ее служителей. С одной стороны, епископы и аббаты были феодальными лордами — хозяевами обширных земель и доходов. С другой же стороны, они были представителями силы, имеющей международную организацию с центром в Риме. Корона хотела ставить их и распоряжаться ими, как своими феодалами: папство претендовало на то, чтобы их назначать и распоряжаться ими как своими представителями. Положение осложнилось тем, что чиновничий аппарат, на который опиралась верховная власть, почти целиком состоял из церковников, да и вообще церковь поддерживала корону в борьбе против баронов, предъявляя в то же время свои претензии на независимость. Успех происшедшего позднее баронского восстания против короля Иоанна следует в значительной степени отнести за счет исключительной поддержки, которую церковь оказывала мятежникам.

При Вильгельме I сохранялось неустойчивое равновесие, но уже в следующее правление началась длительная борьба за инвеституру — за право назначать высших должностных лиц церкви. Только в 1106 г. удалось прийти к соглашению, по которому корона отводила право назначать новых епископов, которые избирались затем капитулами кафедральных церквей, формально утверждались папой и, в конце концов, приносили присягу верности королю как его феодальные вассалы. По существу, это была победа короны.

При Генрихе II борьба приняла новую форму. В то время как корона стремилась расширять круг дел, подлежащих юрисдикции королевских судов, церковь отстаивала право судить всех клириков в специальных церковных судах. Дела там разбирались на основании канонического права, и наказания налагались гораздо более легкие, чем в обычных светских судах. Не следует забывать, что клириками считали не только священников, но и гораздо более многочисленную группу людей более низкого положения; это был такой многочисленный и важный класс общества, что, в конце концов, всех, кто умел читать, стали причислять к клирикам, давая им, таким образом, возможность судиться по нормам канонического права. Центральной фигурой в этой борьбе церкви и государства был Фома Бекет, личность и карьера которого явились воплощением своеобразно двойственного положения церкви его века. Бекет — сын богатого лондонского купца. Он поступил на службу к королю и стал канцлером, ревностно проводя в жизнь централизаторские реформы Генриха. Когда Генрих пожелал распространить их и на церковь, он сделал Бекета архи-

епископом Кентерберийским, рассчитывая, что тот будет проводить в жизнь его замыслы. У Бекета, однако, было на этот счет иное мнение, и он дал королю отпор с такой же страстностью, с какой прежде защищал его интересы.

После долгой борьбы Генрих опрометчиво позволил своим придворным убить архиепископа. Последовавший за этим скандал, вероятно сознательно вызванный церковью, принял такие масштабы, что Генрих вынужден был отказаться от своих планов и позволить церковным судам продолжать разбор всех дел клириков. Практика «привилегий духовенства» просуществовала вплоть до самой Реформации. Самого же Бекета канонизировали, и могила его стала популярнейшим местом паломничества.

Однако победа церкви была неполной; государству пришлось передать ей уголовные дела, гражданские же попрежнему подлежали юрисдикции королевских судов. В этот же период развивается так называемое обычное право, совокупность законов, имевших силу по всей стране и вытеснявших все чисто местные законы и обычаи. Это обычное право в уголовных делах основывалось на принципах и практике англо-саксонских законов эпохи, предшествующей норманскому завоеванию. Тяжбы о земельных держаниях и споры о собственности вызвали развитие отдельной сложной системы казуистического обычного права после норманского завоевания. Благодаря силе обычного права, римское право, принятое за основу большинством европейских кодексов, не привилось в Англии. В результате церковное каноническое право, основанное на принципах римского права, оказалось изолированным, ослабленным и осталось чуждым основной тенденции правового развития Англии. Здесь мы сталкиваемся с еще одной своеобразной и противоречивой особенностью классовых отношений феодального периода. В то время как церковь в основном поддерживала королевскую политику централизации против баронов, последние были противниками церковных судов. Эти суды сокращали число дел в местных феодальных судах, точно так же как и в судах королевских, и бароны подозрительно косились на всякую попытку церкви ввести в стране римское право из-за того, что оно служило укреплению государственного абсолютизма. Такого рода причины объясняют и неустойчивость союзов, и постоянные перемены группировок, характерные для трехсотлетнего антагонизма средневековья — антагонизма короны, баронов и церкви¹.

¹ Основным антагонизмом в средние века был антагонизм между феодалами (включая церковь и королевскую власть) и крестьянством. Противоречия между церковью, баронами и короной являлись противоречиями внутри господствующего класса и развертывались на фоне этого основного антагонизма и в зависимости от него. — *Прим. ред.*

4. Международные отношения

После норманского завоевания английские короли попрежнему оставались норманскими герцогами и даже использовали Англию как базу для расширения своих владений во Франции. Точно так же и большинство военных сподвижников Вильгельма, являвшихся феодальными лордами Нормандии, продолжали держать земли по обеим сторонам Ламанша. В течение по крайней мере полутора столетий правящий класс Англии был чужеземным, или, если смотреть с иной точки зрения, обладал двойной национальностью. Во всяком случае, почти до конца XIII в. обычным языком для него был французский, и когда в 1380 г. Чосер в своих «Кентерберийских рассказах» мягко высмеивает настоятельницу, которая «...по-французски говорила плавно, как учат в Стратфорде у Боу...», он отнюдь не хочет заставить нас предположить, что французский язык в Стратфорде у Боу не был уже достаточно чист.

Этот двунациональный характер королей и баронов и тот факт, что вначале Франция была им ближе Англии, определил и основное направление внешней политики. Для английских королей и баронов, имевших владения по ту сторону Ламанша, стало почти привычкой проводить половину лета в походах во Франции. Возможно, что Англия вначале и ценилась ими больше как источник людских и материальных ресурсов для их военных авантур, чем по какой-либо иной причине.

Гораздо важнее этих войн, не приведших ни к каким существенным результатам и подробности которых теперь забыты, было возникновение новых экономических связей, новых торговых областей, появление новых товаров и ремесел, которые занесли в страну иностранные мастера. За Вильгельмом Завоевателем шли не только солдаты. Много было и торговцев — их как магнит притягивал к себе Лондон, всегда бывший центром торговли Северной Европы. О росте Лондона мы уже говорили; теперь его преобладающее значение окончательно утверждается. В Лондон текли все товары из богатых английских долин. Он был расположен напротив устья Рейна — главного пути, по которому проводилась торговля между Средиземноморьем и Севером. Лондон уже установил тесные торговые связи со Скандинавией и Прибалтикой. Еще со времен Этельреда там были постоянные колонии «Императорских людей», повидимому рейнских купцов. За ними последовали и другие купцы из северогерманских городов Ганзейского союза и Прибалтики.

Теперь стали прибывать еще новые партии на этот раз норманских и фламандских купцов, привлеченных в Лондон, как ясно говорит один современник, «тем, что он был удобнее всего

для их торговли и больше всего снабжен товарами, которыми они привыкли торговать».

Помимо Лондона оживленную торговлю с Фландрией и Прибалтикой вели через Ламанш порты южного берега и такие города, как Линн, Бостон и Ипсвич. Правда, объем торговли того времени был незначителен с точки зрения наших дней, но все же этим путем Англия получала целый ряд таких жизненно необходимых товаров, как железо, соль, ткани. Вплоть до XV в. Англия добывала и выплавляла мало железа, пользуясь, в основном, тем, что поступало из Швеции и Северной Испании. В условиях, когда общий уровень цен составлял примерно $\frac{1}{20}$ современного, готовое железо стоило до 14 ф. ст. за тонну. Высокая стоимость железа была одной из наиболее серьезных помех в развитии сельского хозяйства, и на земледельческие орудия расходовали его крайне экономно. Бороны, например, были почти всегда деревянные, а в плугах только лемеха и резаки делались из железа. Шерсть и холсты были тоже непомерно дороги. В балладе «Старый плащ» почтенный человек говорит о своем плаще, как о предмете, служившем ему всю жизнь, и нередко одежда переходила по завещанию из поколения в поколение. В Англии делали только самые грубые ткани, более тонкие вывозили из Фландрии. Точно так же обстояло дело и в других областях хозяйства, — хотя по побережью, например, и выпаривали небольшое количество соли, но большую часть потребляемой соли поставляли юго-западные области Франции.

После норманского завоевания появился целый ряд новых статей импорта. Дорогие ткани начинают появляться в большем количестве и разнообразии, ввозятся вина из Гаскони, пряности с Востока, и, что самое удивительное, импортируется в значительном количестве такой громоздкий предмет, как строительный камень. На строительство многих норманских замков и церквей по берегу моря или вдоль судоходных рек пошел камень, добытый в каменоломнях Кана. В состав экспорта, согласно списку, приведенному Генрихом Хантингдонским, писавшим в середине XII в., входили шерсть, свинец, олово и скот. Так как английские короли правили по обоим берегам Ламанша, для купцов стали относительно безопасными путешествия по значительной территории. Пиратство в Ирландском море и проливах утихло.

Помимо купцов в Англию начали приезжать и опытные мастера. У норманов были архитекторы, умевшие искусно строить каменные здания; для возведения замков и церквей им, вероятно, потребовалось большое число каменотесов из других стран. Вильгельм I, женившийся на дочери графа Фландрского, поощрял возникновение поселений фламандских ткачей. Эти поселения начали создаваться сразу после завоевания, а возможно еще и до него. Мы знаем, например, что деревня Флемптон в Суффолке

упоминается в «Книге страшного суда» под именем Флемингтуна. Приходская церковь в этой деревне носит имя святой Катерины, покровительницы ткачей. Поселения этих Флемингов рассыпаны были по всей стране, пока по воле Генриха I большая часть их не была вынуждена переселиться на юг Уэльса.

И именно с этими ткачами связаны первые признаки зачатков классово-борьбы в городах. Купеческие гильдии, которые начали появляться в XII в., нередко выносили решения не допускать ткачей к участию в получении городских привилегий. Несомненно, купцы поступали так, пытаясь удержать ткачей на положении зависимых ремесленников, а не потому, что, как полагали некоторые, исконные горожане просто-напросто были враждебно настроены к пришельцам из чужих мест.

По мере роста торговли центр тяжести перемещался, и Англия становилась для королей и баронов важнее Нормандии или Анжу. А поскольку поместье барона в Англии становится главным средоточием его интересов, он все с большей неохотой проводит лето во Франции, сопровождая короля в его военных походах. Феодальное войско обязано было отбывать военную повинность королю только сорок дней в году. Этого срока могло хватить для войны между двумя соседними государствами или баронскими владениями Европы, но для экспедиции из Англии во Францию этого было далеко не достаточно. Чтобы выйти из положения, Генрих II разрешил и даже стал поощрять уплату баронами специального налога, скутагия (щитовых денег), заменявшего личную воинскую повинность. Доходы от налога шли на наем войск на все время похода.

Введение щитовых денег свидетельствует о том, до какой степени денежные взносы стали заменять целый ряд более старых натуральных повинностей и личную службу, которые еще сохранялись в XI в. В то же время и со стороны лендлордов также наблюдается ясно выраженное стремление превращать часть своих поместий в держание на условиях уплаты ренты и даже «коммутировать» на тех же условиях трудовые повинности своих вилланов. Деньги становятся обычной и все более насущной потребностью отчасти потому, что обмен становится делом все более обычным, а отчасти в связи с началом периода повышения цен, который длился полтора столетия, начавшись с середины XII в. Во всех этих изменениях, приведших к тому, что деньги все больше входили в жизнь, определенная роль принадлежала целой серии войн, называемых обычно крестовыми походами, начало которых падает на 1096 г.

Крестовые походы были войнами переходного характера; они сочетали в себе некоторые черты набегов, совершавшихся скандинавами в поисках добычи и земель, с характерными чертами поздних войн с целью торговых и династических завоеваний.

Эти походы, в особенности вначале, предпринимались не королями, а баронами, которые хотели получить новые, более богатые и независимые от короны владения. В этих ранних крестовых походах особенно широкое участие принимали бароны из покоренных скандинавами областей Франции и Италии. Иногда впереди войска двигались массы изголодавшихся по земле крестьян.

В то же время крестовые походы были ответным ударом на новое вторжение мусульман, которые угрожали отрезать торговые пути на восток и даже грозили Константинополю. Палестина была стратегическим ключом к Леванту. К этому прибавились еще и религиозные мотивы — цель освобождения святынь Иерусалима. Во всяком случае, мусульманское нашествие преградило путь потоку паломников в Иерусалим, а эти паломничества были широко организованным коммерческим предприятием, очень важным для некоторых мест средиземноморского побережья. Папство возглавило организацию крестовых походов, используя их как средство усиления своего политического могущества.

В первых крестовых походах, когда был взят Иерусалим и там было образовано «Латинское королевство», Англия почти не принимала участия. Происходило это вначале потому, что английские бароны заняты были освоением новых, только что захваченных владений, а позднее — потому, что Уэльс и Ирландия представляли для наиболее авантюристического типа баронов, предприимчивых и жадных до новых земель, т. е. как раз тех, кто составлял основное ядро армии крестоносцев, — аналогичное, но более многообещающее поле деятельности гораздо ближе к Англии.

В третьем крестовом походе, для которого поводом явилось взятие Иерусалима армиями Саладина, впервые приняли непосредственное участие европейские короли. Среди них особенно видную роль играли французский король Филипп и король Англии Ричард I. Впервые в истории английские корабли вошли в Средиземное море, и то, что Ричард избрал в качестве покровителя святого Георгия, явилось одновременно и символом и прямым результатом его союза с возвышающейся морской державой — Генуэзской республикой. Этот крестовый поход оказался неудачным, стоил он колоссальных людских потерь и массу денег, а Ричарду, истратившему целое состояние на подготовку этого предприятия, пришлось собрать такое же состояние для уплаты выкупа за самого себя германскому императору, в плен к которому Ричард попал на обратном пути в Англию. Тем не менее в результате этого похода Англия установила непосредственные и прочные связи с торговыми городами Италии, то есть от местной торговли перешла к мировой торговле.

Внутри самой Англии одним из первых результатов крестового похода был еврейский погром. Евреи пришли в страну

вскоре после норманского завоевания и рассматривались как своего рода королевская собственность. Для евреев был закрыт доступ во все обычные отрасли торговли и ремесла, и в качестве ростовщиков корона использовала их как губку, которая впитывает деньги соседей и которую потом выжимает королевская казна. Таким образом удавалось маскировать королевские вымогательства, а озлобление, которое они вызывали, обращалось против евреев, а не против их хозяина. Когда корона ослабляла свое покровительство, как в 1189 г., начинался грабёж и резня евреев.

Снаряжение огромного войска, с которым Ричард отправился в крестовый поход, потребовало очень больших сумм наличных денег. Добывались эти деньги различными путями, но главным была продажа хартий городам. Ко времени норманского завоевания эти города, за исключением Лондона, представляли собой не более чем разросшиеся деревни, принадлежавшие либо короне, либо феодальному лорду или монастырю. Все еще находясь в зависимости от обработки расположенных на их территории общинных полей, города отличались от окружавших их сельских местностей главным образом несколько более легкими условиями земельных держаний. Тем не менее и с них взыскивали целый ряд всевозможных поборов и рент, нередко произвольных и тяжелых. Все более разрастаясь, города начинают вступать в сделки со своими сеньерами, покупая за известную сумму денег или, чаще, за ежегодный взнос освобождение от своих повинностей. Эта операция требовала выдачи специальной хартии и создания корпоративной организации горожан, коллективно ответственной за уплату взноса. По мере своего развития купеческие гильдии (см. стр. 83) все теснее переплетаются с этими корпорациями горожан и нередко сливаются с ними полностью.

Генрих II выдавал такие хартии, хотя и довольно скупой. Нужда в деньгах заставила Ричарда применять эту практику шире, а острота этой нужды позволила городам заключать сделки на очень выгодных для себя условиях. Во всяком случае, в период развития торговли и городов такие твердо установленные взносы, становившиеся более легкими по мере роста богатств города, представляли для горожан определенную выгоду. Это еще одна сторона жизни, на которой мы можем наблюдать развитие денежной экономики в недрах феодального строя.

Возникновение самоуправляющихся городов, «коммун», свободных от системы личной зависимости и повинностей, привело к формированию новых общественных классов, готовых выступить на политическую арену. Короткое правление Ричарда было, таким образом, периодом важных преобразований. Это было также время, когда созданная Генрихом II бюрократическая организация подверглась испытанию в отсутствие самого короля. Эта организация под управлением юстициария Хьюберта Уолтера

доказала свою жизнеспособность при подавлении попытки Иоанна, брата Ричарда, поднять мятеж. Этот мятеж был в истории Англии последним случаем, когда феодальный магнат пытался установить власть, направленную против государственной власти и независимую от нее.

5. Великая хартия

Период от норманского завоевания до 1200 г. был периодом роста власти государства и власти короля как главы государства; однако рост этот не выходил за рамки условий, определяемых общим характером феодального строя. Ни один из королей не стремился установить абсолютную монархию и не надеялся, что ему удастся нарушить расплывчатые, но строго чтимые всеми условия феодального соглашения со своими вассалами, в котором воплотилось существовавшее соотношение сил внутри феодального общества. Было общепризнано, что король имеет определенные права и обязанности — обязанность оберегать мир в государстве, быть подковником во время войны, обеспечивать своим вассалам неприкосновенность их держаний, а также право взимать определенные поборы, взыскивать определенные военные и другие повинности со своих вассалов и в качестве верховного владельца всех земель принимать от них феодальную присягу верности. Точно так же и вассалы короля имели свои права и обязанности. В частности, обязательства их были ограничены определенными обстоятельствами и твердо установленным размером, а после смерти королевского вассала поместье должно было беспрепятственно перейти к его наследнику по уплате установленного обычая взноса.

Сразу после этих основных прав шло право вершить суд над своими держателями, что являлось важной статьёй дохода. Хотя, как мы видели, королевские суды расширяли сферу своей деятельности за счет частной юрисдикции, осуществлялось это тем не менее весьма осторожно и скорее путем введения более эффективных форм судебного процесса, чем путем прямого принуждения.

В качестве крайнего средства за баронами сохранялось право поднять мятеж. Если феодальное соглашение бессовестно нарушалось королем и все попытки восстановить положение терпели неудачу, бароны были вправе отречься от верности своему сюзерену и добиваться восстановления своих прав войной. Это всегда было делом крайне рискованным, а в Англии, где власть короны была особенно сильна, а бароны наименее могущественны, являлось совершенно безнадежным предприятием. Даже самые сильные союзы баронов не могли сломить могущество короны, когда — как это было в 1095 и 1106 гг. — она имела опору среди остальных классов и слоев населения.

Иоанн, способнейший, но самый беспринципный из всех королей анжуйской династии, сделал попытку превысить власть, которой корона могла пользоваться, не нарушая феодальных отношений. Он взимал чрезмерные платежи и субсидии такими способами и под такими предлогами, которые не были санкционированы обычаем; он без суда конфисковывал поместья у своих вассалов; произвольно забирал дела из баронских судов, передавая их в королевские суды. Короче говоря, он относился без всякого уважения к закону и обычаю. Его административный аппарат непосредственно угрожал правам баронов и фактически правам всех фрименов, т. е. всех тех, кто стремился поддерживать нормальную деятельность феодального государства, основной обязанностью которого — не следует никогда этого забывать — было держать в подчинении массы сервов и коттеджеров. Новшества Иоанна касались не одних только баронов. Не церемонился он и с церковью, а города, которые во время двух предыдущих правлений все более цепко держались за свои корпоративные права, должны были теперь платить целый ряд всевозможных новых налогов и сборов.

В результате всего этого корона оказалась изолированной от тех общественных групп, которые прежде служили ей самой верной опорой. Особенно неудачно было наступление Иоанна на церковные права, потому что оно совпало с периодом исключительного усиления церкви при папе Иннокентии III.

Но даже несмотря на все это возможен был успех Иоанна, если бы не провал его внешней политики. Спор о престолонаследии с его племянником Артуром вовлек Иоанна в длительную войну с Францией. Одну за другой потерял он принадлежавшие его отцу провинции, включая и герцогство Нормандское. Потеря Нормандии означала для многих английских баронов потерю обширных родовых поместий. В их глазах Иоанн нарушил свою первейшую обязанность — обязанность охранять владения своих вассалов. И в то же время потеря владений за границей заставила их еще больше заботиться о сохранении своих оставшихся поместий в Англии.

В этот момент, лишившись поддержки своих баронов, Иоанн вступил в спор с Иннокентием III по вопросу замещения вакансии архиепископа Кентерберийского. Игнорируя выставленного королем кандидата в нарушение всех установленных правил, Иннокентий посвятил в архиепископы Стефана Лангтона, а чтобы легче провести в жизнь свое решение, подверг Англию интердикту. Вслед за этим папа объявил Иоанна лишенным престола и отлученным от церкви и убедил королей Франции и Шотландии начать против него войну. Иоанн ответил на это военным союзом с Фландрией и германским императором. Но его силы были разбиты в битве при Бувине в 1214 г., а английские бароны отказались

сражаться. Даже изъявление покорности, принесенное Иннокентию в последнюю минуту, не смогло вернуть Иоанну расположение церкви в Англии, и Лангтон попрежнему оставался душою баронской смуты.

Иоанн остался совсем один. У него даже не было возможности созвать ополчение, которое в прежние времена было козырной картой короны в ее борьбе со знатью. Уже один этот факт показывает, что движение против Иоанна приняло в известной степени общенародный характер. Нехотя он сдался и 15 июня 1215 г. в долине Раннимед объявил о согласии принять программу требований, записанных баронами в Великой хартии.

Великую хартию справедливо считают поворотным пунктом в английской истории, руководствуясь при этом, однако, почти всегда неверными основаниями. Она не была «конституционным» документом. Она не провозглашала принципа «никаких налогов без представительства». Она не гарантировала парламентского правления, потому что тогда еще не существовало парламента. Она не установила права расследования судебных дел через присяжных, потому что присяжные были частью королевского судебного аппарата, против которого бароны боролись.

В ней содержалось детальное перечисление совершенных Иоанном нарушений в отношении прав, которыми он мог пользоваться как феодальный сюзерен, и требование о прекращении им этой незаконной практики. Она отражала союз баронов и лондонских горожан, когда требовала освободить купечество от произвольного обложения. В других же отношениях, как, например, в попытке ослабить влияние королевских судов, хартия носила реакционный характер. И хотя ее самый знаменитый параграф провозглашал, что «ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору его пэров и по закону страны», слова «свободный человек» делали все эти преимущества недоступными для широких масс населения, находившихся все еще на положении крепостных. Позднее, когда крепостной строй уже пришел в упадок, этот параграф приобрел новый смысл и новое значение.

Важнее всех перечислений протестов против совершенных королем злоупотреблений был параграф, предписывающий учредить постоянный комитет из двадцати пяти баронов, которые должны были следить, чтобы Иоанн не нарушал своих обещаний. Это была подлинная попытка создать аппарат, способный устранить необходимость открытого восстания, ибо оно могло иметь успех только при таких исключительных обстоятельствах, какие создались в 1215 г., или уж на худой конец гарантировать, что восстание начнется для баронов наиболее благоприятным образом.

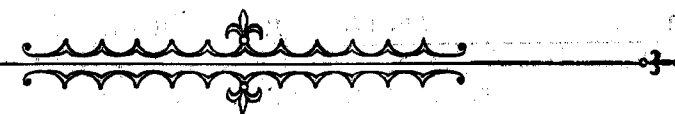
Само по себе это нововведение не оказалось особенно эффективным, но оно проложило новый путь, создав для баронов возможность вести свою политическую борьбу в качестве общественного класса, а не в качестве одиночек. Оно подготовило также путь для вступления на политическую арену новых классов. Оно привело к развитию парламента как орудия, с помощью которого сначала знать, а позднее и буржуазия могли отстаивать свои интересы.

Как только бароны разъехались, Иоанн отказался от соблюдения хартии и начал собирать войско. Бароны в ответ на это объявили его низложенным и предложили корону Людовику, сыну французского короля. Последовала гражданская война, прерванная смертью Иоанна в октябре 1216 г. Его сыну Генриху было только девять лет, и приверженцы Людовика быстро переметнулись на сторону юного принца. Генрих был коронован, и группа баронов, которую возглавляли Уильям Маршалл, эрл Пемброк и Хьюберт де Бург, стала править от его имени. За долгий период несовершеннолетия Генриха принципы хартии приобрели характер основных законов страны. В последующие века Великая хартия торжественно подтверждалась всеми королями от Генриха III до Генриха VI.

Любопытна последующая история этого документа; она подразделяется на три периода. В период упадка феодализма исчезла практическая нужда в хартии, и о ней понемногу забыли. Тюдорская буржуазия была в слишком тесном союзе с монархией, чтобы желать установления какого-либо контроля над ней, силы же знати были подорваны войнами Алой и Белой розы. Шекспир в своей драме «Король Иоанн» ни разу не упоминает о Великой хартии, а вполне возможно, никогда о ней и не слышал.

Когда во времена Стюартов буржуазия вступила в революционную полосу своего развития, хартию снова извлекли на свет и, благодаря тому, что она была изложена в специальных феодальных терминах, истолковали совершенно неправильно, используя ее как основание для претензий парламента. Такой взгляд на хартию, как на краеугольный камень демократических прав, упорно держался в течение большей части девятнадцатого века. И только в последние пятьдесят-шестьдесят лет историки критически рассмотрели ее как феодальный документ, раскрыв его подлинную сущность и значение.

И именно потому, что Великая хартия отмечает высшую точку феодального развития и выражает наиболее четко характер феодальных общественных отношений, она знаменует в то же время и перерастание общества за рамки этих отношений. Она является одновременно и кульминацией и отправной точкой. Добившись хартии, бароны одержали величайшую победу, но только путем уже не вполне феодальным — путем установления новых комбинаций как в своей среде, так и в союзе с другими классами.

Глава IV

УПАДОК ФЕОДАЛИЗМА

1. Торговля и города

Тринадцатый век в Англии отмечен общими изменениями в феодальном строе, которые в конце концов привели к упадку этого строя и развитию капиталистического сельского хозяйства. Однако непосредственные результаты этих изменений оказались не совсем такими, каких можно было ожидать с первого взгляда. В XII в. начал развиваться процесс, известный под названием «коммутации», при котором трудовые повинности частично или полностью заменялись денежными платежами. С ростом денежного обращения, о чем уже упоминалось¹, возникает обратный процесс, главным образом в наиболее доступных и наиболее процветающих областях—в поместьях монастырей и крупных лордов. Здесь, в связи с развитием денежного обращения и неуклонным подъемом цен, обрабатывать господские земли трудом крепостных и продавать получаемые таким образом шерсть, мясо, кожи и зерно представлялось более выгодным, чем брать фиксированную денежную ренту, реальная ценность которой непрерывно стремилась к снижению. Вследствие этого на протяжении XIII в. многие лорды, коммутировавшие ранее в своих имениях барщину на земле, теперь восстановили прежний порядок, нередко делая барщину еще более суровой и отказывая во всех просьбах о новых коммутациях. И только в глухих районах, удаленных от главных рынков и торговых путей, иногда еще проводится замена барщины денежными платежами.

В XIV в. намечается новая тенденция. Рост сельскохозяйственной продукции для рынка обогнал рост производства промышленных изделий. Это вызвало относительное падение цен на продукты сельского хозяйства. И помещики снова меняют свою политику. Начинается новая волна коммутаций, или, во всяком случае, требования крестьян о коммутации уже не отвергаются лордами так решительно, как прежде. В результате шире начинает применяться наемная рабочая сила в сельском хозяйстве. А это в свою очередь ведет к упадку крепостнических отношений

¹ См. выше, стр. 74.

и распаду феодального поместья. Одновременно с этим увеличение производства шерсти для фламандского рынка вызвало рост международной торговли и купеческого капитала. В области политики государство постепенно поглощало функции феодальной знати—судопроизводство в баронских поместьях, охрану жизни земледельца и организацию феодальных войск во время войны. По мере того как бароны освобождались от всех этих обязанностей, они мало-помалу превращались в землевладельцев в позднейшем смысле слова: извлекали доход из своих имений и все более привыкали смотреть на короля и его резиденцию как на естественный центр их политической деятельности.

В предыдущей главе упоминалось о росте городов и о том, какими способами они получали хартии, освобождающие их от обременительных феодальных обязательств. Такую хартию легче всего было получить от короля, так как деньги ему всегда были нужнее обычных феодальных повинностей, менее легко у знати и лишь с большим трудом у крупных монастырей, под стенами которых также часто возникали города. История таких городов—Сент-Олбанса, Бери, Сент-Эдмундса и Рединга—изобилует ожесточенными столкновениями, иногда переходящими в вооруженные восстания горожан, как это было, например, в 1327 г. в Бери. Здесь городское население при поддержке вилланов близлежащих деревень напало на аббатство и основало коммуну, которая продержалась шесть месяцев, но в конце концов была разгромлена. Интересно отметить, что после восстания тридцать два приходских священника были осуждены как вожаки движения.

К концу XIII в. почти всем городам, как крупным, так и мелким, за исключением только нескольких находящихся под властью монастырей, удалось добиться известной степени самоуправления. Сосредоточить торговлю в руках полноправных горожан по принципу, что лишь тот, кто участвовал в выкупе городских вольностей, имеет право пользоваться их привилегиями,—вот что стало главной заботой каждого города после получения свободы от феодальных вымогательств. Эта цель была достигнута путем организации горожан в купеческую гильдию. Эти гильдии, объединяющие всех занимающихся ремеслом в данном городе (вначале не существовало четкого разделения между торговцами, которые покупали и продавали изделия, и ремесленниками, которые их производили,—обе функции обычно выполнялись одним лицом), были строго замкнутыми корпорациями, предписания их должны были исполняться под угрозой штрафа, а в качестве крайней меры—исключения из гильдии.

По мере роста городов наряду с купеческими гильдиями, иногда становясь к ним во враждебную позицию, возникают и ремесленные гильдии. Эти объединения включают только предста-

вителей специальных ремесел: кузнецов, шорников, пекарей или портных. Они стремились регулировать все ремесленное производство своей отрасли, регламентировать цены, качество продукции, условия работы и т. п. В них входили мастера, работающие каждый у себя на дому, обычно с одним или несколькими учениками, а иногда с подмастерьями, наемными работниками. Подмастерьем считался тот, кто прошел уже стадию ученичества, но еще не смог стать мастером.

Вначале подмастерья не образовывали отдельного класса—это были люди, которые могли ждать, что они со временем станут самостоятельными мастерами. К концу XIII в., однако, классовое расслоение в городе начинает вырисовываться яснее. Число подмастерьев выросло, и многие из них так и оставались наемными работниками до конца жизни. С учреждением высоких вступительных взносов и других ограничений гильдии становятся все более замкнутыми, все труднее становится стать их членом. В результате подмастерья начинают создавать свои особые организации, так называемые гильдии йоменов.

Эти гильдии подвергались репрессиям и часто вынуждены были действовать тайно. Вот почему мы слышим о них только урывками,—только тогда, когда члены их предстают перед судом, или при таких обстоятельствах, как в 1303 г., когда лондонская гильдия кожевников объявила, что «воспрещается работникам по кожевному или иному какому делу собираться и принимать решения, могущие идти в ущерб делу».

В 1387 г. опять-таки «Джон Кларк, Генри Дантон и Джон Хичин, работники по кожевному делу... собрали множество себе подобных людей и тайно сговорились о сообщничестве» и были заключены в Ньюгейтскую тюрьму мэром и олдерменами в ожидании дальнейших указаний о том, что надлежит с ними делать». Сохранились подобные же сведения о забастовках или объединениях и в других городах и отраслях ремесла, например лондонских шорников в 1336 г., ткачей в 1362 г. и пекарей Ковентри в 1494 г.

Помимо искусных ремесленников, входящих в гильдии, в более крупных городах скоро начало появляться пришлое население—беглые крепостные и пр. Они составили низший класс неквалифицированных и нерегулярно занятых работников. В Лондоне эта категория была особенно велика, и если положение квалифицированных рабочих могло считаться относительно сносным, обитатели трущоб средневековья погружены были в бездну такой нищеты и падения, какую трудно себе и вообразить.

Следует отметить еще одно явление несколько более позднего периода, знаменующее процесс социальной дифференциации в городах. Оно заключалось в росте гильдий скупщиков и торговцев, подчинивших своему влиянию гильдии производителей изделий.

Так, к концу XIV в. лондонские торговцы сукнами диктовали свои условия сукновалам, мастерам, занятым стрижкой, и ткачам, а из двенадцати крупных гильдий, только из состава которых мог выбираться мэр города, всего лишь две — ткачей и ювелиров — были гильдиями производителей. Тот же процесс в более медленном темпе и более узких масштабах протекал и в других городах; это лишний раз напоминает нам, что первые крупные накопления буржуазной собственности происходили в форме купеческого капитала.

Первое, наиболее важное поле деятельности, которое купеческий капитал нашел себе в Англии, была торговля шерстью. Шерсть вывозилась из Англии. С самых ранних времен в Генте, Брюгге, Ипре и других городах Фландрии из нее ткали сукно. К XIII в. эта отрасль торговли приняла широкий размах и по объему и стоимости скоро превысила все другие статьи экспорта, вместе взятые.

Следует отметить, однако, что Англия не была политически зависима от Фландрии, как это обычно бывает со странами, производящими сырье, по отношению к странам индустриальным. Это отчасти обуславливалось внутренним положением Фландрии, ослабляемой непрерывной борьбой между купцами и ткачами-ремесленниками, фландрскими графами и французскими королями, борьбой, которая разбедняла Фландрию и в XIV в. оказала серьезное влияние на весь ход английской истории¹.

Гораздо более важное значение имело монопольное положение Англии, как страны, производящей шерсть. Ни одна другая страна не производила систематически на всем протяжении средних веков избытка шерсти для экспорта, и не раз запрещение экспорта шерсти мгновенно вызывало опустошительный кризис во Фландрии. Монополия Англии явилась следствием подавления феодальных междоусобиц еще в ранний период, а это, как уже отмечалось, отражало исключительную силу трона по сравнению с феодальной знатью. Из всех видов скота овец легче всего развести и труднее всего сохранить, и только при условиях мира в стране, необычных для средневековья, овцеводство в широких масштабах могло стать прибыльным делом.

Еще в XII в. монахи Цистерцианского ордена основали на сухих восточных склонах Пеннинских гор обширные овцеводческие фермы. Монахи были не только крупными фермерами, но и финансистами, через их руки и руки их агентов, ломбардских и флорентийских купцов, проходила большая часть доходов, которые получало из Англии папство, доходов, которые, как констатировал парламент Эдуарда III, в пять раз превышали поступления в королевскую казну. Значительная часть этих доходов собиралась не деньгами, а шерстью.

¹ См. ниже, стр. 98.

Уже к XIII в., если не раньше, помимо Йоркшира, крупными поставщиками шерсти стали Котсуолд и Чилтерн, Херефорд и нагорья Линкольншира. Вначале почти вся экспортная торговля сосредоточивалась в руках итальянских и фламандских купцов. Первые, особенно из тех городов, где уже процветали банкирские конторы, были в состоянии производить финансовые операции в масштабах, которых еще не знала Северная Европа. Ломбардские ростовщики могли финансировать Эдуарда I лучше, чем евреи, по этой причине последние были изгнаны из Англии в 1220 г. Этот акт изображается часто в качестве патриотического мероприятия, но в действительности он был результатом интриги конкурирующей группы ростовщиков, которая смогла предложить королю более выгодные условия ссуды.

С ростом торговли английские экспортеры начинают вытеснять своих иностранных конкурентов. Цифры экспорта за 1273 г. (неполные, но, повидимому, довольно достоверные) показывают, что более половины всей торговли находилось в руках англичан. Эта стадия развития английского купеческого капитала отмечена организацией стапельной торговли шерстью. Смысл стапельной торговли заключался в том, чтобы сосредоточить весь экспорт шерсти в одном или нескольких местах и, таким образом, защитить купцов от пиратства и облегчить сбор налогов. Сначала выбрано было несколько городов Фландрии, затем в 1353 г. несколько английских городов. Наконец, в 1362 г. стапельным центром стал Кале, захваченный во время столетней войны. С самого начала стапельная торговля была в руках английских купцов.

Развитие торговли в национальном масштабе повлекло за собой потерю целого ряда исключительных привилегий, которыми пользовались города согласно хартиям. Как Эдуард I, так и Эдуард III поощряли приезд в Англию иностранных купцов, предоставляя им льготы, что вызывало конфликты между купцами и коренными жителями городов. Делались также попытки улучшить дороги и гавани и обеспечить свободу и безопасность торговли по всему королевству. Насколько ненадежно было даже относительное спокойствие Англии в этот период, превосходно иллюстрируется статьей Винчестерского статута (1285), предписывающей, чтобы все большие дороги были расчищены «так, чтобы на двести футов¹ по ту и по другую сторону не осталось ни канавки, ни кустика, где мог бы укрыться человек со злым умыслом».

Ярмарки также способствовали преодолению местной изолированности. Ярмарки в известной степени стояли вне контроля купеческих гильдий, и наиболее крупные из них привлекали торговцев со всех концов Европы. У них был свой кодекс законов —

¹ Фут равен 0,3 м.—Прим. ред.

«Купеческое право». Во времена, когда каждая область и каждый район имели свои собственные обычаи, это было большим достижением. «Купеческое право» было международным кодексом, и торговцы всех стран были знакомы с правилами и обязательствами, которые он устанавливал.

В целях развития международной торговли были введены также золотые монеты наряду с серебряными. На Западе первые золотые монеты средневековья (флорины) выпущены были во Флоренции в 1252 г. В Англии первую золотую монету (нобль) стали чеканить вскоре после захвата Кале в 1347 г. Большая компактность золота давала новой монете явные преимущества, однако широкое распространение внутри самой Англии золотое обращение получило только спустя несколько столетий.

Упадок феодального строя и развитие торговли привели к изменениям в системе обложения, что имело для страны серьезные последствия. В норманские времена король, как и любой барон, жил «на свои собственные средства». Только при особых обстоятельствах принято было взимать специальные налоги, и сначала это были земельные налоги. По мере роста городов налогами стали облагаться и другие виды собственности, а следовательно, и другие классы, помимо баронов, оказались непосредственно заинтересованными в делах государства. Обложение поимущественным налогом производилось вначале на основании самой приблизительной оценки имущества, но вскоре размеры налога стали строго фиксироваться, и его обычная норма—десятая или пятнадцатая часть—составляла в среднем доход около 40 тыс. фунтов стерлингов.

Во время правления Генриха III в связи с резким подъемом цен обычные доходы короля становятся уже недостаточны, особенно если принять во внимание, что государство проявляло тенденцию брать на себя все большую часть функций, исполнявшихся ранее баронами. С этого времени вопрос о характере использования королевских поместий делается острым политическим вопросом. Все классы были прямо заинтересованы в том, чтобы земли короны не истощались, ибо, если имения короля отчуждались, бремя налогов становилось еще более тяжелым. Показательно, что все короли, вызвавшие наиболее серьезную оппозицию своих подданных—Генрих III, Эдуард II, Ричард II, Генрих VI,—без всякого стеснения распоряжались коронными землями.

При этих обстоятельствах неизбежно было объединение баронской оппозиции, направленной против отдельных сторон политики короля и приведшей к жалованию Великой хартии, с оппозицией развивающегося купечества городов, ибо у них был общий повод к недовольству, хотя положительные интересы совпадали редко. Средством для выражения этой новой оппозиции явился парламент. Однако и сама корона нередко использовала купцов в качестве противовеса баронам, и в этом смысле рост

политического веса купцов можно считать одним из побочных результатов борьбы короля со знатью, борьбы между двумя равными по силе противниками, каждый из которых рад был заполучить союзника. Во всяком случае, именно в столкновении этих классов мы должны искать причины зарождения и развития парламента.

2. Зарождение парламента

В период несовершеннолетия Генриха III баронская партия, одержавшая в долине Раннимед победу, вела от имени короля все дела государства. Уильям Маршалл, де Бург и архиепископ Лангтон были, повидимому, людьми не без способностей; под их руководством, не встречая противодействия, сплотились бароны; в результате значение Великого совета как центра государственного аппарата сильно возросло. У баронов был опыт в административных делах, и это помогло им действовать как единой группе, стремиться уже не к достижению личного могущества в своих феодальных владениях, а к установлению собственного объединенного управления всем государством.

Когда Генрих достиг совершеннолетия и сделал попытку взять бразды правления в свои руки, борьба вспыхнула снова. Неопытность Генриха сочеталась с заносчивостью, мешавшей ему сознавать свою слабость, а легкомысленная расточительность в момент, когда цены непрерывно росли, приводила к бесконечным требованиям денег. Сам король всецело находился под влиянием иностранных друзей своей жены-француженки, им он раздавал земли, которые, по мнению баронов, следовало сохранить за английской короной, и должности, которые, по их мнению, следовало предоставить английской знати. Духовенство забрало при Генрихе такую силу, как ни при одном короле со времени Эдуарда Исповедника; именно в царствование Генриха Англия превратилась для римских пап в главный источник доходов: эти доходы папство получало и от прямых налогов и от предоставленной ему возможности беззастенчиво продавать церковные должности тому, кто больше даст—будь то англичанин или иностранец.

В результате, хотя Генрих непрерывно требовал у своих вассалов деньги, государственный аппарат работал все хуже. Тормозилось развитие торговли, и не только бароны, но и мелкие землевладельцы, а также купцы снова объединяются в единой оппозиции к королю. Вначале она приняла традиционную форму баронской оппозиции.

Когда в 1257 г. Генрих позволил папе уговорить себя принять сицилийскую корону для своего сына Эдмунда и потребовал у совета необходимые средства для того, чтобы отвоевать этот остров у Гогенштауфенов, оппозиция достигла кульминационной

точки. Бароны отказали в деньгах, а собравшийся в Оксфорде совет создал целую систему ответственных перед ним комитетов, которые должны были взять на себя разрешение всех вопросов государственного управления. Они потребовали также права назначать верховного юстициария, канцлера и других должностных лиц, а также шерифов графств. Приблизительно с этого времени совет известен уже под именем парламента.

Через три года чисто баронское движение явно обнаружило свою слабость. Баронов всегда разъединяла и фамильная вражда, и противоречие интересов, которое чувствовал на себе каждый: с одной стороны, вновь появившаяся классовая солидарность, с другой—старое, но крепко укоренившееся стремление расширять свои личные феодальные владения. В результате королю удалось отколотить и привлечь на свою сторону часть баронской оппозиции и начать гражданскую войну. Оставшиеся в оппозиции бароны во главе с Симоном де Монфор вынуждены были искать поддержки других классов, и когда в 1264 г. армия Симона нанесла королевским войскам поражение при Льюисе, целый фланг этой армии составляли горожане Лондона.

После битвы при Льюисе ряды баронской оппозиции продолжали редеть, движение начало принимать более народный характер. В него волилось городское купечество, более мелкие землевладельцы, часть клира, недовольная растущей властью папства, и студенты Оксфорда; последние обычно принадлежали к средним или к низшим слоям средних классов и на всем протяжении средневековья выступали в крайне радикальном духе. Такова была политическая обстановка, при которой Монфор созвал в 1265 г. в свой парламент выборных представителей самоуправляющихся городов, а также по два рыцаря от каждого графства.

Парламент де Монфора, хотя и созданный с соблюдением строго законных форм, все же правильно изображается как собрание революционной партии. В парламент приглашены были только пять эрлов и семнадцать баронов, и горожане явно должны были служить противовесом баронам, которые покинули Монфора. Парламент 1265 г. был органом революционным, но тем не менее его созыв вполне соответствовал общей линии исторического развития предыдущих десятилетий, которая, со своей стороны, была следствием изменений классовой структуры английского общества.

Упадок феодализма вызывал все более глубокий разрыв между крупными баронами и более мелкими землевладельцами или рыцарями. В то время как первые все еще сохраняли отряды вооруженной свиты и считали войну и политику своей естественной сферой деятельности, последние все более удовлетворялись жизнью в своих поместьях и извлечением из этих поместий наибольших доходов. В то время как крупные лорды все еще зависели

от труда крепостных для обработки своих доменов, рыцари уже широко применяли наемный труд. Этому способствовало и развитие торговли шерстью. Оно давало мелким землевладельцам возможность производить продукт, который можно было легко и выгодно продать. К XIII в. можно уже отнести начало той английской сквайрархии, которая царила в деревне на протяжении пяти веков.

Рыцари уже в ранние времена привлекались к участию в местном управлении через суды графств, а в 1254 г. выборные представители рыцарей от графств были официально приглашены в совет, правда только затем, чтобы доложить о решениях, уже принятых судами графств. В период между 1254 и 1266 г. рыцари приглашались подобным же образом несколько раз, по разным причинам. Теоретически поэтому парламентская политика Монфора не являлась чем-то принципиально новым, однако же этот шаг изменил характер совета и равновесие сил в нем, и его с этого времени нельзя уже считать чисто феодальным органом.

В следующем году армия Монфора была разбита сыном Генриха Эдуардом после блестяще проведенной операции в долине реки Северн. Сам Монфор погиб в битве при Ившеме. Эдуард считал более благоразумным согласиться на целый ряд требований, выдвинутых повстанцами, и формы, которые принял парламент при Монфоре, становятся в царствование Эдуарда постоянными. У нас нет никаких данных о том, что вначале рыцари и горожане принимали сколько-нибудь активное участие в работе парламента. Они приглашались туда главным образом для того, чтобы давать свое согласие на налоги, которых требовал король, помогать ему в этом, предоставляя сведения, необходимые для обложения населения, и по возвращении следить за тем, чтобы их графства и города собирали требуемые суммы. Они также подавали петиции от своих областей и помогали правительству следить за действиями местных должностных лиц.

Подобно институту присяжных, парламент был создан скорее ради удобства короны, чем вследствие права подданных. И те, кто посылал в парламент своих представителей, и те, кого туда посылали, были одинаково рады избавиться от связанных с этим затрат, и нередко города представляли петиции и просили освободить их от обязанности посылать своих представителей в парламент. Парламент развивался в качестве органа, ведающего вопросами налогообложения, и если он стал средоточием оппозиции, то уж отнюдь не по замыслу короны.

От 1265 до 1295 г. проведен был еще ряд преобразований, но только когда назрел новый кризис, в развитии парламента произошел следующий крупный сдвиг. В 1295 г. Эдуард оказался втянутым в войну с Францией и Шотландией; одновременно перед ним стояла задача удержать только что покоренный Уэльс.

Он созвал парламент, вошедший в историю под именем «образцового», так как он включал все элементы английского общества, которые в дальнейшем были признаны необходимыми для полноты собрания. Этот парламент предоставил королю крупную субсидию хотя и довольно неохотно, однако уже через два года деньги потребовались снова. Эдуард обложил население огромным имущественным налогом, увеличил вывозные пошлины на шерсть и захватил часть церковного имущества.

Эти мероприятия встретили резкое противодействие, и в 1297 г. король заставил даровать «Подтверждение хартий». Эдуард действительно пообещал не взыскивать впредь никаких налогов без согласия парламента. Оппозиция все еще носила в основном традиционный баронский характер, однако знаменательно, что теперь она начала выражаться в новых парламентских формах. То же можно сказать и о правлении следующего короля. Эдуард II оттолкнул от себя баронов неудачей Баннокбернской кампании 1315 г., а также тем, что раздавал земли короны своим личным друзьям из низших сословий и тем самым приравнивал их к представителям старинной знати. В 1327 г. после баронского восстания Эдуард был низложен, но этот акт осуществлен был с помощью парламентской процедуры и создал прецедент, исключительный по своей важности.

Постоянная нужда Эдуарда III в средствах для продолжения Столетней войны привела к новой ступени в развитии парламентского контроля над обложением. В период между 1339 и 1344 г. парламент отказывал королю в субсидиях до тех пор, пока правительство не разберет все представленные в парламенте жалобы. Такой прогресс объяснялся не столько усилением самого парламента, сколько крайней остротой, которую приобрела для короля денежная проблема; Эдуард считал, что важнее продолжать войну с Францией, нежели вступать в спор с парламентом из-за, казалось бы, малозначительных вопросов. В результате он дал парламенту позволение избирать специальных казначеев, которые должны были наблюдать за расходованием утвержденных парламентом ассигнований и контролировать королевские отчеты. Это было, по существу, не только признанием права парламента отказывать короне в субсидии, но и выражало также, пусть еще не совсем четко, установление косвенного парламентского контроля над тем, куда идут государственные деньги, а следовательно, и над политикой.

Значение всех этих преобразований легко переоценить. В действительности парламентский контроль был только номинальным, кроме тех периодов, когда корона была исключительно слаба. Однако все это устанавливало прецеденты, позволившие парламенту занять прочную позицию на поле классовых битв последующих столетий.

В это время были сделаны последние шаги, в результате которых парламент получил современную форму. Вначале все сословия заседали вместе как одно объединение, и перевес во всех решениях неизбежно оказывался на стороне крупных баронов. Затем наступил период экспериментов. Было время, когда «палат» в парламенте было три—бароны, духовенство и общины. Одно время для принятия статутов о торговле в отдельную секцию выделялись горожане, как это было в «Парламенте» в Актон Бернеле в 1283 г. Иногда рыцари графств заседали в одной палате с баронами, а иногда с горожанами. Потом духовенство вышло из состава парламента и создало свою особую конвокацию, а парламент разделился на палаты лордов и общин, в соответствии с существующими поныне формами. При этом окончательным разделению парламента рыцари графств, представлявшие интересы более мелких землевладельцев, заняли места в палате общин рядом с представителями городского купечества.

Такая группировка, встречающаяся только в Англии, полностью отражала очень своеобразное соотношение классовых сил в этой стране к концу средневековья. Запрещение частных войн и развитие торговли шерстью, как уже указывалось, вызвало глубокий разрыв между крупными и мелкими землевладельцами. Последние думали главным образом о получении дохода от земли и начали в широких масштабах заниматься овцеводством. У них было гораздо больше общих интересов с купечеством, которое также жило за счет торговли шерстью, чем с крупными баронами, все еще смотревшими на войну как на свое основное занятие. В то же время рыцари являлись связующим звеном между купечеством и баронами, что давало возможность всем трем социальным группам время от времени действовать совместно.

Именно союз купцов и сквайров обусловил рост политической силы парламента. Этот союз дал возможность купеческому сословию набирать силы, опираясь на поддержку уже сформировавшегося класса, и позволил палате общин иногда выступать независимо от лордов. В то время как в большинстве стран Европы представительные учреждения, возникшие к этому времени, приходят в упадок, а иногда и вовсе отмирают по мере разложения феодального строя, в Англии упадок феодализма только усилил влияние палаты общин, как нефеодальной части парламента.

В конце XIV в. и в XV в. парламент номинально располагал уже весьма значительной силой. Однако было бы ошибкой переоценивать его могущество и силу купеческого сословия. Если парламент и имел возможность приобрести целый ряд полномочий, то это произошло благодаря тому, что в обычное время главная роль в нем принадлежала палате лордов. Упадок феодализма, создавший слой сквайров, в то же время способствовал сосредоточению

мощи в руках кучки могущественных знатных фамилий. Большинство представителей этой знати были связаны родственными узами с королем и ожесточенно враждовали между собой из-за положения в правительстве. Они видели в парламенте удобное средство захватить в свои руки управление государственным аппаратом, и широкие полномочия парламента на практике нередко использовались правящей кликой вельмож. Весь этот период был переходным периодом неустойчивого равновесия классовых сил, а парламент явился одновременно и отражением этих сил и центром их столкновения.

3. Уэльс; Ирландия; Шотландия

Норманское завоевание вначале ограничивалось только областями, приблизительно входившими в собственно Англию. Остальная часть Британских островов все еще была независима и подразделялась на бесконечное множество мелких королевств и княжеств, где в основном еще сохранялся родовой строй. Норманы в течение нескольких веков пытались подчинить себе и феодализировать эти области. Шотландия—хотя в южной части ее уже существовал феодальный строй—никогда не была покорена, а в Ирландии вплоть до правления Тюдоров колонизирован был только небольшой укрепленный район вокруг Дублина.

Покорение этих областей началось с Уэльса, и здесь оно проводилось наиболее полно. Сначала англо-саксы отодвинули границу Уэльса к линии, проходящей приблизительно по рекам Ди и Уай, однако решительных попыток пересечь горный массив и равнины, тянущиеся вдоль южного берега полуострова, они не предпринимали. После норманского завоевания производилось покорение отдельных частей территории Уэльса не короной, а феодальными лордами, держания которых находились на границе с Уэльсом. Эти владения должны были служить опорными пунктами против набегов с холмов—они поэтому были обширнее и компактнее, чем поместья королевских вассалов в других частях страны. Подразумевалось также, что всякий держатель пограничных владений имеет право присоединять к ним все земли, которые сумеет отвоевать у валлийцев.

В последующие 150 лет не прекращались беспорядочные военные столкновения, в результате которых валлийцы постепенно оттеснялись все глубже в горы, а в долинах и на побережье вырастали десятки норманских замков. Каждый владелец такого замка вел себя как независимый князек—наполовину феодальный лорд, наполовину клановый вождь—на всей земле, которую он с помощью своих вооруженных вассалов мог защитить и от набегов валлийцев, скрывавшихся в горах, и от посягательств своих норманских соседей в ближайших долинах. К 1200 г. независи-

мость сохранили только князья Северного Уэльса. Так, дом Ллевеллинов правил княжеством Гиннед; гора Сноудон служила здесь как бы естественным фортом, а богатые хлебородные земли Англии были житницей княжества. В XIII в. Ллевеллины отвоевали даже значительную часть своих прежних владений, используя междуусобицы английских пограничных феодалов.

Это восстановление силы уэльских князей, достигшее высшей точки при Ллевеллине ап Гриффит (1246—1283), привело к первой прямой попытке английской короны покорить Уэльс. Эдуард I следовал римской стратегии—строил замки в важных, с военной точки зрения, пунктах и прокладывал между ними военные дороги. Двигаясь из Честера вдоль побережья, он отрезал Ллевеллина, укрывшегося, как обычно, под защитой хребта Сноудон, от его продовольственной базы в Англии, и к 1285 г. завершено было полное покорение Уэльса. Северный Уэльс был разделен на графства под непосредственным управлением чиновников короны, хотя в остальных районах права пограничных лордов урезаны не были.

Частичное завоевание Уэльса имело дурные политические и военные последствия. Долгое время, после того как в самой Англии водворился относительный мир, Уэльс все еще кипел воинственно настроенной знатью: Мортимеры, Бохуны, Клеры не в малой степени способствовали возникновению беспорядков. В то время как феодализм повсюду уже пришел в упадок, в Уэльсе он обнаруживал еще противоестественную жизнестойкость, а пограничные лорды составляли значительную часть хищников-феодалов, которые вели войны Алой и Белой розы.

Средства для ведения войны были тут же под рукой—нищета валлийского народа облегчала вербовку наемных солдат из жителей внутренних горных областей страны. Во время войны с Шотландией и Столетней войны значительную часть пехоты составляли валлийцы. Условия войны в Уэльсе способствовали развитию боевой тактики англичан. Большой лук, обеспечивший англичанам перевес в военной технике над всеми их противниками, был прежде всего валлийским оружием, а в бесконечных малых войнах в горах и долинах Уэльса совершенствовалось знаменитое сочетание отрядов тяжело вооруженных войск и стрелков из большого лука—сочетание, доказавшее свое превосходство как в борьбе с разрозненными воинами ирландских племен, так и с шотландцами, вооруженными пиками, и с французской феодальной кавалерией.

Свое боевое испытание новая тактика впервые получила в Ирландии. Воспользовавшись междуусобиями в стране, граф Пемброк, не случайно прозванный Большим Луком, высадился здесь в 1170 г. с конницей в несколько сот тяжело вооруженных всадников, под прикрытием отрядов валлийских стрелков из лука.

Тактика этих стрелков, не феодальная и не родовая, была совершенно новой для того времени и оказалась исключительно эффективной в этой стране непроходимых болот и холмов, где население оказалось пришельцам отчаянное, но плохо организованное сопротивление.

Характер завоевателей помог им легко и быстро ассимилироваться среди покоренного населения, как только пройден был первый этап завоевания. Завоеватели в большинстве случаев были выходцами из валлийских племен и мало в чем существенном отличались от ирландцев, среди которых они селились. Даже на военных вождях завоевателей сказывалось влияние уэльского окружения, в котором они находились уже около столетия. В результате создавался правящий феодальный класс, который был еще опутан родовыми традициями. С каждым новым поколением Фитцджеральды все больше становились похожими на ирландцев, а де Бурги не замедлили превратиться в Берков. Если не считать их каменных замков и одетых в броню вассалов да еще феодального привкуса в земельных законах, мало что отличало завоевателей от коренных ирландцев—О'Конноров и О'Доннелей Запада. Отличие это казалось совсем ничтожным по сравнению с пропастью, отделявшей их всех от англичан Пейла—укрепленного района вокруг Дублина, который непосредственно управлялся из Англии. Все попытки использовать Пейл как базу для дальнейшей экспансии наталкивались на неистовое сопротивление как кельтов, так и англо-ирландцев, и район этот так и оставался всего-навсего аванпостом до тех пор, пока покорением Ирландии серьезно не занялись уже Тюдоры.

Попытки дальнейшей экспансии обречены были на неудачу, вероятно, потому, что не было возможности содержать на таком большом расстоянии от метрополии большую постоянную армию, которая была для этого необходима, а также потому, что не было средств предотвратить ассимиляцию новых групп поселенцев, подобную ассимиляции первых завоевателей. Во всяком случае, со времени начала Столетней войны попыток завоевать Ирландию не предпринимал ни один король, кроме Ричарда II, да и тот вынужден был от них отказаться, ибо его положение внутри самой Англии было ненадежно. Ирландия так и осталась поделенной между бесчисленными родовыми вождями и баронами, раздираемой внутренними войнами, которые мешали экономическому развитию страны и разоряли жителей. В этот период родовый строй здесь уже стал понемногу разлагаться и на землю постепенно начали смотреть как на собственность вождя, а не всего племени. Однако на смену загнивающему родовому строю не пришла еще никакая другая определенная социальная формация. Ирландия, которая в раннее средневековье была одной из богатейших стран Западной Европы с наиболее высоко развитой культурой, после

датского и английского нашествия становится одной из самых бедных и отсталых областей.

Методы ведения войны, зародившиеся в Уэльсе и усовершенствованные в Ирландии, были испытаны в первый раз против регулярных войск противника в Шотландии. В Шотландии, в отличие от Уэльса и Ирландии, феодализм за период от 1066 до 1286 г. сделал большие успехи. В 1286 г. смерть шотландского короля Александра III, не оставившего после себя наследников, предоставила Эдуарду I случай попытаться расширить границы своего государства на всю Британию.

За несколько веков до этого вторгшиеся англы основали свои поселения вдоль восточного берега Шотландии и на равнинах Лотиана, и эти области долго оставались частью английского королевства Нортумбрии. В 1018 г. в результате битвы при Кареме Лотиан был присоединен к Шотландии. Эта битва не только установила границу между Англией и Шотландией в ее современном виде, она определила также весь ход англо-шотландской истории, предрешив, что Шотландия не будет исключительно кельтской страной, а что ее наиболее плодородная и экономически развитая область будет английской по языку и расе и будет испытывать на себе сильное влияние феодального английского юга. После 1066 г. в Шотландии появляются феодальные бароны, тесно связанные с Англией, владеющие обширными поместьями в обеих странах. Так, Роберт Брюс имел 90 тыс. га земли в Йоркшире, а у его соперника Джона Баллиоля, помимо Шотландии, земли были и в Англии и в Нормандии.

В течение двух веков дружественный в основном характер отношений между Англией и Шотландией время от времени нарушали только вмешательства Шотландии в английскую политику—одно из таких вмешательств привело, например, к тому, что в 1170 г. Вильгельм Лев был взят в плен при Алнике. Широкий пояс болот разделял две страны, препятствовал вторжениям, и мы имеем мало указаний на что-либо подобное постоянным мелким пограничным столкновениям, начавшимся в более поздний период. Лишь изредка какой-нибудь из английских королей, довольно, впрочем, неопределенно, претендовал на положение сюзерена Шотландии, и еще реже шотландцы соглашались принять эти притязания. Развитие Шотландии шло тем временем приблизительно в том же направлении, как и Англии; не следует только забывать, что Шотландия была беднее Англии, удалена от торговых центров Европы, а на западе и севере страны еще сохранялись обширные и слабо заселенные разрозненными племенами области.

Когда после смерти Александра III и его малолетней дочери чуть ли не дюжина феодалов стала претендовать на шотландский престол, бароны, которые были настолько же англичанами, насколько и шотландцами, обратились за разрешением спора,

естественно, к Эдуарду I. Эдуард подвел к границе сильную армию, объявил себя верховным правителем Шотландии и решил оказать поддержку Джону Баллиолю. Обоснованность его притязаний на роль сюзерена Шотландии баронами не оспаривалась, хотя сохранились сведения о том, что весь народ выразил свой протест, но о характере этого протеста нам, к сожалению, не сообщает ни один хронист.

Посадив на трон Баллиоля, Эдуард принялся провоцировать его на восстание—оскорблял и выказывал ему всяческое неуважение, пока, наконец, в 1286 г. цель не была достигнута. Тогда Эдуард снова двинулся на север, захватил и разграбил Берик—важный торговый город Шотландии с многочисленным фламандским населением,—свергнул Баллиоля и еще раз добился признания своей власти шотландскими баронами.

Эдуард оставил в качестве правителя эрла Уоренна с оккупационной армией, считая, повидимому, что покорение Шотландии завершено. Однако если знати безразлично было, от кого держать земли, то для масс шотландского населения присутствие иностранного гарнизона вскоре стало невыносимым. В 1297 г. мелкий землевладелец Уильям Уоллес стал во главе мятежа своих соотечественников, собрал армию из крестьян и городских жителей, которая при Стерлинге нанесла Уоренну поражение. Через несколько месяцев в Шотландию прибыл сам Эдуард и встретился с армией повстанцев у Фолкерка. Повстанцы выстроились в традиционный шотландский круг копейщиков, представляющий дальнейшее развитие стены щитов у саксов. Английские стрелки из лука пробили в рядах противника бреши и таким путем дали возможность начать атаку кавалерии. Как только круг был разорван, одетые в броню всадники легко могли расправиться с копейщиками.

Через несколько лет Роберт Брюс, внук претендовавшего в 1286 г. на шотландский престол Роберта Брюса, с большим дипломатическим искусством переходивший то на одну, то на другую сторону, нашел возможность использовать народное движение в своих личных интересах. Он короновался в Сконе короной шотландских королей и в течение нескольких лет успешно вел партизанскую войну. Это оказалось возможным, ибо, хотя Эдуард и мог собрать армию достаточно сильную, чтобы разбить любое сопротивление, он не мог при существовавших способах передвижения и при наличии обширных пространств диких земель, отделяющих Англию от Шотландии, содержать такую армию в постоянной боевой готовности. Постоянный гарнизон, насчитывающий около 2 тыс. человек, мог удержать лишь несколько главных городов и замков. В 1307 г. Эдуард повел в Шотландию еще одну армию и умер в походе.

Партизанская война не прекращалась, и в следующее правление один за другим переходили замки в руки шотландцев, пока,

наконец, у англичан не остался только Стерлинг. В 1314 г. Эдуард II двинулся на помощь с самой большой армией, какая только когда-либо покидала пределы Англии, и был наголову разбит при Баннокберне. Шотландцы победили отчасти благодаря искусно выбранному Брюсом месту боя, главным же образом благодаря глупости английского командования. Положившись на большой численный перевес своей армии и позабыв все уроки предыдущих десятилетий, Эдуард бросил свою кавалерию на шотландские пики без предварительного заградительного огня стрелков из лука. Недостатки феодальной кавалерии обнаружились здесь с такой же ясностью, как и позднее при Креси и Пуатье.

Битва при Баннокберне была немаловажным событием, однако она не имела того решающего значения, какое ей часто приписывают. Эдуарду не давала возможности возобновлять военные действия его борьба с баронами в самой Англии, которая в 1327 г. окончилась свержением и убийством Эдуарда. Но войну возобновил Эдуард III. Распри среди шотландской знати и искусство английских стрелков из лука принесли ему победу при Халидон Хилле, после которой сын Брюса—Давид должен был искать спасения во Франции. В течение некоторого времени еще велась классическая партизанская война, постепенно прекратившаяся отчасти потому, что оказалось невозможным привести ее к какому-нибудь решительному концу, но главным образом потому, что Столетняя война к этому времени начала поглощать все силы Англии. С этого времени Англия не делала дальнейших попыток покорить Шотландию, однако между ними продолжались нерегулярные военные столкновения. Они превратили в пустыню большие пространства по обеим сторонам англо-шотландской границы и приостановили начавшееся развитие шотландской торговли и промышленности и сохранили в Шотландии феодализм, в то время как в Англии феодализм быстро клонился к упадку.

Для Англии последствия этой борьбы были менее серьезны, ибо они затрагивали только Север, и без того отсталый и бедный. Однако эта борьба породила могущественную, воинственно настроенную знать, которая подобно пограничным уэльским лордам сохранила феодальный облик, находившийся в полном несоответствии с эволюцией остальной части страны. За счет этой знати и следует в значительной степени отнести внутренние беспорядки и войны в Англии XV в.

4. Столетняя война и переворот в военной технике

Войны в Уэльсе и Шотландии были войнами типично средневекового характера с целью захвата земель для английских королей и баронов. Столетняя война была уже войной нового типа, это была прежде всего торговая война и только внешне, по форме,

еще носила характер средневековых завоеваний. Эдуард III, находившийся под влиянием идей о рыцарстве, которые получили развитие только в период заката феодализма, действительно предьявлял династические притязания на французскую корону, но эти притязания едва ли кем-нибудь принимались всерьез, а лишь маскировали подлинные цели войны.

Внезапное переключение интереса английской внешней политики от Шотландии к Франции можно объяснить тем, что последняя была богаче и Шотландии и Ирландии, однако тут кроются еще и другие причины. Ни Шотландия, ни Ирландия не имели существенного значения для развития английской торговли, в то время как в состав Французского королевства входили две области, представлявшие для Англии с этой точки зрения жизненный интерес. Это были Фландрия — центр шерстяной промышленности, и Гасконь, являвшаяся все еще феодальным владением английских королей. Гасконь была главным поставщиком вина и соли, а также важной базой по импорту железа.

Столетняя война, таким образом, отражала растущую силу английского купеческого капитала¹, а также заинтересованность многочисленного и влиятельного слоя землевладельцев Англии в торговле шерстью. Ее подлинной целью было политически объединить Англию, Фландрию и Гасконь, уже связанные между собой торговыми отношениями; основные военные действия развернулись во Фландрии и Гаскони.

Еще несколько веков спустя классовая борьба не достигала ни в одной стране такой остроты, какую в XIV в. приняла она во Фландрии. Возникновение войны связано было с этой борьбой настолько тесно, что о ней следует сказать несколько слов. К концу XIII в. экономика Фландрии приобретает определенно городской характер, ее крупные города становятся скорее промышленными, чем торговыми центрами. Подсчитано, что из 50 тыс. жителей Гента 30 тыс. были непосредственно связаны с шерстяным производством. В Генте, Брюгге, Мехлине и других центрах шерстяной промышленности небольшая группа богатых купцов, снабжавших ткачей шерстью, которую те перерабатывали в сукно, создала строго замкнутую олигархию и подчинила своей власти органы городского управления. Примерно с 1250 г. становятся обычными стачки и вооруженные бунты ткачей. В 1280 г. началось всеобщее восстание. Ткачей поддержали фландрский граф и другие представители знати, желавшие ослабить могущество городов. Купцы отступили под натиском этой коалиции и обратились за помощью к французскому королю, а тот в свою

¹ Автор преувеличивает роль купеческого капитала, приписывая ему определяющую роль во внешней политике Англии. Столетняя война велась прежде всего феодалами в их феодальных захватнических интересах; интересы торговли играли здесь подчиненную роль. — *Прим. ред.*

очередь с охотой ухватился за предоставлявшуюся возможность укрепить свой позиции в полунезависимом фландрском графстве.

Последовала ожесточенная борьба, не прекращавшаяся на протяжении жизни целого поколения. В 1303 г. в решающей битве неподалеку от Куртре ткачи разбили лучшие силы французской феодальной знати и на короткое время захватили власть в городах. Скоро междоусобная вражда ткачей и сукновалов дала купцам возможность восстановить свою власть в главном городе Генте, и тогда фландрский граф обратился за помощью к Англии. Брюгге и Ипр, все еще управлявшиеся ткачами, выразили готовность поддержать Эдуарда III и признать его правителем Фландрии и Франции.

В 1327 г. английское правительство показало великолепный образец дипломатического искусства. Оно запретило экспорт шерсти во Фландрию и тем самым немедленно вызвало в этой стране кризис. Кризис временно объединил все классы Фландрии, все они оказывали теперь поддержку политике войны с Францией, лишь бы добиться снятия эмбарго. Эдуард, таким образом, получил надежную военную базу.

Первые военные кампании велась из Фландрии, плацдармом для второй серии нападений послужила Гасконь. Первые операции не принесли англичанам успеха; неудачи подорвали престиж Эдуарда во Фландрии. Искусственный союз между классами Фландрии распался, как только перестали существовать те исключительные обстоятельства, которые его породили. В 1345 г. потерпел поражение и был убит Филипп ван Артевельде — руководитель крупных гентских купцов и главный приверженец Эдуарда.

В следующем году произошло первое крупное сражение при Креси. Подобно последующим битвам при Пуатье и Азенкуре битва при Креси явилась результатом нелепой стратегии англичан, которые с недостаточно сильной армией проникли далеко в глубь Франции и оказались припертыми к стене превосходящими силами противника. Однако недочеты стратегии были восполнены превосходством тактики. Уроки войны с Шотландией и битвы при Куртре показали и слабость феодальной кавалерии и преимущества большого лука, а также массовых формирований хорошо обученной, стойкой пехоты. Впервые феодальные рыцари спешились и сражались бок о бок со стрелками из лука. Французы, вместо того чтобы взять в тиски окруженную армию англичан и заставить ее начать атаку, бросили на ряды готовых к отпору стрелков отряды своей кавалерии и понесли полное поражение. Позже повторилось то же самое в Пуатье в 1356 г. и в 1360 г. Первый этап войны закончился заключением мира в Бретиньи.

Эдуард отказался от притязаний на французскую корону и не смог удержать Фландрию. Он получил большую часть Франции к югу от Луары и город Кале, захваченный через год после Креси.

Кале имел важное значение как центр для экспорта шерсти. Через несколько лет война началась снова, но уже при совершенно иных обстоятельствах. Силы англичан были подорваны неудачным походом в Испанию, а французами командовал теперь Бертран дю Геклен, быть может, самый одаренный полководец средневековья. Дю Геклен, сын мелкого бретонского дворянина, первые пятнадцать лет своей военной деятельности провел среди лесов и холмов Бретани в качестве предводителя партизанского отряда. Здесь он отбросил всю романтику рыцарства, зато в совершенстве изучил приемы и хитрости партизанской войны. Когда он стал коннетаблем Франции, он заставил французскую знать вопреки ее воле сражаться в пешем строю, уклоняться от боя, нападать на аванпосты и оставшие части противника. Он был первым командующим, понявшим все значение пороха при осаде, и разработал такую технику штурма, при которой самые, казалось бы, неприступные крепости брал в несколько дней.

И что еще важнее, годы партизанской войны сблизили дю Геклена с крестьянами; он понял, что если профессиональные войны Англии могут разбить недисциплинированные феодальные войска Франции в открытом бою, то они окажутся бессильными перед лицом народного сопротивления. В 1358 г. Франция была потрясена Жакерией — восстанием доведенных до отчаяния крестьян, которых притесняли и грабили и свои, и чужие, а сеньеры не могли защитить от нападений врага. Дю Геклен потребовал, чтобы его войнам регулярно выплачивали жалованье, даже если средства для этого приходилось изыскивать ему самому, и запретил им обирать крестьян. Вскоре англичане столкнулись с сопротивлением народа — в каждой деревне их окружали враги, о каждом их шаге немедленно сообщалось французскому командованию.

За девять лет (1369 — 1377) не произошло ни одного сражения, область за областью переходила к французам, пока у англичан не остались только Кале, Бордо и еще несколько прибрежных городов. После смерти Эдуарда III в 1377 г. французы настолько окрепли, что смогли перейти в наступление и напасть на английское побережье. Они захватили остров Уайт, а высадившиеся в Суссексе войска дошли до Льюиса.

Последние события войны, так же как и ее начало, связаны с внутренней политикой Фландрии. В 1375 г. Филипп ван Артевельде, сын союзника Эдуарда, встал во главе гентских ткачей и захватил власть в качестве сторонника англичан. В 1382 г. в Вест-Роосебеке он потерпел поражение и был убит, а в следующем году епископ Нориджа, Спенсер, известный своей жестокостью при расправе с восставшими крестьянами Восточной Англии, был послан с армией во Фландрию, чтобы попытаться возобновить войну. Эта кампания, провозглашенная крестовым походом — ибо французы поддерживали противника того папы,

который был признан Англией, — окончилась полным провалом. Государство было истощено после сорока лет почти непрерывной войны, все более обострялись конфликты между наиболее влиятельными знатными фамилиями Англии; все это положило конец войне с Францией, пока ее в 1415 г. не возобновил Генрих V.

Непосредственные результаты Столетней войны и для Франции и для Англии были почти целиком неблагоприятны. В сущности ни та, ни другая страна не получили компенсации за огромные потери в людях и средствах и длительное опустошение сельских местностей. Однако косвенным образом война способствовала ускорению упадка феодализма. Французская корона вышла из войны окрепшей благодаря авторитету, который она приобрела как руководитель народного сопротивления, благодаря созданию в ходе войны регулярной армии и развитию артиллерийской техники. В Англии неудачная попытка покорить Фландрию привела к тому, что правительство стало всячески содействовать развитию отечественной шерстяной промышленности. Оно поощряло иммиграцию в Англию фламандских мастеров. Ткачам, которых угнетали купцы, рассказывали о том, «как счастливы они будут, стоит им только приехать в Англию и привезти с собой секрет своего искусства — оно для них залог благополучия повсюду. Есть станут они только говядину да баранину, а животы их смогут пострадать разве что от собственной тучности». Англия стала страной, в большей мере производящей сукна и в меньшей мере — простым производителем шерсти в качестве сырья. К XV в. она уже почти полностью покрывала свои собственные нужды и начала экспортировать сукно за границу.

На полях Столетней войны нанесен был смертельный удар престижу закованных в броню феодальных всадников. Не изобретение пороха, как это иногда думают, а большой лук лежал в основе технического прогресса, который отнял у рыцарей их исключительное положение в бою. Большой лук ставил искусно стрелявшего крестьянина на одну ногу с его лордом, лишив последнего главного основания, по которому он мог претендовать на особое положение специалиста в военном деле. Порох имел значение вначале только при осаде крепостей, феодальный замок переставал уже быть неуязвимым. Лишь к концу средневековья появилось ручное огнестрельное оружие — мушкет. Впервые его употребили в Германии, а в Англию занесли иностранные наемники Эдуарда IV во время войн Алой и Белой розы.

Вначале новое оружие во многом уступало большому луку. Дистанция его боя была короче, скорость стрельбы и сила удара меньше. Однако все это компенсировалось одним качеством — не нужно было большой тренировки, чтобы уметь с ним обращаться, в то время как для того, чтобы искусно владеть луком, требовалась долготелная практика. Введение мушкета совпало

в конце XV в. с упадком йоменов в Англии и началом комплектования войска из безземельных жителей деревень и городской бедноты.

Впоследствии, хотя это относится уже к несколько более позднему времени, появляется и новый тип кавалерии, после периода, когда основой английской армии была пехота. Новые кавалеристы не были закованы в броню, их лошади были более легкими и быстроходными. Быстрота натиска и огонь из пистолетов рещали исход кавалерийской атаки. Это — кавалерия Тридцатилетней войны, кавалерия Руперта; хотя она и состояла преимущественно из дворян и их свиты, но отражала структуру общества в период перехода от феодализма к господству буржуазии. В одной из следующих глав мы увидим, как Кромвель и английская буржуазия использовали эту кавалерию в борьбе за власть.

Преобразование военной техники было продуктом изменений в структуре общества, однако оно со своей стороны оказало влияние на общество. Война стала зависеть от промышленности, стала требовать более сложных орудий и более основательной финансовой базы. Во время Столетней войны английские солдаты набирались как регулярные войска и получали плату: по 3 шиллинга в день пеший стрелок из лука и по 6 шиллингов кавалерист. «Чтобы добыть порох и огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала оружием городов и возвышающейся монархии, которая в своей борьбе против феодального дворянства опиралась на города»¹.

Феодальные войны стали перерастать в национальные, они превысили организационные возможности феодальной системы и ускорили ее падение.

5. «Черная смерть»

Осенью 1348 г., через два года после Креси, на юге и западе Англии стала распространяться «черная смерть». В социальном строе английской деревни происходил в это время медленный процесс преобразования, длившийся уже около столетия. Мы уже рассмотрели устройство феодального поместья — манора, в котором крепостные были прикреплены к земле и обязаны своему лорду целым рядом трудовых повинностей. Мы видели, как в Англии зарождались силы, постепенно меняющие это устройство: рост централизованного управления, замена лордами феодальных повинностей денежной рентой, развитие торговли и городов и широкое производство шерсти для внешнего рынка. Эти и другие факторы вели к превращению примитивного натурального хозяйства манора в товарно-денежное.

Однако первые результаты этого развития не были направлены к освобождению крепостного от его повинностей. На повышение цен и растущий спрос феодальная знать ответила вначале попыткой вступить в конкуренцию своими собственными силами. Так, в XIII в. землевладельцы (во всяком случае крупные) повсеместно стремятся расширить господскую запашку, поднимают неиспользуемые земли, осушают топи и увеличивают в своих поместьях трудовые повинности вилланов. Естественно, что в результате площадь обрабатываемых земель сильно возросла, но для землевладельцев это еще вовсе не было полной победой. Восстановление или увеличение трудовых повинностей встречало повсюду значительное сопротивление крестьян. Крепостной работой неохотно и небрежно, и производительность его труда была невысока. Нелегко было также превратить в экономически производительное хозяйство обширные разрозненные имения средневекового владения и подобрать необходимое число добросовестных и знающих дело людей, которым можно было бы доверить управление. По мере того как торговые и промышленные группы городов понемногу закрепляют свои права на самоуправление, по мере роста у них накопления и улучшения их организации, они захватывают контроль над городскими рынками, получают возможность вздувать цены на товары своего производства по сравнению со стоимостью продуктов сельского хозяйства.

В результате в начале XIV в. снова ясно намечается поворот в сторону более широкого использования наемных рабочих рук, особенно в небольших поместьях, а в поместьях крупных светских и церковных землевладельцев применяется политика взимания ренты. В этом смысле можно говорить о том, что в английской деревне намечаются уже признаки появления новых классовых группировок, хотя окончательно мы их ясно видим только в XVI в. Крупный землевладелец все больше становится теперь лишь получателем ренты, а фактическая эксплуатация имения переходит к крестьянину и землевладельцу-посреднику, предкам йомена и сквайра более поздних времен, ставшими уже «капиталистами» в той степени, в какой основой их экономики становился наемный труд.

Процесс коммутации проходил, следовательно, неравномерно и неодинаково в различных районах, в поместьях различной величины, в разные периоды времени. Кроме того, вполне вероятно, что внутри каждого поместья в определенный период времени денежной рентой заменялись не все, а только некоторые повинности, и зачастую денежными платежами заменялась лишь барщина, а помочи выполнялись как и прежде. Наемный труд был гораздо производительнее подневольного труда крепостных. Он не требовал такого надзора, он позволял лорду применять лучшую тягловую силу и более совершенные орудия, чем те, которыми

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1945, стр. 156.

пользовался крепостной, и его легче было регулировать. Исчезновение класса рабов также привело к тому, что лорды стали нанимать за плату пастухов и других работников, которым нужно было постоянно давать занятие.

По мере того как зависимость крепостного от его лорда становилась менее непосредственной, менялась понемногу и прежняя структура манора. Коммутация не только создала слой крестьян, выплачивающих ренту, но и создала также невиданно многочисленный для того времени класс наемных рабочих, поскольку лордам теперь приходилось платить за обработку своих земель. Между двумя этими классами еще не было четкой дифференциации, а средний класс фермеров-держателей, стоящий между помещиками и массой трудового крестьянства, еще не возник. Наряду с этими экономическими изменениями и в зависимости от них происходили и изменения в юридическом оформлении положения виллана — в законах обнаруживается тенденция предоставлять крепостным большие права и давать более широкое толкование их обязанностей.

С 1066 до 1348 г. численность населения возросла от менее чем двух миллионов почти до трех с половиной миллионов — прирост поразительный в условиях средневековья. Он отражает исключительную безопасность жизни в Англии. Однако еще до 1348 г. появились зловещие признаки перемен. Все острее чувствовалась тяжесть долгой войны, она сдерживала прирост населения и понижала уровень жизни народа. Эта тяжесть войны, наряду с падением цен на продукты сельского хозяйства, положила конец периоду экономического подъема Англии. Теперь уже вместо прежнего земельного голода мы обнаруживаем признаки нехватки наемной рабочей силы. Такова была Англия, когда ее посетила «черная смерть», которая ускорила темпы намечающихся преобразований и помогла созреть еще скрытым росткам классового антагонизма в деревне. Однако следует особо подчеркнуть, что «черная смерть» лишь ускорила процесс преобразований, направление которых уже ясно наметилось, что она не оказала настолько решающего действия, как это могло показаться по некоторым внешним признакам. И если уж вообще говорить о последствиях «черной смерти», следует всегда помнить, что имеются в виду ее последствия в общей совокупности преобразований, изменявших лицо Англии в XIV в.

«Черной смертью» называли жестокую эпидемию бубонной чумы, занесенной с востока и распространившейся по всей Европе. В Англии первая вспышка произошла в августе в Мелькомб-Регисе. Весной 1349 г. эпидемией были охвачены Восточная Англия и центральные графства. В 1350 г. она опустошила Шотландию и Ирландию. Как всякая впервые занесенная эпидемия, чума была исключительно смертоносна. Она унесла, может

быть, около одной трети всего населения, при этом, конечно, нельзя забывать, что статистические данные средневековья не очень достоверны, а вспышки эпидемии не везде были одинаковой силы. В некоторых областях вымирали целые деревни. В епархии Нориджа умерло две трети приходских священников, в Колчестере — треть всех горожан, в Лейстере уцелела только половина жителей.

Сельское хозяйство пришло в полный упадок. Поля не засеивали и не убирали, цены повысились вдвое за один только год. Повышение цен вызвало требования более высокой оплаты за труд, и уже к сезону уборки 1349 г. цена на рабочие руки увеличилась до полного соответствия с общим подъемом цен. Уже есть доказательства того, что работники имели возможность диктовать свои условия лордам и смогли добиться такого увеличения оплаты труда, что это во многих случаях повело к повышению реальной заработной платы.

В 1350 г. парламент, почти полностью состоявший из землевладельцев, сделал попытку приостановить этот рост заработной платы, издав статут о рабочих, по которому:

«Каждый здоровый человек не старше шестидесяти лет от роду, не имеющий средств к существованию, должен идти в наем к тому, кто его потребует, в противном случае он подлежит заключению в тюрьму, пока не даст поручительства в том, что станет работать.

«Если работник или слуга бросит работу до истечения назначенного срока, он будет заключен в тюрьму.

«Жалованье слугам следует платить на прежних основаниях, никак не больше.

«Если кто-либо... станет брать жалованье больше положенного, то будет заключен под стражу.

«Продовольствие работникам будет продаваться по сходной цене».

Полный провал этого статута доказывает уже тот факт, что его пришлось неоднократно переиздавать, как это было в 1357 и 1360 гг.; новые законы с каждым разом все увеличивали строгость наказаний. Однако сколько бы лорды ни издавали законов, но когда в их собственном поместье урожай гнил на корню, они сами же их нарушали и шли на любые условия со всеми, кто только соглашался работать. Провал рабочего законодательства был открыто признан «Добрый парламентом» 1376 г., заявившим:

«Если господа укоряют их за плохую работу или предлагают работать на условиях, предписанных статутами, они внезапно убегают, бросают и работу и свой край, переходят из графства в графство, из города в город, по чужим местам, неизвестным их указанным господам. А многие становятся зачинщиками бунтов и беспорядков и ведут дурную жизнь. И большинство этих работников что ни день, то совершают какое-нибудь беззаконие или кражу».

«Черная смерть» принесла более высокое жалование и большую свободу не только наемным рабочим, она точно так же дала некоторые преимущества и крестьянам, возделывавшим землю. Для тех крестьян, которые взамен своих трудовых повинностей платили фиксированную денежную ренту, подъем цен снизил эту ренту вдвое. Те же, которые еще были обязаны лордам трудовыми повинностями, получили возможность заставить их произвести замену этих повинностей денежными платежами на самых выгодных для себя условиях. Борьба внутри английской деревни и развернулась главным образом вокруг вопроса об этой замене. Помещики, естественно, стремились заставить тех, кто платил денежную ренту, вернуться к отработочной и на все требования новых коммутаций отвечали отказом. Однако практическая ценность всякого поместья зависела от количества крепостных, которых можно было эксплуатировать, и помещики, которые пытались заключить с крестьянами слишком уж не выгодные для последних сделки, скоро оказывались совсем без держателей. Беглого крепостного при поимке подвергали суровому наказанию, однако шансов на поимку было мало, а устроиться получше где-нибудь на новом месте было не так уж трудно. Часть крестьян убегала в города, другие вливались в ряды наемных рабочих, а некоторые находили помещиков, которые готовы были предоставить им пустующие земельные наделы на более выгодных условиях.

Старая деревенская община, при которой семья крестьян жили на той же земле из поколения в поколение, начала распадаться; возникали новые слои сельскохозяйственных рабочих и крестьян, переходящих с места на место и с одного надела на другой. Попытки противодействовать последствиям «черной смерти» прямым принуждением окончились неудачей, хотя многие крестьяне и вынуждены были согласиться на условия, которые им навязывали.

Помещики, следовательно, должны были изыскивать новые методы эксплуатации. Быть может, самым важным из них было расширение уже существующей практики конкуренции при сдаче земель за наибольшую ренту. Платежи, которые крепостной производил вместо коммутированных повинностей, еще не являлись подлинной рентой в современном смысле слова, ибо размеры этой ренты устанавливались скорее в соответствии со стоимостью исполнявшейся прежде работы, чем с ценностью земельного участка, отведенного крепостному. Но по мере того как землю начинают сдавать в аренду состоятельным фермерам, которые нередко и сами широко используют наемный труд, эти денежные ренты все больше приобретают характер подлинных рент, устанавливаемых в зависимости от дохода, который можно получить с данного участка земли.

Вторым способом, которым лорды пытались разрешить дилемму, было введение нового типа земельного держания — сдача в аренду

земли, скота и инвентаря. Держатель снимал участок на несколько лет, а помещик обеспечивал арендатора семенами, скотом и инвентарем. Помещик получал ренту, включающую стоимость земли и другого арендованного имущества, а по истечении срока аренды и участок и все остальное следовало вернуть помещику в хорошем состоянии. Это была переходная ступень к современному типу земельной аренды. Сначала сдаваемые по такому методу участки были, как правило, небольших размеров, но со временем многие из них разрослись, и арендаторы уже сами стали пользоваться трудом наемных рабочих.

Оба эти нововведения были важной ступенью на пути к капиталистическому сельскому хозяйству, на пути к превращению земли в место для капиталовложений, регулярно дающих прибыль. Они ускоряли процесс распада отношений личной зависимости, типичных для натурального хозяйства манора, и их замену чисто денежными отношениями. Неудивительно поэтому, что в XIV в. мы сталкиваемся в Англии с первыми проявлениями классовой борьбы в масштабе всей страны. Крестьяне и наемные рабочие испытали на момент свободу и благосостояние, теперь же им угрожало решительное контрнаступление лордов. Лорды были вынуждены мириться с меньшей долей дохода, чем они получали со своих земель прежде, и теперь они пытались вернуть старые позиции. Такая ситуация породила великое крестьянское восстание 1381 г.

6. Восстание крестьян

У вилланов было три способа борьбы с попытками лордов отеснить их назад, в ярмо крепостного рабства, от которого они только начали понемногу избавляться. Одним способом был побег. Это был первый и самый простой способ, однако воспользоваться им могли только одиночки, для человека с семьей он был мало приемлем. Оставались два других способа: организация и вооруженное восстание.

Убегали и расходились по всей стране наиболее смелые и решительные из вилланов. Под их влиянием стихийно возникавшие повсюду примитивные местные крестьянские союзы постепенно разрастались в организацию общенационального масштаба. Вступление к статуту 1377 г. выражает страх, который испытывали лорды перед этим новым явлением. Вилланы, говорилось в этом документе, «угрожают управляющим имений членовредительством и убийством и, мало того, собираются большими толпами и сговариваются, чтобы один помогал другому насильственно противиться своим помещикам; и еще много другого зла творят они различными способами, учиняя большой вред их указанным помещикам и подавая дурной пример остальным».

Во многих деревнях, вероятно, были свои местные организации, такие как Уолтер Холдерби в Суффолке, который в 1373 г. был предан суду за то, что «в пору жатвы брал с разных людей по шести и по восьми пенсов за день и тогда же устраивал очень часто в разных местах сходки работников и подбивал их брать не меньше как по шести или по восьми пенсов».

Усилиями этих первых неизвестных руководителей и был создан «Великий союз», охвативший всю страну, производивший сбор денег для уплаты штрафов за деятельность своих членов и подготовивший программу требований, которая придала единство восстанию 1381 г.

Некоторые черты в этом восстании резко отличали его от более ранних крестьянских восстаний средневековья. Если Жакерия, например, была мятежом отчаяния, движением доведенных до крайности людей, действующих без заранее намеченного плана с единственной целью причинить как можно более вреда своим угнетателям, то восстание 1381 г. было делом людей, которые завоевали уже какую-то степень свободы и благосостояния и теперь требовали большего. У вилланов, которые заявляли: «Мы созданы по образу и подобию божию, а с нами обращаются, как со скотом», проснулось сознание своего человеческого достоинства. Многие из них сражались во Франции и отлично понимали, что метко пущенная стрела одинаково валит с ног и простого крестьянина и дворянина. У английских крестьян обыкновенно имелось оружие, и они привыкли им пользоваться.

Помимо непосредственных требований крестьян — уничтожения крепостного права, коммутации всех повинностей и установления единообразной денежной ренты (4 пенс с акра), отмены статута о рабочих — среди восставших были распространены и идеи примитивного коммунизма. Идеи коммунизма распространяли наиболее бедные из приходских священников, монахи, которые, как писал Лангланд,

«Проповедуют людям по Платону и доказательства приводят из Сенеки о том, что все под небесами быть общим должно»,

и в какой-то степени лолларды, последователи Уиклефа, хотя их роль в возникновении восстания была, вероятно, значительно меньшей, чем это им часто приписывают, а сам Уиклеф не выражал восстанию никакого сочувствия.

История сохранила для нас яркий образ только одного из этих проповедников христианского коммунизма — Джона Болла. Джон Болл родился на севере в сельской местности, однако деятельность его проходила главным образом в Лондоне и близлежащих графствах. Он обосновывал равенство всех людей их общим происхождением от Адама и заявлял, как передает Фруасар, что «дела в Англии не могут идти хорошо и никогда не пойдут, пока все

не станет общим». Повстанцы 1381 г., несомненно, высоко чтили Болла, недаром они в самом начале восстания освободили его из тюрьмы в Мейдстоне, однако в предъявленных ими требованиях не было и тени коммунизма. Требования эти были, повидимому, тем минимумом, с которым все были согласны.

Весной 1381 г. Великий союз перешел от организационной деятельности в экономической области к подготовке вооруженного восстания крестьян в общеанглийском масштабе. Начавшееся восстание обнаружило все признаки тщательной подготовки; это доказывали и его широкое распространение и единодушие, с каким повстанцы выдвигали свои требования. Когда настал решительный момент, тайственные, но хорошо понятные всем воззвания передавались из деревни в деревню.

«Джон Шеп, некогда священник святой Марии в Йорке, а ныне в Колчестере, приветствует Джона Безымянного и Джона Мельника и Джона Возчика и наказывает им опасаться коварства в городе и стоять друг за друга во имя господ бога нашего и наказывает Пирсу Пахарю взяться за дело и покарать Гоба Разбойника и велит взять ему с собой Джона Справедливого и всех его товарищей, и никого больше; да смотреть в оба на одну голову (единство) и никак иначе», — говорилось в одном из таких воззваний; другое, написанное более понятным языком, провозглашало: «Джек Справедливый извещает вас, что ложь и коварство царствуют слишком долго».

Помимо общих экономических причин, породивших восстание, 1381 г. были еще дополнительные невзгоды. Затянувшаяся война с Францией, которая несла теперь Англии поражение за поражением, вынудила правительство непомерно увеличить и без того тяжелые налоги. Ричард II был еще ребенком, а Эдуард III уже впал в старческое слабоумие, и страной правила клика корыстолюбивой продажной знати, типичным представителем которой был Джон Гонт, дядя Ричарда. С ними был тесно связан новый слой откупщиков налогов и купцов-ростовщиков, к которым принадлежали казенные во время восстания Джон Лайонс Джон Лег. Большая часть поступавших от населения налоговых денег никогда не доходила до королевской казны.

Налоги терзают нас всех
 Probat hoc mors tot validorum
 (Свидетельство тому смерть стольких достойных),
 И мало что из них досталось королю
 Fuit in manibus cupidorum
 (Он был в руках алчных),

говорилось в популярном четверостишии того времени.

Кроме того, землевладельцы в парламенте разработали новый вид обложения, специально направленного против недавно достигнутого благосостояния вилланов. «Богатство нации, — провозгласил

парламент, — находится в руках работников», и в 1380 г. введен был подушный налог для того, чтобы отобрать часть этого богатства. Работников заставили платить налог в размере от четырех пенсов до одного шиллинга на каждую семью. Подушный налог, задуманный и воспринятый как мера классового угнетения, был причиной того, что неизбежное восстание разразилось именно весной 1381 г.

В конце мая на юге Эссекса крестьяне напали на сборщиков податей и некоторых убили. Крестьяне скрылись в лесах и разослали вестников в другие районы графства, а также в Кент, прося оказать им поддержку. Пятого июня поднялись крестьяне в Дартфорде. Седьмого захвачен был Рочестерский замок, а десятого — Кентербери. К этому времени восстание распространилось уже на все графства вокруг Лондона и в Восточной Англии; повстанцы со всех сторон двинулись к Лондону. Один крупный отряд крестьян расположился у Блэкхит, другой подошел к городу с севера.

Внутри города у восставших было много сторонников. У подмастерьев и учеников были свои счеты с правительством и с Джоном Гонтом, чьи сообщники по финансовым махинациям образовали в городе правящую олигархию. Кроме них была еще лондонская гольтьба, ее ряды за последние два-три десятилетия пополнились сотнями беглых вилланов. Повстанцам сочувствовала даже часть зажиточных горожан, в том числе и два члена городской управы, Хорн и Сибайл. В четверг тринадцатого июня лондонские сторонники восстания открыли восставшим путь через лондонский мост и Олдгейт; крестьяне, не встречая сопротивления, хлынули в Лондон и полностью овладели городом.

«Савой», дворец Джона Гонты, был сожжен, однако особенных беспорядков в городе не было. Вожди повстанцев старались предотвратить грабежи, а если они и происходили, то в основном, по видимому, по вине городской гольтьбы. Король и его приближенные укрылись в Тоуэре, а в пятницу вышли к восставшим в Майл-Энде и дали обещание удовлетворить все их требования. Почти в это же самое время крестьяне ворвались в Тоуэр, схватили государственного казначея и архиепископа Садбери, который как канцлер был, по их мнению, виновен в установлении подушного налога, и казнили их. На следующий день началась кровавая расправа с живущими в Лондоне фламандцами. Возможно, что и это произошло по инициативе лондонцев, ибо мятежников-крестьян не могли интересовать чисто местные конфликты Лондона.

После свидания с королем в Майл-Энде большая часть крестьян разошлась по домам, считая, что их дело выиграно. Другие же, понимавшие, что правительство хочет только оттянуть время, остались, чтобы проверить, действительно ли будут исполняться

данные им обещания. Именно с этого момента восстание начало обнаруживать неизбежную для каждого крестьянского восстания слабость. Крестьяне могли объединиться на срок, достаточно продолжительный, чтобы запугать правящие классы, но они не имели возможности установить постоянный контроль над политикой правительства. Создание крестьянского государства было невозможно, ибо крестьяне рано или поздно должны были разойтись по деревням, предоставив управление государственной машиной помещикам.

В субботу король вторично явился на свидание с предводителями повстанцев в Смитфилде, и во время их переговоров, при обстоятельствах все еще не ясных, один из свиты Ричарда убил предводителя повстанцев Уота Тайлера. Немедленное столкновение королю удалось предотвратить только тем, что он поспешил подтвердить свои обещания, данные в Майл-Энде. После этого мятежники покинули Лондон, часть стала расхаживать по домам, и только немногие, более дальновидные, отправились на места, чтобы подготовить народ к сопротивлению.

Центром восстания был Лондон, однако оно отнюдь не ограничилось одними внутренними графствами. Восстала вся Англия к югу и востоку от линии, проходящей от Йорка до Бристоля. Крестьяне громили поместья и убивали особенно ненавистных им помещиков и судей. Больше всего пострадали монастыри, чрезвычайно неохотно переводившие своих вилланов на денежную ренту. Было разграблено аббатство в Сент-Олбанс. В Бери на рыночной площади выставили голову настоятеля монастыря, а рядом — голову верховного судьи. Уже после того как повстанцы покинули Лондон, все еще трудно было успокоить народ в провинциях.

Между тем знать и ее приспешники, попрятавшиеся во время восстания, собрались теперь в Лондоне, готовя расправу. Обещания, дважды данные королем, были нарушены, и простые люди Англии познали на горьком опыте (и урок этот был не последний), как неразумно полагаться на честность своих правителей. Королевская армия прошла кровавым маршем по районам, принимавшим участие в восстании. Простых людей сотнями казнили по приговору суда и без суда; когда жители Уолтема напомнили о данных королем обещаниях, им грубо ответили: «Вы — рабы, рабами и останетесь».

Но хотя восстание потерпело неудачу, не произошло полного возврата к прежнему порядку. Помещики были изрядно напуганы. В 1382 г. парламент установил новый подушный налог, распространявшийся теперь только на землевладельцев; это мотивировалось «бедностью страны». Пришлось отказаться и от попытки удержать на прежнем уровне заработную плату рабочих; в 1390 г. новый статут о рабочих предоставил мировым судьям

право фиксировать размеры заработной платы в своих районах в зависимости от уровня цен.

Еще в течение нескольких десятилетий после 1381 г. вспыхивали мелкие восстания вилланов, и крестьянские союзы продолжали вести борьбу за более высокую оплату труда и перевод повинностей на денежные платежи. Коммутация практиковалась все шире, и XV век был, повидимому, веком наибольшего благосостояния трудящегося населения английской деревни. Систему открытых полей все решительнее начали вытеснять компактные фермерские хозяйства. Этот период отмечен постепенным падением цен, которое было несколько завуалировано уменьшением количества серебра в монетах, следовательно, и реальная заработная плата рабочих оставалась высокой и имела тенденцию повышаться.

Восстание принесло крестьянам большую независимость и сознание своей силы и общности классовых интересов. После 1381 г. стало еще очевиднее, чем после Креси, что правящие классы не могут уже относиться к крестьянам без некоторой доли уважения, имеющего основанием вполне реальный страх. Крепостной превратился в свободного фермера или в наемного рабочего.

7. Политическое значение ереси лоллардов

В первые столетия после падения Римской империи церковь оставалась единственной хранительницей учености и традиций античной культуры. Ее монастыри были очагами знаний, невысоких по качеству, но выделяющихся среди окружающей их тьмы невежества. Крупные монашеские ордена — Бенедиктинский, Клунийский, Цистерцианский — поддерживали не только науки и искусства, но также и знания в области сельского хозяйства и производственной техники. Однако к XV в. влияние церкви упало. Церковники уже не пользовались обычно уважением, да и не заслуживали его. На то были определенные причины, как общие для всех стран, так и особые, относящиеся только к Англии.

Первая причина была результатом влияния, которое завоевала церковь в период темноты и невежества: это влияние она употребила на то, чтобы приобрести огромные богатства и земли. Поскольку монашеские ордена превратились в крупных землевладельцев, они вместе со всем классом землевладельцев стали объектом ненависти народа. Колоссальные земельные богатства церкви делали ее составной частью феодальной системы, и она разделяла упадок этой системы.

Другим постоянным источником недовольства был сбор десятины. Общее мнение было таково, что священников больше интересуется десятина, чем спасение душ своей паствы. Справедливость этого мнения подтверждает список типичных для крестьян грехов, составленный в помощь священникам при исповеди. Первым

в этом списке значился отказ платить десятину, и следующие за этим два греха состояли в неуплате десятины в срок и сполна. Почти все из остальных девятнадцати грехов заключались в нарушении установленных церковью правил или в неуплате податей и неисполнении повинностей, которыми обязаны были крестьяне лорду манора.

Трудно утверждать, что в прежние века церковники были менее продажны и развратны, чем в XIV в., но развитие культуры создало более высокий общественный критерий, и недостатки церкви стали заметнее. Духовенство не было теперь единственным грамотным классом. Миряне уже начинали высказывать свои взгляды на религию и критиковать невежественных и нерадивых священнослужителей, чего не могли бы сделать их предки. Лангланд жалуется, что в высших классах рассуждают о вопросах теологии за обедом и «злослычат по адресу клириков».

Эти перемены были общими для всей Европы. У Англии были особые основания для антиклерикализма. Англия была в числе тех стран, которые облагались папскими агентами наиболее тяжелыми налогами. Одна из главных причин непопулярности монахов в Англии заключалась в том, что огромная доля ее богатств утекала из страны в Рим. В 1305 г. перенесение папского престола в Авиньон усилило ненависть к папским поборам. С этого времени и до 1378 г. все папы были французами. В то время когда между Англией и Францией почти не прекращалась война, у англичан уже начало пробуждаться национальное чувство. С 1378 до 1417 г. было два соперничавших между собой папы — один в Авиньоне, а другой в Риме, они беспрерывно враждовали и бесчестили друг друга.

Внутри самой английской церкви можно заметить признаки разделения на папистов и антипапистов. Монахи были более непосредственно связаны с папой и старались усилить его влияние. Епископы, наоборот, хотя и не менее ортодоксальные в богословии, почти все были вовлечены в государственный аппарат и совмещали с церковными должностями высшие гражданские посты. Когда корона и папство сотрудничали, что бывало часто на поприще дележа доходов, все шло гладко. Когда же вымогательства папских сборщиков или предоставление богатейших бенефиций Англии папским ставленникам, часто итальянцам, приводило к конфликтам, высшие церковные сановники бывали вынуждены становиться к папам во враждебную позицию.

Англичане, побывавшие в Риме, рассказывали о роскоши и разврате, царивших при дворе папы. У себя на родине английский народ мог видеть те же качества у папских агентов, которые наводняли Англию, собирая подати, продавая отпущения грехов, бойко торгуя поддельными реликвиями святых.

Когда в 1370 г. Уиклеф начал призывать к конфискации у монастырей их богатых владений, его поддержали и крупные

лорды в надежде увеличить за счет этого свои доходы и даже многие приходские священники, которые остро чувствовали свою бедность, по сравнению с колоссальными богатствами, которыми владели монашеские ордена. Теоретическим обоснованием требований Уиклефа были принципы, гласившие, что какие бы то ни были права на богатство и власть зависят от праведности человека. Праведные должны владеть всем сообща, доказывал он, ибо только праведным дано владеть всем. Его осуждение «кесаревых клириков», занимавших государственные посты, также встретило живейший отклик среди знати, представители которой начали считать себя самыми подходящими претендентами на эти должности.

Тесная связь Уиклефа с Джоном Гонтом, который поощрял Уиклефа и покровительствовал ему, рассчитывая использовать его как орудие для ограбления церкви, удержала Уиклефа от распространения своих коммунистических теорий на дела мирские. «Дьявол,—писал он,—наущает некоторых говорить, что христиане не должны быть слугами и рабами ни языческих (т. е. не-благочестивых) господ... ни христианских господ».

Некоторые последователи Уиклефа, не будучи столь изощренными богословами, делали из его учения социальные выводы, которых не смог сделать он сам. Наиболее смелым и революционным Уиклеф был именно в своих чисто теологических ересьях, и каждое из его еретических положений имело политическое значение, все они если не по форме, то по значению и содержанию были антиклерикальными, антифеодальными и демократическими. Они провозглашали свободу мнений в вопросах религии, идею, что благочестивый мирянин так же близок к богу, как любой священник. Поэтому приверженцы Уиклефа отвергали таинство пресуществления и считали неправильным причастие мирян исключительно хлебом (вино оставалось лишь для священника). Подобно всем протестантам, Уиклеф учил, что церковные таинства имеют небольшое значение по сравнению с проповедями и изучением священного писания. Он или его ближайшие ученики сделали первый перевод Библии с латинского на английский язык, и вскоре лолларды уже читали и толковали ее во всех уголках страны. И, наконец, он заявил, что лучше человеку вести праведную и деятельную жизнь в миру, чем запереться в монастыре.

Эти идеи вскоре лишили Уиклефа поддержки его высокопоставленных покровителей, его теории были осуждены, и сам он изгнан из Оксфордского университета—первого центра лоллардизма. Это привело к тому, что лолларды рассеялись по всей стране и из оторванных от жизни теологов превратились в странствующих народных проповедников. Они находили сочувствующую аудиторию среди мелких джентри, йоменов и особенно среди ткачей Восточной Англии, т. е. всех тех классов, которые впоследствии были главной опорой Кромвеля.

Влияние лоллардов росло так быстро, что в 1382 г. палата общин потребовала у короля и палаты лордов отмены ордонанса, облегчавшего аресты еретиков. В их резолюции говорилось:

«Пусть он будет теперь уничтожен, ибо общины не желали быть осужденными за ересь и не хотели, чтобы сами они и их дети зависели от своеволия прелатов более, чем их предки в прежние времена». Такое заявление отражало, повидимому, и презрение к церкви и симпатии к учению лоллардов.

Несмотря на это, вскоре началось жестокое преследование лоллардов. В 1401 г. Статут De Haeretico Comburendo потребовал сожжения упорствующих в ереси, затем последовал ряд казней. В 1414 г. вспыхнуло восстание, но оно было подавлено, а вождь восставших сэр Джон Олдкасл сожжен. Движение вскоре лишилось своих высокопоставленных сторонников и стало находить отклик только у людей бедных и темных. Следующее после Уиклефа поколение лоллардов-проповедников развило все скрытые в его учении буржуазные и демократические тенденции. Лолларды пришли к тому, что стали превозносить бедность и бережливость, осуждали развлечения и мирские удовольствия. Секта существовала весь период правления Ланкастерской династии, подвергаясь жестоким преследованиям, находясь в подполье, но сохраняя много приверженцев, особенно среди ткачей. Преследование лоллардов Ланкастерами объясняет то единодушие, с которым Восточная Англия поддерживала более веротерпимых сторонников Йорка в войне Алой и Белой Розы.

Когда в начале XVI в. в Англии начало распространяться лютеранство, лолларды все еще существовали и с радостью встретили новых союзников. В 1523 г. лондонский епископ Танстолл писал Эразму Роттердамскому, что лютеранство—«не пагубное новшество, это новое оружие в руках огромного воинства еретиков Уиклефа». Протестантизм укоренился наиболее быстро и глубоко именно в тех районах и среди тех слоев населения, где особенно широким влиянием пользовались лолларды.

Глава V

КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Век парадокса

Пятнадцатый век был веком поразительных контрастов; это отражено уже в самом разнообразии и противоречивости суждений, которые высказывают о нем историки. Некоторым он представляется периодом общего упадка, разрушающихся городов и политического хаоса. Другие указывают на повышение благосостояния народных масс, рост торговли и промышленности и развитие парламентских учреждений в период с 1399 до 1450 г. Ключ к разгадке этого века в том, что оба эти мнения справедливы, но каждое в отдельности неполно, ибо, в то время как феодальные общественные отношения и феодальный способ производства постепенно отмирали, шло бурное развитие буржуазных общественных отношений и буржуазного способа производства.

Распад феодализма затронул не только феодальных магнатов и сельское хозяйство, но также и города и городские гильдии. «Черная смерть» и непомерные налоги, которые повлекла за собой Столетняя война, нанесли самоуправляющимся городам тяжелый удар. Сообщения того времени полны жалоб на упадок городов, разрушающиеся дома и немощные улицы, заброшенные гавани и сокращение населения. Даже если допустить, что эти документы несколько преувеличивают, их все же нельзя обойти молчанием. В 1433 г. парламент во время утверждения десятой и пятнадцатой деньги сделал скидку в 4 тыс. ф. ст., «чтобы освободить от уплаты бедные поселки, города и крепости, обезлюдившие или заброшенные, разрушенные или слишком обедневшие или иным образом лишенные возможности платить высокий налог». И подобные случаи освобождения были нередки. Среди общего упадка городов исключение составлял только Лондон и несколько крупных портов, таких, как Бристоль. Наиболее прибыльные отрасли внешней торговли все более сосредоточивались в руках организации, называемой компанией «кушцов-авантюристов». Эта могущественная компания легко устраняла всех своих конкурентов и сосредоточила торговлю в немногих пунктах. Рост крупных торговых центров, таких, как Лондон, был одной из причин ослабления более мелких торговых городов.

Есть свидетельства, что из-за длительных войн участились и пиратские набеги, и нередко во время этих набегов пираты брали штурмом и сжигали важные города, такие как Саутгемптон и Сандуич. Внутри городов происходит дальнейшее замыкание цехов, и ученичество перестает быть ступенью на пути к созданию самостоятельных мастеров, а используется для того, чтобы сделать цеховые организации монополией привилегированного меньшинства. При Генрихе IV отдавать в учение своих детей могли по закону только фригольдеры с доходом не менее 20 шиллингов в год.

Тяжелые налоги и цеховые ограничения в самоуправляющихся городах привели к тому, что главная линия развития английской промышленности шла мимо городов. Новая форма промышленной организации зарождалась в пригородах и деревнях. Вне городов и городских гильдий складывалась, в частности, новая форма организации текстильной промышленности, бурно растущей в этот период. Большое значение имело одно из крупнейших технических нововведений средневековья: использование энергии воды в сукновальнях. По мере того как к концу XIV в. это усовершенствование становилось все более обычной практикой, сукновальни начинают устанавливать в новых местностях, в долинах, выше по течению рек, где можно было получить больший напор воды. Возможно, что одновременно это было средством помешать цеховым запросам противодействовать распространению нового производственного метода. Постепенно в центры, где были установлены вальняльные мельницы, стали стекаться ткачи из других мест. Все это вызывало наряду с упадком целого ряда более старых городов возникновение новых производственных центров в деревнях, из которых некоторые и сами со временем превращались в города, но уже с новой, капиталистической или полукapиталистической производственной основой, ибо для развития промышленности открывались теперь новые широкие возможности. Забыты были средневековые ограничения ростовщичества, с ними уже никто не считался.

Не менее разительны и контрасты в деревне XV в. Представители феодальной знати, утратившие теперь те социальные функции, которые давали оправдание их существованию в раннее средневековье, в войнах с Францией приобрели привычку полагаться во всех делах на насилие. Теперь они стали превращаться, с одной стороны, в современных землевладельцев, а с другой — в предводителей разбойничьих отрядов; они стали окружать себя свитами наемников, наемных из оставшихся без дела солдат и представителей мелкого дворянства, которые не сумели приспособиться к новым условиям, а заниматься каким-либо трудом считали ниже своего достоинства, теперь они должны были держать в постоянном страхе своих более слабых соседей. В более ранние времена у баронов были свои поместные суды.

Теперь они с помощью вооруженных отрядов стали пугать местные суды и оказывать на них давление. Крупные бароны стали защищать своих приспешников от правосудия; эта практика, известная под именем «поддержки», принимает совершенно скандальные масштабы. Никто, начиная с парламента и кончая самым скромным мировым судьей, не был защищен от произвола этих шаек; путем открытого запугивания они не давали судам выносить приговоры, направленные против интересов их господ. Если при каком-нибудь процессе сталкивались два таких барона, судебное разбирательство нередко заканчивалось кровопролитной схваткой.

Основной причиной этого политического бандитизма был распад крупного поместья как экономической ячейки. Цены на сельскохозяйственные продукты падали, соответственно сокращались и размеры рент, и лорды, таким образом, лишались возможности поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела за счет держателей. Военные захваты и прибыли от военных поставок на какое-то время разрядили обстановку, но после окончания Столетней войны прямой грабеж стал для лордов единственным источником увеличения доходов. В результате поместья превратились в базу для формирования новых частных армий, и именно в свете экономического распада крупных поместий следует изучать войну Роз.

Дух времени—смесь трезвого делового расчета и политического бандитизма—превосходно отражен в «Письмах Пастона». Те же люди, которые наживались на овцеводстве, совершали и вооруженные наезды на соседей и использовали все известные законникам ухищрения, чтобы оттягать у этих соседей принадлежащие им поместья. Одна из наиболее характерных особенностей этого века, особенность, резко отличающая его от периода расцвета феодализма, состоит в том, что правящие классы не игнорировали открыто закон, но самыми изощренными приемами стремились извратить и повернуть его, чтобы использовать его для своих незаконных целей.

По мере утраты своих общественных функций новая знать стала щеголять преувеличенными, хотя и поверхностно утонченными манерами; под вычурной маской псевдофеодальной утонченности поведения скрывался реальный упадок. Одежда и оружие становились все пышнее. Начали выделять серебряную и золотую посуду и украшения; при дворе лорды наперебой старались затмить друг друга великолепием. Геральдика, турниры, усложнение правил кодекса рыцарства—все это достигает в этот период своего апогея, как раз в то время, когда окончательно утрачивается всякая связь их с войной. Вся эта экстравагантность проистекала в конечном счете от того, что деньги вытесняли землю в качестве господствующей формы собственности. Дворяне

попрежнему цепко держались за землю и попрежнему стремились расширять свои поместья, но в отношении денег они были еще совершенными детьми по сравнению с крупными купцами. Всевозможные излишества, которым предавалась знать этого века, позволили целому ряду купцов поставить в финансовую зависимость от себя ее представителей путем ростовщичества и нередко самим проникать в ее среду. Так, фамилия де ла Поль, например, ведет свое начало от купцов города Гулль.

И купцы и знать теперь гораздо образованнее своих предков. Хамфри, герцог Глостерский, собрал одну из самых крупных библиотек того времени, а граф Вустер, выделявшийся своей жестокостью даже в войне Роз, был не менее известен и своей образованностью. Этот новый образованный слой общества, возникший во всех частях Европы, создал предпосылки для изобретения книгопечатания. Прежний грамотный слой—духовенство—сам обеспечивал себя книгами, переписка манускриптов занимала одно из главных мест в распорядке всей монастырской жизни. Грамотный слой светского населения XV в., помимо того что он был гораздо многочисленнее, состоял из людей слишком занятых, чтобы иметь возможность самим переписывать для себя книги, а профессиональные переписчики не могли идти в ногу с растущим спросом: их было слишком мало, и работали они чересчур медленно.

Первые книги, изданные в Англии Кэкстоном¹, были главным образом развлекательного типа и предназначались для этой новой категории читателей. Первой его книгой была «История Трои»; «Рассуждения и афоризмы философов» (вышла в 1477 г.—первая книга, напечатанная в Англии), «Смерть Артура», сочинение Малори, и поэмы Чосера—все это были книги именно такого жанра. Через поколение буржуазия уже начала пользоваться печатью как орудием борьбы, и в эпоху реформации стремительным потоком хлынули полемические, религиозные и политические произведения, дав реформистам возможность охватить своими идеями гораздо более широкие круги общества.

Разложение крупных поместий породило обширную категорию зажиточных крестьян. Некоторые из них еще выполняли небольшую барщину, но очень многие стали зажиточными йоменами—кулаками, как мы бы теперь сказали. Накладных расходов у них было мало, у них не было престижа в обществе, о поддержании которого им надо было бы заботиться, и они могли извлекать порядочный доход в условиях, при которых представители «благородных» сословий неминуемо потерпели бы неудачу. Эти держатели нового типа имели возможность заставить лордов предоставлять им земли на выгодных для себя условиях и

¹ Уильям Кэкстон (1422 (?)—1491)—первый английский печатник.—
Прим. ред.

перекладывали на лордов убытки, вызванные падением цен на сельскохозяйственные продукты, добиваясь снижения рент. Возможно, что они уже относительно широко пользовались наемным трудом, и в этот период уже намечался процесс расщепления мелкого крестьянства, выделявшего, с одной стороны, зажиточных фермеров-йоменов, а с другой—и это случалось куда более часто—наемных рабочих. Тем не менее в этот период английской истории больший, чем когда-либо, процент крестьянства падал на свободных держателей—фригольдеров или арендаторов.

Ввиду падения цен на продукты сельского хозяйства заработная плата рабочих оставалась на относительно высоком уровне. По статуту о рабочих им полагалось три или четыре пенса в день; возможно, что в действительности рабочие получали даже больше, хотя никак нельзя выяснить, насколько регулярна была работа, оплачиваемая по такой расценке. Мужчина, нанятый на год, получал 20 шиллингов 8 пенсов помимо харчей и крова, а женщина—14 шиллингов. И наемные рабочие и крестьяне занимались прядением и ткачеством в качестве домашнего промысла. Это, повидимому, и было тем фактором, который никак не в меньшей степени, чем благоприятные сельскохозяйственные условия, сделал этот век по сравнению с предшествующими и последующими столетиями веком наибольшего благополучия для народа.

Итак, XV век нес с собой одновременно и хаос и расцвет, обусловленные одной и той же причиной—превращением феодального общества в буржуазное. Временный рост крестьянского хозяйства был результатом отмирания манора, происходившего в период, когда не было еще достаточных накоплений капитала для создания подлинно капиталистического сельского хозяйства. Как только накопление капитала достигло необходимого уровня, как это было в следующем столетии, исчезновение фермерского хозяйства стало неизбежным. С развитием шерстяной промышленности, ростом купеческого и ростовщического капитала накопление пошло быстрыми темпами и дало себя чувствовать еще до начала XVI в.

Точно так же и политическая анархия этого периода порождалась распадом феодализма и той формой государственной власти, которая развивалась из феодальной системы. Буржуазия, хотя и стала многочисленнее и богаче, не была еще достаточно сильной, чтобы служить опорой могущественной бюрократической монархии, а органы местного управления не были настолько сильны, чтобы противостоять крупнейшим лордам; некоторые из последних достигли такого могущества, какого не достигал ни один феодальный барон на протяжении всей предшествовавшей истории Англии. Происшедшие в результате этого внутренние войны подорвали могущество знати, погибшей при тщетной попытке полностью подчинить своему контролю государственный аппарат. Корона

и буржуазия вышли из этой борьбы относительно и абсолютно окрепшими, готовыми заключить между собой союз к немалой выгоде для обеих сторон.

2. Парламент и Ланкастеры

В течение нескольких лет после восстания 1381 г. совет, т. е. правящая клика знати, во главе которой стоял Джон Гонт, именем короля Ричарда осуществлял в стране фактическое господство. Однако ставшая ясной во время восстания крайняя непопулярность Гонта среди всех слоев населения, а также интриги соперничавших с ним вельмож подточили его авторитет. Вскоре вокруг короля стала сплачиваться оппозиционная партия, стремившаяся вырвать власть у Гонта. Группировка эта была в значительной степени основана на личных связях, она состояла из друзей короля, а также тех, кто считал себя обделенным кликой Гонта. В нее входил ряд представителей молодых аристократов, такие как граф Оксфорд, и недавно получивших дворянство семей, как Майкл де ла Поль—купец города Гульь. Разделились также и симпатии лондонских купцов. Продавцы мануфактуры, т. е. те, кто был связан с торговлей шерстью и сукном, поддерживали Джона Гонта, а те, кто имел дело с пищевыми продуктами, поддерживали короля. Возможно, что такое распределение сил обуславливалось тем обстоятельством, что королевская партия была против продолжения войны с Францией, в которой торговцы шерстью, естественно, были заинтересованы больше, чем кто бы то ни было.

Борьба между двумя этими партиями, продолжавшаяся несколько лет, достигла своего апогея в 1386 г., когда королевскому канцлеру графу Суффолку было предъявлено обвинение в государственной измене (*Impeachment*). Предъявление такого обвинения было новостью в парламентской процедуре. В качестве обвинителей выступила палата общин, а судьями была палата лордов. По замыслу такая процедура должна была явиться методом ограничения королевской власти, ибо этим путем можно было вести атаку на приближенных короля; это был также примитивный метод установления ответственности министров перед парламентом. После предъявления Суффолку обвинения создана была контрольная комиссия лордов-наблюдателей (*Lords Appellant*) по традиционному образцу аналогичных комиссий, создававшихся баронами во времена их конфликтов с короной. От своих предшественниц она отличалась более тесной связью с парламентом, перед которым она несла прямую ответственность за все свои действия.

На короткий период лордам-наблюдателям удавалось сохранять власть в своих руках, но в 1389 г. Ричард произвел государственный переворот и захватил власть. На протяжении

всей истории Англии почти не было периода, в событиях которого было бы так же трудно разобраться, как в событиях, последовавших за этим переворотом. Объясняется это и тем, что нам совершенно неизвестны побудительные мотивы, по которым действовали партии, и тем, что этот период отличался сложностью переплетения отношений, которая происходила от вражды, носящей личный характер, и от перехода участников борьбы то на одну, то на другую сторону. Однако во Франции, как и в других местах это был период растущего королевского абсолютизма, и у нас есть основания предполагать, что Ричард, действуя по заранее намеченному плану, стремился установить в стране диктаторскую власть.

В первые годы после государственного переворота он все время старался расположить к себе палату общин, и та, в свою очередь, довольно успешно сотрудничала с ним. Этот период имеет важное значение, потому что палата общин впервые начала теперь выступать как политическая сила, независимо от представителей крупной знати. Причины такого союза короля и палаты общин легко понять. Король захватил власть вопреки желаниям основной части знати и теперь уже не мог позволить себе потерять и поддержку джентри. Это был в то же время период, когда никакое правительство не могло существовать без финансовой поддержки сильной партии из лондонских купцов, и Ричард сумел обеспечить своим друзьям контроль над лондонским Сити.

Ненадежно было также и положение мелких землевладельцев. С одной стороны, их осаждали со своими требованиями крестьяне и наемные рабочие, с другой—им угрожало растущее могущество и произвол крупных земельных магнатов, стремившихся поглотить их. На этой основе и возник довольно шаткий союз, каждая из сторон которого прекрасно понимала, насколько зависит от нее другая сторона, и старалась извлечь из создавшейся обстановки как можно больше выгоды для себя.

Скоро, однако, в поток оппозиции Ричарду влилось еще встречное течение; вызвано это было безрассудной раздачей им земельной короны и жестокостью, с которой Ричард подавлял малейшее противодействие своей власти. Изгнание Генриха Болинброка, сына Джона Гонта, и захват его поместий после смерти Гонта встревожили даже тех представителей знати, которые еще были настроены дружелюбно или нейтрально. Купечество король оттолкнул от себя незаконными налогами и тем, что правительство не сумело приостановить пиратство. В этой обстановке Ричард предпринял шаг, который никогда еще не получал правильного истолкования. Он созвал парламент из одних своих приверженцев, подтасовав голоса на выборах, и, чтобы сделать гарантию успеха еще более прочной, назначил местом его заседания Шрусбери, вдали от Лондона, в котором были возможны мятежные выступле-

ния. Король оказывал на этот парламент давление с помощью армии уэльских стрелков из лука. Ричард добился от парламента пожизненного права сбора пошлин и вынудил его передать свои полномочия комитету, находящемуся под личным контролем Ричарда. В течение года казалось, что власть короля непоколебима, однако она держалась всего только на его уэльских наемниках, и, когда в 1399 г. Генрих Болинброк приехал и стал требовать возвращения своих конфискованных поместий, Ричарда уже никто не поддержал.

Во второй раз путем вооруженного переворота король был низложен парламентом. На этот раз парламент пошел еще дальше, чем при свержении Эдуарда: тогда Эдуарду наследовал его сын без всяких споров; теперь парламент избрал короля, который не должен был в соответствии с наследственным правом получить корону после Ричарда; своим избранием он был обязан только вооруженному перевороту и голосованию в парламенте.

Новый король Генрих IV принужден был, следовательно, заискивать перед джентри и средними сословиями горожан, и на всем протяжении средневековья парламент не был так влиятелен, как в период правления этого короля. Для того чтобы заручиться поддержкой палаты общин, необходимо было попытаться покончить с анархией крупных феодалов. Однако своим королевским титулом Генрих был в значительной степени обязан их поддержке, а взамен они рассчитывали получить еще большую свободу действий. В результате в 1403 г. вспыхнуло всеобщее восстание пограничных лордов на Севере и Западе под руководством графа Нортумбрийского и Мортимера, графа Марчского, который по родству был к Эдуарду III ближе, чем сам Генрих. Восставших поддерживали шотландцы, а также уэльсы, усилившиеся при Оуэне Глендоуэре и уже на протяжении целого поколения пользовавшиеся независимостью. И только недоверие, которое испытывали друг к другу эти союзники, и грубые военные ошибки, которые они непрерывно совершали, дали возможность Генриху разгромить их в битве при Шрусбери.

В оставшийся период своего правления он выказал способности дипломата, ловко уклоняясь от постановки всех опасных вопросов, и благодаря этому сумел избежать серьезной оппозиции. К землям короны он добавил поместья герцогства Ланкастерского, и, таким образом, у него не было необходимости слишком часто требовать деньги, в которых ему наверняка бы отказали. В его правление вошло в обычай, чтобы парламент при утверждении различных налогов указывал их назначение. Доходы с королевских поместий шли на содержание королевского двора. Ввозные пошлины (tonnage and poundage) тратились на содержание флота и береговых укреплений, которые были теперь значительно улучшены. Поступления от таможенных пошлин с торговли шерстью использовались

для расходов по защите Кале, а другие налоги—на нужды общих оборонительных мероприятий королевства.

Избрание в парламент было теперь уже не тягостной обязанностью, а скорее привилегией, и внутри графств шла борьба за сохранение ведущей роли на выборах за джентри. Поднимающийся класс свободных крестьян-фермеров начал принимать активное участие в выборах в суды графств, и в 1429 г. был издан закон, ограничивающий избирательное право. В законе с удивительной откровенностью сообщалось о его целях. Принимая во внимание, говорилось в этом законе, что в выборах «за последнее время принимало участие большое число людей различных сословий... из которых большинство были людьми небольшого достатка или вообще неимущими, и при этом каждый из них претендовал на право голоса, равное, поскольку речь идет о таких выборах, голосу самых достойных рыцарей и эсквайров», право участия в выборах будет предоставляться впредь только «имеющим свободные держания, ценностью не менее чем в сорок шиллингов годового дохода после всех налогов». «Сорокашиллинговые» фригольдеры сохраняли монополию на выборах графств, вплоть до издания закона об избирательной реформе 1832 г. В городах выборы не проводились единообразно, каждый город проводил их в соответствии со своими местными обычаями. После закона 1429 г. в 1445 г. вышел еще один закон, требовавший, чтобы в парламент избирали только людей дворянского происхождения.

Махинации при выборах и заполнение парламента людьми, угодными правящим кругам, производились и раньше, но теперь, когда сокращено было число избирателей, а анархия XV в. все усугублялась, давление на парламент стало обычным явлением. Крупные лорды являлись в Вестминстер с бандами своих приспешников, и парламент выродился в послушное орудие баронской группы, находящейся в данный момент у власти. Палата же общин лишилась своей массовой базы, которая одна только могла бы сделать возможным противодействие давлению этих банд.

Эти перемены отмечены были принятием специального билля о государственной измене (Bill of Attainder) взамен более старой процедуры обвинения (Impeachment). По этому биллю контролирующая парламент группа могла предъявить своим противникам обвинение и вынести им приговор на законном основании без какой-либо процедуры суда. На протяжении войны Роз всякая перемена в правлении сопровождалась каждый раз полным уничтожением побежденных.

В этой борьбе парламент утратил почти всякое практическое значение. Однако уже тот факт, что он продолжал существовать, что он был арендой всяких политических махинаций и использовался различными группировками как орудие для достижения своих целей, свидетельствовал о том, какое прочное и важное

место занял парламент в жизни страны. Повсюду в Европе подобные учреждения приходили в упадок, ибо там не было достаточно сильного среднего сословия, чтобы поддерживать их жизнеспособность. В Англии же среднее сословие—джентри и купцы—было достаточно сильно, и борющиеся стороны старались заполучить их в качестве союзников. Уже сама податливость этого учреждения была веским аргументом против ослабления его власти, и к концу XV в. власть эта, по крайней мере в теории, была велика как никогда. В результате буржуазия сохранила парламент как оружие, готовое к ее услугам в любой момент, когда она была достаточно сильна, чтобы это оружие использовать.

3. Столетняя война (продолжение)

Если Столетняя война началась вследствие совершенно определенных экономических предпосылок, то нельзя указать на какие-либо четкие экономические причины, вызвавшие ее возобновление при Генрихе V в 1415 г. Возобновление войны с Францией, как и многие другие моменты в истории XV в., оставляет у нас какой-то привкус пародии, словно умирающий класс слепо следовал определенной политике из-за того только, что она уже была однажды испробована. Создается впечатление, будто корона и знать действовали по какому-то внутреннему принуждению, толкавшему их на путь, неотвратимо роковой для них, но все же неизбежный, ибо другого более близкого пути, который давал бы им какие-либо надежды, у них не было. Это было положение, типичное для века, стоящего на краю великих социальных перемен.

В защиту подобного импульса всегда можно привести правдоподобные политические соображения, и чтобы оправдать новую попытку покорить Францию в 1415 г., было сколько угодно благовидных политических предлогов. Положение Генриха внутри Англии было все еще неустойчиво, и было совершенно очевидно, что, начав поход во Францию, он одновременно и снискал бы расположение крупных представителей знати, и нашел бы для них подобающее занятие. Для них такая война означала неограниченные возможности грабежей, в их глазах мирная политика Ричарда была одним из его главных недостатков. Претензии же на французскую корону, как бы ни были они безосновательны, означали непосредственное усиление положения Генриха как английского короля, ибо они отвлекали внимание от некоторых изъянов в его правах.

В стране в то же время ширилось народное недовольство, которое достигло наивысшей точки три года спустя, когда под руководством сэра Джона Олдкасла вспыхнуло восстание лоллардов.

В самой Франции гражданская война между герцогами Бургундским и Орлеанским предоставила англичанам союзника, без

которого ни одна попытка покорить страну не могла увенчаться успехом. Стражники герцога Орлеанского подчинили своему влиянию слабоумного короля Карла VI. Летом 1415 г. Генрих, заключив союз с бургундцами, высадился со своей армией в Нормандии.

Подобно тому как и сама война была всего только неоригинальным подражанием уже проводившейся однажды политики, стратегия первой кампании рабски подражала приемам, применявшимся Эдуардом III при Креси. После осады, во время которой болезни унесли до половины осаждавших, взят был Арфлер, лежащий у устья Сены. Затем Генрих устремился в глубь страны, что было, однако, опрометчиво—в Азенкуре армия его была окружена, причем силы противника превосходили ее чуть ли не в шесть раз. Но теперь уже французы повторили свои прежние ошибки и понесли еще более страшное поражение, чем при Креси. Генрих был слишком слаб, чтобы преследовать неприятеля, и возвратился в Англию.

Через два года он повел более систематическое наступление, стремясь завоевать Нормандию по частям. Это делалось путем методического захвата одной области за другой, и при этом каждую новую победу англичане закрепляли, стараясь привлечь на свою сторону население вновь покоренной территории, так что каждое новое завоевание превращалось в базу для дальнейшей экспансии.

Благодаря такой рациональной стратегии и значительным успехам союзников-бургундцев Генриху при заключении в 1420 г. мира в Труа удалось добиться признания его прав на французский престол, на который он должен был вступить после смерти Карла VI. К 1422 году, году смерти Генриха, половина Франции находилась непосредственно под его властью. Брат Генриха герцог Бедфорд продолжал вести войну такими же приемами, и к 1428 г. у французов оставался только Орлеан—их последняя цитадель, которую они защищали с отчаянным упорством.

К этому моменту относится появление на исторической сцене своеобразной фигуры, Жанны д'Арк, бросившее свет на один из самых скрытых и малопонятных аспектов средневековой истории. Уже самые данные ее биографии достаточно примечательны. Эта крестьянская девушка из Лотарингии сумела убедить французские власти предоставить ей командный пост в армии, пытавшейся освободить Орлеан от осады; эта армия уже перестала верить даже в возможность победы. Приход Жанны внес такое смятение в ряды англичан и так воодушевил французов, что осада Орлеана вскоре была снята. Последовал еще ряд побед; в 1430 г. в Реймсе был коронован королем Франции дофин, сын Карла VI. А еще через год после нескольких неудач, которые, как у нас есть все основания предполагать, были намеренно спровоцированы фран-

цузскими военачальниками, англичане взяли Жанну в плен и на рыночной площади в Руане сожгли ее как колдунью.

То, что французские власти допустили Жанну д'Арк к руководству армией, было, очевидно, следствием придворной интриги, но это не объясняет того необыкновенного влияния, которое она оказывала на рядовых солдат как французской, так и английской армий. Она, словно спущенная тетива лука, освободила скрытую ранее энергию французов и придала войне с Англией, которая была до того лишь делом знати, народный, общезнакомый характер. Перед этим народным сопротивлением армии английских профессиональных солдат были так же бессильны, как во времена Дю Геклена. Измученное французское крестьянство уверовало в то, что изгнание англичан явится первым шагом на пути к облегчению их доли—это и ознаменовалось появлением Жанны.

Продолжавшиеся и после смерти Жанны успехи французов были вызваны не только энтузиазмом, который она пробудила в их сердцах, но еще и другими факторами. Раздор между англичанами и бургундцами объединил против интервентов обе враждующие группы, и это, повидимому, явилось одной из причин поражения завоевателей. Французы, кроме того, ввели в своих армиях важное техническое усовершенствование—стали использовать артиллерию и в осадной войне и в бою. В битве при Шатильоне в 1454 г. вскрылись все слабые стороны традиционных приемов англичан при атаке на готовые к отпору позиции неприятеля, защищенные, пусть даже и примитивными, артиллерийскими орудиями того времени.

Однако еще задолго до битвы при Шатильоне война была фактически проиграна англичанами. Неудачи их армии во Франции усугублялись еще и неурядицами в самой Англии, которые начались после смерти в 1435 г. герцога Бедфорда, единственного по-настоящему способного командира и политика.

Корыстолюбие и недобросовестность знати, управлявшей всеми делами в стране именем Генриха VI, который вступил на престол несовершеннолетним и оказался впоследствии слабоумным, привели к тому, что армия терпела недостаток в провианте и пополнениях. Битва при Шатильоне была по существу концом войны; в руках англичан остался один только город Кале.

4. Война Роз

Всего через два года после окончания войны с Францией непрекращавшаяся анархия и разгул, своеволие и беззакония знати вылились в открытую гражданскую войну. Война Роз, тянувшаяся тридцать лет, с 1455 по 1485 г., была кровавым завершением этого периода и повела к окончательному самоуничтожению

феодалной аристократии, как правящего класса Англии. После поражения во Франции наиболее воинственно настроенные феодалы, вернувшись в Англию с отрядами своих наемников, оставшихся без дела в мирной обстановке, больше чем когда-либо чувствовали неудовлетворенность и жаждали вернуть потерянное. При создавшемся положении в стране неминуемо должна была разразиться гражданская война.

По форме, однако, эта война была династической борьбой между потомками Эдуарда III, оспаривавшими право на престолонаследие. В этом смысле война Роз была результатом политики Эдуарда III, который пожелал, чтобы дети его вступили в брак с наследниками наиболее могущественных знатных семей, надеясь укрепить этим королевский дом. Отсюда получилось, что колоссальные земельные владения и богатства сосредоточились в руках небольшой группы крупнейших феодалов, которые все были связаны с королевским домом и все стремились к захвату политического влияния. В конечном счете эта политика Эдуарда, вместо того чтобы усилить корону, сплотила оппозицию, сделав ее вдвое опаснее.

Ранний период правления Генриха VI заполнен непрекращающейся борьбой между этими группами, борьбой, которая велась путем интриг, убийств и судебного террора.

К 1445 г. король подчинил своему влиянию группу, возглавлявшаяся графом Суффолком, оппозицией же руководил Ричард Мортимер—герцог Йорк, наиболее близкий родственник королевского дома, претендовавший на престол. Этот длительный период был временем наиболее беззастенчивого хозяйничанья корыстолюбивых приближенных короля. В 1433 г. доходы с королевских поместий равнялись приблизительно 9 тыс. фунтов стерлингов в год—жалкая частица того, что утекало в карманы правящей клики. Бремя государственных расходов обрушивалось поэтому с небывалой тяжестью на плечи налогоплательщиков.

Еще до окончания Столетней войны общее недовольство, вызванное злоупотреблениями королевских советников, привело к мятежу, центром которого было графство Кент. Во главе мятежа стал Джек Кэд. Этот мятеж носил двоякий характер. Отчасти он был пробным шаром, пущенным герцогом Йоркским, чтобы испытать настроения широких слоев населения и силу правительства. В этом смысле его можно рассматривать как первую фазу войны Роз. Но этот мятеж был также и народным движением средних городских сословий, купцов, сельских джентри и йоме-нов, восставших против злоупотреблений правящей клики вельмож.

Это было движение совсем иного порядка, чем в 1381 г. Крепостничества уже почти не существовало, а в Кенте его не было уже давно. Требования восставших, заключенные в «Манифесте

жалоб и требований общин Кента», целиком носили политический характер, а состав армии Кэда, включающей наряду с крестьянами и наемными рабочими много сквайров и зажиточных людей, был гораздо шире и разнообразнее, чем при предшествующем восстании.

Манифест протестовал прежде всего против включения «людей низкой природы» в состав королевского совета, неудачного ведения войны во Франции (это был особенно болезненный вопрос в Кенте: Кент лежал непосредственно на линии коммуникаций и обычно благоденствовал в военное время) и выборных махинаций. Восставшие требовали, чтобы герцог Йоркский и его партия были призваны в совет, а Суффолк и его приспешники были отстранены от управления и понесли наказание.

В начале 1450 г. собрался парламент, состоящий в значительной степени из йоркистов; он обвинил Суффолка в измене, и тот был изгнан. На пути в Кале матросы на корабле схватили его и обезглавили, а тело выбросили на берег в Дувре. Это убийство было сигналом к восстанию, и 1 июня армия в 50 тыс. человек со всех концов Кента двинулась к Блэкхиту, чтобы изложить свои требования совету.

Их отказались выслушать, и к Гринвичу навстречу им двинулась королевская армия. Повстанцы в боевом порядке отступили к лесистой местности около Севенокс. Вскоре правительство охватила паника. Его армия таяла, а восставшие во главе с Кэдом 2 июля вступили в Лондон, где у них было много сторонников. Лорд Сей, один из самых ненавистных народу королевских советников, и Кроумер, шериф Кента, были схвачены и казнены. Повстанцы сохраняли боевой порядок—грабежей было мало; однако такая сдержанность в поведении скоро поставила перед восставшими серьезную проблему. Чтобы кормить такую большую армию, требовались основательные средства, и Кэд предложил для этой цели обложить налогом богатых лондонских купцов. Купцы, разделявшие общую ненависть к правительству, до сих пор поддерживали мятежников, однако теперь они стали призадумываться над тем, как эта народная армия поведет себя дальше.

5 июля купцы неожиданно захватили лондонский мост, разрезав тем самым отряды Кэда, расположившиеся в Саутверке, от Сити. Весь следующий день не прекращалась битва за мост, но в конце концов повстанцев оттеснили. 6 июля к повстанцам, которые пали духом после неудачи прошлого дня, пришли посланные от правительства и пообещали от его имени полностью амнистировать их и рассмотреть все их требования. Повстанцы разошлись, только Кэд и несколько его сподвижников не бросили оружия. Кэда выследили и убили, а во время карательной экспедиции, известной под именем «жатвы голов», казни были преданы многие из наиболее активных участников мятежа.

Восстание вскрыло слабость правительства, и это привело к возникновению войны Роз. Она началась в 1455 г. битвой при Сент-Олбансе, окончившейся победой герцога Йорка над королевской партией. Последовавшая война не была по своему характеру феодальной в обычном смысле, т. е. велась она не баронами, желающими расширить свои владения и стать независимыми от центральной власти, а соперничающими группами знати, которые боролись за установление контроля над государственным аппаратом. Отсюда-то и проистекала главным образом небывалая жестокость этой войны. При феодальной войне одной из главных задач было захватить противника в плен, с тем чтобы потребовать за него выкуп, и только тех, кто был слишком беден и не мог заплатить, убивали. Войны Роз были войнами на уничтожение людей—каждая победа сопровождалась целой серией убийств и присоединением земель побежденных к владениям короны. Потому-то войны Роз были так губительны для тех, кто принимал в них участие, хотя страну в целом они затрагивали мало. В эти войны вовлечена была обычно только очень незначительная часть населения, так что на экономическую жизнь страны они почти не влияли, и, повидимому, широкие слои народа исход их, как правило, интересовал мало.

По форме война эта была борьбой между соперничающими феодальными кланами, но за этой борьбой крылись еще и другие вполне определенные, хотя и не заметные на первый взгляд, факторы. За ланкастерцев стояла воинственная знать с шотландской и уэльсской границ, т. е. наиболее отсталые феодальные элементы, еще сохранявшиеся в стране. Йорков же поддерживали главным образом более прогрессивный Юг, Восточная Англия и Лондон, хотя поддержка эта и не всегда была очень активна. Конечная победа йоркистов была поэтому победой наиболее экономически развитых областей и подготовила почву для монархии Тюдоров следующего столетия, опиравшейся на поддержку буржуазии.

Битва при Тоутоне, единственная среди бесчисленных мелких стычек крупная битва в войне Роз, только подчеркивает этот факт. Ланкастерцы с крупной армией феодалов Севера продвинулись к югу, занимаясь по пути грабежами и разбоем. Они дошли до Сент-Олбанса, но Лондон закрыл перед ними ворота и приготовился выдержать осаду. Эдуард, сын Ричарда, герцога Йоркского, убитого в 1460 г., быстрым маршем прошел от Глостера к Лондону и вступил в город. Ланкастерцы отошли, а 29 марта 1461 г. в Тоутоне были захвачены врасплох во время жестокой метели. Поражение их было не только победой йоркистов над ланкастерцами, но и победой Юга над опытными в войне северными баронами; оно и завершает первую фазу войны.

Правление Эдуарда IV, вступившего на престол тотчас же после этой битвы, во многом уже предвосхищает абсолютизм Тюдоров.

Эдуард поддерживал дружественные отношения и тесные связи с купцами Лондона, Бристоля и других крупных торговых городов. С самого начала йоркистам очень помогала поддержка городов ганзейского союза, она обеспечила им владычество на море и позволила высаживаться в любой точке побережья. В то же время, поскольку притязания Эдуарда на престол были осуществлены вопреки парламенту, который признал титул короля за представителем ланкастерцев, Эдуард почти совсем не считался с парламентом и, как позже Генрих VII, предпочитал для удовлетворения своих финансовых нужд вести переговоры непосредственно с купцами, оказывавшими ему поддержку. Эдуард не только установил тесные связи с купечеством, но и сам начал принимать широкое участие в торговых делах. Благодаря конфискации поместий своих противников Эдуард сделался богаче, чем кто-либо из правивших до него королей, и из Англии отплывали целые флотилии построенных им кораблей, груженных шерстью, оловом и сукнами; эти корабли доходили до Средиземного моря. Он предвосхитил Тюдоров также и тем, что ввел новые формы обложения, зависящие от его воли.

Он также старался уменьшить, насколько только возможно, влияние крупной знати, создавая в противовес ей новую аристократию, непосредственно зависящую от него. Однако он был не в силах полностью приостановить анархию и междоусобия. Его попытки подчинить себе знать, в том числе и тех ее представителей, которые оказали ему поддержку, привели к опасному мятежу, во главе которого стал граф Уорик. Мятеж этот был подавлен, но после смерти Эдуарда в 1483 г. старая знать, сплотившаяся вокруг брата его Ричарда, без особого труда вытеснила новых приближенных, ставленников Эдуарда, которым он поручил правление ввиду малолетства сына. Убив сыновей Эдуарда, Ричард сделался королем, однако и он, в свою очередь, оказался втянутым в борьбу со знатью, которая помогала ему придти к власти. Эта борьба, в которую неизбежно вовлекались все короли этого периода, создавала противоречия, разрешить которые невозможно было до тех пор, пока не вымерли почти все крупнейшие аристократические семьи Англии.

Когда в Милдорфе высадился Генрих Тюдор, имевший незначительные династические права на престол, интриги и заговоры, столь типичные для этого века, вспыхнули с новой силой, и Ричарда уже почти никто не поддерживал. Битва при Босворте 22 августа 1485 г., в которой с обеих сторон принимала участие только жалкая горстка людей, была завершением войны Роз, а с нею и целой исторической эпохи в Англии. Новая монархия, основанная Генрихом VII, была уже монархией совершенно нового типа, базировалась на новом соотношении классовых сил.

Глава VI

НОВАЯ МОНАРХИЯ И БУРЖУАЗИЯ

1. Суконная промышленность

Во время политической смуты XV в. Англия окончательно перестала быть производителем шерсти и превратилась в изготовителя сукна. Хотя в суконной промышленности было занято намного меньше людей, чем в сельском хозяйстве, она начала играть решающую роль в английской экономической жизни; это резко отличало последнюю от экономической жизни большинства других европейских стран и определило направление и быстроту развития Англии. В средние века Англия была более ярко выраженной сельскохозяйственной страной, чем, например, Франция. Ее города были меньше, они никогда не добивались такой самостоятельности, как города Франции, никогда так резко не противопоставляли себя феодальным лордам или крестьянству. Но сельская Англия была более развита, ее крестьянство было более свободным. И именно эта равномерность развития, эта сравнительная слабость специфически городского промышленного производства в феодальной форме так облегчила и ускорила развитие капиталистической текстильной промышленности, которое было неизбежно при достижении определенного технического уровня.

Эта текстильная промышленность прежде всего развилась на Юго-Западе Англии и в Восточной Англии, вокруг Нориджа и в городах и селах долины Стор, где высокие готические церкви и дома с большим количеством окон, принадлежавшие богатым суконщикам, свидетельствуют о прошлом, но теперь давно уже исчезнувшем процветании. Восточная Англия всегда находилась на особом положении по отношению к Фландрии, расположенной прямо против нее по другую сторону Ламанша. В то время как в других частях Англии начался усиленный экспорт шерсти, в Восточной Англии экспорт шерсти был незначительным. Вместо шерсти Восточная Англия отправляла на кораблях зерно, чтобы кормить промышленное население Гента и Брюгге. Фламандцы, как говорится в стихотворении, написанном около 1436 г., «должны или умирать с голоду, или иметь с нами мир».

Сельское хозяйство Восточной Англии носило смешанный характер: овцеводством в ней занимались не за счет сокращения

посевной площади, и здесь большие пространства земли специально не отводились под пастбища для овец, как это делалось в экспортирующих районах. Шерсть здесь была низкого качества; шерсть Суффолка значилась последней в списке, составленном в 1454 г., в котором было перечислено 44 сорта шерсти. Платили за нее только 52 шиллинга за тюк, в то время как лучшая херефордская шерсть стоила 260 шиллингов. Норфолкскую шерсть даже не сочли нужным внести в этот список. Эта шерсть была такого низкого качества, что она не могла найти себе сбыта за границей. Поэтому с давних времен из нее на месте выделывали грубые ткани. Вероятно, потому, что она, не предназначалась для экспорта и не требовалась в больших количествах, здесь меньше, чем в других местах, стремились улучшить породу овец.

Географическое положение Восточной Англии вызывало у фламандских ремесленников стремление селиться здесь, и, как мы уже видели, такие поселения начались немедленно после норманнского завоевания. Постепенно пришельцы научили местное население своим более искусным методам, и к началу XV в. в суконной промышленности были сделаны большие усовершенствования и появилось много новых сортов сукна улучшенного качества. Совершенно забытые теперь деревни, такие, например, как Керси и Уорстед, дали свои имена сукнам, которые стали известны всей стране и даже начали конкурировать с фламандскими сукнами на европейском рынке.

Сначала экспортировались главным образом некрашенные сукна, их отправляли во Фландрию для ворсования и окраски, причем большая часть барышей оставалась в руках фламандцев. Поговорка, что они покупают лисьи шкуры у англичан за грот¹, а продают им хвост за гульден, почти так же метко определяла новое положение, как и более ранний период, когда экспортировалась просто шерсть. Торговля шерстью велась сначала купцами Ганзы, вытесненными с экспортного рынка шерсти стапельной торговлей, но сумевшими захватить в свои руки новый вид экспорта. Однако как стапельные торговцы сумели бросить вызов итальянцам и победить их в XIV в., так и английская организация, известная под названием «Купцы-авантюристы», отбила экспорт сукна у купцов Ганзы в XV в. Организовав «факторию» в Антверпене в 1407 г., эти купцы процветали, несмотря на враждебное к ним отношение как со стороны фламандских городов, занятых изготовлением сукна, так и издавна завоевавших себе положение стапельных купцов, базой которых все еще был Кале.

Одним из преимуществ купцов-авантюристов был беспрепятственный и постоянный доступ к сырью; они могли покупать его дешевле, чем фламандцы, которым приходилось платить большие пошлины.

¹ Грот—4 пенса, мелкая английская монета—Прим. ред.

Когда в 1434 г. фламандцы запретили импорт английского сукна, ответное запрещение экспорта шерсти принесло им гораздо большие убытки. После того как при Генрихе VII в 1496 г. были восстановлены нормальные торговые отношения благодаря подписанию договора, известного под названием «Великое соглашение», промышленность Фландрии все же продолжала клониться к упадку. Во времена Тюдоров испанское вторжение в Нидерланды и последовавшие вслед за этим ожесточенные войны довершили этот процесс и вызвали приток поселенцев-ремесленников в Англию. Голландия, добившаяся независимости, являлась наименее индустриализованной частью Нидерландов и стала в XVI в. скорее торговым, чем промышленным конкурентом.

Это двустороннее развитие иллюстрируется цифрами, показывающими уменьшение экспорта шерсти наряду с увеличением экспорта сукна. В 1354 г. было экспортировано менее 5 тыс. кусков сукна; в 1509 г.—80 тыс и в 1547 г.—120 тыс. кусков. С другой стороны, во времена царствования Эдуарда III пошлины на экспортируемую шерсть равнялись примерно 68 тыс. ф. ст.; в 1448 г. эта цифра снизилась до 12 тыс. ф. ст. Такое увеличение экспорта сукна отнюдь не происходило непрерывно. В XIV в. и в начале XV в. экспорт быстро увеличивался, затем война и неустойчивое политическое положение привели к сокращению экспортных рынков и даже к уменьшению экспорта; рост возобновился только в конце XV в. Этот промежуточный период упадка был одной из главных причин роста ограничений и монополии в области экспортной торговли сукном, так как господствующая группа купцов пыталась компенсировать себя за сокращение рынков получением большей прибыли с тех рынков, которые еще были для них открыты.

Но самым главным было то, что суконная промышленность почти с самого начала развивалась на капиталистической основе. Поскольку сукно вырабатывалось в больших количествах для экспортного рынка, мелкие независимые ткачи неизбежно попадали под контроль купцов, которые одни только и располагали средствами и знаниями, нужными для эксплуатации этого рынка. Овцеводы также давно привыкли продавать шерсть большими партиями. Детальное разделение труда и большое количество процессов, требующихся для изготовления сукна из шерсти, делали почти невозможной организацию промышленности на базе гильдий. Есть основания полагать, что нориджские гильдии неоднократно, но довольно безуспешно пытались подчинить своей власти ткачей окружающих деревень.

Суконщики начали с того, что стали продавать пряжу ткачам и покупать у них уже готовое сукно. Вскоре суконщики контролировали уже все процессы. Они покупали шерсть, раздавали ее прядильщикам, в основном женщинам и детям, работавшим у себя на дому, снова забирали ее у них, передавали ткачам, красиль-

щикам, валяльщикам и ворсовщикам, причем они предпочитали расплачиваться за отдельные процессы по установленным сделным ценам, вместо того чтобы продавать и вновь покупать это же сукно после каждого процесса выработки. В статуте 1465 г. отражена подробная картина всего процесса и имеются сетования на обман со стороны ткачей, указывающих фальшивый вес. Этот статут примечателен также как первый закон, ограничивающий систему оплаты труда товарами. Им предусматривалась выплата заработной платы «настоящими, имеющими законное хождение деньгами», а не «булавками, кушаками и другими неходовыми изделиями». Барыши были обычно большими и накопление капитала быстрым. По мере того как такая же промышленность, что и в Восточной Англии, начала создаваться в Сомерсете, в Западном Райдинге и других частях страны, суконщики образовали ядро капиталистического класса, более предприимчивого, более беспринципного и более готового испробовать новые пути вложения капитала, чем консервативные члены гильдии более старых городов. Бристоль, Гуль и прежде всего Лондон стали центрами широко распространенной коммерческой деятельности; крупные купцы этих городов начали приобретать равное с дворянами богатство и влияние.

Более высокая стадия концентрации была достигнута, когда суконщики начали собирать большое количество ремесленников под одной крышей для выполнения всего процесса производства. Эта система, живо описанная в новелле нориджского ткача Томаса Делони (1543—1600), получила широкое распространение в начале XVI в. и вызвала общий протест ткачей. Часть причиненного ею зла описана во вступлении к акту 1555 г., направленному на ограничение этой системы.

«Поскольку ткачи этого королевства на настоящей сессии парламента, так же как и неоднократно ранее, жаловались на то, что богатые и состоятельные суконщики всячески их притесняют: некоторые суконщики устанавливают и держат у себя дома различные ткацкие станки, на которых работают поденщики и неквалифицированные люди, что наносит ущерб большому количеству ткачей, их женам и хозяйству; некоторые собирают у себя ткацкие станки и отдают их в аренду по таким невероятно высоким ценам, что бедные ремесленники не могут прокормить ни себя, ни, тем более, своих жен, родных и детей; некоторые платят за ткачество и за обработку сукна гораздо меньше, чем они платили раньше...»— акт ограничил число станков, которые суконщику разрешалось иметь у себя дома, и, повидимому, развитие промышленности, выходящей за рамки домашнего производства, было приостановлено. Вероятно, добавочные барыши, которые можно было получить путем концентрации, были не настолько велики, чтобы можно было вытеснить домашних ткачей; применявшиеся же машины были не-

настолько дорогостоящими, чтобы суконщики могли добиться монопольного положения¹.

Увеличение нормы прибыли, увеличение производства товаров и международной торговли, которое тогда в той или иной мере наблюдалось почти во всей Европе, привело к серьезному денежному кризису во второй половине XV в. Соответственно возрос спрос на золотые и серебряные деньги, которые были единственно удовлетворительным средством обмена в период, когда кредитом только еще начинали пользоваться. Европа сама не могла удовлетворить этот спрос. Правда, небольшие количества золота поступали к ней время от времени, еще большее количество его экспортировалось, терялось из-за стирания монет или изымалось из обращения, так как из него изготавливали столовую посуду и драгоценности. Возможно, что около 1450 г. в обращении находилось меньше золота, чем во времена римской империи. Что касается серебра, то хотя оно и добывалось, особенно в Германии, все же его было не так много, чтобы можно было обеспечить сильно возросший спрос.

Настоящий голод на драгоценные металлы и особенно на золото, которым было удобнее всего пользоваться при международной торговле, начал служить препятствием для постоянного роста торговли. Все европейские страны пытались, правда без малейшего успеха, воспрепятствовать вывозу золота в слитках; в Англии, в царствование Эдуарда IV, такой вывоз рассматривался как государственное преступление. Именно этот недостаток золота и желание найти новые источники получения его послужили импульсом к географическим открытиям, которые в XVI в. дали Европе обширные новые территории для эксплуатации.

Колумб писал, что «золото представляет собой сокровище, и тот, кто владеет им, обладает всем, что ему нужно в этом мире, а также и средством спасения души из чистилища и возвращения ее к усладам рая»; он прекрасно понимал характер стоявшей перед ним задачи. Его путешествие послужило сигналом к началу первой величайшей в мире по результатам погони за золотом.

2. Географические открытия

Колумб достиг Вест-Индии в 1492 г., через семь лет после битвы при Босворте. Через шесть лет Васко да Гама бросил якорь в Каликуте после путешествия вокруг мыса Доброй Надежды. Эти события явились завершением длинного ряда перемен и попыток, изменивших отношения между Европой и Востоком и положивших начало связи Европы с американским континентом.

¹ См. стр. 282.

В средние века для торговли между Европой и Азией пользовались несколькими путями. Самым восточным был путь, который вел через Трапезунд, вверх по Дону и Волге и затем в Балтийское море; самыми северными пунктами этого пути были города Ганзы. Второй путь шел через Персидский залив, Багдад, Алеппо и оттуда морем в Константинополь, Венецию и Геную. Третий путь пролегал по Красному морю и вел по суше к Нилу, где итальянские галеры ожидали груз в Александрии. У всех этих путей было одно общее неудобство: они требовали перегрузки товаров и перевозки их по суше, на лошадях или верблюдах, в большинстве случаев на значительные расстояния. Морские путешествия совершались только вдоль берега, и в азиатской части совершались только арабскими моряками и кораблями. В пути все товары переходили от одного купца к другому, причем каждый из них получал изрядный барыш.

Большая стоимость сухопутного транспорта делала невыгодной перевозку сколько-нибудь громоздких товаров. Поэтому для Европы Восток стал олицетворением «великолепия», страной, из которой получали шелка, специи и драгоценные камни, Эльдorado-сказочных богатств. В основном торговля была односторонней, поскольку Европа не имела таких легко транспортируемых товаров, пригодных для экспорта, и была вынуждена платить за товары золотом и серебром, уменьшая свой и без того недостаточный запас драгоценных металлов. Государственные деятели смотрели с большим неодобрением на торговлю с Востоком, считали ее безнравственной растратой ценностей в обмен на предметы роскоши. Для купцов же Италии и Ганзы, которые получали товары по рейнскому продолжению средиземноморских путей, а также и через Россию, такая торговля была исключительно выгодной. Каждый переход представлял собой ревниво охраняющуюся монополию какого-нибудь города или группы, которые устраняли всех конкурентов в случае надобности даже вооруженной силой.

В XV в. этим путям угрожали монголы, захватившие большие территории России, и турки, изгнавшие арабов из Малой Азии и в 1453 г. захватившие Константинополь. Дорога через Египет, хотя и не была перерезана, находилась под угрозой. Хотя эти сухопутные дороги еще сохранялись, риск перевозок по ним значительно усилился, фрахт увеличился, а барыши уменьшились. Кроме того, возникали национальные государства с сильными, централизованными правительствами, не имевшие доступа к старым путям и стремившиеся создать свои собственные пути и таким образом уничтожить торговую монополию Венеции и Генуи. В числе таких государств были Испания и Португалия, сложившиеся в борьбе за изгнание мавров, Франция, сложившаяся в борьбе с Англией, и несколько позже Габсбургская монархия, возникшая в результате обороны Восточной Европы от турок. Все новые пути были открыты

силами государств, а не путем частного предпринимательства, и возможно, что в тот период осуществить это нельзя было никаким другим путем.

Наконец, XV век явился свидетелем крупных успехов в технике кораблестроения и в судоходстве. Типичным торговым кораблем средних веков было судно, имеющее форму чаши, с одной мачтой посередине. Оно не могло плыть против ветра, и в бурную погоду им почти невозможно было управлять. Во всяком случае, в Англии до 1400 г. редко строились корабли водоизмещением больше 100 *т*. Но в XV в. начался быстрый прогресс. В списке кораблей, находившихся в распоряжении правительства для перевозок войск, в 1439 г. было 11 судов водоизмещением от 200 до 360 *т*. В другом таком списке, составленном в 1451 г., было 23 корабля водоизмещением от 200 до 400 *т*. Несколько позже Уильям Канинг, знаменитый бристольский купец, уже владел кораблями общим водоизмещением в 2853 *т*; в числе их был один корабль водоизмещением в 900 *т*.

Соответствующий прогресс был сделан также и в отношении устойчивости судов. Испанцы и португальцы создали каравеллы для торговли вдоль берегов Атлантического океана. Это были более длинные и узкие суда с высоким баком и тремя или четырьмя мачтами. Известный с XII в. компас был усовершенствован и получил широкое распространение, астролэбия была применена для вычисления широты, картографы вместо мифических городов и драконов начали давать в своих картах точные сведения. Наконец стало технически возможно отойти от берегов и предпринять заокеанские путешествия.

Первые попытки были сделаны Португалией, моряки которой под руководством правительства занялись систематическим исследованием побережья Африки. Мыса Божадор достигли в 1434 г., Гамбии—в 1446 г., Конго—в 1484 г. Возвращение Васко да Гамы в Лиссабон из Индии с грузом, о котором говорили, что он в шестьдесят раз превышает стоимость путешествия, произвело потрясающий эффект. Даже при наиболее благоприятных обстоятельствах старые пути с их высоким фрахтом и десятками купцов, распоряджающихся грузами в дороге, не могли дать подобной прибыли. Власть итальянских купеческих городов была уничтожена, и центр тяжести Европы переместился на побережье Атлантического океана.

Дорога к мысу Добрая Надежды была монополизирована Португалией. Ее конкурентам нужно было найти другой путь; Испания начала искать путь на запад и открыла новый континент там, где предполагали найти кратчайший путь в Индию. Новый континент оказался необычайно богатым золотом и серебром. Из Мексики, из Чили, из Потоси хлынул поток драгоценных металлов. За ними посылали специальные флоты, и несмотря на то, что

значительная часть этого ценного груза терялась вследствие кораблекрушений и нападений пиратов, все же немецким, итальянским и фламандским финансистам, Фуггерам и Гримальди, которые снаряжали и страховали корабли, доставались огромные барыши.

Фактически ни Испания, ни Португалия не имели достаточного капитала, чтобы эксплуатировать свои новые владения или удерживать за собой богатства, оттуда получаемые. Испанское правительство делало попытки сохранить драгоценные металлы в своей стране, но они неудержимо наводняли Европу, взвинчивали цены и стимулировали торговлю испанских конкурентов. Наиболее серьезными конкурентами Испании были Франция, Голландия и Англия.

Будучи еще недостаточно сильными для того, чтобы бросить вызов Испании и Португалии в районах, где эти страны закрепились, английские моряки вынуждены были искать для себя новые пути. В 1497 г. Джон Кабот, генуэзский моряк на службе у англичан, вышел из Бристоля, открыл Ньюфаундленд и поплыл вдоль части североамериканской береговой линии. Постепенно узнали о существовании большой массы земли, образующей барьер между Европой и Востоком, но, поскольку исследованный суровый берег не сулил легких богатств, подобных найденным испанцами на юге, все усилия были направлены на то, чтобы найти обходный путь; этим путем явился Северо-западный проход, к открытию которого английские навигаторы стремились на протяжении целого века. Их попытки не увенчались успехом, но побочным результатом их было создание станций для торговли мехами на территории Гудзонова залива и рыбных промыслов на Ньюфаундленде.

Не найдя пути здесь, англичане заинтересовались северо-востоком, и в 1553 г. группа лондонских купцов организовала одну из первых акционерных компаний с капиталом в 6 тыс. ф. ст. Была послана экспедиция под руководством Ричарда Ченслера и Хью Уиллоби в обход Норвегии с севера. Корабль Уиллоби был затерт льдами и погиб, но Ченслер достиг Архангельска и установил регулярные торговые отношения с Москвой. Была создана Русская компания, и в 1557 г. в Лондон приехал русский посол. Другими важными новыми районами торговли были Исландия и Балтийское море, где упадок ганзейских городов привел к потере ими давно установленной монополии.

Отличительной чертой морской политики XVI в. была борьба за обеспечение национальной монополии в прибрежных районах и за захват путей, а также стремление уничтожить монополию соперничающих держав. Это нашло свое отражение в господствовавшей тогда в Англии теории так называемого «меркантилизма». Меркантилисты стремились накопить в своей стране как можно большее количество сокровищ. С этой целью делались попытки путем «навигационных актов» обеспечить торговую монополию за

английскими кораблями и усилить свои военно-морские силы. Экспортерам зерна выплачивались правительственные премии, поскольку считалось, что экспорт зерна способствует развитию сельского хозяйства и вывозу драгоценных металлов, а английская промышленность охранялась высокими пошлинами. Это была теория, которой правительство и буржуазия Англии придерживались вплоть до промышленной революции. До тех пор пока преобладал торговый капитал, деньги, естественно, рассматривались как мера богатства и национального процветания. С развитием промышленного капитала к концу XVIII в. деньги начали рассматриваться как один из видов товаров, и богатство нации начали измерять объемом производства различных товаров.

В XVI в. Англия главным образом экспортировала сукно и, следуя теории меркантилистов, направляла свои усилия по двум направлениям: она пыталась обеспечить для себя золото и серебро и найти новые рынки сбыта для своего сукна. Гаклуйт писал: «Поскольку наше главное стремление состоит в том, чтобы найти достаточный сбыт для наших шерстяных материй, являющихся естественным товаром нашего королевства, самым подходящим местом для этой цели, судя по всему тому, что я изучал и наблюдал, являются многочисленные острова Японии и татарские области, находящиеся неподалеку от них». Воображение Гаклуйта рисовало ему картины, для осуществления которых не было практической возможности; но все же в этом веке экспорт значительно возрос, и те районы, которые не могли явиться рынком сбыта для английского сукна, все же оказывались выгодными английским купцам.

В начале XVI в. экспорт неотделанного сукна непрерывно возрастал вплоть до 1550 г. После этой даты, главным образом в связи с волнениями в Нидерландах, наступила сильная торговая депрессия, в результате которой начались поиски новых рынков сбыта для английского сукна. Отдаленные от центра части Европы, так же как Африка, Азия и Америка,—все рассматривались как возможные рынки. Но неудачи со старыми рынками и очень медленное увеличение спроса на новых рынках заставили лиц, располагавших капиталом, который мог быть вложен в дело, обратить свое внимание на новые отрасли промышленности. В результате в конце XVI в. в Англии начался процесс, который можно назвать малой промышленной революцией. Появилось стремление производить новые виды товаров для экспорта, а кроме этого, значительно увеличился внутренний спрос. Появилась также тенденция изготавливать в Англии много таких товаров, которые раньше импортировались.

Наряду с этим помимо больших успехов, достигнутых в области отделки сукна, изготовления мыла, пивоварения, кораблестроения и изготовления стекла, т. е. успехов в тех отраслях про-

мышленности, которые раньше были очень мало развиты, возник целый ряд новых отраслей промышленности. Началось широкое производство пороха, бумаги, селитры и сахара. Пожалуй, наиболее важным являлось увеличение масштабов промышленного производства, введение новых технических процессов, а также и то, что многие из новых отраслей промышленности требовали довольно сложных машин, приводимых в движение водой. Кроме того, для многих отраслей, например для пивоварения и варки мыла, требовалось большое количество угля или кокса.

Это привело к быстрому увеличению угледобычи, в которой Англия заняла ведущее место во всей Европе. Началась закладка глубоких шахт, что стало возможным благодаря применению насосов, приводившихся в движение водой, и улучшению способов вентиляции. Все это означало, что углубление угольных шахт, представлявшее раньше лишь выкапывание в земле неглубокой ямы, превратилось теперь в сложную операцию, требующую больших капиталовложений. Наряду с быстрым увеличением угледобычи, в районах, где добывался уголь, начал концентрироваться ряд отраслей промышленности; кроме того, увеличение угледобычи стимулировало кораблестроение, так как понадобились суда, которые доставляли бы уголь из шахт в Лондон и в другие крупные города.

В основном именно благодаря тому, что эта первая промышленная революция 1540—1640 гг. была столь значительна, Англия смогла оказаться впереди во второй промышленной революции после 1760 г. Успехи, достигнутые новыми отраслями промышленности, дали Англии возможность, особенно после окончания войны с Испанией, превратиться в крупное государство, ведущее торговлю со всем миром. Богатства, созданные этими новыми отраслями промышленности, дали силы буржуазии для предстоявшей ей борьбы за власть во время революции XVII в.

Поиски золота и серебра вовлекли Англию в длительную войну с Испанией, о которой говорится особо. В Англию начали поступать слитки драгоценных металлов как в результате ожесточенной конкуренции в области торговли, так и в результате ограбления испанских и португальских флотов. Но новые капиталисты считали, что драгоценные металлы поступают недостаточно быстро, и вечно плакались на то, что им не хватает необходимых капиталов. Во всяком случае, металлы поступали в достаточном количестве для того, чтобы поднять новые проблемы, вызвав тяжкую нищету широких масс наряду с большими богатствами купцов и промышленников. К отличительным чертам экономической жизни Англии в XVI в., таким, как рост торговли сукном, создание новых отраслей мануфактурной промышленности и географические открытия, необходимо также добавить и четвертую отличительную черту; она была отнюдь не менее важной и даже более непосредственно

отразилась на жизни людей. Это—революция в сельском хозяйстве, которая привела к массовой безработице и к созданию современного класса пролетариев.

3. Аграрная революция

При рассмотрении какого-нибудь исторического периода мы можем впасть в ошибку, если будем слишком решительно фиксировать наше внимание либо на будущем, либо на прошлом. Это особенно правильно в отношении такого явно переходного периода, как XVI век, когда черты феодализма переплетаются с чертами капитализма, образуя в целом мир, который, по существу, не является ни феодальным, ни капиталистическим. В последних двух разделах мы описывали не создание капиталистического общества, а развитие условий, из которых оно неизбежно должно было возникнуть: создание свободного рынка для производства и продажи товаров. Этот свободный рынок был особенно важен в отношении земли и человеческого труда, и, поскольку Англия была все еще преимущественно сельскохозяйственной страной, земля и человеческий труд были тесно связаны между собой.

Сельское хозяйство во времена феодализма было в значительной мере коллективным; общую землю пахали при помощи упряжки волов и возделывали сообща, как это было в родовой период. Такое коллективное сельское хозяйство не могло непосредственно перейти в капиталистическое, и мы видели, что переходной формой здесь явилось индивидуальное крестьянское хозяйство, возникшее в результате раздробления манора. Крестьянство надо было раздробить, разбить на отдельные беспомощные единицы, прежде чем его можно было вновь собрать, превратив его в массу наемных рабочих, участвующих в капиталистическом производстве. Это и было сделано путем огораживаний, проведенных во времена царствования Тюдоров.

Огораживания не явились чем-то новым. Они проводились беспрерывно, начиная со времени «черной смерти», и нет оснований полагать, что в первой половине XVI в. они стали более частым явлением, чем в середине XIV в. Они проводились не во всей стране, и там, где их проводили, огораживалась не вся земля. До конца XVII в. большие пространства земли представляли собой открытые поля. Но все же тюдоровские огораживания имели решающее значение. Количественный переход земли от открытого поля к огороженному и от пахотной земли к пастбищам, продолжавшийся беспрерывно до этого времени, приобретает характер качественного изменения: начинается повсеместная экспроприация крестьян. Это изменение совпало с увеличением населения примерно до пяти миллионов. 5 млн. человек можно считать максимальным числом, которое могла прокормить земля при существовавших тогда спо-

собах обработки. При этих обстоятельствах огораживания, проводившиеся в таких размерах, что раньше они могли пройти почти незаметно, неизбежно приводили теперь к губельным социальным переменам. Далее, эти перемены совпали с началом роста цен, вызванным притоком в Европу драгоценных металлов; рост цен привел к увеличению барышей в два раза и к снижению заработной платы к концу века тоже почти вдвое. «Процветание» позднего периода царствования Тюдоров фактически явилось крупнейшим переходом богатства от трудящихся масс в руки немногочисленного класса купцов и сельскохозяйственных капиталистов. Возрастание цен, в свою очередь, повело к ускорению процесса огораживаний, поскольку земля теперь приобрела несравненно большую ценность. Арендная плата и заработная плата настолько отстали от цен, что фермеры почти неизбежно наживали состояния.

Результаты огораживаний были описаны Мором в его «Утопии» с непревзойденной страстностью и богатством деталей:

«Ваши овцы, которые обычно были такими покорными и ручными и так мало ели, теперь, как говорят, стали настолько пржорливыми и дикими, что они пседают даже самих людей... Дворяне и джентльмены, а также и некоторые аббаты, несомненно святые люди... не оставляют земли для земледельцев; они огораживают землю и превращают ее в пастбища; разрушают дома, уничтожают города и не оставляют камня на камне; остаются только церкви, превращаемые ими в овчарни... Земледельцы вышвыриваются из их владений, или же хитростью и обманом, а также страшными притеснениями их заставляют уйти; их так мучают несправедливостями и притеснениями, что они бывают принуждены все распродать. Тем или иным путем, «не мытьем, так катаньем», их заставляют уходить, этих бедных людей, этих жалких бедняг, мужчин, женщин, мужей, жен, осиротелых детей, вдов, скорбящих матерей с их малыми детьми, у которых так мало имущества и которых самих так много... Когда же в дальних краях во время своих скитаний они все проживают, что им остается делать, как не воровать и затем на законном основании быть повешенными или же скитаться и нищенствовать»¹.

Армия людей, лишенных земли и собственности, созданная огораживаниями, пополнилась еще двумя категориями людей. Одна из них появилась в начале рассматриваемого периода, а другая—ближе к середине. После войны Роз Генрих VII занялся уничтожением военных отрядов зависимых людей, которых держали крупные сеньоры; это было необходимо для того, чтобы можно было предотвратить постоянное возобновление гражданской войны.

¹ В хронике Холлинштеда приводятся данные о том, что во времена царствования Генриха VIII было повешено 7200 воров.

Ему удалось это осуществить частично потому, что сеньоры были слишком ослаблены длительной борьбой и не могли оказать сопротивления, а частично потому, что, поскольку в стране начали прекращаться волнения и сеньоры занялись мирной эксплуатацией своих поместий, вооруженные отряды оказались для них теперь ненужными; они требовали излишних затрат, и от них желательно было освободиться как можно скорее.

Эти лишившиеся занятия дружинники представляли собой самую деморализованную часть безработных. По большей части это были заносчивые, ленивые головорезы и хулиганы, которые, совершенно естественно, начинали заниматься разбоем, попав в положение, в котором согнанные с земли крестьяне пытались найти какой-нибудь новый вид заработка.

Третья категория людей пополнила собой армию безработных, когда происходило закрытие монастырей в 1536 и 1539 гг. и когда тысячи людей оказались выброшенными за борт. Большинство монахов получили пенсии, но гораздо большему количеству монастырских служек не так повезло. Связь между закрытием монастырей и огораживаниями не всегда достаточно полно оценивалась. Неправильно будет сказать, что монастыри не огораживали землю в своих владениях. Имеются данные, доказывающие, что в отношении огораживаний почти не существовало разницы между духовными и светскими землевладельцами. Мало того, большая часть монастырских земель отдавалась в аренду или под управлению местному дворянству, а монахи превращались в чисто паразитических получателей ренты. Но после закрытия монастырей их земли попали, главным образом, в руки лендлордов нового типа, т. е. людей, которые накопили уже довольно большой капитал и покупали эти поместья с торгов с намерением выжать из них все, что только можно. Эти новые владельцы церковных земель подавали своим более консервативным соседям пример, которому те довольно охотно следовали.

По всем этим причинам в первой половине XVI в. Англия столкнулась с проблемой наличия огромной армии безработных, для которых не было возможности найти занятие. Со временем они или их дети получили работу в расширяющейся суконной промышленности или в торговых городских предприятиях; но этот процесс был медленен. Правительство, хотя и принимало законы против огораживаний, в то же время издавало суровые уголовные законы, направленные против жертв этих огораживаний. Уже в 1489 г. специальным актом было запрещено сносить дома, которым принадлежало не менее 20 акров земли. Другими актами пытались установить соотношение между землей, отводившейся под посевы и пастбища, или ограничить число овец, которых разрешалось держать отдельным фермерам. Но все эти акты игнорировались и их предписания не выполнялись по той простой,

причине, что люди, которым не следовало следить за их проведением в жизнь,—мировые судьбы, как раз и были теми лендлордами, которым огораживания были выгодны. Во всяком случае, зарождающийся капитализм, сознательно или бессознательно, требовал не свободного и зажиточного крестьянства, не того, чтобы «плугом водила рука самого собственника», как выразил это Бэкон, а «рабского положения народных масс, превращения их самих в наемников и превращения средств их труда в капитал»¹.

Для осуществления этой задачи наиболее эффективным оказался ряд уголовных законов, направленных против безработных, хотя эти же законы оказались совершенно бесполезными в качестве средства против безработицы. В 1536 г. был издан закон, предписывавший отрубать у «закоренелых бродяг» уши; третий случай правонарушения карался смертной казнью. В 1547 г. был издан закон о том, что всякий человек, отказывающийся работать, должен превратиться в раба того человека, который донес на него. Его разрешалось принуждать к работе при помощи кнута и цепи, и если он пытался скрыться, его разрешалось поймать, привести обратно и выжечь на нем клеймо. В 1572 г. был издан закон, требовавший сечь и клеймить нищих, не имеющих разрешения на то, чтобы просить подаяния, начиная с 14-летнего возраста, если только кто-нибудь не изъявлял желания взять их на работу. Когда они опять начинали нищенствовать, то их должны были подвергнуть смертной казни, если опять-таки кто-нибудь не соглашался взять их в услужение. В случае третьего правонарушения они подлежали казни без всякой пощады как уголовные преступники.

К концу столетия произошли значительные перемены. Промышленность городов обеспечила работой большую часть безработных, и рост городов увеличил спрос на хлеб, мясо и другие виды продовольствия. В результате этого земледелие стало более выгодным, и стремление огораживать землю с тем, чтобы превратить ее в пастбища, уменьшилось. Но важно отметить, что этот процесс не сводился к простому переходу от хлебопашества к овцеводству и опять к хлебопашеству. Он происходил следующим образом: от мелкого крестьянского хозяйства произошел переход к овцеводству в крупных масштабах, а затем к укрупненному земледелию, которое теперь строилось на капиталистической основе.

В последние десятилетия века наблюдалась даже некоторая нехватка квалифицированных сельскохозяйственных рабочих, что явилось результатом огораживаний, которые согнали с земли крестьян и заставили их искать работу в городах. В 1563 г. статутом ремесленников предписывалось всем трудоспособным мужчинам и женщинам, не имеющим другой работы, в случае надобности

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 725.

работать на полях. Наряду с этим предусматривалось, что мировые судьи должны ежегодно собираться и устанавливать максимальную заработную плату в соответствии с тем, «хорош или плох этот год». Иногда делались попытки доказать, что этот акт не имел целью сохранить низкий уровень заработной платы; на самом деле он давал возможность представителям класса нанIMATEЛЕЙ устанавливать максимум заработной платы и подвергать наказанию всех тех, кто выплачивал или получал заработную плату, превышавшую установленные нормы.

Несколькими годами позже, в 1572 г., был издан первый акт о принудительном налоге в пользу бедных. Каждый приход делался ответственным за своих бедных, и всякий, получавший пособие по бедности, мог быть отправлен к месту своего рождения. Более известный закон о бедных от 1601 г. только закрепил существующую практику; помимо этого он предусматривал направление бедных на обработку соответствующих «количеств льна, пеньки, шерсти, ниток, железа и других необходимых изделий и материалов», а также предусматривал ученичество для нищих детей. Этот акт лег в основу всей системы самообложения в пользу бедных, рабочих домов и приходских вспомоществований, системы, существовавшей до тех пор, пока удар промышленной революции ее не разрушил.

Характер социального законодательства конца XVI в. указывает на то, что теперь задачи изменились, что период первоначального накопления капитала, насильственного и незаконного захвата земли закончился. Буржуазия теперь добилась твердой базы, достаточного количества капитала для того, чтобы обеспечить себе беспереывное и автоматическое накопление богатства при помощи узаконенной и мирной эксплуатации образовавшегося класса неимущих. Однако победа была ею одержана только после отчаянной борьбы, и, заканчивая этот раздел, мы должны сказать несколько слов о крестьянских восстаниях, происходивших в XVI в. Первым из них, и по форме наиболее обманчивым, было «Благодатное паломничество» 1536 г. По форме это было реакционное, католическое движение Севера, руководимое все еще наполовину феодальным дворянством этого района и направленное против реформации и закрытия монастырей. Но если руководителями его и были дворяне, массовый характер восстания указывал на существовавшее глубокое недовольство, и рядовыми участниками этого восстания в основном были крестьяне, согнанные с земли или находившиеся под угрозой сгона. Правительство не располагало постоянной армией, которую можно было направить против восставших, его спасла только поддержка Юга и Востока, явившаяся, возможно, результатом воспоминаний о временах Тоутона (стр. 130), а также предельная наивность восставших, вступивших в длительные переговоры с правительством, на протяжении кото-

рых их силы растаяли, а силы врага окрепли; в конце концов они столкнулись с превосходящими силами правительства и быстро были рассеяны. От установившегося вслед за этим режима террора одинаково пострадали как руководители восстания, так и рядовые его участники. На протяжении остального периода царствования Генриха VIII Англия удерживалась в подчинении силой и тщательно разработанной системой шпионажа и доносов.

Во времена царствования Эдуарда VI разногласия между членами совета ослабили власть правительства, вследствие чего произошел целый ряд восстаний. Наиболее крупными из них было восстание 1549 г. в Девоне и Корнуэлле и восстание того же года в Норфолке. Первое из этих восстаний, подобно «Благодатному паломничеству», по форме было католическим, но оно носило более народный характер; высшие классы к этому времени получили слишком большое количество церковных земель, чтобы стремиться к восстановлению католицизма. Запад все еще находился в сильной оппозиции к реформации, и в Корнуэлле, где население все еще говорило на кельтском диалекте, новый английский молитвенник был особенно непопулярен, так как он был точно так же непонятен и еще менее привычен, чем латинский требник, который он заменил. Это восстание было подавлено немецкими наемными солдатами после ожесточенного сражения под Эксетером.

Норфолкское восстание носило совершенно другой характер и после восстания 1381 г. было наиболее значительным из всех крестьянских войн, происходивших в Англии. Вероятно, Норфолк был одним из тех графств, где протестанство было наиболее широко распространено, и восстание было направлено исключительно против огораживаний. В Восточной Англии, в которой была сильно развита домашняя промышленность, крестьянство было все еще сравнительно зажиточным; оно владело своей землей в течение ряда поколений и резко сопротивлялось любым попыткам ее отобрать. Совершенно очевидно, что восстание назревало задолго до 1549 г., и когда оно началось по совершенно пустячному поводу, оно распространилось с чрезвычайной быстротой.

В ночь на 20 июня группа людей в Атлиборо снесла изгороди, которыми помещик по фамилии Грин огородил свою землю. На следующий день Грин посоветовал этим людям снести заборы его соседа Кетта, с которым он был не в ладах. Кетт встретил людей на границе своей земли, признал свою вину, выразил сожаление по поводу того, что случилось, и предложил стать во главе восстания, направленного против всей системы огораживаний.

Его роль в этом восстании остается неясной. Это был помещик, член старинной норфолкской семьи, и мы видим, что на протяжении всего восстания он употреблял все свое влияние на то, что-

бы сделать его более умеренным и затушевать его классовый характер. Создается впечатление, что он враждовал с некоторыми представителями своего класса и надеялся использовать восстание в своих целях. Однако он оказался способным организатором, и вскоре была создана армия в 20 тыс. человек для похода к Нориджу, второму по значению городу в Англии. Такая цифра означала, что все графство стояло под ружьем. Этот факт делается бесспорным, если сравнить эту цифру с цифрами, полученными при подсчете, сделанном правительством позднее для установления количества людей, которых можно призвать в армию из Норфолка в случае войны. В 1557 г. эта цифра равнялась 2670, в 1560 г. она дошла до 9000, и более высокой она уже никогда не была. Кроме того, эти цифры являлись плодом оптимистических домыслов—это были люди на бумаге, но не под ружьем.

22 июля был взят Норидж, и вскоре после этого был разгромлен вооруженный отряд из 1200 человек, находившийся под командованием маркиза Нортгемптона. Правительство подготовило крупную армию из 12 000 человек, которой командовал граф Уорик, известный позднее как герцог Нортумберлендский. Он был способным генералом и, возможно, самым большим негодяем из всех, кто когда-либо правил Англией. После битвы, продолжавшейся в течение двух дней, немецкая кавалерия Уорика рассеяла крестьян, а Кетт и его брат покинули поле битвы, предоставив своим соратникам самим позаботиться о себе. Уцелевшие после разгрома восставшие собрались за баррикадой из повозок и держались так стойко, что, прежде чем сложить оружие, они добились от Уорика согласия на сохранение им жизни.

Кеттов преследовали, поймали и повесили наряду с сотнями других. Норфолкское дворянство, терроризированное открыто классовым характером восстания, требовало поголовных убийств, и даже жестокость Уорика не могла его удовлетворить. В летописях этого восстания говорится, что Уорик пришлось напомнить дворянам, что мятежники являются источником их богатства; он прямо спросил их, не собираются ли они сами пахать и боронить свои земли.

Несмотря на то, что это восстание было подавлено, все же некоторые результаты его оказались чрезвычайно значительными. Оно помогло остановить процесс огораживаний и придать Восточной Англии в основном крестьянский характер, который она долго сохраняла; это сделало ее оплотом парламента и наиболее передовой части армий нового образца во время гражданской войны.

Непосредственным результатом этого восстания было падение правительства протектората Сомерсета. Сомерсет был аристократ-демогг, который скорее склонялся к тому, чтобы вступить с восставшими в переговоры, чем применять по отношению к ним

репрессии; дворяне подозревали его в желании приостановить огораживания. Его сменил Уорик, но через четыре года ему также пришлось дорого поплатиться за свои зверства в Норфолке. Когда в 1553 г. умер Эдуард VI, Уорик провозгласил королевой леди Джейн Грей вместо сестры Эдуарда Марии. Мария нашла себе прибежище в Норфолке; ненависть к Уорику была настолько велика, что здесь, в графстве, в котором было наибольшее количество протестантов по сравнению со всеми остальными английскими графствами, население выступило на защиту королевы-католички от самозванного поборника реформации.

4. Монархия Тюдоров

Генрих VII, основатель новой монархии¹, был в полном смысле слова символической фигурой. Королевство он завоевал с помощью оружия, а укрепил свою власть скарденностью, хитростью, дипломатией и двурушничеством. У него были способности полководца, но войны он ненавидел и избегал их, потому что война стоила денег. У него были способности коммерсанта, и он управлял своим королевством и эксплуатировал его так же рационально и всесторонне, как новые землевладельцы-капиталисты эксплуатировали свои поместья. Этот человек был живым воплощением всех добродетелей и пороков возвышающейся буржуазии, которая процветала под защитой тюдоровского режима и чьей поддержке его режим был обязан своею прочностью.

Правление Генриха VII началось при целом ряде неблагоприятных для него обстоятельств—сильная оппозиционная партия, довольно незначительные права на престол, которые к тому же открыто оспаривались, и непрекращающиеся беспорядки в стране, обычные для всего периода войны Роз. Однако эти обстоятельства компенсировались некоторыми положительными факторами. Соотношение сил между короной и знатью очень изменилось в пользу короны не только потому, что многие знатные фамилии были физически истреблены в период войны и земли многих пэров Англии перешли в руки более мелких владельцев, но еще и потому, что многочисленные конфискации земель побежденных существенно увеличили и доходы короны.

Но прежде всего стоит сказать, что Генриху оказывали поддержку купцы, суконщики, городские ремесленники, т. е. все те, кто ценил порядок и мир и больше всего боялся возобновления гражданской войны. Важно отметить, что поддержку короне наряду со средним городским сословием оказывали и те, кого мы сможем называть теперь сельской буржуазией. Благодаря этой поддержке Генрих мог неуклонно искоренять всякую возможность возник-

¹ См. выше, стр. 131.

новения оппозиции и заложил фундамент деспотизма, просуществовавшего целое столетие. Сила монархии Тюдоров заключалась в том, что буржуазия — купечество городов и более прогрессивная часть мелкого джентри в деревне — была в XVI в. достаточно сильна, чтобы обеспечить господство любому правительству, которое дало бы ей возможность богатеть, и в то же время не была еще настолько окрепшей, чтобы стремиться к установлению своей непосредственной политической власти, как это было в XVII в.

Перед Генрихом встали две коренные проблемы: во-первых, подорвать военную мощь старой знати и, во-вторых, произвести такие накопления, которые сделали бы корону независимой в финансовом отношении. О том, насколько успешно разрешил он вторую проблему, можно судить по тому факту, что за двадцать четыре года своего правления ему пришлось созвать парламент только семь раз, причем в последние тринадцать лет — только два раза. Его первым шагом, направленным к ослаблению знати, явилось издание закона о запрещении свит. Это было подкреплено монопольным правом короны на использование артиллерийских орудий, которые были значительно усовершенствованы во второй половине XV в. и теперь могли сокрушить любую средневековую крепость. Он расширил также юрисдикцию Королевского совета, создав учреждение, ставшее впоследствии известным под именем «Звездной палаты»; оно было правомочно привлекать к своему суду преступников, которые были слишком могущественны и не признавали юрисдикции местных судов. А благодаря созданию Северного и Уэльского советов компетенция королевского бюрократического аппарата распространялась и на самые непокорные области страны. Эти суды, имевшие дело главным образом со знатью, были очень популярны, и благодаря их влиянию стали постепенно восстанавливаться обычные местные судебные органы, пришедшие почти в полный упадок за время анархии предыдущих десятилетий.

Генрих не только ослабил старую знать, но и начал создавать новую, непосредственно зависящую от короны аристократию из представителей верхушки средних сословий. Такие фамилии, как Сесили, Кавендиши, Рассели, Бэконы и Сеймуры, были креатурами Тюдоров. Отцом того самого герцога Нортумберленда, который, как мы видели, явился палачом повстанцев в Норфолке, был юрист Дадли, один из проводников финансовой политики Генриха.

На Дадли, так же как и на канцлера, архиепископа Мортонна, возложена была главная ответственность по сбору денег, которые Генриху были нужнее, чем все остальное. Для этой цели применялись самые разнообразные средства. Парламенты заставляли вводить налоги на нужды войн, вести которые Генрих не имел ни малейшего намерения; разорительными штрафами облагались

правонарушители из знати, восстанавливались старые законы, купечество платило за королевское покровительство тяжелыми принудительными займами и пожертвованиями. Благодаря всем этим мерам, а также строжайшей экономии Генрих оставил после своей смерти почти 2 млн. ф. ст. — колоссальная цифра, равняющаяся, по крайней мере, сумме обычных для того времени поступлений в казну за пятнадцать лет.

Генрих тратил деньги несколько щедрее только на строительство кораблей. Он, как говорит Бэкон, «любил богатство и не мог допустить, чтобы торговля захирела». О значении, которое он придавал развитию мореходства в Англии, свидетельствует тот факт, что он чрезвычайно редко продавал изъятия из правил Навигационных актов, хотя это и могло бы служить хорошим источником дохода. Политика выдачи субсидий на строительство судов, начатая Генрихом VII, продолжалась и при остальных Тюдорах; постепенно установился твердый размер этих субсидий: 5 шиллингов на каждую тонну для всех новых кораблей водоизмещением в 100 и выше тонн.

Именно этот художавый расчетливый человек, а не его любящие показной блеск преемники, основал на прочном фундаменте монархию Тюдоров и поставил Англию в один ряд с централизованными национальными государствами Европы. Франция, Испания и непрочное объединение южногерманских государств, группирующихся вокруг Габсбургов, начали постепенно принимать близкие к современным формы. Можно сказать, что с их подъемом возникает и европейская политика, в отличие от политики феодальной. Новые государства заботились прежде всего уже не о сохранении внутренней прочности, не о том, чтобы приостановить центробежные силы, носителем которых была феодальная знать; они начали бороться друг с другом за преобладание в Европе. И если Англия в средние века стояла несколько особняком в Европе, только время от времени нанося удары на континенте, то теперь она стала частью Европы и в более прямом смысле была вовлечена в общий водоворот политической борьбы между европейскими странами.

Первые годы XVI в. были заполнены разнообразными военными конфликтами, однако в основе всех их лежала борьба между Францией и Испанией за власть над богатыми территориями Италии и Фландрии. Англия значительно уступала этим двум соперникам по богатству и численности населения и постепенно усвоила политику сохранения равновесия сил, которая в дальнейшем стала для английских политиков установившейся традицией. Сущность этой политики заключалась в том, чтобы не дать возможности особенно усилиться ни одному государству в Европе и создавать и поддерживать для этой цели два приблизительно равных по силе лагеря, становясь попеременно на сторону то одного, то

другого и не давая в то же время повода ни той, ни другой стороне рассчитывать на длительную и твердую поддержку Англии.

Первым и одним из самых тонких проводников этой политической игры был кардинал Уолси, глава правительства в первой половине правления Генриха VIII. Начиная с 1509 г., с момента вступления Генриха на престол, Англия обычно поддерживала Испанию и вела войну с Францией. В этих войнах мало было сколько-нибудь значительных событий, но побочным продуктом их явился страшный разгром шотландцев при Флодене в 1513 г. После битвы при Павии (1525), утвердившей господство Испании над Италией, положение в Европе изменилось. Испания, объединившаяся теперь с Габсбургами, полностью подчинила себе Европу, и было очевидно, что Англия, в услугах которой теперь не нуждались, не будет участвовать в дележе добычи. Уолси и Генрих поэтому начали тяготеть к Франции, ускорив тем самым создание такой политической ситуации внутри страны, которая определила направление и характер английской реформации.

Прежде чем рассматривать ход реформации, следует сказать несколько слов о характере аппарата, с помощью которого монархия Тюдоров правила страной.

Хотя Тюдоры и опирались на буржуазию, как на своего главного союзника, услугами парламента они пользовались мало. Парламенты созывались время от времени, для того чтобы вотировать налоги, и в особых случаях, когда в них нуждались (например, для легализации разрыва с Римом). Но парламенты не проявляли большой независимости, не выказывали живого интереса к чему-либо, и против долгих промежутков между их сессиями не было никаких протестов. Тем не менее конституционные парламентские формы должным образом соблюдались, и именно потому, что со стороны парламента Тюдорам нечего было опасаться, теоретически его власть даже возросла. В 1589 г. сэр Томас Смит заявил:

«Наивысшая и абсолютная власть в английском королевстве заключена в парламенте... Парламент отменяет старые законы, издает новые, отдает приказы о том, что уже произошло, и о том, что еще должно произойти, меняет права и собственность отдельных людей, узаконивает незаконнорожденных¹, устанавливает формы религии... осуждает или оправдывает тех, кого государь привлекает к суду. Одним словом все, что когда-либо могли совершать римляне в комициях по центуриям или трибам, все это может совершаться и в английском парламенте, который представляет все королевство и имеет силу во всем королевстве, как в главе его, так и в членах».

¹ И Мария и Елизавета были признаны незаконнорожденными, а затем узаконены парламентским актом.

Парламент при Тюдорах как бы набирал сил для больших битв английской революции. Непосредственная власть буржуазии осуществлялась значительно более решительно горожанами Лондона, расположение которых Тюдоры неизменно старались сохранить. Лондон, большой и непокорный город, всегда представлял силу, с которой правительству, не имеющему постоянной армии, нельзя было не считаться.

Разрешение вопросов текущего управления возложено было на королевских советников. Феодальный «Великий совет» по мере развития парламента был отодвинут на задний план и после Генриха VII не созывался. Рабочий совет продолжал существовать в форме небольшого круга избранных королем советников, а иногда и собрания крупных баронов. Право короны назначать советников по своему выбору встречало в XV в. противодействие со стороны знати, добившейся права участия в совете, однако Генрих утвердил за собой право самому избирать своих советников. Он набирал их из широкого круга правительственных чиновников, избегая представителей крупной знати, и не устанавливал при этом постоянного состава совета. При Генрихе VIII наиболее близкими поверенными короля были сначала Уолси, а затем Кромвель, но в 1540 г. формально утвержден был тайный совет, состоящий из высших должностных лиц правительства. Этот совет несколько напоминал современный кабинет министров, но только ответствен он был не перед парламентом, а перед королем, сам же король не обязан был ни советоваться с этим органом, ни исполнять его советы.

Совет имел ряд комитетов для специальных целей, некоторые из них постоянно работали в Вестминстере, другие разъезжали по стране. Комитеты охватывали своей деятельностью все детали управления, и, таким образом, совет со всеми его ответвлениями не только являлся зародышем кабинета министров, но и содержал в себе первые элементы бюрократии.

Мировые судьи были также тесно связаны с советом, который направлял и тщательно контролировал их деятельность. Институт мировых судей, избиравшихся из числа мелких землевладельцев, существовал, по крайней мере, со времен Эдуарда III; влияние их росло по мере ослабления знати, которая теперь лишена была возможности выступать с политической оппозицией королевской власти. Мировые судьи имели силу, потому что они были представителями поднимающегося класса и потому, что совет с готовностью оказывал им всяческую поддержку. Их называли «тюдоровскими слугами для всех дел», их функции были гораздо шире, чем теперь. Помимо руководства на судебных заседаниях они должны были устанавливать размеры заработной платы, собирать налог в пользу бедных, следить за проведением в жизнь закона о бедных, проводить ремонт дорог и регулировать торговлю и промышленность.

Совет не переставал засыпать их всевозможными директивами, и они, по существу, превратились в исполнительный орган государственного аппарата, неоплачиваемых государственных гражданских служащих с широкими, хотя и довольно расплывчатыми, полномочиями и обязанностями. Ответственность, возложенная на судей, сильно увеличила политический вес сквайров на местах и обогатила их опытом, который они в недалеком будущем использовали уже в своих собственных интересах.

По современным масштабам тюдоровское правительство было дешевым. У него, по существу, не было постоянной армии, если не считать гарнизоны за пределами Англии или на шотландской границе, а бюрократия оплачивалась невысоко. Однако по масштабам средневековья оно было весьма дорогостоящим учреждением, и скоро ему уже стало нехватать прежних источников дохода, мало изменившихся со времен средневековья. Генрих VIII в начале своего правления располагал колоссальными денежными суммами, которые оставил ему отец, однако он скоро их растратил. Расточительность, которой он славился, не была просто его личной слабостью, а обуславливалась еще и политическими соображениями. Европейские короли этого периода стремились привлечь феодалов ко двору и, превратив их в придворных, ослабить тем самым как политических соперников. Для этой цели необходимо было щедро тратить деньги, и короли и вельможи состязались в расточительности, становившейся день ото дня все безудержней. Если могущество феодальной знати измерялось численностью их вооруженной свиты, то о потомках их судили по великолепию одежды и роскоши жилищ. Хотя такая линия действия и была политически оправдана, она все же обходилась очень дорого, и Генриху, у которого всякая политическая необходимость превращалась обычно в подлинную манию, казалось, доставляло удовольствие расточать богатства короны. Вдобавок войны, к которым приводила политика равновесия сил, требовали больших затрат, не принося в то же время никаких выгод. И, наконец, в более поздний период этого века благодаря наплыву золота и серебра из Америки начали расти цены, доходы же не увеличивались пропорционально этому росту.

Вскоре Генриху стал угрожать финансовый кризис. Он не мог сократить свои расходы и поэтому должен был изыскивать новые источники дохода. Первым таким источником явился грабеж монастырских земель (1536 — 1539), но эти земли рассматривались скорее как доход, а не как капитал, и значительная часть их была распродана в несколько лет. Последним и самым губительным средством, к которому прибегнул Генрих, была порча денег. Средство это каждый раз давало казне временную прибыль, однако следовавший затем подъем цен еще более ухудшал положение, и всю операцию приходилось повторять. В 1527 г. из 11¹/₂ унций серебра и 11¹/₂ ун-

ций примеси чеканилось 37 шиллингов. К 1551 г. из 3 унций серебра и 9 унций примесей недрагоценного металла чеканилось 72 шиллинга. За время жизни одного поколения ценность денег снижена была в семь раз. Это тормозило развитие торговли, цены быстро росли, и реальная заработная плата понижалась. Новые монеты стали притчей во языцех. Латимер в 1549 г., читая проповедь, даже в присутствии короля и совета не смог удержаться, чтобы открыто не сделать иронического замечания, что шиллинг едва можно променять на старый грот. «Чистоты серебра я не могу видеть...».

К середине века практика порчи денег окончательно разорила широкие слои народа и все менее устраивала купечество и землевладельцев. Одним из первых актов правительства Елизаветы было изъятие из обращения всех денег в 1560 г. Приблизительную стоимость серебра в них оплачивали новыми монетами, и правительство получило даже прибыль от этой операции. Мероприятие это не понизило цен, но стабилизировало их на существующем высоком уровне. Эта стабилизация, имевшая место в конце периода ограблений и ограбления церковей, отмечает определенную ступень в консолидации позиций английской буржуазии к началу эры вооруженной борьбы с Испанией за более интенсивную эксплуатацию мирового рынка.

5. Реформация в Англии

В средние века папство было централизованной международной организацией, которая «во имя бога» сумела установить монополию, дававшую ей большие прибыли. Даже во времена феодализма короли и князья, как мы видели, нередко восставали против этой монополии. С появлением централизованных национальных государств эта монополия должна была привести к всеобщему открытому конфликту, ибо уничтожение этой монополии было необходимым шагом в создании абсолютных монархий. В то же время моральное разложение церкви и ее огромные богатства делали ее одновременно легкой и заманчивой добычей как для королей, так и для землевладельцев. Протестантская реформация была, таким образом, в своей сущности движением политическим, лишь прикрывающимся религиозной формой, являлась частью длительной борьбы денежных классов Европы за власть¹.

Недовольство монополией папства выражалось различно и не всегда в виде открытого конфликта. Сильнейшие державы, Франция и Испания, никогда не порывали с папством, они надеялись, что смогут контролировать и использовать папство в своих интересах,

¹ Понятие «денежные классы» включает в себя в данном случае и новых капиталистов-землевладельцев.

как это делали французские короли, когда папы жили в Авиньоне. Борьба между Францией и Испанией в Италии в XVI в. в значительной степени сводилась к борьбе за установление господства над папством. Во всяком случае, они оказались достаточно сильными, чтобы захватить значительную часть добычи. Так, например, Карл V в Испании и Франциск I во Франции за разрешение продавать индульгенции в своих владениях получали от папы огромные суммы денег. В то же время Габсбургам нужна была поддержка папы для сохранения господства над многочисленными княжествами, входившими в Священную Римскую империю. И только более бедные и отсталые государства — Шотландия, Скандинавские страны и мелкие королевства и герцогства Северной Германии — вынуждены были открыто выступить против пап, и в большинстве этих стран реформационное движение приняло широкий народный характер и облеклось в демократические формы.

Англия по могуществу и богатству занимала промежуточное положение между двумя этими группами государств. Сначала Уолси и Генрих VIII думали, что смогут соперничать с Францией и Испанией в борьбе за установление контроля над папством, и только когда им пришлось отказаться от этой мысли, были приняты первые шаги в сторону освобождения Англии от папского влияния. В Англии реформация не была вначале народным движением, и некоторые ее моменты встречали определенное противодействие основной массы населения. В реформационном движении Англии можно различить три течения, не всегда связанные между собой и не всегда затрагивающие одни и те же классы. Первым был разрыв с Римом, принесший с собой прекращение выплаты тяжелых налогов папству, вторым — захват имущества церкви в самой Англии, и третьим — победа догматов веры, известных под именем протестантизма.

Разрыв с Римом одобрили почти все. Мы уже видели, что папские вымогательства вызвали недовольство даже значительной части клириков, и когда в 1531 г. Генрих объявил себя главою церкви, это встретило противодействие почти только со стороны монахов. С другой стороны, захват монастырских земель принес выгоду лишь короне и классу землевладельцев, он был уже гораздо менее популярен и приводил даже к вооруженным восстаниям, из которых самым крупным было так называемое «Благодатное паломничество». Теологические же преобразования были делом средних и низших классов, среди которых еще живо было учение Уиклефа и которые приветствовали теперь учение Лютера. Протестантизм был комплексом идей, вдохновлявших широкое народное движение, а поскольку реформация в Англии началась сверху, она не сразу затронула широкие слои народа. Большинство населения по своим религиозным убеждениям оставалось католическим,

пока католицизм не дискредитировал себя политически своими связями с враждебной державой — Испанией.

Примерно с 1526 г. Генрих начал добиваться развода со своей женой Екатериной Арагонской, или, если говорить точнее, признания папой их брака недействительным на том основании, что Екатерина была прежде женою Артура, брата Генриха. Для развода имелись две серьезные политические причины. Во-первых, Екатерина была испанской принцессой; в XVI в. браки между представителями различных королевских семей были признанным методом скрепления связи между самими государствами, и в момент, когда Генрих замыслил стать на сторону Франции, для него было крайне неудобно состоять в браке с испанкой. Вторая причина заключалась в том обстоятельстве, что Екатерина не дала ему наследника и, повидимому, не могла уже дать его и в будущем.

Генрих обратился к папе Клименту VII с просьбой о разводе, и в обычных условиях он, несомненно, его получил бы. Но в 1527 г. Рим только что был разграблен армией германцев и испанцев и сам Климент был, по существу, пленником Карла V, племянника Екатерины. Климент, пока можно было, оттягивал время, надеясь найти какой-нибудь компромиссный выход. Однако для Генриха развод был пробным шаром, пущенным с целью проверить силу своего влияния на папство. Когда же обнаружилось, что папа не желает выполнить его волю, он решился на разрыв с Римом. Это явилось также испытанием способностей Уолси как дипломата; не оправдав надежд короля, он был отстранен от должности и избежал казни только благодаря тому, что успел во-время умереть. Генрих обратился теперь к более грубому советчику, такому, который без излишней щепетильности смог бы осуществить подготовлявшийся им план конфискации монастырских имуществ. Это был Томас Кромвель, типичный выскочка — никто хорошенько не знал о его происхождении и воспитании, а разбогател он самыми сомнительными способами того времени.

В течение семи лет, с 1529 по 1536 г., заседал Реформационный парламент, который без противодействия принял целый ряд актов, оформивших разрыв английской церкви с Римом и передачу ее под контроль государства. Запрещены были все обращения к папе. Запрещались и такие платежи, как аннаты и «Петров пенс». Король был объявлен главою церкви и получил право не только намечать кандидатов на церковные должности, но и определять само вероучение. Теперь церковь в Англии не была уже больше частью международной организации, а составляла часть государственного аппарата, и благополучие ее было тесно связано с благополучием короны. Нескольким парадоксальным следствием этих перемен явился тот факт, что с этого времени высшее духовенство стало играть более скромную роль в делах государственного управления. До Уолси мало было высших сановников из светских лиц.

После него уже ни один клирик не занимал при дворе высокой должности. Церковь, которая в средние века была независимой силой, в некоторых отношениях равной государству, отныне была подчинена государству и сфера ее деятельности строго ограничена.

В 1536 г. началась прямая атака на монастыри. Создана была специальная комиссия, которой поручено было собрать или даже просто сфабриковать сведения, порочащие монастыри так, чтобы в оправдание конфискации их имущества можно было привести доводы морального порядка. На основании отчета этой комиссии, который землевладельцы в парламенте с удовлетворением встретили криками «Долой их!», 376 мелких монастырей было закрыто. В 1539 г. закрыли и остальные. О причинах ликвидации монастырей и о некоторых ее результатах мы уже говорили. Монахи были слишком изолированы, чтобы оказать сопротивление, а издавна существовавший антагонизм между монахами и приходскими священниками лишил их поддержки даже со стороны церковников.

На полученные в результате секуляризации средства основано было несколько школ; небольшую часть получили шесть вновь основанных епархий. Остальное же захватила корона и распродала знати, придворным, купцам и группам спекулянтов. Многие были перепроданы ими мелким землевладельцам и фермерам-капиталистам, и, таким образом, был создан обширный и влиятельный слой общества, который имел все основания поддерживать установление реформации. То, что корона распорядилась монастырскими землями именно таким образом, было недалековидно с точки зрения экономики, однако с точки зрения политики оказалось исключительно удачным шагом, обеспечившим прочную поддержку реформационному движению на той стадии, которой оно к тому времени достигло.

Пока что перемены были только экономического и политического порядка. Генрих и теперь еще, как и до конца своей жизни, считал себя благочестивым католиком, считал, что на его религиозные убеждения не повлияли его политические расхождения с папой. Что же касается монастырей, то они были распущены в интересах морали и истинной религии. Несостоятельность такого взгляда должна была рано или поздно обнаружиться, особенно если принять во внимание, что он отнюдь не разделялся папой и католическими государствами. Понимавший это Кромвель старался направить Генриха на путь полного протестантизма и союза с лютеранскими государствами Северной Германии. В течение нескольких лет Генрих действовал именно в этом направлении, однако вскоре его испугала политика полной изоляции Англии от всех великих европейских держав. Кромвель, как и Уолси, переоценил степень своего влияния на курс политики Генриха; в 1540 г. Кромвель был обвинен в измене и обезглавлен. Генрих снова обратился к старой тактике сохранения равновесия сил и обнару-

жил, что Карл V отнюдь не склонен отказываться от помощи еретика в борьбе против своих врагов — французов.

Соответственная реакция произошла и внутри Англии. «Статут шести статей» устанавливал смертную казнь за отрицание основных принципов католического вероучения. Латимер и другие видные протестанты были отстранены от должностей. В оставшийся период своего правления Генрих без всякого разбора казнил как протестантов за отрицание догмата о пресуществлении, так и католиков за то, что они не признавали его главой церкви. За редким исключением все епископы и священники дали требуемую клятву повиновения королю и были оставлены на своих местах. Прежние формы богослужения продолжали сохраняться без изменений, и только иногда какой-нибудь реформистски настроенный священник проповедовал новую доктрину.

Одно нововведение оказало, хотя и не сразу, колоссальное влияние на распространение идей протестантизма, — издание английского перевода библии. Раз библия стала общим достоянием и уже не была книгой на незнакомом языке, доступной только священникам, ключ к ее тайнам получал всякий, кто умел читать. Протестанты сделали библию руководством для своей партии, а ее изучение поставили в основу своей деятельности. Для людей XVI в. и особенно XVII в. библия имела очень большое значение. Она навсегда положила конец монополии священников в деле спасения души.

Более мощной и быстро действующей причиной распространения протестантизма было наличие владельцев церковных земель, исчислявшихся тысячами. Они понимали, что земли эти может закрепить за ними только широкое распространение протестантизма среди масс населения и что рост этого движения может передать в их руки значительные богатства, которыми еще располагала церковь. В Лондоне, и в восточных графствах прежде всего, высшие классы превратились в ярых, хотя и не бескорыстных, поборников «истинно угодной богу реформации», увлекая за собой множество своих арендаторов, подмастерьев и слуг.

Таково было положение в стране к 1547 г., году смерти Генриха VIII. Разрыв с Римом был полный. Секуляризация имущества церкви частично произведена. Переворот в догматах веры еще не был начат. Протестантская секта все еще составляла незначительное меньшинство населения, однако меньшинство, имеющее вес и влияние, совершенно непропорциональные его скромной численности.

6. Контрреформация и правление Елизаветы

Умирая, Генрих на время несовершеннолетия своего сына Эдуарда VI передал правление Совету регентства. Замечательно, что этот совет состоял исключительно из представителей «новой»

знати, и ни у одного из шестнадцати членов совета титул не восходил к периоду ранее начала XVI в. Главной фигурой в совете был дядя короля Эдуард Сеймур, впоследствии герцог Сомерсет, и почти все из его наиболее активных членов были ревностными реформаторами, людьми, которые уже основательно нажились на конфискации церковных имуществ и надеялись заработать на этом еще.

Во время их правления быстро усилилась крайняя протестантская партия. В 1549 г. вышел новый молитвенник. Главным достоинством его была крайняя расплывчатость формулировок, что давало возможность представителям разных партий толковать их по-своему. Вклады, оставленные церкви на отправление заупокойных месс, и другие церковные имущества, не тронутые в предыдущее правление, были теперь экспропрированы короной и вскоре перешли в руки совета и его приспешников. Конфискована была также и значительная часть имущества гильдий, обслуживавших нужды церквей. Не пострадали при этом только лондонские гильдии — они были слишком сильны, и рискованно было восстанавливать их против правительства; в остальных же частях страны эта конфискация нанесла и без того ослабевшей цеховой организации смертельный удар. Под предлогом уничтожения изображений идолов и искоренения предрассудков шел всеобщий грабеж приходских церквей.

Из церквей выносили дорогую утварь и облачения, уничтожено было много резных работ и цветного стекла, которые нельзя было унести, нередко снимали даже сделанные из свинца крыши. Не соблюдалось уже никакой видимости умеренности и благопристойности, так что даже протестант Бусер писал в 1550 г.:

«До сего времени святотатцы захватывают и грабят приходы, и нередко по-одному, по-четыре, по-шесть или более; говорят, что находится много и таких, которые отдают по два и по три прихода своим слугам или егерям, при том, однакоже, условии, что сами станут получать хорошую долю от их церковных доходов; и они приглашают на должность vikariev не тех священников, которые более других достойны занять эту должность, а тех, кого могут нанять подешевле».

Реформация времен Эдуарда была делом рук незначительного меньшинства, хищников-стяжателей, на которых неодобрительно косился народ. То, что протестантизм исходил от правительства, откровенно продемонстрировавшего свою бесчестность, оттолкнуло от реформационного движения даже тех, кто при иных условиях мог бы оказать ему поддержку. Только на регента Сомерсета не распространялось в полной мере презрение, с которым относился народ к совету. Сомерсет был любопытной фигурой, сам он жаждал захватить побольше церковных сокровищ и нередко унижался до грязных интриг, иногда имевших для его врагов губи-

тельные последствия, и тем не менее имел, казалось, искреннее желание исправить то зло, которое нанесли огораживания, и готов был для достижения этой цели идти на серьезный риск. Он оттолкнул от себя знать тем, что назначил комиссию для расследования случаев нарушений закона об огораживаниях и, основываясь на донесениях этой комиссии, представил в 1548 г. на утверждение парламента три билля, ни один из которых не был утвержден.

Нерешительность, проявленная Сомерсетом при подавлении восстания в Норфолке в 1549 г., окончательно восстановила против него знать, и его главный соперник Дадли (впоследствии герцог Нортумберленд) стал подготавливать государственный переворот. Опираясь на всеобщее недовольство скандальным характером деятельности реформаторов за последнее время, он тщательно замаскировал свои подлинные цели, изобразив их как стремление восстановить католицизм. Сам он остался в тени, а в качестве орудий для осуществления своих замыслов использовал Саутгемптона, Арунделя и других католических лордов. Когда Сомерсет был свергнут, Нортумберленд поспешил отмежеваться от этих марионеток и примкнул к крайней партии протестантов. С ними он стал разрабатывать план захвата до сих пор не тронутых доходов епархий. Сам Нортумберленд рассчитывал завладеть колоссальными богатствами епархии Дургамы, и в последующие годы внимание его было направлено главным образом на достижение этой цели. Доктринеры протестантизма, такие как Хупер, говоривший о «самом преданном и неустрашимом воине христовом графе Уорике», были готовы предоставить знати беспрепятственно поглотить епископские доходы за поддержку его в деле распространения кальвинизма в Англии.

Эти планы могли быть осуществлены, если бы король жил, но скоро стало ясно, что он умрет. Наследовать ему должна была Мария, дочь Екатерины Арагонской, — католичка и заклятый враг Нортумберленда. Нортумберленд понимал, что, вступив на престол, она первым делом покончит с ним, и стал готовить новый переворот. Он устроил брак своего сына с леди Джен Грей, внучкой Генриха VII, и принудил совет объявить ее законной наследницей престола. Когда в июле 1553 г. Эдуард умер, Нортумберленд провозгласил Джен Грей королевой в Лондоне. Мария укрылась в Норфолке; ей оказывали поддержку во всех концах страны, потому что большинство населения было озлоблено либо против Нортумберленда, либо против реформационного движения, либо против того и другого вместе. Войска Нортумберленда отказались сражаться, его арестовали, привезли в Лондон и казнили.

«И лишь только завидели его в Шордиче, — говорит писатель того времени, — весь народ стал посрамлять его и называть

предателем и еретиком, и не было таких, кто готов был за него вступить». Отрывок этот показывает, что даже Лондон в этот период не был целиком протестантским. Последним шагом Нортумберленда было трусливое отречение от протестантизма, который всегда был только маской для его честолюбивых замыслов. Карьера его в известной мере показательна, потому что в ней отразились одновременно и все непривлекательные стороны протестантизма и ненасытная алчность целого класса. Однако нельзя до конца понять протестантизм, если видеть только алчность Нортумберленда и забывать об отваге и целеустремленности Латимера. Став епископом, этот сын простого йомена, презирающий компромисс и исполненный страстного стремления к социальной справедливости, внес в протестантскую реформацию радикализм Мора; он был настоящим рупором безвестных ткачей и крестьян, которые и составляли подлинно революционное крыло этого движения.

Хотя заговор Нортумберленда рассыпался как карточный домик, Мария осталась заложницей в руках класса землевладельцев. Она могла вновь ввести католическую мессу и сжигать еретиков-ткачей, но она не могла заставить ни одного сквайра вернуть хотя бы один акр захваченной монастырской земли. В остальном положение Марии было устойчиво, и ее первые шаги, направленные на то, чтобы повернуть реформационное движение вспять, к той точке, на которой оно находилось к моменту смерти Генриха, были встречены всеобщим одобрением. Однако такой компромисс едва ли мог быть долговечным, к тому же Мария совершенно не походила на других Тюдоров, так как обладала искренними религиозными убеждениями и была совершенно неспособна на трезвый политический расчет. Во время своего правления она совершила ряд грубых ошибок, уничтоживших всякую возможность реставрации католицизма в Англии, если она и имелась.

Первую ошибку она совершила, объявив о своем желании выйти замуж за Филиппа Испанского. При существующей политической обстановке в Европе это означало полную потерю независимости для Англии. Несмотря на серьезное противодействие и даже восстание, подавленное без особого труда, Мария в 1554 г. вступила в брак с Филиппом. Брак этот был встречен с особенным неодобрением потому, что он шел вразрез с неизменным, хотя и не сформулированным, принципом английской внешней политики. Принцип этот сводился к тому, что самый опасный соперник в торговле должен был стать и главным политическим врагом. С этим принципом, применявшимся поочередно к Испании, Голландии и Франции в течение ряда столетий, принуждено было считаться каждое правительство, если оно не хотело прийти к катастрофе.

Следующим ее шагом было примирение с Римом; оно заключалось в ходатайстве парламента «о прощении» и принятии этого

ходатайства папским легатом. Восстановлены были старые законы о сожжении еретиков, подготавливалась и казнь наиболее видных протестантских церковников. Последовавшее за этим жестокое преследование еретиков и сектантов, начавшееся вопреки советам более рассудительных испанцев, оказалось фатальным предприятием по тому характеру, которое оно приняло. После виднейших церковников—Латимера, Хупера, Феррара и, наконец, архиепископа Кранмера—жертвами преследований становятся только люди неизвестные, главным образом ремесленники и мелкие фермеры. Сожжено было около трехсот человек, выбранных, повидимому, случайно, но, вероятно, в большинстве своем кальвинистов и анабаптистов. При этом на каждые шесть человек пять были из Лондона, Восточной Англии и Кента.

Ни один мирянин из высшего класса не пострадал—все они без исключения готовы были исповедовать любую веру, лишь бы не трогали их собственности. Тем не менее репрессии напугали и их, заставив призадуматься над тем, что принесет следующий шаг Марии и ее советчиков. Никто в XVI в. не протестовал против преследований в умеренной форме, однако массовые сожжения, проводившиеся в последние четыре года правления Марии, были, по общему суждению, чрезмерными; распространялось даже мнение, что в Англии скоро будет введена инквизиция, с работой которой во Фландрии народ знаком был довольно близко.

В 1557 г. связи с Испанией привели к войне с Францией, в результате которой англичане потеряли Кале, уже триста лет находившийся в руках Англии. Стапельная торговля, когда-то делавшая этот город важным торговым центром, теперь велась в ничтожных масштабах, однако потеря города вызвала большое недовольство, особенно среди купцов, которые, во всяком случае, энергично противодействовали установлению любых связей с Испанией. Известно было, что Мария при смерти, и только поэтому не произошло восстания, которое могло окончиться вторжением испанской армии в Англию.

Правительство Елизаветы установило религиозный компромисс, характерный для реформационного движения в Англии. Сама Елизавета мало интересовалась вопросами религии, ей важно было только достигнуть такого урегулирования, которое могло бы удовлетворить возможно большее число людей. Снова была ликвидирована власть папы, и на ее место была установлена слегка видоизмененная форма королевского главенства. В то же время сохранялась форма организации, существовавшая в католической церкви, сохранялся епископат и сложная система иерархии клира. Избегали наиболее радикальных демократических форм протестантизма. И по своей организации и по принципам вероучения английская церковь претендовала на звание одновременно и «католической», поскольку она сохраняла традиции вселенской

церкви, и «реформированной», поскольку она освободилась от ряда обычаев и верований, проникших в католицизм в период средневековья. Формулировки учения старались сделать возможно более расплывчатыми, и формы богослужбных обрядов были в 1549 г. тщательно установлены так, чтобы истолковывать их всегда можно было по-разному.

Форма «установленной законом англиканской церкви» обуславливалась политическими требованиями того времени. Многие считали ее установления временными, и лишь немногие встретили их с искренним энтузиазмом. Однако еще меньше было готовых выступить с оружием в руках против правительства, в остальном не вызывавшего особого недовольства, ради их отмены. Установленная при Елизавете форма протестантизма была наиболее совместима с монархией и системой местного управления, созданной Тюдорами. Приходский священник в деревне становится близким союзником сквайра и как мировой судья почти в такой же степени частью государственного аппарата.

В Шотландии реформация приняла другое направление. Здесь церковь еще сильнее деградировала и вызывала еще большие протесты, чем в Англии; движение против нее приняло более широкий характер. Особенного успеха достигло это движение тогда, когда оно соединилось еще и с чисто национальными устремлениями шотландцев и приняло некоторые черты движения за национальную независимость. В Англии реформация подчинила церковь государству—в Шотландии были моменты, когда государство, казалось, готово было полностью подчиниться церкви. Шотландский протестантизм вдохновлялся Женевой, где Кальвин установил на некоторое время диктатуру духовенства. Шотландскую пресвитерианскую церковь всегда отличала демократическая организация, и только внутри этой организации находили в Шотландии благодатную почву демократические идеи.

В период правления Генриха VIII неофициальные военные действия между Англией и Шотландией, начавшиеся после битвы при Флоддене, препятствовали распространению реформационного движения в Шотландии, так как это связано было с усилением ее противника—Англии. Сомерсет хотел прекратить вражду с Шотландией женитьбой Эдуарда VI на Марии, дочери Якова V, умершего в 1542 г., всего через неделю после ее рождения. Чтобы ускорить переговоры, он повел в Шотландию армию, одержал победу в битве при Пинки и сжег Эдинбург. Это уничтожило всякую возможность англо-шотландского союза, и Мария была поспешно увезена во Францию, где вышла замуж за дофина.

С этого времени обстановка в Шотландии начинает меняться. Мать королевы Мария де Гиз правила Шотландией с помощью французской армии. С Шотландией обращались как с французской провинцией, и протестанты стали выступать теперь в роли

патриотов, на католиков же волей-неволей смотрели как на пособников французской оккупации. Много представителей знати, имевших случай видеть, какую выгоду принес протестантизм их классу в Англии, примкнули к партии реформаторов. В 1559 г. началась открытая война с Францией; с помощью английской армии и флота французы были изгнаны, и в Шотландии установился протестантизм.

В 1561 г. Мария Стюарт возвратилась в Шотландию девятнадцатилетней вдовой и католичкой, чтобы править страной, ставшей фанатично кальвинистской. Историю злоключений Марии рассказывали много раз, и незачем повторять ее здесь. Через восемь лет после ее приезда Мария была низложена и лишь с большим трудом спаслась бегством в Англию, где обратилась к Елизавете с просьбой взять ее под свою защиту. Пребывание Марии в Англии было крайне неприятно для Елизаветы, потому что Мария не только была наследницей престола, но, ввиду того что все католики считали Елизавету незаконнорожденной, являлась в глазах многих законным монархом. Елизавета заключила ее в замок, и, как это было ей свойственно, оттягивала насколько возможно окончательное решение. С этого момента судьба Марии относится уже не к шотландской истории, а к истории только что начинающейся борьбы между Англией и Испанией.

Глава VII

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Борьба с Испанией

В борьбе между Англией и Испанией, охватившей последнюю треть XVI в., действия обеих сторон носили наступательный характер, хотя как та, так и другая стремились избежать открытого столкновения и добиться своих целей иными средствами. Англия, точнее говоря, английское купечество, поддерживаемое правительством, твердо решило пробить брешь в колониальной монополии, установленной Испанией в Новом Свете. Эти стремления разделялись североευропейскими морскими державами, прежде всего Голландией. В ту пору судьбы Англии и Голландии были неразрывно связаны, и восстание в Нидерландах сыграло решающую роль в общем развитии всей борьбы. Английская и голландская торговля могла развиваться лишь за счет Испании и Португалии, поскольку именно в руках последних находились, как в то время казалось, все те земли за пределами Европы, с которыми можно было завязать выгодные торговые отношения. Как для Англии, так и для Голландии—стран, у которых была незначительная территория и не было вместе с тем никакой надежды расширить ее пределы на суше,—подобная колониальная экспансия была необходимым условием экономического и политического развития, тем более что преуспевавшее английское и голландское купечество отличалось большой предприимчивостью.

С другой стороны, одно время казалось, что женитьба Филиппа на Марии Тюдор обеспечит Испании контроль над Англией, который являлся необходимым условием успешного осуществления планов Испании, направленных на создание мировой империи. Такой случайный фактор, как смерть Марии, сорвал эти планы, однако на первых порах Филипп надеялся поправить дела другой женитьбой, на Елизавете. До тех пор пока это было возможно, Елизавета поддерживала в нем надежду на этот брак, однако сама она и ее советники были слишком умны, чтобы повторить ошибку Марии. Когда же Филипп понял, что план его женитьбы провалился, он после некоторых колебаний стал понемногу переходить к иным средствам: дипломатии, интриге и, наконец, к войне.

Верного союзника Испания нашла в лице папства. На Тридентском соборе (1546—1563) римская церковь реорганизовала свои силы, создала в лице иезуитов корпус хорошо обученных и дисциплинированных ударных войск, усовершенствовала инквизицию как орудие репрессий и стала вести неуклонную подготовку, повидимому с большими перспективами на успех, к проведению контрреформации, которая должна была искоренить ересь и установить господство папы во всей Европе. В основном интересы папства и испанской монархии совпадали, ибо еретики были в то же время наиболее решительными противниками испанского престола; и хотя союзники порой ссорились, когда дело касалось распределения расходов на проведение борьбы с ересью или дележа добычи, им тем не менее удавалось достаточно тесно сотрудничать. Таким образом, борьба носила также и религиозный характер, будучи борьбой протестантизма и контрреформации.

Проблема религиозных меньшинств еще более усложняла эту борьбу в каждой отдельной стране. В Англии имелось значительное число католиков, от которых постоянно ждали мятежных выступлений. Испании приходилось вести бесконечную борьбу против восстания своих подданных—протестантов в Нидерландах,—которое ей так и не удалось подавить. Еще хуже было положение Франции; в результате ожесточенной гражданской войны между католиками и протестантами-гугенотами, осложненной еще и династическим конфликтом, ее значение в европейской политике было в этот период сведено на нет, и это совершенно изменило соотношение сил в Европе. Поверхностный наблюдатель не нашел бы в Европе в 1570 г. государства, способного соперничать с Испанией, установившей свое господство не только в Южной Италии, Австрии, Венгрии и Нидерландах, но и в обширной колониальной империи.

Однако в Ламанше и в Северном море базировался флот неопределенного подданства, неофициально поддерживаемый английскими властями в Дувре, где находился его штаб. Флот состоял из голландских, английских и частично гугенотских судов, которые хозяйничали в проливах и совершали повсюду нападения на испанские и французские суда. Подобные нападения совершались и другими силами, базировавшимися в портах Девона и Корнуэлла и гугенотской крепости Ларошели, они захватывали испанские торговые суда и даже угрожали Вест-Индии. Официально между Англией и Испанией был мир, однако английское правительство участвовало в дележе добычи, награбленной этими каперами, а иногда даже предоставляло им суда королевского флота. Когда же, наконец, в 1572 г. Филипп потребовал вывода из английских портов этого Ламаншского флота, последнему было предоставлено достаточно времени, чтобы собрать все свои силы и нанести блестящий и неожиданный удар по голландскому городу

Бриллю. Взятие Брилля послужило сигналом для массовых выступлений по всему голландскому побережью и для возобновления Нидерландами войны, которую Испания считала законченной уже несколько лет назад. В этой войне лучшие войска и лучшие полководцы Европы не могли преодолеть сопротивление голландских бюргеров и крестьян до тех пор, пока те держали в своих руках морской путь, по которому шла к ним из-за границы военная и экономическая помощь.

В это время в Англии для Елизаветы и ее министров сложилась довольно сложная обстановка в связи с непрошеным приездом Марии Стюарт в 1568 г. Почти одновременно католические графы Нортумберленда и Уэстморленда подняли на севере восстание с тем, чтобы освободить Марию, выдать ее замуж за герцога Норфолка и посадить на престол. Частично восстание было стихийным, частично оно было сознательно спровоцировано правительственным советом. Оно было разгромлено при первом же соприкосновении с сильной королевской армией, и та легкость, с которой оно было подавлено, свидетельствует о крайнем упадке могущества полуфеодалной знати Севера за какие-нибудь тридцать лет, прошедшие со времени «Благодатного паломничества», внешне напоминавшего эти события.

На протяжении восемнадцати лет Мария стояла в центре целого ряда заговоров, имевших целью убийство Елизаветы. Подобно тому как английское правительство поощряло налеты каперов на испанские торговые суда и города, испанский посол и многочисленные иезуитские священники, засланные в Англию с тем, чтобы вновь обратить ее в католическую веру, поощряли английских заговорщиков. Елизавета, не впервые за время своего правления, оказалась в таком положении, при котором любой путь был сопряжен с опасностью. Ни она, ни ее первый министр Сесиль еще не решались бросить Испании вызов на открытый конфликт, хотя неизбежность такого конфликта была совершенно очевидна.

Было ясно, что до тех пор, пока жива Мария, заговоры не прекратятся, а один из таких заговоров мог увенчаться успехом. Убийство Елизаветы почти наверняка дало бы толчок к гражданской войне и предоставило бы Филиппу долгожданный случай для вмешательства. С другой стороны, пока Мария и Елизавета оставались в живых, возможность войны была исключена. Филипп совсем не собирался затевать войну ради того, чтобы посадить Марию на английский престол, ибо она была наполовину французской по крови и куда больше чем наполовину, — по своим взглядам, поэтому следовало ожидать что, управляя Англией, она скорее стала бы действовать в интересах Франции, нежели Испании. Поэтому, пока существовала возможность устранения Елизаветы путем убийства, Филипп предпочитал ждать.

Шел год за годом, а обе стороны все ждали удобного случая. Филипп посылал помощь ирландским мятежникам. Дрейк, Гаукинс и другие каперы совершали все более дерзкие налеты. Иезуитские священники призывали католическую знать и мелкое дворянство к бунту, за что их ловили и вешали. В 1577 г. Дрейк отправился в свое кругосветное путешествие и возвратился с богатой добычей. В 1580 г. испанский отряд высадился в Ирландии, но был взят в плен и перебит у Смервика. Елизавета посылала голландцам солдат и деньги в количествах, необходимых для поддержки восстания, однако не так много, чтобы дать запутать себя прочно и отрезать себе пути к отступлению.

В 1584 г. перед Елизаветой встала новая дилемма. Был убит вождь восстания в Нидерландах Вильгельм Оранский, и голландцы прислали послов, прося у Англии согласия на объединение с ней. Согласие означало бы открытую войну. Отказ вероятнее всего привел бы к подчинению голландцев Испании и к потере Англией союзника. Как всегда, Елизавета воздерживалась от определенного ответа, пока это было возможно. Когда же она решилась ответить отрицательно, она одновременно с этим направила в Голландию усиленный отряд «добровольцев» под командованием своего любимца графа Лейстера, пытаясь помешать окончанию войны. Осенью того же года Дрейк во главе флота из двадцати пяти судов совершил налет на Вест-Индию.

Таким образом, неизбежность войны становилась все более и более очевидной, и соответственно все более отпадала необходимость сохранять жизнь Марии. Уолсингем, который в совете Елизаветы представлял крайнее протестантское крыло, выступая за объединение всех протестантских сил в Европе с Англией во главе и за открытую войну с Испанией, взялся за работу, чтобы впутать Марию в один из заговоров, подготовлявших убийство Елизаветы. Как обычно, Уолсингем имел среди заговорщиков шпиона, и вся их корреспонденция с Марией проходила через его руки. К сентябрю 1586 г. он располагал всеми необходимыми уликами. Заговорщики были спровоцированы на преждевременное выступление, и в феврале 1587 г. Мария была обезглавлена.

Свои притязания на английский престол Мария завещала Филиппу, и теперь у него были все основания для того, чтобы начать войну, ибо плоды победы принадлежали бы теперь ему одному. Однако война протекала в менее выгодных для Филиппа политических условиях, чем те, которые могли бы существовать при жизни Марии, ибо если значительная часть умеренных католиков стала бы сражаться за то, чтобы посадить Марию на королевский престол, то лишь немногие, находившиеся под влиянием иезуитов, были готовы сделать это для Филиппа. Другим фактором, вызвавшим начало войны, было то обстоятельство, что Испания терпела

неизменные неудачи в своих попытках покорить Нидерланды. По первоначальному плану такое покорение рассматривалось как вступительная фаза в борьбе против Англии. Теперь же стало ясно, что покорить Нидерланды не удастся до тех пор, пока они будут получать помощь от Англии.

Лето 1587 г. Филипп провел в подготовке огромного флота Армады—для покорения Англии. В соответствии с намеченным планом кампании Армада должна была пройти через Ламанш до Дюнкерка, где ее ожидал с сухопутной армией командующий испанскими войсками в Нидерландах герцог Пармский. Армада должна была эскортировать эту армию через пролив для высадки десанта в устье Темзы. При условии отсутствия серьезного сопротивления это был бы превосходный план. Однако выступление Армады было задержано в связи с нападением Дрейка, в результате которого было уничтожено много торговых судов и разгромлены склады в Кадиксе. Кроме того, командующий Армадой умер; качество снаряжения оказалось настолько низким, что Армада вынуждена была встать на ремонт в Корунье; все же к концу июля 1588 г. Армада достигла английских вод.

Поражение Армады часто рассматривают как какое-то чудо; на самом деле было бы поистине чудом, если бы она победила. Со времени поражения персов при Саламине вплоть до начала XVI в. принципы ведения морских сражений не изменились. Суда рассматривались лишь как транспортные средства для перевозки войск; такое судно обычно стремилось взять противника на бордаж и завершить бой рукопашной схваткой. Подобные принципы ведения войны как раз и господствовали в Испании, а испанские солдаты были в то время лучшими в мире. Однако за одно поколение до создания Армады англичане и голландцы разработали совершенно иную тактику ведения войны. В соответствии с этой тактикой корабли превращались в плавающие батареи, перед которыми ставилась задача настигнуть противника и вывести его из строя артиллерийским огнем на расстоянии. Они стали строить более быстроходные и менее громоздкие суда, способные идти против ветра, орудия на таких судах устанавливались не только на палубе, но и в специальных бортовых амбразурах. Английские и голландские суда превосходили испанские и по силе и по точности огня. А караваны испанских галеонов, нагруженных войсками, представляли очень удобную мишень для бортовых орудий противника, на огонь которых они не могли дать эффективный ответ. Численное превосходство испанских судов и превосходство в тоннаже абсолютно ничего не значили в тех условиях боя, которые были им навязаны. Понять техническое превосходство англичан можно лишь тогда, когда мы будем рассматривать его как следствие поразительного промышленного прогресса предшествующих лет.

В результате двухнедельного непрерывного боя Армада была вытеснена из южных вод Ламанша к северу, выбита из Кале огнем боевых кораблей и, минуя Дюнкерк, отступила в Северное море. Колоссальный ущерб, нанесенный испанскому флоту, был бы еще больше, если бы англичане не были стеснены в боеприпасах. Так как Армада не могла вернуться через Ламанш против ветра, она была вынуждена идти в обход, огибая Шотландию и Ирландию, а у побережья этих стран были повреждены еще десятки испанских кораблей. Во всей операции потери англичан не превышали 100 человек убитыми.

После 1588 г. инициатива перешла в руки англичан, которые беспрестанно нападали на прибрежные города Испании и Вест-Индии, а также на суда противника. Возникли два противоположных по своему характеру стратегических плана. Первый был рассчитан на повсеместное уничтожение военных кораблей противника, второй (он нашел более широкую поддержку) предусматривал ограбление его колоний и перерезание торговых путей. Этот последний метод ведения войны, использованный также в XVII и XVIII вв., заложил основание Британской империи; он с успехом был использован в ряде войн, основная тяжесть которых была переложена Англией на плечи ее континентальных союзников. В 1589 г. была захвачена и разграблена Корунья, однако попытка нападения на Лиссабон не увенчалась успехом. В 1590, 1591 и 1595 гг. были совершены нападения на Вест-Индию, а в 1596 г.—новый разрушительный налет на Кадикс. Между тем Испания стала вносить изменения в технику кораблестроения и переменила тактику ведения морских боев; в связи с этим борьба приняла затяжной характер и велась путем отдельных мелких столкновений; долгое время ни той, ни другой стороне не удавалось добиться решающего перевеса.

Война с Испанией, особенно вначале, носила не только национальный, но также и классовый характер, будучи борьбой одного класса против его классовых врагов на родине и за границей. Война велась, главным образом, английским купечеством в союзе с некоторыми элементами мелкопоместного дворянства против Испании, как центра феодальной реакции в Европе, с одной стороны, и против ее союзника в Англии, католической знати, — с другой. На основании воспоминаний о преследованиях Марии, сохранных Фоксом в его «Книге мучеников», которая была издана в 1563 г. и снизкала в то время небывалую популярность, на основании деятельности иезуитов и жестокости инквизиции английская буржуазия изобразила католицизм как источник всех зол, как врага, с которым ей суждено было вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть. Религиозный фанатизм только усилил экономические устремления английской буржуазии, поэтому она не только боролась со своим врагом, но и искренне

его ненавидела, и именно в борьбе с Испанией она впервые почувствовала свою собственную силу.

До 1588 г. английская буржуазия боролась за свое существование, после 1588 г. она начала борьбу за власть. Поэтому поражение Армады является поворотным пунктом в истории развития английского государства, а также в его взаимоотношениях с другими странами. Именно английские купцы со своим флотом и своими деньгами одержали эту победу, они одержали ее несмотря на нерешительность и неспособность короля и Тайного совета, энтузиазм которых стал заметно остывать по мере того, как война принимала революционный характер. Победа изменила характер классовых отношений в стране, существовавших на протяжении целого столетия. Буржуазия почувствовала свою силу, и вместе с тем, по существу, пришел конец ее длительному сотрудничеству с королевской властью. Последней еще могла потребоваться помощь буржуазии, зато буржуазия не нуждалась теперь в защите королевской власти. Еще при жизни Елизаветы парламент стал проявлять не виданную до сих пор независимость.

Поэтому-то войну с Испанией следует рассматривать как начальную фазу английской революции. Во-первых, она нанесла поражение феодальной реакции в Европе и закрепила победу реформации там, где она уже восторжествовала над католицизмом. И во-вторых, Филипп был побежден именно теми классами, которые впоследствии возглавили оппозицию против Карла. Чрезвычайно показательным обстоятельством, что в начале гражданской войны весь флот, все важнейшие порты оказались на стороне парламента. И именно война с Испанией закалила и сплотила эти классы, вселила в них уверенность в том, что они состоят из особых людей, людей избранных, и эта уверенность превратила их пуританизм в несокрушимое политическое кредо.

2. Привилегированные компании

В XVI и начале XVII в. трудно было провести четкую границу между пиратством и честной торговлей. Купец всегда был готов вступить в борьбу за свои рынки сбыта или за право закупать товары там, где его соперники установили монополию, в то же время капер всегда был готов прибегнуть к торговле, когда его основное занятие не приносило доходов. Среднее положение между ними занимали такие люди, как Гаукинс, основатель доходного промысла — вывоза негров из Западной Африки на Американский континент.

За какие-нибудь 30—40 лет все туземное население Вест-Индии было истреблено, ибо оно выражало упрямое нежелание работать на рудниках и плантациях своих испанских завоевателей. Испанские поселенцы начали ощущать столь сильный недостаток

в рабочей силе, что они готовы были покупать рабов у кого угодно, несмотря на запрещение испанского правительства.

В 1562 г. Гаукинс доставил в Сан-Доминго первую партию рабов и этим положил начало бойкой и выгодной торговле, причем теперь испанские поселенцы и английские торговцы действовали совместно, стараясь ускользнуть от правительственных военных судов и таможенных чиновников. Работоторговля была слабо развита до начала второй половины XVII в.¹, когда на основе рабского труда возникла возможность получения огромных прибылей от сахарных и табачных плантаций, но английские торговцы всегда только и мечтали о получении права поставлять рабов в испанские колонии в Америке. В течение некоторого времени торговля с этими колониями считалась более важной, нежели самостоятельная колонизация.

Первые английские поселения в Америке преследовали прежде всего политические цели: создание баз для борьбы с Испанией, а также организацию поисков золота и серебра. Колонистами главным образом были обедневшие дворяне с авантюристическими наклонностями, стремившиеся сколотить состояние возможно более легким способом, однако они были неспособны работать на земле, да и вообще были мало приспособлены к трудовой жизни. Если случалось, что в течение продолжительного времени они были оторваны от Англии, они обычно умирали от голода. Попытки основать колонии в Виргинии в 1585 и 1587 гг. закончились полным провалом. Первой колонией, которая оказалась достаточно жизнеспособной, была колония, основанная в 1607 г. в Джеймстауне, а вслед за этим был создан целый ряд поселений двух новых типов, которые начали быстро развиваться. Поселения первого типа находились в Новой Англии, здесь поселились английские фермеры и ремесленники — пуритане, которые во времена Стюартов вынуждены были покинуть Англию из-за религиозных преследований и которые принесли с собой усердие и бережливость, отличавшие их еще на родине. Несколько южнее, в Виргинии, поселенцы, обладавшие значительным капиталом, основали большие табачные плантации; там на кабальных условиях работали вывезенные из Англии каторжники, безработные, а главным образом ирландские крестьяне, согнанные со своих земель, которые затем были заселены переселенцами из Англии и Шотландии. В начале XVII в. были захвачены острова Бермудские и Барбадос, где стали разводить сахарный тростник, используя подобную же рабочую силу. После 1660 г. во всех этих колониях, а также и в колониях,

¹ До второго десятилетия XVII в. Англии не удавалось упрочить свое положение в области работоторговли.

основанных позднее, труд белых «кабальных слуг» стал вытесняться трудом черных рабов.

Однако первой значительной английской колонией была Ирландия, именно здесь англичане постигли все мошеннические приемы управления покоренными народами. Особенно в Ольстере, где дольше всего удерживался родовой уклад, окончательное покорение страны сопровождалось массовой конфискацией земель, которые продавались за бесценок английским и шотландским купцам и помещикам. Коренное земледельческое население сгоняли с земли или превращали в батраков, а на их месте селились иммигранты из Англии и Шотландии, положение которых вскоре оказалось немногим лучше положения их предшественников—ирландцев. Вся территория Дерри была передана одному лондонскому торговому объединению и разделена на двенадцать имений, каждое из которых было отдано одной из двенадцати крупных компаний. Однако такими способами легче было разорить Ирландию, чем обогатить Англию, и вообще в XVII в. роль колоний была довольно незначительна: не было ни избыточных капиталов, ни избыточного населения, необходимых для осуществления крупных спекуляций, а те, кто имел в наличии свободный капитал, охотнее вкладывал его в торговлю, сулившую более высокие прибыли.

Таким образом, наиболее существенным фактором экономического развития в последние годы Тюдоров и в начале правления Стюартов было создание и укрепление целого ряда привилегированных компаний, каждая из которых занималась развитием торговли в каком-либо определенном районе. В сущности компании эти не представляли собой ничего нового. Еще в XV в. было создано лондонское объединение купцов—авантюристов, занимавшихся вывозом сукон в Северную Европу, и с тех пор оно не прекращало своей деятельности, перемещая ее центр смотря по политической ситуации, из Антверпена в Гамбург или Эмден. В 1598 г. их долголетняя борьба с ганзейскими купцами закончилась тем, что последние были вытеснены из Лондона, а фактория их, так называемый Стальной двор, закрыта. К концу XVI в. привилегированные компании возникают повсеместно. Восточная компания (1579) вела торговлю на Балтике и в Скандинавии; в 1581 г. была основана Левантийская компания, а в 1588—Африканская компания, имевшая целью организацию работорговли.

Все эти компании, за небольшим исключением, возникли в Лондоне, поэтому им пришлось столкнуться не только с иностранными конкурентами, но и с купцами из других английских портов. Так, например, купцы Ньюкасла вели длительную, временами успешную борьбу с купцами-предпринимателями, требуя признания за ними предпочтительных прав, предоста-

вленных их купеческой гильдии в средние века; купцы Бристоля и портов Западной Англии упорно сопротивлялись попыткам Лондона монополизировать торговлю с Испанией и Францией, и в 1604 г. эта торговля была провозглашена открытой для всех англичан. Хотя Лондон был бессилем уничтожить конкуренцию окраинных портов, тем не менее совершенно очевидно, что образование привилегированных компаний, имевших особые права, а также необходимые силы для защиты своих членов, способствовало сосредоточению внешней торговли страны в одном центре, а следовательно, увеличивало политический вес виднейших лондонских купцов.

Наиболее значительной из всех привилегированных компаний была Левантийская компания. Те купцы, которые вели торговлю с Константинополем и Левантом в одиночку, шли на огромный риск, ибо они всегда могли подвергнуться нападению со стороны кораблей пиратских стран Берберского побережья Северной Африки, опустошительные налеты которых значительно участились в связи с упадком морского могущества Испании; в первые годы правления Карла I они стали появляться даже у берегов Англии. Организованное сопротивление оказывали венецианские купцы и одна французская компания, утвердившаяся в Леванте еще в 1535 г. Восточные районы Средиземного моря, являвшиеся важнейшей сферой действия Франции со времени крестовых походов, были свидетелями первой стадии колониальных конфликтов, которые сто лет спустя приняли значительно более широкие масштабы в Канаде и Индии. Левантийская компания имела то преимущество перед частным торговцем, что она могла ежегодно высылать мощный флот, способный оказать сопротивление любому нападению. В 1601 г. она была реорганизована, и с этого времени началась регулярная торговля с Турцией. Компания сохраняла фактическую монополию до 1753 г., она занималась вывозом сукна и ввозом шелка, наркотиков и других восточных товаров.

Однако ни одна из этих компаний не существовала так долго и никогда не достигала таких размеров, как Ост-Индская компания, которая поистине положила начало английскому господству в Индии. С самого начала это была компания несколько особого типа, она была лучше приспособлена к ведению торговли в широких масштабах и более гибко использовала свой капитал. Купцов-авантюристов нельзя было даже назвать компанией в современном смысле слова. Скорее это было объединение купцов, ведущих однородную торговлю в определенном районе и сплотившихся в целях взаимной помощи и защиты. Внутри же объединения каждый купец торговал, используя свой собственный капитал, сам получал свою прибыль и сам терпел все убытки. По существу это было подобие простой кооперации в области

торговли, характерной для мануфактурной стадии развития промышленности. Ост-Индская компания была первым значительным акционерным обществом, члены которого вкладывали свой определенный капитал в общее дело и соответственно получали свою долю общего дохода. На первых порах вложения производились перед каждым отдельным торговым плаванием, по окончании которого все доходы делились, а потом уже производились новые вложения для финансирования новой торговой экспедиции. Вскоре, однако, акционеры стали оставлять свой капитал на более длительные сроки—на несколько плаваний; в результате образовался постоянный капитал. Это дало компании безусловные преимущества перед объединениями старого типа и создало условия для ее непрерывного развития и организации торговли в широких масштабах. Компания могла значительно больше времени, чем частные торговцы, ждать получения дохода со своего капитала.

Голландцы очень давно последовали за португальцами на восток, на острова Пряностей, и, используя высокие качества своих кораблей и более совершенные методы ведения дел, скоро вытеснили своих предшественников из Ост-Индии, заставив их довольствоваться собственно Индией. К концу XVI в. Голландия, вытеснив Португалию, стала главным поставщиком пряностей. О том, насколько важны были пряности, и особенно перец, для Европы того времени, можно судить уже по тому факту, что европейское население в течение почти всей зимы обычно употребляло в пищу только солонину. Из-за недостатка кормов (кормовая брюква и сухие корма использовались весьма ограниченно) каждую осень приходилось бить весь скот, не нужный для размножения. Поскольку соль была очень дорога и запасы ее были скудны, и к тому же Англии приходилось ввозить ее из-за границы, мясо часто плохо просаливалось, и чтобы придать ему какой-то вкус, необходимо было употреблять обильную приправу. В связи с этим цены на пряности были очень высоки, и монополия, установленная на них голландцами, приносила им огромные прибыли, вызывая крайнее раздражение покупателей и конкурентов.

Первым английским моряком, который обогнул мыс Доброй Надежды и достиг в 1592 г. Ост-Индии, был Джемс Ланкастер. В 1600 г. голландцы, используя свою монополию, сговорились между собой с целью поднятия цен; они подняли цены с 3 шиллингов за фунт до 6 и 8 шиллингов. Прямым ответом на этот шаг было создание в конце 1600 г. Ост-Индской компании и вторичный визит Ланкастера в Ост-Индию в 1601 г. Он прибыл с флотом из пяти кораблей и, возвратившись с богатым грузом пряностей, принес компании солидные прибыли. Вскоре, однако, выяснилось, что голландцы слишком крепко обосновались на островах и не

дают возможности новой компании организовать там постоянную прочную базу. Голландский флот, состоявший из двенадцати судов, не покидал берегов Ост-Индии, поэтому для англичан торговля в этих водах была сопряжена с огромным риском; после продолжительной борьбы на море, длившейся около двадцати лет, голландцам удалось ликвидировать английскую факторию, основанную в Амбойне на Молуккских островах. Именно в результате борьбы на Дальнем Востоке Голландия стала занимать место Испании в качестве основного соперника Англии на море.

После того как купцы Ост-Индской компании были вытеснены с островов, они устремились в Индию, где португальцы оказали им гораздо более слабое сопротивление. В 1612 г. четыре больших корабля под командой капитана Томаса Беста подошли к Сурату и разбили португальскую эскадру, пытавшуюся преградить им путь. После этого уже не трудно было получить разрешение от великого могола на организацию постоянных складов или факторий в Сурате. В 1614 г. англичане одержали еще одну морскую победу, которая упрочила их господство в индийских водах. В 1620 г. была создана фактория в Мадрасе, а в 1633 г.— в Хугли близ Калькутты. Позднее, когда Карл II женился на португальской принцессе Екатерине Браганцкой, он получил в качестве приданого остров Бомбей. Этот остров в 1680 г. был отдан в аренду Ост-Индской компании, которая, таким образом, приобрела крупную, выгодно расположенную базу, откуда было очень удобно вести торговлю. Серьезной политической силой в Индии компания стала лишь в XVIII в., однако еще задолго до этого она установила обширные, чрезвычайно выгодные торговые связи. Деятельность ее не ограничивалась Индией, а распространялась значительно дальше, вплоть до Персии и даже Японии, где у нее была фактория с 1613 по 1623 г.

Елизавета, как и все Тюдоры, прекрасно понимала значение торговли и важность поддержки купечества в условиях, когда оно еще не помышляло о борьбе с короной. Яков I, родиной которого была Шотландия с ее неразвитой промышленностью и слабой внешней торговлей, своей весьма робкой и, в конце концов, происпанской политикой быстро восстановил против себя лондонское купечество, которое к этому времени вследствие своих экономических успехов начало ощущать и свою политическую силу. В связи с этим Яков предложил, чтобы все европейские монархи объединились против угрозы «мятежа»: он совсем не желал унижения испанской монархии ради вящей славы английской торговли.

В 1604 г. война с Испанией закончилась мирным договором, который был раскритикован, ибо в нем конкретно не говорилось об обеспечении права торговли с испанскими колониями. Но хотя

договор был непопулярен, условия его были, пожалуй, наилучшими, которых можно было добиться; если бы договор не был заключен, то продолжение затяжных и нерешительных военных действий обошлось бы довольно дорого и не принесло значительных результатов. После смерти Сесилия мирные отношения с Испанией приняли форму подлинного союза. Это взбесило купцов и протестантов и в то же время не дало никакой выгоды короне. Флот ослабел, старые суда были сняты с вооружения, новые не строились. Торговцы жаловались на пиратские нападения даже в самом Ламанше. В 1616 г. сэр Уолтер Рэли, возглавлявший группировку, которая требовала войны с Испанией, получил разрешение отправиться с экспедицией в Южную Америку на поиски золота. Ничего не найдя, он вернулся в Англию и был обезглавлен по требованию испанского посла и ко всеобщему возмущению купечества, которое считало его действия вполне естественными и заслуживающими всяческой похвалы.

Эти перемены во внешней политике привели к коренному изменению внутреннего положения в стране. Еще со времен Елизаветы и до самого «Порохового заговора» (1605) оппозиция католиков королевской власти всегда носила очень активный, а временами даже явно изменнический характер. После 1605 г. некоторое время преследовали главным образом крайнее крыло католиков — иезуитов. Но в связи с развитием дружественных отношений с Испанией и последующей женитьбой Карла I на француженке Генриетте-Марии к католикам стали проявлять терпимость, а затем их даже приблизили ко двору. С этого времени они стали наиболее верными и решительными сторонниками престола, единственной значительной группировкой населения, на которую Стюарты могли опереться.

Пуритане, вышедшие из тех слоев общества, которые в свое время представляли самую надежную опору Тюдоров, теперь оказались в лагере оппозиции по отношению к режиму, который, по их мнению (не вполне соответствовавшему действительности), ставил своей целью восстановление католицизма в Англии и решительно противоречил их интересам. В связи с этим оппозиция короне стала как бы воплощением патриотизма, и широко распространилось мнение, что монархия и ее сторонники находятся в союзе с чужеземным врагом. Ведя подобную внешнюю политику, Стюарты потеряли основной источник силы короны — союз с исторически наиболее прогрессивным классом в стране.

3. Корона и парламент

За шесть лет до смерти Елизаветы длительное согласие короны с парламентом было нарушено конфликтом, вызванным практикой раздачи короной патентов на монополии. Предмет спора имел

очень большое значение. Монополией называлось предоставлявшееся отдельным лицам и компаниям исключительное право производить или продавать определенные товары, например бумагу или мыло. Иногда они выдавались в качестве награды или поощрения за изобретения, но чаще всего продавались с целью увеличить поступления в казну или же использовались как наиболее дешевое средство вознаграждения придворных и слуг, претендовавших на королевские милости. Так, графу Эссексу была выдана десятилетняя монополия на торговлю сладкими винами, отказ же королевы в 1600 г. продлить эту монополию послужил, пожалуй, главной причиной его безрассудного бунта в начале следующего года. В связи с величайшим и быстрым техническим прогрессом всем теперь хотелось испробовать новые методы обогащения. Монополии же препятствовали этому, обеспечивали колоссальные прибыли клике придворных и их приспешникам и в конечном счете задерживали развитие промышленности. Борьба против монополий была, таким образом, частью борьбы за свободное капиталистическое развитие, которое сковывалось устаревшим политическим режимом.

Защита выдачи патентов на монополии основывалась на праве короны издавать указы, регулирующие торговлю. Атака на них, по существу, была утверждением нового, чрезвычайно важного для буржуазии принципа, в соответствии с которым она могла бы покупать и продавать любые товары с наибольшей для себя выгодой и без всякого постороннего вмешательства. Подобные требования буржуазии находились в вопиющем противоречии со всей сущностью средневекового принципа организации общегосударственной и местной торговли. Вопрос был поднят в 1579 г., и было обещано, что он будет изучен. Когда же стало ясно, что в этом направлении ничего не делается, в 1601 г. последовала другая, еще более энергичная атака. Правительство сразу же поняло, что благоразумнее уступить, и последние годы царствования Елизаветы прошли в обстановке внешне устойчивых дружественных отношений короны и парламента.

Когда в 1603 г. на престол вступил Яков I, вся обстановка, казалось, изменилась с драматической быстротой. Несмотря на то что эта перемена была, по существу, лишь отражением изменившихся классовых отношений¹, ее чрезвычайно острый характер можно отчасти приписать и причинам личного порядка.

Прежде всего, Яков был иностранцем, полушотландцем-полуфранцузом, выросшим в стране, разделенной на резко враждебные друг другу группировки, он привык противопоставлять им свою политику тонкой хитрости и обмана, которую называл искусством правления. В Шотландии не было парламента

¹ См. ниже, раздел 5.

в английском смысле этого слова, а пресвитерианскую церковь Яков издавна считал злейшим врагом королевской власти.

Во-вторых, воспитанный в атмосфере богословского педантизма, Яков был слишком склонен теоретизировать по поводу своего положения и во всеуслышание требовал в качестве «данных ему самим богом» прав то, что Тюдоры, против которых не выступала никакая-либо оппозиция с четко выраженными взглядами, принимали скромно. При этом он выступал с подобными требованиями весьма нетактично и неумело, в такое время, когда, возможно, и Тюдоры поняли бы необходимость уступок.

В-третьих, что, пожалуй, самое важное, Яков прибыл из очень бедной страны в страну довольно богатую и считал, что ресурсы его нового королевства неограниченны. На самом же деле они были весьма далеки от этого, поскольку система государственных финансов носила еще средневековый характер и все более не соответствовала нуждам сложного государственного аппарата. При ежегодном государственном доходе, редко превышавшем 400 тыс. ф. ст., Елизавете удавалось сводить концы с концами исключительно за счет крайней бережливости и благодаря использованию представителей высших классов на неоплачиваемой государственной гражданской службе. В XVI в. цены продолжали расти, и Яков решил, что дохода, составлявшего около 450 тыс. ф. ст., недостаточно даже для мирного времени. Из этой суммы около 300 тыс. ф. ст. поступало от королевских имений и от утвержденных парламентом таможенных пошлин. Остальные же средства приходилось вытягивать у купцов и помещиков в виде парламентских субсидий. По сравнению с богатством этих классов размеры налогового обложения, которому они подвергались, были довольно незначительны, но именно вследствие роста своего богатства они все неохотнее голосовали за повышение налогов, кроме тех случаев, когда взамен этого им делали существенные политические уступки. Мало кто понимал сущность положения, создавшегося в результате повышения цен, поэтому неспособность Стюартов привести в равновесие их бюджет объяснялась обычно исключительно второстепенными причинами — их расточительностью и неумелым правлением.

Первый в правление Якова парламент задал тон, который преобладал в течение последующих сорока лет. Была утверждена только часть тех ассигнований, которых требовал король, и палата общин еще долго обсуждала его внутреннюю и внешнюю политику. Яков приказал ей предоставить обсуждение государственных дел королю и совету, ибо только им дано право разбирать эти дела. «Рассуждения о том, что бог может делать, есть богохульство, — заявил он. — А равно и споры подданных о том, что можно делать королю, облеченному высочайшей властью, есть мятеж». Парламент ответил подтверждением своего права «свободно

обсуждать все вопросы, которые должным образом затрагивают положение и права подданных»; в 1611 г. Яков распустил парламент.

С 1611 по 1621 г. был созван только один парламент — «Гнилой парламент» 1614 г. Он сразу же взялся критиковать политику правительства и был распущен прежде, чем успел принять какое-либо решение. В течение этого периода Яков перепробовал самые разнообразные средства, пытаясь уравновесить бюджет, среди них — насильственные займы, новые пошлины и продажу титулов. Пока удавалось поддерживать мир, этих статей дохода было, хотя и в обрез, достаточно для предотвращения кризиса. После того как в 1612 г. умер Сесиль, сын главного министра двора Елизаветы, Яков все более подпадает под влияние Испании, и в течение некоторого времени испанский посол Гондомар представлял фактическую власть в стране за спиной правительства. В 1620 г. Тридцатилетняя война в Германии создала новые трудности. Пфальцский курфюрст, один из ведущих протестантских князей и зять Якова, принял корону Чехии, народ которой восстал против императора. Курфюрста быстро выгнали из Чехии и из его собственного курфюршества, и тогда он обратился за помощью к своему тестю. Якову очень хотелось помочь зятю, да и пуританский Лондон жаждал войны. Тем не менее Яков предпочел попытаться восстановить своего зятя в его владениях путем переговоров с Испанией, предлагая за вывод императорских войск из Пфальца женить своего сына Карла на принцессе испанского дома и обещая проявлять терпимость к английским католикам.

Подобные переговоры могли бы увенчаться успехом только в том случае, если бы удалось показать, что за ними стоит сила, и в 1621 г. Яков был вынужден созвать парламент. Он просил 500 тыс. ф. ст. Парламент утвердил около 150 тыс., потребовал войны с Испанией и предъявил обвинение лорду-канцлеру Фрэнсису Бэкону в коррупции. На следующей сессии Яков просил 900 тыс. ф. ст. — было утверждено только 70 тыс. ф. ст.; палата общин открыто выступила против предложения о женитьбе Карла на испанке. В январе 1622 г. парламент был распущен.

В Тайном совете в это время вся власть принадлежала Джорджу Вильерсу, герцогу Бэкингеми, все государственные качества которого состояли в его крайнем тщеславии и в том, что он был любимцем Якова. Он был абсолютно незнаком с европейской политикой и не мог понять, что в основе всех тогдашних действий Испании лежит обман, что она в действительности не собирается идти на настоящие уступки. Когда же он после своего визита в Мадрид понял это, он резко качнулся в сторону политики войны, не учитывая того, что флот был совершенно развален

и что не было ни армии, ни средств для ее создания. Палата общин была также мало осведомлена обо всем этом, поэтому, когда в 1624 г. был созван новый парламент, он с энтузиазмом высказался за войну и ассигновал короле солидную сумму в 300 тыс. ф. ст., составлявшую около половины того, что было затребовано.

Последовавшая война закончилась полным поражением Англии, и Бэкингом быстро утратил свою внезапно возникшую недолговечную популярность. Никудышные армии, состоявшие из необученных новобранцев, вербовавшихся из среды городской голытьбы или безработных батраков, отпирывались за границу, где гибли в бою или умирали от лихорадки. Пришедший в упадок, плохо оснащенный флот не мог уже повторить ни одной победы прошедших лет. Исключительно в силу своей бездарности Бэкингом втянул Англию в другую, еще более глупую войну — с Францией. Когда в 1628 г. один отставной офицер заколол его, население Лондона вышло на улицы и отпраздновало его смерть как настоящую победу; а после окончательного поражения англичан под Ларошелью Карл поспешил как можно быстрее и по возможности без шума заключить мир с Испанией, Францией и императором.

Между тем борьба с парламентом продолжалась и после смерти Якова в 1625 г. Первый при новом короле парламент, созданный в июне 1625 г., отказался ассигновать средства на войну, которой еще год назад требовал он сам, до тех пор, пока Бэкингом не будет отстранен от руководства. В средние века баронская оппозиция иногда добивалась смещения неугодных ей министров, но подобные попытки не предпринимались уже более ста лет. Палата же общин выступала с таким требованием вообще впервые. Парламент был распущен в августе, но так как Карлу все же были нужны деньги, он уже в феврале следующего года созвал новый парламент.

Несмотря на все попытки короля привлечь парламент на свою сторону, новый парламент действовал не менее решительно, чем предыдущий, и сразу же начал готовить против Бэкингема обвинение в государственном преступлении. Через несколько месяцев был распущен и этот парламент. Вместо неутвержденных налогов правительство ввело принудительный заем, предусматривавший регулярные поступления в казну, так же как и при обычных субсидиях. Тех, кто отказывался платить, сажали в тюрьмы или насильно брали в армию. Война все еще продолжалась, и отряды необученных, недисциплинированных солдат разбросаны были по всей стране. Так как им зачастую ничего не платили и в целях экономии размещали на частных квартирах, они причиняли массу беспокойств своим хозяевам, которые очень быстро убеждались, что жалобы на разбой и насилия, направляемые в военные трибуналы, перед которыми солдаты были ответственны, почти всегда остаются без внимания.

Принудительный заем не мог спасти положения, и в 1628 г. Карл вынужден был в третий раз созвать парламент. Этот парламент был настроен еще более непреклонно, чем его предшественники; кроме того, парламент теперь яснее представлял себе, какие политические требования он хочет предъявить королю.

Один из современников довольно справедливо заметил, что палата общин была в состоянии купить в три раза больше лордов, чем их было. В XV в. палата общин довольствовалась тем, что следовала во всем за верхней палатой, теперь же вследствие увеличения богатств буржуазии и укрепления ее общественного положения палата общин, представлявшая ее интересы в парламенте, стала играть ведущую роль. Палата же лордов, как независимая сила, влачила жалкое существование и представляла собой какой-то промежуточный орган, балансирующий между королем и палатой общин.

Под руководством корнуэльского сквайра Джона Элиота палата общин сразу же выступила со своими требованиями, сформулированными в документе, известном под названием «Петиции о правах». Отбросив всякое теоретизирование, палата ограничилась четырьмя четкими пунктами. Два из них — размещение солдат на постой и злоупотребления в связи с военным положением — непосредственно относились к создавшейся обстановке. Другие носили более широкий характер. Петиция требовала, чтобы было покончено с практикой содержания арестованных в тюрьмах «без предъявления им обвинения законным порядком», чтобы «впредь граждан не принуждали нести расходы в виде даров, займов, жертвований, налогов и тому подобное без общего согласия, подтвержденного парламентским актом».

Почти все, на что жаловалась палата в своей петиции, безусловно прodelьвалось короной в течение многих десятилетий. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что подобные действия были отмечены и запрещены как раз в тот момент, когда корона требовала, чтобы их признали в качестве ее абсолютного и суверенного права. Петиция была по существу, если не по форме, ответом на попытки королевской власти подвести теоретическую базу под фактический абсолютизм.

Палата дипломатично подсластила пилюлю, пообещав королю утвердить пять субсидий на сумму 350 тыс. ф. ст. Немного поторговавшись, что было весьма характерно для Карла, он согласился с петицией; когда же парламент потребовал отстранения Бэкингема, король объявил перерыв в работе парламента. В промежутке между сессиями Бэкингом был убит. Парламент собрался вновь в январе 1629 г. и, следуя Петиции о правах, предоставил короле право взимать грузовой весовой сбор только в течение одного года, тогда как прежде такое право предоста-

влялось пожизненно. Косвенные налоги по традиционным нормам всегда рассматривались как часть постоянного дохода короны.

Новый шаг парламента явился гораздо более строгим толкованием Петиции о правах, чем ожидал Карл; поэтому Карл с негодованием отверг предложение палаты общины, означавшее попытку установить полный контроль над финансами, и продолжал взимать пошлины, как и прежде. На последней, чрезвычайно бурной сессии, когда спикера силой удерживали в кресле, палата общины приняла три резолюции, в которых говорилось, что всякий, кто будет пытаться насаждать папизм, кто будет устанавливать какие-либо налоги, не утвержденные парламентом, а также всякий, кто «добровольно согласится платить» такие налоги, будет считаться врагом короля и государства, врагом свободы Англии.

Парламент был распущен и не созывался в течение одиннадцати лет. Элиота и других руководителей бросили в тюрьму, где в 1632 г. Элиот умер. Ненависть короля преследовала его даже после смерти, и когда его сын обратился за разрешением взять и похоронить тело отца, он получил следующий ответ: «Сэр Джон Элиот будет похоронен в церкви того прихода, в котором он умер».

После роспуска парламента войны с Испанией и Францией были быстро закончены, и Карл вместе со своими советниками начал изыскивать средства, с помощью которых он мог бы получить доход, достаточный для покрытия необходимых расходов. В соответствии с последней резолюцией палаты общины лондонские купцы сначала отказались платить неутвержденные пошлины. Подобное сопротивление не могло продолжаться бесконечно; когда торговля Лондона пришла в упадок уже через шесть месяцев, оно закончилось. Пожалуй, самым неразумным шагом Тайного совета в области финансовой политики было возобновление претензий на землю, которая когда-то была под королевскими лесами. Значительная часть этих земель давно уже находилась в руках частных владельцев, которых заставили заплатить огромные штрафы, прежде чем за ними было признано право собственности. Однако среди них было много могущественных аристократов, и, ущемив их интересы, Карл на определенное время остался без всякой поддержки, если не считать католиков, придворной клики и горстки высших церковных сановников.

Казне удавалось получать деньги за счет продажи монополий, увеличения таможенных пошлин, которые так или иначе возрастали по мере расширения торговли, и, наконец, путем сбора корабельной подати. Издавна считалось обязанностью портовых городов предоставлять корабли для военного флота. Теперь с развитием военноморского дела большая часть обыкновенных торговых судов стала непригодной для этих целей, и правительство стало взимать определенную сумму денег на постройку

кораблей. В 1634 г. собранная в прибрежных городах корабельная подать была действительно использована на ремонт флота. Поскольку это было именно так, подать никаких возражений не вызвала. В последующие два года корабельная подать была распространена и на удаленные от моря районы, и стало совершенно очевидно, что ее собирались превратить в обычный налог, который должен был давать короне около 200 тыс. ф. ст. в год. Этот маневр надолго предался правительству независимость от парламента, и именно по этим причинам в 1636 г. Гемпден отказался платить корабельную подать. Последовавший за этим судебный процесс имел значение лишь в том смысле, что подчеркнул наличие оппозиции, однако пример Гемпдена не вызвал широкого подражания, и подать продолжали взыскивать ежегодно.

За исключением протестов отдельных лиц, в течение всего этого периода деспотического правления, по существу, не было открытых выступлений против правительства. По всей стране не произошло ни одного серьезного восстания. Прошли времена средневековья, когда вооруженные выступления были обычным делом. У знати уже не было на службе вооруженных вассалов. Бывшее крестьянство расслоилось на йоменов, фермеров-арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, причем каждая из этих обособленных социальных групп имела свои особые интересы. В большинстве случаев все они почти не принимали участия в политической борьбе, а по мере замедления процесса огораживания волнения в деревне, которые в свое время привели к восстанию Кетта, стали весьма редким явлением¹. Взятые в одиночку, купцы и мелкопоместные дворяне, руководившие оппозицией короне, были слабы и нуждались в централизованном руководстве парламента и политической партии, которые бы объединили их и организовали на борьбу. Такой партии еще не было, хотя уже существовало ее ядро, которое было вынуждено работать и проводить организационные мероприятия тайно. Оно готовилось до конца использовать выгодную ситуацию, которая неминуемо должна была возникнуть, когда король должен был очутиться перед необходимостью созыва парламента.

Толчком для возобновления борьбы послужили, однако, события за пределами Англии — в Шотландии, где пережитки средневековья имели еще большую силу и где еще существовали предпосылки для вооруженных восстаний². Конфликт в Шотландии в конце 1637 г. носил религиозный характер и был результатом попытки, предпринятой Лодом и английским духовенством, реформировать шотландскую пресвитерианскую церковь. Для

¹ Последнее значительное крестьянское восстание было в 1607 г. в центральных графствах.

² Вот пример того, как неравномерное развитие капитализма создает условия, ведущие к революциям.

того чтобы понять сущность этого конфликта, необходимо ознакомиться с природой пуританства и его отношением к политической борьбе XVII в.

4. Пуритане

Когда Яков I вступил на престол, слово «пуритане» еще не приобрело четкого значения и довольно свободно прилагалось к различным вещам и людям. Сначала это было чем-то вроде течения в рамках государственной церкви. Большинство пуритан еще принадлежало к этой церкви, с которой у них почти не было серьезных богословских расхождений, и при условии некоторых незначительных изменений в области ритуала и церковной дисциплины они готовы были остаться в ее рядах. Вместе с этим существовала группа, значительно более левая и менее многочисленная, которая требовала замены англиканской государственной церкви пресвитерианской государственной церковью по образцу шотландской. Наконец, имелся незначительный слой мелких сект, которые были анархистами в религии, требовавшими полнейшей свободы для каждой конгрегации; они явились прародителями будущих квакеров, конгрегационалистов и баптистов.

Пуританство основывалось не столько на теоретических разногласиях, сколько на своеобразных взглядах в области морали, правил поведения, на ином понимании церковной дисциплины и светской власти. Политический радикализм пуританина являлся естественным порождением его отношения к богу и обществу. Он принадлежал к числу особенных людей, он был избранник божий. Во всех его деяниях ему сопутствовала божья милость, и, таким образом, всякое событие, от самого значительного до ничтожного, могло рассматриваться как посланное богом испытание или указание перста божия, как милость или кара. Горячая вера в правильность учения о предопределении отгораживала его и его собратьев от недостойных мира сего. Как божии избранники, пуритане считали, что победа их неизбежна и что их враги есть враги самого бога. И если какой-либо смертный, будь то король или священник, осмеливался наложить на них бремя или цепи, они считали своим правом разить его любым оружием, которое вложит им в руки всевышний, — а всевышний давал им порой весьма любопытное оружие. Все это, хотя и библейским языком XVII в., говорит о том, что они понимали свою роль как роль исторически прогрессивного класса, ведущего революционную борьбу.

Когда такие настроения выступали в союзе с богатством, а это случалось довольно часто, или когда они становились достоянием какой-либо значительной организованной группы, например граждан города Лондона или ремесленного населения

текстильных центров Восточной Англии, — они становились весьма внушительной силой. Батлеровское злобное изображение пуританина, созданное на потеху победивших после реставрации 1660 г. роялистов, правдиво по крайней мере в том смысле, что пуритане, которые

свою веру строят

На священном тексте пик и ружей,

были обладателями воинственной религии. В данном случае Батлер не противоречит Мильтону, «истинным христовым воинам» которого была чужда добродетель монастыря и бегство от мира.

Пуритане предпочитали одежду простого покроя и спокойных тонов и презирали суетность мирских утех. Описание Кромвеля, выступающего в Долгом парламенте, дает яркое представление о состоятельном провинциале-пуританине.

Сэр Филипп Уорик пишет: «Как-то утром я, хорошо одетый, явился в парламент и увидел произносившего речь джентльмена (с которым мне прежде не доводилось встречаться) в весьма заурядном одеянии, ибо на нем был самый простой костюм, сшитый, казалось, плохим деревенским портным; его белье было просто и не отличалось чистотой; помню, на его ленте красовались два-три пятнышка крови, да и сама-то лента была немногим шире воротника; у него была крупная фигура, и меч его плотно прилегал к боку, лицо было красное и одутловатое, голос резкий и немелодичный, а речь отличалась крайней пылкостью... Но я дождался до того дня, когда этот джентльмен (имея уже хорошего портного и вращаясь в приличном обществе) стал обнаруживать величественные манеры и благообразную осанку».

В Кромвеле было много типичных черт, присущих настоящим пуританским сквайрам. Родственник министра Генриха VIII, он принадлежал к семье, которая разбогатела на конфискации церковных земель, однако у себя на родине в Хантингдоне он пользовался доброй славой защитника прав своих бедных соседей. Позже, когда многие члены Долгого парламента, в том числе и спикер Лентхолл, оказались замешанными в грязных комбинациях с землями, отобранными у роялистов, Кромвель был среди тех, кого даже враги не могли заподозрить в продажности. Интересно также отметить, что упомянутая Уориком речь была произнесена Кромвелем в защиту республиканца Лильберна, который впоследствии стал его наиболее решительным противником¹.

В начале своего правления Яков получил от нескольких сот пуританских священников англиканской церкви петицию, в которой они просили некоторой свободы в вопросах принятия или отклонения определенных малозначачих пунктов ритуала, таких,

¹ О Кромвеле см. в предисловии. — Прим. ред.

как ношение стихаря и осенение крестом при крещении, а также выступали за поощрение проповедничества, более строгого соблюдения воскресенья и несоблюдения дней святых. В 1604 г. на конференции в Гемптон Корт, которой руководил лично Яков, петиция подверглась обсуждению. Здесь на конференции стало понятно, по каким мотивам Яков сопротивлялся пуританизму; эти мотивы носили отнюдь не теологический характер (Яков сам был кальвинистом), а политический. «Шотландское пресвитерианство так же согласуется с монархией, как бог с дьяволом» и «Нет епископа — нет и короля» — таково было предельно краткое обобщение вопроса, сделанное Яковом. Наученный горьким опытом борьбы с шотландской пресвитерианской церковью, он с радостью приветствовал церковь, управляемую сверху и подчиненную государству. Шотландская пресвитерианская церковь, организованная снизу доверху по принципу представительных органов, во главе с советом, состоящим из священников и делегатов от отдельных конгрегаций, являлась действительно логическим воплощением демократического духа, присущего пуританизму, и Яков был совершенно прав, считая, что все это несовместимо с королевским абсолютизмом¹.

Следующим его шагом была организация чистки церкви, во время которой 300 священников, отказавшихся признать авторитет англиканской церкви, были лишены бенефиций. Это привело к ослаблению церкви, ибо она таким образом лишилась значительного числа из тех немногих священников, которых больше интересовала истина, нежели получение десятины; во главе церкви оказались карьеристы и небольшая изолированная группа влиятельных священников, энтузиастов Высокой англиканской церкви, группировавшихся вокруг Лода. Некоторый раскол был, без сомнения, неизбежен, однако Яков и его советники так сильно качнулись вправо, что чуть ли не на полвека население почти полностью потеряло доверие к государственной церкви, а корона утратила поддержку многих из тех, кто при иных условиях сплотился бы вокруг нее в критический момент.

Лод, человек честный, но совершенно оторвавшийся от жизни, стремился превратить англиканскую церковь в организацию, принципы которой многим напоминали папизм, а папизм в это время был крайне непопулярен. При поддержке Высокой комиссии (нечто вроде церковной Звездной палаты) была введена строжайшая цензура как над печатью, так и над публичными выступлениями. Духовенство снова потребовало утраченного им во время реформации права устанавливать нормы поведения и морали. Было запрещено использовать приходские церкви для собраний

¹ «Демократическая» организация шотландской церкви на самом деле была прикрытием господства крупной буржуазии и помещиков, которые контролировали всю церковную иерархию сверху донизу. — *Прим. ред.*

и общественных дел и установлено строгое единообразие ритуала. С 1628 по 1640 г. около 20 тыс. пуритан эмигрировали в Новую Англию, не желая оставаться в стране, которая, по их мнению, была обречена на возвращение к католичеству. Другие вынуждены были организовываться в тайные группы для негласных богослужений; группы эти стали центром политического недовольства. Были и такие, кто формально подчинился государственной церкви в ожидании лучших времен.

В 1637 г. Лод, считая, очевидно, что положение его в Англии достаточно прочно, обратил свой взор на Шотландию. Будь на месте Карла Яков, он прекрасно понял бы, что попытки создать в Шотландии копию англиканской церкви были бы тщетны и опасны; Карлу же было присуще распространенное в те времена полнейшее неведение о Шотландии и шотландских делах. Был издан новый, основанный на английском оригинале, молитвенник и послан в Шотландию, однако попытки использовать его там вызвали противодействие, граничившее с мятежом. На юг от шотландской границы распространялись тревожные слухи о том, что король намеревается восстановить монастырские земли сначала в Шотландии, а затем, возможно, и в Англии. В результате подписания национального ковенанта о защите религиозных прав шотландцев сопротивление приняло формы народного восстания, и весной 1638 г. перед Карлом возникла необходимость вторично покорить Шотландию силой оружия.

Однако финансовое положение Карла не давало возможности снарядить необходимую для этого армию. Его единственный способный министр, Томас Уэнтворт, впоследствии граф Страффорд, мог предложить только в качестве выхода созвать парламент. В течение одиннадцати лет Страффорд жил преимущественно за пределами Англии, находясь на посту губернатора Ирландии, где ему удалось добиться создания абсолютистского режима, наминавшего то, к чему стремился Карл, но лишь в более узком масштабе. С помощью политики жестоких репрессий и поощрения торговли и промышленности он сумел разрешить проблему финансов и создать боеспособную армию. Теперь он вернулся в Англию с намерением применить те же методы и здесь.

В апреле 1640 г. был созван Короткий парламент, который просуществовал всего две недели. Вместо того чтобы утвердить требуемые ассигнования, парламент под руководством Пима начал вырабатывать петицию против войны с Шотландией и был сейчас же распущен. Была собрана довольно разношерстная армия и двинута на север, где шотландцы уже успели захватить всю территорию Нортумберленда; шотландцы были слишком сильны, чтобы их можно было атаковать. В армии шотландцев было много старых испытанных воинов, сражавшихся волонтерами в Тридцатилетнюю войну, и даже Карл смог понять, что

всякая попытка атаковать такую армию плохо обученными войсками, среди которых уже началось брожение, неизбежно приведет к катастрофе. Было заключено перемирие, Карл обещал уважать религиозные и политические свободы шотландцев, а также уплатить большую контрибуцию за отвод шотландской армии из Нортумберленда. В ожидании этой уплаты шотландцы остались в Ньюкасле.

В довершение всего Карл исчерпал все предоставленные ему кредиты у банкиров. Взять снова займы он мог лишь в случае предоставления определенных гарантий, а для этого необходимо было утвердить налоги, что мог сделать только парламент. Так окончилась последняя серьезная попытка короны управлять Англией вопреки интересам богатейшего класса страны. Снова в обстановке крайнего напряжения были разосланы извещения о созыве парламента; одновременно Страффорд замыслил арест руководящих деятелей палаты общин и вооруженный захват Лондона, а кое-кто из парламентских лидеров вел тайные переговоры с шотландцами.

Созыв в ноябре 1640 г. Долгого парламента явился сигналом к возобновлению борьбы между королем и палатой общин; но эта борьба должна была быть более упорной, чем раньше. События стремительно разворачивались в направлении вооруженного конфликта, и хотя парламента был созван надлежащим, законным порядком, он вскоре, по существу, стал революционным трибуналом. На протяжении двух лет враждующие армии стояли друг против друга, ожидая неизбежной развязки и стараясь искусными маневрами поставить противника в невыгодное положение. Ноябрь 1640 г., когда Страффорд был привлечен к судебной ответственности, можно считать началом английской революции.

В предшествовавшем разделе, так же как и ранее, были в общих чертах изложены события, приведшие к этой революции — одному из решающих моментов европейской истории; здесь следует остановиться и вкратце рассмотреть характер вопросов, о которых шел спор.

5. Характер основных конфликтов английской революции

Абсолютизм Тюдоров носил чрезвычайно своеобразный характер — это был абсолютизм «по соглашению». У Тюдоров никогда не было ни регулярной армии, ни полицейских войск, ни хорошо развитого бюрократического аппарата. Они никогда не располагали большим доходом, чем тот, который был необходим для удовлетворения наиболее неотложных нужд. Их власть поэтому в силу необходимости базировалась на временном равновесии классовых сил, которое обеспечивало им прочную поддержку могущественных классов, прежде всего купечества и значитель-

ной части мелкопоместного дворянства. Сквайрам с их собственного согласия отводилась сфера гражданской службы: они были мировыми судьями. А богатые буржуа были в состоянии помочь правительству преодолеть труднейшие финансовые кризисы. Так, в частности, отношения между правительством Елизаветы и лондонскими золотых дел мастерами, которые уже начинали вести дело как банкиры, носили характер тесной дружбы.

Такое равновесие было, однако, по самому своему характеру непрочным и объяснялось лишь тем обстоятельством, что в XVI в. монархия имела значение исторически положительного фактора и боролась против остатков феодализма. До тех пор пока она действительно играла такую роль, подавляя феодальные беспорядки и стремясь создать устойчивое правительство, буржуазия и прогрессивной части мелких землевладельцев незачем было поднимать вопрос о власти — они могли процветать и в рамках старого режима. В союзе с этими классами Тюдоры сокрушили независимую власть церкви и знати и создали предпосылки для развития капиталистического хозяйства.

Однако, поскольку сама монархия в слишком большой степени была продуктом феодализма и сохранила еще слишком много феодальных пережитков, она, достигнув определенной точки, стала главной помехой буржуазной революции, центром, вокруг которого сплотились все реакционные силы, готовящие революции решительный отпор. В этой связи поворот в отношениях католиков и пуритан к короне, происшедший в первом десятилетии XVII в., приобретает особое значение. Теперь совершенно очевидно, что буржуазия могла развиваться не в союзе с короной, а только находясь к ней в оппозиции. Для людей XVII в. все это, конечно, не было так уж просто и ясно, но необходимость давила на них, являясь в виде бесчисленных, на первый взгляд друг с другом не связанных вопросов, и подводила к решениям, осуществление которых означало в своей совокупности исторический прогресс всего класса.

Когда к 1600 г. условия, породившие тюдоровское равновесие, исчезли, история, казалось, открыла два взаимоисключающих пути, и тот, по которому в конечном счете пошло развитие, вряд ли мог показаться наблюдателю тех времен наиболее подходящим. Государственная машина, прослужившая до этого целое столетие, все более не соответствовала сложным и многообразным нуждам жизни народа. Возник вопрос: кто создаст и возглавит необходимый государственный аппарат нового типа? По всей Европе феодализм уступал дорогу бюрократическому деспотизму, наиболее совершенный пример которого являла Франция. Независимая власть феодальной знати была подорвана, однако это произошло без участия какого-либо иного класса, способного занять

ее место; между тем в результате бесконечных войн в руках королей оказались могучие регулярные армии.

Стюарты, прекрасно видевшие эту тенденцию за границей, вполне сознательно решили следовать примеру французских королей. Со своей стороны парламент, хотя и менее ясно видевший эту опасность, стремился со всей решимостью отворотить ее. А некоторые особенности внутреннего положения в Англии способствовали развертыванию борьбы.

Во-первых, Англии не приходилось вести столь продолжительные войны, к тому же те войны, которые она вела, носили морской характер, и, таким образом, это исключало возможность создания регулярной армии, без которой немислим настоящий абсолютизм. Во-вторых, в связи с тем, что монархия Тюдоров была фактически основана на добровольном союзе, каждая из сторон которого нуждалась в поддержке другой стороны, в стране были сохранены и приспособлены к новым условиям парламентские формы, возникшие еще в средние века при совершенно иных условиях, а доход короны все еще оставался в основном феодальным по своему характеру и был далеко не достаточным ресурсом. Буржуазия готова была делать для Тюдоров все что угодно, только не платить больших налогов. Парламент, который возник в качестве инструмента, сдерживавшего теоретически абсолютное право феодального короля распоряжаться собственностью своих подданных, со временем превратился в стража абсолютного права каждого распоряжаться своей частной собственностью по своему усмотрению.

Вера в святость частной собственности особенно укрепилась в XVI в. вместе с ростом буржуазии. И лишь путем прямой атаки на нее в форме налогового прессы Стюарты могли бы создать новый государственный аппарат, необходимый для установления полного деспотизма; однако всякая подобная атака неизбежно привела бы к жестокой классово-схватке. В этом сущность всего конфликта и причина того, что Стюарты всегда не ладили с парламентом в налоговом вопросе. Корона претендовала на право взимать налоги, ибо это было, по ее мнению, необходимо для управления государством. Палата же общин претендовала на право платить ровно столько, сколько, по ее мнению, было необходимо для управления государством. По существу, это было прямым требованием политической власти, поскольку на практике палата была готова разрешить королю править лишь так, как ей было угодно, а в случае отказа — не разрешать ему вообще ничего.

Вот в каких ясных выражениях судья Финч изложил точку зрения короля на процессе Гемпдена, отказавшегося платить корабельную подать:

«Парламентские акты, отнимающие у короля право осуществлять его королевскую власть в целях защиты государства,

лишены законных оснований. Незаконны парламентские акты, запрещающие королю распоряжаться своими подданными, их личностью, товарами, а также, заявляю я, их деньгами, ибо все парламентские акты одинаковы». «Богом данное» право королей натолкнулось на решительное сопротивление «богом данного» права частной собственности и, в конце концов, было побеждено.

В то время как у Стюартов в этой борьбе были совершенно определенные цели и хорошо разработанная теоретическая платформа, буржуазия в основном руководствовалась инстинктом. Теоретическая ясность пришла—если она вообще пришла—уже в процессе борьбы; сначала же обычно довольствовались туманными заявлениями о свободе личности и смутным представлением о некоем основном законе, который стоит выше королевской власти и который не может быть отброшен без нарушения конституции. В 1640 г. никто не предвидел, да и не мог предвидеть, конституционной монархии, появившейся в результате компромиссов 1660 и 1688 гг.

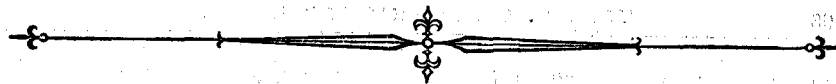
Никто также не понимал, что уничтожение Долгим парламентом Звездной палаты, Высокой комиссии и других судов, основанных на прерогативе, уже само по себе являлось малой революцией. Имелось в виду лишь уничтожение учреждений, ставших инструментом королевской тирании. На деле же была перерезана главная артерия всего старого государственного аппарата. Корона, Тайный совет, суды, основанные на прерогативе, мировые суды—все это являлось единой живой цепью. И вот из нее удалили звено, связывавшее центральный орган с периферией, после чего ни Тайный совет, ни мировые суды уже не могли восстановить своего бывшего значения. Возникла необходимость создания нового государственного аппарата, уже не вокруг Тайного совета, ответственного перед королем, а вокруг кабинета, ответственного перед заседавшей в парламенте буржуазией и обладающего новой, более гибкой системой финансов и местного самоуправления.

Опять-таки лишь немногие члены Долгого парламента в 1640 г. были республиканцами, и мало кто помышлял о чем-нибудь, кроме ограничения власти короны. Те республиканцы, которые и были в то время, мечтали не о демократической республике, а о республике плутократической, по образцу Голландии, которая благодаря своему экономическому процветанию стала идеальным государством в глазах купечества. Радикализм, появившийся в конце гражданской войны, пока еще таился среди тайных, преследуемых сект, духовных наследников немецких анабаптистов, мечтателей-мистиков, ожидавших наступления царства небесного.

Люди же практического склада: пимы, вейны, ферфаксы и кромвельи довольствовались тем, что защищали свои земные владения и на первых порах не старались заглядывать далеко

в будущее. Их религиозные убеждения имели здесь существенное значение, поскольку они укрепляли уверенность в божественной справедливости их дела и вселяли в них необходимую храбрость, когда надо было предпринять тот или иной шаг. Во всех своих стремлениях они видели руку бога войны, ведущего их так же уверенно, как он вел через пустыню детей Израиля. И, пожалуй, именно из-за отсутствия теории и ясного представления целей политическое движение и политическая мысль XVII в. так часто принимали религиозную форму.

Несмотря на все приведенные доводы в пользу противоположной оценки, необходимо признать, что гражданская война была борьбой классово-революционной и прогрессивной. Победа роялистов означала бы прекращение всякого развития страны, сохранение феодальных форм, лишенных содержания, окостеневших в форме монархической тирании.

Глава VIII

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Долгий парламент. Классы и партии

Палата общин Долгого парламента отличалась сплоченностью и ясно видела цель борьбы, что было ново в английской истории. Прежде в парламент избирали отдельных лиц, учитывая их личные качества и положение в графстве или городе, а отнюдь не их политическую принадлежность. Однако в промежутке между парламентом 1628 г. и Долгим парламентом в стране начала оформляться первая политическая партия. Создание ее было делом рук группы пуританских сквайров и аристократов, таких как один из лидеров последнего парламента Пим, как Гемпден, выступление которого против корабельной подати принесло ему всеобщую известность, как предок всех вигов граф Бедфорд, как граф Эссекс, который, подобно своему отцу, пользовался безграничным влиянием среди горожан Лондона.

Во время выборов осенью 1640 г. Пим, Гемпден и другие предприняли ряд поездок по стране, агитируя за избрание видных пуритан и стремясь таким образом обеспечить за собой руководство всем оппозиционным движением. В результате партия крупной буржуазии, землевладельцев и купечества одержала на выборах блестящую победу, завоевав подавляющее большинство голосов. Партия эта не была республиканской, но она очень решительно выступала за подчинение короны парламенту, в котором она безраздельно господствовала.

На первой сессии Долгого парламента новая партия не встретила серьезной оппозиции. Карл восстановил против себя почти все классы, роялистской же партии пока еще не существовало. Такие люди, как Гайд и Фолкленд, которые не были пуританами и впоследствии во время гражданской войны боролись на стороне короля, тем не менее повели вместе с большинством парламента атаку на королевский абсолютизм и требовали смещения Страффорда. В ноябре 1640 г. казалось, что победа уже одержана без единого выстрела. Страффорд и Лод были арестованы, другие непопулярные министры бежали за границу, и палата общин, которой удалось найти опору, с одной стороны, в лице шотландской армии, обосновавшейся в Ньюкасле, а с другой—в лондон-

ских массах, превратилась в грозную силу. Лондон стал важнейшим центром революционного брожения и прогрессивной мысли. С упразднением цензуры Лода начали появляться памфлеты, участились выступления проповедников, в которых открыто дебатировались вопросы церковной и государственной власти; одновременно стали быстро расти и приобретать влияние многочисленные, дотоле либо совсем неизвестные, либо существовавшие тайно секты. Огромный политический эффект имели частые народные демонстрации у Вестминстера; они вынуждали короля итти на уступки и толкали парламентскую партию на еще более решительные действия. Нередко Пима и его сторонников пугала широта размаха сил, которые сами же они привели в движение, однако они и помышлять не могли о том, чтобы обуздать эти силы,—в борьбе против короля они никак не могли пренебречь поддержкой народных масс.

В марте Страффорд был обвинен в государственной измене. Поскольку измена обычно рассматривалась как преступление против короля, а Страффорд во всех своих действиях выступал от имени короля, явилась необходимость выработать новую концепцию понятия измены как измены по отношению к государству и свободе подданных. Такое преследование не предусматривалось законом, однако Пим и его последователи понимали, что пока жив Страффорд, сохраняется опасность контрреволюции, в случае которой под угрозу ставилась их жизнь. Когда стало ясно, что палата лордов не склонна признать Страффорда виновным, процедуру неожиданно изменили и был внесен на рассмотрение билль о государственной измене. Весьма показательным для характеристики общественного мнения того времени обстоятельство, что против билля в палате общин было подано лишь 59 голосов и при этом в большинстве случаев вследствие возражений процедурного порядка, а совсем не ради желания сохранить жизнь Страффорду.

Наступление кризиса было ускорено раскрытием заговора офицеров армии в Йорке, замышлявших устроить поход на Лондон, освободить Страффорда и распустить парламент. Заговор поощрялся Карлом и королевой; во главе его стояли самые беспринципные и безответственные придворные и просто авантюристы, люди, подобные Горингу, человеку, о котором несколько позже роялистский историк Кларендон писал, что он «без колебаний мог пойти на любой обман, на любое вероломство ради удовлетворения своего самого ничтожного желания или каприза» и что «поистине, ему нехватало лишь усердия... чтобы с успехом превзойти всех своих современников в самой последней низости».

Раскрытие заговора вызвало в Лондоне панику. Уже в начале мая билль об осуждении Страффорда был с невероятной поспешностью проведен через обе палаты и представлен на подпись

королю. Одновременно Карлу был послан билль, направленный против возможных попыток короля распустить парламент без согласия на то самого парламента. В течение нескольких дней толпы демонстрантов окружали Вестминстер, угрожая осадить и разграбить королевский дворец Уайтхолл. Карл вынужден был уступить, и 12 мая в Тоузере при огромном скоплении народа—до двухсот тысяч человек, по свидетельству современников,—Страффорд был обезглавлен. После этого стало очевидно, вопервых, то, что началась решительная битва, в которой обе стороны боролись за абсолютное превосходство, и, во-вторых, что парламентской партии предстояло или победить, или погибнуть, ибо Карла могло удовлетворить только ее полное уничтожение.

После смерти Страффорда в рядах оппозиции началось размежевание сил. Умеренные, те, кто верил в возможность разделения власти между королем и парламентом, стали один за другим переходить в лагерь роялистов. Этот процесс, однако, не выявляется четко до следующей сессии, и еще до раскола парламент принял ряд мер, в соответствии с которыми налоги, принятые без санкции парламента, объявлялись незаконными, а Звездная палата и другие суды, основанные на королевских прерогативах, упразднились. Карл не посмел открыто выступить против этих мер, но продолжал вести тайные переговоры с офицерами и католиками, одновременно стремясь сколотить ядро роялистской партии внутри самого парламента.

В августе палата общин впервые раскололась надвое при обсуждении так называемого «билля о корнях и ветвях», по которому епископат уничтожался и во главе церкви ставилась комиссия из лиц, не имеющих духовного звания и назначаемых парламентом. Вопрос этот носил политический характер, так как епископы, сидевшие в палате лордов, создали, по указанию короны, блок, призванный защищать ее интересы. «Радикальный билль» был, таким образом, попыткой пресечь возможность создания роялистской партии внутри парламента.

Когда осенью палаты собрались вновь, возник новый внешний кризис, и в связи с этим со всей остротой встали вопросы о власти и о вооруженных силах, расколовшие палату общин на две почти равные части. Кризис этот вызван был восстанием ирландцев, согнанных с земли и угнетавшихся Страффордом, а теперь освобожденных от ограничений, наложенных его деспотической властью. Из-за Ирландского моря доходили в Англию страшные и полные преувеличений рассказы о массовом истреблении переселенцев-протестантов. Как для пуритан, так и для роялистов ирландские католики были дикарями, которых надо было безжалостно уничтожать, но чтобы их уничтожить, нужна была солидная армия. Кто мог бы возглавить такую армию? Пуритане знали, что Карл мог с одинаковым успехом использовать ее как

против ирландцев, так и против парламента. Роялисты, в свою очередь, также боялись доверить армию пуританским лидерам палаты общин, и к тому же создание армии и руководство ею всегда являлись правом и обязанностью короны.

В ноябре пуритане выступили с Великой ремонстрацией, чисто партийным документом, в которой они, искусно используя все предрассудки протестантов, доказывали, что королю ни в коем случае не следует доверять армию. О том, насколько равны были силы партий в это время, можно судить по тому факту, что ремонстрация принята была большинством лишь в одиннадцать голосов. Если бы Карл удовольствовался тем, что настаивал бы на своих исконных правах и букве закона, он, быть может, добился бы некоторого успеха в этот период. Но он предпочел довериться наемным дворянам-бандитам, которые вооруженными группами разгуливали по лондонским улицам, провоцируя стычки с горожанами и подмастерьями, а последние во всяком случае всегда готовы были дать отпор. В конце концов Карл сам уничтожил все преимущества своего юридического положения, предприняв открытую попытку арестовать Пима, Гемпдена и еще троих парламентских лидеров. 4 января в сопровождении вооруженного отряда в несколько сот человек он явился в палату общин и потребовал ареста пяти ее членов. Однако те были предупреждены и успели укрыться в Сити. Пим всегда владел мастерством политической тактики и теперь ловко использовал создавшееся положение. Моментально забили тревогу. Для защиты от резни членов парламента вызвано было лондонское ополчение, и парламент перенес свои заседания в Гилдхолл—в самый центр Сити. 10 января Карл бежал в Йорк, и туда же в течение зимы по-двое и по-трое постепенно перебравлась одна треть палаты общин и две трети палаты лордов. Обе стороны одновременно начали готовить силы для вооруженного столкновения.

При этом следует отметить, что условия борьбы были продиктованы деятельностью Долгого парламента. Карл уже не мог опереться на права короля как «божьего помазанника» или открыто бороться за достижения своих подлинных целей. Он теперь вынужден был говорить языком своих противников, используя таланты конституционного монархиста Гайда при составлении официальных воззваний к народу. В одном из таких воззваний он заявлял:

«Я желаю управлять в соответствии с известными законами страны и желаю, чтобы свобода и собственность подданного охранялись с их помощью так же заботливо, как его справедливые права. И... я торжественно и честно обещаю перед богом поддерживать справедливые привилегии и свободу парламента... а особенно соблюдать неприкосновенность законов парламента, одобренных мною».

Хотя совершенно ясно, что все это было только притворством, интересно, однако, сопоставить язык приведенных строк с речью судьи Финча, произнесенной за несколько лет до этого¹.

Такая умеренность в выражениях, естественно, привлекала к королю многих из тех, кто при иных условиях не стал бы его поддерживать, и, таким образом, когда началась война, в числе его сторонников были уже не только горинги, а и такие люди, как Фолкленд, страстный противник войны и тирании, Эдмунд Верни, вынужденный чувством лояльности «охранять и защищать то, что противоречит моей совести». В то же время и на стороне парламента были свои горинги—много лицемеров, продажных карьеристов, деспотов-сквайров, дворян, огораживающих земли, вроде графа Бедфорда и Манчестера, против которых в защиту интересов йоменов Восточной Англии в свое время выступал Кромвель. Это все само собой разумеется, но иногда забывают, что в дореволюционной борьбе важны не благородство или низость побудительных мотивов отдельных лиц, а расстановка классовых сил и цели, за которые эти классы борются. Тем не менее следует учитывать, что в то время как фолкленды были далеко не от всего сердца преданы королю, что их постоянно мучили угрызения совести, требовавшей верности как той, так и другой стороне, лучшие и наиболее прогрессивные парламентаристы были полны решимости довести войну до победного конца и понимали, за какие цели ведется борьба.

На стороне парламента был прежде всего Лондон, представлявший в те времена по сравнению с другими городами Англии более значительную и решающую политическую силу, чем в наши дни. Он насчитывал около 300 тыс. жителей и по размерам был по крайней мере в десять раз больше ближайших по величине крупных городов, таких как Бристоль и Норидж. Лондон был оплотом правого крыла парламентских сил—пресвитериан, как стали называть, без определенного к тому повода, партию землевладельцев и богатых купцов. Народные массы Лондона в политическом отношении находились под влиянием купечества. Лондонцы были организованы в отряды ополчения, являвшиеся лучшими стрелковыми частями из тех, которыми располагал парламент, и были фанатически преданы своему умеренному вождю графу Эссексу до тех пор, а в какой-то степени даже и после того, как он обнаружил свою полнейшую бездарность, приведшую их к катастрофе во время унизительного отступления при Лостуитиеле. К этим же силам примыкало и большинство более мелких, но все же достаточно богатых, преуспевающих и весьма склонных к коммерции представителей джентри Востока, Юга и Центральных графств Англии. Всегда существовала тесная

¹ См. стр. 192—193.

связь между джентри и купечеством; купцы часто покупали имена и становились помещиками, а младшие сыновья джентри непрерывно пополняли ряды купечества. Лилберн, например, был сыном дургамского сквайра, служившего подмастерьем у лондонского суконщика. И, пожалуй, именно через подмастерьев, многие из которых происходили из состоятельных семей, купцам удавалось оказывать влияние на народные массы Лондона в целом.

Далее на стороне парламента находились индипенденты—левое крыло—в основном из рядов йоменов, а также торговцев и ремесленников мелких провинциальных городов. Они представляли собой наиболее демократическую и революционную часть движения, и именно они-то и создали тот прекрасный боевой материал, из которого была впоследствии создана Армия нового образца. Однако они не могли выдвинуть руководителей из своих собственных рядов, поэтому им пришлось положиться (что и привело их к гибели) на наиболее энергичных и умных представителей дворянства.

Парламент пользовался наибольшим влиянием в городах, а также в районах Востока и Юга, т. е. в самых богатых и наиболее экономически развитых областях страны. Он, кроме того, располагал поддержкой флота и контролировал почти все порты; а через них и всю внешнюю торговлю. Это обстоятельство давало большие преимущества оппозиции, так как парламента мог установить на продолжительное время высокие налоги и финансировать войну организованным путем, в то время как король мог рассчитывать лишь на щедрость отдельных лиц, помогавших ему, и был совершенно лишен возможности получить какую-либо помощь из-за границы. В условиях продолжительной войны такое преимущество было одним из решающих, хотя на первых порах для парламента, имевшего достаточно средств для организации и оснащения армии, весьма трудной задачей оказался набор солдат с надлежащим боевым опытом.

Король располагал такими силами, которые могли иметь успех лишь в случае быстрой победы. Влияние короля было особенно сильно на Западе и на Севере, т. е. в самых бедных, но наиболее воинственно настроенных областях королевства. За королем шли католики, еще довольно сильные в тех местах, и представители крупного полуфеодального дворянства окраин, которые именем короля еще могли набрать большое войско из числа своих арендаторов и других зависимых лиц. К числу таких дворян относился граф Ньюкасл, который создал превосходный пехотный отряд «Белых кафтанов», состоявший из горных стрелков с шотландской границы, а также богатейший католик граф Устер и граф Дерби, имевший обширные владения в Ланкашире.

Из расколовшегося мелкопоместного дворянства на стороне короля были, главным образом, люди, обладавшие военным

опытом, добровольцы Тридцатилетней войны, фехтовальщики, искусные наездники-охотники, из которых можно было организовать отличную конницу, которая и была вскоре создана под руководством племянника короля Руперта.

Как бы мы ни рассматривали разделение сил, с точки ли зрения классов или географических районов, вывод будет один: борьба шла между наиболее прогрессивными силами страны, использовавшими в качестве орудия парламента, с одной стороны, и наиболее консервативными силами, сплотившимися вокруг короны,—с другой. Конечно, имелось бесчисленное количество исключений, в каждом графстве, в каждом городе было свое меньшинство, и в начальной стадии войны во многих районах шла упорная борьба за власть между враждующими партиями. Только на Востоке и в графствах, примыкавших к Лондону, с одной стороны, и на крайнем Севере и Западе—с другой, наблюдалась заметная диспропорция в распределении сил. В Ланкашире местная борьба между пуританами текстильных городов и католиками сельских районов приняла особенно ожесточенный характер.

Наконец, следует отметить, что война шла между двумя общественными меньшинствами. Целые классы—фермеры-арендаторы и особенно наемные рабочие—стояли вне борьбы и принимали в ней участие лишь в случае призыва на военную службу; во всех классах многие оставались нейтральны или оказывали довольно пассивную помощь той или другой стороне. Об этом свидетельствует тот факт, что на протяжении всей войны с обеих сторон под ружьем было не более 150 тыс. человек, причем многие из них были взяты по принудительному набору. Дезертирство было обычным явлением. А у нейтральных классов были свои заботы: высокие цены и арендная плата и низкие заработки, война же велась, как им казалось (и так оно и было на самом деле), отнюдь не ради разрешения этих наболевших вопросов. По существу, это была война между двумя классами, желавшими править страной, а низшие слои населения принимали в ней незначительное участие или вообще не участвовали. Лишь в 1647—1648 гг., после победы, революционно-демократическая часть армии предприняла попытку вовлечь народные массы в политическую деятельность.

2. Гражданская война

С января по август 1642 г. король в Йорке и парламента в Лондоне были заняты собиранием сил и укреплением замков, arsenалов и других опорных пунктов в контролируемых ими районах. Открытой войне предшествовали многочисленные конфликты местного значения. В августе Карл двинул войска на юг в напра-

влении Ноттингема и формально объявил войну. Силы его были все еще немногочисленны и недостаточно дисциплинированы, в то время как парламент, располагая крупными средствами, предоставленными Лондоном, был в состоянии вооружить большую армию, обладавшую сильной пехотой, лучшую часть которой составляло лондонское ополчение. В последние недели августа создалось такое положение, что войну, пожалуй, можно было бы закончить одним решительным ударом.

Но командующий парламентскими войсками граф Эссекс, спокойный и тяжелый на подъем дворянин, не сумел организовать наступления. Он был крайне умерен по своим взглядам, слепо верил, что война окончится скорым компромиссом, и одинаково боялся как поражения, так и решающей победы. Такая позиция была точным отражением настроений пресвитериан, управлявших всеми делами в первые годы войны, настроений, которые имели самые губительные военные последствия и привели дело парламента на край гибели.

Так как Карлу не удалось произвести набор в центральных графствах, он двинулся на запад, в долину Северна, где вскоре собрал армию, состоявшую в основном из уэльской пехоты и конницы, набранной из землевладельцев западных графств и зависимых от них лиц. С этой армией он начал поход на Лондон и 23 октября встретился близ Эдж-Хилла с войсками Эссекса. Последовал безрезультатный бой, в котором выяснилось, с одной стороны, превосходство королевской конницы, а с другой — непоколебимость лондонской пехоты. Карл мог продолжить свое наступление на Лондон, однако у него не было сил для решительной атаки, ибо при Тэрнхэм-Грине он столкнулся с сильными, хорошо вооруженными отрядами ополчения. Он отступил к Оксфорду, где и расположился штаб его главной армии. Совершенно ясно, что обладание Лондоном имело решающее значение, и весной 1643 г. началось согласованное наступление трех королевских армий.

На севере граф Ньюкасл изгнал Ферфакса из Йоркшира, осадил Гулль и повел наступление на Линкольн. На западе Хоптон, может быть наиболее способный во всех отношениях полководец короля, нанес поражение парламентским армиям при Ленсдаун-Хилле и Раундуэй-Дауне, в июле был взят Бристоль, а в августе Карл начал осаду Глостера. Это концентрическое наступление на Лондон было вполне разумным с точки зрения стратегии; оно потерпело неудачу лишь потому, что королевские войска были недостаточно дисциплинированы для осуществления такой операции. Как северные, так и западные королевские войска были в основном набраны из местных жителей, готовых сражаться лишь на территории своих графств и не желавших проводить большую кампанию вдали от дома. Беспокойство их возрастало в связи с тем, что в тылу у них оставались такие

крепости, как Гулль, Плимут и Глостер, гарнизоны которых угрожали коммуникациям и могли в любой момент напасть и на их земли. Чем дальше продвигались королевские армии, тем чаще становились случаи дезертирства. А в Линкольншире им пришлось столкнуться с конницей, которая в открытом бою доказала, что она не хуже королевской. Это были солдаты кромвелевского полка — ядра будущей «Армии нового образца», — йомены восточных графств, которые не уступали благородным всадникам Карла в храбрости и намного превосходили их в дисциплинированности.

Однако несмотря на все это, летом 1643 г. Лондон, казалось, был в катастрофическом положении, и многие как в парламенте, так и в Сити стали требовать заключения мира, чуть ли не на любых условиях. Поворотным пунктом в войне следует, пожалуй, считать оборону Глостера и снятие с него осады. В Сити был объявлен освободительный поход, и из Лондона выступили крупные силы милиции. Силы, подобные этим, никогда еще не вступали в бой, за исключением, разве, нескольких дней сражения при Тэрнхэм-Грине; они прошли маршем через всю Англию, пробившись, несмотря на сопротивление конницы Руперта, к Глостеру и сняли с него осаду. На обратном пути они вступили в ожесточенное сражение при Ньюбери, добились определенного успеха и с триумфом вернулись в Лондон после продолжавшейся около пяти недель кампании, изменившей весь характер войны. Этот эпизод был, однако, исключением. Война еще не была выиграна, и выиграть ее можно было лишь при условии создания регулярной армии нового типа, и прежде всего первоклассной конницы.

Конница была важнейшим родом войск в течение всего XVII в. В Тридцатилетней войне шведы революционизировали кавалерийскую тактику. Раньше конница атаковала колонной, на расстоянии пистолетного выстрела всадники останавливались и завязывали перестрелку с противником, а затем часто даже отступали. Теперь же конница наступала фронтом по три-четыре ряда в глубину, на всем скаку приближаясь к противнику и не прекращая огня до тех пор, пока не завязывалась рукопашная схватка. Такая тактика была принята в кавалерии Руперта, которая в начале войны обращала в бегство любого противника. Но и у этой тактики были свои слабые стороны. По окончании атаки победители, как правило, увлекались преследованием или же отправлялись в лагерь противника «воевать с обозом». Они не могли выполнять приказы на поле боя и редко были пригодны больше чем на одну атаку. Кромвель посадил своих солдат на менее быстрых, но более тяжелых коней; его конница наступала рысью в линию, стремя к стремени, полагаясь больше на силу атаки, чем на стремительность. Она умела останавливаться по команде, делать развороты, вести бой всем строем

или отдельными подразделениями и, таким образом, представляла собой силу, одновременно мощную и гибкую. К тому же солдатам Кромвеля хорошо платили, а это позволило запретить грабежи и не бояться в то же время мятежей и дезертирства.

Укомплектованная йоменами и состоятельными ремесленниками, а часто и под их командованием, эта конница задавала тон всей армии. Под ее влиянием пехота, состоявшая вначале, за исключением только нескольких лондонских полков, из солдат, завербованных принудительно, или же из продажных наемников, стала постепенно приобретать необходимую решительность и целеустремленность в борьбе. А это сплотило всю «Армию нового образца» и превратило ее в первоклассную боевую машину и грозное политическое оружие. «Армия нового образца» была более чем армия, она стала политической партией, партией индпендентов, то есть революционной мелкой буржуазии, точно так же как пресвитериане были партией крупной буржуазии¹.

Вскоре «Армия нового образца» создала свою политическую организацию. Рядовой состав назначил делегатов, так называемых «агитаторов», которые должны были представлять нужды и интересы солдат. Делегаты были затем объединены в постоянные солдатские советы. На молитвенных собраниях, которые происходили довольно часто, политические и религиозные споры безнадежно перепутались. На этих собраниях, что было обычно для XVII в., политика, как правило, облекалась в форму религии, вместе с тем собрания, по существу, были весьма демократическими, ибо рядовой мог на них высказывать свое мнение столь же свободно, как и полковник, поскольку считалось, что оба они в равной степени могут оказаться выразителями воли божией. На этих собраниях и на совещаниях более узкого характера армия выработала свои взгляды на церковь и государство. Большинство в коннице, а позднее также и в пехоте принадлежало индпендентам; они высказывались за право любой религиозной группы и конгрегации свободно выбирать формы богослужения и церковной дисциплины. Таким образом впервые была открыто выдвинута идея веротерпимости для всех культов, за исключением католицизма и консервативного англиканства, которые расценивались как течения, политически несовместимые с революцией, а также свободомыслия.

Вот такую армию было поручено в конце лета 1643 г. сформировать в восточных графствах Кромвелю, который отличился еще в весенних операциях, и графу Манчестеру. В октябре они освободили графство Линкольн, сняли осаду с Гулля и соединились с северной армией Ферфакса. Непосредственная угроза

¹ Индпенденты—партия средних слоев буржуазии и помещиков, к которой в период борьбы с пресвитерианами примыкала и мелкая буржуазия.—*Прим. ред.*

Лондону была ликвидирована, к тому же английские пресвитериане приобрели нового сильного союзника, заключив договор с шотландцами. За обещание установить пресвитерианство в Англии и за оплату расходов кампании двадцатитысячная шотландская армия в начале 1644 г. пересекла границу и начала теснить королевские войска в северных графствах. Граф Ньюкасл оказался в ловушке между шотландскими войсками и армией Ферфакса на севере, а также наступавшей с юга армией Кромвеля и был осажден в Йорке.

Падение Йорка означало бы переход всего Севера в руки парламента, поэтому Руперт с отборными войсками был послан из Оксфорда для снятия осады. Он прошел маршем через Ланкашир, взял по пути несколько небольших крепостей, пересек Пеннинские горы через проход Эр, и сумел соединиться с войсками Ньюкасла. В последовавшем близ Марстон-Мура сражении кавалерийские полки Кромвеля задержали и разбили наголову отборную королевскую конницу, а затем, развернувшись, окружили находившуюся в центре пехоту. Ньюкасловы «белые кафтаны» были разгромлены, и была одержана полная победа. Впервые за всю войну парламентская армия имела такой успех в решающем сражении. Были разгромлены две королевские армии, однако моральный эффект победы при Марстон-Муре был еще более важен: до сих пор казалось, что король должен победить, теперь же стало вполне вероятным, что, в конце концов, ему будет нанесено поражение. Но самое важное состояло в том, что победа при Марстон-Муре была победой левых, победой Кромвеля и его «железнобоких» из «Армии нового образца».

Непосредственно военный успех парламентской армии был в какой-то степени нейтрализован поражением на Западе. Эссекс совершил грубейшую ошибку во время похода во главе основной пуританской армии в Девон и Корнуэлл. С каждым днем марша он забирался все дальше и дальше в глубь вражеской территории и в сентябре оказался загнанным в угол близ Лостуитиела. Коннице удалось вырваться из окружения, сам Эссекс бросил войска и бежал морем, зато вся пехота вместе с вооружением и обозами вынуждена была сдать.

Это поражение, правда, было не так серьезно для парламента, как Марстон-Мур для короля, по двум причинам. Во-первых, ресурсы парламента были настолько велики, что ему почти ничего не стоило укомплектовать армию свежими силами. Одним из важнейших, сохранивших надолго свое значение результатов гражданской войны была полнейшая перестройка и модернизация всей финансовой системы государства. Буржуазия через парламента с готовностью облагала себя налогами в таких размерах, которые в условиях монархии показались бы ей невероятными; правда, она старалась переложить основную тяжесть налогообло-

жнии на плечи низших слоев населения. Был установлен специальный акциз на большую часть товаров потребления, а старый имущественный налог, принявший форму многочисленных «субсидий» на общую сумму в 70 тыс. фунтов стерлингов и взимающийся на основе традиционной, но к этому времени совершенно произвольной раскладки, был пересмотрен, и были установлены новые, более справедливые нормы обложения. Эти налоги стали основой государственного бюджета и придали государственному аппарату небывалую устойчивость, сохранявшуюся даже в самый разгар войны. Власть же Карла распространялась на наиболее бедные районы страны, и он поэтому вообще был лишен возможности регулярно взимать какие-либо налоги. В результате, чем дольше шла война, тем менее дисциплинированными становились его армии, кое-где попросту превратившиеся в банды грабителей. В то же время в регулярно оплачиваемых парламентских войсках дисциплина все укреплялась и значение централизованного руководства росло.

Во-вторых, лостуителское поражение подорвало авторитет правого крыла парламентаристов, и под давлением со стороны партии, требовавшей решительных действий, парламент был вынужден реорганизовать свои силы и предоставить большую власть «Армии нового образца» и ее независимым лидерам. Парламент с яростью обрушился на Эссекса и Манчестера, что привело к принятию «Ордонанса о самоотречении», в соответствии с которым все члены обеих палат слагали с себя обязанности по командованию армией и вся армия передавалась под централизованное командование во главе с Ферфаксом. Ведущая роль в этой атаке принадлежала Кромвелю, который добился для себя огромных преимуществ. Как члену парламента ему следовало подать в отставку, но Ферфакс, действуя, вероятно, по предложению Кромвеля, заявил, что содействие Кромвеля крайне необходимо, и настаивал на оставлении его в армии в качестве командующего конницей и помощника командующего всей армией. Это ставило Кромвеля в совершенно исключительное положение. Выступая в палате общин от имени армии, а в армии от имени палаты, он мог держать в своих руках как ту, так и другую. Ферфакс, который был способным командиром, но никогда не был политиком и был к тому же лишен честолюбия, стал вскоре лишь номинальным главой армии. А положение Кромвеля как истинного командующего армией укреплялось еще и потому, что «Армия нового образца» создавалась на основе его армии восточных графств и постепенно—быстрее в кавалерии и несколько медленнее в пехоте—приобрела присущую ей политическую окраску.

С изменениями в руководстве произошли изменения и в стратегии. Кромвель справедливо обвинял Манчестера в том, что

тот боялся победы: «Я ему ясно показал, что ее можно добиться... но он упрямо отказывался, говоря, что, если бы мы и разгромили армию короля, он все равно бы остался королем и всегда мог бы набрать новую армию для продолжения войны, в то время как мы в случае поражения были бы лишь мятежниками и предателями и нас лишили бы имущества и казнили согласно закону». То обстоятельство, что этого взгляда придерживались парламентские лидеры, и явилось причиной бесплановости их действий, ибо они не видели перед собой ясно очерченной цели.

Кромвель изменил это положение, твердо решив вступить в бой с основными силами королевской армии и разгромить их. Весной 1645 г. началась осада Оксфорда. Не желая оказаться со своим штабом в ловушке, Карл ускользнул из города, рассчитывая или нанести удар по шотландской армии на севере и соединиться с Монтрозом¹, готовившим диверсию в тылу, или же дожидаться подкрепления, которое должно было прибыть из Ирландии. Но в связи с наступлением на Оксфорд он вынужден был отказаться от похода на север и вернуться через восточные области центральных графств. По пути он был встречен Ферфаксом и Кромвелем, которые оттянули свои силы от Оксфорда и неожиданно перебросили их сюда. 14 июня армии встретились при Нэзби близ Нортгемптона. Бой протекал почти так же, как и при Марстон-Муре. На одном фланге кавалерия Руперта смяла силы противника, но затем разбрелась в разные стороны и уже не принимала участия в бою. А на другом фланге Кромвель после успешной атаки предпринял обходный маневр и ударил в тыл королевской пехоты. Карлу удалось бежать, но армия его была разгромлена, и победители захватили множество документов, свидетельствовавших о том, что король вел переговоры, рассчитывая нанести поражение парламенту с помощью не только ирландской, но и других иностранных армий.

Хотя бои еще продолжались в течение года, исход борьбы был совершенно ясен. Происходившие теперь операции свелись к окружению изолированных отрядов королевской армии и взятию ряда замков и укрепленных городов, которые еще удерживали сторонники короля. «Армия нового образца» оказалась весьма искусной и в осадной войне и встречала, как правило, незначительное сопротивление; исключение представлял лишь Запад, где еще держался Горинг с крупным отрядом иррегулярных войск.

Как раз на западе и юго-западе во время войны возникла и развилась одна массовая организация. Это были так называемые клубмены—объединенные крестьянские оборонительные отряды, единственной целью которых была защита их собственности

¹ Маркиз Монтроз—глава сторонников Карла I в Шотландии.—Прим. ред.

от налетов как той, так и другой стороны. К весне 1645 г. клубмены превратились в многотысячную организованную силу и стали вступать в переговоры и с королем и с парламентом на правах независимых. По существу своему нейтральные, они тем не менее чаще выступали против роялистов, ибо эти последние, без денег и под водительством такого головореза, как Горинг, были особенно склонны к грабежам. Когда же клубмены поняли, что парламентские армии были готовы за все платить и, кроме того, были в состоянии восстановить мир и безопасность, они в конце 1645 г. и начале 1646 г. стали помогать им добивать отряды роялистов.

В мае Карл бежал из Оксфорда в Ньюкасл и сдался шотландцам. Так окончилась первая фаза революции, фаза вооруженной борьбы против сил реакции. В следующей фазе разногласия в рядах парламентаристов вокруг вопроса о методах проведения революции превратились в открытую борьбу за руководство ею, в которой пресвитериане—консервативная буржуазия и крупные лендлорды—столкнулись с индепендентами—радикальной буржуазией, мелкопоместным дворянством и мелкими производителями, имевшими такую организацию, как «Армия нового образца». Борьба эта развернулась с особой остротой вокруг вопроса о том, в чьих руках должен находиться король, в связи с чем и сам этот вопрос приобрел особое значение.

3. Казнь короля

Хотя Карл потерпел поражение, он все еще оставался королем, и в этом заключалась неразрешенная проблема. Из людей влиятельных лишь немногие были республиканцами, но не много было и людей, думавших, что королю можно доверять. Необходимо было, таким образом, изыскать средства для восстановления короля на престоле при том, однако, условии, что он будет лишен возможности возобновить войну или пользоваться какой-либо реальной властью. Карл же не имел намерений соглашаться на подобные условия. Он довольно откровенно высказался по поводу своей политики в разговоре с членом своего совета Дигби: «Я не потерял надежды, что мне удастся заставить пресвитериан или индепендентов присоединиться ко мне ради уничтожения друг друга; тогда я снова буду королем». В течение трех лет, оставаясь верен этому принципу, он натравливал армию на палату общин, а шотландцев на них обеих и, в конце концов, окончательно уничтожил доверие к себе, погубил своих друзей и создал такое положение, когда казнь его стала политической необходимостью и актом справедливости.

В первые месяцы после окончания боевых действий палата общин казалась всемогущей. Члены ее считали само собой разу-

меющимся, что армия как на практике, так и в теории является лишь инструментом в руках победоносного парламента. Для пресвитерианского большинства парламента революция была окончена, и оставалось лишь закрепить ее завоевания. По всей стране было реквизировано имущество церкви, короны и роялистов, однако оно еще не было распродано, и возможность возвращения его к прежним владельцам все еще существовала как фактор, который мог способствовать компромиссному урегулированию вопроса. Пресвитерианство было провозглашено государственной религией, и был издан ряд законов, жестоко преследовавших индепендентские секты. И, наконец, абсолютно игнорируя создавшееся политическое положение, палата общин предложила распустить «Армию нового образца» без выплаты значительной задолженности содержания. Одним этим ударом был завершен переход армии на защиту принципов индепендентства.

Одновременно происходили переговоры с шотландцами, которые представили счет на 700 тыс. ф. ст. за свои услуги, «не считая колоссальных потерь, понесенных Шотландией в результате ее сотрудничества с Англией, оценить которые по справедливости они предоставляют парламенту». Сумма эта была, конечно, слишком велика для их собратьев, английских пресвитериан, которые, немного поторговавшись, предложили им 200 тыс. ф. ст. наличными и столько же по прошествии двух лет. Шотландцы приняли предложение, согласились покинуть Англию и выдать Карла; последнее они сделали с полнейшей готовностью, ибо нашли короля весьма несговорчивым.

Палата общин рассчитывала теперь использовать против «Армии нового образца» авторитет короля, собрать свежие силы из полков, разбросанных на юге и западе страны и еще не слишком глубоко зараженных духом индепендентства, захватить находившийся в Оксфорде артиллерийский парк и принудить индепендентов к сдаче. Но армия знала об этом заговоре и подготовила контрмеры. После окончания войны полковые комитеты агитаторов были объединены и вместе с руководящим офицерским составом образовали единый орган—«совет армии»,—которому было предоставлено право выступать от имени всей армии, осуществлять власть и принимать решения. Кромвель, пытавшийся, до сих пор посредничать между армией и палатой общин, понял теперь, что долее это невозможно, и решил поддержать своим влиянием сторонников активных действий. 1 мая 1647 г. был снаряжен кавалерийский отряд, которому было приказано удерживать в Оксфорде артиллерию, а также вывезти Карла из дома Холмби, куда он был помещен парламентом, и доставить его в лагерь в Ньюмаркете. Теперь совет армии вступил в переговоры с парламентом как равный с равным, а по существу армия была во всех отношениях более прогрессивной и более представительной организацией,

чем палата общин. После двухмесячных переговоров армия начала медленно двигаться к Лондону.

Пресвитериане пустили в ход свой последний козырь—влияние среди лондонских масс. Была инсценирована демонстрация: огромная буйная толпа подмастерьев, лодочников и демобилизованных офицеров ворвалась в помещение палаты общин и «заставила» ее принять против армии именно те меры, о которых мечтала палата, боясь, однако, взять на себя всю ответственность. После этого армия решила действовать, она вступила в Лондон, где ей никто не осмелился оказать сопротивление, расположилась лагерем в Гайд-Парке, изгнала из парламента пресвитерианских лидеров и заставила остальных его членов отменить принятые акты. Произошла, таким образом, еще одна революция, и индипенденты из «Армии нового образца» оказались теперь хозяевами положения.

До этого времени армия выступала как единое целое, и считалось, что высшее офицерство во главе с Кромвелем, прозванное «грандами», было выразителем воли рядовых. Еще 25 марта лидер левых Лильберн писал Кромвелю: «Я считал вас одним из сильных людей во всей Англии, человеком кристально чистого сердца и абсолютной беспристрастности». Но уже 13 августа он пишет иначе: «Если вы, как и прежде, будете игнорировать мои предостережения, можете быть уверены, что я использую против вас всю свою силу, все свое влияние, чтобы вызвать такие перемены в вашей судьбе, которые вам вряд ли придутся по нраву». Внутри армии, которая в свое время была левым крылом революции, выделилась своя левая группировка, впоследствии пришедшая в жестокое столкновение с грандами.

Роль Кромвеля в английской революции часто упрощают, рассматривая его или как левого, или как правого. С одной стороны, по своему происхождению и воспитанию он принадлежал к джентри, и все же ему пришлось расправиться с пресвитерианской партией. С другой—он начал свою деятельность как избранный вождь индипендентов, и все же впоследствии стал все более и более сопротивляться их радикальным и демократическим требованиям. Несмотря на все это, армия до конца дней Кромвеля оказывала ему поддержку, хотя и со все более ослабевающим энтузиазмом; а после того, как он установил в стране прочный режим, он снова в известной степени добился поддержки купцов и землевладельцев.

Дело, повидимому, в том, что в момент сложнейшего переплетения классовых взаимоотношений один лишь Кромвель был способен трезво оценить эти взаимоотношения и подчинить их своей воле. Он понимал, что как пресвитерианская политика, так и политика левеллеров неизбежно должна привести к реставрации королевской власти, ибо первые отстраняли революционную

мелкую буржуазию, а вторые изолировали ее. Когда левеллеры потребовали свободного парламента и предоставления избирательных прав широким слоям населения, Кромвель выступил против них. Конечно, как землевладелец он относился к демократии довольно скептически, но он также понимал, что в парламенте, которого требовали левеллеры, революционеры будут в ничтожном меньшинстве, и в этом была главная причина его позиции. Для Кромвеля отвлеченные принципы всегда играли менее существенную роль, чем практическая необходимость поддержания власти, в то время как левеллеры вследствие своих принципов должны были отстаивать программу, для проведения которой в жизнь у них не было средств¹.

После захвата Лондона левеллеры изложили свою программу в «Народном соглашении». Эту программу, подвергшуюся многочисленным изменениям и окончательно оформленную лишь после казни Карла, мы разберем в следующем разделе. Массы довольно подозрительно относились к переговорам между Карлом и грандами, переговорам, которые закончились выработкой соглашения—так называемых «Глав предложений», в конце лета представленных Карлу Кромвелем и Айртоном. Условия соглашения—а они были лучше всех тех, которые предлагала палата общин,—включали возвращение роялистам отобранных у них владений, сохранение епископата, но также и терпимость по отношению к иным формам религии, предоставление гарантии в том, что парламенту будет обеспечен контроль над деятельностью короны, и более широкую систему избирательных прав. Карл отказался принять эти условия и в ноябре бежал из Гемптон Корта на острове Уайт.

Через несколько дней неожиданно для Кромвеля восстали войска в Уэре. Два полка, одним из которых командовал брат Лильберна Роберт, вышли на улицу и, прикрепив к шляпам листки с текстом «Народного соглашения», требовали устранения короля и проведения радикальных социальных и политических реформ. Мятеж был вскоре подавлен; однако неспокойные настроения в армии, а также бесконечные обманы и безрассудное поведение Карла заставили Кромвеля решительно изменить политику. Он порвал с королем и заявил о том, что он в общем принимает программу «Народного соглашения». Между тем Карл готовился к новой войне, в которой пресвитериане должны были выступать вместе с роялистами против армии. Заговорщикам весьма помогало одно обстоятельство, которое обычно недооценивается. Пять лет, с 1646 по 1651 г., были порой жестокого голода, высоких цен и всеобщей нищеты. В результате недостатка рабочей силы, вызванного войной, и вследствие того, что каждое лето

¹ Об оценке автором позиции партий в революции см. в предисловии.—
Прим. ред.

или чересчур обильные дожди, в стране год за годом в течение ряда лет были неурожаи. Самым тяжелым годом был 1648, и как раз в этот год началась вторая гражданская война; при этом не следует считать целиком совпадением, что военные действия начались именно в мае, ибо в голодные годы цены в этом месяце бывали обычно наиболее высоки.

Совершенно оппортунистический союз пресвитериан и роялистов получил поддержку от вторгшихся шотландцев. Восстание было сильнее всего в графствах Эссекс и Кент—когда-то оплоте парламента,—находившихся теперь под влиянием лондонских пресвитериан. Вспыхнувшее здесь восстание было разгромлено Ферфаксом. Кромвель же, подавив в Южном Уэльсе небольшой бунт местного значения, двинулся быстрым маршем на север навстречу шотландцам. В результате этой, пожалуй, самой блестящей, с точки зрения военного искусства, из своих кампаний он уничтожил армию противника, вдвое превосходившую его собственные силы. Он пересек Йоркшир, преодолел Пеннинские горы и неожиданно атаковал шотландцев, которые, двигаясь на юг, растянулись длинной колонной от Уигана до Престона. Нанося им удар за ударом в тыл, он гнал их все дальше и дальше от их баз в Шотландии и, наконец, 25 августа при Ашборне принудил почти всю армию к сдаче.

В связи с войной борьба Кромвеля с левыми была на время забыта, и теперь вся армия двинулась назад в Лондон, преисполненная решимости разделаться с «этим кровопийцем Карлом Стюартом» и пресвитерианскими членами парламента, которые все еще вели бесконечные и бесплодные переговоры с королем. Полковник Прайд во главе конного отряда отправился в Вестминстер. Сто пятьдесят членов парламента пресвитериан были изгнаны им из палаты общин или посажены в тюрьмы, а оставшиеся менее ста членов превратились лишь в послушных исполнителей воли революционной армии.

4 января 1649 г. «охвостье» (как называли оставшихся в палате общин индепендентов) приняло резолюцию, провозглашавшую, «что народ, после бога, является единственным носителем всякой справедливой власти, что палата общин английского парламента, избранная народом и представляющая народ, обладает верховной властью в английском государстве; что любой акт или постановление, принятое палатой общин английского парламента, имеет силу закона и относится ко всем гражданам, независимо от того, будет ли на это согласие короля и палаты лордов». Так как палата общин не имела в это время почти никакой реальной власти, принятая ею резолюция была бы пустой бумажкой, если бы она не являлась как по тону, так и по языку изложением «Народного соглашения». Говорил парламента, но говорил он словами левеллеров.

В соответствии с духом этой резолюции, палата лордов была упразднена, земли короны, церкви и роялистов были конфискованы и немедленно распроданы, и была создана комиссия для суда над королем. Королей свергали и раньше, их казнили и в другие времена, но на этот раз был брошен вызов самой короне, самой монархической системе. Казнь Карла была делом рук одних лишь индепендентов, которые выступали в данном случае и против пресвитериан и против роялистов. Пресвитериане и Кромвель были каждый по-своему правы; первые считали, что монархия и буржуазная демократия—вещи вполне совместимые, а Кромвель прекрасно видел, что для успешного завершения происходившей революции нужно было немедленно и решительно разделаться с короной.

Для левых же, т. е. для левеллеров, казнь Карла имела куда большее значение. Она была символическим актом справедливости, апокалиптическим деянием, приближавшим пятое царство, царство святых, или, другими словами, господство армии как партии революционной мелкой буржуазии. Для них казнь короля была лишь прелюдией к социальной революции. А для Кромвеля и грандов она была наивысшей точкой развития революции и началом периода стабилизации.

4. Левеллеры

Через несколько недель после казни Карла волнения левеллеров вспыхнули с новой силой. Кризис второй гражданской войны вынудил Кромвеля пойти на видимые уступки в пользу левых, укрепил положение их лидеров и предоставил им такую свободу высказывать свои взгляды, какой они никогда прежде не пользовались. В 1648 г. комитет, в состав которого входили Лильберн и еще три лидера левеллеров, четыре высших офицера армии и четыре представителя индепендентской группы парламента, выработал окончательный текст «Народного соглашения».

«Соглашение» требовало проведения выборов в парламента каждые два года, участия в выборах всех мужчин, достигших двадцати одного года, за исключением получающих заработную плату. Эта оговорка, включенная по настоянию офицерства и индепендентов, лишней раз напоминает о том, что движение левеллеров было движением мелкой буржуазии, мелких самостоятельных хозяев, причем она на самом деле была не так уж недемократична, как казалось. Класс наемных рабочих, хотя, пожалуй, уже и представлял половину всего населения, еще не стал, однако, политической силой. Работающие по найму считались слугами богатых, находившимися под влиянием последних; думали, что они будут голосовать под диктовку богачей. Лишение их избирательных прав рассматривалось как мера, необходимая для того, чтобы

помещать их нанимателям добиться чрезмерного влияния в парламенте, и есть основание полагать, что это суждение было довольно справедливым¹. В числе других основных пунктов «Соглашения» были полная веротерпимость, демократическое управление армией, полки которой должны были вербоваться в определенных указанных районах, а офицеры избираться населением; уничтожение десятины и всех других налогов, за исключением поимущественного.

Момент, когда Кромвель и гранды в основном одобрили «Соглашение», был наивысшей точкой развития английской революции. Если движение левеллеров предвосхитило многие требования чартистов XIX в., в XVII в. оно не имело крепкой поддержки. Это было движение обреченного класса, класса независимых фермеров, которые, за исключением немногих счастливых, на протяжении двух последующих столетий были один за другим раздавлены ростом крупного капиталистического сельского хозяйства. И хотя они пытались протянуть руку городским ремесленникам, особенно в Лондоне, эта попытка была лишь первым шагом по пути установления контакта с массами наемных рабочих. И если мы не можем не восторгаться мужеством и неиссякаемой энергией левеллеров, если мы не можем не симпатизировать их борьбе за демократическую республику, мы в то же время должны признать, что они, подобно якобинцам во времена французской революции, завели движение слишком далеко, и поэтому завоеванные ими рубежи не могли быть закреплены надолго, но даже и временный их захват способствовал общему прогрессу. Для столь радикального, крайне левого пути развития революции еще не было социальной базы, и это обстоятельство является историческим оправданием все усугублявшегося консерватизма Кромвеля и ему подобных, консерватизма, который был воспринят его более демократически настроенными сторонниками как прямое предательство².

И когда мы мысленно прислушиваемся к историческим дебатам, происходившим осенью 1647 г. в церкви в Патни, наш рассудок и наши симпатии невольно разделяются. Но даже и рассудок, в конце концов, готов согласиться скорее с Рейнсборо, который защищал «Соглашение» на широкой основе человеческих прав и социальной справедливости, чем с Айртоном, сухо заявившим:

¹ Исключение людей, живущих на зарплату («слуг и нищих»), из числа лиц, пользовавшихся избирательным правом было обусловлено мелкобуржуазной природой левеллеров и повело к сужению их базы среди широких слоев английских трудящихся, к ослаблению революции. Предоставление избирательного права широким слоям немущих способствовало бы расширению революции.—Прим. ред.

² О роли левеллеров в английской революции и якобинцев во французской см. в предисловии.—Прим. ред.

«Все основное, что я говорю, вызвано тем, что я считаю нужным позаботиться о собственности... Ибо она является важнейшей основой всего королевства; и если вы уничтожите ее, вы этим самым уничтожите все». Весь трагизм положения, как и в любой буржуазной революции, заключался в том, что непосредственной, практической реальностью являлся узкий легализм защитников собственности, а не предвидение тех, кого революция подняла на борьбу за человеческую свободу и права эксплуатируемых.

Скоро стало ясно, что Кромвель и парламентские индипенденты были намерены превратить «Соглашение» в пустую бумажку. Марионетки-короля более не было, и политика правительства обрела решимость и силу в вопросах земли, торговли и внешних сношений; однако ни «охвостье», ни офицерство совсем не собирались проводить социальную революцию. Для выполнения исполнительных функций был создан временный орган—Государственный совет. Вслед за этим возмущенные левеллеры покинули комитет, занимавшийся выработкой текста «Соглашения». Лильберн, Овертон и другие руководители были арестованы, предстали перед Государственным советом, а затем были заключены в Тоуэр. В Лондоне, где левеллеры пользовались большим влиянием, произошли выступления протеста. В течение нескольких дней было собрано десять тысяч подписей под петицией, требовавшей освобождения Лильберна. Вслед за этим последовала другая петиция, которую подписали исключительно женщины и сами же вручили ее.

Брожение охватило и армию; когда Государственный совет решил отправить наиболее беспокойные полки в Ирландию, некоторые из них отказались выполнить приказ. В апреле произошло восстание в одном из драгунских полков Лондона; однако верные правительству войска окружили полк и разоружили его. Один из мятежников, Роберт Локкер, был предан суду военного трибунала и расстрелян; его похороны вылились в массовую демонстрацию, небывалую по масштабам для того времени. Тысячи граждан в скромных пуританских шляпах с лентами традиционного для левеллеров зеленовато-синего цвета шли за гробом.

Находившийся в Тоуэре Лильберн в открытом письме заявил, что «всякий генерал или военный совет, который в мирное время предаст смерти солдата на основании решения военного трибунала, совершает измену и убийство». Это письмо, опубликованное вслед за казнью Локкера, сразу же вызвало восстание еще больших размеров. Четыре полка восстали в Солсбери, а двести человек из переброшенного в Оксфордшир полка, в котором служил Локкер, отказались выполнять приказы начальства и выбрали себе своего командира, некоего капитана Томпсона, брат которого был одним из вождей восставших в Солсбери. Последние двинулись на север с тем, чтобы соединиться с восставшими в Оксфорде, полагая,

очевидно, что восстание имело там более широкий размах, чем это было на самом деле. Они переправились через Темзу, и близ Берфорда произошла встреча обоих отрядов. Здесь они разбили на ночь лагерь и, спящие, были захвачены врасплох посланными Кромвелем им вслед войсками, которые покрыли расстояние в девяносто миль за два дня, чего восставшие не ожидали. После непродолжительного ожесточенного боя часть восставших рассеялась, а остальные сложили оружие. Вырваться удалось лишь небольшому отряду человек в 200 под командой капитана Томпсона. Этот отряд добрался до Портгемптона, где его окружили и вынудили сдаться. Разгром левеллеров, в котором Кромвель проявил себя как защитник собственности и друг «порядка», послужил толчком для примирения между его группой и пресвитерианами. Символом этого примирения явился роскошный банкет, который дали купцы Сити в честь Кромвеля и Ферфакса и их победы при Берфорде.

Восстание левеллеров было разгромлено, и вместе с этим исчезла и последняя надежда на какой-либо успех этого политического движения, незначительные очаги которого сохранялись теперь только в среде лондонских масс. В октябре Лильберн был обвинен в измене и отдан под суд. Хотя Лильберн не был политиком, зато он был прекрасным агитатором и автором памфлетов, бесстрашным и уверенным в правоте своего дела, и он произвел такое впечатление на судей, что добился вердикта «не виновен» лондонских присяжных. В 1652 г. «охвостье» парламента приняло специальный акт об изгнании Лильберна. Но уже через год он был снова в Англии, обвинил парламент в незаконности принятого решения и при пересмотре дела был снова оправдан, что вызвало всеобщее ликование. Но хотя движение агитаторов и казалось еще достаточно мощным, оно в действительности теряло силу и быстро шло на убыль. Началось разочарование, и движение обнаружило свою, по существу, слабость, начав перерождаться в квакерский пацифизм и наивный утопический коммунизм. Лишь Овертон, один из первых английских вольнодумцев, боролся до конца и был заключен в тюрьму в 1659 г., а затем вторично в 1663 г., после реставрации.

Лильберн, как и многие другие солдаты «Армии нового образца», стал квакером. Что же касается диггеров, то это была небольшая группа, проповедовавшая и пытавшаяся применить на практике нечто вроде первобытного коммунизма, исходящего из того принципа, что земля принадлежит всему английскому народу. В доказательство этого положения приводились любопытные доводы исторического порядка о том, что Вильгельм Завоеватель «лишил англичан их исконных прав и заставил их силой служить себе и своим нормандским солдатам». Гражданская война, таким образом, рассматривалась как отвоевание Англии английским наро-

дом. Уинстенли доказывал теологическим языком своего времени, что это политическое отвоевание может быть завершено лишь в результате социальной революции, без которой невозможно освободиться от существования монархических порядков. «Нужно или передать власть в руки свободной республики, обеспечить мир всем гражданам, что будет делом праведным, или же снова установить монархию. Монархия может быть двоякого рода: или правит один король, или правят многие с согласия короля. Но все равно, правит ли один король или многие, проводящие его принципы, среди угнетенных масс могут и будут при каждом удобном случае возникнуть ропот, жалобы, недовольство и ссоры», — так писал Уинстенли в своей работе «Изложение закона свободы».

Одно высказывание по этому поводу, приписываемое Кромвелю, весьма показательное. «Что еще, — спрашивает он, — является целью принципа равенства, как не желание дать в руки простого арендатора такие же богатства, какими располагает землевладелец? Я сам по происхождению дворянин. Этих людей надо уничтожать, а не то они уничтожат вас самих». Несмотря на все свои заигрывания с левыми, Кромвель был и остался помещиком с соответственными взглядами и интересами.

В 1649 г. на холме Св. Георгия в графстве Суррей диггеры предприняли попытку основать образцовую общину, но их вскоре разогнали. Движение это никогда не насчитывало в своих рядах большого числа активных членов, однако оно все же имеет немаловажное значение, поскольку оно отражало распространенные, хотя и не совсем четкие, воззрения некоторой части левеллеров. И хотя теория Уинстенли на практике уводит назад, к первобытному коммунизму, она в то же время заглядывает и в будущее, когда социальные порядки будут основаны на принципах разума и науки.

В результате разгрома левеллеров Кромвелю и офицерам армии удалось установить политическое равновесие между двумя партиями, из которых и та и другая были враждебны новому режиму, но были неспособны объединиться против него. Это была победа центра, правда, дорогая победа, ибо она ослабила поддержку республики со стороны именно того класса, благодаря усилиям и жертвам которого республика была завоевана. С этого момента Кромвель был вынужден балансировать, маневрировать и постоянно менять позиции для того, чтобы найти новых сторонников или вернуть старых. На протяжении всего периода протектората наблюдалось непрерывное усиление консервативных тенденций, и наивысшей его точкой была реставрация. Однако нелишне заметить, что республика предоставила определенные выгоды и трудящимся классам. Заработная плата сельскохозяйственных и промышленных наемных рабочих увеличилась в этот период приблизительно на 50% по сравнению с временами правления

Карла, а также была несколько выше, чем в 1660 г. после реставрации. Основные завоевания революции, повидимому, были удержаны, а уменьшение размеров заработной платы, пришедшее после 1660 г., было не так велико, как уменьшение налогов, которыми облагалась заработная плата. Цены, неуклонно повышавшиеся до 1660 г., стабилизировались, а в конце XVII в. наблюдалась даже некоторая тенденция к их падению, что было в основном результатом развития сельскохозяйственной техники.

Что касается армии, то необходимо отметить, что левеллеры после поражения при Берфорде неспособны уже были достичь какого-либо успеха. А когда в августе 1649 г. Кромвель отправился снова покорять Ирландию, это событие нанесло движению левеллеров смертельный удар, ибо в Ирландию были посланы все полки, проявлявшие наибольшее недовольство; большая часть левеллеров там погибла или осталась в качестве поселенцев. Война с Ирландией была одним из наиболее выгодных для Кромвеля мероприятий, так как в результате ее он не только сумел удалить на безопасное расстояние одну группу своих противников, но также примирился с другой—купцами и землевладельцами, которые воспользовались громадными конфискациями земель, последовавшими за поражением роялистов в Ирландии¹.

¹ О значении войны в Ирландии для английской революции см. в предисловии.—Прим. ред.

Глава IX

РЕСПУБЛИКА И КОМПРОМИСС

1. Ирландия. Шотландия

В XV в. власть англичан в Ирландии была, по существу, сведена к нулю, а их владения сократились до небольшой области, непосредственно примыкавшей к Дублину. За пределами этой области власть находилась в руках нормано-ирландского рода Фицджеральдов, графов Килдар, господство которых понемногу привело к некоторому объединению страны и установлению определенного порядка. Когда в правление Генриха VII было задумано второе покорение Ирландии, оказалось возможным добиться лишь номинальной власти, путем присвоения графу Килдар еще титула наместника.

После почти тридцатилетнего господства Фицджеральдов англичане перешли к новой тактике. В 1534 г. Фицджеральды были спровоцированы на восстание, и их власть рухнула. Существо новой английской политики состояло в истреблении тех ирландских вождей, которые проявляли признаки независимости, и в систематическом подкупе остальных путем превращения их из родовых вождей в английских лендлордов. Им давали титулы, их старались заставить говорить по-английски, носить английское платье и посылать своих сыновей учиться при английском дворе. Взамен этого они были признаны на основании английских законов единственными владельцами земли, которая по ирландским законам принадлежала всему племени. Уничтожить ирландские законы, основанные на общинной собственности, заставить народ забыть о самом их существовании—такова была одна из основных целей завоевателей. Когда члены рода восставали против новой власти, олицетворяемой их превращенным в лендлорда вождем, последнего всегда поддерживало правительство; когда же он сам поднимал бунт, в качестве наказания лишался земли весь род.

Политика эта имела определенный успех; но она была рассчитана на слишком долгие сроки, и английские правящие классы не имели большой возможности наживаться за счет эксплуатации ирландских крестьян. В середине XVI в. от этой политики отказались и предпочли ей более радикальную, которая предусмат-

ривала прямую конфискацию ирландских земель, распродажу их английским спекулянтам, а в некоторых случаях организацию колоний и плантаций английских поселенцев. Пятьдесят лет жестоких, почти непрерывных войн, сопровождавшихся голодом и массовым истреблением населения, и последующая конфискация земель превратили значительную часть Ирландии в безлюдную пустыню. Почти половина всей суммы, израсходованной при Елизавете на иностранные войны (а сумма эта составляла около 5 млн. ф. ст.), пошла на войны с Ирландией. Среди многочисленных конфликтов большего или меньшего значения выделялись восстания Шейна О'Нейла (1559—1567), Десмонда (1579—1583) и Хью О'Нейла (1598—1603).

Положение осложнилось реформацией, которая, правда, достигла Ирландии лишь как часть общего наступления англичан на местные обычаи и порядки. Когда Испания и папство, объединившиеся против Англии, решили использовать недовольство Ирландии в своих интересах и стали засылать в нее католических священников, последним был оказан хороший прием, но не потому, что ирландцы питали особую любовь к папам, а потому, что католическая церковь выступала в качестве заклятого врага англичан, вторгшихся в Ирландию.

Завоевание Ирландии было завершено в начале XVII в. лордом Мантджоом. Подражая римлянам и используя более поздний опыт Эдуарда I в Уэльсе, он построил целую цепь фортов, из которых можно было постоянно совершать опустошительные набеги на близлежащие деревни и можно было легче всего нанести удар в спину мятежникам. Вслед за этим была произведена массовая конфискация земли, о чем уже упоминалось выше¹, и был создан целый ряд поселений, особенно в Ольстере. Природные богатства Ирландии стали подвергаться хищническому разграблению. Дж. Р. Грин пишет об этом:

«Колонизаторы получали колоссальные прибыли, которые здесь, в Ирландии, вследствие хищнической эксплуатации естественных богатств острова и использования дешевого труда беглых и ссыльных более чем в три раза превышали все, что можно было бы получить с такого же поместья в Англии. Ради скорейшего получения прибыли с крайней поспешностью вырубались дубовые рощи; лес пережигали на уголь, необходимый для выплавки железа, которое сплавляли по рекам в легких ирландских лодках; если обработка и транспорт обходились в 10 ф. ст., то продукт продавался в Лондоне за 17 фунтов. Последнюю плавильную печь в Керри загасили лишь после того, как были уничтожены все леса². Везде, где бы ни ступила нога

английского предпринимателя, за ним оставалась опустошенная, как после лесного пожара, земля».

Страффорд, который при Карле I стал наместником, преследовал в Ирландии две цели: организовать эксплуатацию ее природных богатств и в то же время создать образец деспотического порядка, который затем можно было бы применить и к Англии. Закладывая предприятия полотняной промышленности в Ирландии, он стремился нанести контрудар попыткам английских сукноделов перевезти свои мастерские в Ирландию, где их привлекала дешевая рабочая сила. Эти попытки были запрещены в интересах английской шерстяной промышленности в целом, и в Ирландии было основано производство полотна, которое не угрожало тогдашним интересам англичан. Во время восстания 1641 г. и последовавших за ним войн полотняная промышленность на время пришла в упадок; впоследствии она вновь возродилась, но лишь на территории Ольстера.

Восстание 1641 г. вспыхнуло в момент некоторого ослабления английской власти, последовавшего за периодом невыносимого гнета. Мятежники безжалостно уничтожали новых поселенцев, на что присланные для подавления восстания английские и шотландские войска ответили еще более жестокими репрессиями. В то время как в Англии шла гражданская война, независимо от нее шла война и в Ирландии. Пока наместник Ормонд именем короля чинил расправу над ирландцами, Карл вел с мятежниками тайные переговоры. А после окончания войны в Англии обе стороны объединились для борьбы с победившей республикой.

Еще в 1641 г. финансовые магнаты Сити начали со спекулятивными целями скупать земли еще не покоренных мятежников. За 100 ф. ст. можно было приобрести участок в 1000 акров в Ольстере и в 600 акров в Манстере. Поэтому, когда в августе 1649 г. Кромвель высадился в Ирландии, он намеревался вновь покорить ее не только для республики, но и для спекулянтов лондонского Сити.

После взятия Дрогеды и Уэксфорда и истребления их гарнизонов завоеватели не встречали почти никакого сопротивления. Исключение представлял лишь Клонмел, где под руководством Хью О'Нейла ирландские племена объединились и пошли на последний решительный бой, бой прошлого с будущим. Левеллеры и демократы, составлявшие основу армии Кромвеля, не могли, конечно, и предполагать, что верования людей, с которыми они столкнулись в бою, были во многом поразительно похожи на их собственные; они также не могли думать, что, уничтожая ирландцев, они тем самым способствовали тому, что Англия, так же как и Ирландия, попадала в руки денежных магнатов. Однако они, возможно, не могли не заметить и не оценить по

¹ См. стр. 174.

² Это истребление лесов относится в основном к концу XVII в.

заслугам упорства и отваги ирландцев, которые после дня кровопролитных боев заставили их отступить, оставив на поле боя около 2500 убитыми¹. Это было единственное серьезное военное поражение Кромвеля, частично искупленное последовавшим прекращением сопротивления ирландцев на почетных условиях.

За кромвелевской победой последовали кромвелевские поселения. Большая часть земли трех провинций—Олстера, Ленстера и Манстера—перешла в руки английских землевладельцев. Часть земли получили лондонские спекулянты, часть—офицеры армии Кромвеля. Много земли было роздано и солдатам, которые получали ее в счет недоплаченного жалования. Таким путем английские власти намеревались заменить коренное население всех трех провинций английскими поселенцами. Однако большинство солдат было настолько бедно, что им пришлось отказаться от своих наделов и продать их за бесценок офицерам или другим лицам, которые таким образом оказались обладателями больших имений. Ирландские крестьяне становились теперь батраками или же арендовали небольшие участки за непомерно высокую плату. Многие ирландцы погибли во время войн, многие были отправлены фактически в рабство в американские колонии (за один только 1653 год туда было отправлено 20 тыс. человек), и, кроме того, многие из высших классов отправились в Европу искать счастья. А население Ирландии, которое в 1641 г. равнялось 1500 тыс. человек, сократилось к 1652 г. до 850 тыс., причем из этого числа 150 тыс. человек составляли английские и шотландские поселенцы. В большинстве своем они владели ничтожно малыми наделами и через несколько десятков лет стали жить в такой же нищете, как и окружающие их ирландцы.

Ирландия теперь превратилась в источник дешевых продуктов питания и сырья для Англии, чем она вынуждена оставаться и по сей день. Сначала здесь стали развивать скотоводство, к 1600 г. в Англию ежегодно экспортировалось до 500 тыс. голов скота. Когда же выяснилось, что этот экспорт влечет за собой падение цен на сельскохозяйственные продукты и уменьшение ренты, в 1666 г. был принят специальный акт, запрещавший вывоз из Ирландии скота, мяса и молочных продуктов. Этот акт нанес жестокий удар по ирландскому скотоводству. Когда же была сделана попытка перейти от мясо-молочного скотоводства к овцеводству, последовал еще один акт, который запрещал вывоз шерсти за границу, а в Англию допускал лишь ввоз необработанной шерсти. Впоследствии ирландская текстильная промышленность была намеренно разрушена, ибо она стала опасным конкурентом английской.

¹ Во всяком случае левеллеры решительно выступали против вторжения и нового покорения Ирландии.

К маю 1650 г. Кромвель захватил почти всю Ирландию, исключая только Запад. Оставив Айртона завершать кампанию, он сам вернулся в Англию. Правительству республики все еще угрожала опасность, исходившая с двух сторон: из Шотландии и с моря, где часть флота, перейдя на сторону роялистов, совершила в Ламанше нападения на торговые суда республики. После казни отца Карл II был провозглашен в Эдинбурге королем и весной 1650 г., по приглашению пресвитериан, прибыл в Шотландию. Он признал ковенант, а затем вынужден был испытать на себе все обряды протестантского благочестия. Армия, которая была набрана для поддержки короля, подвергалась тщательной чистке; в нее совершенно не допускались «кавалеры», да и вообще мало кто допускался, кроме убежденных сторонников ковенанта. На офицерских должностях в этой армии служили «сыновья священников и другие представители духовенства, или так или иначе связанные с ними лица, которые едва ли могли владеть каким-либо мечом, кроме духовного». Понятно, что такая армия была слишком слаба, чтобы противостоять ветеранам Кромвеля.

В июле Кромвель двинул войска на север. Целым рядом охватывающих маршей он стремился вынудить противника дать бой в тактически невыгодных для него условиях. В течение некоторого времени осторожность шотландского полководца Лесли одерживала верх над инстинктивным желанием сторонников ковенанта очертя голову броситься на этих современных амалекитян; но терпение шотландцев лопнуло: 3 сентября при Данбаре они вступили в бой и были наголову разбиты Кромвелем. Зимой на смену им была сформирована новая армия, состоявшая на этот раз в основном из тех элементов, которые не были допущены в состав первой. Заняв позиции близ Стерлинга, эта армия организовала подвоз припасов с плодородной равнины северо-восточного побережья. Поскольку Кромвель не располагал достаточными силами для лобовой атаки и боялся в то же время затягивать кампанию, ибо в таком случае войска противника, находясь на своей собственной территории, могли вновь усилиться, он зашел им тыл в районе Перта и, таким образом, одновременно отрезал их от баз снабжения и открыл им путь в Англию. Шотландцам ничего не оставалось, как пойти именно этим путем. Подгоняемые с тыла армией Кромвеля, они двигались на юг, и силы их постепенно таяли. Но навстречу им шли другие республиканские армии, которые оттеснили их от прямой дороги на Лондон в долину Северна, и близ Вустера, ровно через год после Данбара, шотландцы были окружены и разбиты.

Между тем республиканский адмирал Блейк заканчивал борьбу с роялистскими каперами, уничтожая их последние базы в Ламанше и на островах Силли. Вместе с успешным завершением этих операций на определенное время была ликвидирована всякая

возможность какого бы то ни было внутреннего сопротивления режиму республики. Вопрос теперь стоял об укреплении и стабилизации этого режима: необходимо было найти для него достаточно широкую классовую основу, которая бы обеспечила возможность его дальнейшего существования, а также создать условия для превращения военной диктатуры в подлинно народное правительство. В этом отношении история девяти лет, с 1651 по 1660 г. характеризуется упорными и героическими усилиями и неизменными неудачами.

2. Республика

Осенью 1651 г. после победы при Вустере армия возвратилась в Лондон. К этому времени Англия и Голландия были на пороге войны. Уже более поколения соперничали английские и голландские торговцы в Ост-Индии, и лондонские купцы с завистью смотрели на своих конкурентов, которые все более расширяли свою торговлю. В 1651 г. «охвостье» Долгого парламента утвердило Навигационный акт, в соответствии с которым все товары, доставлявшиеся в Англию, должны были перевозиться на английских судах или на судах той страны, где эти товары производились. Принятие этого акта явилось попыткой сократить в какой-то степени объем морских перевозок, производимых по фрахтовым соглашениям голландцами, располагавшими многочисленными, большими и хорошо оснащенными судами и превосходной организацией торгового дела, вследствие чего Голландия давно уже стала центром посреднической торговли товарами, поступающими со всех концов мира. Война, правда, не являлась необходимым следствием Навигационного акта. Подобные акты принимались и прежде, начиная с XIV в., но ни тогда, ни впоследствии, заключением разне отдельных периодов, они не проводились с такой энергией в жизнь.

«Охвостье», однако, решительно настаивало на войне, поэтому за навигационным актом последовал целый ряд провокаций. Начавшаяся война была, таким образом, торговой войной, делом рук одних лишь купцов и не получила никакой поддержки ни со стороны Кромвеля, ни со стороны армии в целом. С течением времени, несмотря на ряд успешных морских сражений, война эта становилась все менее и менее популярной. Она требовала огромных затрат, увеличения налогового бремени и очень мешала развитию внешней торговли, которая только что начинала возрождаться после хаоса гражданской войны и разгула роялистских каперов.

Для Голландии эта война имела губительные последствия— всякая война с англичанами была для нее чрезвычайно опасна по той простой причине, что само географическое положение Англии позволяло ей контролировать все торговые пути, от сохра-

нения которых зависело нормальное существование большей части голландского народа. И скорее голод, а не морские победы Блейка, принудил Голландию заключить в 1654 г. мир. Мир этот, однако, не дал Англии никаких серьезных преимуществ, которых она не могла бы добиться до начала войны.

Хотя Англия достигла некоторого военного успеха, неизбежного вследствие превосходства новой английской армии над армиями континентальной Европы, необходимо заметить, что внешняя политика республики не отличалась ни мудростью замыслов, ни искусством их осуществления. Отчасти по крайней мере это можно объяснить определенными противоречиями внутри самой Англии. С одной стороны, Кромвель придерживался политики, основанной на принципе солидарности протестантов, т. е., широко говоря, прогрессивных держав Европы того времени. Но эта политика была негодной вследствие того факта, от которого никому нельзя было уйти, что важнейшая из них — Голландия — становилась самым опасным конкурентом Англии в области торговли. С другой же стороны, традиционная политика вражды по отношению к Испании, старинному колониальному сопернику Англии, политика, по существу своему являвшаяся наследием раннего пуританства, — весьма укрепила положение Франции, которая теперь становилась ведущим католическим государством в Европе и более серьезным соперником, чем Испания.

Пока Англия была в состоянии держать большую регулярную армию и сильный гарнизон в Дюнкерке, Франция и Испания не представляли серьезной опасности. Вопрос заключался в том, как долго английская буржуазия будет верить тому, что эта требующая стольких затрат политика действительно служит ее интересам. Она, конечно, была вполне довольна тем, что вся государственная власть поддерживала официально признанные торговые компании, или тем, что Блейк хозяйничал в Средиземном море, она также приветствовала захват Ямайки; но ведь с каждым пенни, взимаемым на финансирование внешней политики и содержание армии, задерживалось дальнейшее развитие капитализма внутри страны. И это, конечно, было одной из причин, побуждавших буржуазию к принятию реставрации, роспуску армии и сокращению внешней активности. Очевидно, после завершения борьбы, которую английский капитализм вел за свое утверждение внутри страны, ему требовалось еще не меньше полувека на восстановление своих сил, прежде чем он мог вступить на путь экспансионистской внешней политики¹.

¹ Английская буржуазия никогда не выступала против экспансионистской внешней политики правительства, которая была только на руку ей. Реставрация в Англии была результатом прежде всего внутренних причин. Реставрация была формой союза буржуазии и помещиков для подавления народных масс. — *Прим. ред.*

Внешняя политика республики совсем не благоприятствовала укреплению позиций правительства внутри страны. Хотя доход республики значительно превышал доход любого из существовавших до сих пор английских правительств, она, тем не менее, постоянно испытывала финансовые затруднения и была вынуждена ввести специальные налоги и наложить штрафы на неконфискованные имения роялистов. Среди последних были как роялисты-кавалеры времен первой гражданской войны, так и роялисты-пресвитериане времен второй — таким образом, введение штрафов вызвало недовольство основной массы землевладельцев, а это обстоятельство в какой-то мере объясняет неистовство реакции в 1660 г. Когда в 1652 г. был впервые произведен сбор таких штрафов на финансирование войны с Голландией, операция эта вызвала крайнее недовольство, тем более что она сопровождалась различными темными махинациями. «Охвостье» вскоре приобрело дурную славу из-за взяточничества и карьеризма его членов и сделалось настолько непопулярным, что его дальнейшее существование стало угрозой всему режиму.

Армия требовала роспуска «охвостья». Кромвель, как с ним это часто бывало и прежде, занял промежуточную позицию и до тех пор, пока это было возможно, пытался достичь компромисса. Но когда «охвостье» предложило продлить срок своих полномочий на неопределенное время, допуская кооптацию лишь тех новых членов, которых оно одобрило, Кромвель пришлось отказаться от идеи компромисса, и 20 апреля 1653 г. «охвостье» было разогнано. Его уничтожение послужило сигналом для нового поворота влево.

Подпав на некоторое время под влияние генерала Гаррисона и людей пятой монархии и не одобряя политики войны, за которую стояли купцы, Кромвель согласился на созыв Собрания уполномоченных (впоследствии известного под именем Бербонского парламента), в состав которого вошли сто сорок человек, избранных индипендентскими священниками и конгрегациями. Было совершенно ясно, что этот орган выражал интересы только одной партии, ибо в нем господствовали «святые», суровые, уважаемые индипенденты из числа средней и мелкой буржуазии, которая в сельских районах не была глубоко затронута влиянием левеллеров и до конца оставалась наиболее прочной опорой республики. Скоро, однако, выяснилось, что собрание было слишком революционно и радикально для Кромвеля и Государственного совета, ибо оно предпочло утверждению ассигнований и разбору других неотложных государственных дел такие вопросы, как ликвидация суда лорда-канцлера и уничтожение десятины. Просуществовав пять месяцев, собрание было распущено в декабре 1653 г. и уступило место новому парламенту, для которого правое крыло офицерства во главе с Ламбертом подготовило совершенно

новую, но также существовавшую лишь на бумаге конституцию, так называемое «орудие управления».

Эта конституция, очевидно, имела в виду достигнуть равновесия сил между Кромвелем, которому был присвоен титул лорда-протектора, советом и парламентом. На этот раз в состав последнего впервые вошли представители от Ирландии и Шотландии, места были перераспределены также в целях увеличения представительства графств. В то же время избирательное право было ограничено путем высокого имущественного ценза в 200 ф. ст. и лишения избирательных прав всех лиц, участвовавших в гражданской войне на стороне короля. Следовательно, новый парламент не был ни народным, ни представительным органом. Тем не менее это не помешало ему отказаться от выполнения предуготованной ему миссии, заключавшейся в том, что он должен был стать лишь конституционной ширмой для господства высших офицерских чинов, управлявших в то время армией. Правый парламент оказался таким же неподатливым, как и левый, и в самый ранний возможный срок, в январе 1655 г., был распущен.

В течение почти двух лет Кромвель не предпринимал, ввиду их безнадежности, никаких попыток поставить свою власть на конституционные основы, тем более что был раскрыт целый ряд роялистских заговоров, один из которых, в Солсбери, привел к настоящему восстанию. Агентам республики стало также известно, что находившийся в изгнании Карл имел переписку не только с подпольной роялистской организацией «Запечатанный узел», но и с пресвитерианами и даже с деморализованными к этому времени остатками левеллеров. Страна была разбита на одиннадцать округов, каждый из которых контролировался генерал-майором. Против роялистов стали применяться самые суровые меры, и именно к этому периоду относится значительная часть репрессивного законодательства, которое обычно связывают с эпохой пуританского господства. Следует, однако, заметить, что зачастую генерал-майоры лишь проводили в жизнь законы предшествовавшего десятилетия или еще большей давности. Что касается джентри, то они энергичнее всего восставали против насильственного вмешательства в дела местного самоуправления, которыми до сего времени безраздельно ведали мировые судьи. То, что случилось с английскими джентри во время республики, в значительной степени объясняет ту глубокую враждебность, с которой еще долго относились к регулярной армии. Открытая военная диктатура Кромвеля была достаточно эффективной, но она становилась все менее популярной, что особенно почувствовалось в 1655 г., когда война с Испанией вызвала новые налоги. Несмотря на эти налоги, введенные так же произвольно, как во времена Карла, дефицит в 800 тыс. ф. ст. и отсутствие у

принятия возможности получить какие-либо кредиты вызвали необходимость созвать в сентябре 1656 г. новый парламент.

Одной четверти из числа избранных в парламент — как роялистов, так и республиканцев — было отказано в мандатах, и новый парламент оказался еще более ярко выраженным органом правых, чем его предшественник. Была предложена новая, пересмотренная конституция, или, как ее называли, «Смирная петиция и совет», которая предусматривала увеличение власти как парламента, так и протектора за счет власти Государственного совета, в котором окопались генералы. Внутри парламента была создана вторая палата, а Кромвелю предложили принять титул короля. Он отказался главным образом вследствие решительного протеста генералов, которые, по крайней мере на этот раз, несомненно отражали мнения рядового состава армии. Как бы ни хотел Кромвель пойти навстречу парламенту, он прекрасно понимал, что в этот момент единственной прочной опорой его власти была армия.

Этот сдвиг вправо не являлся успехом, хотя правительству и удалось на время укрепить свое положение. Старых противников республики не успокоил этот кажущийся возврат к традиционным формам правления, а с другой стороны, эти же нововведения и более всего разговоры о возрождении монархии вызвали тревогу и негодование левых, которые, несмотря на многочисленные разногласия с Кромвелем, все еще поддерживали его главным образом как гарантию от возможной реставрации Стюартов. Опорой республики, но опорой довольно неустойчивой, были две антагонистические группировки — купцы и мелкая буржуазия, обе вместе они представляли собой незначительное меньшинство населения. И все старания республики найти базу, приемлемую для обеих группировок, неизменно терпели неудачу, а ее попытки отыскать поддержку в каком-либо другом классе вызывали их крайнее недовольство. Последние годы республики характеризуются все ослабевающей поддержкой масс и все более ненадежным равновесием между генералитетом и армией, которое держалось только на авторитете Кромвеля. Значительная часть джентри снова объединилась, сначала она оказывает поддержку Кромвелю против левых, а затем, после его смерти, все более склоняется в сторону Карла II.

Конец республики, как и ее возникновение, совпал с длительным периодом голода, продолжавшегося с 1658 по 1661 г. К тому же война с Испанией стоила больших затрат и сильно подорвала английскую торговлю. Торговое судоходство было нарушено, экспорт сукон сократился, и началась безработица среди ткачей. Труднее стало производить сбор налогов; кредит правительства вследствие этого настолько был подорван, что ему пришлось вести переговоры о займах на крайне невыгодных для себя усло-

виях. И если вначале война с Испанией нашла среди купцов широкую поддержку, то теперь ее последствия заставили их выступить как против самой войны, так и против правительства. И ни победа Блейка при Санта Крус, ни захват Дюнкерка не могли уже возместить все убытки и искупить лишения, принесенные этой затянувшейся войной.

Эти настроения купечества дали о себе знать во время второй сессии парламента, когда влияние Кромвеля заметно ослабло в связи с уходом многих из его сторонников во вновь учрежденную палату лордов. Несколько недель спустя парламент был распущен, Кромвель снова вернулся к открытой военной диктатуре и осуществлял ее на протяжении последних семи месяцев своей жизни. Однако ему не удалось разрешить ни одну из стоявших перед ним проблем, в частности и прежде всего, — проблему финансов. Хотя система государственных финансов была модернизирована еще Долгим парламентом, она не обеспечивала возможности содержания большой постоянной армии. А без такой армии республика не могла существовать. Это была практически неразрешимая дилемма, которая и обрекла республику на неизбежную гибель.

Когда 3 сентября 1658 г. Кромвель умер, сразу же обнаружилась вся слабость созданного им режима, и его существованию пришел конец. Однако истинной причиной этих немедленных и очень серьезных последствий смерти Кромвеля были, конечно, экономическое напряжение в стране и политические противоречия, о которых уже говорилось выше. Городская буржуазия оказалась сама не в состоянии создать прочное правительство, и реставрация 1660 г. была, по существу, перегруппировкой классовых сил с целью образования такого правительства, которое бы соответствовало действительному распределению сил в стране. Это скорее была даже не реставрация монархии, а новый компромисс между землевладельцами и верхушкой городской буржуазии¹.

3. Компромисс 1660 г.

После смерти Кромвеля его сын Ричард, или, как его называли, «Незадачливый Дик», был провозглашен протектором. Единственной причиной тому послужили его громкое имя и поддержка группы дискредитированных политиков, видевших в нем удобное орудие для осуществления своих замыслов. Армия во главе с Ламбертом и Флитвудом отказалась признать его, и он был вынужден отречься. Для того чтобы придать своему правлению какую-то видимость законности, генералитет вновь собрал остатки Долгого парламента. Не прошло и нескольких месяцев,

¹ См. примечание к стр. 225. — Прим. ред.

как он был распущен, а затем снова создан. Сама армия стала распадаться на группы, причем каждый генерал действовал по-своему. Республика погибла в вихре конфликтов и раздоров.

Наконец в начале 1660 г. командующий английскими войсками в Шотландии Монк двинулся на юг, соединился с Ферфаксом в Йорке, вступил в Лондон и, предварительно сделав все необходимое для проведения новых выборов, потребовал от «кохвостья» заявления о самороспуске. В то же время он начал переговоры с находившимся в изгнании Карлом. И когда тот 14 мая 1660 г. опубликовал Бредскую декларацию, стало совершенно ясно, что его пригласят на английский престол. Документ этот был составлен Гайдом на основании предложений Монка. Карл обещал в нем помилование всем гражданам, за исключением лиц, принимавших непосредственное участие в казни Карла I, а также соглашался признать веротерпимость и существующие имущественные отношения.

В собравшемся в это же время новом парламенте господствовали роялисты и пресвитериане; одним из его первых актов было послание Карлу, в котором его приглашали вернуться в Англию. И когда улеглось возбуждение и были позабыты верноподданические речи, французский посол в Лондоне в одном из своих писем Людовику XIV довольно тонко заметил: «Власть эта внешне напоминает монархию, поскольку в стране имеется король; но по существу от монархии она очень далека». Карл I мнил себя королем милостью божией, а Карл II понимал, что он сидит на престоле с позволения лендлордов и купцов, заседающих в парламенте, и что его могут убрать с этого престола с таким же успехом, как и посадили. В таких условиях у короны оставалось лишь одно средство для достижения реальной власти: игра на противоречиях интересов различных групп правящего класса. На это и рассчитывал Карл, но пока он скрывал свои намерения.

Характер реставрации яснее всего виден на примере разрешения земельного вопроса. Земли короны и церкви, конфискованные во время республики, были им возвращены. Зато землевладельцы освободились от всех остатков феодальных повинностей в пользу короны. В качестве некоторого эквивалента Карлу были предоставлены доходы от акциза, а это означало, что землевладельцам удалось переложить свои собственные обязательства на плечи народа. Таким путем они, как говорит Маркс, «присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право»¹. В этом отношении реставрация явилась скорее завершением революции, нежели шагом назад.

Значительно сложнее обстояло дело с удовлетворением отдельных частных требований. Землевладельцы не были едины, напротив, их можно было бы грубо разделить на две группы: старых, роялистов-кавалеров, и новых, роялистов-пресвитериан, которые после 1647 г. сменили свою верность парламенту на верность королю. В 1660 г. роялисты-кавалеры получили назад большую часть земель, которые были у них конфискованы и распроданы республикой, однако им не удалось вернуть значительно более крупные земельные участки, которые они были вынуждены продать сами в уплату огромных штрафов и налогов. Покупателей этих имений следует отнести к роялистам-пресвитерианам, которые перешли на службу к королю в период господства индепендентов. Таким образом, во время реставрации в плане разрешения земельного вопроса были подтверждены права этих покупателей на владение приобретенными ими землями, что ни в коей мере не удовлетворяло большинство кавалеров. Однако урегулирование земельного вопроса в целом, по крайней мере на некоторое время, объединило всех землевладельцев: все они поддерживали королю.

В мае 1661 г. был создан новый парламент. На политической арене снова появились джентри-роялисты, и вскоре они захватили в свои руки местную власть повсюду, за исключением немногих крупных городов страны. Люди, проявившие наибольшую политическую активность во время республики, считали теперь более разумным оставаться в тени. «Кавалерский парламент» 1661 г. был свидетелем полнейшего упадка пресвитериан как политической партии. Это был «парламент ничтожных молодых людей, которых на зло пуританам избрали взбешенные люди» и которые жаждали мести, ибо их никак не устраивали результаты урегулирования земельного вопроса.

Труды первых сессий этого парламента стали впоследствии именоваться кодексом Кларендона по имени Гайда, графа Кларендона, вернувшегося из эмиграции и ставшего канцлером. По форме они носили характер урегулирования религиозных вопросов, по существу же это был ряд актов, рассчитанных на низведение пуританской партии до положения нелегальной. Поскольку города являлись центрами влияния пуритан, первым шагом парламента, воплощенным в «Акте о корпорациях» 1661 г., была реорганизация органов местного самоуправления с тем, чтобы в их состав теперь могли войти лишь лица, готовые признать догмы и дисциплину англиканской церкви. В следующем году в соответствии с «Актом о единообразии» около 2000 пуританских священников, отказавшихся полностью признать англиканский молитвенник, были лишены бенефиций. От всех учителей также требовали подчинения уставу англиканской церкви. Так пуритане были изгнаны из государственного аппарата

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 727, Госполитиздат, 1949.

и из государственной церкви. Принятый в 1665 г. «Акт о тайных молельнях», предусматривал меры против возможного объединения пуритан вне этих органов и запрещал все публичные богослужения, за исключением богослужений государственной церкви. Наконец, так называемый «Пятимильный акт» (1665) запрещал уволенным учителям и священникам подходить ближе чем на пять миль к самоуправляющимся городам, изолируя их, таким образом, от их многочисленных сторонников.

Кодекс Кларендона уничтожил пресвитерианство, ибо оно могло существовать лишь как организованная национальная церковь. Индепендентские же секты оказались способными продолжать свое существование как полулегальные организации мелкой буржуазии, ибо они всегда носили чисто местный характер, а их приверженцы были в общем менее заметными фигурами. Богатые пресвитериане вскоре, однако, нашли доступ в англиканскую церковь, где они впоследствии составили крыло партии вигов. В деревне разорение фермеров-йоменов и углубляющееся расслоение сельского населения на сквайров, фермеров-арендаторов и безземельных батраков лишили пуритан их социальной базы и привели к полному господству сквайров, сначала роялистов, а затем тори, но всегда ярых сторонников англиканства. В конце XVII и в XVIII в. борьба между тори и вигами была в значительной степени борьбой между городом и деревней.

В одном отношении роялистские парламенты Карла II оказались такими же несговорчивыми, как и парламенты его отца. В начале правления парламент утвердил акциз и поземельные налоги на общую сумму 1200 тыс. ф. ст. в год. На деле же эти источники принесли лишь немногим более 500 тыс. фунтов, а за дополнительные ассигнования парламент голосовал очень неохотно и лишь после долгих проволочек. Вскоре финансовый вопрос был еще более осложнен разногласиями Карла с парламентом по поводу внешней политики. В 1665 г., после ряда столкновений на почве торговли и неофициальных конфликтов в Северной Америке и на Востоке, вспыхнула война с Голландией. Как и прежде, военные действия носили довольно нерешительный характер, тем не менее они привели к захвату города, из которого впоследствии вырос Нью-Йорк. Однако как парламент, так и Сити видели наиболее опасного врага во Франции с ее растущей мощью. Что же касается Карла, то он мечтал об установлении дружественных отношений с французским королем Людовиком XIV, у которого надеялся получить финансовую помощь и, таким образом, стать не зависимым от парламента.

Сила антифранцузской партии вынудила правительство заключить в 1668 г. тройственный союз с Голландией и Швецией. Но уже через два года Карлу удалось нейтрализовать эффект этого союза путем заключения тайного договора с Людовиком,

которым он обещал Людовику помощь в войне за раздел Голландии, а также изъявлял согласие объявить себя католиком, как только это станет достаточно безопасным. В свою очередь, Людовик должен был предоставить ему ежегодную субсидию, которая должна была сделать его независимым в финансовом отношении. Третья голландская война, в которой Англия и Франция выступали как союзники, началась в 1672 г. Карл, однако, не смог оказать Франции достаточно эффективной помощи, ибо парламент не одобрял этой войны и выражал это тем, что крайне неохотно голосовал за необходимые для войны субсидии. В ту пору правительство имело обыкновение делать займы у лондонских золотых дел мастеров под обеспечение будущих налоговых поступлений. В 1672 г. правительство оказалось в настолько затруднительном положении, что ему пришлось отказаться платить свой огромный долг, достигший к этому времени 1 328 526 ф. ст. Это вызвало в Сити настоящую панику. В 1677 г. была возобновлена на некоторое время выплата процентов по займу; правда, вместо обычных 8% теперь платили только 6%. Что же касается основной суммы, то она значительно позже была включена в государственный долг. Эти действия правительства Карла, более чем какие-нибудь другие, привели к тому, что оно утратило всякую поддержку и доверие лондонских финансовых кругов.

К этому примерно времени, во всяком случае, следует отнести конец союза между сквайрархией и верхушкой городской буржуазии, который в свое время укрепил монархию Тюдоров, а позднее оппозицию первым Стюартам, союза, разрыв которого ослабил республику и временное возрождение которого привело к реставрации. Теперь он уже больше не возрождался, за исключением лишь того момента, когда в 1688 г. невообразимая паника отодвинула на задний план всякие привычные распри.

«Кавалерский парламент» просуществовал долго — с 1661 по 1678 г., что создало все условия для появления политиков-профессионалов, для развития зачатков организованных политических партий, выступавших под руководством всеми признанных лидеров и для зарождения той ничем не прикрытой коррупции, которая в XVIII в. стала системой. На одной стороне теперь находились тори — сквайры, которые после реставрации монархии снова приобрели политическое влияние и которые понимали, что сохранить его можно лишь при условии сохранения и укрепления королевской власти. Их поддерживала англиканская церковь. Партии тори противостояли виги; это была своеобразная комбинация купцов и представителей поднимающейся группы финансистов с группой наиболее могущественных земельных аристократов, магнатов, подобных герцогам Бедфорду и Девонширу, которые достаточно хорошо сознавали свою силу и не намеревались, подобно своим более слабым соседям, искать поддержки у короля.

Некоторые из этих аристократических семей, как, например, Пегги, первоначально нажили состояние на торговле; другие, как Рассели, владели имениями в районах, производивших зерно и шерсть для лондонского рынка. Все они, от купцов до аристократов, являли собой «респектабельное лицо» вигизма. Позади них стояла куда более радикальная, в значительной степени пуританская, мелкая буржуазия городов, еще до сих пор находившаяся под влиянием республиканских и левеллеровских настроений времен республики. Политические цели этих двух группировок внутри партии вигов были, естественно, весьма различны, а потому крайне трудно было добиться их согласованных действий.

И лишь особые способности Шефтсбери, который, подобно тому как за поколение до него Кромвель, занимал теперь центральную позицию, помогли создать единый фронт всех противников короны. Одно время движение это казалось настолько успешным, что ожили даже надежды на новую республику. С другой стороны, придворная партия задалась целью устранить Шефтсбери и его группу и таким образом нанести оппозиции сокрушительный удар, расколов ее на две части, которые в силу постоянных острых конфликтов были бы неспособны на объединенные действия.

Последние годы «Кавалерского парламента» прошли в нерешительной борьбе, в которой сначала Шефтсбери и виги, а затем Денби и тори добивались различных малозначительных преимуществ¹. Но заключительная сессия парламента происходила в разгаре паники, возникшей в результате раскрытия мнимого заговора папистов. Некий Титус Отс, в прошлом иезуит, заявил, что 24 апреля 1678 г. в Лондоне в таверне Белой Лошади происходило собрание конгрегации английских иезуитов, на котором они замыслили убить короля и восстановить в Англии католицизм. На самом деле в этот день действительно происходило собрание конгрегации, только оно состоялось у Якова, брата Карла. Отс об этом ничего не знал, а Карл, хотя и знал, но предпочитал молчать, ибо у него были на то довольно веские основания.

Истории этой сразу же поверили, и началась расправа: многих католиков казнили, еще больше — заключили в тюрьмы. Для того чтобы понять причины той ненависти, с которой народ относился в те времена к католицизму, необходимо помнить, что она носила политический и социальный характер. «Папизм да деревянные башмаки» — эту ходячую фразу употребляли всякий раз,

¹ Названия виги и тори вошли в употребление лишь спустя несколько лет, во время знаменитого кризиса 1680 г., но сами партии существовали на протяжении уже ряда лет. Они не были политическими партиями в современном смысле слова, однако представляли вполне определенные интересы узкого круга избирателей. Точно так же в стране еще не было и подобия современной системы управления с помощью кабинета министров.

когда хотели описать существовавшие во Франции условия жизни; при этом люди имели в виду, что рука об руку с католицизмом идет политический абсолютизм и низкий жизненный уровень. То, что Яков был известен как католик, то, что Отс при случае мог втайне готовить изменнические действия, наконец то, что на протяжении последнего десятилетия католикам оказывали немало милостей при дворе, — все это помогало обратить в правду самую невероятную историю и даже такую нелепость, что католики замыслили убийство Карла, своего наиболее влиятельного покровителя.

Карл, Денби и тори прекрасно видели, что вся эта история была чистейшим вымыслом, но боялись в этом признаться. А Шефтсбери и его друзья, понимая всю нелепость этого вымысла, тем не менее с восторгом за него ухватились, как за орудие борьбы против своих политических противников. Большинство же населения не сомневалось в достоверности этой истории, не сомневалось в ней, пожалуй, и большинство членов парламента. В таких условиях даже «Кавалерский парламента», состав которого значительно изменился в результате целого ряда дополнительных выборов, вынужден был потребовать роспуска армии, ибо считалось, что в ней царит дух католицизма и что Карл (как это не без оснований полагали виги) намеревался использовать ее для установления в Англии абсолютизма, такого же, как абсолютизм Людовика XIV. Последним актом «Кавалерского парламента» было обвинение в государственном преступлении министра тори Денби.

В результате выборов, происходивших в феврале 1679 г., был избран новый парламента, в котором подавляющее большинство мест принадлежало вигам. Это был первый из трех недолговечных парламента (март — июль 1679 г.; октябрь 1680 г. — январь 1681 г.; 21 — 28 марта 1681 г.), в которых виги сосредоточили все усилия на одной цели: не дать Якову наследовать брату и стать королем. Однако успеха они не имели, отчасти вследствие того, что Карл обнаружил незаурядные тактические способности (он делал все, чтобы выиграть время, одновременно перестраивая ряды потрепанной партии тори), отчасти же потому, что сами виги никак не могли договориться между собой о том, кого же они хотят видеть на престоле вместо Якова: то ли его дочь протестантку Марию вместе с ее мужем, голландцем по происхождению, Вильгельмом Оранским, то ли герцога Монмаута, который считался сыном Карла, что было в такой же степени сомнительно, в какой незаконнорожденность его была очевидна. Так как Монмаут был кандидатом той части оппозиции, которую можно было бы назвать «уравнительной», а Вильгельм — кандидатом вигов, то весь этот спор оказался неотделим от вопроса о будущем всего движения и о его направлении. Тот факт, что достигнутое в результате

решение было в пользу Монмаута, свидетельствует об определенном сдвиге влево, который проделала группа Шефтсбери. Избрание Монмаута оттолкнуло многих вигов, а также их временных сторонников из тех классов, на которые обычно опирались тори, но которые отшатнулись от тори в связи с заговором папистов. С этого момента противоречия внутри оппозиции стали принимать все более острый характер.

По всем этим причинам, а также вследствие реакции на нелепый «заговор папистов» и вызванную ими истерию, партии в собравшемся 21 марта 1681 г. парламенте были почти равны. Финансовое положение Карла, казалось, было безнадежно: казна была пуста, кредиты израсходованы, не получившая жалованья армия готова была восстать. Он созвал парламент в Оксфорде, подальше от лондонских масс, этих верных сторонников вигов, и предложил следующий компромисс: Яков унаследует престол, а Вильгельм и Мария в качестве регентов будут править страной его именем. Уверенные в своем успехе виги, как и предполагал Карл, отказались принять это предложение, которое, собственно говоря, и было сделано лишь для того, чтобы произвести впечатление на людей умеренной политической ориентации, чтобы показать им, насколько рассудителен был король. Противники его не знали, что незадолго до этого он заключил новый союз с Людовиком, который гарантировал ему доход, достаточный, чтобы стать не зависимым от парламента в финансовом отношении.

Без всякого предупреждения парламент был распущен. Это произошло так внезапно, что лидеры вигов не смогли даже собрать своих сторонников или принять какой-либо план действий. Вдали от Лондона сопротивление было невозможно. Членов парламента охватила такая паника, что они, махнув на все рукой, разъехались по домам в разные концы страны. Поскольку непосредственная опасность была устранена, Карл перешел в наступление. Он опирался на торийских джентри, церковь и армию, представлявших вместе такую грозную силу, которой нельзя было бросить прямой вызов, и в последние четыре года своей жизни Карл достиг более абсолютной власти, чем кто-либо из этой династии до него.

4. Компромисс 1688 г.

На первый взгляд казалось, что события 1681 г. были успешным завершением контрреволюции, которая как бы одним ударом уничтожила все завоевания Долгого парламента, гражданской войны и республики; последствия, казалось, лишь подтверждали этот взгляд. Одержав победу, Карл реорганизовал весь аппарат местного самоуправления. Мировые судьи виги были повсеместно смещены, а на их место были поставлены тори. Снова началось самое строгое соблюдение кодекса Кларендона, о котором почти

позабыли во время господства вигов. На важнейшие посты шерифов в Лондоне были избраны тори, и, так как шерифы выбирали присяжных, правительство теперь могло быть уверено, что ему всегда удастся добиться осуждения любого из вождей вигов, если только он попадет на скамью подсудимых.

Шефтсбери, Рассель, Олджернон Сидней и другие виги начали подготавливать вооруженное сопротивление; одновременно группа старых кромвелевских солдат готовила убийство Карла и Якова¹. Отчаявшись в успехе и опасаясь ареста, Шефтсбери в ноябре 1682 г. бежал в Голландию. В июне следующего года правительством были раскрыты оба заговора; их руководители, в том числе Рассель и Сидней, были схвачены и казнены. Сторонников вигов заставили замолчать, и даже на улицах Лондона некоторое время верховодил всякий сброд, поощряемый королем и церковью. Так было завершено уничтожение группы Шефтсбери, а вместе с ней и последней возможности объединенных действий против короны.

В 1683—1684 гг. тори нанесли удар по последней твердыне вигов — самоуправляющимся городам. Они заявили, что хартия лондонского Сити была нарушена, вслед за этим ее объявили недействительной и восстановили лишь на определенных условиях, которые предоставляли короне контроль над муниципальным советом. Многие провинциальные города поспешили отказаться от своих хартий во избежание худшего; в других случаях хартии были просто аннулированы под самыми разнообразными предлогами. Так, например, в Йорке поводом послужило то обстоятельство, что «лорд-мэр запретил скomoroxу выступать в городе со своим балаганом, хотя у него были рекомендации от самого короля»; предлог этот был, возможно, не хуже других. Так как члены парламента в большинстве случаев избирались городскими корпорациями, Карл теперь мог быть уверен в том, что если когда-нибудь и возникнет необходимость созвать парламент, то в палате общин будут заседать тори. Партия вигов была рассеяна и казалась разгромленной.

Однако торжество контрреволюции не было так уж прочно и окончательно, как это казалось. Социальная опора вигов — класс процветающего купечества — фактически была теперь крепче, чем когда бы то ни было раньше. Период с 1660 по 1688 г. характеризовался быстрым развитием торговли. Союз с Португалией и установление более тесных торговых связей с Испанией и ее колониями открыли для английских товаров новые рынки. Плантации в американских колониях и на Вест-Индских островах все расширялись, обеспечивая как сырье, так и рынки сбыта, а Ост-Индская компания стала не только крупнейшим торговым предприятием,

¹ Есть все основания полагать, что этот так называемый «Заговор дома ржаных колосьев» был с самого начала подстроен провокаторами.

но и определенной силой во внутренней политике Англии. В результате эксплуатации колоний в руках купцов-вигов уже сосредоточились крупные капиталы.

Как ни значительны были социальные силы, которые удалось сплотить вокруг себя Карлу в его стремлении к абсолютизму, они не обладали основной массой капитала. Временно и по чисто случайным причинам корона была независима, ибо Людовик, преследуя свои политические цели, готов был предоставить ей субсидии. Но нельзя было рассчитывать, что эти субсидии будут бесконечны, а большая часть тори в парламенте не была бы готова предоставить короне тот доход, который ей был необходим для содержания большой постоянной армии, нужной для поддержки деспотизма. Провинциальные джентри почти всегда проявляли невероятную скаредность, ибо в силу своего консерватизма и узости кругозора не могли оценить растущих потребностей усложняющейся в эту эпоху государственной организации. И было совершенно ясно, что рано или поздно правительству придется итти на поклон к финансистам Сити и просить у них помощи, которая, конечно, будет оказана лишь на определенных условиях.

Все произошло, однако, несколько иначе, потому что Яков сам сыграл наруку вигам, пытаясь углублять контрреволюцию больше и быстрее, чем были к тому готовы его сторонники — тори. В своем стремлении восстановить в Англии католичество он мог опереться лишь на самые реакционные элементы в стране: на иезуитов и наиболее безрассудных и близоруких представителей католических джентри. Идея эта была чужда даже значительной массе самих католиков, ибо они предчувствовали провал, который должен был привести только к ухудшению их положения.

Надежд на успех было тем меньше, что как раз в это время, в 1685 г., был отменен Нантский эдикт, предоставлявший ограниченную веротерпимость для французских гугенотов. Вслед за отменой эдикта начались преследования и паническое бегство сотен тысяч гугенотов из Франции в разные страны Западной Европы. Тысяч пятьдесят-шестьдесят из них, в большинстве своем искусные ремесленники, поселились в Англии. Ткачи шелка и шляпники, бумагоделы и стеклодувы, они принесли с собой не только свое мастерство, но и подробнейшие рассказы о зверствах католиков. Вскоре широко распространилось мнение о том, что готовится организованный заговор, рассчитанный на искоренение протестантизма по всей Европе. Таким образом размах и сила оппозиционного движения против Якова в значительной степени были результатом событий во Франции.

И все же правление началось для Якова довольно благоприятно: парламент, в котором в результате предварительной подтасовки голосов муниципальными советами сидели теперь только тори, безотказно утверждал ему все ассигнования. Первый удар

был нанесен слева. Как в самой Англии, так и в Голландии в это время строились планы восстания, которое должен был возглавить герцог Монмаут и которое должна была сопровождать десантная операция в Шотландии. На успех этого восстания возлагали надежды и те, кто в свое время поддерживал левеллеров, и те, кто в последние десятилетия понял, что корона является орудием папизма и социальной реакции.

Когда в июле Монмаут высадился у Лайм Риджис, он был с восторгом встречен батраками, малоземельными крестьянами и особенно ткачами Запада; подобного энтузиазма население Англии не проявляло со времени восстания Кетта. Возможно, что стихийный характер поддержки, оказанной Монмауту, был связан с тем фактом, что суконная промышленность Запада была в тот момент в состоянии упадка, ибо она не могла выдержать конкуренции с Ирландией, где была дешевая шерсть и дешевая рабочая сила. Однако ясно и то, что это было также и массовое политическое движение нового типа. Под знаменем старого цвета левеллеров — зеленого — Монмаут двинулся в глубь страны, собирая по пути своих сторонников.

Вскоре стало ясно, что сторонники эти были весьма однородны. Ни один из крупных лордов-вигов не примкнул к движению, слишком мало было и представителей джентри. Такое отсутствие энтузиазма с их стороны объяснялось тем, что восстание приняло народный характер. Заключительным актом предательства вигов была посылка в Англию на подавление восстания их представителем Вильгельмом Оранским английских войск, находившихся на территории Голландии. Такой саботаж неизбежно обрекал восстание Монмаута на провал. Мощной поддержки можно было ожидать в полукольце, примыкавшем к Лондону; по сравнению с ним район Тонтона был лишь удаленным островком, окруженным территорией с враждебно или безразлично настроенным населением. Но так как виги не оказали восставшим никакой помощи, правительству удалось подчинить своему контролю Лондон и прилегавшие к нему графства.

Повстанцы двинулись на Бристоль, но там им преградила путь большая правительственная армия, и они отступили к Бриджуотеру. Здесь они предприняли попытку совершить неожиданное ночное нападение на лагерь противника, расположившийся в Седмуре. Попытка эта провалилась, и так как момент внезапности был потерян, плохо вооруженные и необученные крестьяне и ткачи, естественно, не могли надеяться на успех в борьбе против армии, руководимой такими опытными военачальниками, как Джон Черчилль и Патрик Сарсфилд. Восставшие отважно сражались, но в конце концов не выдержали и были смяты и перебиты королевской конницей. Вслед за этим началась охота на скрывавшихся участников восстания; в результате «кровавых судов»

сотни их были казнены, а еще больше сослано на Вест-Индские плантации. Сам Монмаут был взят в плен и обезглавлен.

Правительство сумело извлечь даже некоторую выгоду из восстания, используя его теперь в качестве оправдания для увеличения численности регулярной армии. Армия Кромвеля после реставрации была сейчас же распущена, за исключением только нескольких караульных полков. Впоследствии были сформированы другие полки для несения гарнизонной службы в Танжере; кроме того, двадцатитысячная армия постоянно содержалась в Шотландии. Но всякая попытка Карла создать в Англии большую постоянную армию неизменно наталкивалась на решительное сопротивление. Теперь же Яков довел численность армии до 30 тыс. человек и разместил тринадцатитысячное войско в Ханслоу Хит, чтобы держать в страхе Лондон.

По мере возможности он назначал на офицерские должности католиков, хотя это и противоречило законам. Рядовые же в большинстве своем были протестантами, и довольно неуклюжие попытки обратить их в католичество вызывали лишь возмущение. Зато в Ирландии генерал-губернатору Якова графу Тирконнель удалось сформировать значительную католическую армию.

Затем Яков начал смещать министров, принадлежавших к англиканской церкви (хотя и тори), и ставить на их место католиков; он восстановил суд «Высокой комиссии», упраздненный Долгим парламентом, и стал назначать католиков на должности магистратов и даже епископов. Однако понимая, что даже его консервативный парламент никогда не согласится на ликвидацию все еще применяемых к католикам ограничений, он решил ликвидировать их иным путем — используя свои королевские prerogatives. В 1687 г., а затем вторично в апреле 1688 г. была опубликована «Декларация о веротерпимости», которой отменялись все законы, преграждавшие католикам доступ на гражданскую и военную службу. В надежде приобрести новых союзников Яков распространил это освобождение и на сектантов, но привлечь их на свою сторону ему не удалось, ибо их давнишний пуританский страх перед папизмом и ненависть к нему были слишком велики, к тому же было совершенно ясно, что религиозная терпимость использовалась в данном случае лишь как средство для восстановления католиков во всех политических правах.

Англиканские священники отказались выполнять королевский приказ и читать «Декларацию о веротерпимости» у себя в церквях, их поддержали епископы. И когда семеро епископов были арестованы, преданы суду и вслед затем оправданы, они прослыли героями среди пуритан Лондона, чего еще никогда ни с одним епископом не случалось. Порвав с англиканской церковью, Яков тем самым порывал и со-сквайрами — тори, на которых обладавший большей политической проникательностью Карл

возлагал все свои надежды, как на единственный класс, способный стать опорой абсолютной монархии. Теперь же провал стал неизбежен.

В конечном счете от поражения Монмаута выиграло не правительство, а виги. В результате этого поражения были разгромлены левые, что дало возможность без всякого риска инсценировать революцию, которая впоследствии была провозглашена «славной» именно за то, что народ не принимал в ней никакого участия. В самом деле, было совершенно безопасно свергнуть Якова и Стюартов, раз этот переворот нисколько не угрожал возникновением республики, при которой бедняки могли бы предъявить богатым неприятные требования.

Теперь виги и тори объединились для совместного ведения переговоров с Вильгельмом Оранским, и 30 июня несколько наиболее влиятельных пэров послали ему окончательное приглашение, обещая активную поддержку в восстании против Якова. Все лето Вильгельм был занят снаряжением флота и армии, постоянно опасаясь, что Людовик нападет на Нидерланды и, таким образом, не даст возможности его флоту даже отплыть. Яков же и его министры находились в нерешительности, не зная, на чем остановить свой выбор: на отступлении или наступлении; так что в конце концов 5 ноября Вильгельм беспрепятственно высадился в Торбэе. Один за другим сторонники стали покидать Якова, скрываясь за границу или дезертируя в лагерь Вильгельма. Но, пожалуй, решающую роль сыграло дезертирство некоего Джона Черчилля, впоследствии известного под именем герцога Марлборо, который уже тогда был самым влиятельным офицером в армии. Без армии Яков оказался совершенно беспомощным, и когда в декабре он бежал, Вильгельм, силы которого все росли по мере его продвижения к Лондону, остался единственным претендентом на власть.

В феврале собрался конвент, который предложил Вильгельму и Марии вместе вступить на английский престол. Конвент объявил себя парламентом, а затем в «Билле о правах» изложил те условия, на которых вигские магнаты и буржуазия изъявляли свое согласие на дальнейшее существование монархии. Король был теперь практически лишен власти над армией и судом. Ему категорически запрещалось действовать помимо законов, а также отменять их. Финансы страны раз и навсегда переходили полностью в ведение парламента. Парламент должен был созываться не реже, чем раз в три года, а полномочия каждого парламента также ограничивались тремя годами¹. На этих условиях виги стали преданными

¹ В 1716 г. виги продлили полномочия парламента до семи лет, так как выборы в то время вероятно обеспечили бы большинство партии тори. В 1911 г. был установлен пятигодичный срок полномочий парламента, однако ни-

и пылкими защитниками монархии, ибо это была их монархия, существование которой зависело всецело от них. В этом отношении они отличались от тори, которые больше ощущали, что их собственное существование зависит от существования монархии, и потому оказывали ей поддержку, не ставя при этом особых условий.

«Glorious Revolution» (славная революция), — писал Маркс, — вместе с Вильгельмом III Оранским поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов. Они освятили новую эру, доведя до колоссальных размеров то расхищение государственных имуществ, которое до сих пор практиковалось лишь в умеренной степени. Государственные земли отдавались в подарок, продавались за бесценок или же присоединялись к частным поместьям путем прямой узурпации. Все это совершалось без малейшего соблюдения форм законности. Присвоенное таким мошенническим способом государственное имущество наряду с землями, награбленными у церкви, поскольку они не были снова утеряны во время республиканской революции, и составляют основу современных княжеских владений английской олигархии. Капиталисты-буржуа покровительствовали этой операции между прочим для того, чтобы превратить землю в предмет свободной торговли, расширить область крупного земледельческого производства, увеличить прилив из деревни поставленных вне закона пролетариев и т. д. К тому же новая земельная аристократия была естественной союзницей новой банкократии, этой только что вылупившейся из яйца финансовой знати, и владельцев крупных мануфактур, опиравшихся в то время на покровительственные пошлины»¹.

В результате «революции» 1688 г. виги на всем протяжении следующего столетия, кроме только отдельных кратковременных периодов, крепко держали в своих руках власть над центральным государственным аппаратом. Для осуществления власти они быстро создали необходимый финансовый аппарат и выработали соответствующие методы политики. И все же победа их была неполной. Они были вынуждены оставить руководство местным самоуправлением в сельских районах в руках торийской сквайр-архии; таким образом создавался известный дуализм власти, который и послужил причиной многих политических конфликтов в XVIII в.

Что касается Вильгельма, то он был готов идти на любые условия, лишь бы получить возможность использовать английские деньги и английских солдат для борьбы против Франции, с которой Голландия начала тогда затяжную войну. Но для того чтобы

что не мешает любому парламенту произвольно откладывать выборы на неопределенное время, как это и имело место во время Первой и Второй мировых войн.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 728, Госполитиздат, 1949.

приобрести эту возможность, ему необходимо было сначала укрепиться не только в Англии, но и в Ирландии и в Шотландии. В 1689 г. Яков высадился в Ирландии, где к его услугам уже была армия, к тому же ему без особого труда удалось спровоцировать восстание ирландских католиков против протестантского «гарнизона».

В июле 1690 г. в битве у реки Бойн Вильгельм разбил якобитскую армию, а в октябре 1691 г. при Лимерике после упорной, но уже безнадежной борьбы сдался последний ирландский генерал, Сарсфилд. Как одно из условий капитуляции Вильгельм пообещал веротерпимость для ирландских католиков; обещание это было, однако, тотчас же нарушено принятием «Законов о наказаниях», лишивших католиков всех гражданских и религиозных прав. Новое покорение Ирландии сопровождалось новой конфискацией земель, причем больше других нагрел на этом руки голландский фаворит Вильгельма лорд Бентинк. После покорения в Ирландии был установлен еще более жесткий режим, и на нее еще более откровенно, чем раньше, стали смотреть как на колонию, существующую исключительно ради увеличения прибылей английской буржуазии.

В Шотландии новый режим не встретил особого противодействия. Восстание в нагорной части страны после достигнутого вначале успеха в Килликранки быстро пошло на убыль. Что же касается ковенантеров, населявших равнинную Шотландию, то изгнание Якова вполне их устраивало. Таким образом, к 1692 г. все Британские острова находились под властью Вильгельма. В последующие годы вопросы внутренней политики отходят на задний план и все внимание поглощает борьба с Францией и экономические изменения, приведшие к промышленной революции.

Глава X

АНГЛИЯ ВИГОВ

1. Финансовое положение страны в военное время

Войны с Францией, которые Англия теперь должна была вести чуть ли не в силу договоренности вигов с Вильгельмом Оранским и объединения с Голландией, велись в условиях, определяемых двумя факторами—возрастающей мощью Франции и быстрым распадом Испанской империи. В XVI в. Испания почти господствовала в Европе; на протяжении же XVII в. она дошла до такого состояния, при котором больше уже не могла защищать свои обширные владения, простиравшиеся через половину Европы и занимавшие больше половины Америки. В Европе Испании принадлежала значительная часть Италии и территория, приблизительно соответствующая современной Бельгии. Как Франция, так и Австрия начали считать Италию своей законной добычей; необходимой предпосылкой к нападению на нее являлся захват испанских Нидерландов, лежащих между Францией и Голландией. Сама Голландия, высшая точка торгового расцвета которой уже была пройдена, вряд ли смогла бы защищать свои границы, если бы ее положение не укрепилось в связи с вступлением Вильгельма на английский престол.

Упадок Испании фактически создал как бы пустое пространство в Европе, и казалось, что Франции, которая стала теперь в высокой степени централизованным бюрократическим и военным государством, суждено заполнить это пространство, захватить и эксплуатировать те владения, которые Испания сама эксплуатировать была теперь уже не в состоянии.

Английский правящий класс не только из-за своих связей с Голландией, но и непосредственно был сильно заинтересован в этом конфликте. Интерес его вызывался прежде всего тем, что завоевание Францией Италии нарушило бы равновесие сил в Европе. Во-вторых, победа Франции свела бы на нет все достижения революции 1688 г., уничтожила бы власть вигов и, по всей вероятности, привела бы к восстановлению династии Стюартов и к замене военным деспотизмом правления «аристократии», склонной заниматься коммерцией, и купеческого класса, состоя-

щего из аристократов». В-третьих, испанские колонии в Америке быстро становились одним из излюбленных поприщ деятельности для английских торговцев. Испания была слишком слаба для того, чтобы заставить подчиняться законам, налагавшим запрет на торговлю иностранцев с этими колониями, но было маловероятно, что такое счастлиное положение вещей сохранилось бы, если бы эти колонии попали в руки французов. Таким образом, две большие войны этого периода, война Аугсбургской лиги (1689—1697) и Война за испанское наследство (1701—1713), были уже войнами за рынки и колонии, хотя еще не в той же мере, как войны середины и конца XVIII в. В тот период основание колоний было еще предоставлено частной инициативе привилегированных компаний. Роль государства сводилась только к защите в случае необходимости этих колоний от внешних нападений; помимо этого государство должно было также следить за тем, чтобы вся прибыль, получаемая от колоний, попадала в руки английского купеческого класса. Период же, во время которого войны велись с определенной целью создания колониальной империи, наступил примерно пятьюдесятью годами позже.

Со времен Кромвеля военная техника революционизировалась, главным образом, в связи с изобретением штыка и усовершенствованием мушкета. Следствием введения штыка явилось почти удвоение эффективности пехоты, поскольку ружье в руках солдат стало одновременно холодным и огнестрельным оружием. Копье перестало применяться в боях, и с введением кольцевого штыка, который давал возможность стрелять, не отмыкая его, кавалерия снова потеряла свое превосходство: исход боя решался, главным образом, силой огня и стойкостью пехотных полков.

Одновременно была значительно усовершенствована артиллерия; укрепления и осадные операции начали играть в войне более важную роль. Армии начали продвигаться медленнее, придерживаться тщательно подготовленных линий укреплений, им уже требовалось более сложное вооружение и большие сбозы. Секрет успеха Марлборо как полководца заключался в том, что он сумел пробудить стратегию от ее кажущегося паралича. Голландцы были мастерами затяжной войны, упорно защищали свои позиции, но не желали выходить за их пределы хотя бы на один фут. Марлборо же умел использовать половину Европы для своего маневрирования и втянуть своих медлительных союзников в такие военные действия и комбинации, о которых они сами никогда не осмелились бы и мечтать.

Однако наиболее важен был тот факт, что в связи с изменением способа ведения войны она стала очень дорогостоящей: ни одна нация, если она не была богата и не имела широко развитой промышленности, не могла теперь уже надеяться выиграть затяжную войну. В этом и заключалось преимущество объединения Англии

с Голландией и невыгодность положения Франции, у которой была слабая финансовая организация и промышленность которой была по собственной воле подорвана изгнанием гугенотов. Далее, войны были чрезвычайно прибыльны для английских финансистов и подрядчиков, они увеличивали их богатства и этим закрепляли победу вигов.

Английский банк и государственный долг, таким образом, являлись одновременно как источником, из которого черпались средства, необходимые для ведения войн XVIII в., так и вознаграждением Сити за труды, затраченные им на подготовку и осуществление революции.

Со второй половины XVI в. лондонские золотых дел мастера начали выполнять некоторые функции банкиров. Они принимали вклады, давали и размещали ссуды и выпускали банкноты под обеспечение своим имуществом. При Стюартах они часто предоставляли королю ссуды, погашение которых король гарантировал за счет поступлений налогов. Однако эти ссуды бывали краткосрочны и погашались при первой возможности. Мы уже видели, как Карл II отказом от уплаты долгов в 1672 г. подорвал кредитоспособность своего правительства.

После 1688 г. кредитоспособность правительства не восстановилась. Новый режим был крайне неустойчивым, его падение почти наверняка сопровождалось бы отказом от уплаты долгов, и поэтому правительству удавалось получать займы только под большие проценты. В 1694 г. для того, чтобы получить заем в 1200 тыс. ф. ст., кредиторам были предоставлены особые льготы: им было разрешено организовать банк под названием «Английский банк», которому было предоставлено монопольное право выпуска банкнот. «Английский банк начал свою деятельность ссудами правительству денег из 8%; вместе с тем он был уполномочен парламентом чеканить деньги из того же самого капитала, который он, таким образом, еще раз ссужал публике в форме банкнот. Этими банкнотами он мог дисконтировать векселя, давать ссуды под товары, закупать благородные металлы. Прошло немного времени, и эти фабрикуемые самим банком кредитные деньги стали функционировать как звонкая монета: банкнотами выдавал английский банк ссуды государству, банкнотами уплачивал за счет государства проценты по государственным займам. Давая одной рукой, банк получал другой гораздо больше; но этого мало: даже когда он получал, он оставался вечным кредитором нации на всю данную им сумму до последней копейки. Мало-помалу он стал неперменным хранителем металлического запаса страны и центром тяготения для всего торгового кредита»¹.

Так как Английский банк с момента его организации рассматривался как орудие господствующей финансовой клики вигов, его деятельность встретила серьезное сопротивление. Золотых дел мастера, считая, что их операции находятся под угрозой, выбрали подходящий момент в 1697 г., когда операции по перечеканке создали временную нехватку монеты, и предъявили к уплате большое количество банкнот, тщательно ими собранных, стоимость которых намного превышала резервы банка. За год перед этим помещики, принадлежавшие к партии тори, попытались организовать конкурирующий земельный банк. Но государственные ресурсы, мобилизованные на поддержку Английского банка, дали последнему возможность справиться с оппозицией, еще больше окрепнуть и установить еще более тесную связь с правительством.

В политическом отношении это привело почти к тому же, что и конфискация церковных земель в период реформации: были произведены крупные вложения капитала, сохранность и прибыльность которых зависела от поддержки существовавшего, режима. Твердая поддержка, которую Сити оказывал Вильгельму, а затем Ганноверской династии, объяснялась не столько предпочтением одной династии другой, сколько страхом перед отказом от уплаты долгов, который последовал бы в случае реставрации Стюартов. В экономическом отношении рост банковских операций означал большое расширение кредита, возможность легко и быстро пускать в оборот крупные капиталы там, где это было наиболее выгодно, а также рост наряду с обычной торговлей системы спекуляций акциями и товарами. Например, в тот период целый ряд крупных состояний был нажит на ввозе селитры, одного из основных ингредиентов пороха, имевшей большое значение во время войны.

Наряду с ростом банковских операций и спекуляции возрастал также и государственный долг, скромным началом которого явился вышеупомянутый заем в 1200 тыс. ф. ст. Война Аугсбургской лиги обошлась в неслыханную тогда сумму в 18 млн. ф. ст. (сравните с общей суммой военных расходов в 5 млн. фунтов на протяжении всего периода царствования Елизаветы). Война за испанское наследство стоила 50 млн. ф. ст., из которых почти половина была прибавлена к государственному долгу. К 1717 г. долг равнялся 54 млн. ф. ст. В 1739 г., после двадцати лет мира и непрерывных усилий погасить долг с помощью амортизационного фонда, он все еще составлял 47 млн. ф. ст. Семилетняя война (1756—1762) обошлась в 82 млн. ф. ст., из которых 60 млн. фунтов были получены благодаря займам. Накануне войны с Америкой государственный долг равнялся 126 млн. ф. ст., и к ее окончанию в 1782 г. он возрос до 230 млн. ф. ст. Войны против Наполеона увеличили его с 237 млн. ф. ст. до 859 млн. ф. ст.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 758, Госполитиздат, 1949.

Эти цифры говорят сами за себя, но все же необходимо напомнить, что за ними скрывался стремительный рост налогов, ведущий к непрерывному переходу денег от массы населения к меньшинству, наживавшемуся на этих войнах. И, что даже более важно, создалась огромная концентрация капитала, явившаяся одним из многочисленных факторов, которые сделали возможным осуществление промышленной революции. Держатели облигаций займов, выпущенных правительством, являлись владельцами капиталов, в силу чего они могли, продолжая пользоваться доходом с них, получать кредит для организации новых предприятий. Следовательно, рост государственного долга означал рост оборотного капитала.

Часть этого капитала была использована очень опрометчиво; так было в 1720 г. с компанией Южных морей и, еще ранее, с несколько менее авантурным шотландским «планом Дэриена». Кризис 1720 г., очень сходный с подобным же кризисом во Франции, возникшим вследствие провала Миссисипской авантюры Лоу, явился результатом дикой спекуляции, типичной для того периода, когда богатейшие возможности для вложения капитала представляла не промышленность, а торговля. В этих условиях кризисы обычно начинались не столько в связи с излишним производством, сколько в связи с излишней спекуляцией.

Компания Южных морей начала свою деятельность как вполне законное работоторговое и китобойное предприятие. Директора этой компании были полны самых радужных надежд и даже обещали взять на себя уплату всего государственного долга. Стоимость акции возросла со 120 ф. ст. до 1020 ф. ст.; но по мере роста спекулятивной лихорадки деятельность компании стала носить все более мошеннический характер. Были созданы всевозможные фиктивные дочерние общества, и видные члены правительства вигов, а также и принц Уэльский были преступным образом замешаны в дела этой компании. Когда наступил крах, тысячи держателей акций оказались разоренными, и народное возмущение достигло таких пределов, что в палате лордов торжественно предложили зашить директоров в мешки и бросить их в реку Темзу; это предложение возрождало римское наказание отцеубийц.

Подобные же финансовые кризисы, но не таких грандиозных масштабов, были и в 1763, 1772 и 1793 гг., причем всегда от кризисов страдали менее мощные предприятия. Английский банк и крупные коммерческие фирмы держались стойко и даже наживались. Фактически эти кризисы являлись неизбежным спутником быстрого роста торговли, характерного для всего столетия.

Первая из крупных европейских войн этого периода—война Аугсбургской лиги—не имела решающих последствий и примечательна только успешной обороной голландцами испанских Нидерландов, а также проникновением в Средиземное море бри-

танского флота, добившегося постоянного превосходства над французским флотом. Она доказала также эффективность финансового аппарата, созданного канцлером Вильгельма Монтегью. Она закончилась в 1697 г. Рисвикским мирным договором, оставившим неразрешенными все главные спорные вопросы.

Вскоре король Испании умер, не оставив после себя прямого наследника, и на престол вступил внук Людовика XIV. Голландия и Англия, не желавшие разрешить Франции управлять испанской империей, а также Австрия, имевшая своего претендента на испанский престол, немедленно объявили войну. Французские армии вторглись в испанские Нидерланды и в Италию. Франция в союзе с Баварией угрожала Вене.

После смерти Вильгельма в 1702 г. во главе англо-голландских армий вместо него встал Марлборо. В течение двух лет голландские союзники принуждали его держаться оборонительной тактики. Затем в 1704 г., когда французская армия была фактически на Дунае, Марлборо совершил свой знаменитый поход вверх по Рейну и, минуя большие дороги, вступил в Баварию. Продвижение застигнутых врасплох французов к Вене было приостановлено, Бавария была завоевана, французы потерпели поражение при Бленгейме; битва при Бленгейме явилась поворотным пунктом войны. С этого времени все сводилось, главным образом, к вопросу о том, как долго смогут продержаться обе стороны, прежде чем они придут к соглашению. Марлборо очистил Испанские Нидерланды от французов в результате нескольких кампаний, продолжавшихся до 1708 г. Австрийцы заняли Италию. В Испании немногочисленная британская армия, умело используя национальные претензии каталонцев, добилась некоторых успехов и захватила, но не смогла удержать, Мадрид.

К 1710 г. обе стороны, истощенные многочисленными сражениями, почти прекратили военные действия. Виги не жаждали заключать мир, так как продолжение войны казалось им наиболее верным средством удержать власть; но в конце концов сквайры, принадлежавшие к партии тори, для которых война означала только увеличение земельных налогов, сумели использовать общую усталость от войны, чтобы отнять власть у своих противников. Виги были ослаблены внутренними распрями, и их падение интересно как показатель той роли, которую могли еще играть в английской политике придворные интриги. В то время всеобщие выборы обычно следовали за сменой правительства, а не предшествовали ей. После того как тори пришли к власти, им было нетрудно использовать свои официальные возможности патронирования и подкупа для обеспечения своего большинства в парламенте.

В конце 1711 г. Марлборо был отстранен от должности, и на следующий год война закончилась подписанием Утрехтского

мира. Французский ставленник остался королем Испании, откуда оказалось совершенно невозможным его вытеснить; но Австрия захватила Италию и Нидерланды, это сохраняло равновесие сил и обеспечивало южную границу Голландии. Испанскому правительству была предоставлена возможность расправиться с каталонцами, которым в свое время были даны самые заманчивые обещания.

Британия сохранила за собой Гибралтар и Минорку—ключи к морскому владычеству в Средиземном море. В Америке были захвачены Новая Шотландия и территория Гудзонова залива, которые в начале столетия были заняты французами. В Англии опасались, что более сильное правительство Испанской Америки будет представлять собой угрозу для торговли. Но эта угроза была устранена включением в договор пункта, по которому Британия предоставлялось монопольное право на поставки испанским колониям рабов и фактическая, хотя официально и не подтвержденная, свобода торговли другими товарами. О значении работорговли можно судить на основании данных, что от 1680 г. до 1786 г. среднее количество рабов, ежегодно отправляемых из Африки, составляло 20 тыс. человек.

Утрехтский мир ознаменовал собой начало длительного мира. За дальнейшие 30 лет британский экспорт увеличился по крайней мере на 50%. Богатство и независимость населения американских вест-индских плантаций росли, они производили сахар, строевой лес, табак и рис все в больших количествах. Ограбление Индии шло полным ходом, и появилось много «набобов», как называли владельцев огромных состояний, нажитых торговлей и грабежом на Дальнем Востоке. Богатство и мощь Голландии убывали, а во Франции восстановление от разрухи, вызванной войной, шло медленно из-за бюрократичности государственной машины. Теперь Англия явно заняла ведущее положение в европейской торговле, и были созданы все условия, необходимые для создания империи. Утрехтский мир был делом рук тори, но это было последнее, что им удалось осуществить в течение половины столетия; по странной иронии этот мир привел к торжеству вигов.

2. Партийная политика

Победа тори в 1710 г. явилась частично результатом их оппозиции войне, ставшей непопулярной, а также результатом неуверенности в будущем, царившей в политических кругах. В 1701 г. законом о престолонаследии было установлено право наследования престола Ганноверским домом в случае, если бы Анна, которой предстояло унаследовать престол после Вильгельма, умерла бездетной. Таким образом правление Анны являлось как бы междуцарствием. В основном тори готовы были принять ее в качестве

законного монарха и спокойно ожидать будущих событий. Но все же почти все политические деятели обеих сторон, хотя они и заявляли о том, что принимают закон о престолонаследии, пытались перестраховать себя путем тайных переговоров со Стюартами. Среди этих политических двурушников были и генерал Марлборо и финансист военной партии Годолфин, занимавшие промежуточную позицию между вигами и тори. Существование этой промежуточной группы и нежелание политиков бесповоротно связать свою судьбу с какой-либо одной стороной создали курьезную ситуацию, когда происходила постоянная массовая перебежка из одной партии в другую, имевшую, как казалось, в тот момент больше шансов на победу.

Таким образом, вопрос о престолонаследии приобрел большую важность не столько в связи с лицами, которых он касался, сколько в связи с тем, что от него зависели судьбы политических партий и, по всей вероятности, жизнь политических деятелей. Болинброк, лидер тори, был шарлатаном, напичканным напыщенными пошлостями, которые он умудрялся выдавать за политическую философию. Когда он увидел, что наследование престола Ганноверской династией погубило бы его партию, он начал готовиться к совершению государственного переворота. Прежде всего умеренные тори были отстранены от руководства партией и заменены якобитами. Затем он начал проводить аналогичные замены среди офицеров армии и флота, среди городских магистратов и среди правительственных чиновников. В самом разгаре чистки государственного аппарата неожиданно умерла Анна (1 августа 1714 г.), и его планы потерпели крах. Но даже если бы обстоятельства ему благоприятствовали, все же вряд ли Болинброк, у которого не было ни достаточной широты кругозора, ни достаточной решимости, смог бы добиться успеха контрреволюции.

С 1714 по 1783 г. виги беспрерывно стояли у власти, которая у них даже мало оспаривалась; партия же тори, победившая в конце того столетия, сильно отличалась от партии тори времен царствования Анны как по своей политике, так и по своему социальному составу. В промежуточный период тори-сквайры удалились в свои поместья; там они занимались тем, что ворчали и притесняли мелких арендаторов, пытались возместить убытки от налогов на земельную собственность, шедших на поддержку военной политики вигов. Некоторые тори попали в парламент как представители графств, но они так и не сумели создать серьезной оппозиции. У них камнем на шее висело не очень искреннее якобитство, за которое они не хотели бороться и которому не хотели приносить жертвы, но которое помешало им прийти к руководству при ганноверском режиме. Якобитство политически умерло в Англии после 1715 г., но оно долго продолжало мучить совесть тори.

В Шотландии якобитство имело более прочную опору, особенно в горной части страны, где оно имело глубокие социальные корни в борьбе родов за сохранение родовой организации и культуры против буржуазной и в известной степени английской культуры равнинной Шотландии. Якобитство продолжало также играть важную роль в связи с феодальной войной между наиболее сильным родом Кемпбелл и теми родами, которые были против его верховенства. Поскольку Кемпбеллы давно уже были ковенантерами и вигами, их противники, естественно, примкнули к якобитам. Остальные шотландцы не являлись подлинными якобитами, но давняя ненависть к Англии и ко всему английскому заставила их забыть о преследованиях Стюартами ковенантеров и придерживаться в основном нейтралитета.

Ничто не иллюстрирует антианглийские чувства Шотландии лучше, чем события, приведшие к акту об унии, которой добились виги в 1707 г. в результате своей военной и партийной стратегии. В 1703 г. шотландский парламент издал «Защитительный закон», направленный против наследования престола Ганноверской династией. Таким образом перед вигами встала во время войны перспектива полного разрыва с Шотландией и установления режима, который мог оказаться им резко враждебным. В 1704 г. английский парламент ответил «Законом об иностранцах», запрещающим всякий ввоз из Шотландии, пока в Шотландии не будет признано право Ганноверской династии на престол. Это лишало шотландских скотоводов их главного рынка. На север к границе были двинуты войска, и казалось, что предстоит война. Но продажность шотландских лордов и парламента сделала свое дело — акт об унии был утвержден, несмотря на волнения и подготовку нерегулярных войск. Шотландия добилась права торговли с английскими колониями; в то же время ее неразвитая индустрия пострадала от английской конкуренции. Как уже было сказано, в политическом отношении Шотландия превратилась в «одно обширное гнилое местечко», контролируемое герцогом Аргайль, главой Кемпбеллов.

Восстание якобитов при вступлении на трон Георга I в 1715 г. с самого начала было обречено на провал из-за колебаний руководства. В течение последующих лет через горную часть Шотландии были проложены военные дороги, и на протяжении длительного периода мира никакое восстание не было возможно. Но в 1745 г., когда Англия и Франция снова вели войну, «молодой претендент», внук Якова II, прибыл в Шотландию для осуществления диверсии. Однако, хотя с виду в 1745 г. перспективы для Стюартов были гораздо более благоприятными, на самом деле их поддерживали еще слабее, чем в 1715 г., и у них было еще меньше шансов на успех. Армия, состоящая из 5 тыс. горных жителей, прошла на юг вплоть до Дерби, не встретив серьезного сопротив-

ления, вызвала панику в Лондоне и удалилась так же поспешно, как и пришла. Крупные силы регулярных войск, посланные ей вслед, задержали ее и разбили под Каллоденом вблизи Инвернесса.

Поражение армии, состоявшей из горных жителей Шотландии, сопровождалось полным разрушением родовой системы. Вожди, принимавшие участие в восстании, были заменены другими, и все они одинаково были превращены в землевладельцев. Родовые мировые суды, родовая одежда и даже волынка (отнесенная к «орудиям войны») были запрещены. Закрепив за собой родовые земли, вожди, превратившиеся в помещиков, начали систематически сгонять с земли арендаторов небольших ферм. В XVIII в. большие пространства земли были превращены в овцеводческие фермы; 40 тыс. горных жителей эмигрировали в Америку; еще большее число их отправилось в Глазго и новые промышленные города. В середине XIX в. начался окончательный упадок, когда овцы и пастухи уступили свое место оленям, для ухода за которыми совершенно не требовалось рабочих рук. Когда огромный приток австралийской шерсти, примерно после 1870 г., сильно снизил цены, леса с оленями стали намного более выгодными, чем овцы, и замена овец оленями пошла значительно более быстрыми темпами. В горной части Шотландии, так же как и в Ирландии, ужасные страдания народных масс были вызваны, главным образом, переходом общества одним скачком от родового строя к буржуазному, на протяжении жизни всего нескольких поколений, тогда как обычно для такого перехода требуется несколько столетий и промежуточной стадией является феодализм.

В Англии все характерные черты вигизма воплотились во властной личности Роберта Уолпола. Предприимчивый норфолкский помещик, финансовый гений, знакомый с коммерческой конъюнктурой не хуже любого купца из Сити, коллега и руководитель крупных вигских пэров, сообразительный, хищный и совершенно лишенный каких бы то ни было идеалов, он являлся символом интересов и характера единственного в своем роде союза, который управлял Англией.

Политика вигов была достаточно проста. Прежде всего они стремились избежать войн, поскольку войны причиняют ущерб торговле. Затем они пытались, насколько возможно, снизить налоги, которыми облагались купцы и промышленники, и увеличить налоги на товары широкого потребления и на землю. Но так как верхушка партии вигов сама состояла из землевладельцев и считалось небезопасным вызывать активную враждебность сквайров, то земельный налог оставался довольно низким и сельское хозяйство получало поддержку и охрану со стороны правительства. Благодаря тому, что Уолполу удавалось избежать войны, он действительно сумел значительно снизить земельный

налог. Все политически активные классы были, таким образом, удовлетворены; массы же, переживавшие период, промежуточный между эпохой стихийных вооруженных восстаний и эпохой организованной политической агитации, не имели действенных способов выразить свое недовольство.

Именно во времена Уолпола начала оформляться система управления через кабинет министров. До этого времени парламент довольствовался изданием законов, голосованием за принятие, а иногда против принятия бюджета и предоставлял фактическое руководство делами, исполнительную власть, королю. Теперь же правящая группа буржуазии отобрала у короля фактический контроль над управлением страной и передала его кабинету, который, по существу, обычно является просто комитетом, состоящим из лидеров правящей партии, выражающих интересы этой правящей группы в любое данное время. Кабинет, номинально контролируемый парламентом, в действительности сам контролирует его, если только партия имеет в нем большинство.

Позже было установлено, что кабинет должен располагать большинством в палате общин, должен быть объединен коллективной ответственностью, то есть все его члены должны в своих публичных выступлениях придерживаться единой политической линии, и во главе его должен стоять премьер-министр, наделенный правом решающего голоса.

Во времена Уолпола ни одно из этих условий еще не являлось обязательным. Тогда еще не было твердо установлено, является ли кабинет ответственным перед парламентом или перед королем (и позже теоретически правительство все еще являлось «правительством его величества»). Кабинет зачастую составлялся из явно враждебных друг другу лиц, публично разрешавших свои споры. Уолпол никогда не получал названия премьер-министра, которое тогда считалось чем-то чуждым английской конституции, хотя в действительности он располагал большей частью полномочий премьера. Тем не менее можно сказать, что именно в это время были сделаны решающие шаги по направлению к непосредственному управлению Англией буржуазией, для которой кабинет оказался таким подходящим орудием. Действия буржуазии облегчались тем, что как Георг I, так и Георг II были мелкими и глуповатыми немецкими князьками, больше интересовавшимися Ганновером, чем Англией. Они были несведущи в английских делах и в английском языке и охотно предоставляли Уолполу и вигам возможность управлять вместо себя, лишь бы те им льстили и уделяли достаточное количество поживы.

Вопрос о парламентском большинстве возникал редко, так как обычно каждое правительство могло его себе обеспечить. Открытое правление буржуазии неизбежно привело к установлению системы открыто практикуемых и свободно признаваемых

подкупов. Некоторые современные историки возражают против применения в данном случае слова «подкуп», так как голоса в парламенте не покупались за наличные деньги (хотя и это случалось). Вместо этого они обеспечивались путем предоставления sineкур, должностей, контрактов, титулов, льгот для семей или друзей членов парламента. В интересах партии вигов широко применялся государственный патронаж.

В избирательных округах положение было не лучше. Общее число избирателей в середине XVIII в. равнялось 245 тыс.; из них 160 тыс. в графствах и 85 тыс. в муниципальных городах. Но историк тори Л. Б. Намье заявляет, что «если взять всю Англию в целом, то, вероятно, окажется, что не больше, чем один из каждых двадцати избирателей мог свободно пользоваться своими установленными законом правами на выборах в графствах». Графства, самые крупные и свободные из избирательных округов, «являются чистейшим образцом классового представительства и почти всегда избирают в парламент помещиков, обычно из членов немногих фамилий графства.

В муниципальных городах дело обстоит даже еще хуже. Из 204 городов, избравших членов парламента, только в 22 было свыше 1 тыс. избирателей, в 33 было примерно от 500 до 1 тыс. избирателей, многие из которых славились своей продажностью. В остальных городах избирательным правом пользовались только корпорации, привилегированное меньшинство населения или же владельцы собственности (гнилые местечки); помимо этого были еще местечки уже настолько маленькие, что они полностью контролировались каким-нибудь местным магнатом (карманные местечки). Выборов всячески старались избегать, так как они дорого стоили, и часто при всеобщих выборах только в трех или четырех графствах велась избирательная борьба. Каждый избирательный округ избирал двух депутатов, что облегчало возможность заключения всевозможных сделок между различными заинтересованными сторонами. Если все же проводился подсчет голосов, то тогда голоса легко покупали, либо получали путем обмана или запугивания.

Построенная на такой основе партийная политика все менее становилась вопросом политики и все более начинала носить характер простого личного стяжательства. Стало считаться вполне нормальным и респектабельным, если джентльмен «зарабатывает себе на хлеб голосованием в палате общин», и главной заботой таких министров, как герцог Ньюкасл, было «обеспечить достаточно большое пастбище для скотины, которую надлежит кормить».

В течение свыше пятидесяти лет виги кормились и жирели. В тот период не было ни одной действительно оппозиционной партии; внутри же их собственной партии создавались враждующие клики, постоянно занимавшиеся всякими интригами и махинациями под руководством того или иного благодетеля. Именно в

результате такой внутренней склоки кончилась карьера Уолпола в 1742 г. Группы, объединившиеся для того, чтобы его вытеснить, состоявшие из продажных охотников за должностями, были представителями агрессивной, воинственной части буржуазии, в то время как Уолпол представлял ее более консервативную и миролюбивую часть. Последняя видела, что ее богатство невероятно возросло за двадцать пять лет мира. Воинственная же часть буржуазии считала, что ее власть и возможность приобретения даже большего богатства зависят от проведения политики открытой колониальной войны.

Эта часть начала кричать о частых спорах, возникающих из-за торговли с испанскими колониями; путем ловкого разжигания жадности и жестокости она добилась требования войны, которому Уолпол, хотя и очень неохотно, уступил в 1739 г. «Война из-за уха Дженкинса»¹, превратившаяся вскоре в общеевропейский конфликт из-за австрийского наследства, завершила период Уолпола и положила начало периоду Питта, хотя вершины своей власти Питт достиг только десятью годами позднее. Подобно Уолполу Питт был весьма символической фигурой. Внук одного из крупных набобов, жестокий, наглый, агрессивный империалист², он отбросил маску внешней респектабельности вигов и завершил разложение, начавшееся в период длительного мира.

В середине XVIII в. Англия оказалась на грани как промышленной революции, так и еще одного тура великих войн. Эти события уничтожили ранее существовавшие партийные разногласия и наметили новые вехи разделения на партии. Но казалось, что на некоторый период времени политические партии вообще как бы исчезли среди огромного количества мелких клик.

3. Колониальная война

Принято считать, что Питт выразил намерение завоевать Канаду на берегах Эльбы; было бы правильнее, если бы он заявил о своем намерении завоевать ее в банке на улице Треднидл. За морским превосходством, о котором мы столько слышали, за подвигами Вульфа и победами Фридриха Великого крылась власть британских финансистов; финансисты имели возможность снабжать армию самым лучшим оружием и снаряжением, какое только тогда имелось, и могли также при помощи больших

¹ «Война из-за уха Дженкинса»—англо-испанская война, окончившаяся в 1739 г. Формальным поводом к ней послужили действия испанского капитана, отрезавшего ухо английскому моряку Дженкинсу.—Прим. ред.

² Слово «империалист» в данном случае и на протяжении всей главы употребляется в значении «захватчик» вообще, и в него не вкладывается тот точный смысл, который придал этому слову Ленин и в котором оно встречается в последних главах этой книги.

субсидий обеспечить себе поддержку европейских союзников. Именно поддержка британских банков дала возможность Пруссии, стране с неразвитой промышленностью и торговлей, одержать громкие победы и утвердиться в качестве великой европейской державы.

Основной план британской большой стратегии заключался в следующем: прежде всего надлежало купить европейского союзника—Австрию во время Войны за австрийское наследство (1740—1748) и Пруссию во время Семилетней войны (1756—1763) в качестве противовеса главному врагу в Европе—Франции. При помощи этого союзника и небольшого количества экспедиционных войск, посланных на континент, силы Франции удалось отвлечь, и Британия, использовав свой флот, смогла заняться более выгодной войной за французские колониальные владения.

Хотя Война за австрийское наследство и Семилетняя война номинально отделены друг от друга периодом мира, длившегося восемь лет, фактически они представляют собой одно целое, поскольку война в колониях продолжалась непрерывно. Детали хода войн в Европе представляют интерес скорее для европейской, чем для английской истории. Поэтому мы можем ограничиться рассмотрением колониальной борьбы.

Французские и британские владения были расположены рядом друг с другом в трех главных районах европейской экспансии, не считая Южной Америки, оставшейся испанским владением. Это были Индия, Северная Америка и Вест-Индия. В последней почти не происходило какой-либо значительной борьбы. Острова, принадлежавшие соперничающим странам, были расположены неподалеку друг от друга, но было трудно вести войну, перенося военные действия с одного острова на другой; морское же преимущество дало возможность британцам захватить многие изолированные французские владения без сопротивления. Поэтому основная борьба велась главным образом за захват Индии и Северной Америки. Ост-Индская компания непрерывно укреплялась на протяжении целого столетия, и к 1740 г. она располагала капиталом в 3 млн. ф. ст., с которого акционерам выплачивалось 7% дивиденда. Но это представляло собой лишь незначительную часть барышей, получаемых из Индии. Компания обычно платила своим служащим только номинальное жалование; их настоящие—и у старших служащих большие—доходы получались от взяток, вымогательства и самостоятельной торговли. Компания сохранила за собой право на монопольную торговлю между Индией и Британией; торговлю же внутри Индии она целиком предоставила своим служащим. Клайв однажды заявил, что человек из плоти и крови не может устоять перед соблазнами, таящимися для авантюристов в той части земного шара. В конце концов даже директора компании были вынуждены осудить систему, которую они сами и создали и которая

стали угрозой для барышей акционеров. Они сетовали на «плачевное состояние наших дел, вызванное продажностью и хищностью наших служащих и всеобщей испорченностью нравов колонизаторов... Мы должны также заявить, что, по нашему мнению, несметные состояния, приобретенные путем торговли внутри-страны, были нажиты при помощи не слыханной нигде жесточайшей тирании и угнетения».

Французы, прибывшие в Индию только в конце XVII в., когда компания уже прочно там обосновалась, были вынуждены с самого же начала обеспечивать свое положение с помощью вооруженной силы. Они создали морскую базу на Маврикии и вооружили небольшую армию, состоящую из туземных войск, обученных по европейскому образцу. Английская компания ответила на это созданием своей собственной частной армии. Поскольку французские войска были, главным образом, сосредоточены в Пондишери, вблизи Мадраса, и в Чандернагоре, около Калькутты, столкновение было почти неизбежно.

В XVIII в. Индия была очень ослаблена, в ней царили смуты. Империя Могола рушилась, и местные чиновники объявляли себя независимыми правителями. Общее положение было несколько сходно с положением в Европе в начале средних веков. Огромное превосходство оружия, которым располагали частные армии французов и англичан, дало последним возможность вмешаться в местную борьбу туземных правителей и легко добиться успеха. Англичане и французы занялись игрой в создание «королей»; они ставили марионеточных правителей, находящихся всецело под их контролем.

Эта политика прежде всего привела к открытой войне за Мадрас, который французы захватили в 1746 г., но вернули по мирному договору, заключенному по окончании войны за австрийское наследство в 1748 г. В следующем году англичане и французы вмешались в войну в Карнатике, помогая разным враждующим сторонам. Фактическими правителями этой провинции остались англичане после победы Клайва под Аркотом и Кута под Вандивашем. В 1760 г. был захвачен Пондишери.

Битва при Пласси в 1757 г. сопровождалась завоеванием богатой провинции Бенгалии. Этой битве предшествовал инцидент с так называемой «Черной калькуттской ямой», о которой впоследствии так много рассказывалось. Факты заключаются в том, что «Черная яма» была обычной тюрьмой Ост-Индской компании и несколько англичан, заключенных в нее из-за распри между компанией и набобом Бенгалии, умерли там, так как тюрьма была переполнена в жаркую пору года. Это был случай бессердечного отношения к людям, похожий на случай с английским тюремным поездом, в котором в 1921 г. задохнулись восемьдесят узников племени мопла.

Военные действия закончились в 1763 г. Парижским миром; по парижскому мирному договору Ост-Индская компания оставалась полновластным хозяином большей части страны; французы же вынуждены были ограничиться несколькими торговыми пунктами, которые им было даже запрещено укреплять. С этого времени возможности для эксплуатации стали неограниченными. С одной только Бенгалии компания и ее служащие получили в форме взяток свыше 6 млн. ф. ст. от 1757 по 1766 г. В Мадрасе и Карнатике положение было почти таким же. Огромные состояния наживались благодаря монополии на торговлю такими ходовыми товарами, как соль, опиум и табак. В 1769 и 1770 гг. англичане искусственно создали голод на огромных пространствах, припрятав рис и соглашаясь его продавать только по непомерно высоким ценам. Сам Клайв нажил одно из величайших состояний того времени тем, что брал взятки и принимал «подарки» от туземных правителей.

В 1767 г. британское правительство настояло на том, чтобы его сделали непосредственным участником грабежа, и компанию обязали выплачивать казначейству 400 тыс. ф. ст. в год. Новый шаг к обеспечению для себя частичного контроля над управлением Индией правительство сделало, издав в 1773 г. «Регламентирующий акт». Этот акт был, будто бы, направлен на прекращение гнета компании; в действительности же он был призван помочь организовать более систематическую эксплуатацию Индии, барыши от которой стали слишком большими, вследствие чего стало нежелательно, чтобы они продолжали попадать в частные руки. Этим актом начинается переход от первой стадии британского проникновения, когда Индия была поставщиком разных ценных товаров, которые сама Британия не могла производить, ко второй стадии, когда Индия стала важным рынком сбыта для британских промышленных товаров, особенно хлопчатобумажных изделий¹.

В Америке, так же как и в Индии, в начале войны успех был на стороне французов. Здесь британские колонии располагались длинной линией от Мэна до Флориды по берегу Атлантического океана, причём Аппалачские горы являлись барьером между этими колониями и внутренней частью страны. Французы имели две главные колонии: Канаду, на севере вдоль реки Св. Лаврентия, и Луизиану, в устье Миссисипи. Отсюда они продвинулись вверх по реке Огайо и вниз через Великие Озера, пытаясь взять в клещи местность, расположенную позади английских колоний, и помешать таким образом дальнейшему продвижению противника в западном направлении. В этой операции большую роль играл форт Дюкен, расположенный на западном крае единственного доступного пути через горы.

¹ См. стр. 385.

Серьезная битва началась с атаки форта Дюкен в 1755 г., отбитой с большими потерями. В тот период французы, хотя в Канаде было только около 150 тыс. жителей против двух миллионов в английских колониях, имели большое преимущество, так как они обладали централизованной военной организацией. Многие английские колонии находились на большом расстоянии от места боев и не имели практики ведения совместных действий. Позднее британская морская блокада помешала французам подбросить подкрепления в Канаду, сами же британцы доставили туда большую армию вторжения.

С 1758 по 1760 г. Вульф несколько раз вторгался в Канаду, и его кампании закончились захватом Квебека. Форт Дюкен был взят в 1759 г. и переименован в Питсберг. Наряду с завоеванием Канады была также завоевана огромная незаселенная область между Аппалачскими горами и Миссисипи. В течение этих же лет были захвачены: Сенегал в Западной Африке, Флорида и ряд Вест-Индских островов. В то время эти острова с их сахарными плантациями, представлявшими большую ценность, считались даже более важными, чем Канада. Когда началось предварительное обсуждение Парижского мира, возникли серьезные дебаты по поводу того, надлежит ли сохранить за собой Канаду или Гваделупу. Герцог Бедфорд выразил широко распространенное мнение, сделав следующее замечание: «Не знаю, не было ли соседство французов с нашими северными колониями наибольшей гарантией их зависимости от метрополии, которой, я боюсь, они начнут пренебрегать, как только исчезнет их страх перед французами». Тот факт, что в конце концов Канаде отдали предпочтение перед Гваделупой, объясняется скорее стратегическими, чем экономическими причинами: враждебной иностранной державы в Северной Америке боялись больше, чем возможного возникновения мятежа среди английских колонистов.

Когда в 1763 г. Парижский мир положил конец Семилетней войне, во владении Англии были ее индийские колонии, Канада, Сенегал и некоторые, но не все, французские острова в Вест-Индии. Теперь империя достигла своих наибольших размеров, если мы будем говорить только о периоде до наполеоновских войн, которые принесли ей еще новые завоевания. Условия мирного договора были выработаны в строжайшем секрете, и он был подписан без ведома Фридриха Прусского, которому предоставили самому добиваться выгодных для него условий—это был предательский поступок, за который пришлось вскоре очень дорого заплатить.

Между тем политическое положение в Англии снова изменилось. Раскол среди вигов и вступление в 1760 г. на престол Георга III, который в отличие от своих предшественников больше интересовался английскими, чем немецкими делами, снова дали

королю возможность проводить собственную политику. Иногда предполагали, что Георг подобно Стюартам пытался освободиться от контроля со стороны парламента. На деле это было не так; время, когда это было возможно, уже давно прошло. Он скорее пытался сделаться «первым среди джентльменов, занимавшихся спекуляцией парламентскими местами и проведением предвыборных кампаний в городах Англии».

Король все еще имел значительные полномочия в выборе своих министров, и как только он подобрал людей достаточно услужливых, например своего шотландского наставника лорда Бьюта, он сумел заставить служить себе всю машину официального фаворитизма и коррупции. Крупным вигским семьям, создавшим эту машину и монополизировавшим ее в течение полувека, это показалось возмутительно несправедливым, и они противились этому всеми силами. Но при Ньюкасле сила их сопротивления резко уменьшилась, и их приверженцы скоро перебежали на сторону тех, у кого был более толстый кошелек. Несколько десятилетий прошло в беспорядочных перегруппировках, при которых, казалось, партийные разногласия почти исчезли; затем возникли новые партии, носившие старые названия, но являвшиеся выразителями других интересов.

Тори, освободившиеся, наконец, от налета якобитства, постепенно превратились в «патриотическую» партию; партия вигов медленно распадалась и вступила в длительный период оппозиции и слабости. Вокруг новой партии тори сгруппировалось, помимо ее основного старого ядра, состоявшего из сквайров, большое количество крупных землевладельцев (которые ранее поддерживали партию вигов), а также многие представители высших классов городов, банкиров и поставщиков армии, то есть все те лица, чьи барыши зависели от правительства, находящегося у власти, и быстро возрастали, если это правительство проводило политику войны. Торговые и финансовые элементы, группировавшиеся вокруг Ост-Индской компании, откололись от основного костяка партии вигов, продолжавшего находиться в руках традиционно господствующих фамилий—в дальнейшем клики Голландского дома. Влияние этой клики значительно усилилось в связи с тем, что к ней примкнули промышленные капиталисты. Эти последние, концентрировавшиеся главным образом в новых городах, не добившихся права быть представленными в парламенте, до этого времени не принимали активного участия в политике.

Вскоре выявились два полюса притяжения: империализм двора, правительства и финансистов, привлекавший к себе все привилегированные классы, и новый радикализм, сначала буржуазный и несколько циничный, но затем пролетарский и подлинно революционный. Этот радикализм привлекал к себе одновременно как людей, лишенных собственности и привилегий, так и большое

количество тех, кто видел в радикализме путь вступления в ряды привилегированных лиц, а такие люди встречались в каждом поколении. Развитие английского радикализма лучше всего рассмотреть в связи с восстанием в американских колониях, с которым радикализм был связан наитеснейшим образом.

4. Американская революция

Семилетняя война закончилась крупными колониальными завоеваниями: она также привела к созданию большого государственного долга и настолько тяжелого бремени налогов, что, по мнению финансистов, дальнейшее их увеличение стало уже невозможным. Как и обычно, прежде всего налогообложению подвергались предметы широкого потребления: пиво, солод, спиртные напитки; на все товары, подлежащие оплате пошлиной, было надбавлено еще 5% к их цене. Чтобы покрыть часть издержек на все еще находящиеся в Америке армию и флот, правительство приняло решение заставить колонистов платить налоги под предлогом, что война велась в интересах колоний, хотя американские колонии уже фактически несли значительную часть расходов на кампании в Канаде.

Грэнвиллевский акт о гербовом сборе от 1765 г. вызвал немедленные протесты и был аннулирован в следующем году; но номинально налог был сохранен, причем особенно настаивалось на праве английского парламента облагать налогами колонии. Колонисты, имевшие свои собственные представительные учреждения, выдвинули старый лозунг: «никакого налогообложения без представительства». Именно под этим лозунгом началась революция. Имелись и другие спорные вопросы, возможно, даже гораздо более значительные, но так как на их основе было труднее построить платформу, они остались в тени.

Экономическая структура империи в XVIII в., нашедшая отражение в «Навигационных актах», имела целью использовать торговлю с колониями и все их богатства исключительно в интересах правящего класса Англии. Наиболее ценные продукты колоний, как табак из Виргинии, рис из Каролины, сахар из Вест-Индии, а также смола и строевой лес из Новой Англии, драгоценнейший материал для судостроения, могли вывозиться только в Англию или Шотландию. Следует отметить, правда, что на внутреннем рынке этим товарам предоставлялись льготы. Колониям запрещалось ввозить промышленные товары из каких-либо других стран помимо Англии. Развитие же промышленности в самих колониях немедленно пресекалось, если она могла конкурировать с аналогичной отраслью промышленности в самой Англии. Таким образом, хотя в начале XVIII в. в Новой Англии выплавка железа была уже довольно высоко развита, изготовление там

железных и стальных изделий было запрещено. Железо должно было перевозиться на кораблях через Атлантический океан в Англию, и уже оттуда американцам приходилось ввозить необходимые им железные изделия.

Запрещение непосредственной торговли между американскими колониями и Европой не имело решающего значения: гораздо важнее был вопрос о торговле внутри самой Америки с французскими и испанскими колониями. Эта торговля была запрещена всеми тремя странами, исходящими из теории меркантилизма, на которой базировались «Навигационные акты».

Практически такую торговлю оказалось совершенно невозможно прекратить, и она очень широко практиковалась; при этом контрабанда стала своего рода национальной профессией всех стран Америки. Действительно, «Навигационные акты» были терпимы только потому, что их никогда строго не придерживались. Но с введением «Акта о гербовом сборе» и попыткой обложить колонистов налогами усилился также контроль над соблюдением Навигационных актов. Контроль был усилен частично в интересах промышленности Англии, а частично также ради получения дополнительных доходов.

Британские военные суда начали преследовать контрабандистов, и вполне вероятно, что против налогообложения в колониях восставали особенно усиленно еще и потому, что средства, получаемые от налогов, шли на содержание вооруженных сил, которые больше не нужны были для защиты колонистов от французов, а использовались только для того, чтобы помешать колонистам заниматься законными, по их понятиям, делами. Если бы еще продолжала существовать какая-нибудь угроза со стороны Канады, возможно, что колонисты были бы вынуждены подчиниться этим нововведениям, но со взятием Квебека они больше не ощущали никакой потребности в британской защите и никакого желания подчиниться британскому диктату. Правительство Англии вряд ли могло избрать более неподходящее время для предъявления своих требований.

Большие усилия были затрачены историками обеих сторон, пытавшимися доказать законность всего совершившегося. Совсем не так трудно доказать законность чего-нибудь, но совершенно бесполезно судить о революции на основе законности. Важно то, что начался рост американской буржуазии и что она, подобно английской буржуазии XVII в., была вынуждена благодаря самому факту своего роста ломать стоящие перед ней преграды. Если учесть усложняющее влияние национального вопроса во время войны за независимость, можно сказать, что как американская, так и английская революции почти во всем параллельны, как по своим целям, так и по движущим силам. Вождем американской революции была крупная буржуазия, ее рядовыми была мелкая

буржуазия, ее внутренняя классовая борьба сосредотачивалась, главным образом, вокруг земельного вопроса; эта борьба не была окончательно завершена до поражения Эндрю Джексона. Борьба велась в основном мелкими фермерами, торговцами и ремесленниками, но выигрывали на ней купцы и плантаторы, типичным представителем которых был Вашингтон.

Так как американская революция являлась одновременно и борьбой за независимость, то помощь, которая ей оказывалась в Англии, носила специфический характер. Защитники колонистов должны были ожидать, что их заклеймят как антинациональных деятелей, как предателей. Революция знаменательным образом совпадает с рождением английского радикализма, и она помогла создать условия, способствовавшие зарождению рабочего движения. Поскольку английская буржуазия после завершения революции в Англии становилась реакционной, открылась широкая дорога для выхода на арену нового класса и для того, чтобы на повестку дня был поставлен вопрос о новой революции.

Действительно, одна группа, руководимая Питтом, ставшим к тому времени графом Чатам, и состоявшая из «умных» империалистов, противилась применению силы по отношению к американцам на том основании, что это приведет к крушению империи, но имелось и сильное меньшинство, которое открыто требовало для американцев права решать свою собственную судьбу. Джон Уилкс начал свою политическую карьеру в пятидесятых годах XVIII в. в качестве империалиста Чатамской школы. Повидимому, в то время единственным его желанием было вести политическую игру так же, как она велась всеми ловкими и богатыми молодыми людьми. В ранние годы царствования Георга III, во время его знаменитых выступлений по поводу генерала Уоррантса и свободы печати, он занял позицию гораздо левей позиций любой из существовавших тогда политических групп. Почти вопреки своему желанию, он стал признанным вождем масс Лондона и купцов из Сити.

На протяжении полувека наиболее популярным лозунгом был лозунг: «Уилкс и Свобода». 1768 год, когда он был избран от Мидлсекского графства и лишен своего парламентского мандата, был отмечен демонстрациями и стачками неслыханных размеров. 10 мая солдаты стреляли в большую толпу; они убили 6 человек и многих ранили. Эта резня на полях Св. Георгия привела только к усилению волнений. Ткачи, моряки торгового флота, лодочники, портные, углекопы и люди других профессий забастовали и предъявили как экономические, так и политические требования. Значение Уилкса, кажется, возрастало одновременно с развитием массового движения. Являясь лорд-мером и шерифом Лондона, он выступал в роли народного трибуна; он провел ряд важных мероприятий, пресек спекуляцию мукой, боролся

против набора лондонцев в вооруженные силы, улучшил положение заключенных в тюрьмах. Что касается его недостатков, то для него очень типично, что он всегда противился каким-либо мерам, имевшим целью вмешательство в деятельность Ост-Индской компании. Его богатые сторонники были непосредственно заинтересованы в эксплуатации Индии, о которой широкие массы еще совершенно ничего не знали и которой они не интересовались.

Уилкс и его последователи приняли участие во всеобщих выборах 1774 г., на которых они выступили как определенная политическая группа с программой, включающей следующие пункты: сокращение срока полномочий парламента, изгнание из парламента лиц, пользующихся пенсиями и «теплыми местами», справедливое и равное представительство и защита народных прав в Великобритании, Ирландии и Америке, то есть с программой, в некоторых пунктах предвосхитившей программу чартистов. Им удалось получить приблизительно двенадцать мест. Это было замечательным достижением, если вспомнить, что в то время лишь очень немногие избирательные округа были достаточно велики для того, чтобы в какой-то мере позволить выразить народные чувства.

Уже в 1768 г. Уилкс находился в тесном контакте с руководителями восстания в американских колониях; по мере того как борьба по поводу налогообложения все обострялась, он превращался в главного выразителя интересов колоний как внутри, так и вне парламента. Очень большая группа купцов, в особенности тех, которые вели торговлю с Америкой и имели там даже компаньонов, в этот период находилась в резкой оппозиции к политике британского правительства. Когда началась война, многие из более богатых сторонников Уилкса покинули его с целью получить правительственные подряды, многие политически неразвитые рабочие были захвачены неизбежной всеобщей лихорадкой; несмотря на все это, Уилкс продолжал и даже усилил свою борьбу за дело, ставшее уже непопулярным. С 1779 г. военный энтузиазм начал уменьшаться, и тогда многим начало казаться, что Уилкс снова может приобрести большой вес в политике.

Однако в 1780 г. его активная деятельность закончилась бунтами Гордона под лозунгом «долой папистов». Эти бунты населения лондонских трущоб были подобны извержению вулкана; они были направлены против дела, за которое всегда боролся Уилкс, и в то же время они в большой мере явились следствием его прежней агитации. В качестве члена городского управления Уилкс помогал подавить мятеж и, таким образом, порвал связь с массами Лондона. Его деятельность потеряла опору и больше не была непосредственно связана с рабочим движением следу-

ющего десятилетия¹; она также не была связана с «левой» группой аристократических вигов, руководимых Чарльзом Джемсом Фоксом. Тем не менее деятельность Уилкса может быть понята, если ее рассматривать как одно из первых движений волны, вскоре захлестнувшей всю Европу.

В Ирландии отклик на американскую революцию был значительно сильнее, чем в Англии. В 1778 г. была создана армия, состоявшая из 80 тыс. волонтеров,—для того, будто бы, чтобы защитить Ирландию от вторжения. Подавляющее большинство волонтеров считало себя скорее армией национального освобождения, и вполне вероятно, что в тот период, когда все силы Англии были скованы в другом месте, Ирландия могла бы обеспечить себе полную независимость. Но аристократические и буржуазные лидеры волонтеров, используя их, чтобы получить свободу торговли и законодательную самостоятельность продажного и олигархического дублинского парламента, разоружили и предали их. Вульф Тоун несколькими годами позже с горечью заявил, что «революция 1782 г. была революцией, которая давала возможность ирландцам продать их честь, неприкосновенность и интересы их страны за гораздо более высокую цену. Эта революция немедленно выдвинула на передний план тех, кто занимался спекуляцией парламентскими местами, и в то же время оставила три четверти наших соотечественников такими же рабами, какими они были и раньше; управление же Ирландией она сохранила в грязных руках безнравственных и заслуживающих презрения людей, которые всю свою жизнь были заняты ее принижением и грабежом... Власть осталась в руках наших врагов».

Что касается самой Америки, то «Акт о гербовом сборе» послужил только началом десятилетнего спора, закончившегося наложением американцами запрета на английские товары, попыткой обеспечить себе право ввоза силой, «Бостонским чаепитием», закрытием бостонского порта в качестве репрессалии и началом враждебных действий у Банкерс Хилла в 1775 г. В первые годы войны англичане добились ряда успехов. У колонистов были те же недостатки в области дисциплины и организации, какие поставили в невыгодное положение и пуритан XVII в.; кроме того, эти недостатки еще усиливались соперничеством и разногласиями между отдельными штатами. Подобно пуританам, колонисты вынуждены были создавать оружие борьбы уже в самом ходе войны. В этом им помогали жестокие репрессии, применяемые британскими вооруженными силами, состоявшими главным образом из немецких наемных солдат, которым помогали индейцы. В октябре 1777 г. американцы одержали свою первую крупную

¹ Но Хорн Тук, который был в свое время связан с Уилксом, позже стал руководителем «Корреспондентского общества» (см. стр. 292).

победу, когда генерал Бергойн и 5 тыс. солдат регулярной армии принуждены были сдаться у Саратоги. Эта победа втянула Францию, Испанию, а позже и Голландию в войну против Англии. Англии же, главным образом из-за того, что Пруссия была предана во время заключения Парижского мира¹, впервые пришлось сражаться без европейского союзника. Балтийские страны, от которых флот Англии со времени восстания в Америке зависел более чем когда-либо в отношении поставок строевого леса, смолы и пеньки, заключили договор о вооруженном нейтралитете, направленный против Англии.

Впервые в течение XVIII в. британский флот потерял свое превосходство на море, и французская блокада в большой мере способствовала сдаче Йорктауна британским командующим в Америке Корнуэлсом в 1781 г. Британское превосходство в Индии находилось под сильной угрозой, и только в связи с некоторыми достигнутыми там успехами и в связи с победой на море, одержанной Родни в Вест-Индии, англичанам удалось окончить войну на более или менее благоприятных условиях в 1783 г.: была признана независимость Америки; Флорида и Минорка были переданы Испании.

Победа американской революции нанесла сокрушительный удар по всей продажной олигархической системе управления XVIII в., включая продажный парламент, и сопровождалась немедленной и резкой реакцией на нее внутри страны. Непосредственным результатом этого явилось возвращение вигов к власти на непродолжительный период времени, в течение которого они пытались взять под контроль политическую деятельность короля и даже пресечь возможности подкупа парламента.

Однако среди вигов произошел раскол, вызванный конфликтом между Уильямом Питтом младшим, сыном Чатама, защитником интересов Ост-Индской компании, и Фоксом и Шелберном, опиравшимися на промышленников. Обе группы заигрывали с Георгом III и его министрами лордом Нортотом и Терлоу, причем Питту, воспользовавшемуся для подкупов ресурсами Ост-Индской компании, удалось одержать верх над его противниками. Фокс и Норт создали коалицию, которая внесла проект закона об установлении парламентского контроля над деятельностью компаний. Но этот проект был отвергнут из-за оппозиции Питта, создавшего коалицию с Терлоу, поддержанную Георгом III.

В 1783 г. Питт, которому скоро предстояло стать лидером реорганизованной партии тори, стал премьер-министром. Он упрочил свое положение на выборах в 1784 г., где он одержал победу, прибегнув для этого к средствам, даже тогда считавшимся исключительно бесчестными. Несмотря на это, он все же счел

¹ См. стр. 260.

возможным выступить в роли реформатора и врага коррупции. Однако коррупция стала слишком мощным фактором и делала невозможным осуществление каких-либо изменений до тех пор, пока сохранялась существовавшая тогда расстановка классовых сил. В ближайшие же годы начало французской революции превратило большинство критиков в поборников британской конституции—ее начали называть «богоданной» и считали ее «настоящим шедевром».

Любая попытка внести малейшие изменения в этот «шедевр» клеймилась как якобинство. В результате этого в парламенте уменьшилось количество сторонников реформы; только очень небольшая группа вигов, достаточно влиятельная для того, чтобы пренебречь всякими обвинениями, продолжала на ней настаивать. Но это привело также и к тому, что рабочие массы начали проявлять страстный интерес к парламентской реформе.

5. Война и промышленность

Вся сущность истории периода от 1688 г. до середины XVIII в. может быть выражена в двух словах: накопление капитала. Мы уже видели в предыдущих разделах этой главы некоторые пути, какими шло это накопление. Во-первых, оно осуществлялось посредством роста государственного долга, а следовательно, и роста налогового обложения, причем крупный капитал концентрировался в руках небольшого количества людей, способных предоставить государству средства для ведения войны. Во-вторых, накопление капитала происходило в связи с быстрым развитием торговли, базирующейся прежде всего на монопольном господстве в колониальной империи. И, в-третьих, оно являлось результатом открытого ограбления Индии. В следующей главе будет описан еще один источник накопления капитала, а именно—окончательное уничтожение класса йоменов и переход сельского хозяйства полностью на капиталистический путь.

Если смотреть только на поверхность явлений, то может показаться, что тогда не происходило никаких разительных перемен. Общество было довольно стабильным, не наблюдалось резко выраженных изменений в отношениях между разными классами, не было признаков и было мало признаков открытого недовольства среди широких масс. Это был век безоговорочного признания авторитета установленных властей, век господства сквайра и священника в деревне, век, в котором эlegantность ценилась больше, чем воображение, и в котором слово «энтузиазм», под которым подразумевалось «фанатизм», всегда произносилось пренебрежительно. Но если смотреть глубже, то мы увидим, что в Сити текли реки золота, год от года уровень этих рек поднимался, и наконец река вышла из берегов, превратившись, как бы по мановению

волшебного жезла, в фабрики, шахты и литейные заводы. Эта река затопила половину Англии и похоронила навсегда старую жизнь и старые обычаи. Люди дали ей имя «промышленная революция». Этой революции будет посвящена следующая глава.

В действительности, однако, революция не совершилась так внезапно и так драматично, как можно себе представить на основании данного выше описания. Этим описанием я пытался только разъяснить, что здесь налицо имелся поразительно яркий пример перехода количественного изменения—войны стали стоить *более* дорого, эксплуатация колоний стала *более* выгодной, капиталисты стали *более* богаты—в качественное изменение: превращение страны, в основном *сельскохозяйственной*, в страну, в основном *индустриальную*, из страны с преобладающим торговым капиталом в страну с преобладающим промышленным капиталом, из страны с несколькими завуалированными классовыми конфликтами в страну, разделенную на классы, резко и неизбежно антагонистические друг другу.

Все большее накопление капитала сопровождалось увеличивающимися возможностями выгодного его использования. Войны XVIII в. почти все сопровождались захватом новых колоний: в ранее приобретенных колониях росло богатство и увеличивалось население. В американских колониях насчитывалось около 200 тыс. жителей в 1700 г. и от одного до двух миллионов—через 50 лет. От 1734 до 1773 г. белое население британской Вест-Индии возросло с 36 тыс. до 58 тыс.; количество рабов возросло по меньшей мере в том же отношении. Вест-Индия была фактически наиболее выгодным из всех британских владений. В 1790 г. в нее было вложено, как показывают подсчеты, 70 млн. ф. ст. против 18 млн. ф. ст. на Дальнем Востоке, и торговля Вест-Индии с Англией почти вдвое превышала импорт и экспорт Ост-Индской компании. Богатейшие плантаторы Вест-Индии в отличие от жителей американских колоний, представляли собой неотъемлемую часть английской буржуазии; этим и объясняется тот факт, что американская революция не нашла у них отклика.

Такое непрерывное увеличение колониального богатства и торговли обеспечивало все расширяющийся рынок для британских товаров, который уже не мог быть насыщен домашней промышленностью из-за ее малой развитости и ручных методов производства. Крупные же и затяжные войны XVIII в., которые велись регулярными армиями, не только приводили к непрерывному спросу на британские товары, но вызывали спрос на специальные, стандартизованные товары.

Солдаты теперь были одеты в одинаковую военную форму, и армия нуждалась в тысячах ярдов материи определенного цвета и сорта; она нуждалась также в сапогах и пуговицах, в ружьях с пулями одинакового калибра и в стандартных штыках, которые

можно было привинтить к этим ружьям. Помимо своих армий, Англия должна была накормить, одеть и экипировать также и многие армии своих союзников, боеспособность которых равным образом зависела от британской материальной помощи и ее промышленности.

Именно этот все возрастающий спрос на стандартизованные товары, а не гений того или иного изобретателя, явился основной причиной промышленной революции. Теоретически рассуждая, технические изобретения Уатта, Аркрайта или Робека могли быть сделаны в любое время, хотя, несомненно, они зависели от технических усовершенствований, сделанных непосредственно предшествующими поколениями. В действительности же они были сделаны в конце XVIII в. именно потому, что условия того периода заставляли людей искать разрешения проблемы массового производства товаров, и потому также, что накопление капитала достигло уровня, при котором стало возможным полностью использовать методы массового производства.

Для всех, кто располагал капиталом или кредитом, войны этой эпохи представляли широчайшие возможности получения права поставок на армию; одинаково прибыльными были также предоставление займов и кредита союзным державам. Как почти и все остальное в XVIII в., поставки на армию являлись предметом широкой спекуляции; банкиры же и поставщики составляли неотъемлемую и не слишком почтенную группу во всех парламентах этого века. Происходило непрерывное смешение земельной аристократии с классом банкиров и купцов. Каждое поколение десятки магнатов из Сити приобретали титулы и покупали земельные участки, особенно во внутренних графствах. Очень часто их отпрыски трудно было отличить от семей, разбогатевших еще в XVII в. или даже в XVI в. Помимо непрерывного возрастания прибыли, получавшейся с капитала, вложенного в землю, владение землей придавало тот вес в обществе, которого нельзя было добиться никаким другим путем. В то же время землевладельцы начали вкладывать свои барыши в промышленность и коммерческие предприятия, младшие же сыновья аристократических семей все еще часто занимались торговлей.

Таковы были общие условия, которые привели в Англии к промышленной революции. Во Франции тот же ряд событий, при других обстоятельствах, привел к совершенно другим результатам. Начиная с войны за испанское наследство и в дальнейший период Франция все время оказывалась в проигрыше. Даже ее победа во время американской войны не принесла ей барышей, достаточных для того, чтобы окупить стоимость войны. Одну за другой Франция теряла свои колонии. Содержание же сложных и дорогостоящих бюрократических и военных организаций французского государства могло оправдать себя только при том условии,

если бы Франция оставалась крупной колониальной державой. Без колоний положение государства становилось шатким; Франция все время находилась на краю банкротства.

Наряду с этим французская буржуазия извлекала пользу, хотя и в меньшей степени, чем ее английские конкуренты, из общего расширения торговли, явившегося результатом того, что Европа могла теперь эксплуатировать весь мир. Французская буржуазия получала барыши, которые даже проигранная война приносит этому классу. В результате возник все более крепнущий и честолюбивый капиталистический класс, выступивший против дискредитированной и обанкротившейся автократии, опутанной пережитками времен феодализма. Ниже французской буржуазии на иерархической лестнице стояли переобремененные налогами и эксплуатируемые крестьяне и ремесленники; последние, во всяком случае, считали своими главными угнетателями аристократических сторонников монархии.

Короче говоря, та же цепь событий, отличающаяся только тем, как они происходили, и сферой их действия, привела как к революции во Франции, так и к промышленной революции в Англии, создала новый мир капитализма.

Глава XI

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Сельское хозяйство

В XVIII в. Англия была преимущественно сельскохозяйственной страной, и только изменения, происшедшие в то время в технике и организации сельского хозяйства, а также классовые сдвиги в деревне создали условия, без которых промышленная революция была бы невозможной. Поэтому описание этой революции необходимо начать с ряда событий, завершивших длительный процесс превращения натурального сельского хозяйства в капиталистическое. Эти события начались до Промышленной революции и продолжались в течение всего ее хода.

С 1685 г. за вывозимую пшеницу выплачивалась правительственная премия в 5 шиллингов за квартал¹, когда цена не превышала 48 шиллингов, то есть всегда, за исключением голодных лет. Последние семь лет XVII в. были дождливыми, и цены намного превысили установленную сумму в 48 шиллингов; но с 1700 до 1765 г. цены снизились и несколько стабилизировались, держась примерно на уровне 35 шиллингов, почти не повышаясь намного более 40 шиллингов и почти не спускаясь ниже 30 шиллингов. Экспорт был значителен, и размеры его все увеличивались:

в 1697—1705 гг.	экспорт равнялся	1160 тыс.	квартеров
» 1706—1725 гг.	»	5480	»
» 1726—1745 гг.	»	7080	»
» 1746—1765 гг.	»	9515	»

Устойчивый внешний рынок, значительный экспорт солода и ячменя, а также и снабжение Лондона обеспечили сельскому хозяйству постоянный стимул для усовершенствования техники. Теперь, когда у фермера был устойчивый рынок, ему больше не приходилось «ожидать изобилия». Результаты этого были особенно ощутимы в восточных и юго-восточных графствах, здесь методы ведения сельского хозяйства сильно отличались от методов, применявшихся на еще не огороженных пахотных землях во-

сточной части центральных графств, где сбыт сильно затруднялся ввиду отсутствия каких-либо удобных средств сухопутного транспорта. Только позже, когда были построены каналы и появился новый рынок сбыта в связи с индустриализацией соседних районов — Йоркшира, Черной Англии и Ланкашира, — огороживания получили большое распространение и в центральных графствах.

Хотя в XVII в. и наблюдался некоторый прогресс в сельском хозяйстве, все же он стал более быстрым только после революции 1688 г. Революция, гарантировавшая устойчивый и все расширявшийся рынок сбыта, сблизила Англию с гораздо более передовой техникой Голландии; посадка брюквы, травосеяние (например, клевера), считавшиеся в течение целого столетия диковинками, начали применяться теперь очень широко. Введение новых культур сопровождалось отказом от старой системы трехпольного хозяйства и переходом к плодопеременному хозяйству; если до этого времени снимали два года подряд урожай зерна и затем землю оставляли под паром, теперь начали применяться более научные методы, при которых ввели четырехгодичный севооборот и засевалось зерно, корнеплоды и трава. Для увеличения новых урожаев землю начали более глубоко вспахивать и мотыжить, разрыхление почвы проводилось более тщательно и земля очищалась от сорняков.

Не менее разительные перемены произошли в области разведения овец и рогатого скота; до этого времени овцы преимущественно ценились только за получаемую с них шерсть, а рогатый скот использовался в основном как тягловая сила. Применение научных методов разведения скота было невозможно до тех пор, пока каждую осень из-за недостатка корма резали большую его часть, а оставшийся скот голодал в течение всей зимы. Теперь научились кормить скот всю зиму без ущерба для урожая; овцеводство, ранее конкурировавшее с земледелием, стало теперь ценной дополнительной статьей дохода в хозяйстве, основой которого было хлебопашество. Рогатый скот уже не пасся без присмотра на земле, находящейся под паром, а содержался в стойлах, где давали корм. Средний вес продаваемых в 1710 г. в Смитфилде овец был 12 кг и рогатого скота 167 кг, в 1795 г. он уже соответственно равнялся 36 и 360 кг.

Применение новых методов скотоводства повысило также и урожай зерна. Впервые стало возможным получать большое количество удобрения как от систематической выпаски овец на участках, засеянных травой или засаженных корнеплодами, так и от рогатого скота и свиней, откармливаемых на фермах. Таким образом, каждое усовершенствование одной какой-нибудь области сельского хозяйства давало возможность усовершенствовать также и другие области. В этот период в связи с увеличением населения увеличился спрос на мясо. Кроме того, быки

¹ Квартал—2,9 гектолитра.—Прим. ред.

оказались непригодными для глубокой вспашки, которую начали тогда вводить. Поэтому на полевых работах их постепенно заменили лошадьми. Усовершенствование сельскохозяйственных орудий и машин шло в ногу с прогрессом в других областях. К началу XIX в. начал повсеместно применяться целиком железный плуг; уже в 1730 г. Талл проводил опыты с рядовой сеялкой, и уже в восьмидесятых годах она начала принимать форму, несколько сходную с современной.

Всем этим нововведениям присуща была одна общая характеристика: они могли быть осуществлены только при помощи вложения в них крупного капитала. Они были совершенно недоступны для примитивных неогороженных хозяйств, занимавших более половины страны, а также и для мелких фермерских хозяйств, пришедших им на смену в некоторых районах. Пионерами введения новых методов были состоятельные люди, главным образом богатые землевладельцы, занимавшиеся сельским хозяйством в крупных поместьях, люди, подобные Джетро Таллу, лорду Таунсенду, Кок-Холкему и Бейквеллу, которые первыми улучшили методы разведения овец. Вследствие этого техническая революция привела к социальной революции, изменившей всю структуру сельской Англии и способствовавшей дальнейшему прогрессу в технике.

Огороживания в более ранний период проводились с целью превращения пахотной земли в пастбища для овец¹. Огороживания же в XVIII в. превратили совместно обрабатываемые открытые поля в крупные фермы, на которых зерновое и скотоводческое хозяйства можно было успешно вести новым и более научным способом. Кроме того, было огорожено большое количество не обрабатывавшейся тогда земли, используемой деревенскими жителями на основании давних, узаконенных обычаев прав подпастбища, для вырубки леса и добывания торфа. Также было огорожено много пустошей.

В других районах Англии мелкие фермеры-арендаторы постепенно сгонялись с земли или разорялись арендной платой, в четыре, пять и даже в десять раз превышавшей обычную. Эту возросшую арендную плату можно было бы платить с их земли, если бы применялись новые методы ведения хозяйства, но от этого ничуть не легче было людям, чьи фермы и капитал были слишком малы для применения этих новых методов. Многие мелкие фригольдеры также были вынуждены продать свои земли из-за невозможности конкурировать с более усовершенствованными методами ведения хозяйства, применявшимися их более богатыми соседями. Высокие земельные налоги, особенно после 1688 г., побудили лендлордов сдавать в аренду свои поместья тем арендаторам, которые обрабатывали от 80 га земли и больше и сами

¹ См. главу VI, раздел 3.

производили требуемый ремонт. Это привело к общему укрупнению участков и к вытеснению арендаторов мелких ферм.

В этот период значительно уменьшилось число ферм с количеством земли меньше 40 га и возросло число ферм с количеством земли 120 га. Подсчитано, что от 1740 до 1788 г. число самостоятельных ферм снизилось больше чем на 40 тыс. Процесс этот начался задолго до 1740 г. и продолжался после 1788 г., причем он все более убыстрялся. Большое количество актов об огораживаниях, проведенных через парламент, может в общем служить показателем хода этого движения; нужно только иметь в виду, что в начале столетия много земли было огорожено без специальных на это актов. С 1717 по 1727 г. было 15 таких актов, с 1728 по 1760 г. их было 226; с 1761 по 1796 г. — 1482, а с 1797 по 1820 г. — в период наполеоновских войн — число их равнялось 1727. По этим актам всего было огорожено больше 1,6 млн. га.

Огороживания начались в Норфолке и Эссексе, а во второй половине XVIII в. очень большое количество земли было огорожено также и в центральных графствах Англии. Приблизительно с 1760 г. положение изменилось. Рост населения превратил Англию из экспортирующей страны в импортирующую в то время, когда лишь немногие страны располагали большими излишками зерна. Цены быстро возросли и начали сильно колебаться. В период от 1764 до 1850 г. цена на пшеницу только четыре раза спускалась ниже 40 шиллингов за квартал, а в течение ряда лет, особенно в период 1800 — 1813 гг., она превышала 100 шиллингов. В то время как в XVIII в. можно было получать большие барыши, теперь уже стало возможным наживать крупные состояния; правда, можно было также и терять их. Когда вследствие войны прекратились поставки зерна из Европы, началось еще большее колебание цен; земледелие превратилось в своего рода игру, причем только лица, обладавшие большими состояниями, могли надеяться на выигрыш. Это привело к тому, что капиталисты начали скупать землю, а положение мелких фермеров значительно ухудшилось.

Актов об огораживаниях можно было добиться, если $\frac{4}{5}$ общего числа всех владельцев и владельцы $\frac{4}{5}$ всех земель прихода, где предстояли эти огораживания, высказывались за них. Там, где, как это часто случалось, большинство жителей прихода состояло из арендаторов одного или двух крупных землевладельцев, согласие на огораживания легко было получить; помимо этого в тот период широко практиковался грубый нажим и подкупы. Применение силы и обмана было не менее характерно при проведении огораживаний в XVIII в., чем при огораживаниях во времена Мора.

После проведения акта об огораживаниях земля перераспределялась между ее держателями. Даже когда такое перераспре-

деление проводилось добросовестно, оно обычно сопровождалось для многих значительными лишениями. Держатели по воле лорда могли, что часто и имело место, потерять землю, обрабатывавшуюся их семьями на протяжении многих поколений. Копигольдеров и лизгольдеров часто убеждали продавать свои земли. Они на это соглашались, потому что им было трудно доставать довольно крупные суммы денег, требуемые для оплаты расходов по огораживанию и для оплаты стоимости изгородей для их новых ферм. Страдали даже и фригольдеры. Результатом огораживаний явилась большая концентрация землевладения и землепользования. Французские историки Ренар и Вёлерс дают следующее описание этого процесса:

«Как только парламент утверждал акт об огораживании, комиссия, которой были присвоены большие права, приступала к перераспределению земли. Комиссия эта находилась под таким большим влиянием богатых землевладельцев, что, по существу, перераспределение сводилось к конфискации. Участки, отводимые мелким владельцам, представляли собой обычно гораздо меньшую ценность, чем отобранные у них».

Денежные суммы, получаемые при условиях, по существу представлявших собой вынужденную продажу, были очень малы; фермеры, даже если бы и умели, не могли их выгодно ни к чему применить. Только немногие из них, в частности в Ланкашире и Йоркшире, стали преуспевающими промышленниками, огромное же большинство быстро растратило свои деньги и превратилось в промышленный и сельскохозяйственный пролетариат.

Права третьей группы — коттеджеров — еще более безжалостно нарушались. Только немногие сумели добиться узаконения их установленных обычаем прав на деревенский общий выгон, и только единицы получили соответствующее вознаграждение за потерю этих прав. Ранее весь этот класс зарабатывал себе на существование тем, что одновременно занимался домашней промышленностью, содержал какой-либо мелкий скот или домашнюю птицу и нанимался на постоянную или временную работу. Когда начался период огораживаний, он мог себе заработать на жизнь уже только работой по найму, так как это был одновременно период разрушения домашней промышленности конкуренцией новых фабрик. В работе лорда Эрнла «Английское сельское хозяйство в прошлом и настоящем» почти три страницы отведены списку уничтоженных в этот период отраслей местной и домашней промышленности.

Приблизительно с середины XVIII в. прогресс в сельскохозяйственной технике дал возможность начать сокращать расходы на оплату труда. Заработная плата сельского пролетариата быстро понижалась в связи с падением цен; во многих районах жилища безземельных крестьян либо разрушались совсем, либо жизнь в них делала невыносимой; это привело как

к уменьшению деревенского населения, так и к снижению его уровня жизни в большей части Англии. Последние десятилетия этого века отмечены не только общим приростом населения, но также и заметным перемещением его из одной части страны в другую. Мы не располагаем достаточно точными сведениями, но можем все же предположительно сказать, что увеличение населения было меньше, а перемещение его значительнее, чем в свое время предполагалось.

Результатом революции в сельском хозяйстве были три факта, значение которых далеко вышло за пределы самого сельского хозяйства.

Во-первых, производительность земли увеличилась и стало возможным прокормить большое промышленное население в новых городах.

Во-вторых, создалась резервная армия пролетариев, полностью «освобожденных» от всякой связи с землей, людей, не привязанных ни к месту, ни к собственности. Возник отряд свободных рабочих, соответствующих свободному капиталу, накопление которого описано в предыдущей главе. Именно это одновременное появление такого труда и такого капитала в период, когда, наконец, стало возможным организовать массовый выпуск товаров, легло в основу промышленной революции.

В-третьих, сильно возрос внутренний рынок сбыта для промышленных товаров. Фермер периода натурального сельского хозяйства, со своей домашней промышленностью и оторванностью от внешнего мира, мог потреблять очень много и, однако, покупать очень мало. Пролетарию же, в которого он теперь превратился, обычно приходилось потреблять намного меньше, но все, что он потреблял, он должен был покупать. А создать крупную экспортную промышленность можно было только на твердой базе крупного внутреннего рынка.

2. Топливо, железо и транспорт

В начале XVIII в. в Англии стал резко ощущаться недостаток топлива. За сто лет перед этим нехватка топлива привела к такому увеличению добычи каменного угля, что Лондон, а наряду с ним также и другие города — правда, в меньшей степени — пользовались для своих нужд в основном только им. Кроме того, каменный уголь являлся топливной базой целого ряда новых промышленных предприятий. Несмотря на это, лесные массивы Англии быстро исчезали. В течение целого ряда столетий большие леса подвергались уничтожению: деревья вырубались, а земля распахивалась. Новые леса почти не насаждались. Все труднее становилось доставать лес для домашних нужд, и он сильно вздорожал, металлургическая промышленность находилась под угрозой уничтожения.

В тот период вся выплавка осуществлялась при помощи древесного угля, причем применявшиеся методы были настолько примитивны, что для выплавки одной тонны железа требовалось много тонн дров. Сначала леса были уничтожены в Суссексе. Затем начали исчезать лесные массивы в местах, куда передвинулась промышленность, в Шропшире и в Форест-оф-Дин. Скоро были вырублены леса в Ирландии¹. Неоднократно делались энергичные попытки организовать в широких масштабах выплавку железа в Новой Англии, но здесь развитию промышленности помешали Навигационные акты. В самой Англии выплавка железа с каждым годом уменьшалась, и страна все больше начинала зависеть от поставок железа из Швеции и России.

Тем временем начали пытаться применять для выплавки железной руды каменный уголь. Уже в самом начале средних веков он использовался для домашних нужд и в ряде отраслей промышленности. Он добывался в большом количестве около Ньюкасла, в Шотландии и в ряде других мест, где его пласты залегали близко к поверхности и отсюда его легко было транспортировать по воде. Большие количества этого Тайнсайдского «морского угля» отправлялись в Лондон.

Попытки использовать каменный уголь для выплавки железа делались еще даже до гражданской войны. Но только в середине XVIII в., когда положение с топливом сделалось действительно катастрофическим, в промышленности для выплавки был применен каменный уголь. Дарби из Колброкдейла и Робек, основавший свой знаменитый завод в Карроне в 1760 г., ввели ряд усовершенствований, показавших, что для выплавки железа не только выгодно использовать кокс, но что при наличии дутья, достаточно мощного для того, чтобы удалить серу и другие примеси, кокс является гораздо более экономным и эффективным видом топлива, чем каменный уголь. В 1765 г. центром угольной промышленности стал Мертир, и с этого времени число доменных печей, так же как и их размеры, ежегодно увеличивалось. Выпуск чугуна, доходивший в 1740 г. только до 17 350 *t*, увеличился до 68 300 *t* в 1788 г. и до 125 079 *t* в 1796 г.

Без каменного угля не могла быть создана современная научная металлургия, являющаяся техническим ключом к широкому развитию промышленности. Без металлургии оказалось бы невозможным создавать сложной конструкции машины, необходимые как в текстильной, так и в других отраслях промышленности; также нельзя было бы создавать паровые двигатели, достаточно мощные для того, чтобы служить источником получения энергии для промышленности. Вскоре железо начали использовать в самых разнообразных областях: в 1779 г. был построен первый

железный мост через Северн, а в 1790 г. был построен первый корабль из железа. Выплавка более высококачественных сортов железа и уменьшение примесей в нем дали возможность изготавливать более усовершенствованные инструменты. Во второй половине столетия был изобретен токарный станок с суппортом, а также и строгальный станок, в связи с чем механик получил возможность обрабатывать детали с точностью до малых долей дюйма. Без этого технического прогресса нельзя было бы изготавливать сложные машины, столь необходимые на крупных производствах, и именно благодаря ему оказалось возможным ввести взаимозаменяемость частей, которая стала характерной чертой подлинно массового производства полвека спустя. Тем не менее британское инженерное дело, возможно потому, что оно развилось первым, отличалось узким практицизмом и в области стандартизации и методов массового производства всегда отставало от инженерного дела США.

Металлообрабатывающая промышленность Англии, за исключением более мелких ее отраслей, таких, например, как изготовление гвоздей, никогда не ориентировалась на внутренний рынок. Владельцы железоделательных заводов Суссекса и Мидленда были состоятельными людьми и вкладывали в свои предприятия большие капиталы; это давало возможность промышленности быстро развиваться без значительных изменений ее структуры. К концу века Англия уже была крупной экспортирующей страной и даже начала ввозить высококачественную руду из Швеции и Испании с тем, чтобы плавить ее, используя для этого добытый у себя уголь. Именно по этой причине промышленность так широко развилась, например, в приморской части Южного Уэльса.

Угольная промышленность также быстро развивалась. В Южном Уэльсе, Шотландии, Ланкашире и Йоркшире началась разработка новых угольных копей; угледобыча возросла с 2600 тыс. *t* в 1700 г. до 7600 тыс. *t* в 1790 г. и превысила 10 млн. *t* в 1795 г. Многие пары и землевладельцы являлись одновременно также владельцами шахт. Герцог Бриджуотер, например, заслуживший известность строительством каналов, приобрел также дурную славу тем, что ввел систему оплаты труда товарами; при помощи этой системы он присваивал большую часть заработной платы шахтеров Уэрсли. Семейства Лонсдейл и Лондондерри сохранили привычку XVIII века смотреть на своих шахтеров как на крепостных.

Однако у леса по сравнению с углем было одно серьезное преимущество: он был довольно равномерно распространен по всей стране, а залежи угля концентрировались лишь в нескольких графствах. Этот неблагоприятный момент лишь только частично компенсировался тем фактом, что в ряде мест, таких как Южный Уэльс и центральные графства, залежи угля и железа находились рядом друг с другом. Следовательно, уголь не мог служить

¹ См. стр. 220.

эффективной заменой леса до тех пор, пока средства сообщения внутри страны находились в таком же примитивном состоянии, в каком они были в начале XVIII в. Таким образом, наличие угольной промышленности и начало развития тяжелой промышленности послужили стимулом к улучшению транспорта и прежде всего к строительству каналов.

В 1700 г. было лишь небольшое количество дорог, пригодных для туземного транспорта во всякое время года. Легкие товары обычно перевозились во вьюках; перевозить таким же образом тяжелые, громоздкие предметы было невозможно, так как это стоило бы слишком дорого. Перевозка угля из Манчестера в Ливерпуль стоила 40 шиллингов за тонну. Даже после того, как между некоторыми важными центрами были проложены более усовершенствованные дороги, стоимость транспорта все же оставалась высокой.

Герцог Бриджуотер в 1759 г. поручил Бриндли прорыть канал в 17,6 км длиной между его копями в Уэрсли и Манчестером. Эта идея оказалась настолько удачной, что по окончании строительства канала цены на уголь в Манчестере упали ровно наполовину. Двумя годами позже канал удлинили до Ранкорна, благодаря чему Манчестер получил выход к морю. Затем его соединили с рекой Трент и районом гончарного производства. Этим обеспечивался водный транспорт для гончарных мастерских, нуждавшихся в тяжелых материалах, таких, например, как глина из Девона и Корнуэлла или кремнь из Восточной Англии, и одновременно обеспечивался также вывоз их изделий, которые были слишком громоздки и слишком хрупки для того, чтобы их можно было легко перевозить по имевшимся тогда дорогам. Когда было закончено строительство Большого соединительного канала, транспорт стал в четыре раза дешевле; в связи с этим гончарная промышленность очень развилась, а в Чeshire также значительно увеличилась разработки залежей соли.

Вскоре вся страна была охвачена лихорадкой строительства каналов и покрылась сетью водных путей; это очень походило на железнодорожную лихорадку XIX в.

На протяжении только четырех лет (1790—1794) было проведено через парламент не менее восьмидесяти одного акта о строительстве каналов. Вся внутренняя часть Англии, вынужденная до того времени сама потреблять и производить большую часть требовавшихся ей предметов первой необходимости, теперь могла вести торговлю. Пшеница, уголь, гончарные и железные изделия из центральных графств быстро нашли путь к морю; была, в частности, облегчена доставка угля в любую часть страны. Несмотря даже на то, что в конце XVIII и в начале XIX в. повсеместно были улучшены дороги, каналы все же оставались главным средством перевозки тяжелых и нескоропортящихся грузов,

пока через 40—50 лет их не разрушили намеренно железнодорожные компании.

В тот период дороги приводились в порядок несистематически, на ремонт иногда посылали принудительно жителей тех деревень, через которые они проходили, работу кое-как организовывали приходские надзиратели. В этих условиях состояние дорог, естественно, почти не улучшалось. В самом начале XVIII в. эта система была дополнена созданием на главных дорогах застав: содержание дорог начали оплачивать лица, пользующиеся ими. После восстания якобитов в 1745 г. было построено несколько дорог специально для военных нужд, но дорожное строительство шло все еще очень неравномерно. В тех местах, где взимание денег на заставах было организовано умело, дорога обычно бывала хорошей. Несколькими милями дальше, если на заставе жульничали и относились к своей работе спустя рукава, что было довольно обычным явлением в тот период, дорога, соответственно, бывала плохой. Дальше могло вообще не быть никаких застав, работы на дороге могли попрежнему выполняться прихожанами; такая дорога часто была почти непроходимой. Дороги, соединявшие более мелкие населенные пункты, и проселочные дороги вообще почти не улучшались со средних веков.

Только в начале XIX века, века почтовой кареты и научного дорожного строительства, начатого Макэдамом, дороги повсеместно начали улучшаться. Вскоре развитию дорог, так же как и развитию каналов, воспрепятствовало появление железнодорожного транспорта, и дорожное строительство возобновилось, только когда начал широко использоваться автомобиль.

Как ни плохи были с нашей точки зрения дороги в период около 1800 г., они все же были значительно улучшены в течение предыдущего столетия. Хотя большая часть грузов продолжала перевозиться по каналам, все же быстрота и легкость, с которой теперь можно было поддержать сообщение внутри всей страны и регулярные рейсы почтовых карет, явились стимулом к прогрессу промышленности, так как дали возможность фабрикантам теснее связаться с их рынками.

3. Текстиль. Спинхамлендский эксперимент

Мы уже описали развитие шерстяной промышленности до полукapиталистической стадии XV и XVI вв., когда суконщик являлся фактическим нанимателем ручного ткача¹. Мы видели, что дальнейшее развитие приостановилось в конце XVI в., когда отсутствие машин, ограниченность рынка и недостаточное накопление капитала явились препятствием для роста подлинно фабричной системы и введения методов массового производства. С XVI по XVIII в.

¹ См. главу VI, раздел 1.

промышленность не делала существенных успехов: рост ее продолжался, но структура и организация существенно не изменялись.

Иногда даже проявлялась тенденция к регрессу. В более старых промышленных центрах, таких как Восточная Англия и Уэст-Кайтри, где влияние скупщиков сказывалось наиболее сильно, продолжался застой. Но в западном Райдинге в Йоркшире, где ткачество снова развилось почти целиком на основе домашнего труда, наблюдаются наибольшие успехи. Различие между этими двумя районами хорошо иллюстрируется тем, как там был принят около середины XVIII в. летающий челнок Кея. Этот летающий челнок стоил не настолько дорого, чтобы его не могли покупать самостоятельные ткачи, но когда была сделана попытка ввести его в Восточной Англии, она была встречена чрезвычайно враждебно. Ткачи там объясняли свою враждебность тем, что этот челнок лишает людей работы и что все барыши попадают к скупщикам. В Западном Райдинге же ткачи, работающие на дому, начали пользоваться этим челноком очень охотно, так как он сильно увеличивал их заработок.

Тем не менее, непрерывный рост промышленности, и особенно экспорта, должен был неизбежно со временем привести к определенным результатам. Дж. Масси в 1764 г. писал, что экспорт шерстяных тканей, который при Карле II «не намного превышал ежегодную сумму в 1 млн. ф. ст.», в 1699 г. возрос почти до 3 млн. ф. ст. С этой крупной суммы, при незначительных колебаниях, наш ежегодный экспорт шерстяных тканей постепенно увеличился до полных 4 млн. за последние годы». Западный Райдинг внес свою лепту в это увеличение. Количество кусков «широкой шерстяной ткани», изготавливавшейся там, возросло с 26 671 в 1726 г. до 60 964 в 1750 г.; одновременно длина куска почти удвоилась и с 31,5 м дошла почти до 54 м.

Как ни разителен был прогресс в шерстяной промышленности, все же решающие успехи были сделаны не в ней, а в более новой, более концентрированной и с самого начала более капиталистической хлопчатобумажной промышленности. Ее удалось создать с большими трудностями и после длительной борьбы с крупными фабрикантами шерсти, видевшими в хлопчатобумажной промышленности опасного конкурента. Прекрасные хлопчатобумажные ткани ввозились из Индии и были очень популярны до тех пор, пока в 1700 г. постановлением парламента не был запрещен их ввоз на том основании, что он «неизбежно наносит большой ущерб этому королевству тем, что выкачивает из него средства... и лишает работы людей, превращая этим очень многих работников мануфактур нации в тяжелое бремя и обузу для их приходов». Запрещение ввоза индийских хлопчатобумажных товаров явилось стимулом для производства таких же товаров в самой Англии. Правда, прошло довольно продолжительное время, прежде чем

удалось сделать бумажную пряжу достаточно прочной для того, чтобы из нее можно было изготавливать ткань без льняной или шерстяной основы. Вначале рост новой промышленности задерживался из-за всяческих препятствий, чинимых ей недоброжелательно настроенными фабрикантами шерсти, но дешевизна, легкость и новизна хлопчатобумажных тканей обеспечивали им большой сбыт. И именно потому, что новая промышленность внедрялась искусственно, что она зависела от сырья, импортируемого из-за границы, что ей приходилось бороться с недоброжелателями и преодолевать технические трудности путем приспособления и применения новых методов, она развивалась на капиталистической основе и получила возможность первой выгодно использовать изобретения конца XVIII в.

С самого начала эта промышленность концентрировалась в Ланкашире, так как там имелась необходимая для основы шерсть и был влажный климат, оказавшийся подходящим для изготовления хлопчатобумажной пряжи. Как и всякое другое текстильное производство, хлопчатобумажное производство делится на два резко разграниченных основных вида работы — прядения и тканья. Тканье оплачивалось лучше и было вообще более выгодным. Прядение представляло собой медленный и утомительный процесс, так что всегда было трудно обеспечить ткачей достаточным количеством пряжи для работы. Летающий челнок Кея, вдвое ускорив работу ткача, совершенно нарушил равновесие между этими двумя процессами работы, вызвал систематическую нехватку пряжи и создал настоятельную необходимость введения улучшенных методов ее изготовления.

В 1764 г. блекбернский ткач Харгривс сконструировал свою прялку «джени». Несколько лет спустя Аркрайт изобрел ватермашину, при помощи которой можно было не только ускорить процесс изготовления пряжи, но также и улучшить ее качества настолько, что отпадала необходимость в прибавлении шерсти или льна. Кромптоновская мюль-машина сочетала в себе лучшие качества обеих этих машин. Приблизительно в это же время появилась трепальная машина Уитни. Она упрощала процесс отделения от семян хлопка, годного к обработке, и, таким образом, увеличила поступление сырья, что повело к грандиозному развитию плантационного рабства в хлопковых штатах США.

Установившееся было равновесие между ткачеством и прядением, таким образом, было снова нарушено, причем на этот раз создавался избыток пряжи. С этого времени начался непрерывный технический прогресс, приводивший к все новым усовершенствованиям какого-нибудь одного из видов этих работ; это, в свою очередь, стимулировало прогресс другого вида работы, в результате чего равновесие непрерывно нарушалось. Механический ткацкий станок Картрайта, после того как в течение

десятилетия он усовершенствовался Хорроксом и другими, дал возможность ткачу снова обгонять в работе прядильщика. Другие изобретения того же периода относились к чесанию шерсти и набивке тканей.

В отличие от летающего челнока и прялки «дженни», которые, по существу, являлись только улучшенным видом ручного ткацкого станка и прялки, ватер-машина Аркрайта и появившиеся вслед за ней другие машины нуждались в особой двигательной силе, которой вначале служила вода. Это, естественно, сделало новые машины недоступными для надомных рабочих, немедленно появились фабрики, где работало большое количество сначала прядильщиков, а затем также и ткачей. За свою работу они получали заработную плату, выплачиваемую нанимателями, которым принадлежал не только обрабатываемый материал, но также средства производства и место, где производилась работа.

К 1788 г. существовало 143 фабрики, которые применяли водную энергию. Обилие водной энергии в Ланкашире привело к дальнейшей концентрации там промышленности и населения. В 1785 г. впервые для приведения в движение прядильной машины был применен паровой двигатель. Он быстро вытеснил менее удобную и менее надежную водную энергию. Благодаря открытию там крупных угольных залежей Ланкашир продолжал оставаться и в дальнейшем местом концентрации промышленности, и к концу столетия капиталисты-фабриканты хлопчатобумажных тканей «сходили с ума по фабрикам, применяющим паровую энергию». Когда пар стал источником получения энергии, промышленность перестала зависеть от рек, ранее поставивших нужную ей энергию. Фабрики и даже целые города возникали повсюду, где только были для этого благоприятные условия. Вскоре пар начал использоваться не только в текстильной промышленности: его использовали для откачки воды из шахт, затем он стал главной движущей силой в любой промышленности, нуждавшейся в энергии. Это, в свою очередь, послужило новым толчком к развитию угольной и металлургической промышленности и предъявило новые требования к системе транспорта. Транспорт, для того чтобы справиться с возросшими требованиями, в свою очередь, использовал паровую энергию, вводя в эксплуатацию паровозы и пароходы.

В 1833 г. один очевидец следующим образом охарактеризовал перед фабричной комиссией разнообразный состав людей, нанимавшихся на фабрики: «Многие пришли из сельскохозяйственных районов; многие из Уэльса, а также из Ирландии и Шотландии. Люди бросали свою работу и превращались в прядильщиков, так как их привлекала высокая заработная плата. Я помню, что даже сапожники бросали свое дело и учились прясть, вспоминая портных, а также углекопов, но больше всего было фер-

меров, которые все бросали ради того, чтобы научиться прясть. Ткачи в то время неохотно шли в прядильщики, но зато они посылали на фабрики своих малышей, так как прясть они могли начинать раньше, чем работать на ткацком станке».

Нетрудно разобраться в том, откуда фабрики черпали основную рабочую силу: начал широко применяться детский труд, труд ремесленников, чьи ремесла становились уже ненужными, труд ирландцев, доведенных английским правлением до того, что они умирали с голоду. В основном же на фабриках начал применяться труд нового сельскохозяйственного пролетариата, бежавшего из обширных районов, охваченных нуждой вследствие огораживаний. Условия труда и судьба промышленных рабочих в городах будут описаны в следующей главе.

Приблизительно до 1790 г. машинное производство ограничивалось почти исключительно хлопчатобумажной промышленностью Ланкашира. Поэтому применение машин изменило жизнь только небольшой части населения. Хотя машины и лишили некоторое количество людей работы, гораздо большему числу они ее предоставили. Когда для выработки шерсти начали также использоваться машины, это отразилось уже почти на всех графствах. Поскольку это произошло в разгар огораживаний, когда деревня была уже лишена многих привычных источников дохода, результаты введения машин оказались катастрофическими. Цены возрастали гораздо быстрее, чем заработная плата, как раз в тот период, когда именно от нее впервые начала зависеть возможность существования тысяч людей. Ручные прядильщики и ткачи принуждены были либо совершенно отказаться от своей работы, либо вступить в безнадежную борьбу с машинами. Это вело к невыразимой нищете, ставшей уделом больше чем целого поколения, после чего домашняя промышленность окончательно исчезла.

Совершенно очевидно, что в 1795 г., когда квартал пшеницы стоил 75 шиллингов, а заработок сельскохозяйственного рабочего равнялся примерно 8 шиллингам в неделю, рабочий, да еще вместе с семьей, не мог существовать на этот заработок, если он не пополнялся из какого-нибудь побочного источника. Сами рабочие, бесспорно, придерживались этого мнения и выразили свое возмущение в хлебных бунтах, вспыхнувших почти во всех графствах Англии. Движение носило необычайно организованный характер; грабежей почти не было, чаще всего захватывались склады продуктов, и продукты продавались по пониженным ценам. По существу, эти восстания являлись только плебейским способом установления цен, которые народ считал справедливыми, но тем не менее движение вызвало тревогу.

Власти, не имевшие практической возможности установить твердые цены, должны были пойти по одному из двух путей:

они могли либо возродить устаревшее законодательство XVI в. и установить расценки за работу, беря за основу прожиточный минимум, либо, что было явно более приемлемо с точки зрения нанимателей, они могли выдавать вспомоществование из сумм, собираемых путем самообложения. Это уже применялось в ряде мест еще до знаменитого собрания беркширских членов магистрата, состоявшегося в Спинхамленде 6 мая 1795 г. На этом собрании было принято следующее решение: «каждый бедный и трудолюбивый человек» должен иметь три шиллинга на содержание самого себя и 1 шиллинг 6 пенсов на каждого члена семьи. «Деньги эти должны обеспечиваться либо его личным заработком и заработком членов его семьи, либо он должен получать вспомоществование из средств, поступающих благодаря взиманию налога в пользу бедных», при условии, если каравай хлеба стоил 1 шиллинг. Если цена на хлеб возрастала, вспомоществование рабочему должно было увеличиваться. Эта шкала почти повсеместно применялась, и постановление беркширских членов магистрата стало известным под названием «Спинхамлендский акт», причем широко распространилось мнение, что этот акт имеет силу закона.

Результаты этой системы скоро стали ощутимы, когда налог в пользу бедных (величина которого в середине XVIII в. равнялась примерно 700 тыс. ф. ст., а в 1790 г. около 2 млн. ф. ст.) к 1800 г. дошел уже почти до 4 млн. ф. ст., а позже почти до 7 млн. ф. ст. В период 1810—1834 гг. он спускался ниже 6 млн. ф. ст. только в течение шести лет.

На протяжении XVIII в. закон о бедных базировался на принципе, что вспомоществование должно выдаваться только в приходе, где нуждающийся родился, и нигде более. На практике это означало, что всех неимущих рассматривали как потенциальных нищих и их можно было высылать в то место, где они родились, на одном только основании, что в будущем, возможно, их пришлось бы содержать за счет налогоплательщиков. Эта система, была в духе статической цивилизации XVIII в. и совершенно шла в разрез с массовыми переселениями, характерными для периода промышленной революции. Спинхамлендская система, делавшая нищих обузой для налогоплательщиков, но выгодными для класса нанимателей, нанесла старому закону о бедных смертельный удар.

Около 1720 г. началось широко распространенное движение за создание рабочих домов. Во многих местах это привело к немедленному уменьшению налога вдвое. Случай в Мейдстоне, описанный вместе со многими другими в «Отчете о рабочих домах в Великобритании», опубликованном в 1732 г., достаточно характерен, чтобы можно было не приводить других, аналогичных случаев. Сначала в отчете сообщается о том, что большое количество бедных все еще содержится вне рабочих домов, но несмотря

на это налог уже упал приблизительно с 1000 ф. ст. до 530 ф. ст. Далее в нем говорится: «Преимущество рабочих домов состоит не только в том, что на содержание бедных расходуется менее половины сумм, еженедельно затрачивавшихся на них ранее; оно состоит также и в том, что очень много лентяев, не желая подвергаться ограничениям и трудиться в рабочих домах, предпочитают сбросить маску и своим трудом зарабатывать себе на существование. Очень характерно, что здесь, в Мейдстоне, когда строительство рабочего дома закончилось и было объявлено, что все приходящие за получением еженедельного пособия будут направляться туда, немного более половины числящихся в списках бедных пришло к надзирателям за получением своего вспомоществования. Если бы все бедные нашего города обязаны были жить в рабочем доме, я полагаю, что мы вполне смогли бы содержать их самое большее на триста пятьдесят фунтов стерлингов в год».

Большинство обитателей этих рабочих домов, особенно детей, обучали прядению, ткачеству или еще какому-нибудь ремеслу. Затем этих нищих подмастерьев тысячами отправляли на фабрики Ланкашира, где благодаря своей полной незащитности они представляли собой идеальный человеческий материал для владельцев хлопчатобумажных фабрик. Скандально-плохое обращение с ними в конце концов повело к борьбе за фабричное законодательство.

Даже если беркширские члены магистрата были преисполнены самых благих намерений, хотя очень мало вероятно, что они были такими сентиментальными филантропами, какими их изображают некоторые историки, все же их Спинхамлендский акт, по существу, привел только к оказанию помощи лицам, получающим низкую заработную плату, к массовому обнищанию рабочих и в конце концов в 1834 г., в виде реакции на него, к акту о рабочих домах, прозванных «Бастилией для рабочих»¹. Фермеры и другие наниматели повсюду снижали заработную плату, зная, что она должна быть восполнена из средств, получаемых от самообложения. Во многих районах все рабочее население было доведено до нищенства, и приходские власти гоняли людей с фермы на ферму до тех пор, пока им не удавалось где-нибудь достать хотя бы очень низко оплачиваемую работу. В некоторых приходах их труд продавался с аукциона. Эта система являлась бесспорно наиболее прибыльной для крупных работодателей; им предоставлялась возможность заставить частично оплачивать свои расходы по заработной плате тех налогоплательщиков, которые либо совсем не пользовались наемным трудом, либо пользовались им очень ограниченно.

¹ См. главу XIII, раздел 1.

Эта же система оказалась губительной для мелких фермеров, перед которыми и так уже стояли большие трудности. Те из них, которым удалось сохранить свои фермы после проведения огораживаний, почти не могли воспользоваться доходами, получаемыми их более богатыми соседями в связи с войной. Например, цены на скот и молочные продукты, являвшиеся их основным источником дохода, возросли гораздо менее, чем цены на зерно; кроме того, им еще пришлось платить большие налоги для того, чтобы можно было выдавать вспомоществование низко оплачиваемым рабочим их преуспевающих конкурентов, и это новое бремя разорило многих из них.]

Рост фабрик привел к подобным же результатам в промышленных районах, где заработная плата часто бывала так низка, что рабочему приходилось посылать на работу своих еще совсем маленьких детей. Развитие машин скоро дошло до стадии, когда мужской труд стал почти не нужен, и среди мужчин началась огромная безработица; наряду с этим женский и особенно детский труд стал применяться очень широко и сопровождался жестокой эксплуатацией. Сплошь и рядом родителям отказывали в выдаче пособия, если они не соглашались посылать детей работать на фабриках. Период, в течение которого труд прядильщика оплачивался настолько высоко, что это побуждало людей менять свою профессию, оказалось очень кратковременным.

Страшная нищета, царившая в то время и порожденная переворотом в промышленности и сельском хозяйстве и усугубляемая, кроме того, ростом населения и высокими ценами, еще больше увеличилась в связи с двумя факторами. Во-первых, в 1789—1802 гг. из-за плохих климатических условий почти непрерывно, в течение целого ряда лет, был неурожай. Во-вторых, центральный период промышленной революции от 1793 до 1815 г. являлся периодом европейских войн неслыханных ранее размеров. Вряд ли явится преувеличением, если мы скажем, что Англия вступила в эти войны сельскохозяйственной страной, а вышла из них, будучи уже страной промышленной.

4. Французская революция

Очень небольшое количество людей в Европе осознавало, что, когда 5 мая 1789 г. в Версале собрались французские генеральные штаты, началась новая эпоха. Почти в течение целого десятилетия казалось, что Франция скатывается к положению Испании. Несбалансированный бюджет и обанкротившееся казначейство, армия и флот, плохо управлявшиеся и нерегулярно оплачиваемые, крестьянство, обремененное налогами и страдающее от голода, причиной которого явился целый ряд катастрофических неурожаев,— вот что привело к созыву штатов, не собиравшихся с 1614 г.

Вскоре третье сословие вступило в ожесточенный конфликт с королем и аристократией. Замки подвергались нападениям и сжигались, землю в крупных поместьях делили. 14 июля парижане штурмовали Бастилию. В октябре они дошли до Версаля и привели оттуда короля в качестве пленника Парижа. Иностранцам наблюдателям могло показаться, что все эти события подтверждают их первое впечатление о том, что во Франции начинает царить анархия и что Францию можно уже не считать сильной европейской державой. Австрия, Россия и Пруссия, не опасаясь больше Запада, занялись интересующей их задачей—разделом Польши. Они далеко не сразу осознали, что из хаоса возникает новая сила, новая угроза, перед которой были бессильны все традиционные способы обороны.

Англия первой поняла эту угрозу. Здесь власть буржуазии укрепилась во время революционного периода на столетие раньше и только здесь поэтому господствующие круги буржуазии не симпатизировали революции во Франции: за границей эта революция могла со временем привести к появлению конкурента в области торговли и промышленности; в самой же Англии она могла только поставить на повестку дня вопросы, которые, с точки зрения буржуазии, лучше было бы не затрагивать, и могла поднять на борьбу классы, которые до сего времени удавалось держать в подчинении. По мере того как революция во Франции начинала приобретать все более решительный всенародный характер, трепет буржуазии перед ней возрастал. «Якобинство» означало натиск на привилегии, а в Англии привилегированным классом была не столько аристократия, сколько буржуазия. Революция во Франции разделила каждую страну Европы на два лагеря, но демаркационная линия в Англии проходила иначе, чем во всех остальных европейских странах. В Англии крупная буржуазия находилась выше этой линии, в остальных странах—ниже нее.

С другой стороны, по географическим причинам британские интересы сначала не находились под непосредственной угрозой. Поэтому Англия была одной из последних стран, активно включившихся в контрреволюционную войну. Включившись же в нее, она решительнее всех стремилась довести ее до конца.

Характерно, что именно Берк, принадлежавший ранее к партии вигов, первый поднял тревогу в своей фантастической, но красноречивой работе «Размышления по поводу французской революции». «Размышления» имели огромный успех у правящих классов Англии и за границей и даже в самой Франции, где они толкали дворянство на неразумное сопротивление революции. Для поддержки французской монархии начали сколачивать мощный «Союз венценосцев», и в 1791 г. император Австрии и король Пруссии опубликовали Пильницкую декларацию, в которой они

предлагали европейским державам «совместно с их вышеуказанными величествами, использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для того, чтобы дать возможность королю Франции вполне свободно заложить основы монархического правления, равно обеспечивающего как права суверенов, так и процветание французской нации».

Эта декларация, по существу, являлась надувательством, но французский народ не мог этого знать и был встревожен бесконечными интригами между императором и тысячами дворян (включая братьев Людовика XVI), покинувших Францию и всецело посвятивших себя контрреволюционным заговорам. Готовность к вмешательству со стороны европейских суверенов возрастала по мере того, как революционные идеи начали распространяться среди их собственных подданных. В Англии «Права человека» Тома Пейна произвели даже большую сенсацию, чем «Размышления» Берка, ответом на которые явилась работа Пейна.

Но было бы ошибочно рассматривать войну 1792 г. просто как натиск реакционных держав на революционную Францию. «Свобода, равенство, братство» был боевой лозунг, вызывавший одинаковый отклик во всех странах, и французы считали себя пионерами в деле всеобщего освобождения. Идея революционной войны быстро завоевала себе симпатии как среди жирондистов, так и среди якобинцев. Обе эти партии были готовы принять вызов Австрии и Пруссии. Именно жирондисты фактически и объявили эту войну, надеясь, что она укрепит их позиции в их внутренней борьбе против якобинцев, а также перебросит революцию за пределы Франции. Однако не подлежит сомнению, что к этому времени война стала уже неизбежной. Ей предшествовал манифест французского правительства, содержавший обещание поддержки всем нациям, которые восстанут против своих угнетателей. Позже последовало, правда, разъяснение, что это относится только к народам, которые, завоевав себе свободу, обратятся за помощью к республике».

После первоначальных поражений молодые французские армии ворвались в Бельгию. Здесь только за два года перед этим было подавлено восстание против австрийского господства, а теперь в Бельгии охотно приветствовали французов. Именно факт завоевания Бельгии и денонсирование коммерческих договоров, заключенных с этой страной, привели революционную Францию к нетождественному конфликту с британскими интересами. В начале 1793 г. Англия вступила в войну, соединившись с Австрией, Пруссией, Испанией и Пьемонтом в первой коалиции.

Еще до начала войны движение радикалов и республиканцев, явившееся в Англии откликом на революцию во Франции, было разгромлено и подверглось жестоким репрессиям. Толпы, состояв-

шие из приверженцев партии тори, с ведома и попустительства членов городского магистрата, разграбили и сожгли дома радикалов и диссидентов в Бирмингеме и других местах. Среди пострадавших был ученый Пристли. Партия вигов вскоре раскололась, причем большинство присоединилось к Питту и реакции, и только очень небольшая группа, руководимая Фоксом, продолжала настаивать на реформе. Несмотря на свою малочисленность, эта группа сыграла очень важную роль в истории, она явилась звеном, соединяющим вигов XVIII в. с либералами XIX в., а также ядром, вокруг которого после Ватерлоо объединились новые силы либеральной партии.

Фокс и его последователи были аристократами. В этот же период возникла первая определенно рабочая политическая организация—Корреспондентское общество. Официально это общество выступало только с программой всеобщего избирательного права и ежегодных перевыборов парламента, но в действительности большинство членов этого общества было республиканцами и последователями Пейна. Пейн, сражавшийся за американцев в войне за независимость и помогавший составлять декларацию независимости и декларацию прав человека, был страстным сторонником новой тогда идеи, что политика есть дело всей массы простого народа, а не только правящей олигархии. Правительство могло считаться терпимым, если оно обеспечивало для всего народа «жизнь, свободу и стремление к счастью». В противном случае любое правительство должно было быть свергнуто, причем, если необходимо, революционным путем. К ясному и логическому изложению Пейном принципов французской революции охотно прислушивались мыслящие рабочие, из рядов которых вербовались члены Корреспондентского общества.

Слабость движения состояла в том, что оно носило ограниченный характер. Оно получило поддержку главным образом среди населения Лондона, но и здесь лишь среди механиков и мастеров—высшего слоя рабочего класса. В промышленных городах Севера это движение не имело опоры. Там царил нищета и недовольство; но густо населявшие эти города согнанные с земли крестьяне и разоренные надомные рабочие были еще неспособны к политической мысли или действию. Их протест выливался в форму безрассудных актов насилия и разрушения; нередко случалось, что правящим классам удавалось направить их гнев против радикалов, как это имело место, например, в Манчестере и Болтоне. И только под конец, когда для подавления движения Питт прибегнул к репрессиям, участники его вошли в контакт с новым индустриальным пролетариатом; но это случилось слишком поздно и не могло привести к немедленным результатам.

В 1794 г. Питт приостановил действие акта Habeas Corpus и в спешном порядке провел законы, запрещающие общественные

собрания. Действие Habeas Corpus было приостановлено на восемь лет. На «Права человека» был наложен запрет еще раньше, и Пейн избежал суда только благодаря бегству во Францию. Остаток жизни он провел там и в Америке. Корреспондентское общество и другие организации радикалов были объявлены вне закона; Томаса Харди, сапожника, судили за государственную измену вместе с Хорном Туком и другими руководителями общества. Они были оправданы судом присяжных, и хотя это и явилось поражением правительства, но не помешало продолжению преследований и не спасло Корреспондентское общество от разгрома.

В последующие годы, хотя открытое выражение радикальных взглядов стало невозможным, все же частые забастовки, хлебные бунты и движение разрушителей машин терроризировали английское правительство. Вся страна покрылась сетью казарм, построенных с целью воспрепятствовать общению между населением и солдатами (раньше солдат расквартировывали по частным домам и гостиницам). В индустриальных районах осуществлялся режим, какой обычно проводится оккупационной армией в завоеванной стране. Для подавления беспорядков широко использовались войска, но подчас они сами оказывались ненадежными, так как сочувствовали толпе, с которой им приказывали расправляться.

Именно это и привело к созданию в начале войн с Францией нового формирования—йоменри—кавалерии, которая комплектовалась из лиц, принадлежавших к высшим и средним классам. Являясь совершенно бесполезной с военной точки зрения, йоменри была классовым формированием, в основном созданным для подавления «якобинства». За выполнение поставленной перед ними задачи эти люди взялись настолько рьяно и неизменно проявляли такую жестокость, что стали объектом всеобщей ненависти.

В Шотландии радикализм был распространен гораздо больше, репрессии по отношению к нему начались раньше и были еще более суровыми. В созданное там «Общество друзей народа» входили как буржуазия, так и рабочие, и на его Национальном конвенте в Эдинбурге в декабре 1792 г. присутствовало 160 делегатов, представлявших восемьдесят филиальных обществ. В августе 1793 г. один из руководителей общества, Томас Мьюр, был обвинен в подстрекательстве к мятежу и предстал перед специально подобранными присяжными и пресловутым мировым судьей Брексфилдом. Настроение, царившее на суде, сразу становится ясным хотя бы из следующей фразы, сказанной Брексфилдом одному из присяжных: «А ну, иди и помоги нам повесить одного из этих проклятых негодяев», или из последующего заявления Питта о том, что присяжные были в сильной степени виноваты, если бы не воспользовались своей властью «для немедленного наказания

таких дерзких преступников и разгрома доктрин, столь опасных для страны». Мьюр был приговорен к четырнадцатилетней высылке за океан. Позже его вывез из залива Ботани американский корабль и доставил во Францию, где он пытался убедить директорию вторгнуться в Шотландию.

После целого ряда подобных судов движение начало приобретать более ярко выраженные повстанческие формы, но все же организация, носившая название «Объединенные шотландцы» и построенная по ирландскому образцу, оставалась небольшой и была ликвидирована в 1798 г. вместе с лондонским Корреспондентским обществом.

Бешеная ненависть правительства и правящего класса к якобинству все усиливалась из-за непрерывных побед, одерживаемых французскими армиями. Период с середины 1793 г. до середины 1794 г., то есть до свержения якобинцев 9 термидора, был действительно героическим периодом революции. После термидора власть была захвачена директорией, являвшейся выразительницей интересов наиболее деморализованной части буржуазии—спекулянтов землей, валютчиков и поставщиков армии, жульническим путем наживавших состояния. Однако революция оставила после себя много постоянных достижений, самыми значительными из которых были: раздел крупных феодальных поместий и уничтожение всех препятствий для развития торговли и промышленности. Был расчищен путь для кодекса Наполеона, призванного служить интересам буржуазного прогресса. Разрешение аграрного вопроса являлось прочной опорой для любого правительства, противящегося возвращению Бурбонов и дворянства.

В 1796 г. Вульф Тон заявил: «Республика существует в армиях». И действительно, именно революция создала армию, не имеющую себе равной в Европе.

Практика показала, что линейное построение войск, которого тогда придерживались все европейские армии, не могло применяться без систематического обучения, и потому от него отказались и перешли к построению колоннами. Одновременно развилась тактика боевого охранения из стрелков, высланных впереди колонны для дезорганизации войск противника. Артиллерия, выдвинутая с теми же целями впереди основных сил, использовалась таким же образом. Французские армии, применявшие эту тактику в войне против армий европейских деспотов, состоявших из не желавших воевать новобранцев, оказались непобедимыми.

Военный талант Карно и Наполеона заключался в их умении трезво оценить достоинства и недостатки сил, которыми они располагали. Вместо того чтобы пытаться построить французскую армию по ортодоксальному образцу, они приняли ее такой, какой

она была, и дали ей возможность самой совершенствоваться. Величайшие победы Наполеона почти все основывались на быстроте передвижения его войск до начала боя и на силе и решительности удара, наносимого на тщательно выбранном и решающем участке. Только по мере спада революционного порыва его армии потеряли свою мобильность, и он рассчитывал теперь уже просто на массу солдат, а не на движущуюся массу. Его методы постепенно превратились в догму, такую же застывшую, как и те догмы, которые они вначале вытеснили.

Французский флот никогда не был особенно блестящим; это объясняется отчасти тем, что одним энтузиазмом нельзя заменить дисциплину на борту корабля; частично также тем, что жившее в районе нормандских и бретонских рыболовных портов население, из среды которого старый флот набирал большинство своих лучших матросов, оставалось клерикальным и реакционным на протяжении всей революции. Со времени победы Гоу 1 июня 1794 г. Англия удерживала морское превосходство, которое у нее даже редко оспаривалось. В начале войны Англия имела 158 линейных кораблей против 80, которыми располагала Франция. К 1802 г. соотношение было 202 против 39, а после Трафальгара—250 против 19. В это время общее количество кораблей Франции, Испании и Голландии доходило только до 92. Явно невыгодное положение французов на море само по себе служило причиной того, что почти все усилия сосредоточивались на проведении наземных операций и не делалось бесплодных попыток наверстать упущенное на море.

5. Наполеоновские войны

Со времени создания первой коалиции в 1793 г. Англия все время занимала первое место во всех комбинациях против Франции. Другие державы иногда переходили от одной воюющей стороны к другой, вступали в войну или выходили из войны. Но Англия, за исключением только одного краткого периода времени—после Амьенского мира в 1802 г., непрерывно находилась в состоянии войны с Францией, до самого взятия Парижа в 1814 г.¹ Главным источником ее силы была новая, строящаяся на капиталистической базе организация экономики, дававшая возможность торговле и промышленности развиваться даже в условиях военного времени и обеспечивавшая государство крупными денежными суммами без опасности банкротства.

Военно-финансовая политика Питта являлась лишь продолжением политики, проводимой на протяжении всего XVIII в.:

¹ Необходимо подчеркнуть, что все войны с Францией Англия вела чужими руками.—Прим. ред.

усиленное и все возрастающее обложение налогами предметов первой необходимости, огромный государственный долг и субсидии в сумме 50 млн. ф. ст. европейским державам, согласившимся создать армии против Наполеона. Подсчитано, что половина из 10 шиллингов, зарабатываемых в неделю рабочим, забиралась у него с помощью косвенных налогов. Государственный доход непрерывно возрастал, и с 18 900 тыс. ф. ст. в 1792 г. он дошел до 71 900 тыс. ф. ст., в 1815 г.; проценты по государственному долгу составляли 9470 тыс. в 1792 г. и 30 458 тыс. ф. ст. в 1815 г. Займы делались с большой скидкой против номинала и из 334 млн. ф. ст., прибавившихся к государственному долгу за время правления Питта, правительство получило наличными только около 200 млн. фунтов.

Такая финансовая политика, помимо того, что она снизила реальную заработную плату рабочих и привела к возрастанию цен, укрепила класс финансистов и рантье и значительно увеличила размах и размеры банковских и кредитных операций. Появившиеся в связи с такой политикой новые финансовые магнаты стали с течением времени землевладельцами и столпами партии тори. Количество пэров увеличилось: за семнадцать лет Питт создал девяносто пять английских и семьдесят семь ирландских пэров. В 1802 г. Коббет писал: «Старая знать и джентри, за очень небольшими исключениями, вытеснены со всех государственных должностей... На смену им явилась масса купцов, фабрикантов, банкиров, маклеров и поставщиков». В 1804 г. он писал: «Среди креатур и приближенных Питта всегда были попеременно дельцы и ханжи: все утро барышники, а после полудня методисты».

Но несмотря на все богатства, находившиеся в распоряжении Питта, его коалиции рассыпались, как кегли, перед французскими армиями. Первая коалиция распалась в 1795 г. после того, как Фландрия и Голландия подверглись вторжению, а герцог Йоркский, который был, повидимому, наиболее бездарным из всех генералов, когда-либо командовавших британской армией, был жестоко проучен в Дюнкерке. Вест-Индия, всегда представлявшая жизненный центр интересов Сити, поглощала большую часть сухопутных войск Британии. За три года там погибли 80 тыс. человек, не добившись никаких успехов. Отправка войск практиковалась и раньше, только раньше в тропические страны не посылали такое большое количество плохо экипированного войска. Завоевание Италии в 1797 г. вывело из войны Австрию.

Теперь Англия стала такой же изолированной, какой была Франция в 1792 г. Возможно, что война закончилась бы, если бы этому не помешал первый и наиболее фатальный стратегический просчет Наполеона. Он решил наступать на Англию не через Ирландию, а через Египет и Восток. Его решение показывает, в какой степени революционный реализм сменился грандиозными

империалистическими замыслами. Весь последующий ход истории Европы мог быть иным, если бы победа была одержана до того периода, когда французская республика окончательно выродилась в военную диктатуру и когда затянувшаяся война вынудила ее предъявить к народам оккупированных стран непомерные требования и тем лишить себя их симпатий.

Влияние французской революции сказалось на Ирландии, возможно, больше, чем на какой-нибудь другой стране в Европе. У «Объединенных ирландцев», руководимых Вульф Тоном, требование о независимости Ирландии сочеталось с радикальным республиканизмом Пейна. Тон, во всяком случае, прекрасно понимал взаимосвязь классовой и национальной борьбы. Справедливо не доверяя аристократии и буржуазии после предательства по отношению к волонтерам, он обратился с воззванием к «большому и почтенному классу общества—людям, не имеющим собственности». «Объединенные ирландцы» быстро стали во главе всего национального движения; на некоторое время им удалось уничтожить вражду между католиками и протестантами и объединить их против Англии и ее приспешников среди правящего класса Ирландии.

Приготовления к восстанию проходили успешно, и в 1796 г. Тон поехал во Францию убеждать директорию послать в Ирландию экспедиционные войска для совместного выступления с составшими ирландцами. Но там он натолкнулся на неожиданное препятствие: мысли Наполеона уже были заняты Востоком, и хотя была создана армия в 15 тыс. человек, планы вторжения разрабатывались недостаточно энергично. Когда в конце года флот вышел из Бреста и подошел к побережью Манстера, то из-за плохой погоды, а также из-за допущенных грубых военных ошибок он не сумел войти в бухту Бантри.

Таким образом одна возможность была упущена, но зато летом 1797 г. представилась другая. На этот раз базой для экспедиции избрали Голландию, а действия британского северноморского флота больше чем на месяц были парализованы восстанием в Норе. Но из-за плохого руководства экспедиционные войска оказались готовыми к выступлению только после подавления восстания, а сведения о нем дошли на континент только после того, как все уже было окончено¹. Тогда осторожные голландские командиры отказались плыть, и со смертью Гоша, единственного француз-

¹ Восстание в Норе явилось продолжением успешного восстания в Спитхеде, которое произошло на год раньше. Оба эти восстания не носили ярко выраженного политического характера, но в обоих случаях причины, их породившие, были одинаковы: низкая заработная плата, несвоевременная выплата ее, плохая пища и жестокое обращение во флоте. Однако многие матросы-ирландцы рассчитывали и на то, что это восстание поможет их делу.

ского генерала, понимавшего значение Ирландии, надежды на успешное вмешательство рухнули.

В течение двух лет ирландцы ждали помощи, и, когда выяснилось, что она оказана не будет, английские власти стали проводить политику, состоявшую в том, чтобы притеснениями спровоцировать крестьян на восстание, заранее обреченное на провал. В марте 1798 г. правительству удалось при помощи осведомителя захватить ряд руководителей; вся Ирландия была объявлена находящейся в состоянии мятежа, и было введено военное положение. «Объединенным ирландцам» предстояло сделать выбор: либо восстать без поддержки французов, либо быть по отдельности уничтоженными. Наконец восстание было назначено на 22 мая, но снова все карты были перепутаны вследствие ареста руководителей, в том числе лорда Эдуарда Фицджеральда. Кроме того, умело пущенные в ход методы террора и игры на классовых интересах отпугнули от восстания многих его сторонников, принадлежавших к крупной и средней буржуазии, так что, когда оно наконец началось, оно было, по существу, крестьянским восстанием.

На юге восстания проходили особенно успешно, главным образом в Уэксфорде и Уиклоу. На севере, под руководством протестантов, жители Антрима и Дауна выступили 7 июня. В обоих этих местах вначале даже удалось добиться некоторых успехов, но восстание было обречено на провал при любых обстоятельствах. После напряженного боя оно было подавлено с такой жестокостью, что страна была совершенно запугана. Когда французские войска в незначительном количестве все же высадились в августе, они увидели, что восстание уже ликвидировано; прежде чем французы могли добиться какой-либо помощи, их уже окружили и принудили сдатьсь. Вскоре после этого во время морского боя был захвачен Тон, в тюрьме он покончил с собой. В 1803 г. было подавлено также и второе восстание, которым руководил Роберт Эммет.

В то время как в Ирландии еще происходило восстание, Наполеон отправился в Египет. Поскольку его флот потерпел поражение в битве на Ниле (август 1798 г.), его войска были отрезаны от родины и попали в такое тяжелое положение, из которого никакие победы, повидимому, не могли их выручить. Так как Наполеон не стоял больше на пути Питта, последнему удалось создать вторую коалицию в союзе с Россией и Австрией. Русская армия прогнала французов из Северной Италии, и неаполитанским Бурбонам удалось осуществить контрреволюционный переворот на Юге с помощью флота Нельсона. Осенью Наполеон пробрался обратно во Францию, бросив свою армию на произвол судьбы. Путем государственного переворота 18 брюмера (9 ноября) он сверг директорию и сделался первым консулом. Когда позднее он решил провозгласить себя императором, ничто фактически

не изменилось, кроме названия. Война отныне окончательно вступила в свою вторую фазу.

Вначале средние и низшие классы завоеванных стран встречали французские армии как своих освободителей. Италии, Швейцарии, Рейнской области и Нидерландам эти армии принесли буржуазную революцию. В недавно опубликованной биографии Маркса типичное отношение к французам в Трире описывается следующим образом: «Жители Трира встретили французов с энтузиазмом. Революция освободила крестьян от оков феодализма; дала буржуазии такой административный и законодательный аппарат, который ей был необходим для дальнейшего развития; освободила интеллигенцию от опеки священников. Жители Трира танцевали вокруг «дерева свободы», точно так же как это делали жители Майнца. У них был собственный якобинский клуб. Много почтенных граждан в тридцатых годах с гордостью вспоминали свое якобинское прошлое».

Многое из того, что было сделано хорошего в те годы, сохранилось и на дальнейшее время, но все же вскоре население оккупированных стран обнаружило, что в лучшем случае ему предстоит довольствоваться второсортной революцией и что его интересы всегда приносятся в жертву интересам Франции. Ценой за освобождение были большие налоги и то, что их сыновей забирали для пополнения редющих рядов французской армии. Войны были, или во всяком случае казались, необходимыми для сохранения внутренней устойчивости наполеоновского режима. Однако продолжать вести эти войны можно было только при условии усиления эксплуатации «освобожденных» территорий, причем чем более затяжной была война, тем больше территорий должно было быть «освобождено» и должно было подвергаться эксплуатации. Таким образом возникли неразрешимые противоречия. Кроме того, содержание своих сил за счет стран, в которых она находилась, практиковавшееся армией вначале по необходимости и в дальнейшем превратившееся в источник ее военной мощи, всегда было слабостью с политической точки зрения.

В конце концов те самые классы, которые приветствовали французам и политически выросли благодаря им, постепенно начали их чуждаться. Их история—это история Бетховена, который намеревался посвятить свою Героическую симфонию Наполеону, а затем передумал. Подорвав основы феодализма и покончив со странной апатией, являвшейся в Европе отличительной чертой XVIII в., французы вызвали к жизни буржуазный национализм, который неизбежно обратился против его творцов.

Однако в 1799 г. у Наполеона был впереди еще ряд лет, в течение которых ему предстояло одержать много побед. Расчеты с ним откладывались из-за несостоятельности монархий, через которых, пусть нехотя, вынужден был выражать себя новый нацио-

нализм. При помощи быстрой и блестящей кампании была вновь завоевана Италия и вторая коалиция была разгромлена при Маренго в самом конце 1800 г. Последующие годы, когда единственным противником Франции осталась Англия и почти не проводились никакие крупные сухопутные операции, были затрачены на составление кодекса Наполеона и на создание новой и эффективной гражданской службы. Амьенским мирным договором, который все подписавшие его рассматривали только как договор о перемирии, закончились военные действия на период от 1802 до 1803 г. По этому мирному договору Франция сохраняла свой контроль над Голландией и всем западным берегом Рейна.

Когда война возобновилась, союзниками Наполеона были Испания и Голландия. Французская армия расположилась лагерем в Булони, готовая двинуться на Англию в случае, если бы удалось сконцентрировать французский и испанский флоты для прикрытия переправы. Насколько серьезным был этот план, так и не удалось установить. В марте 1805 г. флот Тулона прорвал блокаду и, преследуемый Нельсоном, направился к Вест-Индии. Брестскому флоту не удалось выйти, и Тулонский флот лег на обратный курс с тем, чтобы присоединиться к испанцам в Кадиксе. В октябре оба флота были уничтожены при Трафальгаре.

Однако еще до битвы при Трафальгаре план нашествия на Англию был отброшен. Обещав неслыханные дотации Австрии и России, Питт сумел убедить их примкнуть к Третьей коалиции, и французская армия прошла через всю Европу, чтобы встретиться с новым врагом. Принято считать, что Трафальгар спас Англию от нашествия, но это не так; роль Трафальгара состояла в том, что он закрепил за Англией морское превосходство на весь остальной период войны.

За день до Трафальгара Наполеон разбил австрийскую армию при Ульме на Дунае. Вскоре после этого он вступил в Вену и 2 декабря разбил австрийцев и русских в битве при Аустерлице. Питт умер в январе, после чего страной стали управлять его приспешники Кастлри, Сидмаут, Илдон и Персиваль¹. Пробуждение национальных чувств в Германии заставило в октябре вступить в войну короля Пруссии, который, что очень характерно, отказался примкнуть к третьей коалиции, когда его вмешательство могло сыграть большую роль. При Иене он потерпел полное поражение. В течение шести лет ни с Австрией, ни с Пруссией не считались как с крупными европейскими державами, а после еще одного поражения, при Фридланде в 1807 г., заключил мир

¹ Характеристика некоторых из этих джентльменов дана Шелли в его произведении «Маска анархии». Это поэма, которую он написал под впечатлением бойни в Питерлоо.

и русский царь. Наполеон теперь являлся властителем империи, в которую входили Северная Италия, восточный берег Адриатического моря, вся территория на западном берегу Рейна, включая Голландию, и большие территории в Северной Германии от Кельна до Любека. Испания, Неаполь, Польша и вся Центральная и Южная Германия являлись в тот период вассальными государствами.

Армии Наполеона потерпели окончательное поражение в России и Испании, в этих двух наиболее отдаленных и менее всего развитых европейских державах. Ни в одной из них не было сильной буржуазии, которая облегчила победу французов в других странах. На некоторое время Наполеон и царь Александр объединились с тем, чтобы властвовать над Европой. Но Наполеон не собирался рассматривать Александра как равного, а последний отказывался играть второстепенную роль. После крушения всех остальных своих планов, направленных против Англии, Наполеон попытался нанести по ней удар, закрыв доступ на европейский материк для ее промышленных товаров. Англия ответила на это блокадой. Правда, ни то, ни другое полностью не проводилось в жизнь, но все же возникла такая напряженность отношений, которая привела к распаду союза Франции с Россией и другими европейскими странами.

Однако еще до этого Португалия, в течение столетия находившаяся под господством британского правительства, отказалась признать наполеоновскую «континентальную систему». Поэтому туда была послана французская армия с целью воспрепятствовать торговле между Португалией и Англией. Одновременно Наполеон попытался заменить свой косвенный контроль над Испанией непосредственным управлением ею, сделав своего брата Жозефа королем этой страны. Это привело к немедленному и всеобщему восстанию. Испанцы оказались самыми плохими солдатами регулярных армий и лучшими партизанами в Европе. Испанские армии терпели поражение, где бы только они ни показывались, но народная война продолжалась и заставляла Наполеона посылать в Испанию все большее и большее количество войск.

В 1808 г. сэр Артур Уэлсли, позднее герцог Веллингтон, был послан с небольшими силами на защиту Португалии. Он также должен был оказать помощь партизанам и способствовать углублению партизанского движения в Испании. В тот период французы располагали на полуострове силами примерно в 300 тыс. человек, но им редко удавалось направить больше одной пятой этого количества против Веллингтона, поскольку остальные войска были постоянно заняты проведением мелких операций по всей стране. Любая попытка сконцентрировать силы армии оставляла большие территории открытыми для действий партизан; это вынуждало французов одновременно вести войну как против

регулярных войск, так и против партизан, а это было им не по силам. Подробности ведения кампании, затянувшейся на шесть лет, продвижения, отступления и отдельные бои не представляют для нас большого интереса. В 1811 г., когда Наполеон был вынужден забрать часть своих войск для авантюры в России, Веллингтону удалось перейти в наступление и шаг за шагом оттеснить французов с полуострова.

Армия численностью примерно в полмиллиона человек — поляки, итальянцы и немцы наряду с французами — была собрана Наполеоном в 1811 г. для нападения на Россию. Вступление «Великой армии» в Москву и ее паническое бегство оттуда привели к новым волнениям в Европе. Германия восстала против потерпевшего поражение императора, и теперь уже французам пришлось иметь дело не с наемными армиями королей, а с целыми нациями, восставшими с оружием в руках. Хотя Наполеону и удалось быстро собрать новую армию, почти столь же большую, как и армия, которую он потерял, все же он потерпел окончательное поражение при Лейпциге в октябре 1813 г. Несмотря на это, он отверг предложение заключить мир, по которому Рейн являлся бы его границей, и в апреле 1814 г. союзные войска вступили в Париж, власть Бурбонов была восстановлена, а Наполеон был сослан на Эльбу.

Представители Англии, России, Австрии и Пруссии на конгрессе в Вене занялись делом добычи, которую принесла победа. Их переговоры были прерваны в 1815 г. неожиданным возвращением Наполеона во Францию и «ста днями», закончившимися его поражением при Ватерлоо.

Достигнутое наконец на конгрессе в Вене соглашение в основном сводилось к восстановлению деспотизма и к торжеству принципа, носившего название «легитимизм». Пренебрегать этим принципом разрешалось только в том случае, если он противоречил интересам Австрии, России или Пруссии; таким образом, более сильные соседи присвоили или расчленили Польшу, Венецию, Саксонию и другие мелкие государства.

К революции начали относиться столь же враждебно, как и к самой Франции; победа реакции была закреплена заключением «Священного союза», которым предусматривалось, что Австрия, Россия и Пруссия должны оказывать друг другу помощь в борьбе с поднимающейся демократией, внушавшей им ужас. «Священный союз» был призван легализовать международную реакцию против восстаний в Италии, Германии и в других странах¹.

¹ Мортон совершает ошибку, забывая о крайне реакционной роли Англии в Европе, как в период наполеоновских войн, так и после них. Правда, она проводила свою реакционную политику самостоятельно, вступала иногда в противоречие со «Священным союзом», но тем не менее она активно боролась со всякого рода освободительными движениями. — *Прим. ред.*

Но ни Меттерниху, ни Александру не удалось вернуть Европу к ее прежнему блаженному состоянию полной апатии; они смогли только ненадолго задержать процесс, начало которому положила революция; «Священный союз» распался после восстаний 1830 г.

Во Франции возвращение к власти Бурбонов не означало восстановления привилегий для аристократов в деревне или отмены кодекса Наполеона. В Германии, хотя власть Пруссии распространилась на Рейнские земли, сохранились многие социальные сдвиги, являвшиеся результатом французской оккупации. Мелкие разрозненные германские государства были объединены в Германскую конфедерацию, в которую вошли также Австрия и Пруссия и которой суждено было стать ареной борьбы этих двух государств за гегемонию в Центральной Европе.

Англия получила свою долю награбленного, главным образом за пределами Европы. Путем приобретения ряда важных стратегических пунктов: Мальты, острова Маврикия, Цейлона, Гельгоlanda и мыса Доброй Надежды был заложен фундамент для значительного расширения империи. В тот период все население там состояло только из небольшого числа голландских фермеров, и этот пункт ценился исключительно как место стоянки на пути в Индию. Британская буржуазия вышла из войны полная решимости добиться мировой монополии для товаров, производимых ее фабриками, и положить начало периоду неслыханного ранее развития. Однако сразу же после наступления мира начался острый политический и экономический кризис.

Глава XII

ПОБЕДА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

1. Англия после Ватерлоо

В период общего ликования, начавшегося после заключения Амьенского мира, Коббет писал:

«Слова «мир» и «изобилие» чудесно звучат в песне или прекрасно выглядят на полотнище в окне какого-нибудь идиота: но вещи, кроющиеся за этими гармоническими словами, не всегда в унисоне». Оптимизм, с которым буржуазия встретила мир 1815 г., был еще менее обоснован. Фабриканты думали, что окончание войны сразу обеспечит сбыт для их товаров, а посему усиденно их накапливали. На самом же деле спрос на промышленные товары немедленно упал.

Хотя до этого европейский рынок был почти закрыт Берлинскими декретами¹ Наполеона, а американский рынок — войной, вспыхнувшей из-за того, что Англия настаивала на предоставлении ей права обыскивать и захватывать нейтральные корабли, направляющиеся в Европу, крупные военные поставки компенсировали потери, причиненные утратой внешних рынков. После Ватерлоо эти поставки сразу прекратились, а Европа все еще находилась в состоянии брожения и была слишком бедна для того, чтобы закупать крупные партии английских товаров. Один важный новый рынок был создан в результате того, что война отрезала Испанию от Южной Америки и сделала ее колонии, по существу, независимыми; но это только привело к бешеной спекуляции и к тому, что рынок наводнили всевозможными товарами, на многие из которых не могло быть спроса. Помимо этого были еще Вест-Индия и Дальний Восток, но они могли потреблять только ограниченное количество довольно специализированных товаров.

В результате этого в 1815 г. экспорт и импорт сократились, оптовые цены резко упали, розничные цены также несколько снизились, и началась массовая безработица. Тяжелая промышленность, спрос на продукцию которой особенно зависел от военного

¹ См. стр. 300.

времени, пострадала больше всего. Цена на железо упала с 20 ф. ст. до 8 ф. ст. за тонну. В Шропшире из 34 действующих доменных печей 24 остались в бездействии, и тысячи рабочих-металлургов и углекопов лишились работы.

Были и еще причины, углубившие и затянувшие кризис. Триста тысяч демобилизованных солдат и матросов вынуждены были искать работы — и, таким образом, пополнили и без того уже большую армию безработных. Заработная плата падала, но цены сохранялись на искусственно высоком уровне, вследствие политики инфляций, начало которой положил Питт в 1797 г., когда он разрешил Английскому банку выпустить бумажные деньги без надлежащего обеспечения их золотом. Налогообложение продолжало оставаться высоким из-за огромных издержек, связанных с государственным долгом и доходивших в 1820 г. до 30 млн. ф. ст. при общей сумме поступлений в 53 млн. ф. ст. Беззастенчивый выпуск займов для финансирования войны лег чрезвычайно тяжелым бременем на следующие поколения. Коббет и многие радикалы считали, что основными причинами кризиса являются инфляция и высокие налоги; хотя это было и не так, все же как инфляция, так и налоги чрезвычайно способствовали росту нищеты, явившейся результатом кризиса, и препятствовали быстрому восстановлению промышленности.

Радикал Самуил Бемфорд дает следующее описание внезапно вспыхнувшего во время этого послевоенного кризиса классового конфликта:

«...Беспорядки начались при внесении билля о хлебных законах в 1815 г. и продолжались с небольшими перерывами до конца 1816 г. В Лондоне и Вестминстере начались волнения, продолжавшиеся в течение нескольких дней, пока длилось обсуждение билля. В Бридпорте начались бунты из-за высоких цен на хлеб; в Бийдфорде произошли восстания, целью которых было воспрепятствовать вывозу зерна; в Бери¹ началось движение безработных, разрушавших машины; в Или подавление восстания не обошлось без кровопролития; в Ньюкасл-на-Тайне восстали углекопы и люди других профессий; в Глазго кровопролитие началось из-за пунктов раздачи супа нуждающимся; в Престоне восстали безработные ткачи; в Ноттингеме — луддиты, уничтожившие 30 станков; в Мартер-Тидвиле волнения были вызваны снижением заработной платы; в Бирмингеме восстали безработные; в Уолсолле восстали нуждающиеся, и в Данди 7 декабря 1816 г. свыше 100 лавок было разгромлено из-за высоких цен на мясо».

Такие волнения сами по себе не представляли ничего нового. Мы уже упоминали хлебные бунты 1795 г. В 1812 г. Байрон

¹ Бери-Сент-Эдмундс, а не Бери в Ланкашире.

в своей прекрасной речи, в которой он возражал против предложения карать смертью разрушителей машин, высмеял попытки военных подавить восстания луддитов в Ноттингеме:

«Переходы из одного места в другое! — Из Ноттингема в Булвел, из Булвела в Банфорд, из Банфорда в Мансфилд! — И когда, наконец, отряд прибывает к месту своего назначения с гордостью, пышностью и церемониями славной войны, то оказывается, что он появился как раз во-время, чтобы засвидетельствовать, что зло уже совершено, что содеявшие его уже скрылись; собрав *spolia opima*¹ в обломках разрушенных станков, отряд возвращается восвояси под насмешки старух и улюлюканье детей».

Движение луддитов происходило, главным образом, в Ноттингеме в районе чулочных мастерских; здесь внедрение машины для вязания чулок в полудомашнюю промышленность снизило цены настолько, что для ручных вязальщиков чулок стало почти невозможно прожить на свой заработок. Разрушение машин происходило также и в Западном Райдинге и в других местах. Забастовки, во время которых борьба часто велась с чрезвычайным ожесточением, проводились как до, так и после издания Актов о союзах в 1799 и 1800 гг.²

Эти более ранние волнения отличались от волнений, начавшихся после Ватерлоо, тем, что последние уже носили характер сознательных политических выступлений. Массы рабочих начали осознавать, что государственный аппарат находится в руках их угнетателей. В этом их убедило жестокое классовое законодательство и отклонение их бесконечных петиций об увеличении заработной платы до прожиточного минимума и об улучшении условий труда. Поэтому основное требование, выдвигавшееся в эти годы, — требование проведения парламентской реформы — не носило абстрактно демократического характера, это была скорее попытка масс получить возможность контролировать парламент и заставить его служить своим интересам. Хлебные законы 1815 г., проведенные лендлордами для того, чтобы сохранить высокие цены, в то время как заработная плата повсюду падала, послужили новым поводом к политическим выступлениям³.

В начале 1817 г. правительство «открыло», что существует «изменнический заговор против конституции и собственности». Действие акта *Habeas Corpus* было снова приостановлено, и был поспешно проведен акт («билль, затыкающий рот»), которым ограничивалось право устраивать общественные собрания, закрылись клубы радикалов и члены магистрата получили право

¹ Богатую добычу (лат.). — Прим. ред.

² См. главу XIV, раздел 1.

³ См. главу XIII, раздел 2.

налагать запрет на издание и продажу брошюр радикального и свободомыслящего содержания.

В марте «кодеальщики» выступили в свой первый голодный поход из Манчестера в Лондон с петицией о введении в действие Habeas Corpus. Поход был запрещен, и многим из пяти или шести тысяч лиц, которые намеревались принять в нем участие, не дали возможности выйти из Манчестера. На остальных напали и рассеяли их у Стокпорта, и только очень немногим удалось пробиться и добраться до Ашборна в графстве Дерби. Правительство широко использовало все виды борьбы, начиная от применения оружия до услуг провокаторов (один из которых, «шпик Оливер», стал личностью, известной всей стране); провокаторы должны были помогать организовывать бесплодные заговоры и беспорядки, которые могли явиться предлогом для все большего усиления репрессий. В течение незначительного периода времени казалось, что меры, применяемые правительством, приводят к желаемым результатам, поскольку этому способствовало временное оживление торговли в 1818 г.

Но положение с торговлей снова ухудшилось в 1819 г., и в северных и центральных графствах состоялись огромные митинги радикалов, на которых были выдвинуты требования о проведении реформы и отмене хлебных законов. Один из этих митингов был организован на поле Св. Петра в Манчестере 16 августа. На этом митинге собралось 80 тыс. человек, чтобы послушать Ханта, известного оратора-радикала. Когда Хант начал говорить, он был арестован, и гусары внезапно начали стрелять в толпу и остервенело рубить саблями направо и налево. Через несколько минут одиннадцать человек было убито и около 400, в том числе свыше 100 женщин, ранено. Жестокость нападения на мирную толпу и черствость правительства, нашедшего оправдание для нападавших, еще больше убедили промышленных рабочих в необходимости проведения реформы; одновременно это убедило многих представителей буржуазии в том, что только реформа может заменить репрессии, которые иначе неизбежно привели бы к гражданской войне. С этого времени парламентская реформа стала считаться «респектабельной» и заняла видное место в программе вигов, в которой она почти не фигурировала с 1793 г.

Но все же немедленным результатом «резни в Питерлоо» было усиление репрессий. Хант, Бемфорд и другие были арестованы и брошены в тюрьму. Коббет был вынужден найти себе временное пристанище в Америке. В ноябре терроризированный парламент наспех провел «Шесть актов», дававших членам магистрата право запрещать собрания, в которых принимало участие больше пятидесяти человек, и производить обыски в тех частных домах, где, по их мнению, могло храниться оружие. Этими актами запре-

щалось также всякое проведение военного обучения и организация процессий с оркестрами и знаменами. Лица, печатающие «богохульные и подстрекающие к мятежам пасквили», подлежали заключению в тюрьму или высылке за океан; каждый экземпляр всех газет и все брошюры облагались налогом в 4 пенса. Все это делалось с той целью, чтобы такие газеты, как издаваемый Моббетом «Политический указатель» и «Черный карлик», стали недоступными для широких масс.

«Шесть актов» очень затруднили возможность ведения организованной легальной агитации за реформу и снова заставили прибегнуть к методам конспирации. В феврале 1820 г. полицейский шпион донес, что на улице Кейто организован заговор с целью убийства членов кабинета. Организаторы заговора были схвачены и казнены. 1 апреля шестьдесят тысяч рабочих в самом Глазго и вокруг него начали всеобщую политическую стачку. По общему мнению, за ней должно было последовать вооруженное восстание. Но сигнал к началу восстания так и не был дан, и все свелось к схватке у Бонимюра между 10-м гусарским полком и небольшим отрядом ткачей, которых заманили в доушку правительственные агенты. В тот период еще не существовало ни должного руководства, ни надлежащих условий для успешной организации восстания.

После проведения «Шести актов» начался временный спад движения радикалов. Возможно, что причиной спада были не столько эти акты, сколько возрождение промышленности, начавшееся в 1820 г. и продолжавшееся до бума 1826 г. Такое возрождение должно было неизбежно произойти, как только последствия войны были ликвидированы, потому что британская промышленность в этот период действительно обладала мировой монополией. В этом и заключается основное различие между кризисом после 1815 г. и кризисом, начавшимся после первой мировой войны, с которым его слишком часто сравнивали. Фабриканты, стремившиеся снизить заработную плату, любили говорить об иностранной конкуренции, но на самом деле ни в одной другой стране не было сильно развитой промышленности или излишков промышленных товаров, которые можно было бы экспортировать. Во Франции и в Соединенных Штатах только начинала развиваться хлопчатобумажная промышленность, но даже к 1833 г. обе эти страны вместе выпустили только две трети того количества продукции, которую выпускала Британия. Горное дело и металлургическая промышленность были также гораздо больше развиты в Британии, чем в какой-либо другой стране.

Экспорт возрос с 48 млн. ф. ст. в 1820 г. до 56 млн. ф. ст. в 1825 г., а импорт — с 32 млн. ф. ст. до 44 млн. ф. ст. Но это только одна сторона процесса. Внутри Англии этот же период

был отмечен непрерывным вытеснением мелких предприятий и домашней промышленности, явившимся результатом конкуренции фабрик. Это был период укрепления внутреннего рынка. Вытеснение домашней промышленности шло неравномерно: сначала была вытеснена домашняя хлопчатобумажная промышленность, а затем уже льняная и шерстяная; сначала были разорены ручные прядильщики, а затем уже ручные ткачи; процесс этот начался в Восточной Англии и Уэст Кантри, а затем распространился на север и на центральные графства страны. Он закончился только в сороковых годах и явился причиной повсеместных длительных бедствий. Но этот процесс разделил рабочих на группы, у каждой из которых были свои интересы и каждой из которых были присущи свои заблуждения; наиболее страдающая часть рабочих вынуждена была прибегнуть к безуспешным и объективно реакционным формам протеста.

С укреплением внутренней и внешней монополии британских промышленных капиталистов начался новый период, когда появлялись новые классовые группировки и новая политическая тактика. Начало его было отмечено в августе 1822 г. драматическим происшествием. Кастлри, которого все считали, хотя может быть и совершенно неосновательно, ответственным за социальную политику правительства, перерезал себе горло. Огромные толпы заперли улицы Лондона, когда гроб с его телом переносили в Вестминстерское аббатство; толпа ликовала, так как в ее предстании кончина Кастлри олицетворяла собой окончание эпохи Питерлоо.

2. Война в деревнях

Трудящиеся Англии отличались от их товарищей во всей Европе тем, что только им одним ничего не принесла французская революция и последовавшие за ней войны; в самой Англии они были единственным классом, который к концу этих войн стал беднее, а не богаче. В особенно тяжелом положении оказался сельскохозяйственный пролетариат, и трудно сказать, страдал ли он больше от высоких цен военного периода или от более низких цен в послевоенное время.

С 1793 по 1815 г. каждый свободный клочок земли распахивался и засеивался пшеницей. Как бы ни была почва бедна и непригодна для пшеницы, все же была надежда на барыш, так как цены доходили до 100 шиллингов за квартал. Это привело к крайней специализации сельского хозяйства, и когда началось резкое падение цен, у фермеров, имевших плохую землю, не было пути для отступления. Кроме того, чем выше были цены на пшеницу, тем больше было стимулов к проведению огораживаний и было тем вероятнее, что они будут прово-

диться несправедливо. Помещики захватывали даже общинные выгоны, даже самые маленькие садики—они стремились превратить урожай с них в золото. Фермерство в целом процветало, но помещики и откупщики процветали еще более. Наряду с этим реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих непрерывно падала. В 1805 г. было внесено предложение установить твердую минимальную заработную плату. Его высмеяли на том основании, что установить заработную плату, беря за основу цены на хлеб по уровню 1780 г., когда средняя заработная плата равнялась 9 шиллингам, означало бы, что заработная плата должна составить 1 фунт стерлингов 11 шиллингов 6 пенсов. Фактически же заработная плата в то время, бесспорно, в среднем не превышала одной трети этой суммы.

С наступлением мира положение начало быстро меняться. Пшеница стоила 109 шиллингов за квартал в 1813 г., 74 шиллинга 4 пенса в 1814 г., 65 шиллингов 1 пенс в 1815 г. В 1816 г. в связи с хлебными законами, изданными в 1815 г., и плохим урожаем цена снова поднялась до 78 шиллингов 6 пенсов, хотя в данном случае голые среднегодовые цифры неточно воспроизводят картину, поскольку цена была гораздо ниже в начале года и значительно выше осенью. Хлебные законы спасли помещиков и некоторых фермеров; но они не избавили сельскохозяйственный пролетариат от безработицы, снижения заработной платы и уменьшения вспомоществования, получаемого по закону о бедных.

В 1816 г. цены на рожь упали, и заработная плата снизилась, но арендная плата и цены на продукты питания остались высокими. Это вызвало волнения, которые в графствах Восточной Англии, производящих пшеницу, приняли форму почти всеобщего восстания. Дома и скирды хлеба сжигались. В Бери-Сент-Эдмундс и Норидже участники движения сражались с гусарами на улицах. В Литлпорте на острове Или трехдневное восстание закончилось ожесточенным сражением, в результате которого два батрака были убиты, а семьдесят пять взяты в плен. Пятеро из них было повешено, а девять выслано за океан. За этими восстаниями последовало общее, хотя и временное, увеличение заработной платы.

Однако общей тенденцией того периода было непрерывное снижение жизненного уровня. По спинхамлендской шкале 1795 г., которая предусматривала самый низкий прожиточный минимум, считалось, что семья из четырех человек должна съесть семь с половиной галлонов хлеба. По шкале 1831 г. это количество уже снижалось до 5 галлонов. Большинство сельского населения в довольно скором времени перестало потреблять мясо, хлеб и эль и начало питаться картофелем и чаем. Именно этот факт вызвал такую ненависть Коббета к картофелю и заставил его, что с виду могло показаться даже забавным, обрушиться

на часпятие. Коббет говорил, что оно «разрушает здоровье, ослабляет организм, порождает изнеженность и леность, развращает молодежь и приносит несчастье старикам».

Коббет не был трезвым политическим мыслителем. Это был талантливый выходец из крестьян, думавший (как это всегда свойственно согнанным с земли крестьянам, чьи жалобы он отражал) о старом времени, казавшемся ему золотым веком, и мечтавший о его возврате. Он предлагал большое количество нереальных способов уничтожения тех бед, которые он не вполне понимал. Но одно он сознавал ясно: что простой народ, его народ, обокрали, обкрадывают и будут обкрадывать до тех пор, пока он не сплотится для того, чтобы дать отпор классу собственников и положить предел его действиям. Это четкое и простое представление о политике придавало его требованиям демократии и парламентской реформы прямолинейность и способствовало тому, что они соответствовали желаниям масс; это заставляло правительство, стоявшие у власти в период между 1810 и 1830 г., ненавидеть и бояться его.

Его «Политический указатель», статьи в котором писались таким простым языком, что каждому был доступен смысл написанного, первым выступил с осуждением всякого рода угнетения; тысячи людей в Англии чувствовали, что «Указатель» полностью отражает их собственное мнение. Кроме того, «Указатель» боролся за интересы сельскохозяйственного рабочего, наиболее эксплуатируемого, невежественного и беспомощного человека того времени. Коббет лучше всего знал и больше всего любил именно его. Коббет был наделен вспыльчивым характером, и он неистовствовал против лендлордов, откупщиков и банкиров и против «этого» — заговора богатых против бедных. Если бы не было Коббета, несомненно, недовольство и возмущение в эти годы все равно проявились бы, но они не были бы целеустремленными и не имели бы должного руководства.

В 1815 г. и в последующие годы произошел ряд банкротств, большое количество земли перестало обрабатываться. Во многих местах хозяйство начали вести хуже, чем раньше: стали нанимать меньше батраков, землю хуже уваживали, поголовье скота уменьшилось, инвентарь ремонтировали реже. Положение еще ухудшалось высокими налогами, притеснениями со стороны банкиров, особенно тех, кто ссужал деньги по закладным. Сильно бедствовали как батраки, так и деревенские ремесленники: кузнецы, плотники и колесные мастера; все они приняли активное участие в восстаниях, волна которых прокатилась в 1830 г. по всей Южной Англии.

Помимо этих восстаний и поджогов скирд, которые имели место еще до начала движения и происходили также после него, классовая борьба в деревне приняла особую форму — организо-

ванного браконьерства. Крестьяне, потерявшие свои клочки и право на общинный выгон, неизбежно начинали мстить и пытались возместить свои убытки тем, что стреляли дичь в лесах помещиков, где им категорически запрещалось охотиться. На протяжении приблизительно шестидесяти лет почти по всей Англии велась беспощадная партизанская война между группами вооруженных браконьеров и группами помещиков и их лесничих. С 1770 г. парламентами, членами которых были почти исключительно землевладельцы, был издан ряд законов, становившихся все более и более суровыми. В 1800 г. браконьерство начало караться каторжными работами, а при повторном правонарушении — заключением в тюрьму на срок в 2 года. В 1803 г. был издан указ, гласивший, что если браконьер попытается оказать вооруженное сопротивление при аресте, то он подлежит повешению как тяжкий преступник. В 1817 г. был издан закон о высылке за океан каждого человека, не принадлежащего к группе лиц, имеющих право охотиться на дичь, обнаруженного в каком-нибудь парке или лесу с ружьем или другим оружием. На практике такая высылка оказывалась почти всегда пожизненной, поскольку никто не оплачивал высланным обратный проезд и они редко возвращались домой.

Но эти законы не положили конец браконьерству, они привели только к тому, что браконьеры начали выходить на охоту большими группами и прибегать ко всяким отчаянным поступкам в своем стремлении избежать ареста. К ряду других разрешаемых законом мер по охране дичи прибавились еще пружинные ружья и западни для людей. Каждый пойманный браконьер мог быть уверен в том, что его будет судить суд, где каждый судья будет рассматривать его как своего личного злейшего врага. В Бери-Сент-Эдмунде количество заключений под стражу за браконьерство возросло с 5 в 1810 г. до семидесяти пяти в 1822 г. Только за три года, начиная с 1827, более 8500 мужчин и мальчиков были обвинены в нарушении законов охоты и большая часть их была выслана за океан.

Браконьерство было самым верным, а подчас и единственным способом увеличить нищенскую заработную плату, так как дичь охотно покупали и хорошо за нее платили. Но часто также браконьерство было сознательным или полусознательным вызовом, ответом на ту войну, которую богачи вели против бедняков, отражением непримиримого гнева в те голодные времена.

В 1830 г. недовольство вылилось в восстание, которое прозвали «последним восстанием батраков». Непосредственной причиной, вызвавшей его, было введение молотилки. Молотьба оставалась единственным видом работы в сельском хозяйстве, который давал возможность выработать прожиточный минимум или

пополнить свой обычный доход. Но гумно и ручной цеп не могли конкурировать с машиной, которая не только удешевляла и ускоряла молотьбу, но улучшала также и самый процесс обмола. Кроме того, 1830 г. был годом всеобщего экономического кризиса и исключительно бедственного положения в деревне, усугублявшегося еще страшной эпидемией шелудивости у овец; от этой болезни, по подсчетам, их погибло два миллиона.

Первые восстания произошли в Кенте, где в августе были уничтожены молотильные машины. Часто бывали случаи поджогов скирд, но участники поджогов руководствовались не просто стремлением к разрушению. В хорошо известном письме, распространявшемся за подписью «капитан Свинг», была отражена целая социальная программа. В нем говорилось:

«В этом году мы будем уничтожать скирды хлеба и молотилки, в будущем году мы доберемся до священников, а еще через год мы будем уже вести борьбу против государственных деятелей».

Хотя движение началось с разрушения машин, однако на передний план все больше и больше выдвигалось требование о прожиточном минимуме: в Кенте и Суссексе требовали 2 шиллинга 6 пенсов в день, а в Уилтшире и Дорсете, где жизненные условия вообще были хуже, — 2 шиллинга. Поразительным явлением была готовность фермеров во многих местах принять эти требования; правда, они указывали, что смогут их выполнить только при условии уменьшения десятины и ренты. Они даже сами охотно принимали участие в движении и направляли его против лендлордов и священников. Известен даже ряд случаев, когда фермеры помогали уничтожать свои собственные машины.

По мере того как это движение распространялось в течение всего ноября на запад, оно стало принимать все более насильственный и безнадежный характер. Восстания и требования денег становились все более частым явлением. В Гемпшире были уничтожены работные дома и имели место стычки с гусарами. Но несмотря на то, что оно очень быстро распространялось и выглядело очень грозным, восстание это с самого начала было обречено на провал. Длительное голодное существование и пауперизация, к которой привела спинхамлендская система, подорвали силы и разрушили солидарность сельского пролетариата. Законы об охоте вырвали из его рядов тысячи его естественных руководителей, людей, обладавших наибольшей энергией и независимостью. Участники движения оказались способными на бурную вспышку, но не на длительную борьбу.

Как только власти прибегнули к помощи солдат, восстание было подавлено очень легко. Несмотря на это, правящий класс был необычайно встревожен и соответственно жесток в своих

контрмерах. Особенную активность проявляли Беринги¹, крупная семья банкиров, процветание которой началось еще во времена Питта. Один из членов этой семьи отличился тем, что избил своей тростью ожидавшего суда арестованного, на которого были надеты наручники.

9 человек было повешено, не меньше 457 выслано за океан и примерно столько же брошено в тюрьму. Среди высланных были люди из тринадцати графств, но 250 из них были из Гемпшира и Уилтшира. Все они были с Юга и Востока Англии. На Севере, где у рабочих была возможность выбирать себе работу, поскольку люди были нужны как в шахтах, так и на фабриках, заработная плата была всегда выше, и спинхамлендская система никогда так широко не применялась. Следует отметить, хотя и невозможно установить, насколько этот факт связан с восстанием, что заработная плата сельскохозяйственных рабочих в тридцатых годах была в среднем приблизительно на один шиллинг в неделю больше, чем в 1824 или в 1850 г.

Чтобы завершить свою победу, правительство пыталось привлечь Коббета к суду за статьи, которые он писал в «Политическом указателе». Королевским законникам нетрудно было справиться с запуганными и неграмотными сельскохозяйственными рабочими. Когда же дело дошло до Коббета, им пришлось защищаться от его разоблачений. Коббет рассказал, что одному из арестованных мятежников грозили смертью, а затем обещали помилование, если он даст показания, что Коббет подстрекал его к насильственным действиям. Суд вынужден был его оправдать, и оправдание это было встречено с огромным энтузиазмом. К несчастью, победа Коббета не принесла облегчения ни сотням высланных людей, ни тысячам оставшимся в деревнях.

Основное значение этого восстания состоит в том, что оно было последним крупным политическим движением в сельских местностях. В дальнейшем в сельском хозяйстве были и подъемы и спады, но оно уже начало играть второстепенную по сравнению с промышленностью роль. Сельскохозяйственные рабочие, герои такого большого количества битв, начиная с великого восстания 1381 г., погрузились в апатию, которая только частично нарушилась во время агитации Джозефа Арча за профсоюзы в 1872 г. и позднее. В наши дни, особенно после 1914 г., сельскохозяйственный пролетариат все больше пробуждается как в области профессиональной, так и политической. Если долгая история аграрных восстаний в Англии теперь закончена, то это только потому, что сельскохозяйственный пролетариат покончил со своей отсталостью и изолированностью и принимает непосредственное участие в боях всего рабочего класса в целом.

¹ См. о Берингах еще на стр. 398.

3. Фабричное законодательство

История фабричного законодательства в значительной степени является историей развития машин. В начальный период промышленной революции, когда машины были очень примитивны, скоро выводились из строя и работали на водной энергии, ненадежной и не постоянно получаемой, фабриканты стремились выжать из этих машин все что возможно в предельно короткий срок. Рабочий день удлинился до шестнадцати и даже восемнадцати часов; в тех же местах, где работали по двенадцать часов, была введена посменная работа, так что машины никогда не простаивали. Таким образом можно было добиться максимального выпуска продукции при минимальном вложении капитала, а надо учесть, что многие фабриканты открывали фабрики, располагая лишь очень незначительными средствами, не превышавшими порой 100 ф. ст.

Общезвестно, что эта система привела к катастрофическому падению жизненного уровня рабочих и к невероятной эксплуатации детского труда. Когда условия труда на фабриках впервые стали достоянием гласности, они возмутили даже людей начала девятнадцатого века, которые были достаточно толстокожими. Гуманно настроенные лица, а в особенности лендлорды-тори, наживавшие состояния более «благовидной» эксплуатацией сельскохозяйственного пролетариата¹, начали агитацию за запрещение некоторых, особо возмутительных злоупотреблений. Их агитация оказалась бы довольно бесплодной, если бы не вмешались другие силы, направленные на то, чтобы добиться тех же результатов.

Уже в 1800—1815 гг., в годы своего управления нью-ланаркскими фабриками, Роберт Оуэн показал, что выпуск продукции не прямо пропорционален количеству проработанных часов и что вполне возможно ввести рабочий день продолжительностью в 10½ часов, обойтись без труда детей младшего возраста и все же получать значительные барыши. С введением машин, быстрее и более аккуратно работающих, более мощных и более дорогостоящих, и в связи с тем, что водная энергия была заменена паровой, выгоды слишком длинного рабочего дня стали меньшими. Рабочий день всегда был длиннее, а условия труда хуже на фабриках, пользовавшихся водной энергией, и хозяева этих фабрик всегда оказывали наиболее упорное сопротивление любым нововведениям. По мере того как стали вкладывать больше капи-

¹ «Морнинг кроникл» опубликовала цифры, показывающие, что в имениях графа Шафтсбери батраки, зарабатывающие от 7 до 8 шиллингов в неделю, должны были платить от 1 шиллинга 6 пенсов до 2 шиллингов арендной платы за свои хижины,

тала в машины, отношение между постоянным и переменным капиталом постепенно менялось. Для производства какого-либо предмета теперь фактически требовалась меньшая затрата ручного труда; в то же самое время скорость, с какой новые машины могли работать, стала намного превышать темпы, которыми могли работать на них рабочие и работницы по шестнадцать или восемнадцать часов. Теперь уже стало менее выгодно эксплуатировать эти машины в течение длинного рабочего дня, когда они работали не на полной скорости, чем сократить рабочий день и работать на полной скорости.

Это не означает, однако, что фабриканты приветствовали сокращение рабочего дня или согласились на проведение фабричного законодательства без ожесточенной борьбы. Если воспользоваться политическим термином, то фабричное законодательство можно назвать продуктом двух взаимосвязанных сторон классовой борьбы. Во-первых, его удалось добиться в связи с постоянным движением самого рабочего класса. Рабочий класс объединил свое требование о проведении парламентской реформы с требованием сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда на фабриках и отмены детского труда, то есть фактически он считал реформу главным образом средством, которое даст ему возможность добиться осуществления всех этих требований. Во-вторых, фабричное законодательство было одним из результатов отчаянной внутренней борьбы, которая велась между двумя группами правящего класса—промышленниками и землевладельцами.

Промышленники настоятельно требовали отмены хлебных законов, поскольку удешевление продуктов питания дало бы им возможность снизить заработную плату и, таким образом, более успешно конкурировать на мировом рынке. В отместку за это и с тем также, чтобы отвлечь от себя внимание, землевладельцы начали кампанию против длинного рабочего дня и эксплуатации, практиковавшейся на фабриках их противников. На примере чартиста Остлера, тори, руководителя агитации за введение десятичасового рабочего дня, можно последить, как в одном человеке эти тенденции соприкасались¹.

В 1847 г. Маркс писал:

«Английские рабочие дали почувствовать сторонникам свободной торговли, что их не могут сбить с толку все увертки и вся ложь этих последних; и если, тем не менее, они присоединились к ним в борьбе против землевладельцев, то решили они на это с целью разрушить последние остатки феодализма, чтобы иметь потом дело лишь с одним врагом. Рабочие не обманулись в своих расчетах; чтобы отомстить фабрикантам,

¹ См. главу XIII, раздел 2, и главу XIV, раздел 2.

землевладельцы перешли на сторону рабочего класса в борьбе за десятичасовой билль, которого напрасно требовали рабочие в течение тридцати лет и который был проведен немедленно после отмены хлебных законов¹.

Отстаивая свои интересы, фабриканты прибегали к аргументам как общего, так и частного порядка. Они апеллировали к священным принципам *laissez-faire*—это была широко распространенная догма, заключающаяся в том, что каждый член общества должен свободно следовать своим «просвещенным личным интересам», и это каким-то таинственным путем должно было оказаться полезным для общества в целом. На основании этого принципа любое вмешательство государства в дела промышленности осуждалось как попрание естественного права. Кстати следует отметить, что в самый разгар увлечения принципом *laissez-faire* от него все же отказались в двух важных случаях: во-первых, рабочим было запрещено законом объединяться для того, чтобы добиться повышения заработной платы, и, во-вторых, помещикам была предоставлена возможность добиться запрещения ввоза пшеницы.

Помимо общих разглагольствований фабриканты старались, в частности, доказать опасность иностранной конкуренции². Они уверяли, что если их заставят сократить рабочий день или огородить места, где установлены машины, они уже не смогут продавать свои товары за границей. Таким образом, фабричное законодательство, несмотря на благие намерения, привело бы только к безработице и большему обнищанию рабочих. Другим излюбленным аргументом было то, что «только последний час приносит барыш» и, следовательно, сокращение рабочего дня автоматически уничтожило бы всю прибыль. Но оказалось, что все эти доводы настолько противоречили фактам экономики, что никого почти не убеждали, кроме тех лиц, которые их приводили.

В 1802 г. был издан первый, очень малоэффективный закон, которым только пресекались самые злостные формы эксплуатации нищих детей. За ним последовал в 1819 г. Акт, регулирующий положение на хлопчатобумажных фабриках. Этим актом на хлопчатобумажных фабриках запрещалось применять труд детей младше девяти лет; длина рабочего дня для детей от девяти до шестнадцати лет устанавливалась в $13\frac{1}{2}$ часов. Но этот закон так и остался на бумаге, так как не принималось никаких мер для проведения его в жизнь.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 453.

² Это не относилось к мальчикам, работающим на большой высоте от земли. Здесь нельзя уже было сослаться на иностранную конкуренцию, и защитникам подобного вида зверства пришлось придумывать другие аргументы.

И только после 1833 г., после проведения билля о реформе и под влиянием чрезвычайно сильных волнений среди рабочих на всем Севере Англии, был наконец проведен эффективный акт. Этим актом применение труда детей младше девяти лет запрещалось на всех фабриках, кроме тех, где изготовлялся шелк¹; рабочий день детей старшего возраста ограничивался, и вводился ряд фабричных инспекторов, призванных следить за соблюдением этих новых правил. Наконец, в 1847 г. десятичасовой билль ограничил число часов работы женщин и молодежи, а на практике обеспечил 10-часовой рабочий день также и для большинства мужчин, поскольку оказалось невыгодным держать фабрики открытыми только для них. Однако претворить все это в жизнь не удавалось в течение ряда лет, так как наниматели всячески пытались уклониться от подчинения новым правилам, прибегая для этого к всевозможным уловкам и ухищрениям, если не к открытому игнорированию предписаний акта.

Эти акты распространялись только на текстильную промышленность. Они не затрагивали, например, шахтеров, и в 1842 г. комиссия по делам шахтеров обнаружила, что положение их еще ухудшилось, поскольку после издания акта от 1833 г. детский труд на шахтах стал применяться еще усиленнее, особенно в Ланкашире и Западном Райдинге. Это объяснялось тем, что заработная плата взрослых рабочих была настолько низка, что родители принуждены были посылать детей на любую работу, которую им удавалось найти.

До проведения фабричного законодательства наниматели то и дело твердили о невероятных трудностях, о том, что им никак нельзя обойтись без применения детского труда. В дальнейшем же быстро обнаружилось, что в замену детского труда можно было легко изобрести машины; кроме того, использование машин вело также к уменьшению затраты труда и давало возможность снизить себестоимость продукции. «Принудительное регулирование рабочего дня со стороны продолжительности, перерывов, момента начала и окончания, система смен для детей, исключение всех детей до известного возраста и т. д. побуждают к усиленному применению машин и к замене мускулов как двигательной силы паром... коротко говоря, усиливается концентрация средств производства и, в соответствии с этим, уплотнение рабочих»².

¹ Шелковая промышленность была единственным видом текстильной промышленности, которой приходилось иметь дело с серьезной иностранной конкуренцией. Энгельс писал: «Монополию, которую лицемерные сторонники свободной торговли отвергли в отношении иностранных конкурентов, эту монополию они создали заново за счет здоровья и жизни английских детей».

² К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 480.

Так, например, распространение фабричного законодательства на спичечную промышленность привело к изобретению макального станка, namного оздоровившего процесс изготовления спичек; кроме того, на одной фабрике работу, для которой раньше требовалось 230 рабочих, стали выполнять 32 молодых рабочих.

Наиболее ярким примером того, как капиталисты обращали себе на пользу труды гуманно настроенных людей, может служить лампа Деви. Сэр Хемфри Деви был настолько возмущен большим количеством несчастных случаев в шахтах, что в 1816 г. он изобрел лампу для предотвращения взрывов. Эта лампа быстро вошла в употребление. Сам Деви отказался от вознаграждения и патента на лампу, которую он хотел принести в дар человечеству. На практике в результате применения этой лампы число несчастных случаев возросло, поскольку шахтовладельцы получили возможность разрабатывать более глубокие и опасные пласты, а кроме того, наличие этой лампы служило им во многих случаях предлогом к тому, чтобы не устраивать надлежащей вентиляции.

Но не повсюду фабричное законодательство привело к увеличению количества машин и к их усовершенствованию. Только более крупные и более богатые предприятия могли проводить необходимые изменения и таким образом увеличивать свои барыши. Фабрики с устаревшим уже оборудованием, в особенности фабрики, все еще пользовавшиеся водной энергией, не могли быть перестроены в соответствии с новыми требованиями. Некоторые из них пришли в упадок, некоторые попали в руки более богатых фирм; но исчезновение этих фабрик отнюдь не означало упадка промышленности в целом. Наоборот, фабричное законодательство привело к развитию промышленности, так как оно дало новый толчок к применению более эффективных методов и одновременно привело к концентрации ее в руках владельцев самых крупных и новых фирм, а также и к концентрации капитала. По существу, это законодательство способствовало вытеснению с рынка мелких предприятий более крупными.

Кроме того, фабричное законодательство приводило, как указывал Маркс, к тому, что «...в некоторых отраслях промышленности регулирование рабочего дня лишь равномернее распределило бы на весь год ту массу труда, которая уже применяется в них; что оно послужило бы первой рациональной уздой для человекоубийственных, бессмысленных и по существу не согласующихся с системой крупной промышленности ветреных капризов моды; что развитие океанского судоходства и средств сообщения вообще устранило собственно техническое основание сезонной работы... Однако капитал, как он неоднократно заявлял устами своих представителей, соглашается на такой переворот

«лишь под давлением общего парламентского акта», который принудительным законом регулирует рабочий день»¹.

Короче говоря, фабричное законодательство, хотя фабриканты ему очень противились, явилось частью, возможно даже и необходимой частью, того развития, которое привело к замене водной энергии паровой, к массовому использованию машин для изготовления самих орудий производства; кроме того, фабричное законодательство привело также к тому, что уже не легкая, а тяжелая промышленность начала играть решающую роль, что явилось уже окончательной победой промышленного капитализма в Англии. Наконец наступило время, когда эта победа привела к открытой борьбе между промышленником-капиталистом, с одной стороны, и союзом помещика с финансистом — с другой, из-за политического господства.

4. Корни либерализма

С 1793 г. партии тори удалось сплотить вокруг себя большое количество представителей всех имущих классов для борьбы с якобинством как в самой Англии, так и за границей. Партия вигов, ряды которой сильно поредели, перестала играть какую бы то ни было роль в политике. Это объясняется тем, что она не хотела примыкать к лагерю, выступающему против якобинства, и была еще неспособна возглавить массовое движение против правительства, которое, по существу, представляло те классы, к которым принадлежали также и сами члены партии вигов. Это была секта, существование которой обуславливалось скорее традициями и чувствами, а не подлинно классовыми интересами. Парламентская политика неизбежно стала скорее борьбой групп внутри партии тори, чем борьбой между партиями. Дело в том, что хотя тори и объединили все группы высших классов, но группы имели различную экономическую опору.

Власть сосредоточивалась в руках землевладельцев, коммерсантов и финансовой олигархии Сити, которые обычно покупали землю и быстро ассимилировались с землевладельцами по взглядам и характеру. К промышленным капиталистам продолжали относиться как к посторонним, и их отстраняли от участия в политической игре, с ее спекуляцией и махинациями с городами, представленными в парламенте. Только незначительное число новых фабричных городов Севера, где промышленный капитал был наиболее силен, посылало своих депутатов в парламент. У фабрикантов была возможность покупать землю, что они иногда и делали: владея землей, они начинали играть некоторую роль в политике, но как у класса в целом у них были

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 485—486.

свои собственные, особые интересы, часто резко противоречащие интересам лендлордов и банкиров. По характеру и взглядам это были буржуа, а не аристократы.

Первый крупный раскол произошел в 1815 г., после того как опасность, грозящая извне, от якобинства, окончательно исчезла. Раскол начался из-за хлебных законов, так как промышленники считали, что эти законы приносят их интересы в жертву интересам лендлордов. В течение некоторого времени внутреннее брожение, кульминационным пунктом которого явилось Питерлоо, препятствовало расколу, но примерно с 1820 г. появились признаки надвигающихся перемен. Прежде всего партия вигов возродилась на новой основе. В XVIII в. вигами были аристократы и коммерсанты; в XIX в. партия вигов, члены которой скоро начали называть себя либералами, была партией промышленных капиталистов и буржуазии крупных городов; правда, сначала этой партии все же руководили члены старой вигской аристократии, сохранившейся с дореволюционных времен.

Таким же разительным, но имеющим еще большее непосредственное значение было изменение характера партии тори и ее окончательный раскол. Этот раскол сопровождался изменением как внутренней, так и внешней политики и в конце концов привел даже к переходу большого количества тори в партию вигов, как раз перед проведением билля о реформе. После смерти Кастри, совпавшей с возрождением торговли и с уменьшением агитации за реформу, на передний план выступила новая группа, возглавляемая Каннингом, в которую входили Гескиссон, Пальмерстон и другие «умеренные» тори и к которой по временам примыкал также и Пиль. Эта группа часто вступала в конфликты с аристократической группой тори, руководимой Веллингтоном и лордом Илдоном.

В связи с тем, что создалась новая ситуация, появилась необходимость применить и новую тактику. «Шесть актов» предотвратили революционный кризис, но более дальновидные представители правящего класса начали понимать, что вряд ли такие меры окажутся всегда эффективными в будущем. Они не прочь были прибегнуть к насилию (как показали события 1830 г. и позже—события чартистского периода), но предпочитали избегать его в тех случаях, где можно было воспользоваться другими методами. В результате как до билля о реформе, так и после него был проведен целый ряд «либеральных» мероприятий, направленных на то, чтобы исподволь укрепить государственный аппарат; эти мероприятия, хотя с виду и были менее репрессивными, чем меры времен Питерлоо, на самом деле были гораздо более действенными.

Таково было, например, изменение, внесенное в уголовный кодекс в тот период, когда Питт был министром внутренних дел

(1823 — 1830). По старому уголовному кодексу смертной казнью карались примерно 200 преступлений, причем в это число входили и совершенно незначительные проступки; преступность все же была очень велика; частично это объяснялось тем, что в тот период не существовало полицейской системы и все полицейские функции выполнялись совершенно непригодными для этого ночными сторожами, так что преступника бывало очень трудно найти; частично также и тем, что присяжные сплошь и рядом признавали обвиняемых невиновными, несмотря на всю очевидность их вины, в силу нежелания посылать человека на виселицу за какую-нибудь мелкую кражу.

Пиль и другие реформаторы считали, что преступность может снизиться не в силу суровости законов, а в том случае, если преступник действительно будет подвергнут тому наказанию, к которому его приговаривают; для этого надлежало создать полицию, которая была бы в состоянии задерживать большую часть лиц, совершивших преступления. В связи с этим изменение уголовного кодекса сопровождалось созданием новых полицейских сил (пилеры) сначала только в Лондоне, а затем постепенно и в провинциях.

Использование полиции в политических целях имело те преимущества для господствующих классов, что оно укрепляло власть государства, не заставляя опасаться вспышки серьезных внутренних беспорядков, которые всегда происходили, если выступал корпус йоменри или регулярные войска. Наряду с этим уменьшение активности радикалов после 1820 г. дало возможность ослабить цензуру печати и удалить многих шпионов и провокаторов из организаций радикалов и рабочего класса. Теперь явно начали считать благоразумным избегать беспорядков, а не провоцировать их¹. Частичная отмена Актов о запрещении союзов в 1824 г. была проведена в тех же целях. До тех пор пока тред-юнионы считались нелегальными, каждый из них являлся удобной почвой для организации заговора. Отмена Актов о запрещении союзов в значительной мере явилась результатом умелой агитации Френсиса Плейса, который убедил правительство, а может быть также и самого себя, в том, что когда тред-юнионы будут легализованы, они станут уже ненужными, распадутся и сами перестанут существовать².

Ставя перед собой примерно те же задачи, Гескиссон занялся в торговой палате распутыванием неразберихи, царившей в отношении тарифов, загромождавших книгу статуты; некоторые из них были протекционными, а некоторые были введены с целью получения дохода. Протекционные тарифы, необходимые на более

¹ Мероприятия Пила и Гескиссона были вызваны не ослаблением деятельности радикалов, а, наоборот, боязнью более решительного наступления рабочего класса в более благоприятных условиях.—Прим. ред.

² См. стр. 355.

ранней стадии, являлись теперь препятствием для промышленности, которая не имела явных конкурентов и стремилась только к тому, чтобы производить как можно более дешево и продавать свои товары в возможно большем количестве. Гескиссон отменил некоторые тарифы, а еще большее их количество настолько снизил, что этим подготовил полную их отмену при помощи системы имперских преференций, которая, по существу, уже была ближе к свободной торговле, чем к системе протекционизма. Гескиссон придавал большое значение торговле с колониями, гораздо большее, чем это было принято со времен американской войны за независимость, он являлся в известном смысле отцом школы либералов-империалистов. Навигационные законы были значительно изменены с главной целью содействовать увеличению ввоза сырья по предельно низким ценам.

После 1822 г. Каннинг стал министром иностранных дел, и в этом министерстве также появилось «либеральное» направление. В годы после Ватерлоо Англия довольно неохотно плелась в хвосте Священного союза. Она скорее уступала, а не являлась активной участницей его деятельности в качестве жандарма европейской реакции¹. Но к 1822 г. непосредственная угроза революции миновала, и ей на смену пришла гораздо более реальная, с точки зрения британского правительства, опасность постоянного господства в Европе Австрии, России и Пруссии. Поэтому Каннинг вернулся к старой политике равновесия сил; он склонялся к тому, чтобы договориться с Францией, которая стала теперь весьма уважаемой державой: ее монархами были Бурбоны, и она проявила готовность применить репрессии по отношению к Испании, когда там в 1822 г. вспыхнула демократическая революция.

Каннинг ничего не сделал для вмешательства, но он послал армию наблюдать, чтобы интервенция не распространилась на Португалию, и дал ясно понять, что он не потерпит вмешательства в дела Южной Америки. В ней Англия была непосредственно и сильно заинтересована. Испанские колонии в Америке стали независимыми во время наполеоновских войн, когда они были отрезаны от Европы британской морской блокадой. С 1815 г., несмотря на целый ряд войн, Испания так и не удалось восстановить свою власть над этими колониями. Британские торговцы, для которых Южная Америка стала со времени войны важным рынком, оказывали займами помощь восставшим. Шесть тысяч британских волонтеров сражались в рядах восставших под командой генерала Боливара, и их флотом командовал бывший офицер британского флота лорд Кочрейн. «Либерализм» Каннинга, таким образом, оказался только результатом нежела-

ния британской буржуазии упустить из своих рук крупный рынок, который она фактически монополизировала.

В довершение всего восстание греков против турецкого владычества создало тот запутанный, мучительный восточный вопрос, который не удавалось разрешить на протяжении всего XIX в. Австрия и Россия выступили на защиту разных враждующих сторон, и Каннинг считал, что интервенцией в Греции можно расколоть Священный союз. Но он стремился проводить свое вмешательство таким образом, чтобы не дать России возможности укрепить свои позиции на Балканах или продвинуться вдоль берега Черного моря к Константинополю. Британский, французский и русский флоты разбили турок в Наваринском бою в 1827 г., но как Англия, так и Франция постарались позаботиться о том, чтобы новое греческое государство не попало под русский контроль¹.

В эти годы виги во многом соглашались с политикой правительства, и казалось вполне возможным, что они примкнут к группе Каннинга, у которой было гораздо больше общего с ними, чем с аристократической частью тори. В 1827 г. смерть лорда Ливерпуля, премьер-министра, ничтожества, который препятствовал проявлению открытой вражды между группами Каннинга и Веллингтона, вскрыла, наконец, раскол в партии тори. Каннинг сформировал министерство из своих сторонников, причем виги оказали ему поддержку, а аристократические тори находились в большей или меньшей степени в оппозиции. Шесть месяцев спустя он также умер, и после периода неопределенности сформировал правительство Веллингтон. Гескиссон, который по наследству руководил тори Каннинга, вскоре вышел в отставку. Положение партии тори в этот период можно сравнить только с положением вигов примерно в 1760 г.²

Профессор Г. М. Тревельян очень метко характеризует одну сторону существовавшего положения. Он пишет: «Политическое положение этого периода может смутить человека, изучающего его; оно богато парадоксальными событиями: в то время как старые партии раскалывались, «дух века» и постоянное давление, оказываемое извне людьми, не имеющими представительства в парламенте, тяготело изо дня в день над политикой номинальных властей. Сцена представляла всю суматошную неразбериху крупного военного отступления, когда никто не знает, что делает, кто угоден другой, и когда позиции занимают только с тем, чтобы их тут же оставить».

Но все же в основе всего лежал тот факт, что через личные распри и «суматошную неразбериху» в среде политиков прокладывали себе дорогу новые классовые соотношения. Промыш-

¹ См. примечание на стр. 301.—Прим. ред.

¹ См. главу XIII, раздел 3.

² См. стр. 260—261.

ленная революция достигла того периода, когда класс, который она породила, становился достаточно сильным и мог уже диктовать новую политику, даже еще до перехода к нему непосредственного политического руководства. Как это часто случается в такие моменты, правительство вынуждено было прибегнуть к действиям, которые были для него совершенно неизбежны, но, несомненно, в будущем должны были оказаться губительными.

Не успел Веллингтон прийти к власти, как он уже оказался перед выбором: или гражданская война, или согласие на эмансипацию католиков в Ирландии. Он избрал последнее, хотя и знал, что для англиканской церкви, являвшейся главным оплотом аристократических тори, эмансипация католиков была неприемлемой, что они ее не простят. Этим почти случайным событием — случайным, поскольку оно не имело непосредственного отношения к внутренней политике Англии, — закончился раскол партии тори. У нее не осталось ни спайки, ни руководства, ни общих принципов, ни общей политики. Характер предстоящих изменений определялся тем фактом, что тори, сторонники Каннинга, влились в партию вигов (одно время казалась вероятным, что именно виги присоединятся к тори, сторонникам Каннинга).

Когда в конце двадцатых годов торговля, возродившаяся на некоторый период, снова переживала кризис и виги сумели направить недовольство голодного народа против тори, против синекур и всех ненормальностей, царивших в переформированном парламенте, не было уже силы, которая могла бы оказать эффективное сопротивление.

5. Билль о реформе

К 1830 г. экономический кризис принял наиболее широкие размеры. Фабрики закрывались, безработица быстро возрастала, а заработная плата тех, кто еще удержался на работе, падала. На Юге осенью начались уже описанные раньше восстания. На Севере как грибы вырастали профсоюзы и носились упорные слухи о том, что рабочие вооружаются и проводят военное обучение. Революция, которая произошла в Париже в июле и в Бельгии в августе, еще более накалила атмосферу.

Как и в 1816 г., экономические бедствия быстро привели к требованию о проведении парламентской реформы. Но существенное отличие от 1816—1820 гг. заключалось в том, что теперь проведение реформы добивалась также и буржуазия, в то время как в те годы это требование исходило почти исключительно от рабочего класса. Находясь в гораздо более близком контакте с массами, чем тори, фабриканты и владельцы магазинов сознавали опасность простого подавления недовольства и решили превратить его в оружие, которое могло обеспечить их собственное политическое господство.

Движение за реформу получило поэтому более широкое распространение и стало опаснее, чем когда-либо ранее. Для каждого класса вопрос о реформе ставился по-своему, но все же такому блестящему политическому интригану, как Плейс, удавалось обходить эти противоречия и даже обратить их себе на пользу. Когда Ловетт и оуэнисты создали свой «Национальный союз» рабочего класса, широко известный под названием «ротондистов» по Ротонде, обычному месту их встреч¹, Плейс немедленно почувствовал опасность и ценность такой организации (в программу этого союза входило требование о всеобщем избирательном праве, о тайном голосовании и о ежегодных пере выборах парламента). Эта организация была опасной, поскольку она серьезно взялась за дело и, кроме того, считала парламентскую реформу только первым шагом к социальной реформе и экономическому равенству. Она была также и полезной, ее можно было использовать для того, чтобы путем шантажа заставить членов партии тори согласиться на частичную реформу (достаточную для нужд средних классов), угрожая, что в противном случае начнется революция. Революцию же Плейс и виги никогда не уставали рисовать в самых мрачных красках и не переставали кричать, что только их собственный такт и умеренность дают им возможность, правда с величайшим трудом, эту революцию предотвращать.

Бронтер О'Брайен, ставший в дальнейшем лидером чартистов, откровенно разоблачал эти ухищрения в газете «Защитник бедных людей», органе ротондистов: «Запугивание «революцией» применяется средним классом и «мелкими хозяйчиками» с целью заставить вас согласиться на их мероприятия... насильственная революция не только не может быть осуществлена теми, кто грозит ей, но вызывает в них самих величайшую тревогу».

Для того чтобы полностью использовать создавшееся положение, Плейс создал свою Национальную политическую ассоциацию, организацию, находившуюся под контролем буржуазии, в числе членов которой было много рабочих. Наличие рабочих в организации давало Плейсу возможность припугнуть кого надо революцией, но, по существу, он не позволял своей ассоциации выйти за четко очерченные пределы. Его организация работала в полном контакте с бирмингемским Политическим союзом Томаса Атвуда и родственными организациями во всей стране. Ротондисты оказывали влияние только на наиболее передовую часть рабочих, билль же о реформе был с восторгом поддержан большинством рабочего класса, хотя он и приносил ему очень мало непосредственной пользы. Почему это было так,

¹ Позже Блекфрайарс Ринг. Разрушен во время воздушного налета в период второй мировой войны.

можно понять только из рассмотрения характера дореформенного парламента и изменений, которые предложено было внести.

Парламент по своему характеру, по классам, господствовавшим в нем, по методам проведения выборов, по своей оторванности от народа и сопутствующей всему этому системе синекур и спекуляции в основном ничем не отличался от парламента XVIII в., который уже был нами описан¹. Несколько синекур было уничтожено, и рост критики привел к тому, что коррупция перестала носить такой открытый характер, но эти достижения были значительно менее важны, чем те два явления, которые изменили положение в худшую сторону.

Рост населения с 1760 г. и тот факт, что часть его покинула свои старые места, сделали парламент еще менее представительным. Возникли новые крупные города, не имеющие права избирать членов парламента; среди них были Манчестер, Бирмингам, Лидс и Шеффилд. Население многих старых городов, представленных в парламенте, не возросло вовсе или даже уменьшилось. Таким образом получилось, помимо даже того факта, что члены парламента ни в коей мере не представляли большинство жителей тех мест, от которых они избирались, что промышленные районы остались почти непредставленными по сравнению с сельскохозяйственными районами и маленькими, но зато старыми торговыми городами, в которых господствовали местные джентри. И, во-вторых, слой 40-шиллинговых фригольдеров, имевших право голоса на выборах от графств, был почти полностью уничтожен в результате огораживаний. После исчезновения класса йоменов избирателями остались главным образом помещики и разношерстное сборище отдельных лиц, владевших небольшими участками земли.

Биллем о реформе фактически предусматривалось два момента. Прежде всего, согласно новому положению об избирательном праве, право голоса предоставлялось фермерам-арендаторам в графствах (таким образом усиливалось влияние лендлордов в этих избирательных округах) и съемщикам домов с ежегодной платой в размере, превышавшем 10 фунтов стерлингов в год, в городах, то есть городской буржуазии. В целом ряде городов большое количество людей, ранее имевших право голоса, теперь его фактически лишалось. Ясно, что рабочий класс был не в восторге от этого пункта билля. Но этот пункт тщательно замалчивался, а наряду с этим проводилась бешеная кампания против гнилых местечек и синекур.

Очень большой популярностью пользовался тот пункт билля, которым уничтожались гнилые местечки и по которому право избрания в парламент переходило от них к промышленным горо-

дам и графствам. Пятьдесят шесть городов, представленных в парламенте, были лишены права избирать обоих своих депутатов, и еще тридцать—лишились права избирать одного депутата. Было создано сорок два новых избирательных округа в Лондоне и больших городах, а графства получили право избирать шестьдесят пять новых депутатов. Рабочие убедили в том, что, поскольку старая система взяточничества и спекуляции парламентскими местами уничтожена, они могут рассчитывать на немедленное улучшение своего положения. Большинство рабочих этому поверило: отсюда и энтузиазм, с которым был встречен билль, и быстрое и полное разочарование впоследствии.

Всеобщие выборы состоялись в августе 1830 г., когда движение за реформу только начиналось, но уже достаточно поздно, чтобы дать незначительное большинство различным группам, поддерживавшим реформу, но еще не слившимся с перестроенной партией вигов. В ноябре Веллингтон вынужден был подать в отставку, и к власти пришли вигские министры, немедленно ставшие объектом возмущения в связи с подавлением восстания сельскохозяйственных рабочих.

В марте новый премьер-министр Грей и его помощник лорд Джон Рассел внесли билль о реформе; что было наиболее поразительно, явилось полной неожиданностью для всех—в этом билле содержалось предложение уничтожить все гнилые и карманные местечки, не компенсируя их владельцев. Маколей дал следующее описание сцены, разыгравшейся в палате общин, когда при втором чтении билль был принят большинством в один голос:

«У Пиля даже челюсть отвисла, Туисс начал походить на человека, приговоренного к адским мукам, Херрис смахивал на Иуду, готовящегося удавиться. Мы пожали друг другу руки, похлопали друг друга по спине и вышли в кулуары, смеясь, шумя и крича «ура». Для полноты картины надлежит добавить, что Маколей как раз перед этим произнес свою знаменитую речь, в которой он поддерживал билль и утверждал, что непринятие билля приведет к «крушению законов, смешению сословий, захвату чужой собственности и нарушению общественного порядка».

Через несколько дней члены правительства потерпели поражение в комитете и подали в отставку. Новые выборы состоялись в мае, в обстановке большого возбуждения. Почти все депутаты в парламенте, в избрании которых хоть частично участвовали широкие слои населения (в число их входили также и 74 из 80 депутатов от графств), прошли от партии вигов, а этого вместе приблизительно с одной третью гнилых местечек, контролируемых вигами, было достаточно для того, чтобы обеспечить им большинство в 136 голосов. Билль прошел через палату общин, но в октябре был отклонен палатой лордов. Очень показательным, что большинство голосов, поданных против этого билля, при-

¹ См. главу X, раздел 2.

надлежало епископам и группе спекулянтов военного времени, ставших пэрами по воле Питта.

Именно в этот период машина, заботливо подготовленная Плейсом, была пущена в ход. При помощи секретных правительственных фондов и денег, предоставленных богатыми сторонниками билля, во многих местах были спровоцированы восстания и начали упорно распространяться сообщения о том, что в индустриальных городах начались волнения, которые носят серьезный характер. В значительной мере народное возмущение палатой лордов было совершенно искренне, а большая безработица и голод служили массам достаточным основанием для того, чтобы устраивать бунты и демонстрации. В обстановке необычайного возбуждения требование ротондистов о всеобщем избирательном праве казалось академичным и не связанным с настоящим политическим конфликтом. Таким образом вигам удалось восторжествовать одновременно над обеими группами своих врагов.

Лордам было дано несколько месяцев для того, чтобы преподанный им урок был хорошо усвоен. Между тем значительная часть всего центра Бристоля была сожжена, у Веллингтона и у епископа выбили стекла, десятки петиций поступали из всех провинций, а в Лондоне происходили огромные и бурные демонстрации. В декабре в палату общин был внесен новый билль, и 13 апреля он был принят незначительным большинством голосов палатой лордов.

Однако тори постарались затем выхолостить этот билль в комитете, и в мае правительство ушло в отставку. Веллингтон попытался сформировать новое правительство, но не сумел добиться поддержки даже своей собственной партии. Плейс и виги, возможно встревоженные легкостью, с какой им при помощи их предыдущих махинаций удалось вызвать народное возмущение, прибегли к новому, но одинаково успешному приему: к предъявлению банкам требований о возвращении вкладов. Через девять дней Веллингтон отказался от своей попытки, а Грей вернулся, заручившись обещанием Вильгельма IV создать новых пэров в количестве, достаточном для проведения билля через палату лордов. Эта угроза возымела должное действие, и билль стал законом 7 июня 1832 г.

Хотя этот новый закон был достаточно куцым (он увеличил количество избирателей только примерно с 220 тыс. до 670 тыс. при населении в 14 млн.), все же он имел очень большое значение.

Во-первых, передав политическую власть в руки промышленных капиталистов и их последователей из средней буржуазии, он создал крепкую базу для либеральной партии, игравшей главную роль в политике на протяжении всей середины XIX в. С этого времени, начиная с избрания Коббета и Фильдена от Олдена, некоторые города промышленного Севера начали

посылать в парламент радикалов и начала складываться определенная политическая группа, более левая, чем либералы; иногда эта группа сотрудничала с ними, но часто придерживалась независимого политического курса. Всегда, например, имелась маленькая, но активная группа, поддерживавшая требования чартистов в палате общин. За 55 лет, от 1830 до 1885 г., сменилось девять вигских и либеральных правительств, которые находились у власти всего примерно 41 год, и шесть правительств тори, пробывших у власти только 14 лет. Этот факт сам по себе очень интересен, но еще более примечательно то, что тори сохраняли за собой власть только ценой проведения политики, которая, по существу, являлась политикой либералов, как, например, отмена хлебных законов или билль о реформе в 1867 г. Этот билль о реформе создал политические институты, ставшие необходимыми в связи с экономической революцией, совершившейся на протяжении жизни двух предшествующих поколений.

Во-вторых, новый закон изменил соотношение политических сил палаты общин, палаты лордов и короля. Палата общин выиграла за счет палаты лордов, потому что члены палаты общин, хотя, по существу, это было неправдой, имели теперь возможность утверждать, что они представляют народ в противовес клике аристократов; кроме того, палата общин выиграла на том, что уничтожение гнилых местечек почти лишило пэров возможности влиять на состав нижней палаты. По этой же причине король больше не мог непосредственно вмешиваться в политику парламента. У короля больше не было возможности заниматься фаворитизмом и подкупами, как это практиковалось в XVIII в., и в силу этого он лишился своих приверженцев в палате общин. Начиная с этого времени, король вынужден был оказывать свое влияние, хотя подчас и значительное, только секретными и косвенными путями; в ход пускались его личные связи с представителями правящего класса и с главами иностранных государств. Этим и объясняется тот факт, что влияние короля оказывалось гораздо сильнее в вопросах иностранных дел, а не внутренних.

Третье следствие билля о реформе, может быть наиболее важное, было непредвиденным и косвенным. Рабочие, которые больше всех боролись за проведение этого билля, скоро осознали, что их обошли и что реформа им ничего не дала. Закон о рабочих домах, изданный в 1834 г., убедил их в том, что их интересы по меньшей мере столь же безразличны для вигов, как и для тори. Совершенно не случаен тот факт, что немедленно после 1832 г. массы с отвращением отвернулись от парламентской политики и перешли к революционному тред-юнионизму; когда же выявилась ограниченность возможностей этого оружия, они приступили к созданию в процессе чартистского движения первой независимой политической партии рабочего класса.

Глава XIII

ВЛАСТЬ ЛИБЕРАЛОВ

1. Новый закон о бедных и век железных дорог

После 1832 г. вигская буржуазия занялась утверждением своей власти и упрочением своего положения за счет как помещиков, так и рабочих, которых вигам пришлось принять в качестве союзников во время борьбы за билль о реформе. Первой задачей вигов было распространить победу 1832 г. на местное управление. Если парламентская система была устаревшей и хаотичной, то городское управление было, повидимому, еще в худшем состоянии. Города находились во власти корпораций, избираемых как попало и обычно выражавших интересы какого-нибудь местного помещика или клики влиятельных лиц в городе. Большое количество новых городов, выросших из деревень за последние одно-два поколения, совсем не имело действительной административной машины. Округа графств деспотически управлялись мировыми судьями; наряду с этим изредка, для разрешения каких-нибудь особых вопросов, создавались разные комитеты с несогласованными между собой функциями и противоречивыми интересами. Эта неразбериха, естественно, способствовала коррупции и неэффективности администрации.

Акт о муниципальных городах в Шотландии (1833) и акт о реформе муниципальных городов в Англии (1835) уничтожили большинство этих организаций и заменили их корпорациями, избираемыми в Шотландии владельцами домов с доходом не менее десяти фунтов, а в Англии—всеми налогоплательщиками. На практике это дало возможность вигской буржуазии контролировать большинство крупных городов, поскольку рабочий класс самостоятельно выступил на арену муниципальной политики только к концу столетия.

Сельские округа остались в руках сквайрархии тори, с чем вигам пришлось примириться после 1688 г. Только в 1888 г. были организованы советы графств, чтобы обеспечить какую-либо форму самоуправления для местностей, не включенных в муниципальные города. Эта двойственность в местном управлении давала лендлордам как классу устойчивую социальную базу

на протяжении всего периода укрепления власти промышленных капиталистов. Она дала им возможность вести длительную борьбу из-за хлебных законов и делала двухпартийную систему парламентского правления отражением разделения британских правящих классов.

Что касается других мероприятий этого первого послереформенного вигского правительства, то о фабричном законодательстве 1833 г. мы уже говорили, а отмена рабства негров будет нами рассмотрена несколько позже¹. О напряженных классовых конфликтах, в условиях которых эти изменения произошли, тоже будет сказано позже, но их нельзя упускать из виду. Ничто не вызвало более горького классового чувства и ничто так полно не вскрыло истинный характер правления вигов, как закон о бедных от 1834 г. В основу этого закона, которому надлежало разрешить наиболее мучительный из всех вопросов местного управления, были положены принципы ортодоксальных ученых политиков того времени.

Пересмотр закона о бедных был необходим правящему классу по двум причинам. Прежде всего, повидимому, быстро надвигался общегосударственный и местный финансовый кризис. В 1815 г. из общего бюджета в 67 500 тыс. ф. ст. примерно 25 500 тыс. ф. ст. получалось путем прямого налогообложения, причем свыше 14 млн. ф. ст. поступало от подоходного налога. После войны буржуазии удалось добиться отмены подоходного налога, и в 1831 г. только 11 500 тыс. ф. ст. из общего дохода в 47 млн. ф. ст. было получено путем прямого налогообложения. Последняя сумма не превышала двух пятых суммы, выплачиваемой как проценты держателям облигаций государственного долга. Результатом этого был целый ряд несбалансированных бюджетов, наряду с совершенно непропорциональным бременем налогообложения, от которого страдали широкие массы.

В некоторых районах спинхамлендская система, которая начинала становиться все менее и менее пригодной для нужд промышленной страны, довела многие приходы почти до банкротств. Налог в пользу бедных после того, что он снизился почти до 4,5 млн. ф. ст. в середине двадцатых годов под влиянием экономического кризиса, опять превысил 7 млн. ф. ст. в 1831/32 финансовом году.

Но спинхамлендская система, однако, была не только очень дорогостоящей. Она также затягивала борьбу домашней промышленности с фабриками и задерживала необходимый фабрикантам приток дешевого труда в промышленные города. Целое поколение ручных ткачей и мелких ремесленников ожесточенно боролось за то, чтобы не попасть на фабрики. Из года в год их доход

¹ См. главу XV, раздел 4.

уменьшался, и в конце концов рабочий за полную рабочую неделю не мог уже заработать больше пяти или шести шиллингов. Даже при получении дополнительного вспомоществования, полагающегося по закону о бедных, это составляло только голодную заработную плату, но, по крайней мере, ткачи и безработные батраки, как и те из них, что имели непостоянный заработок, могли голодать на воле. В 1834 г. им предложили сделать выбор между фабрикой и работным домом. Таким образом закон о бедных, уничтожив вспомоществование для лиц, находившихся вне работных домов, загнал новые слои рабочих на предприятия, дающие прибыль хозяевам, примерно так же, как это получилось с африканскими неграми в конце столетия в результате введения налога на хижины.

Принцип нового закона был очень прост: каждый нуждающийся во вспомоществовании должен был получать его в работном доме. На протяжении всего периода действия спинхемлендской системы работные дома являлись главным образом местом призрения для престарелых, инвалидов, детей и всех тех, кто был настолько беспомощен и незащищен, что попадал туда. Эти дома являлись образцом, по которым строилось еще много подобных домов, причем теперь уже не отдельными приходами, а группами приходов, известных под названием «союзов».

Для того чтобы новая система оказалась полностью эффективной, необходимо было, чтобы положение бедняка было «менее приемлемым», чем положение наименее преуспевающего рабочего, находящегося вне стен работного дома. Комиссия, созданная в 1834 г. для реорганизации закона о бедных, выразила всю сущность новых установок в зловещих словах, что «каждый работоспособный человек, проживающий в работном доме, должен подвергаться такому режиму в отношении труда и дисциплины, который оттолкнет даже бездельников и порочных людей». В тот период, когда миллионы людей почти умирали с голоду, «оттолкнуть» от работных домов можно было, только прибегнув в них к всевозможным унижениям и жестокости. Семьи разлучались, пища была плохая и ее было мало, работа, которую заставляли выполнять, была унижительна и бессмысленна. Среди наиболее обычных видов работы было рассучивание канатов и дробление камней.

С целью избежать общественного контроля над проведением в жизнь акта назначили трех уполномоченных, фактически не несущих ответственности ни перед кем; это были «три короля Сомерсетского дома», которые на протяжении десятилетия вместе с их секретарем Эдвином Чадвиком были самыми ненавистными людьми в Англии.

Коббет на последнем году своей жизни начал вести борьбу против «Бастилии закона о бедных» в палате общин, но уже дру-

гим суждено было продолжать ее и слить ее с крупным движением рабочего класса—чартизмом. Закон о бедных, больше чем что-либо другое, сделал вигов непопулярными и дал возможность народу осознать, что его обманули биллем о реформе. Огромные возбужденные толпы демонстрантов аплодировали таким ораторам, как Остлер или священник-методист Дж. Р. Стивенс, который заявил в Ньюкасле: «Вместо того чтобы жена и муж, отец и сын разъединялись, чтобы их сажали в подземную тюрьму и кормили «тюремной кашней», вместо того чтобы жена или дочь надевали тюремную одежду,—Ньюкасл должен быть превращен в сверкающий костер, потушить который можно только одним средством—кровью всех тех, кто поддерживал эту меру».

В некоторых местах работные дома штурмовались и сжигались после ожесточенных стычек между народом и войсками. Во многих северных городах новый закон удалось полностью провести в жизнь только лет через десять или даже позже. В Тодмордене первый работный дом был построен через тридцать лет после издания закона. Однако массовые волнения прекратились по завершении первой фазы чартистской деятельности, примерно в 1839 г., и основные пункты закона о бедных были проведены в жизнь как в сельских, так и в промышленных районах. В конце тридцатых годов самообложение в пользу бедных снизилось примерно до суммы в 4—4,5 млн. фунтов стерлингов.

Для этого снижения имелись внешние причины, самая главная из них—наступление века железных дорог: в 1823 г. начала функционировать Стоктон-Дарлингтонская железная дорога; в 1829 г. была открыта гораздо более важная линия, соединившая Манчестер и Ливерпуль. Вначале железная дорога использовалась в основном для перевозки грузов, но вскоре обнаружилось, что поезда могут развивать гораздо большую скорость, чем это предполагалось, и что они могут перевозить пассажиров быстрее и дешевле, чем почтовая карета.

Началась настоящая лихорадка железнодорожного строительства, сопровождавшаяся спекулятивным бумом и игрой на акциях и земельных участках. В годы 1834—1836 для постройки железных дорог было собрано около 70 млн. ф. ст. Тысячи миль рельсов были уложены сначала в промышленных районах, затем на главных путях, идущих радиусами из Лондона, а затем уже и на менее важных участках. Большое количество капитала, затраченного на эти работы, не могло немедленно принести барыш, и в 1845 г. начался жестокий кризис, охвативший много отраслей промышленности и отразившийся на многих банках. Этот кризис явился скорее результатом излишнего оптимизма в спекуляции, чем непрочного положения железнодорожных компаний; он скоро закончился и сопровождался даже еще большим размахом строительства.

В результате этого начался период, который можно назвать второй промышленной революцией. Век железных дорог положил начало огромному росту всех отраслей промышленности, он ознаменовал собой укрепление монополии британских фабрикантов и начало развития современной тяжелой промышленности. Экспорт возрос с 69 млн. ф. ст. в 1830 г. до 197 млн. ф. ст. в 1850 г.; но гораздо важнее этого простого количественного увеличения был тот факт, что началось усиленное развитие некоторых главных отраслей промышленности, особенно угольной и металлургической. В 1830 г. плавилось 678 тыс. *t* чугуна; в 1852 г. его выплавка дошла до 2 701 тыс. *t*. Добыча угля возросла с 10 млн. *t* в 1800 г. до 100 млн. *t* в 1865 г.

Англия не только являлась первой страной, создавшей у себя необходимую ей железнодорожную сеть; она вскоре начала также строить железные дороги, получая от этого огромные барыши во всех странах мира, особенно в колониальных и полуколониальных странах, не имевших достаточно плотного населения или достаточной концентрации капитала для того, чтобы строить их самостоятельно.

В этих странах железные дороги обычно не только строились британскими подрядчиками, но также и финансировались займами, получаемыми из Лондона. Началась новая фаза для британской торговли. Приблизительно до 1850 г. экспорт преимущественно состоял из предметов широкого потребления и, главным образом, из хлопчатобумажного текстиля. Хотя после этого времени текстиль остался самой крупной статьёй экспорта, но наряду с ним за границу начали вывозить все большие количества железных изделий, рельсов, паровозов, железнодорожных платформ, а также всевозможных машин. Англия стала вывозить орудия производства, и центр тяжести британского промышленного капитализма начал перемещаться из Манчестера в другие города.

Непосредственным результатом железнодорожного бума внутри страны было увеличение спроса на труд. Рабочие нужны были как для самого железнодорожного строительства, так и для угледобычи, для сталелитейной и других отраслей промышленности, связанных со строительством железных дорог. С 1830 г. тысячи землекопов были заняты на работах, причем число их непрерывно возрастало, дойдя к 1848 г. почти до 200 тыс. Многие из них были ирландцами, но большинство были, вероятно, английские рабочие, «освобожденные» законом о бедных, изданным в 1834 г. Часть людей пошла работать на шахты; там, поскольку они представляли собой неорганизованную массу и были доведены до отчаяния, они начали перебивать работу у шахтеров. Это привело к тому, что к 1843 г. в Стаффорде было объявлено, что хозяева «будут брать на работы в шахтах людей, занимавшихся ранее земледелием или имевших любую другую профессию;

при условии, если они согласятся получать за свою работу на 3 или 4 пенса в день меньше, чем профессиональные шахтеры.

Кроме того, железные дороги значительно облегчили для рабочих возможность передвигаться с места на место и покидать деревни в поисках какого-либо фабричного города, где можно было достать работу. Ревизоры, наблюдавшие за проведением в жизнь закона о бедных в 1835 и 1836 гг., указывали в своих отчетах, что им неоднократно удавалось способствовать выезду людей из «охваченных бедствием районов» Восточной Англии и с Юга на Север и в центральные графства.

Железная дорога и развивавшееся попутно пароходство дали также возможность осуществить второй вид эмиграции, принявший гораздо более крупные размеры, чем раньше. В 1837 г. началась колонизация Новой Зеландии. В 1840 г. число поселенцев в Австралии стало так велико, что ее фактически перестали уже использовать в качестве места, куда ссылали преступников на каторжные работы. Много людей эмигрировало в Канаду, в то время как строительство железных дорог в Соединенных Штатах (4 тыс. км к 1840 г.) открывало обширные новые территории за Аллеганскими горами. До 1840 г. ежегодно эмигрировало примерно 70 тыс. человек. Это число почти удвоилось к середине пятидесятых годов в связи с тем, что в Австралии и Калифорнии нашли золото¹.

В 1840 г. власть вигов пошатнулась. Пять дефицитных бюджетов и затянувшийся кризис подорвали их престиж. Закон о бедных был непопулярен не только среди рабочих, не имевших права голоса, но также и среди мелкой буржуазии, которая право голоса имела. Средняя и крупная буржуазия видела, что интенсивная классовая борьба за хартию вызывает необходимость положить конец социальному эксперименту и создать сильное реакционное правительство.

Помимо этого виги в силу своего классового состава не могли разрешить вопрос о хлебных законах, отмена которых становилась теперь неизбежной. Промышленники, представлявшие собой костяк партии, настаивали на отмене этих законов; но старые вигские помещичьи семьи, все еще занимавшие много руководящих постов, были не в состоянии заставить себя провести мероприятие, которое, по их мнению, должно было резко сократить доход, получаемый ими от земли. Частичная отмена этих законов никем не могла удовлетворить, но она повсюду была правильно расценена как признак слабости.

При таких обстоятельствах выборы 1841 г. закончились победой тори и созданием правительства, возглавляемого Пилем.

¹ См. главу XV, раздел 2;

Лендлорды вздохнули с облегчением, но потребности экономики вскоре толкнули новое правительство на путь свободной торговли и отмены хлебных законов.

2. Хлебные законы

Хлебные законы 1815 г. в Англии были последней явной победой помещиков как класса. Но это была победа, ведущая к гибели, так как она неизбежно приводила к их изоляции от остальных классов и давала промышленникам возможность становиться в позу, пусть целиком лицемерную, защитников всего народа от эгоистичного монополистического меньшинства. Непосредственной целью хлебных законов было удержать цены на пшеницу на уровне голодных лет, которого они достигли во время наполеоновских войн, когда поставки из Польши и Франции или полностью, или частично задерживались и не попадали в Англию¹. Импорт пшеницы был совершенно запрещен, когда цены упали ниже 50 шиллингов за квартал.

Немедленно после издания хлебных законов их возненавидели все, за исключением лендлордов и фермеров; но даже и фермеров практика убедила в том, что колебания цен на пшеницу чрезвычайно губительны и что всякие манипуляции с рынком лишают их ожидаемых барышей. Попытки, сделанные в 1828 и 1842 гг., улучшить законы введением скользящей шкалы оказались неудачными. Оппозиция хлебным законам, соединенная с требованием проведения парламентской реформы, получила очень широкое распространение в период Питерлоо; это движение прекратилось после 1820 г., чтобы вновь возродиться с наступлением депрессии в промышленности в 1837 г. На этот раз это было уже не столько движение широких народных масс, сколько движение промышленной буржуазии, стремившейся снизить рабочие издержки.

С 1838 г., когда Кобден и Брайт создали Лигу борьбы против хлебных законов, эта лига оспаривала у чартистов руководство рабочим классом. В 1847 г. Карл Маркс писал: «В людях полных самоотвержения, в Боуринге, в Брайте и комп., народ видит своих злейших врагов и самых бесстыдных лицемеров».

Всякому известно, что борьба между либералами и демократами в Англии есть в то же время борьба между приверженцами свободной торговли и чартистами².

¹ Даже в разгар войны 1811 г. бедственное положение крестьян на севере Франции заставило Наполеона разрешить экспорт зерна в Англию. В другие годы власти часто смотрели на такую торговлю сквозь пальцы.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 447.

Чартисты организовывали свои демонстрации в противовес демонстрациям лиги и разоблачали ораторов лиги, показывая действительное положение вещей; в некоторых промышленных городах они не дали возможности устраивать лиге каких-либо митингов, за исключением тех, на которые по билетам проходили только их собственные сторонники.

По существу, чартистская агитация, по сравнению с которой ссора сторонников лиги и тори звучала подобно детскому лепету, явилась одним из факторов, более всего способствовавших отмене хлебных законов. Страхась революции, враждующие между собой фракции правящего класса были вынуждены забыть о разногласиях и помимо отмены хлебных законов провести также акты, касающиеся фабрик, угольных шахт, а в 1847 г. также и акт об установлении десятичасового рабочего дня. Рабочий класс гораздо более, чем «гнилая картошка», так «чертовски испугал Пиля».

Конечно, было бы ошибкой считать, что агитация лиги совсем не повлияла на рабочих. Она велась в неслыханно больших масштабах, ее щедро финансировали (в 1843 г. было собрано 100 тыс. ф. ст. и распространено 9 млн. листовок), к ее услугам были все железные дороги, дешевые газеты и почта. Все выступления Кобдена и Брайта широко распространялись десятками газет, и ораторы лиги имели возможность быстро и легко передвигаться по всей стране. У них были такие широкие возможности для распространения евангелия Фритреда, свободной торговли, которых не могли себе представить Пим и Коббет.

После 1841 г. Пиль, правда очень нерешительно, пошел навстречу фритредерам, что объясняется непрерывным нажимом извне, а также и тем простым фактом, который все начинали сознавать, что рост населения не дает возможности Англии самой себя прокормить.

Первый шаг был продиктован запутанным состоянием, до которого виги довели финансовое положение. Большое количество таможенных тарифов и пошлин было аннулировано и заменено подоходным налогом, который было проще взимать и который приносил больше дохода; в конечном счете подоходный налог оказался также и менее обременительным для промышленности. Так как эти тарифы были связаны с промышленностью, то лендлорды—сторонники Пиля—не выступали за их сохранение. Но в результате их отмены, преднамеренно ли это было или нет, хлебные законы остались изолированной аномалией, ставившейся все более заметной, защищать эти законы становилось все труднее.

В течение этих лет Пиль, повидимому, тщательно изучал положение; он уяснил себе всю неосновательность широко распро-

страненного среди лендлордов мнения, что в житницах балтийских стран хранятся большие запасы пшеницы, готовые наводнить Англию. Он знал то, что тогда было известно лишь очень немногим людям как в Англии, так и за ее пределами, что во всех странах излишки зерна, которые можно экспортировать, очень незначительны; отмена хлебных законов могла самое большее предотвратить неизбежное в противном случае возращание цен, которое было чревато революцией. Поэтому, используя голод в Ирландии как предлог, он был готов насильственно, вопреки воле большинства своих собственных сторонников, провести отмену хлебных законов.

Однако еще до этого имел место политический кризис, имевший серьезные последствия. Зимой 1845 г. бунт внутри партии тори заставил Пилля уйти в отставку. Виги, которые вынуждены были высказаться за полную отмену хлебных законов, чтобы не отстать от лиги, начали формировать новое правительство. Внезапно под каким-то пустым предлогом лорд Джон Рассел заявил что он не может формировать правительство, и снова передал власть Пиллю. На этот раз проявление бесстыдной политической трусости было с лихвой вознаграждено. Заставив Пилля отменить хлебные законы при поддержке вигов, Рассел ускорил раскол в партии тори, что обессилило ее на двадцать лет.

Во главе группы, выступившей против Пилля, был молодой и почти неизвестный политик еврей Бенджамин Дизраэли, и именно он воссоздал партию тори в начале века империализма; но теперь это была уже не столько партия помещиков, сколько партия новой силы—финансового капитала¹. Когда Пилль умер, в 1850 г., несколько тори, сторонников свободной торговли, присоединилось к вигам. Среди них был Уильям Эварт Гладстон, которому шел тогда сорок второй год.

Хлебные законы были отменены в июне 1846 г., причем до 1849 г. был сохранен небольшой временный тариф. Но результаты были совсем не те, каких ожидали. Цены не упали, фактически средняя цифра в течение 1851—1855 гг. равнялась даже 56 шиллингам против 54 шиллингов 9 пенсов за 1841—1845 гг. Для этого был ряд оснований: увеличение населения и увеличение спроса, вызванное развитием промышленности, неурожай в течение ряда лет и Крымская война 1853 г., приостановившая ввоз пшеницы из Польши. Появились, правда, новые источники получения зерна—Турция, США и др.,—но они были сравнительно незначительны, и совершенно очевидно, что если бы хлебные законы не были отменены, цены возросли бы еще больше. Позднее гражданская война в Америке прекратила на несколько лет экс-

порт зерна, и только около 1870 г., когда крупный пшеничный район Среднего Запада стал поставлять пшеницу из Америки (благодаря постройке железных дорог), начало поступать большое количество зерна.

Когда промышленники пытались заручиться поддержкой народа в своем стремлении уничтожить хлебные законы, они аргументировали главным образом тем, что отмена этих законов приведет к снижению цен на продовольствие. Но им принесло прибыль не это, а увеличившийся импорт и постоянное расширение рынка сбыта для их товаров. Так, наряду с увеличением импорта пшеницы из Леванта, возрос экспорт ланкаширского хлопчатобумажного текстиля с 141 тыс. ф. ст. в 1843 г. до 1 млн ф. ст. в 1854 г.

В этом отношении отмена хлебных законов должна рассматриваться как часть всего законодательства фритредеров, благодаря которому период между 1845 и 1875 гг. стал золотым веком для промышленников. Свободная торговля зерном сопровождалась введением свободной торговли сахаром и, наконец, в 1860 г. лесоматериалами. Пока в иностранных государствах не была создана своя промышленность, ничто больше не закрывало мировые рынки для британских промышленников.

Энгельс определяет весь этот период следующим образом:

«Годы, непосредственно следовавшие за победой фритредерства в Англии, видимо, оправдали самые фантастические надежды на вызванное им процветание. Британская торговля возросла до сказочных размеров; промышленная монополия Англии на мировом рынке казалась более прочной, чем когда-либо раньше; новые домы, новые текстильные фабрики поднимались целыми гнездами; новые отрасли промышленности вырастали во всех концах...

Небывалое развитие промышленности и торговли в Англии между 1848 и 1866 гг., несомненно, было вызвано в значительной степени отменой покровительственных пошлин на пищевые продукты и сырье. Но отнюдь не только этим. Одновременно произошли и другие важные перемены, которые точно так же влияли в этом направлении. К этим годам относятся открытие и разработка калифорнийских и австралийских золотых приисков, которые до огромных размеров увеличили средства обращения на мировом рынке. В эти же годы пар одерживает окончательную победу над всеми другими видами транспорта; в океанских водах пароходы совершенно вытеснили парусные суда; на суше железные дороги заняли во всех цивилизованных странах первое место, шоссейные дороги—второе; транспорт сделался вчетверо быстрее и вчетверо дешевле. Ничего не удивительного в том, что при таких благоприятных условиях английская промышленность, работающая при помощи пара, могла распространить свое

¹ См. стр. 352.

вливание за счет иноземной кустарной промышленности, пользующейся ручным трудом»¹.

Британские капиталисты процветали, они считали свою завидную судьбу законом природы и верили, что такое положение будет длиться вечно.

В сельском хозяйстве отмена хлебных законов привела к результатам, которые нас очень удивили бы, если бы мы не имели возможности сравнить их с тем, как фабричное законодательство повлияло на промышленность. Вместо ожидаемого разрушения началось процветание, вместо уменьшения посевной площади—увеличение. Одна только опасность иностранной конкуренции привела к ряду технических усовершенствований. В виде компенсации за отмену хлебных законов помещики, являющиеся членами парламента, добились постановления о выдаче им ссуд под очень небольшие проценты для проведения мелиорации на их землях. Это дало им возможность увеличить стоимость своей земли и хорошо заработать на фермерах, которых они, в свою очередь, ссужали деньгами для мелиорации под гораздо более высокие проценты.

Машина для изготовления труб, изобретенная в 1845 г., дала возможность проводить осушку земли в широких масштабах. Это значительно увеличило урожайность земли под пшеницей, землю стало легче обрабатывать; стало выгодным применять искусственное удобрение. В этот период начали широко применяться селитра, гуано и костяное удобрение. Было введено в употребление много новых машин. На выставке королевского сельскохозяйственного общества в 1853 г. было представлено не менее 2 тыс. сельскохозяйственных орудий.

Непосредственным стимулом для введения машин явилось увеличение заработной платы сельскохозяйственных рабочих между 1845 и 1859 гг. Это увеличение было следствием большого спроса на труд на шахтах, на строительстве железных дорог и т. д.² Со временем более широкое применение машин привело к снижению количества занятых рабочих, хотя посевная площадь и увеличилась на полмиллиона акров, а общий выпуск сельскохозяйственной продукции возрос в гораздо большей пропорции.

Рост капиталовложений в сельское хозяйство привел к дальнейшему увеличению размеров ферм. С 1851 до 1871 г. общее число ферм с количеством земли ниже 40 га уменьшилось; число же ферм с количеством земли от 120 га и выше возросло с 11 018 до

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 313—314.

² Увеличение зарплаты сельскохозяйственных рабочих было следствием не только увеличения спроса на их труд, но и их упорной борьбы за свои права—без этой борьбы никакое увеличение спроса не дало бы заметного улучшения положения рабочих.—Прим. ред.

13 006, причем пропорционально больше всего увеличилось число ферм с количеством земли, превышавшим 200 га.

Период процветания продолжался до конца непродолжительного бума, последовавшего за франко-прусской войной. Затем он неожиданно кончился и началась длительная депрессия, вызванная поступлением больших количеств американской пшеницы и австралийской шерсти. Условия жизни батраков сначала несколько улучшились, но затем, еще до наступления депрессии, значительно ухудшились, рост цен, вызванный притоком калифорнийского и австралийского золота, привел к непрерывному снижению реальной заработной платы.

Так как промышленность и сельское хозяйство развивались одновременно, то, знаменательным образом, между промышленниками и помещиками не было явной борьбы на протяжении двадцати лет после отмены хлебных законов. Никакие крупные политические спорные вопросы не разделяли различные группы правящего класса вплоть до времени возобновления движения за реформу в шестидесятых годах. Политика стала такой же приятной игрой, как и в XVIII в. Пальмерстон, в котором воплотились все наиболее консервативные воззрения вигов, выступал в роли направляющего гения. Выставка 1851 г., которая, как думали, ознаменует собой начало эры всеобщего мира, фактически сопровождалась новым туром европейских войн; тем не менее она явилась в Англии прелюдией к периоду чрезвычайной социальной стабильности. В это время подробности политических событий стали гораздо менее интересовать общество, чем статистика о росте экспорта и импорта или данные о неравномерности поступлений подоходного налога. Это была викторианская эра *par excellence*.

3. Внешняя политика. От Пальмерстона до Дизраэли

Принципы, лежащие в основе внешней политики либералов к концу XIX в., были исключительно просты. Это были принципы «воодушевленного человека с мешком», человека, имеющего товар для продажи. При поддержке флота, гораздо более многочисленного, чем флот какой-либо конкурирующей державы, происходит экономическое проникновение в страны Британской империи и Дальнего Востока. Каких бы то ни было серьезных осложнений всячески избегали, причем Англия оказывала нажим только с целью помешать какой-либо державе обеспечить для себя доминирующее положение. С более сильными государствами обращались с крайней осторожностью; мелкие государства, если только это казалось выгодным, старались запугать.

Проводилась эта политика лордом Пальмерстоном, который являлся полновластным хозяином в министерстве иностранных дел почти без перерыва с 1830 по 1865 г. В делах внутренней

политики Пальмерстон принадлежал к наиболее реакционной части виггов. В области внешней политики он совершенно незаслуженно пользовался репутацией либерала.

Пальмерстон подстрекал поляков к восстанию, обещав им помощь Англии, и затем предал их почти так же, как он предал датчан в 1864 г. Он одобрил отправку русских войск на подавление венгерской революции в 1848 г. Возможно, что он поддерживал революцию в Италии, учитывая тот факт, что объединение Италии ослабит Австрию и таким образом косвенно укрепит Россию. Во время восстания горных племен в Дагестане около 1850 г. Пальмерстон сыграл такую же роль, как Самуил Хор в отношении недавнего завоевания Абиссинии Муссолини. Пальмерстон также поспешил признать Наполеона III после совершенного им государственного переворота в декабре 1851 г., и именно Пальмерстон несет главную ответственность за гнусные войны против Китая 1840 и 1860 гг.

Тем не менее после 1850 г. столкновение Англии и России стало, по видимому, неизбежным. В связи с поражением революционного движения во всей Европе, явившимся в значительной степени результатом вмешательства России, у последней не осталось соперников на материке. Австрия находилась в состоянии упадка и банкротства; Германия все еще была разделена на множество мелких государств, еще не подпавших под власть Пруссии; Франция, где борьба была наиболее ожесточенной, все еще находилась в непокойном состоянии. Россия была «великим оплотом, резервной позицией и резервной армией европейской реакции».

Но непосредственное значение имело продвижение России, которое угрожало интересам британской буржуазии по двум направлениям. Прежде всего в Азии, где Россия проглатывала Туркестан огромными кусками. Продвижение России к Индии также вызывало тревогу, поскольку Индия в этот период превращалась в краеугольный камень всей системы британской промышленности и финансов¹.

В 1850 г. непосредственная угроза для Индии была еще далека: ближе была угроза в Турции. С развитием пароходства средиземноморская дорога в Индию и на Восток снова приобрела большое значение. Использование дороги, идущей мимо мыса Доброй Надежды, все еще представляло большие трудности для пароходов, и, кроме того, все еще ощущалась нехватка угля. Поэтому примерно с 1835 г. было организовано регулярное судоходство из Англии в Александрию и из Суэца в Индию. Суэцкий канал открылся только в 1869 г., но план его строительства уже усиленно разрабатывался. В основном именно вследствие возрастающего

¹ С другой стороны, британский экспорт во внутреннюю Азию быстро увеличился приблизительно с 1850 г. за счет России.

значения этого пункта на Средиземном море как Россия, так и Великобритания проявили необычайный интерес к святым местам в Иерусалиме около 1850 г.

Русское проникновение в Турцию не только дало бы России возможность оседлать дорогу в Индию; это также сделало бы ее владычицей восточной части Средиземного моря, где концентрировались интересы как Франции, так и Великобритании; наличие же русских войск на Дунае сделало бы и без того уже сильную позицию России в Центральной Европе неоспоримо господствующей. В этот период весь Балканский полуостров находился под господством Турецкой империи, но власть ее все больше ослабевала и среди населения Сербии, Болгарии и Румынии начиналось сильное национальное движение. Царское правительство России стремилось овладеть этим движением и использовать его в целях ослабления как Турции, так и Австрии.

Хотя Великобритания и Франция вели Крымскую войну исключительно в своих эгоистических целях, все же победа России означала бы гибель для прогресса и демократии во всей Европе¹. Понимание этого делало Крымскую войну чрезвычайно популярной в Англии; в оппозиции к ней находилась в основном группа Брайта—Кобдена. Было абсурдно и достаточно лицемерно со стороны эксплуататоров Индии и Ирландии или со стороны биржевых акул и авантюристов, поддерживающих Наполеона Маленького, поносить тиранию русского царя, но у масс, в памяти которых была еще свежа судьба Польши и Венгрии, ненависть к царизму была искренней и бескорыстной.

Предлог к войне был совершенно ничтожным: охрана святых мест и плохое обращение с христианскими меньшинствами в Турции. Длительная дискуссия, предшествующая началу войны, характерна тем, что британское правительство, договорившись об условиях с Россией, продолжало подстрекать турецкое правительство отвергнуть их и неофициально обещало ему через лорда Стратфорда-де-Редклиффа, посла в Константинополе, морскую и военную помощь в случае войны.

Военные действия, центральное место в которых занимала осада морской базы и крепости Севастополя представляли собой длинный ряд ошибок. Севастополь мог легко быть взят в любое время на протяжении шести недель после битвы при Альме (20 сентября 1845 г.), но французские и британские командиры из излишней осторожности решили приступить к осаде по всем

¹ Несомненно, Россия в первой половине XIX в. играла роль «жандарма Европы»; эта роль ею была утеряна в результате поражения в Крымской войне. В то же время автор преуменьшает реакционную роль Англии в международных отношениях того времени. В Крымской войне Англия и Франция преследовали реакционные цели, стремясь сохранить власть Турции над угнетенными народами Балкан.—Прим. ред.

правилам, но не смогли сделать ее успешной из-за недостатка сил. Вскоре осаждающих застигла зима, а у них не было ни надлежащей организации, ни снаряжения. Болезни и холод косили людей тысячами, и позднее Флоренс Найтингал указывал, что из 25 тыс. погибших английских солдат 16 тыс. умерли из-за недостатков военной системы¹.

Война оказалась успешной только потому, что русские генералы и руководители оказались еще более некомпетентными. Вскрылась внутренняя слабость царизма, о которой внешний мир даже не подозревал и которая проявилась еще более ярко в русско-японской войне и в 1914 г. Россия оказывалась все менее способной вести крупную войну, по мере того как все больше развивалась военная техника, базой которой должно было служить наличие развитой машиностроительной промышленности. В 1854 г. эта промышленность только начала развиваться, и у обеих сторон оружие, тактика и организация находились почти на том же уровне, как и во времена наполеоновских войн.

После падения Севастополя в сентябре 1855 г. был подписан мирный договор, которым разрешение реальной проблемы о турецком владычестве на Балканах откладывалось в долгий ящик. Власть Турецкой империи восстанавливалась, а России запрещалось укреплять порты на Черном море или держать там военные корабли.

Этот договор привел к желанному результату: он задержал продвижение России до 1870 г., когда победы Пруссии над Францией изменили соотношение сил в Европе. Тогда пункты договора о нейтрализации Черного моря были денонсированы и началась новая наступательная политика, завершившаяся русско-турецкой войной 1876 г. На этот раз морская демонстрация, инициатором которой был Дизраэли, задержала продвижение России, хотя Англия фактически и не пришлось вступить в войну. По договору, заключенному в Сан-Стефано в 1878 г., еще ряд государств отторгался от турецких владений на Балканах, но все же этот район стал не сферой русского влияния, а полем столкновения между Россией и Австрией.

Крымская война была первой в серии европейских войн, явившихся естественным результатом поражения революции 1848 г., что привело к установлению военного деспотизма в поднимающихся централизованных национальных государствах. В 1864 г. последовала война за Шлезвиг-Гольштейн, затем австро-прусская война 1866 г., серия войн, связанных с объединением Италии, и наконец франко-прусская война 1870 г. После 1871 г. на-

¹ Это была первая и последняя война, в ходе которой население Англии имело точные сведения обо всем происходившем. Электрический телеграф привел к появлению военных корреспондентов, а военная цензура еще не наложила своего запрета на их деятельность. Этим и объясняется то сильное впечатление, которое производили на общество сообщения Рассела в «Таймсе».

чался новый период, во время которого завершилось образование сплоченных агрессивных государств, начавших создавать соперничающие группы. Это был период империализма, приведший к мировой войне 1914 г. Этот период будет описан нами позже¹.

В этом туре войн сама Англия играла незначительную непосредственную роль, и их влияние на английскую историю в этот период было невелико. Гораздо более важной во многих отношениях была гражданская война в Америке, начавшаяся в 1861 г. Это была война за определение пути дальнейшего развития США: превратятся ли они в страну индустриальную или в них будет преобладать плантационная экономика, при которой продовольственные товары и сырье производятся для экспорта трудом рабов и которой руководит рабовладельческая аристократия. Эти два вида экономики могли существовать рядом лишь до определенного момента, и, следовательно, эта война явилась классовой борьбой между земельной аристократией, с одной стороны, и буржуазной демократией—с другой. В видоизмененной форме это была борьба, начатая в Европе французской революцией, точно так же как рабство было в некоторых отношениях проявлением специфически американской формы феодализма.

В Англии понимали классовый характер этой войны, и Северу и Югу поддержку оказывали различные классы. Почти весь правящий класс единогласно поддерживал рабовладельцев Юга², помещики—вследствие естественной симпатии, хлопковые магнаты и судовладельцы—потому, что Север блокировал южные порты и не пропускал хлопок в Ланкашир. Внушительные силы выдвинули требование признания южного конфедеративного правительства, и использовались все возможности для того, чтобы чинить препятствия и всячески вредить Северу. Кульминационный пункт был достигнут, когда каперу «Алабама» была дана возможность выйти из Ливерпуля; этот корабль нанес сильный удар торговому судоходству Севера.

Весь рабочий класс также единогласно поддерживал Север. Особенно достойна внимания поддержка, которую оказали Северу рабочие ланкаширских хлопчатобумажных фабрик. Несмотря на то, что они вероятно страдали от безработицы, они все же сопротивлялись всем усилиям нанимателей, которые пытались втянуть их в кампанию против Севера с тем, чтобы заставить северян снять блокаду и пропустить хлопок. Именно этот классовый конфликт, возникший в результате гражданской войны, нарушил глубокий застой, в котором находилось движение рабочего класса со времени неудачи чартизма в 1848 г. Начало этого конфликта привело к биллю о реформе в 1867 г., к возрождению

¹ См. главу XVI.

² Но Кобден, Брайт и их последователи неуклонно поддерживали Север.

социалистического движения и к подъему движения фениев в Ирландии. Об этом будет говориться ниже; здесь мы коснемся некоторых экономических последствий гражданской войны.

В 1861 г. хлопчатобумажная промышленность в Англии все еще являлась ведущей, и большая часть хлопка, из которого делали пряжу в Ланкашире, поступала из Соединенных Штатов. В 1860 г. из Соединенных Штатов было импортировано 1115 млн. фунтов хлопка и из Индии 204 млн. фунтов. К осени 1863 г., когда голод чрезвычайно усилился, почти 60% текстильных рабочих оказались безработными. Это объяснялось частично тем, что американский хлопок был заменен более низкокачественным индийским хлопком, но главным образом тем, что наниматели воспользовались депрессией, чтобы понизить заработную плату, которая сплошь и рядом снижалась до 4 или 5 шиллингов в неделю. Для рабочих голод был бесконечной трагедией, наниматели же имели возможность в конечном счете превратить его в источник получения дополнительных прибылей. Новые хлопковые плантации были созданы в Индии (импорт индийского хлопка возрос к 1865 г. до 446 млн. фунтов) и в Египте, производившем длиноволокнистый хлопок высокого качества. Весь доход с этих плантаций шел не американским, а британским капиталистам. Введение новой технической культуры, приносящей наличные деньги, еще более сократило посевную площадь зерна в Индии и Египте. Это явилось одной из причин хронического голода и все возрастающей задолженности крестьян.

В то же самое время голод уничтожил ряд более мелких, менее прибыльных предприятий и привел к значительной рационализации остальных. К 1868 г., когда промышленность снова вернулась к нормальному состоянию, численность работающих фабрик оказалась меньшей, количество же веретен—большим; выпуск продукции увеличился, а количество занятых рабочих сократилось на 50 тыс. На ткацких фабриках выпуск продукции увеличился, несмотря на сокращение количества станков.

Но в дальнейшем результаты оказались не столь удовлетворительными. Победа Севера, как только дезорганизация, вызванная войной, была ликвидирована, привела к росту крупной текстильной промышленности сначала в Новой Англии, а позже в южных штатах, причем эта промышленность охранялась высокими пошлинами. Увеличившийся импорт индийского и египетского хлопка в Ланкашире уже сам по себе, вероятно, заставил бы Соединенные Штаты потреблять большее количество своего собственного сырья. Гражданская война в конечном счете значительно способствовала уничтожению монополии Ланкашира и ускорению уже упоминавшегося нами перенесения центра тяжести британской промышленности из Манчестера в Бирмингем, что привело через некоторое время к политическим переменам.

4. Второй билль о реформе

Пальмерстон умер в 1865 г.; с 1810 г. он почти непрерывно был членом министерств, сначала тори, а затем вигов. Его смерть завершила эволюцию партии вигов к либерализму и освобождению промышленников от сомнительного руководства группы аристократов-помещиков. Когда Пальмерстона не стало, а лорд Джон Рассел стал уже стар, руководство партией перешло в руки Гладстона, и господство промышленников нашло свое выражение в укреплении связей, уже существовавших у Гладстона, и официального партийного руководства с радикальной группой, возглавляемой Брайтом.

Союз с радикалами заставил Гладстона принять их требование о расширении избирательного права. В этом требовании особенно отразилось новое повышение боевого духа рабочего класса, упомянутое выше в качестве одного из результатов гражданской войны в Америке. Уже в 1861 г. некоторые тред-юнионы подняли вопрос о парламентской реформе. В 1864 г. было основано Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал); оно быстро получило такое влияние, что в начале 1865 г. сторонники Кобдена просили Генеральный совет товарищества выступить совместно с ними с агитацией за реформу. В 1866 г. Совет лондонских союзов, созданный в 1860 г. для оказания организованной поддержки крупной стачке строителей, занялся этим вопросом, и было создано «Лондонское товарищество рабочих».

Таким образом, имелось два параллельных движения: одно—руководимое Кобденом¹, Брайтом и буржуазными радикалами, второе—профсоюзами, заимствующими многие из своих политических установок от Интернационала. Важно учесть, что впервые почти за двадцать лет организации рабочего класса, как таковые, начали интересоваться политическими вопросами. Иногда у этих двух движений находились точки соприкосновения, иногда они расходились, так как радикалы пытались свести на-нет требование союзов о всеобщем избирательном праве для мужчин. В 1866 г. Гладстон, к большому разочарованию левых, внес билль, который только понижал цифру в 10 ф. ст., определяющую имущественный ценз в городах, имеющих право участвовать в выборах в парламент, до 7 ф. ст. Но даже это казалось слишком большой уступкой для тех вигов, которые пережили Пальмерстона; группа, известная под названием «Аделламиты» и руководимая Робертом Лоу, перешла к тори и вызвала поражение правительства. После ухода этой группы вес радикалов в либеральной партии очень усилился.

¹ Кобден умер в 1865 г.

Дальнейший результат был таков, какого никто, повидимому, не ожидал. Билль Гладстона был и так встречен с довольно умеренным энтузиазмом, но Лоу открыто выступал против него, заявляя, что с принципиальной точки зрения рабочие, именно как рабочие, неспособны пользоваться избирательным правом. Наглость этого заявления внезапно превратила реформу в классовый вопрос и почти в вопрос чести¹.

Осенью 1866 г. правящий класс был изумлен и встревожен волнениями, вызванными этим заявлением. В десятках промышленных городов состоялись огромные демонстрации, в которых, казалось, принимает участие все рабочее население и мелкая буржуазия. Обычно в этих демонстрациях тред-юнионы принимали участие как организованные корпорации, со своими знаменами. В Лондоне огромное количество людей собралось на площади Трафальгар и в Гайд-Парке, причем демонстрация в Гайд-Парке превратилась в серьезное столкновение, во время которого была сломана на протяжении полумили решетка, огораживающая парк. Все это явилось немедленным следствием образования Дизраэли правительства тори.

Всякое намерение расширить избирательное право Дизраэли характеризовал как «доктрину Тома Пейна», но он никак не рассчитывал на то, что поднимется такая буря. Агитация за реформу, создание Интернационала, возрождение тред-юнионов и деятельность фениев—все это вместе убеждало тори в том, что они находятся на грани революционного восстания, и в 1867 г. в виде уступки, сделанной с целью предотвратить революцию, Дизраэли внес свой билль о реформе.

Согласно этому биллю, избирательное право предоставлялось всем квартирным владельцам, а также и некоторым другим лицам в городах, но его лишены были жильцы-рабочие; лишенными права голоса оказались сельскохозяйственные рабочие и те промышленные рабочие, включая большое количество шахтеров, которые не жили в городах, избирающих депутатов в парламент. В 1885 г. избирательным правом стали пользоваться одинаково как муниципальные города, так и деревня. Почти столь же важным был Акт о баллотировании 1872 г., уничтожавший открытое голосование. Без этого акта предоставление права голоса сельскохозяйственным рабочим явилось бы только злой насмешкой.

Большое значение билля о реформе 1867 г. заключалось в том, что он создавал базу для образования независимой парламентской партии рабочего класса. Такой партией была партия чартистов, которая вела борьбу за всеобщее избирательное право;

¹ Заключение по делу «Хорби против Клоуза» в 1866 г., угрожавшее фондам профсоюзов, помогло заставить руководство союза понять необходимость оборонительной политической борьбы.

судьба ее была очень превратна и менялась в зависимости от того, насколько благоприятны были условия для ее деятельности. Лейбористская партия, страдавшая тем недостатком, что она развилась на базе буржуазного радикализма, а также оппортунизм ее вождей, имела в то же время опору как в профсоюзах, так и в парламенте, что придавало ей ту устойчивость, которой никогда не было у чартистов.

Для рождения этой новой партии потребовалось целое поколение; между тем на передний план выступили радикалы, которые являлись в политическом отношении выразителями сотрудничества буржуазии и рабочих в середине царствования Виктории—сотрудничества, существовавшего до возникновения самостоятельного рабочего движения. Это сотрудничество, отстаивавшее, конечно, в основном интересы буржуазии, оставалось очень тесным, главным образом потому, что наиболее передовой части буржуазии приходилось бороться за доведение до конца либерально-демократических реформ намного позднее семидесятых годов. Даже после крупных реформ 1867—1875 гг. политическое положение промышленников не соответствовало их промышленной мощи, и первым министерством, в котором радикалы были более широко представлены, было министерство 1880 г., в которое входили Чемберлен и Дилк.

Однако, когда главные реформы этих лет были проведены и радикализм людей, подобных Брайту, стал менее пылким, мы наблюдаем возникновение гораздо более передового радикализма, являвшегося во многом прямым предвестником политического рабочего движения. В провинции оно носило в основном диссидентский характер, но даже здесь, а еще более в Лондоне, это движение по временам приобретало отчетливый республиканский и светский оттенок. В клубах радикалов, представлявших собой организационную форму движения, нашли себе прибежище чартисты и социалисты, сохранившиеся от более ранних времен. Выдающейся фигурой среди них был атеист Чарльз Бредло; в начале восьмидесятых годов вопрос об его исключении из числа членов парламента в связи с его отказом принести присягу занимал широкие массы населения. В Лондоне клубы радикалов отказывались сливаться с организациями партии либералов, а в 1887 г. именно «Столичная федерация радикалов» явилась инициатором демонстрации на площади Трафальгар в день «Кровавого воскресенья».

Движение радикалов сыграло значительную роль в последней крупной прогрессивной реформе либерального капитализма— в завершении реорганизации местного управления. И действительно, во многих местах реорганизации подверглись различные местные учреждения; появились, например, выборные школьные советы, которые должны были проводить в жизнь акт об образо-

вании 1870 г. После возрождения самостоятельного рабочего движения среди радикалов начался раскол. Лидеры капиталистов, такие, например, как Чемберлен, примкнули к империалистам; некоторые из них, такие как Бредло и Дж. У. Фут, продолжали проповедовать секуляризм, но выступать против социализма; большинство же, как диссиденты в провинциях, так и лондонские секуляристы, постепенно примкнуло к рабочему движению.

Во время выборов 1868 г. значительное большинство голосов получили либералы. Вигский элемент был устранен, радикалы укрепились благодаря избранию большого числа представителей их группы в индустриальных городах, и, когда Гладстон сформировал правительство, в кабинет впервые попал Брайт. Последующие годы характеризуются рядом важных социальных реформ. Правящий класс мог разрешить себе пойти на уступки, а вспышку гнева у масс в 1866 г. не так легко можно было забыть. После расширения избирательного права обе партии вынуждены были домогаться поддержки рабочего класса, и по существу почти не было разницы во внутренней политике, находились ли у власти либералы, как, например, в 1868—1874 гг., или тори—в 1874—1880 гг.

Введение всеобщего начального обучения актом 1870 г., связанное с именем У. Е. Форстера, было одним из наиболее важных мероприятий этого периода. Потребность промышленности нового века, бесспорно, делала начальное образование совершенно необходимым. В прошлом считалось, что грамотность для рабочего класса излишня, но она стала совершенно необходимой при резком усилении иностранной конкуренции и при возросшем уровне образования в Германии, Соединенных Штатах и других странах. В то же самое время, поскольку Англия стала коммерческим и финансовым центром мира, понадобилось большее число конторских служащих и надзирателей за рабочими, а этих лиц также приходилось выдвигать из рядов рабочего класса. И, наконец, рабочие проявляли беспокойную тенденцию к самообразованию, и не было никаких гарантий, что она не примет весьма нежелательного направления.

Победа либерализма повлекла за собой также и реформу государственной службы. В прошлом во всех отраслях этой службы монополистами были аристократы и их приспешники. В результате этого создалась бюрократия, не отличавшаяся ни способностями, ни честностью. В 1870 г. было объявлено, что для занятия должностей требуется выдержать публичный экзамен. В результате этого большинство должностей гражданской службы оказалось занятым представителями буржуазии. Однако в некоторых ведомствах, а именно в министерстве иностранных дел и в дипломатическом корпусе, продолжало играть большую роль социальное положение. Даже на сегодняшний день все должности там

попрежнему находятся в распоряжении аристократии. К подобным же результатам с такими же ограничениями привело в 1871 г. уничтожение практики покупки чинов в армии.

Эти реформы, направленные в основном против аристократии и англиканской церкви, которая фактически потеряла свою монополию на начальное образование, явились результатом деятельности либералов. Тори, как и можно было ожидать, сконцентрировали свою деятельность главным образом на законодательстве, касающемся фабрик, жилищ и санитарии. Во время промышленной революции города разрастались безудержно и беспланово; они были уродливы и очень вредны для здоровья. Только сильнейшие эпидемии холеры в 1831 г. и в последующие годы заставили богачей наконец осознать тот факт, что если в трущобах начинается эпидемия, то ее нельзя там задержать. И только после этого начали хоть кое-что делать для сооружения надлежащих стоков для нечистот и обеспечения населения незараженной водой. В дальнейшем волнения 1849 и 1854 гг. заставили власти предпринять еще некоторые меры по улучшению санитарных условий, а акт о народном здравоохранении 1875 г. закрепил и расширил то, что было уже достигнуто в этой области.

Именно во время пребывания у власти правительства Гладстона фении привлекли общее внимание к Ирландии. Ничто не может нагляднее разоблачить политику Гладстона, чем его знаменитое восклицание, когда он вступал на свой пост в 1868 г.: «Моя миссия—умиротворить Ирландию». Здесь слово «умиротворить» является призывом к активным действиям. Для всех слоев правящего класса Ирландия была завоеванной провинцией; которой надлежало управлять в их интересах, по возможности мирным путем, в случае же необходимости—при помощи насилия. Именно в пределах, устанавливаемых этой концепцией, и велась борьба между либералами и тори—по поводу ирландского вопроса в конце XIX в. Их разногласия носили чисто тактический характер, и только рабочий класс придерживался мнения, что ирландцы являются нацией, имеющей право решать свою судьбу¹.

В следующей главе нам надлежит более детально остановиться на одно выдающемся событии того периода, событие, которое решительно знаменует собой переход к новой эпохе. Этим событием явилась покупка британским правительством в 1875 г., по инициативе Дизраэли и с помощью Ротшильдов, акций Суэцкого канала, принадлежавших египетскому хедиву. Это событие важно как по тому месту, которое оно занимает в развитии Британской империи, так и потому, что оно разоблачает тесное сотрудничество между правительством тори и мощной международной финансовой олигархией.

¹ См. главу XIV, раздел 4.

На сцене появляются новые фигуры—Гошены, Кассели и тому подобные—в дополнение к уже ранее утвердившимся Берингам и Ротшильдам; они оказывают все большее влияние на британскую политику и направляют ее по новому пути. По мере того как возрастала их власть и расширялось влияние банков на промышленность, либеральная партия все больше и больше становилась партией буржуазии, и ее влияние падало¹. В то же время усиливалась и рабочая партия, за счет переходивших к ней рабочих из партии либералов. Необычайно характерно, что именно в тот период, когда партия тори перестала быть подлинной представительницей помещиков, она начала рекламировать претенциозную и надуманную «Веселую Англию». Перед Дизраэли стояла необычная задача: примирить английскую аристократию с ее положением младшего партнера в фирме «Неограниченный империализм».

Британская буржуазия стояла перед лицом настоящей необходимости найти новые пути, так как в конце семидесятых годов на нее надвигался глубокий экономический и социальный кризис; с ним было не так легко справиться, как с периодическими кризисами тех лет, когда господствовал либерализм.

¹ Но следует отметить и важную противоположную тенденцию: рост империалистического крыла либеральной партии, в политике которого, как, например, в случае Джозефом Чемберленом, часто имеется любопытная примесь радикализма. Это крыло сыграло важную роль в 1914 г. Под конец империалисты нашли, что тори могут лучше служить их интересам, но как раритет сохранилась группа сэра Дж. Саймона.

Глава XIV

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

1. Революционный тред-юнионизм

С самого начала возникновения рабочего класса рабочие объединялись против предпринимателей для защиты своих интересов и прав. Объединения рабочих, как бы их ни называли и были ли они общенациональными организациями, такими, например, как «Великое общество» XIV в., или местными организациями ремесленников, такими, как гильдии йоменов¹, по существу своему являлись профсоюзами. К концу XVIII в., когда промышленный пролетариат осознал общность своих интересов, профсоюзы явились естественной формой организации рабочих, и вначале борьба пролетариата вдохновлялась революционным синдикализмом, если его можно так назвать.

Эти организации представляли собой готовое средство борьбы. Несмотря на нелегальное положение, в котором они находились в XVIII в., мы все же имеем много сведений об их деятельности. В воззвании, выпущенном в 1718 г. против нелегальных клубов в Девоне и Сомерсете, мы видим сетования на то, что «большое количество чесальщиков шерсти и ткачей... осмелилось незаконно пользоваться общей печатью и выступать как корпорации; эти корпорации отдают свои приказы и принимают противозаконные решения; они претендуют на то, чтобы устанавливать право отдельных лиц на получение работы и чтобы давать указания, каких и сколько учеников и подмастерьев может одновременно иметь каждый человек; когда же многие из вышеупомянутых заговорщиков остались без работы, так как их хозяева не пожелали подчиняться таким самонадеянным приказам и неразумным требованиям, корпорации снабжали безработных деньгами до того времени, пока они не находили работу; это делалось с расчетом на то, что хозяева из-за отсутствия рабочих рук будут вынуждены вновь принять их на работу».

Триста ткачей Нориджа в 1754 г., желая добиться увеличения заработной платы, ушли за три мили от города и построили себе

¹ Это были гильдии, в которые входили подмастерья, т. е. люди, работающие по найму (см. стр. 83).

баракы, в которых они прожили шесть недель, получая материальную поддержку от своих сотоварищей-рабочих. К 1721 г. у портных-подмастерьев Лондона уже был мощный и постоянный союз, и мы знаем, что в начале XVIII в. существовали союзы и имели место разрушения чулочных машин в ноттингемской чулочной промышленности.

Такие организации всегда могли подвергнуться преследованиям на основе обычного права по обвинению в заговорах или в действиях, «наносащих ущерб промышленности»; в 1726 г. был специально издан парламентский акт, объявивший вне закона эти организации в шерстяной промышленности. Но до начала промышленной революции и до развития крупной фабричной промышленности они, естественно, носили местный характер и обычно представляли собой небольшие организации ремесленников, ненавистные для хозяев, но не представлявшие угрозы для государства или для социального устройства в целом. Этим организациям часто предоставляли возможность спокойно существовать, и отношение к ним менялось только в особо напряженные периоды—считалось, что существовавшие законы были достаточно сильны для того, чтобы держать их деятельность в узде.

Промышленная революция изменила положение, сделав возможным создание более крупных и более значительных союзов. Когда недовольство промышленных рабочих слилось с политическим якобинством, перепуганный правящий класс прибег к более решительным мерам, которые повели к изданию законов о запрещении союзов в 1799 и 1800 гг. Эти законы были плодом работы Питта и его друга ханжи Уилберфорса. Этот последний заслужил плохую славу как сторонник рабства негров; однако это не помешало ему выступать также и в качестве одного из главных защитников и поборников всех видов тирании в Англии, начиная от пользования услугами шпики Оливера или незаконного содержания несчастных узников в тюрьме в Колд-Бат-Филдз до резни в Питерлоо и приостановки действия акта Habeas Corpus.

Согласно акту 1799 г., в который в 1800 г. были внесены небольшие дополнения, все союзы, как таковые, объявлялись вне закона, даже если не удавалось доказать их участие в заговорах, нанесение ими ущерба промышленности и т. п. Теоретически действие акта распространялось не только на рабочих, но также и на предпринимателей, но фактически, в то время как тысячи рабочих подвергались преследованиям, не было ни одного случая вмешательства в дела хозяев. Члены городского магистрата, которым надлежало проводить акт в жизнь, сплошь и рядом сами были предпринимателями, виновными в его нарушении. Случаи привлечения рабочих к ответственности на основании старого обычного права также были все еще очень часты.

Предписаний акта не очень строго придерживались в отношении давно организованных обществ ремесленников, хотя все же и здесь имелся ряд громких процессов, например процесс наборщиков газеты «Таймс», который имел место в 1810 г., или процесс каретников в 1819 г. Больше всего пострадали от этого акта рабочие текстильных фабрик. Плейс писал: «Страдания рабочих хлопчатобумажной промышленности неописуемы: их втянули в союзы, предали, привлекли к судебной ответственности, объявили виновными, вынесли им суровые приговоры и подвергли их чудовищно жестоким наказаниям; их довели до самого жалкого состояния и не позволяли из него выйти».

К 1800 г. сравнительно высокая заработная плата, выплачивавшаяся вначале в некоторых отраслях текстильной промышленности, была уже делом далекого прошлого; на протяжении последующих двадцати лет заработная плата продолжала понижаться. Суровость закона не могла воспрепятствовать созданию союзов. Борьба рабочих с законами, запрещавшими союзы, принадлежит к ярким страницам истории рабочего класса. Но закон лишил профсоюзные организации почти всех шансов на успех. Стачки стали обычным явлением и проводились с исключительной стойкостью, но конец их был всегда одинаков: массовые аресты, разгром организации, поражение, новое снижение заработной платы. Очень характерной для того времени является длительная забастовка моряков Тайн и Уир в 1815 г. Забастовщики боролись за увеличение количества матросов на судах. Сломить эту забастовку удалось только путем применения войск. Судовладельцы проявляли такую явную недобросовестность, что это скандализировало даже представителя министерства внутренних дел, посланного в этот район лордом Сидмутом.

В 1824 г. Плейсу и другим лицам удалось провести в парламенте билль, отменяющий законы против союзов, причем эта мера была проведена столь быстро и спокойно, что предприниматели вряд ли осознавали все происходящее. В следующем году предприниматели уже сумели соответствующим актом настолько все видоизменить, что создалось положение, при котором формально, по закону, союзы имели право на существование; в действительности же какая бы то ни было деятельность этих союзов считалась незаконной.

Но даже это являлось значительным улучшением положения, существовавшего до 1824 г., и привело к немедленному развитию организационной деятельности и к таким забастовкам, какие до того времени были неизвестны. Ланкаширские ткачи собрались в августе 1824 г. для того, чтобы основать свою постоянную организацию. Манчестерские красильщики начали стачку с тем, чтобы добиться повышения заработной платы. Бастовали также дургамовские и лондонские кораблестроительные рабочие и

бредфордские чесальщики шерсти и ткачи. Это был период безудержной энергии, когда Дик Пендерин руководил партизанской борьбой рабочих металлургической промышленности Даулейса и Мертера против отрядов йоменри и регулярных войск, борьбой, которая закончилась только после того, как его поймали и казнили в 1831 г. На протяжении всего 1826 г. в Ланкашире почти непрерывно происходили забастовки, сопровождавшиеся массовыми разрушениями ткацких станков и частыми стычками между забастовщиками и солдатами.

Именно в Ланкашире появился первый выдающийся профсоюзный лидер Джон Догерти. Он получил подготовку в дни, когда профсоюзы находились на нелегальном положении, и тогда же он стал лидером рабочих на бумагопрядильной фабрике. Поражения, которые терпело рабочее движение как до, так и после 1824 г., убедили Догерти в необходимости объединить местные организации в прочный союз, и Догерти же являлся вдохновителем конференции английских, шотландских и ирландских текстильщиков, состоявшейся на острове Мен в 1829 г., на которой был создан Великий всеобщий союз Соединенного королевства. Несмотря на такое название, это был, повидимому, только союз рабочих бумагопрядильных фабрик. В 1830 г. Догерти стал секретарем Национальной ассоциации защиты труда.

Это был первый «профессиональный союз», или «союз профессий», отличавшийся от организаций, отстаивающих интересы только одной части рабочих. Этот союз стремился объединить весь рабочий класс, и количество его членов действительно дошло до 100 тыс. Его еженедельная газета хотя и стоила 7 пенсов из-за высокого налога, все же имела тираж 3 тыс. экземпляров.

Национальная ассоциация скоро перестала существовать по причинам, которые еще и теперь не удалось выяснить. Затем появилась другая значительная организация—Союз строительных рабочих. Он возник в 1833 г. из ряда союзов ремесленников, и число его членов скоро дошло примерно до 40 тыс. человек, связанных главным образом с Манчестером и Бирмингамом. В начале 1834 г. этот союз влился в новую организацию—Великий национальный консолидированный профессиональный союз.

В этой организации полностью воплотилась идея создания одного крупного союза. Цели его выражены в одном из пунктов его устава, гласящем, что, «хотя союз ставит перед собой цель прежде всего добиться повышения заработной платы рабочих или воспрепятствовать дальнейшему ее снижению, а также добиться сокращения продолжительности рабочего дня, великой и конечной его задачей должно быть утверждение основных прав труда и человека; для осуществления этой задачи союз должен прибегнуть к эффективным мерам, которые помешают невежественным, праздным и бесполезным слоям общества осуществлять над пло-

дами нашего труда неправомерный контроль, который из-за существования порочной денежной системы в настоящее время находится в их руках. Следовательно, члены союза должны использовать все возможности для оказания поддержки и помощи другу другу с целью установления другого порядка вещей, при котором только действительно полезная и разумная часть общества будет управлять его делами. В этом случае трудолюбие и добродетель, которые пойдут по правильно указанному им пути, получат признание и вознаграждение, которого они заслуживают, а к порочной праздности будут относиться с должным презрением, и она пойдет по пути лишений».

Из этого заявления мы можем сделать два вывода: прежде всего, в нем проявляется инстинктивная революционная классовая сознательность, затем в нем отражены смутные морализирующие взгляды Роберта Оуэна. Две эти тенденции оказались несовместимыми, и этим в основном и объясняется тот факт, что Великий национальный союз вскоре распался. Около 1817 г. у Оуэна выработалась уже его система взглядов на социализм и кооперативы; но его социализм не принимал во внимание классов и базировался на абстрактных идеях о праве и справедливости. Весь его социализм сводился к различным проектам проведения денежной реформы, создания идеальных республик и почти чудесного наступления царства счастья и справедливости на земле. Но элемент чудаковатости, имеющийся в его воззрениях, не должен заслонять от нас величия его положительных достижений. Он был первым утопистом, твердо уразумевшим факт, что «человеческая» природа является только продуктом человеческого общества и что если изменить общество, то изменится и сам человек. Осознание этого факта само по себе уже является достижением; он же, кроме того, сумел прийти к выводу, что ключ к изменению общества находится в руках рабочего класса. Так как он был вооружен этим знанием, то именно ему и принадлежала решающая роль в создании тред-юнионизма, движения за кооперативы и движения за фабричные реформы.

К 1834 г. Оуэн достиг вершины своей славы, и рабочие лидеры профсоюзного движения приветствовали его в качестве своего союзника. Укреплению Великого национального союза содействовало глубокое разочарование, которое испытывали массы после билля о реформе 1832 г., и их убеждение в том, что парламент и политическая деятельность бесполезны для них, что их социальные стремления могут быть осуществлены только путем организации самих рабочих и путем забастовок. Оуэн разделял их нелюбовь к парламенту, но хотел подчинить стачечное движение организации кооперативных предприятий, которые должны были, по его мнению, постепенно и мирным путем прийти на смену капитализму.

Еще до создания Великого национального союза доктрины Оуэна вовлекли строительных рабочих в разорительные попытки организовать производственные гильдии и построить в Бирмингеме огромный гильдейский зал. Он был против резко враждебного отношения к предпринимателям, и хотя он и высказывался за всеобщую забастовку, которая должна была поддержать требования об установлении восьмичасового рабочего дня, все же он считал ее скорее каким-либо апокалиптическим актом, чем серьезным методом классовой борьбы.

Разногласия, начавшиеся между Оуэном и Моррисоном и другими лидерами левого крыла, вскоре привели к ослаблению союза, как раз в то время, когда он и так уже переживал большие затруднения. Сначала успех союза был потрясающим. За несколько недель число его членов дошло до полумиллиона. Великий национальный союз взял на себя поддержку ряда забастовок, организованных союзом строителей и другими союзами, включая также и стачку, начавшуюся из-за массового увольнения рабочих в Дерби, где членам союза предъявили требование подписать обязательство, получившее название «документа»; это обязательство давалось в том, что члены союза выйдут из него и не будут принимать участия в его деятельности. Союз также взял на себя руководство продолжением стачки, парализовавшей жизнь Ланкашира на протяжении шестнадцати недель. Как только Великий национальный союз был создан, забастовки начались повсюду; они истощали ресурсы союза, но зато заставляли перепуганное правительство верить в близость революции. При этих обстоятельствах арест шестерых сельскохозяйственных рабочих в Толпадле (Дорсет), обвинявшихся в принесении незаконной присяги, приобрел всенародное значение. Людей этих поспешно судили и приговорили к высылке за океан, несмотря на сильнейший всеобщий протест. По крайней мере 100 тыс. человек приняло участие в демонстрации, организованной в связи с этим в Кингс-Кроссе, на окраине Лондона. Эта демонстрация была сознательно превращена в парад профсоюзной солидарности. Движение против этого приговора не сразу привело к желаемым результатам, но в 1836 г. приговор был отменен, и позже эти люди вернулись домой.

Между тем Великому национальному союзу все тяжелее становилось справляться с организационными трудностями, явившимися результатом его быстрого роста. Забастовка в Дерби закончилась поражением, но за ней последовал целый ряд других стачек. Разногласия Оуэна с левым крылом приняли такой острый характер, что Оуэн закрыл газеты союза, чтобы лишить возможности своих противников высказывать их взгляды. Так же быстро, как этот союз возник, он и распался; в августе 1834 г. конференция делегатов решила распустить союз, от которого, по существу, осталась уже только одна форма. Отчаявшись

чего-нибудь добиться, Моррисон вышел из исполнительного комитета и годом позже умер в большой бедности.

Но закрытие Великого национального союза не явилось концом тред-юнионизма, хотя бы даже на время. Местные союзы и союзы лиц отдельных профессий продолжали существовать; в большинстве случаев число их членов значительно уменьшилось, и задачи, которые они ставили перед собой, стали менее широкими; таким образом был положен конец попыткам создавать организации в грандиозных масштабах, а также и наивным надеждам, которые эти попытки вызывали. Некоторым казалось, что нужно только объявить всеобщую стачку и стены капитализма рухнут сами собой. Всеобщая стачка рассматривалась как цель борьбы, а не как один из начальных путей ее.

Революционный тред-юнионизм в качестве единственного средства потерпел неудачу: политическая агитация, подчиненная агитации любой из старых буржуазных партий, оказалась еще более бесплодной. Следующим этапом была политическая агитация, корнями связанная с массами рабочего класса. Закрытие Великого национального союза отнюдь не привело рабочих в уныние, и уже только двумя годами позже начали появляться первые ростки чартистского движения. Чартисты, в свою очередь, сделали много серьезных ошибок, но на гораздо более высоком политическом уровне.

2. Чартисты

Оплотом чартизма, как и тред-юнионизма, являлся промышленный Север, но зародился чартизм среди радикально настроенных ремесленников Лондона. Лондон и близость парламента, относительно благополучное существование ремесленников, многие из которых занимались изготовлением предметов роскоши, и их привычка скорее к политическим дискуссиям, чем к политическим действиям, — все это, возможно, оказалось наиболее благоприятной почвой для того, чтобы росток чартизма пустил корни. Но как только его перенесли на более богатую почву и более живительный воздух Севера, он как-то странно превратился в нечто совершенно непредвиденное. Великолепный Ловетт, снова подпавший под влияние Плейса, был, так же как и другие, приведен в смущение странным видом организации, выращиванию которой он слобствовал.

Лондонская ассоциация рабочих была создана в июне 1836 г. как политическая и воспитательная организация, стремящаяся привлечь к себе «разумную и влиятельную часть рабочего класса». Эта ассоциация придерживалась взглядов радикалов и Оуэна и могла бы тихо и спокойно пойти по пути осуществления скромных задач, если бы кризис, наступивший в начале 1837 г., не возродил

требования о проведении парламентской реформы. В феврале ассоциация обратилась в парламент с петицией, содержащей ряд требований; в дальнейшем эта петиция получила название Народной хартии. Петиция содержала шесть следующих пунктов:

- равные избирательные округа;
- отмена имущественного ценза для депутатов;
- всеобщее избирательное право для лиц мужского пола;
- ежегодные переборы;
- тайное голосование;
- вознаграждение депутатам.

Эти требования были восторженно поддержаны сотнями тысяч промышленных рабочих, видевших в них способ улучшить свое нестерпимо тяжелое экономическое положение. Энгельс писал: «Эти шесть пунктов... достаточны... для того, чтобы смести с лица земли английскую конституцию вместе с королевой и Верхней палатой». Он писал также: «По существу своему чартизм есть явление социального характера. Для радикального буржуа «шесть пунктов» — все и вся... для пролетария эти «шесть пунктов» — лишь средство. «Политическая власть — наше средство, социальное благоденствие — наша цель» — таков теперь ясно выраженный девиз чартистов¹.

Весной 1838 г. эти шесть пунктов были предложены в качестве парламентского билля, и именно он и стал подлинно исторической Хартией. Билль был одобрен на огромных митингах, происходивших по всей стране: в Глазго собралось 200 тыс., в Ньюкасле — 80 тыс., в Лидсе — 250 тыс. и в Манчестере — 300 тыс. человек. На всех этих митингах хартия была встречена очень восторженно, и скоро была выработана тактика, которая должна была способствовать принятию билля. Она состояла в проведении крупных демонстраций, в подаче массовой петиции в парламент², в создании национального конвента (это название избрали нарочно из-за его связи с французской революцией) и, в случае если петиция будет отклонена, в организации всеобщей политической забастовки, или «священного месяца».

По мере того как движение начало выходить за пределы Лондона, характер его менялся, и среди его руководителей возникли резкие разногласия. Обычное разделение чартистов на приверженцев «партии моральной силы» и «партии физической силы», хотя в известной степени и правильно — так чартистов и делили в период их движения, — все же не может нас полностью удовлетворить. Правильнее будет разделить их на три группы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 510 и 516.

² Политические петиции были издавна признанным методом агитации; к ним неоднократно прибегали сторонники Уилкса и еще чаще — во время борьбы против хлебных законов 1815 г.

Правое крыло состояло из Ловетта и его лондонских сторонников и из отдельной группы, руководимой Атвудом, банкиром-радикалом из Бирмингама. Обе эти группы представляли интересы более или менее преуспевавших ремесленников и мелких производителей соответствующих районов и интересовались главным образом чисто политическим аспектом чартистского движения. По мере того как конфликт между чартистами и правящими классами обострялся, это крыло все более начинало ограничиваться методами воспитания и мирного убеждения.

Кроме того, существовал крупный центр, группирующийся вокруг фигуры Фергюса О'Коннора. С самого начала О'Коннора поддерживало огромное большинство промышленных рабочих, шахтеров, разоренных и умирающих с голоду рабочих Севера. Этой поддержкой он пользовался, несмотря на большое количество совершенных им ошибок и на ряд его слабостей. Но, хотя он призывал рабочих бороться за хартию и лучшую жизнь, само его представление о лучшей жизни было представлением независимого производителя. О'Коннор был ирландцем, племянником одного из вождей восстания 1798 г., воспитанным на ирландских революционных традициях, совершенно отличных от традиций Англии и не всегда применимых к английским условиям. Он был большим индивидуалистом, человеком с неиссякаемой энергией, с мощным, но неуравновешенным интеллектом; в основном он апеллировал к инстинктивной ненависти к индустриальной системе, которой полны были рабочие, — большинство из них было оторвано от земли только за одно или два поколения до этого. О'Коннор был большим противником социализма, и, хотя он с увлечением говорил о восстании, он не имел ясного представления о том, как его надо проводить или каковы должны быть его цели.

Гораздо менее определенный характер, чем правое крыло или центр, носило левое крыло чартистов. Очень часто оно не занимало ясной позиции, обычно ему приходилось выступать в поддержку О'Коннора против правого крыла. Его вожди, Бронтер О'Брайен в начальный период и позднее Джордж Джулиан Гарни и Эрнест Джонс, никогда не пользовались такой популярностью, как О'Коннор. О'Брайен находился под сильным влиянием идей о социализме и кооперативах Оуэна, но он намного превзошел его в отношении ясного понимания классовой борьбы. К этому пониманию его в основном привели экономические теории Томаса Годскина. Базируя свои идеи на праве рабочего на весь продукт его труда, О'Брайен объявил войну капиталистам, обрекавшим рабочего на нищету. В подтверждение своих теорий он сделал классовый анализ общего исторического развития и природы буржуазных революций, в Англии и Франции в частности. Отсюда недалеко было до заявления о необходимости новой «социалистической» революции. В излагаемых им взглядах

проявилось глубокое знание природы буржуазного государства, функций права, новой полиции и армии. Так как в нем признавали теоретика, его прозвали школьным учителем чартистов. Гарни и Джонс были людьми более молодыми, и Джонс включился в движение, только когда оно уже пошло на убыль. Гарни был излишне эмоциональным человеком с сильной склонностью к культуре различных героев¹. Практически он был главным образом полезен как интернационалист, и он успешно поработал над установлением контакта между чартизмом и революционным движением за границей. Как у Гарни, так и у Джонса было много общих взглядов с Марксом, с которым они установили тесную связь, когда Маркс поселился в Англии после 1848 г.

Неясность взглядов и слабости чартизма очевидны. Сила его заключалась в том, что пока в Европе рабочий класс все еще плелся в хвосте у промышленной буржуазии, в Англии рабочие сумели к 1838 г. проявить себя как независимую силу и уже осознали, что промышленная буржуазия была их принципиальным врагом. Даже во Франции к этому пришли только десятью годами позже, и то только рабочие Парижа и нескольких самых крупных городов.

Выборы в первый чартистский конвент произошли в октябре 1838 г. Зимой началось собирание подписей для петиции, и в феврале в Лондоне собрался конвент, на котором правое крыло было слишком широко представлено. Когда Гарни поднял вопрос о том, что нужно будет делать, если петиция будет отклонена, то большинство отказалось даже разрешить обсуждать такую возможность. Работа затянулась на несколько месяцев, в течение которых часто происходили ссоры между представителями правого и левого крыла; наряду с этим по всей стране, как кажется, велись приготовления к вооруженному восстанию. В июле правительство нанесло удар по чартистам. Митинги были запрещены, много людей было арестовано, и 4 июля отряд полиции, специально вызванный из Лондона, напал на людей, собравшихся в Булл-Ринге в Бирмингеме, проявив при этом исключительную жестокость. Рабочие оказали отпор и выгнали полицию из Булл-Ринга; только через несколько дней в городе восстановилось спокойствие. Известие о событиях в Бирмингеме быстро распространилось и в Глазго, Ньюкасле, Сандерленде, и в ряде ланкаширских городов произошли кровопролитные стычки.

5 июля Ловетт был арестован. 12 июля петиция, под которой стояло 1280 тыс. подписей², была отклонена. Конвенту теперь предстояло решить: признать ли себя побежденным или твердо

¹ Маркс и Энгельс обычно в частных разговорах называли его «гражданин гип-гип ура».

² Общее количество избирателей в то время равнялось только 839 тыс. человек.

вступить на путь активных действий. Была сделана нерешительная попытка организовать всеобщую стачку, но, когда обнаружилось отсутствие организации, способной ее провести, воззвания, призывающие к стачке, были изъяты. Конвент был распущен 14 сентября.

Затем последовал еще ряд арестов и начался спад движения, только еще более ускорившийся в связи с восстанием в Южном Уэльсе. Это восстание является событием, менее всего освещенным во всей истории чартизма. До сих пор не установлено, было ли оно частью плана широкого восстания; самопроизвольной местной вспышкой или даже простой попыткой насильственным путем спасти чартистского лидера Генри Винсента из монмаутской тюрьмы. Можно предположить только, что в случае успеха оно сопровождалось бы подобными восстаниями также и в других местах.

Единственно, что с достоверностью известно, это то, что несколько тысяч кое-как вооруженных горняков, руководимых Джоном Фростом, прошли к Ньюпорту под проливным дождем в ночь на воскресенье 3 ноября 1839 г. Остальные группы людей, с которыми они должны были соединиться, не пришли, и, когда промокшая и измученная колонна добралась до Ньюпорта, войска, поджидавшие ее в отеле Уэстгейт, открыли по ней огонь. Десять человек было убито и около пятидесяти ранено. Остальные рассеялись, а Фрост и другие руководители горняков были арестованы и приговорены к смертной казни; позднее смертная казнь была заменена высылкой за океан.

Это событие явилось для правительства предлогом, которого оно ожидало. За несколько месяцев было совершено около 450 арестов; среди пострадавших оказались также О'Коннор, О'Брайен и почти все выдающиеся личности. В течение первой половины 1840 г. движение вынуждено было уйти в подполье, и казалось, что оно уже совсем обезглавлено и уничтожено. Но по мере того как вожди один за другим выходили из тюрьмы, началось постепенное возрождение. Наиболее важным моментом этого возрождения было создание в июле Национальной чартистской ассоциации. В тот период любая общенглийская партия считалась незаконной и движение осуществлялось только местными организациями, причем не было какого-либо реального центрального руководства, которое могло бы координировать их силы. Несмотря на то, что Национальная чартистская ассоциация считалась нелегальной, она была, таким образом, первой подлинно политической партией в современном смысле слова; у нее был выборный исполнительный комитет, члены партии платили членские взносы, и у нее было около 400 местных отделений. К 1842 г. число ее членов дошло до 40 тыс., и благодаря этой ассоциации движение в целом достигло вершины своего влияния и развития своей

деятельности. Правое крыло было дискредитировано провалом первого конвента, и Ловетт вскоре перестал активно участвовать в его работе.

Национальная чартистская ассоциация многого достигла в области искоренения одного из главных недостатков чартизма; теперь делались усилия преодолеть другой—изолированность чартизма от профсоюзов—путем создания чартистских групп внутри профсоюзов. Но эта попытка увенчалась лишь частичным успехом.

О'Коннор был освобожден в августе 1841 г., и тогда началась подготовка второй петиции. Этот документ сильно отличался от первого, который был составлен в очень почтительном тоне и представлял только чисто политические требования. Во втором документе подчеркивалась роскошь богачей, которая противопоставлялась нищете масс, в нем содержались требования о повышении заработной платы, сокращении рабочего дня и введении фабричного законодательства. Тираж чартистской газеты «Северная звезда» достиг 50 тыс. экземпляров, и движение политически окрепло в борьбе с Лигой против хлебных законов.

Экономический кризис, несколько уменьшившийся после тяжелого 1838 г., внезапно вновь усилился и привел к безработице сотен тысяч людей и к повсеместному сокращению заработной платы рабочих. Чартизм распространялся с быстротой пожара, и вторую петицию подписало не меньше 3315 тыс. человек, что намного превышало половину взрослого мужского населения Великобритании. Тем не менее и эта петиция была пренебрежительно отклонена парламентом в мае 1842 г. Снова возник серьезный вопрос о том, что же предпринять в дальнейшем. Ассоциация была столь же нерешительна, как и конвент, но рабочие взяли на себя решение этого вопроса и приступили к действиям.

По всему Ланкаширу начались стачки, и в августе конференция профсоюзов в Манчестере подавляющим большинством голосов приняла следующее решение:

«Мы твердо и бесповоротно убеждены в том, что причиной всего зла, заставляющего страдать общество и истощающего энергию класса производителей, является классовое законодательство; единственным способом пресечения существующего в настоящее время бедственного положения и нищенского состояния широких масс является немедленное и безоговорочное принятие и проведение в качестве закона документа, известного под названием «Народной хартии».

Это собрание рекомендует людям всех профессий и специальностей немедленно прекратить работу до тех пор, пока вышеупомянутый документ не приобретет силу закона в нашей стране».

Застигнутой врасплох ассоциации оставалось только признать забастовку, быстро охватившую весь Ланкашир, Йоркшир и

Центральные графства. Однако Лондон и Юг не откликнулись. В районы, где происходили забастовки, были посланы войска, и к сентябрю репрессии и голод заставили забастовщиков вернуться на работу. Было произведено свыше 1500 арестов, и к концу года снова начался постепенный спад движения. Возрождение торговли между 1843 и 1846 гг. пришло на помощь властям.

Так как чартизм пошел на убыль, О'Коннор, не имевший больше серьезных противников, употребил свою энергию на создание грандиозных, но бредовых проектов организации ряда аграрных колоний. Тысячи рабочих и мелких лавочников внесли деньги на покупку двух имений; эти имения были поделены между отобранными колонистами, причем отбор велся, повидимому, скорее по принципу их политических убеждений, чем на основании их опытности как земледельцев. Полагали, что из прибылей с первых имений можно будет покупать имения и в дальнейшем, и таким образом предприятие должно было расширяться до бесконечности. В экономическом отношении эта идея была абсурдна и обречена на провал с самого начала и подтачивала энергию, которая могла бы быть лучше применена, но, с другой стороны, благодаря ей движение, хотя и в незначительных размерах, сохранилось до тех пор, пока кризис 1846 г., сопровождавшийся большим голодом в Ирландии, не привел чартизм к третьему периоду деятельности. Первым признаком возрождения было избрание О'Коннора членом парламента от Ноттингема в 1841 г.

С виду это возрождение было таким же жизненным, как и движения 1839 и 1842 гг. Происходили такие же демонстрации, проявлялся тот же энтузиазм, и все это происходило на том же ужасном фоне нищеты и голода. Но по существу было глубокое различие. Рабочие, имеющие работу, не полностью оправились от поражения 1842 г. и временно примирились со своей участью благодаря проведению акта о десятичасовом рабочем дне. Поэтому в движении в основном принимали участие безработные. В Глазго в апреле 1848 г. произошли крупные хлебные мятежи и было много убитых и раненых. Правительство демонстративно сделало ряд военных приготовлений и набрало из числа лиц, принадлежавших к верхним и средним слоям общества, большое количество специальных констеблей.

Механическое принятие старой, изжившей себя тактики петиций и съездов само по себе являлось признанием слабости, и когда съезд состоялся, он уже заранее был убежден в том, что петиция будет отклонена. Более молодые лидеры Джонс и Рейнгольдс настаивали на немедленном восстании. Более старые, включая О'Коннора и О'Брайена, у которых было больше возможностей сравнить существовавшее положение с положением прежних лет,

считали, и правильно считали, что восстание не получит достаточной поддержки, чтобы можно было рассчитывать хоть на какой-нибудь успех. Даже толчок, данный революциями, происходившими во всей Европе, не смог поднять движение до того уровня, которого оно раньше достигало.

После того как петиция была подана, оказалось, что под ней стоит 1975 тыс. подписей, а не пять миллионов, как утверждал О'Коннор, и, кроме того, многие из них были фальшивыми. 10 апреля после представления петиции должен был состояться огромный митинг, но он оказался не таким многочисленным из-за вмешательства солдат; правительство призвало их расправиться с «революцией», хотя и было уверено в том, что никакой революции не произойдет. На Кеннингтон-Коммон собралось около 30 тыс. человек, и О'Коннор решил отказаться от своих планов похода на Вестминстер.

Начиная с этого времени начался непрерывный упадок, бывший результатом слабости руководства и тактики чартизма. Но сама эта слабость была только отражением того факта, что рабочий класс был еще очень молод и незрел. «Земельная компания» О'Коннора обанкротилась, и ее вынуждены были ликвидировать. В 1852 г. О'Коннор сошел с ума. После 1853 г. прекращение деятельности ассоциации был официально подтверждено решением о прекращении выборов в исполнительный комитет. Национальная чартистская организация продолжала существовать примерно до 1858 г.

В 1848 г., хотя, наверно, не многие люди это осознавали, Англия находилась на пороге длительного периода торговой экспансии и процветания; даже то немногое, что перепало на долю рабочих из этого процветания, улучшало условия их существования настолько, что отвлекало их от мысли о революции. В политическом отношении двадцать лет, прошедшие после 1848 г., являли собой разительный контраст с периодом упадка чартизма. Попытки создать крупную, независимую партию рабочего класса больше не повторялись: политическая деятельность стала носить более местный характер или ограничивалась каким-нибудь непосредственно практическим вопросом, но, как мы уже отмечали, говоря о викторианском радикализме, такая деятельность никогда не прекращалась.

Мы видим это в настоящее время; в то время это не было столь ясно, и мы можем понять, почему Маркс в 1858 г. написал в строении, близком к отчаянию, что «английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта наиболее буржуазная из всех наций, повидимому, хочет, в конце концов, иметь на-ряду с буржуазией буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат. Для нации, которая эксплуатирует весь мир, это и в самом деле является до известной степени есте-

ственным»¹. Положительный вклад этих промежуточных лет — а это был реальный вклад, значение которого иногда недооценивалось, — был сделан в других областях: в области тред-юнионизма и кооперации.

3. Тред-юнионизм «нового типа»

Даже до того как старый революционный тред-юнионизм нашел свое воплощение в Великом национальном союзе и в «священном месяце» 1842 г., уже имелись признаки зарождения нового вида организации. После 1848 г., когда исчезли надежды на решительные политические победы, быстро вырос тред-юнионизм «нового типа». Он строился на фундаменте не таком обширном, но более прочном. От попыток создать союз рабочих разных профессий отказались, после того как потерпела крах Национальная ассоциация рабочих всех профессий (1845—1850). Между Национальной ассоциацией и союзом нового типа было значительное различие. Национальная ассоциация скорее носила характер федеративной организации, к которой были прикреплены небольшие местные союзы. Она всегда придерживалась политики осторожных действий и всячески избегала стачек.

Тред-юнионизм нового типа не был основан на союзах рабочих разных профессий; это были союзы рабочих одной профессии. Эти союзы были национальными организациями, и почти всегда члены их были квалифицированными рабочими. Союзы эти отражали политические убеждения и взгляды квалифицированных ремесленников, давно уже имевших свои местные союзы и клубы. Ловелл и чартисты, принадлежавшие к партии моральной силы, поощряли ряды своих приверженцев из числа членов этих союзов.

Уже в 1835 г. Комитет лондонских наборщиков следующим образом характеризовал их действия:

«К несчастью, почти все организованные до сего времени профсоюзы добивались успеха путем обмана и насилия... пусть наборщики Лондона подадут ремесленникам Англии более светлый и лучший пример; давайте отбросим помощь, которую надо получать хитростью и грубой силой, и, когда мы ведем борьбу с нашими противниками, давайте будем применять только неотразимое оружие правды и разума».

Считалось, что заработная плата, стоимость рабочей силы, подвергается влиянию только закона спроса и предложения. В 1849 г. рабочие, занятые в промышленности, обрабатывающей горный хрусталь, заявили, что «нехватка рабочей силы является одним из основных принципов... все сводится просто к спросу

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 360.

и предложению». Та же мысль еще более ясно выражена в любимом изречении Томми Рамзея, основателя профсоюзов среди дургамских шахтеров:

«Объединяйтесь в партии и улучшайте условия своего существования. Когда в продаже мало яиц, они дорого стоят. Когда рабочих мало, тогда они дорого стоят».

В результате появилась новая тенденция: к забастовкам начали относиться неодобрительно, им на смену пришли попытки регулировать приток рабочей силы, причем осуществлялось это следующим образом: количество учеников сокращалось, сверхурочную работу разрешали очень неохотно, в отдельных случаях даже субсидировали эмиграцию. Характерный лозунг того времени был: «Помни правило и не допускай парней к работе».

Таковы были основные принципы, которых придерживались национальные союзы около 1850 г. Не принимая в число своих членов посторонних и строго охраняя свой состав, они обслуживали рабочую аристократию, мало интересующуюся массами, не входящими в их ряды¹; но среди своих членов они создали такую солидарность, которая дала возможность союзам переносить тяжелейшие поражения так, что число их членов почти не уменьшалось. Они внесли в движение английского рабочего класса методы деловых операций и внимательное отношение к скучным деталям организации, без которых нельзя было добиться длительных успехов. Они впервые сделали тред-юнионизм привычной и неотъемлемой частью повседневной жизни тысяч рабочих.

Члены этих новых союзов платили большие взносы, часто шиллинг в неделю или даже больше, и на них возлагали выполнение всевозможных обязанностей, помимо того, что они должны были участвовать в разрешении конфликтов между членами своего союза и предпринимателями. Союзы обычно выдавали пособия по болезни, на похороны и в связи с безработицей. Самая серьезная опасность заключалась в том, что союзы могли превратиться просто в общества взаимопомощи, которые могут забыть о своем основном назначении и проводить политику, осторожную до трусости. И действительно, много союзов нового типа пошли по этому пути, что привело к возникновению совершенно другого вида тред-юнионизма в восьмидесятых и девяностых годах. Другим и более полезным видом деятельности была помощь, оказываемая членам союза в самообразовании; уже в 1840 г. это способствовало развитию важного и ценного движения рабочего класса за самообразование.

Вначале большая часть организационной работы выполнялась отдельными энтузиастами, которые посвящали ей свое свободное

¹ Однако в ряде случаев они оказали щедрую помощь союзам, располагающим меньшими средствами, когда те вели борьбу.

время, или сочувствующими этим союзам представителями буржуазии вроде Оуэна. В дальнейшем понадобились уже служащие, специализировавшиеся на такой работе, которые бы занимались ею в течение полного рабочего дня. В этом тоже были свои опасности, но ни одна постоянная организация национального масштаба не могла без этого обойтись.

Первым союзом нового типа было Объединенное общество механиков, основанное в 1851 г. в связи со слиянием ряда обществ ремесленников, наиболее мощным из которых было Товарищеское общество подмастерьев и мастеров машиностроительных и котельных заводов. Это объединенное общество механиков явилось образцом, по которому создавались также и другие ремесленные союзы. Общее число его членов в 11 тыс. кажется незначительным по сравнению с полумиллионом Великого национального союза или с десятками тысяч, которые вливались в различные эфемерные организации рабочих хлопчатобумажной промышленности и шахтеров. Но это был постоянный контингент, который платил членские взносы, дававшие обществу неслыханный доход в 500 фунтов стерлингов в неделю. Самыми мощными из других союзов в то время были союзы литейщиков и каменщиков; каждый из них насчитывал от четырех до пяти тысяч членов.

Различие между старыми и новыми союзами быстро проявилось во время трехмесячной борьбы, начавшейся в январе 1852 г. по вопросу о сверхурочной работе. Предприниматели пытались уничтожить Объединенное общество механиков старым методом, состоявшим в отказе от работы всем рабочим, не соглашающимся подписать «документ», предписывающий им выход из союза. Такие методы были успешны при массовом увольнении рабочих в Дерби и во многих других случаях. Теперь, однако, они ни к чему не привели, и, несмотря на то что Объединенное общество механиков потерпело поражение, все же оно окончило борьбу с потерей только 2 тыс. членов. За три последующих года его положение более чем восстановилось.

В последующие десять лет пример механиков был широко использован. Рабочие хлопчатобумажных фабрик Ланкашира создали постоянную организацию в 1852 г.; число членов союза каменщиков и литейщиков удвоилось; Объединенное общество плотников, основанное в 1860 г., скоро заняло по численности членов и влиянию второе место после общества механиков. Создание союза плотников явилось непосредственным результатом упорной забастовки в Лондоне в 1859 г., убедившей рабочих в необходимости иметь организацию более мощного типа.

Около 1860 г. у этих союзов появилось неофициальное центральное руководство, известное под названием «джунты». Оно состояло из должностных лиц, основным местом деятельности которых был Лондон; работа приводила их к бесперывному

общению друг с другом, и у них были общие взгляды на профсоюзные и политические вопросы. Основное тесное ядро состояло из Аллена и Элпгарта от союза механиков и плотников, Гайла—от литейщиков и Каулсона—от каменщиков. Пятым членом был Джордж Оджер. Он принадлежал только к небольшому союзу квалифицированных сапожников, но играл важную роль в качестве секретаря Совета лондонских союзов благодаря своему влиянию в радикальных кругах. Его политические взгляды принимались всей группой, и он выступал в случае необходимости от ее имени перед широкой публикой.

С самого начала джунта интересовалась вопросами политики, но она разрешала политические вопросы не так, как это делали чартисты. Члены джунты не собирались возглавлять самостоятельное классовое движение, а использовали свое влияние в профсоюзных кругах с целью оказать давление на существующие партии. Они участвовали в агитации за реформу в 1866—1867 гг. и сыграли положительную роль при проведении кампании против таких злоупотреблений, например, как закон о «хозяине и слуге». Они придерживались взглядов более левых, чем либеральная партия, но довольно часто скатывались к явному оппортунизму из-за отсутствия у них четко сформулированной политической философии. Таким образом, они считали для себя вполне возможным то сотрудничать в течение одного периода с европейскими революционерами в Исполнительном комитете Первого Интернационала, то сотрудничать с Брайтом и либералами. С. и Б. Веббы говорили, что их политика в отношении промышленности «ограничивалась тем, чтобы обеспечить для каждого рабочего такие условия, на которые лучшие предприниматели добровольно соглашались сами».

Но несмотря на это и хотя они были «одержимы манией компромиссов и жадной респектабельности», в основном это были честные и способные люди с подлинным организаторским талантом.

Профсоюзное движение никогда бы не приняло своих широких масштабов без их незаметных трудов, так же как если бы в дальнейшем их методы не были преодолены, а их доктрины отвергнуты.

Даже когда влияние джунты было наиболее велико, ее политика неоднократно оспаривалась. Организации большого количества рабочих, особенно на Севере, а также организации шахтеров и текстильщиков, не строились по новому типу. В этих отраслях промышленности настроение рабочих часто было очень воинственным, состав членов организаций менялся. Именно эти организации, бросившие вызов влиянию джунты, имеющей главную базу в Лондоне, сделали первые шаги по пути создания национальной организации, из которой впоследствии вырос конгресс тред-юнионов. В этой борьбе северяне получили неоценимую поддержку от Джорджа Поттера, редактора «Бихайв», наиболее влия-

тельной газеты профсоюзов того периода. Организация Поттера, Ассоциация лондонских рабочих, созвала конференцию союзов в Лондоне в 1867 г. На этой конференции были широко представлены разные союзы, хотя она и подверглась бойкоту со стороны джунты. Этот бойкот продолжался до 1872 г., несмотря на то, что за этот период состоялись еще три национальные конференции. В этом году, однако, джунта решила предпринять активные действия и, договорившись с Александром Макдональдом, руководителем Национального союза шахтеров и другими лицами, принадлежавшими к правому крылу в северных союзах, она сумела устранить своего старого противника Поттера и добиться контроля над движением.

Невозможно точно указать, какая именно из этих конференций явилась «первым» конгрессом профсоюзов. Важно то, что как и многие другие организации рабочего класса, конгресс профсоюзов возник вследствие практической необходимости, причем в данном случае это была необходимость организовать с тем, чтобы выступить против враждебного законодательства и добиться законодательства, полезного для тред-юнионизма. В частности, конгресс провел организованное сопротивление попытке применить законы о конспирации для того, чтобы раз и навсегда положить конец легальной деятельности профсоюзов. Эта угроза привела к волнениям, в результате которых удалось добиться надежного легального положения союзов. Во время всеобщих выборов 1874 г. лидеры профсоюзов впервые выступили в качестве кандидатов независимо от партий либералов и тори, хотя сами они были еще только радикалами. Это подводит нас к новой фазе. Союзы нового типа сами становились устаревшими, и нужен был новый «новый юнионизм» им на смену. Эпоха монополии, во время которой выросли почтенные ремесленные союзы, приближалась к концу, и увеличившаяся нищета миллионов людей, забота о которых не входила в круг их деятельности, требовала к себе внимания. Результат этих изменений будет описан позднее, но сейчас необходимо рассмотреть ряд явлений, соответствующих тем, которые привели к возникновению союзов нового типа, в другой области движения—в области кооперативных обществ.

Первые кооперативы представляли собой в основном попытки групп рабочих бороться с монополией мельников и обеспечить членов своего кооператива дешевой мукой. Таковы были в 1795 г. Гулльское общество борьбы с мельниками и в 1817 г. Девонпортский мельничный союз. Затем поднялась волна революционного утопизма Оуэна, когда считали, что кооперативам предстоит мирным путем вытеснить капитализм. В 1829 г. цели Брайтонского общества описывались следующим образом: «Они покупали по оптовым ценам товары, которые они обычно ежедневно потребляли, добавляя разницу или прибыль к общему капиталу

(основным правилом этих обществ было—никогда не делить основной капитал, а накапливать его до того времени, пока он станет настолько крупным, что можно будет обеспечить работой всех безработных членов общества и оплачивать ее из этого капитала)».

Обычно эти общества стремились организовать кооперативные общины, подобные общине, организованной Оуэном в Орбистоне в Шотландии. На протяжении тридцатых годов создавались и затем исчезали десятки таких обществ.

Кооператив нового типа был создан впервые в Рочдейле; в 1844 г. он начал выплачивать дивиденды за сделанные покупки. Кооперативное движение постепенно отбрасывало свой утопизм (хотя следы его все еще сказываются в путаном термине, которым иногда пользуются некоторые сторонники кооперативов, когда они говорят о «кооперативной республике»). Кооперативные общества начали успешно организовываться как чисто деловые предприятия, продающие товары своим членам по существующим ценам и распределяющие прибыль в виде дивиденда. В шестидесятых годах было создано Кооперативное общество оптовой торговли; оно поставляло товары обществам, торгующим в розницу, и в следующее десятилетие оно приступило к производству товаров на своих собственных предприятиях. С этого времени прогресс движения, с точки зрения торговли, был быстрым и почти непрерывным. Благодаря этим обществам тысячи рабочих научились организовывать и управлять крупными деловыми предприятиями и наглядно показали, что этой способностью обладает отнюдь не только класс капиталистов¹.

4. Социализм и организация неквалифицированных рабочих

В восьмидесятых годах изменения, которые произошли в положении британского капитализма, и влияние событий в других странах привели к возрождению социализма и воинствующего тред-юнионизма. Движение в Англии всегда было чувствительно к событиям за границей и часто проявляло великодушный интернационализм. Если даже мы не будем говорить о реакции на французскую революцию, мы должны помнить, что чартисты взяли на себя инициативу создания организации, известной под названием «Братские демократы», предшественника Первого Интернационала. Основанная в 1846 г., главным образом благодаря усилиям Гарни, она существовала примерно до 1854 г. и

¹ Рабочие кооперативы в Англии принесли большую пользу капиталистам как одна из отдушин, в которые они направляли боевую энергию рабочего класса. Кооперативы использовались лидерами британских профсоюзов как одно из средств отвлечения рабочих от классовой борьбы против буржуазии.—Прим. ред.

сыграла почетную роль, способствуя установлению связи между движением в Великобритании и революционными действиями в других странах во время одной из великих эпох революции в Европе.

В 1861 г. началась гражданская война в Америке, а в 1864 г. был создан Первый Интернационал. Руководимый Марксом и Энгельсом, Первый Интернационал в течение десяти лет являлся движущей силой всех передовых отрядов рабочего класса во всей Европе. В Англии его поддерживали, по разным мотивам, руководители профсоюзов, включая и членов джунты, но все же Первому Интернационалу не удалось заставить их отказаться от их умеренности и цеховых предрассудков. Впоследствии Интернационал в Англии распался, не оставив после себя никакой организации. Однако во Франции и Германии после Первого Интернационала остались молодые и здоровые социалистические партии. К 1880 г. эти партии уже достигли значительных размеров.

Франко-прусская война сопровождалась коротким бумом, особенно в угольной и металлургической промышленности. Были заложены сотни новых шахт, и заработная плата шахтеров внезапно (правда, временно) возросла. Окончание войны способствовало огромному промышленному развитию как во Франции, так и в Германии; в это же время США также оправались от последствий гражданской войны. В связи с этим быстро началась атака на британскую промышленную монополию. Бум перешел в жестокий кризис 1875 г., за которым последовали кризисы 1880 и 1884 гг. И, что наиболее характерно, эти кризисы были более затяжными и восстановление после них было не таким полным, как в середине XIX в. Британская промышленность все еще продолжала развиваться, но с большим трудом и гораздо медленнее¹.

Кризис был особенно остро ощущен в Лондоне. Здесь перемещение кораблестроительной промышленности на Тайн и Клайд около 1866 г. привело к повсеместной нужде; наряду с этим постепенный упадок мелкой промышленности оказался губительным для этого района, где, как это ни парадоксально, она сохранилась в большей мере, чем где бы то ни было. В Ист-Энде были сотни тысяч неквалифицированных портовых рабочих, обычно имевших только случайный заработок; среди них безработица приняла угрожающие размеры; те же из них, кто имел работу, получали исключительно низкую заработную плату. Поэтому именно в Лондоне, а не на промышленном Севере, как ранее, имело свой центр и главную поддержку новое движение.

Первые отклики на происходящие перемены поступили со стороны интеллигенции и небольшого числа сознательных рабочих.

¹ См. главу XVI, раздел 1.

Около 1880 г. широко раскупалась газета «Прогресс и нищета» Генри Джорджа. Эта газета говорила непосредственно только о частной собственности на землю, но косвенно об институте частной собственности в целом. В 1881 г. Энгельс написал ряд переводных статей для «Рабочего знамени», газеты Лондонского совета профсоюзов, которая начала выходить незадолго перед этим и в которой остро ставились основные вопросы отношения тред-юнионизма к политике рабочего класса. Роль Энгельса во всех последующих событиях огромна, хотя он работал, оставаясь в тени.

В 1884 г. Демократическая федерация, организованная за три года до этого Х. М. Гайндманом, богатым авантюристом, стремившимся создать партию, стала называться Социал-демократической федерацией и проповедовала учение, в котором плохо усвоенный марксизм был смешан с большим количеством претензиозной чепухи. И сама федерация являла собой странную смесь разумных и честных рабочих и интеллигентов, таких, например, как Том Манн, Джон Бэрнс, Вильям Моррис и Элеонора Эвелинг, с явными сторонниками Гайндмана.

Диктаторские и бесчестные методы Гайндмана, приведшие к скандалу на всеобщих выборах 1885 г., когда три кандидата от социалистов проводились на деньги, полученные от тори, скоро дискредитировали Социал-демократическую федерацию. Еще до 1885 г. Моррис и другие вышли из этой федерации и создали Социалистическую лигу, но лига попала под влияние клики анархистов и распалась после ожесточенных внутренних склок.

В 1884 г. зародилось также Фабианское общество—организация, которая разглагольствовала об «улучшенном» и «английском» социализме и подменяла классовую борьбу теорией мирного и постепенного проникновения в правящие классы и его органы господства. Само Фабианское общество всегда было небольшим, но за его идеи с жадностью ухватились лидеры правого крыла лейбористской партии, стремившиеся найти теоретическое оправдание своему оппортунизму.

Все эти первые социалистические организации являлись еще изолированными сектами и имели бы очень небольшое значение, если бы не началось движение рабочих масс. Это движение началось среди безработных восточной части Лондона зимой 1886/87 г., но его развитию препятствовала тактика Социал-демократической федерации, эксплуатировавшая это движение и рекламировавшая его как свое крупное достижение. 13 ноября 1887 г., в день знаменитого «Кровавого воскресенья», полиция разогнала демонстрацию с чрезвычайной жестокостью. В результате все силы социалистов и радикалов сосредоточились на проведении крупной кампании за свободу слова, кампании, сопровождав-

шейся многочисленными стычками с полицией¹. Одновременно велась последовательная и плодотворная пропаганда во многих клубах радикалов, членами которых тогда состояло большинство политически сознательных рабочих.

К 1887 г. движение распространялось также и на провинции. Кейр Гарди начал работать в организации, превратившейся в дальнейшем в Шотландскую рабочую партию; в Тайнсайде некоторых успехов добилась рабочая избирательная организация. Но замечательным годом, полным взрывов скрытых вулканических сил, явился 1883 г., и местом взрыва был лондонский Ист-Энд, где жили тысячи рабочих, которые никогда не были организованы и которых считали невозможным организовать.

В мае работники спичечной фабрики Байранта и Мэя под руководством социалистов провели успешную забастовку. Затем Уилл Торн при помощи Бэрнса, Манна и Эвелингов организовал союз рабочих газового производства. Через несколько месяцев этот союз настолько окреп, что газовые компании принуждены были уменьшить часы работы с двенадцати до восьми и поднять заработную плату на 6 пенсов в день. Союз рабочих газового производства и чернорабочих, сильно упрочивший свое положение в результате этой победы, был первым из «новых» союзов, воспринявших все лучшее из уроков, преподанных юнионизмом обученных рабочих и избежавших его узости и склонности к компромиссам.

Когда вслед за победой рабочих газового производства последовала крупная стачка портовых рабочих в 1889 г., руководимая Бернсом и Манном (которые сами были членами Объединенного общества механиков), в союзы начали вступать неквалифицированные рабочие. За один год в организации вступили 200 тыс. человек. В 1888 г. была также создана Федерация шахтеров, объединившая более старые местные союзы, добившиеся значительных успехов незадолго перед этим.

К 1893 г. в Федерации, придерживавшейся политики установления минимума заработной платы и ограничения законом часов работы, в противовес преобладавшей ранее системе «скользящей шкалы», устанавливавшей заработную плату в зависимости от цен, число членов возросло с 36 тыс. до 200 тыс.

Все это произошло скорее вопреки Социал-демократической федерации, чем благодаря ей, поскольку эта федерация осталась вне массового движения и даже относилась к нему довольно пренебрежительно, если оно не провозглашало себя социалистическим. Члены федерации, такие как Бэрнс и Манн, принимали активное участие в работе союзов как частные лица, а не от имени

¹ Эти события, в которых Моррис принимал активное участие, описаны в главе XVII его книги «Вести ниоткуда» («Как произошли изменения»).

федерации, и их часто упрекали в отказе от социалистических принципов. В течение некоторого времени эта позиция федерации не препятствовала движению масс, но в конечном счете она оказалась губительной. «Социалисты», которые должны являться передовым меньшинством, выродились в секту, а движение масс было предоставлено руководству всякого рода карьеристов. Кроме того, некоторые из самых боевых лидеров профсоюзов, такие, например, как Бернс и Торн, скоро скатились к оппортунизму, широко распространенному среди более старых должностных лиц, с которыми они сталкивались. Бернсу выпала честь быть первым тред-юнионистским лидером, попавшим в либеральный кабинет министров. В Англии никогда не существовало единства теории и практики, которое одно только и может привести к правильным действиям, и обеим сторонам пришлось дорого заплатить за это.

Тем не менее новый тред-юнионизм делал большие успехи, несмотря даже на отсутствие ясной политической перспективы. В 1889 г. Энгельс с восторгом приветствовал отход союзов от «превратившихся в окаменелость братств» обученных рабочих.

«...они рассматривают свои теперешние требования как временные, им еще не ясна конечная цель, которой они добиваются. Но смутное представление о ней владеет ими настолько глубоко, что заставляет их выбирать вождей *только* среди социалистов»¹.

Разница ярко проявилась, когда Всеобщий союз железнодорожных рабочих немедленно после его создания в 1890 г. заявил, «что этот союз будет боевым и не будет себя обременять никакими фондами, создаваемыми для выдачи больничных и страховых пособий». С самого начала новые союзы приняли политику взимания низких членских взносов и массовости членства, отказавшись от высоких членских взносов и сектанства. Впервые был поставлен вопрос о правах женщин, а Союз рабочих газовой промышленности распространил деятельность своей организации на Ирландию.

В 1892 г. Энгельс в предисловии к новому изданию своей работы «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.» определил это массовое движение как наиболее существенную черту того времени: «Эта юдоль безмерной нищеты [лондонский Ист-Энд] перестала быть той стоячей лужей, какую она была еще шесть лет тому назад. Ист-Энд стряхнул с себя апатию отчаяния: он возродился к новой жизни и стал родиной «нового юнионизма», т. е. организации широких масс «необученных» рабочих. Хотя эта организация в некоторых отношениях и облеклась в форму старых союзов «обученных» рабочих, но по своему характеру она все же существенно отличается от них. Старые союзы сохраняют тради-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 164.

ции той эпохи, когда они возникли; они рассматривают систему наемного труда как вечный, раз навсегда данный факт, который они могут в лучшем случае лишь немного смягчить в интересах своих членов. Другое дело—новые союзы: они были основаны в такую эпоху, когда вера в вечность системы наемного труда уже потерпела жестокое крушение. Их основатели и руководители были сознательными социалистами или же социалистами по чувству; устремившиеся к ним массы, которые составляют их силу, были грубы, забиты, и аристократия рабочего класса смотрела на них сверху вниз. Они имеют одно неизмеримое преимущество: их психика является еще *девственной почвой*, совершенно свободной от унаследованных «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы лучше поставленных «старых юнионистов». И теперь мы видим, как эти новые союзы становятся во главе всего рабочего движения и мало-помалу берут на буксир богатые и гордые «старые» тред-юнионы»¹.

Новый тред-юнионизм скоро дал о себе знать, и ожесточенная борьба закончилась крупной победой на конгрессе тред-юнионов в Ливерпуле в 1890 г.: требование о включении в программу пункта о восьмичасовом рабочем дне было принято 193 голосами против 155 после любопытных дебатов, во время которых лидеры старого тред-юнионизма пользовались внешне наиболее революционными аргументами. Значение голосования заключалось главным образом в том, что профсоюзное движение вновь вынуждено было включиться в сферу политической деятельности. В начале 1893 г. состоялась конференция социалистических и рабочих организаций, на которой была создана независимая рабочая партия. Социал-демократическая федерация со свойственным ей упрямством отказалась сотрудничать со вновь созданной организацией, и это привело к тому, что сначала новой партией руководил Кейр Гарди, а затем руководство попало в руки наиболее опасных фабианцев и замаскированных либералов, подобных Сноудену и Рамзею Макдональду.

В 1900 г. Социал-демократическая федерация повторила свою ошибку с еще более катастрофическими последствиями, когда конгрессом тред-юнионов была создана лейбористская партия (вначале известная под названием Комитета рабочего представительства), в которую влились независимая рабочая партия и Общество фабианцев. Сначала новой организации не оказывалось значительной поддержки. Ни один из предложенных ею кандидатов не прошел на всеобщих выборах в 1900 г., и в 1901 г. общее число членов всех входивших в нее организаций доходило только до 469 тыс. Затем последовал знаменитый судебный процесс долины Тафф и ожесточенная кампания в газетах против тред-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 276

юнионизма. Число членов профсоюзов возросло почти до миллиона, и был одержан ряд сенсационных побед на дополнительных выборах. После выборов 1906 г. в палату общин прошла группа, состоящая из 29 членов лейбористской партии¹.

Теперь действительно уже существовала независимая массовая политическая партия рабочих, на создание которой ушли усилия и жертвы целого столетия; но этой партией руководили люди, охотно следовавшие указке либералов почти во всех вопросах. Какова бы она ни была, лейбористская партия фактически являлась выражением массового движения рабочих, и рядовые члены этой партии никогда полностью не подпадали под буржуазное влияние, разложившее руководство этой партии. Внутри партии шла непрерывная борьба против этого пагубного влияния. Ленин, поддерживая ходатайство лейбористской партии о присоединении ее ко Второму Интернационалу в 1908 г., сказал, что «она («Рабочая партия») представляет собой первый шаг действительно пролетарских организаций Англии к сознательной классовой политике и к *социалистической* рабочей партии»². И в статье по поводу решения Интернационала принять лейбористскую партию он говорит, что английские союзы «... стали тем не менее *подходить* к социализму, неловко, непоследовательно, криво, но все же подходить к социализму. Что теперь в Англии быстро растет социализм в рабочем классе... этого могут не видеть только слепые люди»³. Примерно с 1900 г. под давлением бурного роста боевого духа у рабочих социалистическая оппозиция добилась больших успехов внутри лейбористской партии. Однако в 1914 г. начало войны прервало это движение и временно влияние реакционеров укрепилось сильнее, чем когда бы то ни было ранее.

5. Война за землю и за национальную независимость в Ирландии

Акт об унии 1801 г. явился естественным следствием подавления восстания объединенных ирландцев⁴. Хотя ирландский парламент в Дублине и был продажным и непредставительным, все же это был потенциальный центр, вокруг которого могли сплотиться революционные национальные силы, и поэтому следовало его уничтожить. Питт поручил осуществить эту вполне подходящую для него задачу Кастлри. Была проведена кампания, во время которой миллион фунтов стерлингов был истрачен на взятки, чтобы купить большинство. Это оказалось достаточно убедительным для протестантских джентльменов, из которых состоял

¹ См. стр. 420.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 213.

³ Там же, стр. 215.

⁴ См. стр. 297.

ирландский парламент в тот период, чтобы проголосовать за уничтожение собственного существования. Обещание, что вслед за актом о запрещении союзов последует отмена законов против католиков, выполнено не было.

Вместо этого акт об унии сопровождался рядом актов о принуждении, направленных на подавление непрерывных крестьянских восстаний, вызванных непосильным бременем арендной платы, десятины и налогов. Крестьяне объединялись в тайные организации, такие как «Уайтбойс» и «Рибонмен», вели партизанскую войну; особенно трудно было собирать с них десятину, что осуществлялось только с помощью штыков. Часто происходили стычки, подобные стычке у Раткормака, во время которой было убито 12 человек. Никакие репрессии не могли подавить эти волнения, вызванные предельной нищетой народа. Но то, чего не смогли сделать английские штыки, было выполнено ирландским высшим классом под руководством Даниэля О'Коннела.

Джон Митчел говорил, что «злейшим врагом Ирландии, после Англии, был О'Коннелл». Он вмешался в стихийно вспыхнувшие аграрные волнения, захватил руководство и превратил их в орудие усиления политической власти буржуазии. С помощью священников он создал Католическую ассоциацию, которая вскоре приобрела неограниченную власть над крестьянством. Все силы ассоциации были направлены на то, чтобы добиться «эмансипации католиков», под которой О'Коннелл подразумевал право помещиков-католиков на избрание в члены Вестминстерского парламента.

В 1829 г. он добился этой цели; но в то же время был отменен имущественный ценз в 40 шиллингов, и количество избирателей в Ирландии снизилось с 200 тыс. до 26 тыс. Это лишение избирательного права мелких держателей устранило одно из главных препятствий к сгону их с земли; раньше лендлорд был заинтересован в мелких арендаторах, так как его политическое положение зависело от количества голосов, а голосами своих арендаторов он мог распоряжаться по своему усмотрению. Теперь же, когда мелких арендаторов лишали права голоса, они стали не нужны лендлорду. После своей победы О'Коннелл начал агитацию за ликвидацию союза, но предусмотрительно проводил ее в рамках, которые предотвращали какое-либо активное выступление масс. Ирландия была важна для английских правящих классов только как источник получения дешевых пищевых продуктов; на протяжении последних ста пятидесяти лет, вне зависимости от того, какую бы форму ни принимала эксплуатация, это всегда лежало в ее основе. С развитием мануфактур в Англии Ирландия превратилась в зернопроизводящую страну. Когда во время наполеоновских войн цены были очень высоки, арендная плата невероятно возросла и сильно развилась субаренда держаний. После войны, согласно хлебным законам, Ирландия была единственным

местом, из которого можно было свободно экспортировать зерно в Англию, и хотя цены упали, барыши землевладельцев почти не уменьшались: падение цен означало только, что крестьяне для выплаты арендной платы должны были производить больше пшеницы. Сгон с земли был очень частым явлением, а значительный рост населения облегчал возможность нахождения новых арендаторов, как бы чудовищно велика ни была арендная плата.

В 1835 г. цифры, опубликованные в отчете «Ирландской комиссии по проведению закона о бедных», показали, что общая стоимость ирландской сельскохозяйственной продукции составляет 36 млн. ф. ст. Из этой суммы 10 млн. ф. ст. расходовалось на арендную плату, 20 млн. ф. ст.—на налоги, десятины и барыши посредников и купцов, а меньше 6 млн. ф. ст. оставалось непосредственным производителям, мелким держателям земли и сельскохозяйственным рабочим. Крестьянин выращивал пшеницу для выплаты арендной платы, а картофель—для того, чтобы прокормить себя и свою семью. Таковы факты, лежащие в основе «великого голода», царившего с 1845 по 1850 г.

Работы прежних историков грубо искажали факты, связанные с этим голодом. По существу, голода в обычном понимании этого слова не было. Был только неурожай на одну культуру: картофель. В то время была даже широко распространена поговорка: «Провидение погубило картофель, а Англия создала голод». В 1847 г., когда сотни тысяч людей умирали с голоду и от голодного тифа, под охраной английских войск из страны фактически было вывезено пищевых продуктов на сумму 17 млрд. ф. ст. Полтора миллиона людей, погибших в течение этих лет, умерли не от голода, а были убиты арендной платой и прибылями предпринимателей.

Лучшие руководители Движения молодой Ирландии, пришедшего на смену ассоциации О'Коннела, являлись сторонниками насильственного захвата земли и отказа от уплаты арендной платы или десятины. Так же как Тоун искал союзника в революционной Франции, Джон Митчел и Джеймс Финтан Лейлор хотели организовать совместное с английскими чартистами восстание. Но это восстание не состоялось из-за ареста Митчела и Лейлора, а лендлорд Смит О'Брайен, в чьи руки перешло руководство, был не таким человеком, который должен был возглавлять аграрное движение, направленное против его собственного класса. Он и его друзья не могли воспрепятствовать восстанию, но они были достаточно сильны для того, чтобы локализовать его и обречь его на провал. Возможно, что частично причиной этого провала в 1848 г. являлось также и то состояние физической слабости, до которого голод довел людей.

Следующее поколение влачило нищенское существование; это было время массового сгона с земли и эмиграции в США и Канаду.

После отмены хлебных законов ирландская пшеница перестала быть монополистом на английском рынке, и посевы пшеницы стали вытесняться скотоводством. Население уменьшилось с 8170 тыс. в 1841 г. до 4700 тыс. в 1891 г., но за тот же период посевная площадь зерна снизилась с 1,2 млн. до 600 тыс. га. Небольшие земельные участки «очистились» от их держателей и были слиты в крупные фермы, где поля использовались в качестве пастбищ для скота; в результате, несмотря на уменьшение населения, плотность крестьянского населения на земле, находящейся в его распоряжении, не уменьшилась.

В этот же период происходило вытеснение продукции ручных прядильщиков и ткачей машинными товарами, изготовленными в Ланкашире, то есть происходил процесс, закончившийся в Англии на целое поколение раньше. Между 1841 и 1881 гг. число рабочих, занятых в текстильной промышленности, снизилось с 696 тыс. до 130 тыс. Ирландская промышленность оставалась отсталой повсюду, кроме района Бельфаста, где имелось кораблестроение и производство полотна, осуществлявшиеся почти исключительно с помощью английского капитала. Именно по этой причине влиятельные слои английского правящего класса всегда решительно препятствовали распространению гомруля на этот район.

Начавшиеся затем крупные движения фениев и Земельной лиги были направлены против сгона крестьян с земли. Общество фениев было создано в Килкенни в 1857 г., но оно вдохновлялось группой революционных эмигрантов из Парижа, руководимой Джемсом Стивенсом, который, как говорят, был в контакте с тайной организацией Бланки и с европейскими коммунистами. Это общество оставалось малозначимым до окончания гражданской войны в Америке, в которой участвовали и отличились тысячи ирландских эмигрантов. После войны многие из этих старых солдат готовы были послужить Ирландии своим военным опытом. Фениев быстро окрепли, и их лидеры установили тесный контакт с Первым Интернационалом, членами которого некоторые из них, повидимому, были¹. Но снова планы восстания были выданы английскому правительству, и руководители фениев были арестованы. Без них восстание потерпело неудачу и было быстро подавлено в момент высшего подъема в 1867 г.

Фениев были организацией политической, черпавшей силу в аграрном недовольстве. Земельная лига была основана в 1879 г. для защиты экономических интересов крестьян, и только постепенно она втягивалась в политическую деятельность. Она придерживалась тактики борьбы со сгоном с земли при помощи бойкота, и ее члены обязались:

¹ Энгельс, живший в это время в Манчестере, крупном центре ирландской эмиграции, всегда находился в контакте с движением фениев.

«Никогда не претендовать, не брать и не арендовать ферму, с которой был согнан наш сосед за неуплату незаконно взимаемой с него ренты; никогда не участвовать в севе и не получать прибыли с урожая на такой ферме и считать человека, делающего это, врагом общества». Вскоре это движение разрослось в общенациональное сопротивление лендлордам и правительству.

Тесно связанной с борьбой Земельной лиги была борьба за политическое самоуправление. Партия гомруля создавалась в 1872 г. и одержала победу на всеобщих выборах в 1874 г. На следующий год в парламент от графства Мит был избран Парнелл; вскоре он стал признанным вождем партии. Несмотря на то что Парнелл был помещиком, он остро реагировал на зло, причиняемое Ирландии, и твердо решил покончить с ним любой ценой. В Земельной лиге он скоро увидел средство объединить борьбу за землю с борьбой за национальную независимость; для этого он вошел в тесный контакт с вождем лиги Майклом Девином; правда, представляется мало вероятным, что он когда-либо разделял убеждения Девида в том, что война за землю может послужить переходной стадией к вооруженному восстанию. Голод 1879 г.; сопутствующая ему нищета и массовый стон с земли сделали Парнелла и Девида неоспоримыми руководителями общенациональной политической и экономической борьбы. Любая угроза по отношению к ним со стороны католического духовенства, терроризированных помещиков или даже «умеренных» из их собственной партии только укрепляла веру в них со стороны крестьянства, видевшего в них единственную силу, которая могла спасти их от гибели.

К этому времени правительство сильно встревожилось, и в 1881 г. Гладстон издал свой «Акт о принуждении», дававший право арестовывать и держать в заключении без суда каждого, кого подозревали в оказании поддержки Земельной лиге. Девида и большинство руководителей лиги были арестованы, а вскоре к ним в Килмангеймскую тюрьму отправили также и Парнелла. Появились внешние признаки начала упадка движения. С одной стороны, часть крестьянства была удовлетворена уступками, закреплявшимися Земельным актом 1881 г.; с другой стороны, массовая борьба, лишенная теперь какого-либо централизованного руководства, начала, повидимому, проявляться в актах индивидуального террора. Правильно или неправильно, но Парнелл пришел к выводу, что настало время отступить; пока он находился в Килмангейме, он договорился с правительством, что насилия и правонарушения будут прекращены, правительство же за это обещало амнистию и введение нового законодательства, которое должно было положить конец стону с земли.

Парнелл был освобожден в мае 1882 г. Несколькими днями позже все значение договоренности с правительством было све-

дено на-нет, когда новый министр по делам Ирландии лорд Фридрих Кавендиш, прибывший в Дублин, был убит в парке Феникс. Парнелл никогда не верил в методы террора, и теперь направил всю свою энергию на проведение кампании за гомруль, то есть за то, чтобы ирландцы получили право на самоуправление в рамках империи. Будучи великим знатоком парламентской тактики, он сумел создать исключительно дисциплинированную группу членов парламента—националистов. В своих действиях он руководствовался предположением, что такая группа окажется достаточно сильной, чтобы привлечь к себе серьезное внимание, а по временам, когда либералы и тори будут располагать равным количеством голосов, эта группа сумеет лавировать и добиться больших уступок в награду за поддержку, оказываемую этим партиям. Пока партия находилась под его руководством, эта тактика действительно была успешной; но в дальнейшем в партии произошел раскол, и Парнелл был отстранен от руководства в результате беспринципного сговора между католической церковью, лендлордами и английскими империалистами, что привело Ирландскую националистическую партию к еще большему оппортунизму: дело дошло до того, что в 1914 г. лидер партии Джон Редмонд в палате общин заверил английское правительство, что в случае войны Ирландия окажет ему поддержку. Это обещание оказалось смертным приговором для партии Парнелла.

Земельный акт 1881 г. был умно рассчитанным ударом по Земельной лиге. Согласно этому акту, организовывались специальные трибуналы для установления арендной платы на пятнадцатилетний срок, в течение которого фермеры не должны стоняться с земли. Этот акт был направлен на спасение лендлордов от разорения, которым грозила им война за землю, а также на то, чтобы сорвать агитацию лиги. В этом отношении акт оказался очень успешным, так как крестьяне готовы были ухватиться за любую надежду на спасение от стона с земли.

За этим актом последовал ряд актов о покупке земли; эти акты давали арендаторам право покупать свои фермы в рассрочку, производя ежегодные выплаты за них. Это обеспечивало лендлордам меньший, но верный доход, поскольку они получали у государства заем, а крестьяне, по существу, выплачивали проценты за этот заем, вместо арендной платы, которую, если бы Земельная лига продолжала свою деятельность, они, вероятнее всего, могли бы совсем не выплачивать. Т. П. О'Коннор, который был в ту пору совсем молодым революционером, выразил цель этого законодательства в следующих словах: «Гладстон проводил политику фиксирования отношений между лендлордом и арендатором; лига придерживалась политики, состоявшей в том, чтобы разорвать связь между ними и похоронить лендлордизм под обломками этой связи».

Наконец в 1886 г. Гладстон попытался покончить с национальным движением биллем о гомруле. Но он потерпел поражение из-за возмущения открыто империалистической группы либеральной партии, возглавляемой бирмингемским политиком Джозефом Чемберленом; вновь начался период открытого применения силы под влиянием философа тори Бальфура. Второй билль о гомруле был отклонен палатой лордов в 1893 г.

Вся история Ирландии, с восстания добровольцев в 1778 г. до сегодняшнего дня, сводится к трагической непрерывной борьбе крестьян и рабочих за освобождение от английской эксплуатации и постоянному предательству со стороны руководителей этой борьбы, принадлежавших к высшим и средним классам. Предательство этих людей в основном объясняется тем, что борьба эта, естественно, постепенно перерастала из борьбы против иностранных эксплуататоров в борьбу против эксплуататоров в самой Ирландии. Ирландские лендлорды, получавшие огромную арендную плату с крестьян, которую они тратили и инвестировали главным образом в Англии, всегда были более враждебно настроены по отношению к своим собственным арендаторам, чем к английским.

Объединенные ирландцы в своем манифесте 1791 г. заявили: «Когда на авансцену выходит аристократия, народ отступает; когда выходит вперед народ, аристократия, боясь остаться позади, втирается в наши ряды и превращается в трусливых лидеров или попутчиков, склонных к предательству». Для того чтобы выйти из положения, необходимо и теперь, как и тогда, ответить на вопрос: «Какому классу надлежит руководить борьбой за национальное освобождение?».

Глава XV

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ

1. Индия

Отмена торговой монополии Ост-Индской компании в 1812 г. положила начало новому этапу в экономической эксплуатации Индии. Ост-Индская компания была торговой компанией, и большая часть ее доходов состояла из барышей, получаемых от продажи в Англии экзотических продуктов Востока. Кроме того, это была лондонская компания, а Лондон являлся традиционным центром британского торгового капитала (он еще не был в 1813 г. центром британской промышленности). С этого времени английские фабричные товары, в особенности хлопчатобумажные материи ланкаширского производства, начали сбываться в Индию. За отрезок времени, не намного превышавший одно десятилетие, экспорт в Индию фактически удвоился, и экспорт хлопчатобумажных товаров, который был ничтожным в 1813 г., в двадцатых годах достиг цифры почти в 2 млн. ф. ст. в год.

После 1813 г. главной статьей дохода Ост-Индской компании стала ее монополия на торговлю китайским чаем. Эта монополия сохранялась за компанией в течение еще двадцати лет. Поскольку компания ежегодно продавала чая на сумму примерно в 4 млн. ф. ст. по ценам, в среднем вдвое превышавшим те цены, которые платились ею в Кантоне, барыши ее были очень значительны. Первая опиумная война (1839—1841) велась как раз в тот период, когда Ланкашир готов был наводнить Китай дешевыми хлопчатобумажными товарами так же, как он наводнил ими Индию. Война велась под предлогом заставить китайцев против их воли покупать индийский опиум, а по существу преследовала более широкую цель: сломить барьеры, препятствующие свободному экспорту британских товаров в Китай¹. После войны Гонконг был аннексирован, и для британских торговых судов было открыто пять

¹ Некий сэр Джордж Кемпбелл заметил в палате общин: «Если уж китайцев надлежит отравлять опиумом, то я бы предпочел, чтобы они отравлялись с пользой для наших индийских подданных (!), чем с пользой для чьей-либо другой казны».

«договорных портов». Вторая война (1856—1858) открыла путь для проникновения англичан в бассейн Янцзы.

Ланкаширские товары с поразительной быстротой уничтожили промышленность Индии, применявшую ручные станки. Д-р Боуринг, выдающийся адвокат фритредеров, в речи, произнесенной в парламенте в 1835 г., заявил:

«Несколько лет назад Ост-Индская компания ежегодно получала продукцию со станков Индии в количестве от 6 до 8 млн. кусков ткани. Спрос постепенно снизился до цифры, немного превышавшей 1 млн. кусков; теперь же он почти совсем прекратился. Ужасны сведения, поступающие о нищете бедных индийских ткачей, доведенных голодом до предельного истощения. А что явилось единственной причиной? Наличие более дешевой английской мануфактуры. Множество ткачей умерло от голода; остальные по большей части начали заниматься другим делом, главным образом сельским хозяйством. Муслины Дакки, славящиеся во всем мире своей красотой и тонкостью, почти перестали вырабатываться по той же причине».

Население Дакки, главного центра индийской текстильной промышленности, уменьшилось между 1815 и 1837 гг. со 150 тыс. до 20 тыс.

Менее наглядным, но более важным, чем уменьшение населения Дакки, было постепенное уничтожение независимых общин, являвшихся основой индийской общественной жизни. Маркс писал, что в Индии «семейные общины зиждились на домашней промышленности, при своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли,—комбинации, которая придавала этим общинам самодовлеющий характер. Английское вмешательство, помещая прядильщиков в Ланкашир, а ткачей в Бенгалию, или сметая с лица земли как индусских прядильщиков, так и индусских ткачей, разрушило эти маленькие полуварварские, полуживильзованные общины, уничтожив их экономический базис»¹.

Уничтожение сельской ручной промышленности заставило крестьян снова заняться исключительно сельским хозяйством. Индия, подобно Ирландии, стала чисто сельскохозяйственной колонией, поставляющей в Великобританию пищевые продукты и сырье. Разрушение ручной промышленности означало не только то, что ланкаширские товары монополизировали этот рынок, но также и то, что индийский хлопок и джут начали вывозиться в Англию, а не обрабатывались на месте. Этому способствовали также высокие налоги, составная часть той цены, которую Индии приходилось платить за то, что Англия облагодетельствовала ее своим правлением. Когда крестьянам было предъявлено требо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 351.

вание выплачивать налоги наличными деньгами, им пришлось продавать излишки своих продуктов по ценам, совершенно непропорциональным стоимости их производства. Во многих частях Индии сборщики налогов быстро превратились в один из видов помещиков.

В результате на протяжении всего XIX в. и вплоть до нашего времени продолжалось прогрессивное обнищание населения, постоянное уменьшение земельных участков по мере увеличения количества людей, занимавшихся земледелием, а также рост задолженности крестьян деревенским ростовщикам. Официальное обследование показало, что в деревне в Пуне средний размер участка был 16 га в 1771 г., 7 га в 1818 г. и только 2,8 га в 1915 г. В Бенгалии и в других местах участки намного меньше: в среднем 0,88 га. Согласно недавно полученным данным, это обнищание не только продолжается, но усиливается со все возрастающей быстротой: с 1921 по 1931 г. количество крестьян, лишившихся земли, возросло с 291 до 407 на тысячу человек. За эти же годы задолженность сельского населения увеличилась с 400 млн. ф. ст. до 675 млн. ф. ст.

Уничтожение торговой монополии Ост-Индской компании в 1813 г. совпало с периодом завоеваний и агрессии. В начале века маркиз Уэлсли провел ряд военных кампаний против махратов в Центральной Индии. При лорде Гастингсе, занимавшем пост генерал-губернатора с 1813 до 1823 г., большие пространства Центральной Индии были подчинены непосредственно британскому управлению. Местные князья, избежавшие завоевания, вынуждены были признать британское владычество. С этого времени фактический контроль Великобритании над всей территорией Индии к востоку от Инда стал общепризнанным фактом. В 1824 г. была совершена первая экспедиция в Бирму, за пределы собственно Индии, и была занята ее прибрежная область. Благодаря захвату Сингапура в том же году Великобритания овладела одним из главных стратегических пунктов, дававших ей выход к Индийскому океану и к Дальнему Востоку.

После окончания войны в Бирме (1826) вплоть до 1838 г. длился период мира и быстрого расширения британской торговли в Индии. Он закончился попыткой завоевать Афганистан, где начали распространяться первые слухи о русском проникновении в Центральную Азию. Эмир афганский был смещен и заменен марионеточным князьком, поддерживаемым оккупационной армией численностью в 15 тыс. В 1842 г. восстание местных племен вынудило эту армию покинуть Кабул, и, когда она отступала через горы, ее окружили и полностью уничтожили. Это событие произвело огромное впечатление: впервые крупные британские вооруженные силы были разбиты, и это поколебало веру в непобедимость белых завоевателей. Войны против сикхов Пенджаба

(1845—1849) эту веру не восстановили. Пенджаб был завоеван, но только после ожесточенных сражений, закончившихся битвой при Чиллианвалле, во время которой сикхи были очень близки к победе. Войны против афганцев и сикхов следует рассматривать в числе основных причин восстания сипаев.

Британское владычество в Индии поддерживалось хорошо обученной и дисциплинированной армией сипаев и местными князьями и землевладельцами, которые обязаны были всеми своими привилегиями британскому господству. Разрушая деревенские общины, социальную основу жизни народа, британские правители сохраняли своеобразный террористический феодализм, жестокое угнетение со стороны князей и знати. Таким образом, массы подвергались двойной и в некотором отношении параллельной эксплуатации. До тех пор пока две группы эксплуататоров действовали в контакте и пока Индия была еще исключительно сельскохозяйственной страной и состояла из раздробленных частей, опасности успешного восстания не существовало.

Но в середине XIX в. агрессивная политика англичан привела их к конфликту с местной феодальной знатью. Незадолго перед этим изобретенная «доктрина о выморочных владениях», по которой туземные княжества, где умерли правители, не оставив наследников, попадали под британское управление, шла вразрез с восточным обычаем, в соответствии с которым туземные князья раньше обычно усыновляли наследника. С 1848 по 1856 г. ряд туземных княжеств, включая Сатару, Джанси, Нагпур и Ауд, были аннексированы. Непосредственное подчинение британскому владычеству всей страны стало только вопросом времени.

Наряду с этим систематически подрывались устои индийской культуры и религии, и это особенно не нравилось привилегированной касте сипаев, составлявших костяк армии. Знаменитый случай с патронами, намазанными животным салом, фактически ускорил восстание, приобретя значение кульминационного пункта этого процесса. Постройка железных дорог, хотя до 1857 г. было уложено только 437 км рельсов, и телеграфа также была для них признаком все большей концентрации власти в руках европейцев.

Когда началось восстание, оно вначале не носило характера борьбы за национальную независимость или борьбы за землю; это было восстание профессиональной армии, руководимой реакционными феодальными правителями, власти которых угрожало присоединение к Англии и которые боялись всех европейских нововведений. Только в Ауде восстание превратилось во всеобщее движение против англичан, и то только в нескольких районах, особенно около Бенареса, где оно приняло форму классового возмущения крестьян, направленного против землевладельцев и сборщиков налогов. В этом и кроются причины его слабости и секрет его быстрого поражения.

С самого начала вымиравшие князья, возглавлявшие движение, проявили полную неспособность к решительным или совместным действиям. Восстание было локализовано, и небольшие отряды белых войск имели возможность беспрепятственно передвигаться. Решение о реставрации власти великих моголов лишило восстание поддержки многих индийцев и особенно воинственных и недавно покоренных сикхов. Главные силы сипаев оказались скованными в Дели очень маленькой британской армией, в то время как решительный марш к Бенгалии, возможно, пробудил бы к действиям всю страну.

Восстание началось в Мируте в мае 1857 г. Через несколько недель был взят Дели, и британские гарнизоны в Лукноу и Каунпуре были осаждены. Вся Центральная Индия была в огне, но в других местах происходили только отдельные вспышки. В Пенджабе попытки организовать восстание были быстро подавлены, и в связи с отсутствием здесь народного движения восставшие оказались одинокими в чужой и часто враждебной стране. В результате этого Пенджаб фактически превратился в базу, на которую опирались англичане при подавлении движения в Центральной Индии. Малочисленность британских вооруженных сил компенсировалась их умением проводить совместные действия, значительно усилившимся благодаря телеграфу, а также обладанием артиллерией. К сентябрю Дели был снова взят, и восстание было явно обречено на поражение.

Подавление восстания осуществлялось с чрезвычайной жестокостью, порожденной страхом. Кэй и Меллисон в известной работе «История восстания в Индии» в числе многих других происшествий приводят также и следующее:

«Добровольческие отряды вешателей ходили по разным районам, хватало и палачей-любителей. Один джентльмен хвастался большим количеством людей, которых он прикончил совершенно артистически; виселицей ему служили манговые деревья, а слоны были подставками; жертвы этой дикой расправы были для развлечения повешены в виде цифры восемь».

Это происходило в Бенаресе. Эти же авторы признают, что 6 тыс. человек «вне зависимости от пола и возраста» были убиты в Аллахабаде и его окрестностях. Такие же события происходили повсюду, и многие зверства были совершены задолго до знаменитой «Каунпурской резни», на которую принято было ссылаться для оправдания этих зверств.

После подавления восстания была проведена полная реорганизация британских военных сил в Индии. Ост-Индская компания явно себя изжила и была ликвидирована; функции ее перешли непосредственно к правительству. Число британских солдат было доведено до 65 тыс., число же индийских солдат было уменьшено. Но важнее всего было то, что произошло примирение

с туземными князьями. Тревельян говорит: «От доктрины Дельхаузи о выморочных владениях после восстания отказались, и туземные княжества впредь стали рассматриваться как основной оплот всего здания Британской Индии». Князья, хотя их истинная власть непрерывно уменьшалась, с этого времени начали вести себя лояльно; этого удалось добиться титулами, денежными подачками и молчаливым соглашением о том, что им разрешается мучить и грабить их подданных под охраной британских штыков.

Строительство железных и шоссейных дорог шло быстро. Проводилось оно частично в военных, частично в коммерческих целях. Дороги давали возможность перебрасывать войска в любую часть страны; они давали возможность отправлять повсюду английские товары, и, кроме того, они позволяли дешево доставлять в порты большие количества индийского зерна, хлопка, чая и другого сырья. Но были еще и другие, неожиданные последствия строительства железных дорог. Как бы британская буржуазия ни стремилась сохранить Индию в качестве сельскохозяйственной колонии и в качестве рынка сбыта для своей промышленной продукции, необходимость создания сети железных дорог шла вразрез с их стремлением. Неизбежно, несмотря ни на какие препятствия, вокруг железных дорог начала развиваться угольная и металлургическая промышленность. Уже в 1853 г. Маркс писал: «Но раз только вы ввели машину в качестве средства передвижения в страну, обладающую железом и углем, вы не можете помешать тому, чтобы эта страна сама стала производить эту машину. Вы не можете поддерживать сети железных дорог в огромной стране без организации тех отраслей промышленности, которые необходимы для удовлетворения непосредственных и текущих потребностей железнодорожного движения, а это повлечет за собою развитие механического производства и в тех отраслях промышленности, которые непосредственно не связаны с железнодорожным движением. Железные дороги станут поэтому в Индии действительным предвестником современной индустрии»¹.

Железные дороги не только изменили положение вещей, они также изменили и людей. Они создали промышленную буржуазию и промышленный пролетариат. Они создали во всей стране экономическое единство, никогда ранее не существовавшее, и заложили основы политического единства. Они впервые сделали возможной настоящую борьбу за национальную независимость.

Наряду со всем этим они еще более усилили необходимость для британского империализма сохранить за собой Индию. Помимо того что Индия была крупным рынком сбыта для потребительских товаров, она также стала рынком сбыта для продукции тяжелой промышленности и средств производства; туда экспортировался

капитал. Сотни миллионов фунтов стерлингов были вложены в железные дороги, шахты, шоссейные дороги и в другие работы; ежегодно десятки миллионов фунтов стерлингов получались в виде процентов с этих капиталовложений. Индия стала центром и краеугольным камнем всей экономической и финансовой системы империи.

2. Канада и Австралия

Характер развития как Канады, так и Австралии определялся главным образом их географическим положением и особенностями. Вряд ли вообще можно говорить о Канаде как о географической единице. Она является продолжением США на севере и представляет собой полосу плодородной земли, обладающей свойствами территории США, лежащей южнее ее; постепенно и незаметно она переходит в холодную арктическую пустыню. За единственным исключением все ее связи с внешним миром проходят через США, а не через моря на востоке или западе.

Исключением, о котором мы говорим, является река Св. Лаврентия, но она имела решающее значение, поскольку в то время, когда американские колонии завоевывали свою независимость, бассейн этой реки был единственным населенным районом, а на западе и в центре континента находились только кочующие индейцы. В это время жителями Канады были французские поселенцы, которые вечно вели войну со своими южными соседями. Поэтому, когда в Соединенных Штатах началось восстание, Канада осталась английской колонией и обе страны расширились в западном направлении, причем их развитие шло по параллельным и не зависимым друг от друга путям.

После войны за независимость в США примерно 40 тыс. лоялистов империи, поддерживавших Англию и желавших остаться под английским управлением, перешли через границу в Канаду. Некоторые из них направились в прибрежные провинции: Новую Шотландию и Новый Брауншвейг, а другие — к Онтарио, севернее Великих Озер. Таким образом французы, хотя их и было большинство, оказались окруженными. В административных целях Канада была разделена на две провинции — Верхнюю Канаду, по преимуществу английскую, и Нижнюю Канаду, или Квебек, главным образом французскую.

На протяжении последующих тридцати лет происходил непрерывный приток иммигрантов из Англии, и население быстро увеличивалось. Но управление осуществлялось бюрократическим, бездеятельным министерством колоний, находившимся очень далеко, на Даунинг-стрите. Лорд Дургам в своем отчете в 1839 г. против своей воли дал яркую картину контраста между развитием Канады и США:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 365—366.

«На британской стороне, за исключением только нескольких мест, где наблюдается некоторое приближение к американскому процветанию, все кажется пустынным и заброшенным. Старинный город Монреаль, который является естественным коммерческим центром Канады, не выдерживает никакого сравнения с только что возникшим Буффало. Редкое население, бедное и неприспособленное, хотя трудолюбивое и усердное, едва добывающее себе средства к существованию на плохо обрабатываемой земле и, повидимому, неспособное улучшить свое положение, представляет резкий контраст по отношению к своим предприимчивым и преуспевающим соседям, живущим на американской стороне».

В 1837 г. произошли восстания французских и английских колонистов. Два восстания были совершенно независимы друг от друга, но оба они были результатом плохого управления Даунинг-стрита. Восстание в Верхней Канаде было частично антиклерикальным, причем одной из главных причин для возмущения послужило отчуждение большого количества лучшей земли для передачи ее церкви, которая не пользовалась популярностью и к которой принадлежало очень небольшое количество поселенцев. Оба восстания были вскоре подавлены, но они причинили много беспокойства британскому правительству, боявшемуся, что Канада собирается пойти по пути Соединенных Штатов. Результатом явилось создание комиссии с участием Дургама и отчет, в котором рекомендовалось предоставить Канаде самоуправление на правах доминиона. Одновременно политическая власть была передана в руки английских поселенцев; для этого провинции Верхней и Нижней Канады были объединены, и французы, составлявшие большинство в Нижней Канаде, оказались в меньшинстве в объединенной провинции.

С течением времени наиболее важной продукцией Канады становилась пшеница. Районы, ее производящие, лежали глубоко в центре страны, и они могли должным образом развиваться только как часть крупного американского пшеничного пояса, северный край которого они составляли, или же в результате постройки восточно-западной железной дороги, которая соединила бы центральные провинции с Атлантическим океаном. В первой из этих двух возможностей крылась опасность слишком тесной связи Канады с Соединенными Штатами. Кроме того, в 1871 г. новая провинция, Британская Колумбия, согласилась примкнуть к доминиону только при условии постройки вышеуказанной железной дороги в течение десяти лет. Таким образом канадская Тихоокеанская железная дорога была по крайней мере столь же политическим, сколь и экономическим предприятием. Она явилась единственным способом искусственно объединить широко разбросанные поселения и помешать поглощению их Соединенными Штатами.

В течение нескольких лет строительство железной дороги откладывалось из-за скандалов, явившихся результатом взяточничества и бездеятельности, которые привели к отставке двух правительств. Эта дорога, пожалуй, сыграла ту политическую роль, для которой она предназначалась, но зато потребовались непрерывные субсидии для возмещения убытков от ее эксплуатации. Открытие Панамского канала уменьшило экономическое значение этой дороги, так как теперь уже стало выгоднее посылать многие товары из Британской Колумбии в Англию водой, а не по суше с восточного побережья. За последние годы наиболее разительным фактом в истории Канады было постоянное проникновение в эту страну американского капитала, который намного превышает там теперь английский капитал. С другой стороны, Англия остается наиболее важным рынком сбыта для канадских товаров, в число которых теперь помимо пшеницы входят: рыба, меха, лесоматериалы и древесина, служащая для изготовления бумаги, причем древесина в связи с ростом газетной промышленности приобрела особо большое значение.

В отличие от Канады Австралия находится на краю мира, вдали от всех главных торговых путей. В связи с этим она была последним из открытых материков, и позже всех развивалась; ее развитие шло очень медленно до той поры, пока она сама по себе не приобрела достаточного значения, чтобы явиться конечным пунктом регулярных торговых маршрутов в Старый Свет и обратно. Вначале, когда Австралия использовалась как место ссылки каторжников, ее изолированность не являлась помехой. Между 1786 и 1840 гг. тысячи самых отвратительных, а наряду с ними и самых лучших англичан были высланы туда¹. Несмотря на жестокое обращение, которому они подвергались, многие из этих людей стали самостоятельными фермерами и ремесленниками по истечении срока их наказания. Некоторые же бежали в глубь страны и превратились в бандитов и разбойников.

Первоначально предполагалось построить по всей стране небольшие фермы, на которых могли бы селиться каторжники после освобождения. Однако от этого отказались и приняли план, предложенный предприимчивым дельцом Макартуром, состоявший в создании огромных овцеводческих ранчо. Создание таких ранчо обсуждалось во времена наполеоновских войн и после их окончания, когда фабрики Западного Райдинга испытывали острый недостаток в шерсти. Большие пространства земли были переданы крупным капиталистам, владевшим десятками и сотнями тысяч голов овец. Эти «скваттеры», принадлежавшие к тому же классу, что и государственные чиновники, вскоре стали полновластной местной аристократией; острые конфликты происходили между

¹ См. стр. 311.

ними и бедными поселенцами, столкнувшимися с тем, что лучшая земля была присвоена скваттерами, которые часто захватывали столько земли, что даже не могли ее использовать.

В стране, где землю можно получить буквально даром, перед правящим классом стояла проблема нахождения достаточного количества рабочей силы. Э. Дж. Уэкфильд, проповедовавший «систематическую колонизацию» и доктрину, что нищету, царящую в Англии, можно лучше всего излечить путем массовой отправки класса производителей на край света, горько сетовал на то, что:

«Где земля очень дешева и все люди свободны, где каждый может по своему желанию получить участок земли для самого себя, там труд не только очень дорог, если принять во внимание долю, получаемую рабочим из его продукта, но там и вообще трудно получить комбинированный труд за какую бы то ни было цену».

Маркс обрисовал это положение следующим образом: «Сегодняшний наемный рабочий завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рынка труда, но только не в рабочий дом». Наемный рабочий «утрачивает вместе со своей зависимостью от предающегося самоотречению капиталиста и чувство зависимости от него»¹. Это положение задерживало накопление капитала и препятствовало его свободному притоку в новую колонию.

Уэкфильд и его друзья нашли искусный способ борьбы с этим явлением. Их план состоял в том, чтобы положить конец свободной раздаче земли колонистам; вместо этого они предложили продавать ее по возможно более высокой цене. Это заставило бы поселенцев, не обладающих капиталом, проработать на кого-то несколько лет, прежде чем они могли надеяться на приобретение земли для себя. Доход от продажи земли должен был пойти на субсидирование иммиграции: таким образом в страну начали бы непрерывно приезжать сельскохозяйственные рабочие, которым надлежало занимать место рабочих, становившихся независимыми. Со временем цена на землю должна была бы подняться, а цена на труд упасть настолько, что колония должна была бы стать подлинно цивилизованной страной с полностью развитым капитализмом. Уэкфильд настолько преуспел в своей деятельности, что в 1831 г. свободная раздача земли была ограничена, а в 1840 г. совсем прекращена. Но в результате этого поток эмигрантов изменил направление; вместо британских колоний они стали уезжать в США. Система Уэкфильда была наиболее широко применена в Новой Зеландии, где в 1837 г. были созданы его первые поселения Ново-Зеландской ассоциацией.

Борьба массы австралийских колонистов против скваттеров и правительства дошла до высшей точки в 1854 г. в событиях, ко-

торые можно назвать последним актом драмы чартизма и европейской революции 1848 г. Открытие золота в Балларате в 1851 г. привлекло тысячи золотоискателей со всей Европы, среди которых было много старых революционеров из Англии, Ирландии, Германии, Франции и Италии. Скваттеры видели в этих иммигрантах угрозу своим большим участкам земли; кроме того, тяга на золотые прииски затрудняла возможность получения пастухов и лиц, занимавшихся стрижкой овец; все это заставило их оказать сильный нажим на правительство и добиться введения высоких налогов и всевозможных тягостных полицейских ограничений для золотоискателей. В ответ на это был создан союз золотоискателей, выдвинувший наряду с экономическими требованиями демократическую политическую программу, почти сходную с программой чартистов. И действительно, многие пункты этой программы удалось провести в жизнь, чем и объясняется раннее развитие в Австралии передовой формы политической демократии и профсоюзного и лейбористского движения.

Правительство было вынуждено снизить налоги, принявшие форму крупных выплат за разрешения на право искать золото. Но снижение налогов сопровождалось усилением полицейских репрессий, которые вскоре вызвали вооруженное восстание. Золотоискатели провозгласили в Австралии республику и укрепились за эстакадой Эврика. В воскресенье 3 декабря 1854 г. против них были двинуты войска, выбившие их оттуда, причем от тридцати до сорока человек было убито. Борьба золотоискателей вызвала такой энтузиазм во всей стране, что правительство не имело возможности осуществить свой план массовых репрессий. Вместо этого оно было принуждено снизить налоги до приемлемой суммы и отказаться от применения по отношению к золотоискателям полицейских ограничений. В 1858 г. была принята новая конституция, устанавливающая всеобщее избирательное право для всех мужчин; на первых же выборах, получив огромное большинство голосов в своем округе, был избран Питер Лейлор, который руководил восстанием и был ранен при штурме эстакады Эврика.

Через несколько лет золотые прииски были истощены, но население продолжало увеличиваться: примерно с 200 тыс. в 1840 г. оно возросло до 2308 тыс. в 1881 г. Овцеводство и горное дело продолжали играть большую роль, но с развитием железных дорог создавалась крупная промышленность, и на сегодняшний день более половины 6500 тыс. жителей Австралии сконцентрировано в пяти крупнейших городах. Основные конфликты происходят между британским и американским капиталом и между австралийскими массами и иностранными банками и займодержателями, которые своим капиталом финансировали развитие Австралии и теперь получают ежегодно огромные проценты.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 773.

3. Египет

Деятельность англичан в Египте заслуживает того, чтобы мы на ней подробно остановились не только потому, что она представляет интерес сама по себе, но и потому, что она является наиболее концентрированным выражением всей сущности империалистических методов. То, на что в Индии потребовались столетия, здесь было проделано на протяжении жизни чуть ли не одного только поколения. Всю картину можно представить себе сразу, учитывая компактность и единообразный характер страны, представляющей собой долину единственной крупной реки.

Со времени магометанского завоевания в VII в. до начала XIX в. в Египте почти не происходило каких-либо значительных перемен. Возникали новые династии, появлялись и затем приходили в упадок новые торговые пути, но не изменялась постоянная база—возделывание земли крестьянами,—зависящая от годового цикла Нила. Пришел и исчез Наполеон, распалась Турецкая империя, оставив Египет фактически независимым под управлением хедива. Почти столь же призрачной, как и власть турецкого султана в Египте, была власть хедива над обширной территорией Судана и наиболее отдаленным побережьем Сомали.

В пятидесятых годах возник проект строительства Суэцкого канала, и европейские капиталисты начали проявлять интерес к долине Нила. Канал был открыт в 1869 г. Большая часть капитала принадлежала французам, но хедив Измаил получил почти половину акций. Египет сразу стал ключом к наиболее важному водному пути в мире. Великобритания была более заинтересована, чем Франция, в контроле над Суэцким каналом, так как канал лежал на главном пути в Индию. В то же самое время развитие крупных хлопковых плантаций в Египте, толчком к которому послужила гражданская война в Америке, было другой причиной интереса Великобритании к этому району; не надо забывать, что Великобритания была главным импортером хлопка и эти плантации были созданы в основном при помощи британского капитала.

Естественно поэтому, что когда Измаил в шестидесятых и семидесятых годах начал вводить европейские усовершенствования и когда ему понадобился капитал, которого не было в его стране, он обратился именно к Лондону. Это были годы оживления. Немногим более чем за одно десятилетие было проложено 1440 км железнодорожных путей, были выстроены сотни мостов, прорыты тысячи миль каналов, создан телеграф и были построены дорогостоящие доки в Суэце и Александрии.

Все это оказалось чрезвычайно выгодным для британских банкиров и промышленников. Прежде всего Египту понадобились займы. С 1864 до 1873 г. было предоставлено под большие про-

центы четыре крупных займа на общую сумму, превышавшую 52 500 тыс. ф. ст. Но Египет получил только 35 400 тыс. ф. ст. из этой суммы, остальные же деньги попали в руки лондонских финансистов в качестве комиссионных и уплаты за расходы. Это вынудило только началом, поскольку почти все полученные деньги немедленно вновь были выплачены британским поставщикам, которые также получали большие барыши. Так, работы в Александрийском порту, за которые египетское правительство уплатило 2500 тыс. ф. ст. дали подрядчикам прибыль, выразившуюся в сумме 1100 тыс. ф. ст. К 1876 г. задолженность Египта доходила приблизительно до 80 млн. ф. ст., а проценты с этой суммы составляли 6 млн. ф. ст. в год; их приходилось выплачивать из общего государственного дохода в 10 млн. ф. ст. Вся эта сумма выжималась из крестьянского населения, составлявшего приблизительно 8 млн. человек, обрабатывавших менее 2,2 млн. га земли. В 1875 г. хедив вынужден был продать свои акции Суэцкого канала, которые были куплены британским правительством с помощью Ротшильдов.

Из года в год, по мере того как страна получала один заем за другим, она все больше приближалась к банкротству. Из крестьян, менее всех выигравших от новых железных дорог и доков, выжимали все соки для того, чтобы расплачиваться с иностранными займодержателями. В 1878 г. у скота началась эпидемия чумы, наступил голод; было ясно, что приближается кризис. Египетская государственная машина была близка к крушению, и тогда Великобритания, охранявшая своих финансистов, решила выступить на защиту их интересов. Сильные волнения заставили хедива Измаила согласиться на конституцию; партия националистов, открыто выступавшая против иностранцев, начала усиливаться. Англичане не пожелали этого терпеть, сместили Измаила и заменили его более сговорчивым Тевфиком. Националистическое движение, под руководством Араби-паши и других армейских офицеров, разрасталось. В 1881 г. националисты захватили власть и создали правительство, полное решимости оказывать сопротивление иностранному вмешательству.

Великобритания и Франция послали военные корабли в Александрию, где они организовали «резню» христиан, главным образом греков и армян, при помощи наемных убийц-бедуинов; это должно было послужить предлогом для интервенции. Но антагонизм, существовавший между различными европейскими державами, лишил их возможности приступить к немедленным действиям. В 1882 г. в июне состоялась конференция, на которой Англия, Франция, Италия, Германия, Россия и Австрия пришли к соглашению не стремиться к «приобретению территории или концессий с особыми привилегиями» за исключением, как гласило британское дополнение, «особо важных случаев».

11 июля англичане создали «особо важный случай», подвергнув бомбардировке форты Александрии на том только основании, что египтяне проводили там ремонтные работы. Была высажена армия, разбившая войска Араби при Тель-эль-Кебуре, и к концу сентября англичане уже осуществляли полный военный контроль над всей страной. Конечно, давались самые торжественные заверения в том, что оккупация эта только временная и окончится немедленно после водворения порядка. В течение последующих двадцати пяти лет подлинным правителем Египта являлся сэр Эвелин Беринг (из банкирской фирмы «Братья Беринги», впоследствии лорд Кромер), который имел официальное звание генерального консула.

Прежде чем приступить к описанию политики, к которой Беринг прибег для реорганизации Египта в интересах крупных финансистов, необходимо обрисовать события, способствовавшие распространению британского владычества на Судан.

Судан, простирающийся на юг от Египта почти до экватора, имел большое значение не только благодаря своей плодородности и естественным богатствам, но также и потому, что через него проходит верхнее течение Нила; поэтому тот, кто контролирует Судан, контролирует также и Египет. К концу столетия Судан приобрел особое значение для Англии как часть того пути, который, как надеялись, должен был пересечь Африку от Египта до мыса Доброй Надежды¹.

Около 1880 г. религиозное национальное движение, руководимое Мохаммедом Ахмедом, более известным под именем Махди, распространилось по всей стране. От Дафура на западе до Суакима на Красном море и к югу до Великих Озер египетские гарнизоны были сметены. В 1883 г. египетская армия, посланная к Нилу против Махди под командованием полковника Хикса, была полностью разгромлена восставшими. Только Хартум остался в руках египтян, но и там большой египетский гарнизон находился под угрозой.

Сэр Эвелин Беринг и большинство членов британского кабинета, в том числе и Гладстон, который был в то время премьер-министром, решили, что на некоторое время Судан следует оставить. Но влиятельное меньшинство, работавшее в тесном контакте с лордом Уолсли и другими лицами, принадлежавшими к командному составу армии, придерживалось другого мнения. Используя услуги захудалого журналиста У. Т. Стида, они начали проводить усиленную, внешне якобы стихийную агитацию за то, чтобы послать генерала Гордона в Хартум и организовать вывод гарнизона из Хартума, хотя он публично и высказал свое отрицательное отношение к этим планам. С протестами Беринга

¹ См. стр. 404.

также не посчитались, и Гордон прибыл в Хартум в феврале 1884 г.

Вместо того чтобы приступить там к эвакуации, согласно полученным им инструкциям, Гордон довел дело до того, что сам оказался в осаде, повидимому с целью заставить правительство послать подкрепления, разбить Махди и вновь завоевать Судан. Подкрепления действительно были посланы, но после большого промедления, и они прибыли только 28 января 1885 г., через два дня после того, как Хартум пал и Гордон был убит. Экспедиционные войска вернулись обратно, поскольку вновь завоевать Судан было невозможно до завершения реорганизации Египта. Все происшедшее оказалось для британского империализма более выгодным, чем присоединение новой провинции: британский империализм получил святого и мученика. Те самые черты характера, которые при жизни считались недостатками в Гордоне: его наивное благочестие, недисциплинированность и презрение к условиям, делали его наиболее подходящим для канонизирования; ведь британский правящий класс, обладающий некоторой долей сентиментальности, не пожелал бы признать святого, который не был бы в известной степени простачком.

Судан оставили на двенадцать лет. За это время произошло много событий: положение в Египте упрочилось, Англия, Франция и Италия проникли на побережье Сомали, в Абиссинию и Уганду. Мечта Родса о принадлежащей Великобритании империи, идущей непрерывной полосой с севера на юг, была осуществлена с помощью колонизации Родезии. В противовес этому французцы замыслили создать массив своих владений, который распространился бы с востока на запад и врезался в британские владения где-нибудь в верхнем течении Нила.

1 марта 1896 г. первая попытка итальянцев завоевать Абиссинию закончилась поражением под Адуа. Неудачи под Адуа были более чем поражением Италии. Косвенно это было также поражением Великобритании, союзницы Италии в Восточной Африке; это было также победой Франции, снабжавшей Абиссинию оружием и разыгравшей роль ее единственного верного друга. Роль эта понадобилась Франции, чтобы использовать эту страну в качестве базы для завоевания Судана и угрозы Великобритании с фланга. Победа под Адуа означала, что теперь расчищен путь для того, чтобы попытаться осуществить задуманное.

Через неделю британское правительство приняло решение начать вторжение в Судан. Генерал Китченер, под командой которого находилась сильная англо-египетская армия, медленно двинулся вверх по Нилу, закрепляя каждый свой шаг и прокладывая железную дорогу по мере продвижения. В сентябре 1898 г. Хартум был вновь взят после разгрома суданцев в кровавой битве при Омдурмане. Вскоре после этого победоносная армия вступила в сражение

с горсточкой французских солдат, занявших Фашоду, расположенную выше по реке. В течение некоторого времени казалось, что близка война между Францией и Англией, но французы отступили—отчасти потому, что Судан был фактически уже занят вооруженными силами их противников, но главным образом потому, что они не решались начать войну, которая могла оказаться на руку враждебной Германии.

Завоевание Судана привело к довольно странному финансовому положению. Египет должен был уплатить две трети из суммы по счету в 2500 тыс. ф. ст. И в дальнейшем в течение целого ряда лет оплачивал львиную долю расходов по управлению. Но прибыли от эксплуатации новой провинции попадали исключительно в руки британских капиталистов. Строительство железных дорог и другие работы проводились на тех же условиях, что и в Египте, и вскоре Судан стал производителем высококачественного хлопка. Сотрудничество между британским правительством и владельцами хлопковых плантаций стало наиболее тесным при создании «Синдиката суданских плантаций», одним из директоров которого был бывший премьер-министр Асквит. Большое количество земли, где были проведены ирригационные работы, насильственно отбиралось правительством в аренду у владельцев-суданцев по 2 шиллинга за 0,4 га. Затем эта земля перераспределялась среди ее прежних держателей—крестьян, на условиях, что одна треть каждого участка в 12 га будет использована под хлопок. Земледелец получал 40% урожая хлопка, а остальные 60% делили между собой синдикат и правительство. Не приходится удивляться, что за первые восемь лет своей работы синдикат получал в среднем 25% прибыли. Помимо того, что в нем выращивается большое количество хлопка, Судан является важным и обеспеченным рынком сбыта для продукции британской тяжелой промышленности.

В течение двадцати пяти лет, пока Беринг был консулом и управлял Египтом, он руководствовался принципом, что «интересы займодержателей совпадают с интересами египетского народа». На практике это означало, что экспорт должен увеличиться настолько чтобы была возможность своевременно уплачивать взносы по займам. К 1907 г. сумма, получаемая с экспорта хлопка, возросла с 8 млн. ф. ст. в год примерно до 30 млн. ф. ст. Поскольку под хлопок забиралось все большее количество земли, для населения, которое раньше могло само себя прокормить, теперь стало необходимым ввозить хлеб. Таким образом с крестьян удавалось получить двойной барыш: на них наживались экспортеры хлопка, а также и импортеры пшеницы. По мере того как возрастала общая производительность страны, крестьяне получали все уменьшающийся процент стоимости своих урожаев.

Египет управлялся чиновничеством, находившимся целиком под британским контролем, и в течение долгого времени никакое

организованное сопротивление не было возможно. Однако в 1906 г. судебные убийства в Деншавай явились особенно ярким свидетельством пороков управления и стали искрой, превратившей в пожар тлеющее недовольство; начало развиваться новое национальное движение. Под влиянием движения пришлось сделать незначительные уступки, но первая мировая война, во время которой Египет стал пунктом, имеющим необычайное стратегическое значение, дала возможность осуществить даже более строгий контроль над ним. В Египте было объявлено военное положение, его номинальная связь с Турецкой империей была наконец порвана, была введена строгая цензура, и почти миллион крестьян и рабочих были призваны на военную службу, невзирая на специальные заверения о том, что этого сделано не будет.

По окончании войны возобновилось движение за национальное освобождение. В 1919 г. повсюду происходили восстания и стачки, во время которых было убито свыше тысячи египтян. После борьбы, продолжавшейся больше десятилетия, Великобритания была вынуждена предоставить Египту номинальную независимость, при которой фактическое британское управление оставалось в силе, прежде всего благодаря военной оккупации зоны Суэцкого канала, а также в связи с продолжавшейся оккупацией Судана. Крупные ирригационные сооружения, созданные в верхнем течении Нила, дают возможность в любое время прекратить жизненно важную для египтян подачу воды, поэтому египетские националисты прежде всего требовали объединения всей долины Нила под властью независимого правительства. Ни одно британское правительство никогда не соглашалось удовлетворить это требование, без чего любая форма независимости Египта остается пустым звуком.

4. Тропическая и Южная Африка

Как ни была прибыльна работорговля в XVIII в., ее отмена в XIX в. оказалась даже более выгодной. Пока рабы представляли собой единственную крупную статью экспорта из Западной Африки, никакие попытки проникнуть в глубь страны европейцами не делались. Наоборот, европейцы вооружали прибрежные племена и подстрекали их к совершению набегов внутрь страны с тем, чтобы они приводили пленных в несколько торговых портов для продажи и погрузки их на суда. Результатом этого были никогда не прекращающиеся войны между племенами и опустошение обширных районов¹. Имеются сведения, что в то время как

¹ Вполне вероятно, что именно эти войны главным образом и вызвали те элементы жестокости, страхов и суеверия в африканской культуре, о которых мы столько слышали.

примерно восемь миллионов жителей Африки было продано в Америке за период существования работорговли, по крайней мере еще сорок миллионов их было убито во время войн и налетов или умерло во время перевозок.

Британское правительство запретило в 1807 г. работорговлю, переставшую быть выгодной для сахарных плантаций Вест-Индии, но в империи рабство было отменено только в 1834 г. Результаты отмены рабства в основном сказались на Вест-Индии, где труд рабов широко применялся на сахарных плантациях. В виде компенсации за потерю своих рабов плантаторы получили 20 млн. ф. ст., но производство сахара значительно сократилось. По странной иронии отмена рабства здесь способствовала развитию работорговли в Африке, так как увеличение производства сахара на Кубе и в Бразилии, где рабство еще продолжало существовать, привело к усилению спроса на труд.

Дольше чем на протяжении жизни одного поколения британский флот проявлял большую активность на побережьях Африки; здесь он охотился за невольничьими судами, принадлежащими представителям мелких национальностей, и именно в этот период и были заложены основы британского владычества в Западной Африке. Вскоре обнаружилось, что этот район может служить поставщиком пальмового масла, какао и других ценных продуктов и сырья; в связи с этим здесь быстро развилась торговля, причем спиртные напитки и огнестрельное оружие служили главными статьями обмена. Оказалось, что страна Ашанти, представляющая собой хинтерланд колонии «Золотой берег», богата золотом, и в связи с этим ее захватили после длинного ряда войн, закончившихся только в 1900 г.

Немного к востоку от поселения Лагос, созданного в 1862 г. для борьбы с работорговлей, лежит гораздо более значительная колония Нигерия, эксплуатация которой была предоставлена «Королевской компании Нигерии», одной из тех новомодных привилегированных компаний, которые стали излюбленным средством для осуществления британской экспансии в Африке в течение последних двадцати лет XIX в. Эти компании действовали при поддержке правительства и обычно имели в составе своих директоров членов правящих кругов; они имели возможность спокойно работать от своего имени, а не от имени британского правительства, и им удавалось осуществлять целый ряд мероприятий, при проведении которых правительство столкнулось бы с сильной оппозицией. Обычно их деятельность состояла в том, что они укрепляли свое влияние в какой-либо определенной местности до такой степени, что правительство получало затем возможность выкупать их права и брать на себя непосредственный контроль. Таким образом в 1900 г. была выкуплена территория «Королевской компании Нигерии», и ее представитель лорд Лагард стал первым губер-

натором. Наиболее крупными из числа других компаний были «Британская восточно-африканская компания» и «Британская южно-африканская компания».

Из-за своего климата Западная Африка была непригодна для организации плантаций, которые находились бы под непосредственным европейским контролем. Поэтому была создана особая система косвенной эксплуатации, при которой местные земледельцы продавали свою продукцию британским купцам; поскольку такая торговля является почти что монополией крупного объединения Левер (пальмовое масло используется также при изготовлении мыла и маргарина), цена, уплачиваемая земледельцам, является только незначительной долей (во время войны 1914—1918 гг. не больше, чем одной восьмой) цены, получаемой за их товары в Англии. И наоборот, очень высокие цены назначаются за хлопчатобумажные ткани и другие товары, продаваемые местному населению. За последнее время успехи медицины, научившейся бороться с тропическими болезнями, сделали Западную Африку более безопасной для европейских поселенцев, и теперь уже имеются признаки, что система косвенной эксплуатации вытесняется более непосредственной эксплуатацией, причем начинают уже создаваться плантации и фабрики.

Уничтожение рабства имело важные последствия также и в Южной Африке, где по окончании наполеоновских войн Великобритания оказалась правителем общины голландских фермеров, буров. Для Великобритании Капская колония была важна только как место, куда могли заходить корабли по пути в Индию, и буры скоро стали жаловаться на то, что их власти пренебрегают ими и плохо ими управляют. После уничтожения рабства в 1834 г. они сочли, что их обманули и не выплатили им большей части причитающейся им компенсации; двумя годами позже тысячи буров начали свой «великий поход» на север, с тем чтобы создать независимые республики вне тех районов, на которые претендовали англичане.

Положение осложнялось движением на юг больших, исключительно хорошо организованных и воинственных кафрских племен зулусов и других; эти племена изгнали более миролюбивых намаев и в течение ряда лет вели борьбу как против буров, так и против англичан. Это привело к тому, что во время своей борьбы с кафрами англичане были затянuty в глубь страны; они обошли с флангов и окружили буров. Последним из-за войн с кафрами все время приходилось находиться в состоянии боевой готовности; и окончательное уничтожение зулусского государства англичанами в 1879 г. сделало дальнейший конфликт между бурами и англичанами почти неизбежным. Война с зулусами послужила предлогом для аннексии Трансваальской республики буров, находившейся под британским господством до тех пор, пока буры

вновь не добились независимости своей победой при Маджубе в 1881 г.

Затем наступила эра Сесилия Родса и знаменитого плана сплошных английских владений от Каира до мыса Доброй Надежды. В 1889 г. для эксплуатации Родезии была создана «Британская южно-африканская компания», и через несколько лет Британская Африка уже простиралась на север вплоть до Ньясаленда и берегов озера Танганьика. Одновременно Китченер продвигался на юг через Судан, и план «Мыс Доброй Надежды—Каир», который Родс предложил завершить проведением железной дороги, казался близким к осуществлению. Но на безопасность этой железной дороги нельзя было рассчитывать до тех пор, пока около нее существовали две вооруженные и враждебно настроенные бурские республики—Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Англичане также не могли рассчитывать на сохранение за собой Родезии и Ньясаленда, так как к ним можно было очень легко подойти с юга.

Но это была только одна, политическая и стратегическая, причина войны с бурами. Кроме того, существовали еще и другие причины: открытие алмазных россыпей и золотых залежей в Кимберли и Йоганнесбурге, намного превосходящих по величине залежи во всем мире. Кимберли расположен как раз за границей Оранжевого Свободного Государства, Йоганнесбург—почти в самой глубине Трансвааля. Родс с самого начала заинтересовался как алмазами, так и золотом. К 1887 г. он уже стоял во главе горной компании Де Беерс, и в 1890 г. он объединился с Барни Барнато и Альфредом Бейтом с тем, чтобы монополизировать всю добычу алмазов в Южной Африке. Через несколько лет его Общество по разработке золотых приисков в Южной Африке почти полностью захватило крупную Витватерсрандовскую золотоносную жилу. Когда Родс стал премьер-министром Капской колонии, его власть казалась почти безграничной.

Тысячи золотоискателей, спекулянтов и всевозможных авантюристов устремились в Йоганнесбург и образовали там космополитическую группу, чуждую и совершенно неприемлемую для консервативных бурских фермеров. Эти пришельцы нашли, что патриархальное государство буров абсолютно непригодно для свободного роста капиталистического предпринимательства; буры же, в свою очередь, считали этих «уйтландеров» годными только на то, чтобы платить налоги, и упорно не выпускали политическую власть из своих рук. Для Родса и его приспешников, в числе которых был и Джозеф Чемберлен, к тому времени уже признанный лидер империалистической части английской буржуазии, было совершенно неприемлемым, чтобы богатейшие в мире залежи золота все еще принадлежали горсточке бурских фермеров.

События развивались быстро. В 1895 г. Родс подготовил восстание «уйтландеров» в Йоганнесбурге; это восстание было поддержано вторжением в Трансвааль, которым руководил его последователь д-р Джеймсон. Но подготовка была проведена плохо, и Джеймсон начал свой рейд прежде, чем заговорщики в Йоганнесбурге приготовились к действиям. Он попал в окружение и бесславно сдался вместе со всем своим войском. Когда его передали в распоряжение английских властей, он был подвергнут лишь номинальному наказанию, а Родсу, который, как все знали, был зачинщиком этого рейда, вообще удалось уклониться от ответственности. Буры, понимавшие, что война является только вопросом времени, начали спешно вооружаться.

В 1899 г. буры отказались удовлетворить требование «уйтландеров» о предоставлении им избирательного права; это послужило британскому правительству предлогом вмешаться в дела Трансвааля, и война началась в октябре. Буры вскоре проявили себя умельцами, хотя и недисциплинированными солдатами. Они были меткими стрелками и использовали кавалерию для увеличения подвижности своих сил, в то время как у англичан она служила для нападения на заранее выбранные позиции, во время которого каждый человек на коне только представлял собой лучшую мишень для обстрела. Буры также умело оборонялись и производили партизанские нападения. Но в наступательных действиях буры были слабы, и эта слабость заставила их осадить Ледисмит, Кимберли и Мафекинг; эту осаду они не сумели довести до успешного конца. В результате осады этих городов и того, что им приходилось отбивать вражеские подкрепления, все их силы были скованы; в связи с этим они потеряли то преимущество, которое дала им их более высокая мобильность.

У англичан было плохое командование, они были плохо снаряжены и совершенно не подготовлены к тому виду борьбы, которую им приходилось вести, поэтому они понесли большие потери в целом ряде безуспешных фронтальных атак. Но буры не сумели продвинуться к Капской колонии, где большое количество крестьян-голландцев готово было к ним присоединиться. В феврале 1900 г. благодаря одному особо удачному маневру англичанам удалось обойти с фланга армию буров, прикрывающую Кимберли, окружить ее и захватить в плен при Паардебурге. Бломфонтейн и Претория были заняты довольно легко, и на этом кончилась первая фаза войны.

Затем последовали два года партизанских военных действий, которые велись в крупных масштабах; в течение этого времени руководителям буров Бота, Де-Вету и Делари неоднократно удавалось перехитрить медленно движущиеся, отягощенные тяжелым снаряжением регулярные английские войска. Сопrotивление удалось сломить только после массового разрушения ферм буров и

после того, как женщин и детей согнали в концентрационные лагеря, где они тысячами умирали от болезней. Но даже и при таком положении бурам удалось заключить мир в мае 1902 г. на условиях, которые лорд Мильнер, британский верховный комиссар мыса Доброй Надежды, сделавший вначале все от него зависящее, чтобы война стала неизбежной, отказывался даже обсуждать за год перед этим.

Буры и англичане составляли только незначительное меньшинство белых среди негритянского населения; поэтому, поскольку удалось установить власть британского империализма, приходилось делать все, что только можно, чтобы умиротворить побежденных. Буры получили самоуправление доминиона в 1906 г., а в 1909 г. был создан Южно-Африканский союз. Несмотря на существование значительных разногласий, основная масса белого населения объединялась одним стремлением: сохранить свое положение господствующей расы, эксплуатирующей покоренное цветное население. В отношении африканцев как буры, так и англичане придерживались одной политики: до сегодняшнего дня туземное население обременено непосильными налогами, их труд низко оплачивается, их сгоняют на отведенные для них земли и огороженные места, и, по существу, они находятся почти на положении рабов.

Запрещение торговли рабами сыграло важную роль в завоевании третьей области, которая будет описана ниже. Это группа колоний и протекторатов, составляющих Британскую Восточную Африку. В восьмидесятых годах прошлого столетия на побережье находился ряд мелких арабских государств, ведущих оживленную торговлю с плодородным и густо населенным неграми хинтерландом.

В 1886 г. Великобритания и Германия договорились о разделе между собой всей этой области и, как обычно, поручили положить начало этому «Британской восточно-африканской компании». Под тем предлогом, что арабы занимаются работорговлей, что бесспорно имело место, в Восточную Африку были посланы войска, и через несколько лет вся прибрежная область была завоевана. Следующим шагом было вторжение в Уганду, богатейшую и наиболее культурную область в глубине Африки, где в течение ряда лет уже вели свою деятельность миссионеры. Когда правительство захотело оплатить стоимость строительства железной дороги от побережья в Уганду, компания начала усиленную агитацию, к которой восторженно присоединились также печать и церковь. Правительство уступило и вскоре забрало у компании управление как Угандой, так и Кенией.

Завоевание Восточной Африки шло попутно с операциями по захвату юга, которые вел Родс и его Южно-Африканская компания и попутно с открытием Судана с севера. Последней своей стадии

завоевание достигло только после мировой войны, когда Британия добилась мандата на германскую Восточную Африку, известную теперь под названием территории Танганьика. Таким образом наконец осуществился план Родса о создании непрерывного британского пояса с севера на юг; но строительство железной дороги мыс Доброй Надежды—Каир еще далеко не закончено.

Большая часть возвышенностей в Восточной Африке, особенно Кения, вполне пригодна для жизни белых людей; поэтому британское завоевание сопровождалось массовым присвоением белыми земли, принадлежавшей африканцам. В Кении вся земля была объявлена конфискованной уже в 1898 г. Лучшая земля была отдана или продана европейским плантаторам, коренному населению пришлось ограничиться небольшим количеством плохой земли, на которой они жили очень скученно. Только в Уганде за ними сохранено по закону право владения любым количеством земли. Но коренное население не только сгоняли на специально отведенную для них плохую землю; в некоторых случаях даже эта земля позднее у них отбиралась, если в ней обнаруживались ископаемые или если по какой-нибудь другой причине она приобретала ценность для европейцев.

Поскольку плантации бесполезны при отсутствии рабочей силы, то следующий шаг был—сгнать туземцев с их земли и превратить их в людей, работающих по найму. Это осуществляется введением прямого налогообложения; налоги должны выплачиваться наличными деньгами, но налоги слишком высоки, и их невозможно выплатить, так как плохая и перенаселенная земля не может дать избыточного количества продуктов, которое можно было бы продать. Губернатор Кении в 1913 г. открыто заявил, что налогообложение рассматривается правительством как единственно возможный способ сгнать туземцев с земли и заставить их искать работу по найму. Когда применение этого способа оказывалось недостаточным, чтобы обеспечить нужное количество рабочих, тогда время от времени прибегали к принудительному труду.

В настоящее время из Восточной Африки вывозятся в большом количестве кофе, хлопок, пшеница, маис и каучук. Подобно большинству других колониальных владений, упоминавшихся в этой главе, Восточная Африка представляет собой также хороший рынок сбыта для продукции британской тяжелой промышленности.

Глава XVI

ИСТОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Империализм

В предыдущей главе мы проследили рост мощи Великобритании в разных частях света; теперь мы можем соединить нити и показать весь процесс в целом, показать, как колониальная экспансия явилась только частью процесса, менявшего экономическую структуру британского капитализма. Прежде всего необходимо остановиться на размерах экспансии. В начале XIX в. внимание было сосредоточено главным образом на Индии. Затем началась тяга во внутренние области Канады и Австралии, заселение Новой Зеландии и, наконец, раздел Африки и тихоокеанских островов между европейскими державами. В 1860 г. колониальные владения Англии составляли 6 500 тыс. кв. км с населением 145 млн. человек; в 1880 г. эта площадь дошла до 20 млн. кв. км с 268 млн. жителей; в 1899 г. уже было 30 млн. кв. км, а жителей 345 млн. человек. К этому времени раздел мира между крупными странами-колонизаторами был уже завершен.

Начался век империализма, и под британскую экономику была подведена новая база. Вместо старой и теперь исчезающей промышленной монополии, благодаря которой Англия заняла положение мастерской мира, возникла не такая широкая, но зато более полная колониальная монополия; власть британского государства распространилась на огромные «отсталые» районы земного шара, и эта власть была сознательно использована для закрепления исключительных прав не столько для экспорта товаров широкого потребления, сколько для экспорта средств производства и капитала. Мы уже останавливались на проникновении Англии в Индию, Египет и другие страны, и ввиду особой важности этого проникновения мы так настойчиво и многократно подчеркивали связь между колониями и британской тяжелой промышленностью.

В слово «империализм» часто вкладывали столько разных понятий, что полезно будет вспомнить очень точное определение империализма, данное Лениным. Ленин определяет

империализм как стадию капиталистического развития, которой присущи пять следующих основных экономических признаков:

«1) Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;

2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии;

3) вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение;

4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и

5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»¹.

Необходимо добавить, что, по мнению Ленина, империализм стал всемирным явлением приблизительно около 1900 г.

Основной чертой империализма является монополия, и в Англии монополии получают сильное развитие к концу XIX в. Особенно это относится к железной и сталелитейной промышленности, судоходству и кораблестроению, некоторым новым отраслям промышленности, к таким, например, которые занимались изготовлением химикалий, мыла и маргарина, а также к железным дорогам и банкам. Такие фирмы, как Армстронг-Уитурт, Дорман, Лонг и Ко и Виккерс, занимали доминирующее положение в тяжелой промышленности. Англо-американский атлантический судоходный трест был создан банкиром Морганом с капиталом в 34 млн. ф. ст. Лаверы и Бруннер Мوند положили начало крупному Юнилеверскому объединению и «Империел кемикл индастриз».

Около 1900 г. десятки конкурирующих железнодорожных компаний, хаотично возникавших в период усиленного железнодорожного строительства, были слиты приблизительно в двенадцать компаний. Эти компании, в свою очередь, пришли к соглашению о дальнейшем слиянии в существующие теперь четыре железнодорожные компании. Точно так же частные банки поглощались крупными объединенными акционерными концернами с сотнями филиалов по всей стране. В 1896 г. был основан банк Барклейса, и вскоре небольшое количество таких банков контролировало почти всю без исключения деловую жизнь страны. Это имело чрезвычайно большое значение в период, когда все деловые соглашения все больше начинали основываться на кредит.

Тенденция к созданию монополий была не так ярко выражена в более старых отраслях экспортирующей промышленности, особенно в текстильной и угледобывающей (повсюду, за исключением

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 22, стр. 253.

Южного Уэльса). Эти отрасли промышленности оставались сравнительно отсталыми, в них сохранилось большое количество мелких предприятий, не имеющих достаточного капитала, устаревшие заводы и методы, которые затрудняли для них возможность конкурировать с массовым производством Германии и США.

Почти столь же важным признаком империализма, как и монополии, но существовавшим в Англии еще даже раньше, был экспорт капитала в форме займов и капиталовложений. Мы уже видели, как в восьмидесятых годах экспорт капиталов осуществлялся на практике в Египте и как одновременно капиталы экспортировались в Индию, Китай, Южную Америку и во все части мира, где индустрия была мало развита. Экспорт капитала был связан с территориальной экспансией, которая являлась как его причиной, так и следствием. Британские капиталовложения были удобным оправданием аннексий, и когда аннексия территории совершалась, государственная власть Англии использовалась для содействия монополистическим интересам лондонских займодержателей.

После 1900 г., когда мир был уже поделен между главными державами, капитал начал экспортироваться быстрее. К 1900 г. общая сумма британских капиталовложений за границей равнялась примерно 2 млрд. ф. ст., и с этой суммы получался ежегодный доход в 100 млн. ф. ст. К 1914 г. как капитал, так и доход с него приблизительно удвоились. Львиная доля этой суммы была вложена в железные дороги. Экономист Джордж Пейш подсчитал, что в 1909 г. британские капиталовложения в иностранные железные дороги доходили не менее чем до 1700 млн. ф. ст. и что доход с этих вложений равнялся примерно 83 млн. ф. ст. По грубому подсчету, британские капиталовложения распределялись в пропорции шесть к пяти между империей (включая Египет) и остальной частью мира. Вне империи самые большие капиталовложения были сделаны в Южную Америку и особенно в Аргентину.

Прибыль с этих капиталовложений, получавшаяся главным образом в виде пищевых продуктов и сырья, теперь уже намного превосходила доходы от внешней торговли Англии. Англия все больше становилась паразитическим, ростовщическим государством, и интересы ее займодержателей стали решающим фактором в ее внешней политике. В промышленности начался некоторый застой; это видно, например, из уменьшения количества населения, занятого в основных отраслях промышленности, с 25% в 1851 г. до 15% в 1901 г., из соответствующего увеличения количества людей, занятых распределением, торговлей, из роста числа прислуги и рабочих, занятых изготовлением предметов роскоши. Характерной чертой стала большая безработица: в предво-

енные годы число безработных реже спускалось намного ниже 1 млн. Другим явным признаком упадка было то, что циклические кризисы стали гораздо чаще повторяться. Один из таких кризисов произошел в 1902—1904 гг.; второй в 1908—1909 гг., третий же быстро развивался в 1914 г. и был прерван только началом войны.

Концентрация капитала означала не только увеличение размера предприятий, но также и большое увеличение количества совершенно пассивных акционеров. Типичный капиталист больше уже не был фабрикантом, который сам вел свое дело и вкладывал в промышленность свои знания и энергию; это был акционер, получающий дивиденды и не вкладывающий ничего, кроме своего капитала. Таким образом, фактический контроль над огромными массами капитала перешел в руки очень небольшого количества лиц, по существу, обладающих сравнительно небольшим количеством акций. Сеть взаимно связанных правлений руководило деятельностью внешне самостоятельных концернов, и это, что особенно важно, приводило к взаимному проникновению финансового и промышленного капиталов, сосредоточению власти в большей степени в руках банкиров.

Другим симптомом паразитизма британского капитализма в эти годы был медленный рост британской промышленности по сравнению с ее главными конкурентами — Германией и США. Эти три страны шли к империализму разными путями, но конечный эффект был одинаков во всех случаях. Англия начала с территориальной экспансии и экспорта капитала и пришла к стадии монополии позже и не одновременно в различных отраслях хозяйства; США обладали обширной и однородной, еще не заселенной территорией, на которой они и осуществляли свою экспансию. США начали с установления внутренней монополии (трест «Стандарт-Ойл» был организован уже в 1882 г.); они выступили в качестве колониальной державы и экспортера капитала только после испано-американской войны 1898 г. Германия, не обладая ни колониями, ни свободной территорией, атаковала мировой рынок на базе почти военной организации своей промышленности и развила монополистическое производство в значительной мере в форме государственного капитализма. Кроме того, в Великобритании, зависевшей по традиции от экспортной торговли и нуждавшейся в экспорте большого количества продовольствия и сырья, монополистическое производство развилось из свободной торговли и конкуренции, которые привели к постепенному вытеснению мелких и непроизводительных предприятий; в Германии же и США монополистическое производство развилось под надежной защитой протекционных тарифов.

Великобритания выступила на арену первой, но скоро ее оттеснили на задний план. Следующие таблицы ясно показывают,

что произошло в основных отраслях промышленности: угольной и металлургической¹.

	ДОБЫЧА УГЛЯ			
	(в млн. тонн)			
	1860 г.	1880 г.	1900 г.	1913 г.
Англия	83,3	149,5	228,8	292,0
Германия	17,0	60,0	149,8	277,3
США	15,4	71,6	244,6	517,0

	ПРОИЗВОДСТВО ЖЕЛЕЗА И СТАЛИ		
	(в млн. тонн)		
	1870—1874 гг. в среднем	1900—1904 гг. в среднем	1913 г.
Англия	6,9	13,5	17,9
Германия	2,1	16,2	27,4
США	2,3	29,8	30,0

Главной причиной этого сравнительного упадка было существование Британской империи и возможностей, которые она представляла для необычайно выгодного вложения капитала. Британская промышленность была создана давно и была устаревшей во многих отношениях; она могла успешно соперничать со своими конкурентами только в случае полной реконструкции. Но пока вложения за границей давали сверхприбыли, не было возможности осуществить необходимую реконструкцию. Потеря старой промышленной монополии XIX в. была неизбежной, но верно и то, что капитал, который можно было израсходовать на развитие британской промышленности для того, чтобы она справилась с новыми условиями, вместо этого в значительной мере расходовался на техническое вооружение ее потенциальных противников.

Кроме того, раннее промышленное развитие Великобритании само по себе служило теперь серьезной помехой. Французская, американская и немецкая промышленность развивалась в условиях конкуренции с уже существующей промышленностью Великобритании; они могли выдержать конкуренцию только при достижении большей производительности и новых технологических методов. Если раньше Великобритания была ведущей в технологическом отношении страной во всем мире, теперь ей приходилось довольствоваться старыми достижениями, и в од-

¹ Изобретение двигателя внутреннего сгорания привело к возникновению империалистических конфликтов из-за нефти. Добыча нефти с самого начала осуществлялась монополиями, причем впереди других стран всегда были США. Нефть не только помогла вести войну, но ее применение в моторах, танках и аэропланах революционизировало также военную технику.

ной отрасли за другой британская индустрия становилась отсталой и устарелой. В Великобритании наблюдалась сильная тенденция скорее использовать устаревшие заводы и методы, чем пойти на крупные капитальные затраты, связанные с модернизацией. С другой стороны, новая промышленность за границей естественно развивалась на базе наиболее современного оборудования. Таким образом в техническом отношении уже с XIX в. Великобритания на целое поколение отставала и поныне отстает от США в области методов массового производства; в отношении производства синтетических красителей, хотя начало здесь было положено британским изобретением в 1856 г., инициатива перешла к Германии, что создало базу для создания там крупной химической промышленности. Ту же картину можно наблюдать в отношении текстиля, горного дела и других важных отраслей промышленности; в результате новые конкуренты Великобритании начали повсюду вытеснять ее с мировых рынков.

В годы колониальной экспансии, т. е. приблизительно вплоть до 1900 г., Англия чаще всего находилась в состоянии конфликта с Францией, второй наиболее активной страной-колонизатором. Но с этого момента ее основным конкурентом стала Германия, которая, далеко отстав в погоне за колониями, начала проникать в области, издавна рассматриваемые английской буржуазией как ее рынки. Соединенные Штаты, становившиеся еще более опасным конкурентом, полностью не включились в мировую политику до войны 1914—1918 гг., но уже с 1900 г. они начали достигать успехов в Южной Америке за счет британской торговли. Причиной их позднего появления на мировой арене было то, что они еще не исчерпали возможностей эксплуатации их собственных внутренних ресурсов и ресурсов Мексики, Центральной Америки и Вост-Индии, которые оказались в сфере их влияния.

Раздел мира был завершен не без конфликтов и не без угрозы нарастания этих конфликтов, которая, правда, не осуществилась до 1900 г. Англия и Франция захватили богатейшую добычу как в Африке и Азии, так и в Индонезии. Германия и Италия опоздали и должны были довольствоваться мелкой и не такой выгодной поживой. На Дальнем Востоке Россия и Япония с подозрением наблюдали друг за другом, готовясь начать борьбу за Корею и Маньчжурию.

Со временем стало ясно, что произведенный раздел добычи не мог сохраниться надолго: он был проведен на базе соотношения сил европейских держав, которое существовало в начале XIX в. и уже не соответствовало реальному положению вещей. Главным образом это относилось к Англии и Германии. В предвоенный период англо-германское соперничество сосредоточивалось вокруг некоторых отсталых районов, которые фактически

не являлись колониями. Таковы, например, были Балканы, где доля германской торговли увеличилась с 18,1 до 29,2%; в то время как доля торговли Англии снизилась с 24 до 14,9%. Южная Америка, где германская торговля возросла с 16 до 19%, наряду с тем, что британская торговля упала с 31 до 28%, и медленно приходящая в упадок Турецкая империя. Даже в самой Британской империи Германия начала укреплять свое положение за счет Англии.

Поскольку больше не осталось неразделенных территорий, имевших хоть какое-либо значение, передел мира мог быть осуществлен только при помощи войны, которая должна была вестись в громадных масштабах, так как в ней были заинтересованы все великие державы. История периода 1900—1914 гг. в основном представляет для нас интерес потому, что, изучая этот период, мы можем проследить зигзагообразный путь к войне.

2. Тройственный союз, Тройственное согласие

Как мы уже видели¹, на протяжении большей части XIX в. британская внешняя политика в основном определялась стремлением избежать слишком тесного сотрудничества с другими европейскими державами и основное внимание сосредоточить на колониальной агрессии. Теперь нам надлежит проследить, как Великобритания отказалась от этой политики и объединилась с одной из двух больших группировок, на которые к 1914 г. разделилась Европа. История этих группировок ведет свое начало уже с 1870 г., когда Франция была разбита Пруссией. Эта история представляет собой цепь сложных и беспринципных интриг, союзов, которые создавались и от которых потом отказывались ради того, чтобы заключить другие соглашения, идущие вразрез с первыми; существовал целый запутанный клубок секретных договоров; некоторые из них, возможно, и по сей день остаются неизвестными. Мы не имеем возможности осветить все подробности, но некоторые основные линии мы наметим.

Главенствующее положение в Европе занимали четыре крупные державы: Германия, Россия, Франция и Австро-Венгрия, пятой являлась гораздо менее значительная Италия. После франко-пруссской войны, в результате которой Германия аннексировала Эльзас и Лотарингию и потребовала огромной военной контрибуции, отношения между этими двумя державами были почти неизменно враждебными. Французское правительство решило при первом же удобном случае начать реваншистскую войну. Вследствие этого германская политика была направлена к тому, чтобы изолировать Францию, поскольку было ясно, что она не может победить Гер-

манию без союзников. Взаимоотношения между другими державами были гораздо менее определенными.

Германский канцлер Бисмарк стремился сохранить союзы и с Австрией и с Россией, и в течение ряда лет он справлялся с этой трудной задачей. Даже после того как в 1887 г. распался Союз трех императоров, связь между Германией и Россией подерживалась еще в течение трех лет секретным договором, о существовании которого австрийские союзники Бисмарка не знали. Двойственный союз между Германией и Австрией превратился в Тройственный союз в связи с присоединением Италии в 1882 г.

Однако в конце концов для Германии уже стало невозможным сохранять союз как с Австрией, так и с Россией, поскольку эти державы проводили совершенно противоположную политику в юго-восточной Европе. Эта задача оказалась бы непосильной, пожалуй, даже для Бисмарка, падение же его почти немедленно сопровождалось заключением военного союза между Францией и Россией. Это положило конец двадцатилетней изоляции Франции, а Германия нашла в лице Австрии союзника более надежного и менее независимого, чем Россия.

Пока что Англия оставалась вне этих группировок, несмотря на то, что германское и британское правительства приблизительно уже с 1890 г. делали попытки заключить англо-германское соглашение. Следует отметить, что тори были более склонны к заключению соглашения с Германией, чем либералы; это, по видимому, объяснялось тем, что тори были партией, наиболее непосредственно связанной с колониальными предприятиями и в этой области часто сталкивались с французским соперничеством.

Последний и наиболее острый из этих колониальных конфликтов явился косвенной причиной соглашения, к которому позднее пришли Англия и Франция. Поражение при Фашоде в 1899 г. убедило французское правительство в том, что его действия будут обречены на провал до тех пор, пока оно будет находиться в оппозиции как к Великобритании, так и к Германии. Французское правительство вынуждено было решить, какую же страну оно желает иметь своим противником, точно так же как Германия должна была выбрать себе в союзники Австрию или Россию. Затем началась война с бурами, которая показала британскому правительству всю его опасную изолированность и необходимость начать искать союзника в Европе. Первые авансы были сделаны Германии, но Германия запросила слишком высокую цену за свою дружбу. Переговоры были прерваны, печать и политики обеих стран без конца оскорбляли друг друга; теперь был открыт путь для союза с Францией.

Характерно, что он был заключен над трупом колониальной жертвы. Марокко, в котором разведчики начали обнаруживать

¹ См. главу XIII, раздел 3.

ценные минералы, явно созрело для того, чтобы быть завоеванным какой-либо европейской державой. Это был лакомый кусочек, который ни одна держава добровольно не уступила бы другой без соответствующей компенсации. Таким образом, в 1904 г. Франция признала «особые интересы» Англии в Египте, а Англия довольно осторожным, но совершенно понятным языком выразила свое согласие на предоставление Франции свободы действий в Марокко¹. Таково было внешнее положение дел, по существу же подразумевалось, что одна страна окажет другой полную поддержку против любой третьей державы, которая может попытаться претендовать на Египет или Марокко.

Результаты этого соглашения сказались в 1911 г., когда Франция вдруг заметила или, вернее, вызвала беспорядки в Марокко, нужные ей для оправдания ее действий, вторглась туда и захватила столицу Марокко—Фец. Тогда Германия потребовала компенсации во Французском Конго и подкрепила свое требование посылкой канонерок в марокканский порт Агадир. Правительство Великобритании дало понять через Ллойд Джорджа, который был некогда пацифистом, что Франции будет оказана всяческая поддержка, вплоть до военной, если это потребуется. Война была действительно очень близка, но ни одна сторона не была к ней вполне готова, и поэтому было достигнуто соглашение, по которому Франция сохраняла за собой Марокко, а Германии была предоставлена гораздо меньшая часть Конго, чем та, на которую она претендовала.

Даже еще до того, как англо-французское соглашение полностью вошло в силу, отношения с Германией начали носить более резко выраженный враждебный характер²; враждебность эта нашла свое выражение в самоубийственной гонке морских вооружений. Строительство морского флота началось в крупных масштабах в Германии в 1895 г., и брошенный ей вызов был немедленно подхвачен другими странами. В 1904 г. лорд Фишер, крайний джингоист, был назначен первым лордом адмиралтейства; он начал решительную реорганизацию морских сил, явно направленную против Германии. Главные силы морского флота были выведены из Средиземноморья и сконцентрировались в Северном море. В частных беседах Фишер даже настаивал на необходимости неожиданно напасть и уничтожить германский флот (он употреблял выражение «копенгагенировать») в самих

портах Германии без всякого объявления войны. Когда сведения об этом дошли до Германии, они мало способствовали тому, чтобы убедить ее в мирных намерениях Великобритании.

Двумя годами позже, в 1906 г., спуск на воду «Дредноута», имевшего на борту 12 двенадцатидюймовых орудий, вместо обычных четырех, превратил все существовавшие до того боевые корабли просто в железный лом. Правительство предполагало строить по четыре таких чудовища ежегодно, но по разным причинам в течение трех последующих лет их строили меньше, чем было запланировано. В 1909 г. крупные волнения, проходившие под лозунгом: «Мы требуем немедленного введения восьмичасового рабочего дня», привели к падению правительства. Начались потрясающие «откровения», содержащие страшные подробности о строительстве германского военно-морского флота; в дальнейшем оказалось, что они ни на чем не основаны и ими нарочно пользовались агенты некоторых фирм, производящих вооружение. Бульварная пресса, возглавляемая нортклифовской «Дейли мейл», запугивала читателей вторжением и добивалась успеха, несмотря на то, что для вторжения не было ни политических, ни военных возможностей. Результатом запугивания был сильно увеличенный бюджет военно-морского флота и значительные успехи в области психологической подготовки к войне народов, живущих по обе стороны Северного моря.

Пока шла эта гонка морских вооружений, лорд Голдейн занялся полной перестройкой британской армии. Территориальные войска в качестве массового резерва сменили гораздо менее эффективных волонтеров, но главной задачей было создание армии в 100 тыс. человек, которую можно было бы немедленно мобилизовать для помощи Франции. Британское правительство отказалось заключить какое-либо конкретное военное соглашение, но британский и французский генеральные штабы провели ряд совещаний, на которых был выработан план совместных действий. Уже в 1905 г. были сделаны приготовления к посылке экспедиционных войск во Францию. Эти штабные переговоры, которые фактически обязывали Англию оказывать военную помощь Франции, держались в таком секрете, что были неизвестны даже большинству членов кабинета¹; это служит разительным примером того, как бюрократическая машина в современном капиталистическом государстве становится независимой от демократических учреждений, которые будто бы ее контролируют.

¹ В договоре указывалось, что Франция «не имеет намерения менять политический статут Марокко»—это обычная формулировка, которая в обращении цивилизованных стран с варварскими государствами всегда является предвестником захвата. См. стр. 385 и 406.

² Показательно, что первый конфликт между Англией и Германией возник в связи с концессиями на строительство турецкой железной дороги в 1892 г.

¹ Повидимому, по крайней мере три члена кабинета: Асквит, Грей и Голдейн—знали о ведущихся переговорах. С технической стороны самую большую ответственность несет Генри Вильсон, начальник генерального штаба. Капитан Лиддел Гарт определяет эти переговоры как «веревку, затянутую вокруг шеи британской политики».

Обязательство было закреплено таким же секретным и даже более обязывающим Морским соглашением. По этому соглашению французский флот концентрировался в Средиземном море, а британский—в Северном море, причем обе державы обязывались охранять интересы друг друга в районах господства своих флотов. Это соглашение явно делало невозможным для Великобритании отстраниться от участия в войне между Германией и Францией.

На то, чтобы добиться соглашения между Великобританией и Россией, хотя оно и было неизбежным результатом изменившихся отношений между Францией и Германией, потребовалось больше времени. В Центральной Азии и на Ближнем Востоке между Великобританией и Россией существовал глубокий традиционный антагонизм, а в 1902 г. Англия заключила союз с Японией. Во время русско-японской войны отношения стали очень напряженными, и казалось, что Россия вновь может перейти в германский лагерь. Однако союз с Японией, как это ни странно, облегчил для Великобритании возможность договориться с Россией, поскольку он обеспечивал положение Великобритании в Азии. Кроме того, России, ослабленной войной с Японией и революцией 1905 г., уже не так боялись, а она сама стремилась найти союзников. Французское правительство с большой охотой взяло на себя роль посредника. Первым признаком возникновения новых отношений было получение царским правительством в Лондоне займа, который дал правительству средства для подавления революции. Англо-русское соглашение было заключено в 1907 г., а в следующем году Эдуард VII и царь Николай встретились в Ревеле для того, чтобы закрепить это соглашение.

Эдуард заслуживает некоторого внимания как символическая фигура—это был типичный монарх новой эры монополистического капитализма. Трудно определить, объясняются ли его ярко выраженные симпатии к французам тем, что он ценил Париж как центр удовольствий или как место, где можно было получать взаимы деньги. Во всяком случае, его склонность к французам имеет исторически важное значение, поскольку она совпадает с настроениями того времени. Его интимными друзьями были джингоисты, подобные Фишеру и лорду Эшеру, а также самые вульгарные и грязные финансовые магнаты. Об одном из них И. Уингфилд-Стратфорд в своей книге «Послевикторианский период» пишет: «Трудно понять, что получал Эдуард от своей дружбы с сэром Эрнестом Касселем, но, если бы это удалось сделать, для объяснения главным источником явилась бы чековая книжка». В благодарности за оказываемые ему услуги Эдуард во время своего визита в Ревель использовал свое влияние для того, чтобы способствовать размещению Касселем займа в России за спиной у британского правительства.

Для соглашения между Великобританией и Россией требовалось еще только одно: страна, которую можно было бы принести в жертву. Очень удобной для этого оказалась Персия. Договором, подписанным в 1907 г., Великобритания и Россия гарантировали независимость и целостность Персии и разделили ее на три зоны, причем юго-восточная попадала к Великобритании, северная—к России, а остальная часть сохранялась в виде нейтральной территории. В 1909 г. в Персии произошла демократическая революция, шах был низложен и делались усиленные попытки установить порядок и создать хорошее управление. Но это отнюдь не пришлось по вкусу верховным правителям Персии, и русская армия, при поддержке Великобритании на юге, занялась наведением порядка; вернула к власти шаха и удостоила Персию благоденствия европейского управления.

Так же как и в случае с Марокко, раздел Персии предусматривал не только господство в ней России и Великобритании, но также и недопущение туда Германии. До этого времени ни Великобритания, ни Россия не имели непосредственного повода для территориального конфликта с Германией, но теперь уже и такой конфликт (которого только одного не хватало, чтобы сделать мировую войну абсолютно неизбежной) довершил существовавшее экономическое и морское соперничество. Германия, потерпев неудачу в борьбе за колонии, пыталась компенсировать себя за счет Ближнего Востока, где разложение Турецкой империи создавало сплошную громадную опасную зону, простирающуюся от Боснии до Багдада. Убийство в Сараеве было в некотором смысле случайным, но отнюдь не было случайным то, что все события с 1908 по 1914 г. происходили именно в этом районе. Здесь столкнулись непосредственные интересы всех крупных держав, за исключением Франции, а мелкие государства, возникшие на окраинах Турецкой империи, оказались превосходным орудием империалистической политики.

3. Внутренний кризис 1906—1914 гг.

Во время всеобщих выборов 1906 г. тори, которые находились у власти, за исключением одного короткого периода, с 1886 г., были сметены, так как подавляющее большинство народа голосовало против них. За время их пребывания у власти Судан и Южная Африка были захвачены и республики буров были разгромлены. Но разорительное и бесславное завершение войны с бурами свело на нет все, что тори могли бы приписать себе как достижения. По мере того как народ начинал сознавать, как мало он выиграл от этих широко рекламируемых колониальных триумфов, приходило разочарование. В самой Англии организованный рабочий класс был чрезвычайно возбужден вызовом професси-

ональному движению, брошенным судебным процессом Долины Тафф. Внутри самой партии тори произошел раскол по вопросу о протекционистских пошлинах. Чемберлен и другие сообразительные империалисты видели, что логически империя должна была пойти по пути охраны себя, как единого целого, протекционистскими пошлинами; другая часть партии была за свободную торговлю; лидер партии тори Бальфур боялся решительно выступить с защитой какой-либо одной стороны.

В результате, в то время как либералам удалось припугнуть народ жупелом дороговизны продовольствия, тори не сумели последовательно и решительно бороться за введение пошлин. Кроме того, была еще очень широко распространена и тщательно поддерживалась уверенность, что длительный период процветания, последовавший за отменой хлебных законов, был результатом свободной торговли; эта уверенность была настолько сильна, что она делала непопулярной идею о пошлинах. Все эти причины вместе взятые обеспечили либералам огромное большинство во всех промышленных районах, за исключением оплота Чемберлена—района Бирмингама. Успехи Чемберлена здесь, находившиеся в резком противоречии с полнейшим провалом тори в других местах, обеспечили преобладание группе протекционистов внутри партии тори.

Наряду с либералами впервые в парламент попала тесно сплоченная группа, состоявшая из двадцати девяти членов новой лейбористской партии. Помимо этого был избран ряд либералов—кандидатов от профсоюзов; многим членам парламента—либералам и радикалам, избранным от промышленных районов,—пришлось с неудовольствием вспомнить об обязательствах, данных ими избирателям, в частности об обязательстве добиться законодательства, отменяющего приговор по процессу Долины Тафф. Одним из первых мероприятий нового парламента было проведение акта о «конфликтах в промышленности», оказавшегося более благоприятным для рабочих, чем это первоначально намечалось правительством. Этот акт является единственной неоспоримой победой, одержанной лейбористской партией в течение этих лет.

Однако либералы встретились с чем-то совершенно новым—с политической оппозицией партии слева. Правда, эта партия была еще мала и умеренна в своих требованиях, но более дальновидные либеральные политики видели в ней угрозу, с которой можно было бороться, только пустив в ход самую решительную демагогию. Именно существование лейбористской группы, а еще более изменившееся настроение в стране, приведшее к этому, являются истинной причиной ряда социальных реформ, связанных с именем Ллойд Джорджа.

Ллойд Джордж, уэльский присяжный стряпчий, с красноречием священнослужителя и полным отсутствием шепетильности,

создал себе репутацию радикала своей оппозицией войне с бурами. Повидимому, в годы между 1906 и 1914 его главным достоинством было умение травить зайцев и привлекать внимание к всевозможным мелким вопросам и мелким врагам—лордам, помещикам, церквям или пивоварам—и отвлекать внимание от вопросов цен и заработной платы, гораздо более важных для масс. Конечно, социальные реформы довоенных лет, некоторые из которых сами по себе представляли известное значение, касались почти всего, за исключением этих последних вопросов.

Первым был проект выдачи пенсии престарелым в размере 5 шиллингов в неделю для лиц старше семидесятилетнего возраста, доход которых не превышал 21 фунта в год. Затем последовал акт о городском планировании, проведенный благодаря стараниям Джона Бернса, затем акт о страховании от болезней и безработицы и, наконец, сельскохозяйственный устав, послуживший причиной большой шумихи, поднятой против землевладельцев, но оказавшийся фактически совершенно безрезультатным.

Каковы бы ни были остальные результаты этих реформ, они, во всяком случае, достигли одной из своих главных задач—вырвать инициативу у парламентской фракции лейбористской партии. В период с 1906 по 1914 г., в период острых и все усиливающихся классовых конфликтов, лейбористская партия довольствовалась ролью простого радикального придатка к либералам. Она разрешала себе осторожно критиковать детали, но никогда не осмеливалась выступать с самостоятельной политикой или мечтать о каких-либо действиях, которые могли угрожать существованию правительства. Единственный раз, когда члены этой партии действительно рассердились,—это когда Эдуард VII не счел нужным пригласить некоторых лидеров партии на официальный прием в Букингемском дворце.

Ллойд-джорджизм, представлявший по существу стремление откупиться от рабочего класса, естественно, стоил довольно дорого. Обширная программа вооружений, быстро принятая либеральным правительством, стоила даже еще дороже. Цифры, приведенные в следующей таблице, красноречиво говорят о быстром росте государственного аппарата в эпоху империализма:

РОСТ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА
(даны среднегодовые цифры в тыс. ф. ст.)

1873—1875 гг. 1905—1907 гг. 1911—1913 гг.

Весь бюджет . . .	68700	134000	163000
Армия и флот . . .	25300	59800	73300

В начале 1909 г. Ллойд Джорджу, только что занявшему пост министра финансов, предстояло собрать огромную по тем временам сумму в 16 млн. ф. ст. путем введения нового налогообложения.

К разрешению этой задачи он подошел очень тонко; она явилась для него оружием, при помощи которого он смог разделаться с палатой лордов, где преобладали тории, и восстановить уменьшающуюся популярность либерального правительства, выступавшего в роли защитника народа против аристократических привилегий.

Во время прежних сессий парламента палата лордов отклонила или искадила ряд мероприятий либералов, которые сами по себе не представляли серьезного значения и не пользовались большой популярностью. Теперь Ллойд Джордж преднамеренно внес на утверждение бюджет, предусматривающий введение таких налогов, которые должны были привести в ярость всю палату лордов, начиная с лендлордов и кончая пивоварами. Палата лордов немедленно попала в ловушку и отклонила бюджет, что не имело прецедентов в истории. Перспективы выборов, казалось, были превосходными для либералов, и они выступили в январе 1910 г. с лозунгом «Пэры против народа».

Но конечный исход, с их точки зрения, оказался несколько обескураживающим. Тории отвоевали большое количество мест, и когда парламент вновь собрался, то оказалось, что тории и либералы поделили места между собой приблизительно поровну, причем равновесие сохранялось благодаря лейбористской и ирландско-националистической группам. Вторичные выборы, состоявшиеся несколько позже в том же году, сохранили положение почти неизменным. Либералам все же удалось провести свой бюджет через палату лордов, но они этого достигли только добившись поддержки ирландцев, которым они обещали провести билль о гомруле.

Конфликт с палатой лордов закончился парламентским актом, лишившим верхнюю палату права вето в отношении финансовых законов и ограничивавшим это право палаты лордов в отношении остальных законов; теперь мероприятия, одобренные палатой общин на трех сессиях подряд, приобретали силу закона, даже если палата лордов их и отклоняла. Более проницательные тории не возражали против этого компромисса, который наряду с ограничением власти палаты лордов твердо устанавливал также объем этой власти.

Во время выборов 1910 г. велась борьба, к которой, по мнению либеральных политиков, народ в целом проявил исключительное безразличие. Оказалось, что ни реформы Ллойда Джорджа, ни борьба против лордов не вызвали ожидаемого энтузиазма. Главной причиной этого был тот факт, что к 1910 г. условия жизни рабочих сильно ухудшились по сравнению с 1900 г., а либерализм оказался совершенно неспособным улучшить положение.

С середины до девяностых годов XIX в. цены проявляли тенденцию к падению в связи с развитием машинного производства и особенно с тех пор, как машины начали применяться в сельском

хозяйстве в Америке и других странах. Затем положение изменилось. Начался быстрый рост цен между 1895 и 1900 гг., продолжавшийся несколько медленнее от 1900 до 1906 г., и опять очень быстрый после 1906 г. Подсчитано, что «покупательная способность рабочей семьи, равнявшаяся 20 шиллингам в 1895 г., снизилась до 18 шиллингов 5 пенсов в 1900 г., до 17 шиллингов 11 пенсов в 1905 г., до 16 шиллингов 11 пенсов в 1910 г. и до 14 шиллингов 7 пенсов в 1914 г.»

Было несколько причин увеличения цен; основной из них являлось, повидимому, огромное увеличение добычи золота, последовавшее за открытием Рандской золотоносной жилы. Необходимо отметить, что цены особенно резко возросли во время двух периодов: во-первых, вслед за открытием золотоносной жилы и, во-вторых, после 1905 г., когда прошел уже срок, за время которого могли уже сказаться результаты завоевания Трансвааля. Другими причинами возрастания цен были также расходы всех крупных держав на вооружение, увеличение пошлин и общее развитие монополий. Рост цен имел место в период процветания, то есть в период увеличения прибылей. Между 1893 и 1908 гг., согласно подсчетам Кьюцца Мани, прибыли увеличились на 29,5%, а номинальная заработная плата—только на 12%. Таким образом, пока прибыли возрастали быстрее, чем цены, реальная заработная плата снижалась примерно в том же соотношении. Постепенное осознание этого факта, осознание рабочими, что они становятся беднее как раз в то время, когда их хозяева становятся богаче, объясняет ожесточенность крупных стачечных боев первых лет нашего столетия. Так открыто классовый антагонизм в Англии не проявлялся со времен чартистов.

Стаечное движение началось среди рядовых рабочих и у них же черпало свою силу. Парламентская фракция лейбористской партии осталась далеко позади, и лидеры тред-юнионов либо втягивались в активные действия, либо теряли сторонников и авторитет. Местные стихийные вспышки приводили к выработке национальных программ, к выдвиганию требований о минимальной заработной плате или о сокращении рабочего дня. Повсеместно проходили стачки за признание профессиональных союзов. В последние годы перед войной участники движения начали разрабатывать политическую программу; например, горняки выставили требование национализации шахт; некоторые детали этого требования не были подробно разработаны, но, во всяком случае, оно намного опередило требования лейбористской партии. Начало войны положило конец этому движению, прежде чем оно успело достигнуть наивысшего уровня, но все же имеются данные, что оно шло по пути сознательной борьбы за власть. Вполне вероятно, что только война помешала объявить всеобщую стачку, которая непосредственно подняла бы вопрос о революции.

Уже в 1905 г. произошла крупная стачка горняков Южного Уэльса, который всегда являлся особо боевым районом и, что наиболее показательно, районом угольных копей, где монополистическая организация добилась наибольших успехов. За ней последовали стачки железнодорожников, прядильщиков хлопка, механиков и шахтеров Нортумберленда и Дургама.

К 1910 г. борьба была в полном разгаре. Стачка горняков Кембрийского объединения, длившаяся с ноября до августа 1911 г., отмечена ожесточенными стычками в Тонипанди и Пенн-крейге, и стачечники потерпели поражение только из-за слабости лидеров федерации. Это привело к выдвижению на передний план новой боевой группы в Южном Уэльсе и вдохновило шахтеров на общенациональную забастовку в 1912 г.

Следующими отрядами, двинувшимися в бой, были докеры и моряки. В июне произошли стачки в Саутгемптоне и в Гулле, где имели место крупные беспорядки. Месяцем позже выступили манчестерские докеры и возчики; как только этот конфликт был урегулирован, почти немедленно началась крупная стачка на лондонских доках, сковавшая движение по всей Темзе от Брентфорда до Медуэя. Тысячи тонн товаров гнили в гаванях, но ни один тук груза не мог быть тронут с места без разрешения стачечного комитета. Решительные действия стачечников быстро заставили правительство отказаться от его намерения очистить доки при помощи военной силы. Стачка кончилась удовлетворением большинства требований, включая и заработную плату в 8 пенсов в час.

Пока в Лондоне бастовали докеры, Том Манн в Ливерпуле и Манчестере помогал организовывать неофициальную стачку, скоро разросшуюся в общенациональную стачку железнодорожников; эта стачка проводилась за признание союза и за отказ от принудительного арбитража. Вмешательство правительства привело к компромиссному решению, которое не предотвратило дальнейших вспышек в 1912 г.

В 1912 г. состоялась первая общенациональная стачка горняков, затем стачка лондонских докеров против преследования членов тред-юнионов. В 1913 г. борьба приняла несколько другую форму. Крупных стачек было мало; самой крупной была стачка в Дублине; но зато имело место большое число мелких местных столкновений. Это был год передышки и накопления сил. В 1914 г. движение опять развернулось и сопровождалось двумя важными организационными успехами. Во-первых, был создан тройственный союз шахтеров, железнодорожников и рабочих транспорта, причем они обязались участвовать в стачках солидарности. При существовавших тогда настроениях всеобщая стачка должна была, несомненно, быть объявлена в ближайшем будущем. Во-вторых, начало разрастаться движение цеховых

старост среди механиков, движение, ярче всего отражающее настроение рядовых рабочих; это движение играло большую роль во время военных лет, когда официальный аппарат тред-юнионов перешел в руки правительства.

Борьба, происходившая в 1910—1914 гг., покончила с падением реальной заработной платы, и в союзы начался приток новых членов. За четыре года число членов возросло с 2 369 067 до 3 918 809 человек.

Но движение рабочего класса было не единственной сложной проблемой, стоявшей перед правительством либералов. Другой проблемой была кампания, которая велась под руководством Панкхерст за предоставление избирательных прав женщинам. Эта кампания началась примерно в 1906 г. и с самого начала была встречена совершенно садистскими репрессиями со стороны полиции и правительства. В начальной стадии участницы движения применяли легальные, ненасильственные методы: они прерывали собрания, устраивали демонстрации, останавливали на улице министров и т. д. Но даже и тогда делалось много арестов, и когда арестованные суфражистки объявляли голодовку, то по отношению к ним применялись грубые методы насильственного кормления, доходившие во многих случаях до пыток и приведшие к знаменитому акту «Кошка и мышь». Страдания, перенесенные в результате применения таких методов, привели лишь к усилению кампании и применению новой тактики: теперь уже суфражистки били окна и устраивали поджоги. Наконец, правительство предложило внести билль о реформе, к которому, по его же предложению, могло быть сделано добавление, предоставляющее избирательное право женщинам. Суфражистки заявили, что это обман, и действительно, когда добавление было предложено, оно было отклонено на том основании, что оно не включено в повестку дня. Таким образом кампания была еще в полном разгаре, когда в 1914 г. разразилась война и приостановила ее.

Гораздо более серьезным был вопрос об Ирландии. За поддержку, оказанную ирландскими националистами, правительство в 1912 г. внесло билль о гомруле, предоставлявший Ирландии значительно меньше независимости, чем та, которой пользовались доминионы. Билль был отклонен палатой лордов, и те два года, которые должны были пройти, прежде чем он мог превратиться в закон, были использованы тори для открытой подготовки гражданской войны. Основным спорным вопросом было будущее Ольстера—северо-восточной части Ирландии с фанатически протестантским населением, в основном шотландского происхождения. Более того, Белфаст, с его кораблестроительной и льняной промышленностью, являлся оплотом британского империализма в Ирландии.

Ирландские националисты заявляли, что Ирландия—это нация единая и неделимая и что никакой английский парламент не имеет права расчленять ее. Ольстерские протестанты, заявляя о своей страстной лояльности (которая не мешала им, однако, обдумывать способ получения помощи от Германии), настаивали на том, что ни один английский парламент не имеет права отдавать их под власть католиков Юга. Спор, наконец, свелся к двум пограничным графствам: Ферманаг и Тирон, но тори продолжали заниматься своим безрассудным подстрекательством и становились смелее при каждом проявлении трусости со стороны либералов. «Торжественный ковенант»—возродившаяся версия оригинала XVII в.¹—был подписан тысячами ольстерцев, собиравшихся использовать «все средства, которые могут оказаться необходимыми, чтобы уничтожить существующий заговор, имеющий целью создание парламента с правами гомруля в Ирландии». Было собрано большое количество волонтеров, и во главе движения стали Эдуард Карсон и английский адвокат Ф. И. Смит (оба они позднее вошли в кабинет министров). В Англии Бонар Лоу и руководители тори открыто обещали свою поддержку восставшим и подстрекали армию к неповиновению и мятежу. Речи, произносившиеся в тот период видными членами партии тори, могут послужить достаточным материалом для составления полного руководства по подстрекательству к мятежу.

Кульминационный пункт был достигнут, когда армейские офицеры, стоявшие в Керрахе, заявили, что они скорее в полном составе выйдут в отставку, чем выполнят приказ о начале действий против волонтеров. Их действия были поддержаны высшими военными чинами, включая сэра Генри Вильсона, который сам был ольстерец.

Это произошло 19 марта 1914 г.; месяцем позже груз, состоящий из 35 тыс. немецких винтовок и 3 млн. боевых патронов, был доставлен в Ларн под носом британского флота на корабле, название которого под влиянием исторической романтики, столь типичной для оранжистов, было в честь этого случая изменено из «Фанни» на «Маунтджой»². О восстании в Керрахе и о мятеже тори вообще Ленин в свое время писал:

«Либеральное правительство было совершенно ошеломлено этим бунтом помещиков, стоящих во главе армии. Либералы привыкли утешать себя конституционными иллюзиями и фразами о законности, закрывая глаза на действительное соотношение сил, на классовую борьбу. А это действительное соотношение сил было и остается таково, что в Англии сохранился, благодаря

¹ См. стр. 189.

² Оригиналом «Маунтджой» был корабль, прорвавшийся сквозь туман в гавань к Дерри, когда протестанты были там осаждены католиками-якобитами в 1689 г.

трусости буржуазии, целый ряд добуржуазных, средневековых учреждений и привилегий гг. помещиков.

Чтобы сломить бунт аристократов-офицеров, либеральное правительство должно было бы обратиться к народу, к массам, к пролетариям, но этого-то господ «просвещенные» либеральные буржуа и боялись больше всего на свете. И правительство *на деле уступило* бунтующим офицерам, убедив их взять отставку назад и дав им *письменное удостоверение*, что войска не будут употреблены против Ольстера¹.

«21-ое марта (8-ое марта старого стиля) 1914-го года будет днем всемирно-исторического поворота, когда благородные лорды-помещики Англии, сломав вдребезги английскую конституцию и английскую законность, дали великолепный урок классовой борьбы»².

Вызов, брошенный Ольстером, был принят Югом Ирландии, и в 1913 г. была создана организация ирландских волонтеров. События приняли новый оборот в связи с забастовкой в том году дублинских докеров. Эта забастовка началась, когда дублинские предприниматели задалась целью уничтожить боевой Ирландский союз транспортных рабочих. В этой борьбе полиция дошла до предела варварства: двое рабочих были забиты насмерть, а сотни других получили увечья. Несмотря на активнейшую поддержку, оказываемую им членами английских тред-юнионов, забастовщики все же потерпели поражение, но это поражение оставило неосценимое наследство в лице «Гражданской армии Коннолли».

Созданная для обороны рабочих в период, когда полиция выступала в качестве частной армии предпринимателей, «Гражданская армия» продолжала существовать и позже и постепенно сближалась с левым крылом волонтеров-националистов. Коннолли понимал то, что в то время понимали лишь немногие социалисты, кроме Ленина: связь классовой борьбы с борьбой за национальную независимость колониальных народов. Он видел в ирландских рабочих и крестьянах истинных наследников традиций Вульф Тона и фениев, а также и то, что ирландский народ будет подлинно свободным только при рабоче-крестьянской республике. Своими убеждениями и своей практикой он внушал эту веру лучшим элементам Ирландского республиканского братства, людям, подобным Пирсу и Тому Кларку. Но в то время как братство взяло на себя инициативу создания организации волонтеров, успех движения привлек к себе внимание Редмонда и его последователей, которые в нем не видели ничего, кроме удобной ставки в парламентской игре. Явившийся результатом этого конфликт неизбежно привел к полному расколу в начале войны.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 205—206.

² Там же, стр. 207.

Подобно волонтерам Ольстера, националисты пытались получить оружие, но в полную противоположность случаю с волонтерами, которым была предоставлена свобода действий, в данном случае полиция и войска пытались перехватить груз, выгруженный в Хоуте 26 июля. Попытка не увенчалась успехом, но позже войска обстреляли небооруженную толпу на Бечелорс Уоке, убили трех и ранили тридцать восемь человек. Этот случай воспламенил всю Южную Ирландию, и, поскольку переговоры об Ольстере были, наконец, прерваны, казалось, что гражданская война неизбежна.

Гражданская война в Ирландии и менее близкий, но более грозный подъем волны рабочих выступлений и возможность всеобщей стачки поставили перед буржуазией задачу, разрешить которую казалось невозможным. Кроме того, поддержка, оказанная дублинской стачке, которая могла перейти в забастовку солидарности, если бы чрезвычайные усилия чиновников тред-юнионов не помешали этому, угрожала еще более страшной перспективой соединения этих двух опасностей вместе, в борьбу за освобождение Ирландии, поддержанную всеобщей стачкой в Англии.

Но такое положение дел существовало не только в Англии. В Индии и Египте национальное движение делало большие успехи. Русский народ укреплялся после поражения в революции 1905—1907 гг., и казалось, что приближается революционный кризис. Скандал Кайо во Франции грозил привести к еще более серьезным последствиям, чем дело Дрейфуса, в то время как страшное бремя вооружений привело страну на грань банкротства. В Германии к социал-демократам ежегодно присоединялись новые сотни тысяч людей.

По существу, вряд ли была хоть одна крупная страна, которой война не сулила бы легкого, правда в конечном счете дорогостоящего, выхода из внутренних затруднений, которые казались не разрешимыми другими средствами. Война 1914 г. была, несомненно, неизбежным результатом общего положения, созданного мировым империализмом, но и внутренние трудности, бесспорно, надо отнести к числу причин, ее вызвавших, и именно они в значительной мере определили момент начала войны.

4. Путь к Сараеву

Много времени и энергии было затрачено на попытки возложить ответственность за мировую войну на какое-либо государство или политика. Споры об австрийском ультиматуме Сербии, точная дата мобилизации соответствующих армий и т. д. представляющая определенный академический интерес, но они не могут повлиять на основной факт, тот факт, что в течение больше чем десяти лет Европа была разделена на две соперничающие импе-

риалистические группы, каждая из которых была вооружена до зубов и стремилась к захватам за счет другой. Может быть, даже и верно, что ни одно из этих государств не «хотело» войны, и совершенно бесспорно, что ни одно из них не стремилось бы к войне, если бы могло добиться своих целей без нее. Но что более важно, это то, что все они без исключения проводили политику, неизбежно ведущую к войне.

Война была результатом империалистическо-монополистической стадии капиталистического развития, но мы имеем возможность установить более точно узловые пункты конфликта, вокруг которых сосредотачивалась общая политика империалистической эпохи. Одним из этих пунктов, как мы уже видели, было соперничество между Великобританией и Германией, выразившееся в британских попытках вытеснить Германию из колониальных и протекторатных районов, и контрпопытка Германии прорвать британское кольцо броском на юго-восток через Балканы и Турцию.

Вторым пунктом была франко-германская экономическая борьба, разгоревшаяся из-за того, что в Восточной Франции имелись крупные залежи железной руды, но мало угля, а в Западной Германии было много угля, но мало железа. Промышленники обеих держав надеялись объединить весь район под своим контролем в результате победоносной войны. Далее, стремление России владеть проливами, соединяющими Черное и Средиземное моря, находилось в прямом противоречии с германской тягой на восток; наряду с этим Россия непрерывно усиливала свое влияние на Балканах, пытаясь расчленивать Австрийскую империю с ее большим славянским и румынским населением.

Положение обострялось темпами, которыми велась подготовка к войне, причем усиление темпов одной стороной вело к соответствующему или даже большему усилению темпов другой стороной. Германо-британская гонка в области морских вооружений уже упоминалась. На суше соревнование было не менее острым. Франция и Россия увеличили численность своих армий мирного времени с 1470 тыс. человек в 1899 г. до 1813 тыс. в 1907 и до 2239 тыс. в 1914 г. Соответствующие цифры для Австрии и Германии были: 950 тыс., 1011 тыс. и 1239 тыс. За последние десять лет перед войной расходы на французскую и русскую армии равнялись 842 млн. ф. ст., а на германскую и австрийскую — 682 млн. ф. ст. Надо отметить, что эти цифры никоим образом не подтверждают легенды о том, что центральные державы совершили давно подготовленную атаку на миролюбивых и небооруженных соседей.

За последние годы гонка вооружений стала бешеной. В 1913 г. специально для военных нужд Германия собрала с населения 50 млн. ф. ст. Франция увеличила срок военной службы с 2 до 3 лет,

а Россия увеличила этот же срок у себя на 6 месяцев. Как Великобритания, так и Германия спешили осуществить программу своих морских вооружений. Ясно было, что война очень близка, хотя бы из того, что финансовые эксперты всех стран придерживались мнения, что расходы на вооружение не могут оставаться на достигнутом уровне без серьезного риска банкротства.

Поэтому неудивительно, что годы, предшествующие 1914 г., были отмечены рядом кризисов, любой из которых мог вызвать мировую войну. Таковы были, например, конфликты по поводу Марокко в 1905—1906 гг. и в 1911 г., по поводу Боснии в 1908 г., по поводу Триполи в 1911 г. и Балканские войны 1912 г. При наступлении каждого из этих кризисов противоречия, правда, преодолевались, но только ценой создания новых пунктов столкновений и новых, еще труднее разрешимых противоречий.

Надо отметить, что два из трех основных спорных пунктов касались Балкан, и хотя мы и не можем согласиться с тем, что балканский вопрос явился главной причиной войны, все же именно здесь существовали величайшие возможности для дипломатических осложнений, и именно здесь мы должны искать непосредственных поводов для начала войны. Сербия все более становилась фокусом всех столкновений, пока, наконец, это маленькое государство не приобрело такого значения в европейской политике, которое совершенно не соответствовало ее размерам, численности ее населения или ее удельному весу.

Для этого были две причины. Прежде всего, спинным хребтом восточных планов Германии, жизненно важным для ее развития в качестве империалистической державы, была железная дорога в Константинополь, часть запланированной дороги Берлин—Багдад, которая должна была обеспечить вассальную зависимость Турции и в конце концов создать угрозу для британских и русских позиций в Персии и Индии. Этот путь шел через Сербию, а пока Сербия находилась под русским влиянием, из этой дороги выпадало существенное звено. Во-вторых, Сербия стала орудием, при помощи которого Россия стремилась расчленив Австрийскую империю. Конфликт назревал медленно с начала века и был ускорен убийством царя Александра, защищавшего австрийские интересы, сторонниками прорусской партии. За этим в 1905 г. последовала экономическая война между Австрией и Сербией. В 1908 г. Австрия аннексировала номинально турецкую провинцию Боснию, которой она управляла с 1879 г., но которая была населена преимущественно сербами. Россия вынуждена была на это согласиться под угрозой войны, в которой Австрия рассчитывала на поддержку Германии. Захват Триполи Италией в 1911 г., полностью разоблачив слабость Турции, облегчил России возможность организовать союз балканских государств. Перед этим союзом была прежде всего поставлена задача отобрать у Турции оставшиеся

еще у нее провинции в Европе; в дальнейшем же этот союз надеялись обратить против Австрии.

После непродолжительной войны балканские союзники оказались победителями. Сербия стремилась получить в качестве своей доли добычи северную часть Албании, большая же часть Македонии должна была достаться Болгарии. Затем вмешалась Австрия и настояла на создании независимого албанского государства. Сербия потребовала компенсации в Македонии; Австрия подстрекала Болгарию отказаться удовлетворить это требование. Во время второй Балканской войны болгары потерпели поражение и потеряли большую часть своих завоеваний.

В результате возникла новая балканская группировка, в которой Сербия оставалась послушным орудием в руках России; Болгария же и Турция вступили в неоформленный союз с центральными державами. Германия, в частности, выступала как «защитник» ислама, то есть в роли, чрезвычайно неприятной для Англии, имевшей миллионы мусульманских подданных в Индии и Африке. В 1913 г. германские военные эксперты занялись реорганизацией турецкой армии. Сербия при поддержке России начала готовиться к захвату Боснии путем вооруженного восстания, которое должно было быть поддержано вторжением. Из достоверных источников сообщалось, что Пашич, премьер-министр Сербии, заявил на конференции в Бухаресте, состоявшейся после второй Балканской войны: «Первый тур борьбы выигран, теперь мы должны готовиться ко второму — борьбе против Австрии».

Началась усиленная кампания террористических актов, во время которой был убит ряд австрийских чиновников; таким образом, убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австрийского престола, в Сараеве 28 июня 1914 г. не было изолированным актом, но лишь кульминационным пунктом ряда подобных действий. Не приходится сомневаться, что это убийство было подготовлено с ведома сербских властей и что австрийское правительство было радо ему, как удобному случаю для сведения счетов с Сербией. Суровость австрийского ультиматума и упорный отказ Австрии пойти на какие-нибудь компромиссные условия становятся понятными, только если рассматривать инцидент в Сараеве как одно из звеньев в цепи событий на Балканах. Мы уже видели, по каким причинам Германия намеревалась полностью использовать случай, который был представлен ей сербскими террористами.

Положение России было также ясным: разрешить разгромить Сербию значило открыть Германии свободный доступ к Константинополю, отказаться от всех своих надежд на овладение проливами и от всех своих планов расчленения Австрии. Россия должна была или вступить в войну, или отказаться от борьбы с централь-

ними державами за преобладание в Восточной Европе. Франция сама не была непосредственно заинтересована в конфликте на Балканах, но она была тесно связана с Россией. Предоставить России сражаться одной означало полную изоляцию в Европе при любом исходе войны, а это означало такой риск, на который французское правительство никоим образом не могло пойти. Так развивались события до тех пор, пока европейский пороховой погреб, который в течение целого поколения так тщательно наполнялся взрывчатыми материалами, не взорвался вдруг со страшной силой.

Сначала в Англии сараевское убийство привлекло к себе мало внимания. Для обывателя это был только пример варварства на Балканах, и даже правительство, кажется, было слишком занято кризисом в Ирландии, чтобы полностью оценить значение этого убийства¹. Время шло, угроза войны в Европе становилась все более ощутимой, но подавляющее большинство британского народа оставалось равнодушным: Сербия не пользовалась популярностью, и было чрезвычайно трудно кого-либо убедить в необходимости вступить в войну для ее защиты.

Но как бы трудно это ни было, все же это было сделано, как только выяснилось, что Франция будет вовлечена в эту войну. Это было сделано хотя бы потому, что англо-французские военноморские соглашения, о которых народ ничего не знал, фактически были такими же обязывающими, как любой формальный договор. Они держались в секрете до самого конца. Эдуард Грей, министр иностранных дел, торжественно провозгласил в палате общин 11 июня:

«В случае возникновения войны между европейскими державами наше правительство и парламент смогут свободно решить, вступать ли Великобритании в эту войну или нет, так как их волю не связывают никакие секретные соглашения. На сегодняшний день это так же верно, как было и год тому назад. Сейчас не ведется никаких секретных переговоров и вряд ли их будут вести».

Это заявление было совершенно лживым и дезориентирующим даже с точки зрения обычаев британского либерализма, поскольку сэр Эдуард знал, что было скрыто даже от палаты общин, что Великобритания обязалась защищать северное побережье Франции от морского нападения в случае войны.

Поведение правительства в последние дни перед войной было как нельзя лучше рассчитано и должно было сделать взрыв

¹ Автор следует традиционному объяснению, которое дают английские буржуазные историки позиции Англии в развязывании первой мировой войны. Общеизвестно, что английское правительство, являясь одним из главных виновников возникновения первой мировой войны, сознательно стремилось к использованию сараевского убийства как предлога для начала войны.—Прим. ред.

войны неизбежным. Франция и Россия знали, что Великобритания выступит на их стороне. Германии дали понять, что, может быть, Великобритания останется нейтральной. Какие бы намерения ни скрывались за такой позицией, но она явно подстрекала обе стороны упорно придерживаться поставленных ими условий и не идти на уступки.

В последние несколько дней события развивались с предельной быстротой. Одно время казалось, что Германию начинает пугать перспектива войны. Италия и Румыния явно не собирались выполнить условия договора, и, возможно, даже их нейтралитет пришлось бы покупать ценой территориальных уступок. Но момент был упущен, поскольку правительства Австрии и России твердо решили начать войну. 31 июля Россия объявила мобилизацию, 1 августа—Германия и Франция, а при современных условиях мобилизация была равносильна объявлению войны.

В Великобритании, несмотря на усиленную военную кампанию, проводимую в шовинистической печати, огромное большинство рабочих и прогрессивные круги были за мир. Однако правительство сделало свой выбор. Уже 29 июля британский большой флот вышел к месту своего военного назначения в Северное море. 2 августа Грей сообщил французскому послу:

«Я получил инструкции дать Вам заверения в том, что, если германский флот войдет в Ламанш или пойдет через Северное море с тем, чтобы предпринять враждебные действия против французского побережья или кораблей, британский флот окажет Вам всемерную помощь».

При этих обстоятельствах вторжение в Бельгию явилось совершенно неожиданной удачей, поскольку оно дало правительству возможность выдать империалистическую, грабительскую войну за войну, ведущуюся в соответствии с договорными обязательствами и в защиту малых наций. Оказалось даже возможным придать Сербии немного того героического блеска, который быстро придали Бельгии. Фактически договор, гарантирующий нейтралитет Бельгии, давно устарел. Бельгия была втянута во франко-британскую орбиту, и в течение ряда лет французский, британский и бельгийский генеральные штабы составляли планы с уверенностью в том, что Франция и Бельгия будут бороться совместно. Далее, составлялись планы высадки британских войск на бельгийском побережье, и можно с абсолютной уверенностью сказать, что даже если бы на бельгийскую территорию в начале августа не вступили германские войска, то к концу этого месяца туда вступили бы войска союзников.

Все это было тщательно скрыто от британского народа в 1914 г., когда 4 августа Германии был предъявлен ультиматум о выводе войск из Бельгии. В полночь ответ не был получен, и обе страны вступили в формальное состояние войны.

Глава XVII

МИРОВАЯ ВОЙНА

1. Первая мировая война

В годы, предшествующие началу военных действий, военные эксперты соперничающих стран подготовили планы кампании. Немцы стремились сконцентрировать все свои силы для совершения флангового марша через Бельгию, вдоль реки Маас, с тем чтобы избежать сильно укрепленных линий фортов, которыми была защищена граница Эльзас-Лотарингии. На этой части своего фронта они решили придерживаться оборонительной тактики и даже, согласно первоначально составленному плану, собирались отойти к Рейну. На востоке они также должны были придерживаться обороны в расчете на медлительность русской мобилизации и на то, что австрийцы примут на себя основной удар первых сражений. Главные силы, пройдя Бельгию, должны были образовать обширное полукольцо, движущееся к западу и югу от Парижа, чтобы выйти в конце концов в тыл французских армий, сосредоточенных вдоль линии крепости от Вердена до Бельфора.

Если рассматривать французский план ретроспективно, то может показаться, что он был составлен с целью обеспечить победу немцев. Французский генеральный штаб полностью был в курсе германского плана, но странная психологическая слепота заставила его пренебречь этим планом, поскольку признание его означало бы необходимость пересмотра французского плана, базировавшегося скорее на соображениях политических и сентиментальных, чем на военных. Граница севернее Арденн, по существу, оставалась неохранным¹, в то время как ожесточенное и, как надеялись, решающее наступление должно было начаться на Лотарингию. Основой этой надежды являлась глубокая и почти мистическая вера в действенность наступления, главным образом, конечно, наступления французских войск; этой верой были полны военные круги в течение целого десятилетия до 1914 г.

¹ В расчете на то, что немцы не осмелятся нарушить нейтралитет Бельгии.—Прим. ред.

Французский план был испытан на практике в августе 1914 г. с катастрофическими последствиями; немецкий план провалился только потому, что его ослабили еще до начала войны и не строго придерживались после того, как она началась. Постепенно южное крыло немецкой армии укрепилось за счет северного наступательного крыла. Когда началась война, продвижение через Бельгию проводилось совершенно точно по плану. Затем Мольтке—германский командующий—попытался внезапно изменить план¹; он отказался от обхода Парижа с тем, чтобы попытаться окружить французский центр, выдвинувшийся в выступе Вердена. Для того чтобы это осуществить, необходимо было изменить на широком фронте направление движения; это изменение и неразбериха, явившаяся результатом его, дали возможность провести успешную контратаку, известную как битва на Марне. Наряду с этим наступление было ослаблено отправкой нескольких дивизий на русский фронт, куда они прибыли слишком поздно, чтобы сыграть сколько-нибудь серьезную роль в победе у Танненберга.

Битва на Марне, которая, если судить по количеству жертв в последующих сражениях, была просто стычкой, тем не менее явилась поворотным пунктом всей войны. Она сделала невозможной быструю победу Германии и дала время крупным, но медленно мобилизуемым материальным ресурсам Британской империи вступить в действие, а также дала возможность морской блокадой прервать поступление необходимых товаров. После Марны противники на западном фронте перешли на громадном пространстве к затяжной окопной войне, затем был проведен ряд обходных операций, которые довели линию фронта до побережья. В течение трех лет обе стороны делали повторные и дорогостоящие, но совершенно безуспешные попытки прорвать линию окопных фронтальных атаками. Была пущена в ход новая военная техника: танки и ядовитые газы, но в количестве, недостаточном для того, чтобы привести к каким-либо результатам. К числу таких попыток относятся битвы при Лоосе и Аррасе и в Шампани в 1915 г., у Вердена и на Сомме в 1916 г. и на Ипре в 1917 г.

Однако западный фронт был только одним из многих театров войны. На востоке русские добились некоторых успехов в борьбе против австрийских армий, но их плохо вооруженные войска и плохое командование оказались совершенно неспособными устоять против превосходящего вооружения и организации

¹ Изменение плана Мольтке произошло вовсе не вследствие того, что он почему-то счел другой план лучшим, а потому что слишком быстрая мобилизация русской армии и русское наступление расстроили все его планы и тем самым предопределили исход войны, так как немецкий план был рассчитан не на затяжную войну, а на быстрый разгром Франции и России поодиночке. См. об этом в предисловии.—Прим. ред.

немцев, и они несли огромные потери. Блокада Балтийского и Черного морей лишала англичан возможности поставлять значительное количество военных материалов, а русская тяжелая промышленность неспособна была удовлетворить требования современной войны, ведущейся в крупных масштабах¹. Поэтому только Дарданеллы могли спасти положение. Если бы их удалось захватить, Турция вышла бы из войны, в Россию могло бы начать поступать вооружение в обмен на украинскую пшеницу, и, вероятнее всего, Болгария, Греция и Румыния немедленно вступили бы в войну на стороне столь несомненных победителей.

До февраля или марта 1915 г. Дарданеллы легко можно было взять, но британское и французское верховные командования были настолько уверены в возможности прорваться на западе, что они не направили к Дарданеллам необходимых войск. Когда, наконец, было принято решение о наступлении, турки получили своевременное предупреждение в виде бомбардировки с моря, за которой последовал период бездействия. Десантные войска, высадившиеся на полуострове Галлиполи 25 апреля, столкнулись с превосходящими силами обороны, и, хотя отдельные пункты на полуострове удерживались ими до декабря, повторные попытки прорваться отбивались с тяжелыми потерями для нападающих. Царское правительство России отказалось участвовать в этой операции из следующих политических соображений: оно само стремилось захватить Константинополь и не хотело, чтобы он был взят с участием в этой операции Великобритании. Без сомнения, оно хорошо помнило характерную британскую тенденцию: не отдавать раз занятой территории.

Пока делались эти попытки открыть выход в Черное море, русские армии подвергались массовому уничтожению в Польше и Галиции: они потеряли 750 тыс. человек пленными и бесчисленное количество убитыми и ранеными. В сентябре, когда результат этих поражений стал ясен и стало очевидно, что атака на Дарданеллы не удалась, Болгария присоединилась к центральным державам, а Сербия была занята армиями противника с двух сторон, после чего удалось установить прямое сообщение между Германией и Турцией. К концу 1915 г. преимущество явно было на стороне Германии, она добилась ряда военных успехов, и ей мешали в основном только последствия морской блокады, усиленные еще необычайно плохим урожаем.

¹ В этом случае Мортон повторяет избитое утверждение английских буржуазных историков о том, что Англия якобы хотела захватить Дарданеллы для того, чтобы начать поставки вооружения в Россию и облегчить положение русских войск на турецком фронте. Однако известно, что подлинной целью инициаторов Дарданелльской операции — Черчилля и других — был захват проливов и Константинополя до прихода русских войск с тем, чтобы не допустить в дальнейшем перехода этого важнейшего района в руки России. — *Прим. ред.*

Для борьбы с блокадой к концу 1915 г. Германия начала первую кампанию подводной войны. Она отказалась от нее в апреле 1916 г. после протестов со стороны США; но подводная война, проводимая Германией, привела к тому неожиданному результату, что американское правительство было теперь уже менее склонно возражать против беспощадных методов проведения британской блокады. Усиление блокады в 1916 г. привело к тому, что подводная война возобновилась и велась с еще большим успехом в июне, после Ютландского боя, не давшего победы ни одной стороне. В январе 1917 г. были потоплены корабли общим водоизмещением в 368 тыс. т, а в феврале было объявлено, что все корабли, включая и корабли нейтральных стран, могут подвергнуться нападению без предупреждения.

Это заявление послужило официальным предлогом для вступления в войну США. Истинной же и гораздо более веской причиной явился тот факт, что союзники получили в кредит большое количество вооружения и всевозможных военных материалов; стало очевидным, что если Германия окажется победительницей, что казалось вполне вероятным, то США своих денег не получат. Война была объявлена 2 апреля, но прошло больше года, прежде чем американская армия оказалась готовой к выступлению. Тем не менее было очевидно, что для Германии более чем когда-либо важно принять быстрое решение. Пока что губительные результаты блокады были несколько нейтрализованы завоеванием осенью 1916 г. пшеничных районов и нефтяных источников Румынии.

Почти одновременно со вступлением Америки в войну в России началась революция.

Первым же актом правительства большевиков было обращение ко всем воюющим державам с предложением заключить мир без аннексий и контрибуций. Это обращение правительства пренебрежительно игнорировали и чрезвычайно тщательно скрывали от народов. Затем большевики подписали перемирие и начали переговоры о сепаратном мире, который был, наконец, подписан в Брест-Литовске 3 марта 1918 г.

Правительства не были готовы к миру, но русская революция немедленно начала оказывать свое влияние на умы и симпатии солдат и рабочих во всей Европе. Влияние на русскую революцию в Англии мы рассмотрим в следующем разделе. Во Франции усиленно требовали мира, и в армии происходили волнения, которые охватили одно время не менее 16 армейских корпусов. Число дезертиров возросло до угрожающей цифры в 21 тыс. человек в 1917 г. В Германии произошло крупное восстание во флоте под руководством революционных социалистов и ряд стачек. Свыше миллиона рабочих приняло участие во всеобщей стачке в январе.

Поэтому в 1918 г. перед всеми правительствами встал вопрос, смогут ли они выиграть войну на полях сражений, прежде чем гнев народа внутри страны сметет и войну и правительство. В Германии, где оппозиция нарастала наиболее быстро и народ страдал от голода из-за блокады, положение стало особенно тяжелым в связи с появлением первых контингентов американских войск во Франции. Окончание войны с Россией высвободило ряд дивизий для западного фронта, и британская армия была почти уничтожена во время бешеного наступления осенью 1917 г., когда 400 тыс. человек были принесены в жертву во время попытки пробиться через болота, окружающие Ипр. В течение нескольких месяцев немцы могли рассчитывать на численное превосходство на западе, хотя оно было не столь велико, как превосходство, которым ранее располагали союзники.

В марте неожиданной атакой был прорван слабо охраняемый фронт британской пятой армии между Аррасом и Уазой: брешь удалось закрыть только с величайшим трудом. Вторая атака в апреле между Ипром и Ла Бассе и третья в мае на Эне, хотя и были достаточно успешными, не смогли привести к решающим результатам. Атаки постепенно становились реже, и больше не оставалось резервов для пополнения потерь в людях и материалах. В это время по другую сторону линии фронта начали прибывать американские войска по 300 тыс. человек в месяц. С 8 августа по всему фронту начался ряд успешных контратак; немецкие армии были вынуждены сдавать одну позицию за другой и несли тяжелые потери, хотя им и удалось сохранить фронт непрорванным. В других местах поражение было еще более решительным. Турции, Болгарии и Австрии пришлось заключить перемирие, и Германии стало грозить вторжение с юга, бороться с которым у нее не было сил.

В начале ноября началась революция в Германии. Матросы в Киле, когда им приказали выйти в Северное море, отказались выполнить приказ и организовали в портах советы. Они разослали по всей стране своих вестников, и повсюду известия об их успехах являлись сигналом к восстанию. В Берлине Либкнехт, пользовавшийся огромным влиянием, побуждал народ к действию. Шестого ноября немецкие делегаты покинули Берлин с тем, чтобы просить о перемирии; девятого кайзер отрекся от престола, и была образована республика. Президентом стал Эберт—социал-демократ, принадлежавший к правому крылу.

Условия перемирия, по существу, были близки к безоговорочной капитуляции, но большинство немецкого народа, несомненно, верило, что в конце концов в основу мира будут положены знаменитые «четырнадцать пунктов» президента Вильсона. Эти «четырнадцать пунктов» представляли собой проект соглашения, который он опубликовал в январе, заявив, что считает их справедливыми

и разумными. Эти «пункты» предусматривали свободу морей, всеобщее разоружение, «беспристрастное урегулирование всех колониальных претензий»; благодаря умолчанию создавалось впечатление, что в этих пунктах не предусматриваются ни аннексии, ни контрибуции.

Опубликование этой программы, наряду с другими предложениями подобного же рода, сделанными со времени вступления Америки в войну, произвело большое впечатление на народы союзников. Они не знали о сети тайных договоров и соглашений, часто противоречивших друг другу, при помощи которых их правительства уже заранее делили добычу. В то время когда громкие фразы, служившие для прославления начала войны, уже приелись, программа Вильсона окружила борьбу новым ореолом идеализма и помогла возродить веру в то, что война ведется в защиту справедливости и демократии. Правящие классы готовы были всячески поддерживать эту веру. Но ей был нанесен смертельный удар, когда борьба на Версальской мирной конференции осветила действительное положение—открыто империалистические цели буржуазии держав-победительниц.

2. Внутренний фронт

Подобно своим сотоварищам из Второго Интернационала, члены британской лейбористской партии полностью сдались на милость правительства и правящего класса с начала войны. В 1910 г., когда опасность войны, которая разразилась в 1914 г., была уже ясна, Интернационал на конгрессе в Базеле принял резолюцию, которой все социалистические партии подтверждали, что в случае войны «их обязанностью является вмешательство с целью скорейшего ее окончания и что все их усилия будут направлены на использование политического и экономического кризиса, являющегося результатом войны, для того чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение господства класса капиталистов». В самый канун войны основные пункты этого решения были вновь подтверждены на огромной демонстрации, состоявшейся на площади Трафальгар; среди выступавших были Кейр Гарди и Артур Гендерсон. Подобные демонстрации состоялись во многих больших городах.

Но уже в конце августа лейбористская партия приняла решение поддерживать кампанию по мобилизации, проводимую правительством, и, вместо того чтобы попытаться «поднять народ», лейбористская партия и конгресс тред-юнионов постановили:

«Необходимо немедленно приложить все усилия к тому, чтобы закончить существующие конфликты, будь то стачки или локауты, и в случае возникновения новых разногласий во время войны все заинтересованные лица должны всячески пытаться

достигнуть дружеского разрешения конфликта, прежде чем прибегать к стачкам или локаутам».

Такая капитуляция оставила рабочих без руководства, дезорганизованными; возможно, что она больше чем что-либо другое заставила их поверить в правильность официальной пропаганды о характере войны. Из всех европейских социалистических партий только большевики проводили революционную борьбу против войны. Помимо них такую оппозицию войне оказывали лишь небольшие группы или отдельные лица, такие как Роза Люксембург и Карл Либкнехт в Германии, Коннолли в Ирландии и Джон Макли в Шотландии. В Англии оппозиция войне часто принимала характерную форму пацифизма.

Вышеприведенная резолюция скоро была подкреплена прямыми соглашениями с правительством о недопущении забастовок и об отказе от профсоюзных гарантий, хотя несколько поколений рабочих вели усиленную борьбу для того, чтобы их добиться. Был введен принудительный арбитраж, и стачки были объявлены вне закона в ряде отраслей промышленности. Согласно акту об обороне страны, была введена строгая цензура, которая разрешала левой печати вести пропаганду самого общего рода и все же, несмотря на это, часто подвергала ее репрессиям, запрещала ее издания. Позднее, когда либеральное правительство сменила «национальная» коалиция, лидеры лейбористской партии, в том числе Гендерсон и Клайнс, стали членами этих правительств, наряду с Черчиллем, Ллойд Джорджем, Керзоном и Бонаром Лоу.

Передача аппарата тред-юнионов в руки правительства облегчила перестройку всей экономики страны на военную ногу. Был установлен правительственный контроль над судоходством и железными дорогами и над наиболее важным для военных целей сырьем, таким как хлопок, железо и сталь. Государственный капитализм в значительной мере ускорил рост монополий и концентрацию капитала, являвшихся, как мы уже отмечали, одной из характерных черт империализма. Крупные тресты и объединения, особенно в металлургической и химической промышленности (например, промышленности взрывчатых веществ и ядовитых газов), развивались благодаря сверхприбылям, получаемым крупнейшими концернами. Капитал свободно увеличивался, и капиталисты использовали большую часть прибылей, для того чтобы ускользнуть от налогообложения, для постройки новых заводов и фабрик, которые во многих случаях были почти бесполезными в мирное время. Некоторые фабрики строились правительством и после окончания войны продавались трестам за ничтожную долю их первоначальной стоимости.

Таким образом война привела к искусственному процветанию промышленности, расчистившему путь для последующей сильной

депрессии. Переход от бума к упадку был тем более резким, что промышленность военных лет была занята в основном производством товаров, совершенно бесполезных для потребителя, и базировалась на займах. Почти 7 млрд. ф. ст. прибавилось к государственному долгу в период между 1914—1918 гг.; он лег тяжелым постоянным бременем на промышленность, и это бремя становилось все тяжелее по мере падения цен с высоты, на которую их подняла инфляция военного времени. Следовательно, общим результатом войны было увеличение концентрации британского капитализма без увеличения его производительности или реальной силы.

В первые месяцы войны забастовки почти прекратились, цены быстро возросли, а заработная плата далеко отстала от них. Было много безработных, пока призыв в армию и потребности военной промышленности не ликвидировали последствий первоначальных потрясений. В феврале появились первые проблески рабочего движения в крупном промышленном центре Клайде; руководство исходило от движения цеховых старост, занявшего место, которое покинули официальные руководители тред-юнионов. Забастовки, проводившиеся в военное время, носили сначала совершенно аполитичный характер, так как они были направлены не против войны, а против экономических тягот. Позднее, когда началась борьба против призыва в армию, введенного постепенно с осени 1915 г. до весны 1916 г., в особенности после революции в России, стачки приняли политический характер. Однако с самого начала многие руководители, такие как Маклин, являлись признанными революционерами и антимилиаристами.

Февральские забастовки на предприятиях Клайда вынудили правительство увеличить заработную плату на 1 пенс в час и одновременно внушили правительству мысль провести акт о вооружениях. Этим актом ряд отраслей промышленности причислялся к промышленности, работающей на военные нужды, и забастовки в них объявлялись вне закона. В июле 1915 г. 200 тыс. шахтеров в Южном Уэльсе, несмотря на этот акт, забастовали на неделю и добились нового соглашения.

Клайд продолжал оставаться главным центром движения: цеховые старосты организовались в Клайдский рабочий комитет, который быстро стал представителем интересов целого района. Забастовка против высоких размеров арендной платы, поддержанная своевременными действиями промышленных рабочих, положила конец самому злостному лихоимству лендлордов Глазго и заставила правительство издать Акт об ограничении арендной платы. На протяжении всего 1915 г. происходили постоянные забастовки, которых не могли предотвратить ни правительство, ни должностные лица союзов. В начале 1916 г., в основном в связи с внутренней слабостью комитета, правительство

оказалось в состоянии предпринять ряд действий против движения. Газета комитета «Уоркер» была запрещена, и наиболее активные руководители движения были высланы или подверглись тюремному заключению; Джон Маклин был приговорен к трем годам тюремного заключения. С этого времени центром самых сильных бурь стал Шеффилд.

В ноябре была проведена успешная забастовка 10 тыс. человек, которые сумели добиться освобождения рабочего, забранного в армию. Самая крупная забастовка произошла в мае 1917 г., когда 250 тыс. механиков, почти из всех промышленных центров Англии, прекратили работу в знак протеста против замены опытных рабочих неопытными и против предполагавшегося увеличения призыва в армию. Правительство арестовало руководителей забастовки; часть городов, в которых организация рабочих была слабее, откололась; все это привело к поражению после борьбы, длившейся две недели.

К этому времени известие, что в России произошла революция, распространилось повсюду; грандиозные массовые митинги и демонстрации явились выражением симпатии к ней со стороны британских рабочих. Симпатия эта особенно сильно проявилась на съезде, состоявшемся в Лидсе в начале июня, где присутствовало 1150 делегатов, представлявших все направления рабочего движения. Еще более примечательным было, что даже Макдональд и Сноуден активно участвовали во всех дебатах и вынуждены были голосовать за резолюции, одобряющие создание во всей стране советов (councils) рабочих и солдат, которые народ Британии только еще учился называть русским словом «советы». Другим показателем изменившегося настроения народа было решение Гендерсона, что наступило время, когда для него будет мудро уйти из военного кабинета. Реакционеры, сумевшие сохранить за собой господство на съезде в Лидсе умно рассчитанным «полеванием», оказались достаточно сильны, чтобы помешать проведению в жизнь решений, принятых съездом; когда в ноябре большевики взяли власть, реакционеры в лейбористской партии заняли открыто враждебную позицию по отношению к молодой Советской республике. Среди рядовых рабочих симпатии к большевикам продолжали расти, хотя до заключения перемирия они не могли вылиться в какую-либо конкретную форму. Однако движение цеховых старост вело активную пропаганду, призывая поддержать предложение большевиков о заключении мира.

В 1919 г., когда правительство Ллойд Джорджа послало против Советской России экспедиционные войска в Архангельск, начался широкий протест против действий правительства. Было много случаев, когда солдаты, отправляемые на этот новый фронт, восставали и отказывались ехать; происходили даже восстания в войсках, уже находившихся там. Создание нацио-

нального комитета «Руки прочь от России» заставило правительство отозвать свои войска и отказаться от прямой интервенции. Но оно продолжало поддерживать своими деньгами и вооружением белые армии, которые боролись против советского правительства во многих частях России.

Интервенция достигла своего кульминационного пункта в 1920 г., когда Польшу подстрекнули напасть на Россию. Британские рабочие ответили на это созданием «советов действия»; отказ лондонских докеров грузить военное снаряжение для Польши на пароход «Джолли Джордж» воспламенил всю страну и довел напряжение до высшего предела. В августе, когда поляки стали отступать, Ллойд Джордж пригрозил советскому правительству войной, в случае если оно не отведет свои войска назад. Немедленно после того, как эта угроза стала известной, было устроено специальное совещание лейбористской партии и конгресса тред-юнионов, где было принято решение о всеобщей стачке с целью предотвратить войну. Ллойд Джордж немедленно изменил тактику и посоветовал полякам заключить мир.

В Ирландии реакция на войну была несколько другой. В то время как Редмонд и буржуазные националисты поддерживали Англию и превратились в вербовщиков солдат, левое крыло волонтеров и Коннолли выступали против войны и готовились к вооруженному восстанию. Они были готовы, в случае необходимости, искать помощи у Германии, так же как Объединенные ирландцы искали помощи во Франции. В то же время Коннолли не питал никаких иллюзий относительно немецкого империализма, и его политика нашла свое отражение в знаменитом лозунге: «Мы служим не королю и не кайзеру, а Ирландии».

Среди самих волонтеров также были разногласия: одна часть их, руководимая Пирсом, стремилась начать стачку как можно раньше, в то время как другая, которая пошла за Макнейлом, предпочитала оставаться пассивной, надеясь добиться уступок после войны. Разногласия стали настолько резкими, что, когда на пасху в 1916 г. было решено организовать восстание, Макнейл издал контрприказ, отменяющий его; в результате силы восставших были совершенно дезорганизованы. Но даже и при этих условиях, хотя восстание ограничилось почти исключительно Дублином, все же для подавления его двадцати тысячам солдат потребовалась целая неделя. Пирс, Коннолли и большинство других руководителей было захвачено и казнено.

Подавление пасхального восстания оказалось скорее началом, чем концом восстания в Ирландии. На протяжении следующих двух лет рабочее и национальное движение здесь беспрерывно возрастало. В 1918 г. попытка распространить обязательную военную повинность на Ирландию сорвалась благодаря всеобщей забастовке. Однако новое движение развивалось в основном

под руководством партии Шин-Фейнеров, буржуазно-националистической организации, находившейся в оппозиции к английскому господству, но не принимавшей участия в восстании 1916 г. Руководители партии Шин-Фейнеров всячески устраняли элементы классовой или аграрной борьбы в партизанской войне, которая велась в 1919—1921 гг. Это привело к глубокому расхождению между массами и руководителями восстания и открыло путь для заключения договора в декабре 1921 г., по которому создавалось Ирландское свободное государство. Суть договора заключалась в том, что господствующие слои ирландской буржуазии получали определенные, ценные для них уступки от английского правительства, а взамен брали на себя задачу подавить революционное движение рабочих и крестьян, начинавшее уже выходить из-под их контроля и столь же опасное для них, как и для англичан.

Конец войны наступил в тот момент, когда ситуация оказалась чрезвычайно тревожной для правительства. Оппозиция войне и симпатии к русской революции все возрастали. Цеховые старосты совершенствовали свою национальную организацию. Серьезное восстание во флоте едва удалось предотвратить ценой уступок; в сентябре в Лондоне забастовали полицейские, требуя повышения заработной платы. Именно эти всеобщие волнения, которые всюду давали себя знать и были гораздо более серьезными, чем это с виду могло показаться, заставили лейбористскую партию подготовить ее первую программу, в которой лейбористы провозглашали себя социалистами, «Труд и новый социальный порядок». Правда, социализм этой программы был исключительно неопределенен и отодвигался в далекое будущее, но она являлась отражением всеобщего стремления народа к иной жизни и одновременно отвлечением от его практического осуществления.

Как только кончилась война, началась эпидемия массовых восстаний в армии. Первое из них началось в Шореме уже через два дня после подписания перемирия, вскоре восстания начались в десятках лагерей во Франции и по всему югу Англии. Части, проявившие себя наиболее решительно, поспешно демобилизовывались, и только из-за политической незрелости руководителей эти восстания ограничились лишь местными успехами, но они вызвали величайшую тревогу у правительства.

Никто не чувствовал изменения обстановки лучше, чем Ллойд Джордж, обладавший особенной способностью распознавать настроения масс. Он прекрасно понимал опасность революции, что видно из меморандума, составленного несколько позже, в котором он заявлял:

«Европа полна революционными идеями, рабочий класс испытывает не чувство подавленности, а страстное возмущение против условий, существовавших до войны. Все население Европы отно-

сится с недоверием ко всей существующей системе: политической, социальной и экономической».

Именно это чувство безвыходности заставило его принять внезапное решение о «выборах хаки» 1918 г., состоявшихся в то время, когда большая часть солдат еще не имела возможности голосовать, а тысячи новых избирателей, только что получивших право голоса, еще не были включены в списки. Он подготовил программу, в которой к социальной демагогии («дома для всех и страна, достойная героев») примешивалась более злостная попытка обратить существующее недовольство в ненависть к Германии. При таких условиях был неизбежен успех: хотя лейбористская партия собрала два с четвертью миллиона голосов и получила 57 мест в парламенте, Ллойд Джордж добился большинства, и поэтому он мог сказать, что получил своего рода мандат на безумный и гибельный Версальский договор.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин 35, 43
 Айдан 43
 Айртон 211, 214, 223
 Александр I, царь 300, 301
 Александр III, русский царь 430
 Александр III, король Шотландский 91, 95
 Аллен 370
 Альфред 42, 49, 50, 51, 52
 Амбросий Аврелиан 37
 Анна 250, 251
 Араби-паша 397, 398
 Аргайль, герцог 252
 Аркрайт 270, 283, 284
 Артевельде Филипп, ван 99, 100
 Артур 78
 Арундель 161
 Артур Тюдор 157
 Арч Джозеф 313
 Асквит 400, 417
 Атвуд Томас 325, 361
 Ательстан 51
 Ахмед Мохаммед—см. Махди
- Байрон 304
 Баллоль Джон 95, 96
 Бальфур 384, 420
 Барклеис 409
 Барнато Барни 404
 Батлер 187
 Бауринг, адвокат 386
 Беда Достопочтенный 35, 46
 Бедфорды 126, 127, 195, 199, 233, 260
 Бекет Фома 70, 71
 Бейт Альфред 404
 Бемфорд Самуил 304, 306
 Бентинк, лорд 243
 Бергойн, генерал 267
 Беринги 312, 352
 Беринг Эвелин 398, 400
 Берк 289, 290
 Бернс Джон 374—376, 421
 Бест Томас 177
 Бетховен 298
 Бисмарк 415
 Блейк, адмирал 223, 225, 229
 Боадичея 29
- Боливар, генерал 322
 Болинброк 251
 Болинброк Генрих 122, 123
 Болл Джон 108, 109
 Бонапарт Жозеф 300
 Бота 405
 Бохуны, семья 93
 Брайт 336, 337, 343, 345, 347, 349, 350, 370
 Бредло Чарльз 349, 350
 Брекфильд, судья 292
 Бриджотер, герцог 279, 280
 Бриндли 280
 Брюс Давид 97
 Брюс Роберт I 95
 Брюс Роберт II 96, 97
 Бурбоны 9, 293, 297, 301, 322
 Бург Хьюберт, де 80, 87
 Бургундский, герцог 125
 Бусер 160
 Бьют 261
 Бэкингам Джордж Вильерс, герцог 181, 182, 183
 Бэконы, семья 150
 Бэкон Фрэнсис 145, 151, 181
- Васко да Гама 136, 138
 Вашингтон 264
 Вебб Б. 370
 Вебб С. 370
 Вейквелл 274
 Велерс 276
 Веллингтон 300, 301, 320, 323, 324, 327, 328
 Верни Эдмунд 199
 Виктория 349
 Вильгельм I 70, 72, 73
 Вильгельм II 66
 Вильгельм IV 235, 236, 239, 241—244, 247, 249, 250
 Вильгельм, герцог Норманский 56—58, 62
 Вильгельм Завоеватель 59—61, 66, 72, 216
 Вильгельм Лев 95
 Вильгельм Оранский 169
 Вильерс Джордж, герцог Бэкингам—см. Бэкингам
- Вильсон Вудро, президент 438, 439
 Вильсон Генри 417, 426
 Вильфред 44, 45, 46
 Вильямс Э. 18
 Винсент Генри 361
 Вульф, генерал 256, 260
 Вустер, граф 119
- Габсбурги, династия 151, 152, 156
 Гайд, граф 195, 198, 230, 231
 Гайл 370
 Гайндман Х. М. 374
 Ганноверская династия 247, 250, 251, 252
 Гаклуйт 140
 Гарди Кейр 375, 377, 439
 Гарни Джордж Джулиан 361, 362, 372
 Гарольд 56—58
 Гарольд, король Норвежский 57
 Гаррисон, генерал 226
 Гарт Лиддел 417
 Гаскиссон 320, 321, 322
 Гаукинс 169, 172, 173
 Гемпден 185, 192, 195, 198
 Гендерсон Артур 439, 440, 442
 Генрих I 61, 66—69, 74
 Генрих II 70, 71, 74, 76
 Генрих III 80, 86, 87, 89
 Генрих IV 100, 117, 123
 Генрих V 125, 126
 Генрих VI 80, 86, 127, 128
 Генрих VII 131, 134, 143, 149, 150, 151, 161, 162, 219
 Генрих VIII 143, 147, 152, 154, 156, 157—159, 164, 187
 Генрих IV, император 70
 Генрих Хантингдонский, писатель 73
 Генриэтта-Мария 178
 Георг I 252, 254
 Георг II 254
 Георг III 260, 261, 264
 Гильдас, монах 35, 37, 38
 Гиз Мария, де 164
 Гирт, граф 57
 Гладстон Уильям Эварт 338, 347, 348, 350, 351, 382—384, 398
 Глендоуэр Оуэн 123
 Гогенштауфены, династия 87
 Годвины, семья 55, 56, 58
 Годкинс Томас 361
 Годолфин 251
 Голдейн 417
 Голландский дом 261
 Гондомар, испанский посол 181
 Гонт Джон 109, 110, 114, 121, 122
- Гордон, генерал 265, 267, 398, 399
 Горинг 196, 207, 208
 Гоу 294
 Гош 296
 Гошены 352
 Грей, премьер-министр 327, 328
 Грей Джейн, королева 149, 161
 Грей Эдуард 417, 432, 433
 Григорий VII, папа 70
 Григорий Великий, папа 43
 Гримальди, финансист 139
 Грин 5
 Грин, помещик 147
- Дадли, юрист 150, 161
 Дантон Генри 83
 Дарби 278
 Де-Вег 405
 Девитт 382
 Деви Хемфри 318
 Девоншир, герцог 233
 Делари 405
 Делони Томас 135
 Деуби 234, 235
 Дерби, граф 200
 Десмонд 220
 Джексон 5
 Джексон Эндрю 264
 Джеймсон Чарльз 266, 405
 Джонс Эрнест 361, 362, 365
 Джордж Генри 374
 Дигби 208
 Дизраели Бенджамин 338, 341, 344, 348, 351
 Дилк 349
 Догерти Джон 356
 Дрейк 169, 170
 Дрейфус 428
 Дургам, лорд 391
 Дю Геклен Бертран 100, 127
- Екатерина Арагонская 157, 161
 Екатерина Браганцкая 177
 Елизавета (Тюдор) 152, 155, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 172, 177, 178—181, 191, 220, 247
- Жанна д'Арк 126, 127
- Измаил, хедив 397
 Илдон 299, 320
 Иннокентий III, папа 78, 79
 Иоанн, король 70, 77—80
 Йоркский, герцог 295

Кабот Джон 139
 Кавендиш, семья 150
 Кавендиш Фридрих 383
 Кальвин 164
 Кайо 428
 Канинг Уильям, купец 138
 Каннинг 320, 322—324
 Капут 52, 54—56
 Капетинги 56
 Карл I 15, 172, 175, 178, 195—198, 201—203, 206—209, 211—213, 218, 221, 230
 Карл II 177, 181, 182, 183, 184, 189, 190, 223, 227, 228, 230, 232—238, 240, 246, 282
 Карл V Испанский 156, 157, 159
 Карл VI 126
 Карл Великий 47, 48, 51, 56
 Карно 293
 Карсон Эдуард 426
 Картрайт 283
 Каслри 299, 308, 320, 378
 Кассель, семья 352
 Кассель Эрнест 418
 Кассивеланн 28, 29
 Каулсон 370
 Кей 282, 283
 Кемпбелл, семья 252
 Кемпбелл Джордж 385
 Керзон 440
 Килдар, семья 219
 Кетт 147, 148, 185, 239
 Китченер, генерал 399, 404
 Клавдий 29
 Клайв 257—259
 Клайнс 440
 Кларендон, историк 196
 Кларк Джон 83
 Кларк Том 427
 Климент VII, папа 157
 Клер, семья 93
 Коббет 306, 307, 309, 310, 313, 328, 332, 337
 Кобден 336, 337, 343, 345, 347
 Кок-Холкем 274
 Колумб 136
 Конноли 427, 440, 443
 Константин 32, 33, 35
 Корнуэлс 267
 Кочрейн, лорд 322
 Кранмер, архиепископ 163
 Кромвель 15—17, 102, 114, 153, 158, 187, 199, 203—207, 209—218, 221—229, 234, 240, 245
 Кромвель Томас 157
 Кромвель Ричард 229
 Кроммер, лорд 398
 Кроумер 239
 Куй 259
 Кутберт 45
 Кэд Джек 128, 129
 Кэй 389
 Кэкстон Уильям, английский перво-печатник 119
 Лагард, лорд 402
 Лайонс Джон 109
 Ламберт 226, 229
 Лангланд 108, 113
 Лангтон Стефан, 78, 79, 87
 Ланкастер Джемс 176
 Ланкастеры, династия 115, 121
 Латимер 155, 162, 163
 Лаверс 409
 Лег Джон 109
 Лейлор Джеймс Фонтан 380
 Лейлор Питер 395
 Лейстер 169
 Ленин В. И. 7, 9, 10, 14, 15, 17, 19, 256, 378, 408, 409, 426, 427
 Лентхолл 187
 Леофвин 57
 Лесли 223
 Либкнехт Карл 438, 440
 Лильберн 187, 200, 210, 211, 213, 215, 216
 Ллевеллины, князья 93
 Ллевеллин Эп Гриффитс 93
 Ллойд Джордж 10, 416, 420—422, 440, 442—445
 Ловетт 325, 359, 361—363
 Лод 185, 188, 189, 195, 196
 Локкер Роберт 215
 Лондондерри, семья 279
 Лондсейл, семья 279
 Лоу Бонар 249, 426, 440
 Лоу Роберт 347, 348
 Людовик XIV 230, 232, 233, 235, 236, 238, 241, 249
 Людовик XVI 290
 Люксембург Роза 440
 Лютер 156
 Макартур, делец 393
 Макдональд Александр 371
 Макдональд Рамзей 377, 442
 Маклин Джон 440—442
 Макнейл 443
 Маколей 327
 Максим 32
 Макэдам 281
 Малори, писатель 119
 Мани Квоцц 423
 Мани Том 374, 375, 424

Манчестер, граф 199, 204, 206
 Мария (дочь Екатерины Арагонской) 161—163
 Мария (сестра Эдуарда VI) 149, 152
 Мария (дочь Якова V) 164, 235, 236, 241
 Маркс Карл 7, 9, 10, 14, 15, 17, 19, 230, 242, 298, 315—318, 336, 341, 362, 366, 367, 371, 373, 376, 377, 390, 394
 Марлборо, герцог 241, 246, 249, 251
 Маршалл Уильям, граф 80, 87
 Масси Дж. 282
 Матильда, дочь Генриха I 68
 Маунтджой, лорд 220
 Махди 398, 399
 Махраты 387
 Меллисон 389
 Меттерних 301
 Мильнер, лорд 406
 Мильтон 187
 Митчел Джон 379, 380
 Моголы 258
 Мольтке 435
 Монд Бруннер 409
 Монк 230
 Монмаут, герцог 235, 236, 239, 240, 241
 Монтегю 249
 Монтроз 207
 Монфор Симон, де 88, 89
 Мор 143, 162, 275
 Морган, банкир 409
 Моркар, эрл Мерсии 58
 Моррис Вилльям 374, 375
 Моррисон 358, 359
 Мортимер Ричард, герцог Йоркский 128, 129, 130
 Мортимер, граф Марчский 123
 Мортимеры, семья 93
 Мортон А. Л. 5—20
 Мортон, архиепископ 150
 Мьюр Томас 292, 293
 Мэй 375
 Найтингал Флоренс 344
 Намье Л. Б., историк 255
 Наполеон Бонапарт 241, 293, 295, 296—301, 303, 336, 396
 Наполеон III 343
 Нельсон 299
 Николай II, царь 418
 Норт 267
 Нортчемпсон, маркиз 148
 Нортумберленд, герцог 150, 161, 163
 Нортумбрийский, граф 123
 Ньюкасл, граф 200, 202, 205, 255
 Норфолк, герцог 168
 О'Брайен 325, 361, 363, 365, 380
 Овертон 215, 216
 Оджер Джордж 370
 О'Коннел Даниэль 379, 380
 О'Коннор Т. П. 383
 О'Коннор Фергюс 361, 363, 365, 366
 Оксфорд, граф 121
 Олдклас Джон 115, 125
 О'Нейл Хью 220, 221
 О'Нейл Шейн 220
 Орлеанский герцог 125, 126
 Ормонд 221
 Освальд, король Нортумбрии 43, 44
 Осви 46
 Остлер 315, 333
 Отс Титус 234, 235
 Оуэн Роберт 314, 357—359, 361, 369, 372
 Оффа, король Мерсии 46
 Павлин, епископ 43
 Пальмерстон 320, 341, 342, 347
 Панкхерст Эммелина 425
 Пармский, герцог 170
 Парнелл 382, 383
 Пашич 431
 Пейн Том 290, 291, 292, 296
 Пейш Джордж 410
 Пемброк, граф 80, 93
 Пенда, король Мерсии 43, 44, 46
 Пендерин Дик 356
 Персиваль 299
 Петр Великий 13
 Петти, семья 234
 Писарро 48
 Пиль 320, 321, 327, 335, 337, 338
 Дим 189, 195, 196, 198, 337
 Пирс 427, 443
 Питт 256, 264, 291, 292, 294, 295, 297, 299, 304, 310, 328, 354, 378
 Питт Вильям младший 9, 267
 Платон 108
 Плейс 321, 325, 328, 355, 359
 Поль Майкл, де ля 121
 Поттер Джордж 370, 371
 Прайд, полковник 212
 Пристли, ученый 291
 Рамзей Томми 368
 Рассел, семья 150, 234, 237
 Рассел Джон 327, 338, 344, 347
 Редмонд Джон 383, 427, 443
 Рейнгольдс, 365

- Рейнсборо 214
Ренар 276
Ричард I, король 75, 76, 77
Ричард II, король 86, 94, 109, 122, 123, 125
Робек 270, 278
Роберт, герцог Нормандский 61
Родни 267
Родс Сесиль 399, 404—407
Роллон 50
Ротшильды 351, 352
Руперт, король 102, 201, 203, 205, 207
Рэли Уолтер 178
- Саймон Дж. 352
Саладин 75
Сарсфилд Патрик 239, 243
Саутгемптон, лорд 161
Свен 52, 54, 55
Сей, лорд 129
Сеймур, семья 150
Сеймур Эдуард—см. герцог Сомерсет
Сенека 108
Сесиль, семья 150
Сесиль, министр Елизаветы 168, 178
Сесиль, его сын 181
Сибайл 110
Сидмут, лорд 299, 355
Сидней Олджернон 237
Смит Томас 152
Смит Ф. И., адвокат 426
Сноуден 377, 442
Сомерсет, герцог 160, 161
Спенсер, епископ 100
Сталин И. В. 13, 14, 19, 28
Стефил Блуа 68, 69
Стивенс Джеймс 381
Стивенс Дж. Р. 333
Стид У. Т. 398
Стратфорд-де-Редклифф 343
Страффорд, граф 189, 190, 195—197, 221
Стюарт, династия 54, 80, 173, 174, 178, 180, 192, 193, 233, 241, 244, 246, 247, 251, 252, 261
Стюарт Мария 165, 168, 169, 171
Суффолк, граф 121, 128, 129
- Тайлер Уот 8, 111
Талл Джедро 274
Танстолл 115
Таунсенд, лорд 274
Таутон 146
Тевфик 397
Терлоу 267
Тирконнель, граф 240
Томпсон 215, 216
- Тон Вульф 266, 293, 296, 297, 427
Торн Уилл 375, 376
Тревельян Дж. М. 5, 6, 7, 8
Тревельян Г. М., профессор 323, 390
Тук Хорн 266, 292
Тюдоры, династия 13, 92, 94, 130, 131, 134, 142, 143, 150, 151—153, 161, 164, 174, 177, 178, 180, 191, 192, 233
Тюдор Мария 166
- Уатт 270
Уиклеф 113—115, 156
Уилберфорс 354
Уилкс 264—266, 360
Уиллоби Хью 139
Уингфильд-Стратфорд И. 418
Уинстенли 217
Уитни Уилям 283
Уоллес Уильям 96
Уолпол Роберт 253, 254, 256
Уолси, кардинал 152, 153, 156—158, 398
Уолсингем 169
Уолтер Хьюберт 76
Уорвик Филипп 187
Уоррен, граф 96
Уорик, граф 131, 148, 149
Уоррантс, генерал 264
Устер, граф 200
Уэйкфильд Э. Дж. 394
Уэльский, принц 248
Уэлсли Артур 300
Уэлсли, маркиз 387
Уэнтворт Томас 189
- Феррар 163
Фердинанд Франц 431
Ферфакс 202, 204—207, 212, 216, 230
Филипп, король Франции 75
Филипп Испанский 162, 166—170, 172
Фильден 328
Финч, судья 192, 199
Фитцджеральд Эдуард 297
Фитцджеральды, семья 219
Фишер, лорд 416, 418
Флитвуд 229
Фокс 171
Фокс Чарльз Джемс 266, 267, 291
Фолкленд 195, 199
Форстер У. Е. 350
Франциск I (французский) 156
Фридрих Великий 256
Фридрих Прусский 260
Фритред 337

- Фрост Джон 363
Фруасар, поэт 108
Фуггер, финансист 139
Фуг Дж. У. 350
- Хант 306
Харгривс 283
Харди Томас 292
Хемфри, герцог 119
Херрис 327
Хикс, полковник 398
Хичин Джон 83
Холдерби Уолтер 108
Холлингшед 143
Хонтон 202
Хор Самуил 342
Хорн 110
Хоррокс 284
Хупер 161, 163
- Цезарь 24, 27—29
- Чадвик Эдвин 332
Чатам 264, 267
Чемберлен Джозеф 349, 350, 352, 384, 404
Ченслер Ричард, мореплаватель 139
Черчилль 440
Черчилль Джон (см. также Мардборо, герцог) 239, 241
Чосер, поэт 72, 119
- Шелберн 267
Шелли 299
Шеп Джон 109
Шефтсбери 234—237, 314
Шлиффен 20
- Эберт, президент 438
Эвелинги 375
Эвелинг Элеонора 374
Эгберт, король Уэссекса 46, 4
Эдвард 51, 56
Эдвин, король Нортумбрии 43, 43
Эдвин, эрл Мерсии 58
Эдгар 51
Эдмунд 51, 87
Эдуард I 85, 89, 90, 93, 95, 96, 22
Эдуард II 86, 90, 97
Эдуард III 28, 84, 85, 90, 97—100, 109, 123, 126, 128, 134, 153
Эдуард IV 130, 131, 136
Эдуард VI 147, 149, 159, 161, 164
Эдуард VII 10, 418, 421
Эдуард Исповедник 56, 66, 87
Элиот Джон 183, 184
Эльфрик 53
Эммет 297
Энгельс Фридрих 7, 10, 14, 15, 17, 19, 102, 316, 317, 339, 340, 360, 362, 367, 373, 374, 376, 377, 390
Эплгарт 370
Эразм Роттердамский 115
Эрл, лорд 276
Эссекс, граф 179, 195, 199, 202, 205, 206
Этельберт, король Кента 43, 46, 50
Этельред Неразумный 55, 72
Эшер, лорд 418
- Яков I 177, 179—182, 186—189
Яков II 252
Яков V 164
Яков, брат Карла II 234—238, 240, 241, 243

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния 342
 Авиньон 113, 156
 Австралия 335, 391, 393, 395, 408
 Австрийская империя 429—431
 Австрия 167, 244, 249, 257, 289, 290, 295, 297, 301, 302, 322, 342—344, 397, 415, 429, 430, 438
 Австро-Венгрия 414
 Агадир 416
 Адриатическое море 299
 Адуа 399
 Азенкур 99, 126
 Азия 32, 137, 140, 342, 413, 418
 Азия Средняя 32
 Азия Центральная 418
 Актонбернел 91
 Албания 431
 Александрия 137, 342, 396—398
 Алеппо 137
 Аллахабад 389
 Аллеганские горы 335
 Алника 95
 Альма 343
 Амбойн 177
 Америка 140, 154, 166, 173, 244, 247, 250, 253, 259, 262, 263, 265—267, 292, 306, 322, 338, 339, 345, 347, 373, 381, 396, 402, 423, 437, 439
 Америка Северная 232, 257
 Америка Южная 178, 257, 303, 322, 410, 413, 414
 Американский континент 172
 Англия 5—11, 13, 14, 16, 17, 19—22, 25, 28, 32, 38—40, 43, 44, 46—63, 65, 68, 69, 71—75, 77—79, 81, 84—87, 91—98, 100—102, 104, 107—113, 119, 120, 122, 125—128, 131, 132, 134, 136—142, 144, 147—149, 151, 152, 154, 156—171, 173—178, 182, 184, 185, 189, 192, 197, 199, 203, 205, 209, 210, 216, 220—225, 230, 233, 235, 238—240, 243—245, 249—256, 260—264, 266, 269, 271—274, 277—280, 282, 285, 289, 290, 296, 299—303, 307, 308, 310, 311, 313, 317, 319, 324, 330, 332, 336, 338, 339, 341, 354, 361, 362, 367, 372—376, 378—380, 384—386, 388, 391, 393—395, 403, 415, 419, 426—428, 432, 437, 440, 442—444
 Англия Восточная 23, 40, 43, 49, 50, 114, 130, 132, 133, 135, 148, 163, 187, 199, 280, 282, 308, 309, 335
 Англия Западная 175
 Англия Северная 43
 Англия Южная 58, 310
 Анжу 74
 Андрессвелд 44
 Антверпен 133, 174
 Антрим 297
 Аппалачские горы 259, 260
 Аргентина 410
 Арденны 434
 Аркот 258
 Арморика 38
 Аррас 435, 438
 Арфлер 126
 Архангельск 139, 442
 Атлантический океан 138, 259, 263
 Ауд, княжество 388
 Аустерлиц 299
 Афганистан 387
 Африка 138, 140, 250, 402, 406, 408, 413, 431
 Африка Британская 404, 406
 Африка Восточная 406, 407
 Африка Западная 401—403
 Африка Северная 175
 Африка Южная 401, 403, 415
 Ашанти 402
 Ашборн 212, 306
 Бавария 249
 Багдад 137, 419
 Базель 439
 Балканы 323, 343, 414, 429, 430, 432
 Балканский п-ов 343
 Балларат 395
 Балтийское море 137, 139, 436
 Балтика 174
 Банкерс Хилл 266
 Баннокберн 97
 Бантри 296
 Банфорд 305
 Барбадос 173
 Бастилия 289
 Бельгия 290, 324, 433, 435
 Белфаст 381, 425
 Белфорд 434
 Бенарес 389
 Бенгалия 258, 259, 387, 389
 Берберское побережье 175
 Бери 82, 111
 Берик 96
 Бери Сент-Эдмундс 304, 309, 311
 Берлин 438
 Берлин—Багдад, ж. д. 430
 Бермудские о-ва 173
 Берниция 38, 47
 Берфорд 216, 218
 Бийдфорд 294
 Бирмингем 291, 304, 326, 346, 356, 358, 361, 362, 420
 Бленгейм 249
 Ближний Восток 418, 419
 Бломфонтейн 405
 Блэкхит 110, 129
 Бойн, река 243
 Болгария 431, 436, 438
 Болтон 291
 Бомбей 177
 Бонимур 307
 Бордо 100
 Босворд 131, 136
 Босния 419, 430, 431
 Бостон 73
 Ботани, залив 293
 Бохадор, мыс 138
 Брентфорд 424
 Брест 296
 Брест-Литовск 437
 Бретань 100
 Бриджуотер 239
 Бридпорт 304
 Бриль 168
 Бристоль 111, 116, 131, 135, 139, 175, 199, 202, 239, 328
 Бристольский канал 38
 Британская империя 19, 412, 435
 Британская Колумбия 392, 393
 Британские о-ва 21, 24, 92, 243
 Брюгге 98, 132
 Бувинэ 78
 Булвел 305
 Булл Ринг 362
 Булонь 299
 Бухарест 431
 Вандиваш 258
 Ватерлоо 291, 301, 303, 305, 322
 Великие Озера 259, 391, 398
 Великобритания 265, 286, 343—346, 364, 386, 387, 396, 397, 399, 406, 408, 411, 414, 417, 419, 429, 430, 432, 433
 Вена 299, 301
 Венгрия 20, 167, 343
 Венеция 137, 301
 Верден 20, 435
 Версаль 288, 289, 439, 445
 Веруламый 27, 29, 30
 Верхняя Канада 391, 392
 Вест-Индия 136, 169, 171, 172, 257, 260, 262, 267, 269, 295, 299, 303, 402, 413
 Вест-Индийские о-ва 237, 240
 Вест-Роосебек 100
 Вестминстер 58, 61, 124, 153, 212, 304, 308, 366
 Винчестер 53
 Виргиния 173
 Волга 137
 Вустер 223 224
 Гайд-Парк 210, 348
 Галиция 20
 Галлиполи п-ов 436
 Галлия 30, 33, 39
 Гамбия 138
 Гамбург 174
 Ганза 133, 137
 Ганновер 254
 Гасконь 98, 99
 Гваделупа 260
 Гельголанд, о-в 302
 Гемптон Корт 188, 211
 Гемпшир 63, 312, 313
 Гент 98, 99, 132
 Генуя 137
 Генуэзская республика 75
 Германия 36, 42, 70, 101, 136, 181, 301, 350, 373, 400, 410, 411, 413—419, 426, 428—433, 435—438, 440, 443, 445
 Германия Северная 158, 299
 Германия Центральная 300
 Германия Южная 300
 Гибралтар 250
 Гиннед, княжество 93
 Глазго 253, 304, 360, 362, 365, 440
 Глен, река 43
 Глостер 30, 130, 202, 203

- Глостершир 38, 63
 Голландия 134, 139, 162, 166, 169, 177, 193, 224—226, 232, 233, 237, 239, 242, 246, 249, 250, 267, 273, 294—296, 299
 Гонконг 385
 Грамз Грейвз 22
 Греция 323, 436
 Гринвич 129
 Гудзонов залив 139, 250
 Гульль 119, 121, 135, 203, 204
- Дагестан 342
 Дакка 386
 Дальний Восток 177, 250, 269, 303, 341, 387, 413
 Данбар 223
 Данди 304
 Дания 35, 48, 54, 58
 Дарданеллы 436
 Дартфорд 110
 Дафур 398
 Даулейс 356
 Даун 27, 297
 Девон 24, 38, 147, 167, 205, 280, 352
 Дейра 38, 47
 Дели 389
 Деншаваи 301
 Деорхем 38
 Дерби 252, 306, 358, 369
 Дерри 174, 426
 Джанси, княжество 388
 Джарроу 46
 Джеймстаун 173
 Ди, река 92
 Доброй Надежды, мыс 136, 138, 176, 302, 342, 399, 404, 406, 407
 Долина Тафф 377, 420
 Дон 137
 Дорсет 358
 Доулбери 22
 Дрогеда 221
 Дублин 92, 94, 219, 378, 424, 443
 Дувр 129, 167
 Дунай 249, 343
 Дургам 58, 60, 161, 392, 424
 Дюкен 259, 260
 Дюнкерк 170, 171, 225, 229
- 345, 366, 373, 395, 414, 415, 428, 432, 437, 444.
 Европа Восточная 432
 Европа Западная 69, 94, 238
 Европа Северная 30, 85
 Европа Центральная 302, 434
 Египет 18, 137, 295, 345, 396—401, 409, 410, 416, 428
- Женева** 164
- Западный Райдинг 135, 282, 305, 317, 393
 Золотой берег, колония 402
- Ившем 89
 Иена 299
 Иерусалим 75, 343
 Или 304, 309
 Инвернесс 253
 Инд 387
 Индийский океан 387
 Индия 13, 18, 138, 171, 250, 257, 259, 265, 267—269, 282, 302, 342, 343, 384—388, 390, 391, 396, 403, 408, 428, 430
 Индонезия 413
 Иоганнесбург 405
 Йорк 50
 Ипр, город 84, 99, 438
 Ипсвич 73
 Ирландия 10, 16, 17, 18, 21, 23, 24, 26, 31, 33, 43, 44, 48, 75, 92—95, 98, 104, 169, 171, 173, 189, 207, 215, 218—223, 227, 239, 240, 243, 253, 265, 266, 278, 284, 295—297, 324, 343, 346, 351, 365, 376, 378—381, 383, 384, 395, 425—429, 432, 440, 443
 Ирландия Южная 428
 Ирландское море 38, 73, 197
 Исландия 139
 Испания 21, 23, 24, 31, 73, 100, 137, 138, 141, 151, 152, 155—157, 162, 163, 165, 167, 168, 170—173, 178, 181, 182, 184, 220, 225, 227—229, 237, 245, 249, 250, 267, 279, 288, 290, 294, 299, 300, 303, 322
 Испанская Америка 250
 Испанские Нидерланды 249
 Ист-Энд 373, 375, 376
 Италия 31, 32, 75, 137, 151, 152, 167, 249, 250, 295, 297, 298, 299, 301, 342, 344, 395, 397, 399, 413, 415, 430, 433

- Йорк 30, 43, 44, 57, 109, 111, 115, 196, 198, 201, 205, 230, 237
 Йорктаун 267
 Йоркшир 38, 58, 63, 85, 95, 202, 212, 273, 276, 279, 282,
 Кабул 386
 Кадикс 170, 171
 Каир 404
 Кале 24, 27, 28, 85, 86, 99, 100, 124, 127, 129, 133, 163, 171
 Калифорния 335
 Каллоден 253
 Калькутта 136, 177, 258
 Камберленд 38
 Камулудун 27—30
 Кан 73
 Канада 175, 256, 259, 260, 262, 335, 380, 391—393, 408
 Канада Верхняя 392
 Канада Нижняя 391, 392
 Каносса 70
 Кантон 385
 Капская колония 403—405
 Карлаила 29
 Карлеон 30
 Карнатика 259
 Каролина 262
 Карпаты 20
 Каррона 278
 Карфаген 32
 Каунпур 389
 Квебек 260, 263, 391
 Кельн 300
 Кембридж 37
 Кембриджшир 38
 Кения 406, 407
 Кент 35, 36, 38—40, 43, 46, 110, 128, 129, 163, 212, 312
 Кентербери 110
 Керри 220, 426,
 Керси 133
 Килкенни 381
 Килмангейм 382
 Килликранки 243
 Киль 438
 Кимберли 404, 405
 Кятай 385, 386, 410
 Клайд 373
 Клонмел 221
 Колброкдейл 278
 Колд Балд Филдз 354
 Колчестер 27, 109
 Конго 138
 Константинополь 52, 75, 137, 175, 323, 343, 430, 431
 Корнуэлл 21, 23, 38, 63, 147, 167, 205, 280
 Корунья 170, 171
 Котсуолд 38, 85
 Красное море 137, 398
 Креси 97, 99, 102, 112, 126
 Куба 402
 Куртре 99
- Ла Бассе 438
 Лагос 402
 Лайм Реджис 239
 Ламанш 21, 28, 47, 72, 73, 167, 171, 178, 223
 Ланкастер 123
 Ланкашир 200, 201, 205, 273, 276, 279, 283—285, 287, 317, 345, 346, 358, 364, 369, 381
 Ларн 426
 Ларошель 167, 182
 Левант 75, 175, 339
 Ледисмит 405
 Лейпциг 301
 Ленсдаун-Хилл 202
 Ленстер 222
 Лейстер 64, 105
 Ли, река 50
 Ливерпуль 280, 333, 345, 377, 424
 Лидс 326, 359, 442
 Лимерик 243
 Линдисфарн 43, 45, 47, 48
 Линкольн 30, 63, 64, 202, 204
 Линкольншир 85, 203
 Линн 73
 Лиссабон 138, 171
 Литлпорт 209
 Ломбардия 24
 Лондон 29, 30, 33, 38, 46, 49, 55, 57, 58, 72, 73, 76, 83, 88, 108, 110, 111, 116, 122, 130, 135, 139, 141, 153, 159, 161—163, 174, 181, 182, 187, 190, 195, 196, 199—203, 205, 210—212, 214, 215, 220, 223, 224, 230, 234, 236, 237, 239—241, 265, 272, 277, 291, 304, 308, 321, 327, 328, 333, 334, 348, 349, 354, 358, 359, 362, 365, 367, 369—371, 373, 374, 385, 396, 418, 424, 444
 Лоос 435
 Лостуитиел 199, 205
 Лотарингия 126, 414, 434
 Лотиан 95
 Луара 99
 Луизиана 259
 Льюис 88, 100
 Любек 300
- Маас 434
 Маврикия 258, 302

Маджуб 404
 Мадрас 177, 258, 259
 Мадрид 181, 249
 Майл-Энд 110, 111
 Майнц 298
 Македония 431
 Малая Азия 24, 137
 Мальта 302
 Манстер 222
 Мансфилд 305
 Манчестер 280, 291, 306, 326, 333, 334, 346, 356, 360, 364, 424
 Маньчжурия 413
 Маренго 298
 Марлборо 22
 Марна 20, 435
 Марокко 415, 416, 419, 430
 Марстон-Мур 205, 207
 Мартер-Тидвил 304
 Мафекинг 405
 Медуэй 424
 Мейдстон 109, 286, 287
 Мен 259, 356
 Мексика 138, 413
 Мелькомб Регис 104
 Мерсия 38, 43, 44, 46, 47, 50, 55, 57, 58
 Мертер 278, 356
 Мехлин 98
 Мидленд 279
 Мидлсекское графство 264
 Милдорф 131
 Минорка 250, 267
 Мирут 389
 Миссисипи 260
 Мит, графство 382
 Молукские о-ва 177
 Монреаль 392
 Моравия 20
 Москва 139, 301
 Нагпур, княжество 388
 Нигерия 402
 Нидерланды 134, 140, 167, 169, 170, 241, 244, 248—250, 298
 Нижняя Канада 391, 392
 Нил 137, 297, 396, 398, 399, 401
 Новая Англия 173, 189, 346
 Новая Зеландия 394, 408
 Новая Шотландия 250, 391
 Новый Брауншвейг 391
 Нор 296
 Норвегия 54, 139
 Норидж 105, 132, 148, 199, 309, 353
 Нормандия 50, 54, 56, 61, 69, 72, 74, 78, 95, 126
 Нортгемптон 64, 207, 216
 Нортумберленд 189, 190, 424
 Нортумбрия 31, 38, 43, 44, 46, 47, 57, 58, 95
 Норфолк 22, 38, 64, 147, 149, 150, 161, 275
 Норфолкский Брекленд 22, 27
 Ноттингем 64, 304, 365
 Ньюкасл 174, 195, 208, 261, 278, 333, 360, 362
 Ньюкасл-на-Тайне 304
 Ньюмаркет 209
 Ньюпорт 363
 Ньюфаундленд 139
 Ньясаленд 404
 Нэзби 207
 Огайо, река 259
 Оксфорд 88, 202, 205, 207—209, 215, 236
 Оксфордшир 215
 Олдгейт 110
 Олден 329
 Ольстер 174, 221, 222, 425, 427, 428
 Омдурман 399
 Онтарио, озеро 393
 Оранжевое Свободное Государство 404
 Орлеан 126
 Ост-Индия 176, 177, 224
 Паарденбург 405
 Павия 152
 Па-де-Кале 21
 Палестина 75
 Париж 48, 294, 301, 324, 362, 435
 Патни 214
 Певенси 57
 Пейль 94
 Пенджаб 387, 389
 Пенникрейг 424
 Пеннины 24
 Пеннинские горы 58, 84, 205, 212
 Персидский залив 137
 Персия 177, 419, 430
 Перт 223
 Пик, район 29
 Пинки 164
 Питерлос 308, 320, 354
 Питтсбург 260
 Пласси 258
 Плимут 203
 Польша 289, 300, 301, 338, 343, 443
 Пондишерри 258

Португалия 137, 138, 139, 166, 176, 237, 300, 322
 Потоси 138
 Престон 212
 Претория 405
 Прибалтика 72, 73
 Пруссия 20, 257, 267, 289, 290, 299, 301, 302, 322, 342, 344, 414
 Пуатье 97, 99
 Пфальц 181
 Пьемонт 290
 Ранкорн 280
 Раткормак 379
 Раундуэй-Даун 202
 Ревель 418
 Рединг 50, 82
 Реймс 126
 Рейн 24, 33, 35, 72, 249, 299
 Рейнские земли 301
 Рейнская обл. 298
 Рим 24, 28, 32, 43, 44, 48, 70, 113, 152, 156, 157, 159, 162
 Римская империя 30, 31, 33
 Родезия 399, 404
 Ромни-Марш, болота 44
 Россия 20, 137, 289, 297, 300, 301, 322, 323, 344, 397, 413—415, 419, 430—432, 435—438, 441—443
 Ротонда 325
 Руан 127
 Румыния 433, 436, 437
 Рэннимид, долина 79, 87
 Саламин 170
 Сан-Доминго 173
 Саксония 301
 Сандунч 117
 Сан-Стефано 344
 Санта Краус 229
 Сараево 428, 431
 Саратога 267
 Сатара, княжество 388
 Саутсверке 129
 Саутгемптон 117, 424
 Св. Лаврентия, река 259
 Севастополь 343, 344
 Севенокс 129
 Северен, река 89, 202, 223, 279
 Северное море 21, 33, 167, 171, 417, 418, 433, 438
 Седмур 239
 Сена 126
 Сенегал 260
 Сенлак 58, 62
 Сент-Олбанс 27, 82, 111, 130
 Сент-Эдмунд 82
 Сербия 343, 428, 430—433, 436
 Сессекс 38
 Силезия 20
 Силбери 22
 Силли, о-ва 223
 Сингапур 387
 Сисбери 22
 Сити 122, 129, 198, 203, 216, 221, 232, 233, 238, 246, 247, 253, 268, 270, 295, 319
 Скандинавия 21, 49, 72
 Скоп 96
 Смервик 169
 Смитфилд 111, 273
 Сноудон, гора 93
 Советский Союз 442
 Соединенные Штаты Америки 335, 338, 345, 346, 350, 373, 391, 392, 413, 436, 437
 Солсбери 21, 22, 27, 215, 227
 Сомали 396, 399
 Сомерленд 21
 Сомерсет 38, 135, 148, 353
 Сомерсетшир 50
 Сомма 435
 Спинхамленд 286
 Спитхед 296
 Средиземное море 51, 75, 134, 175, 225, 249, 250, 343, 418, 429
 Средиземноморье 72
 Стамфорд Бридж 57
 Стаффорд 334
 Стерлинг 96, 97, 223
 Стокпорт 306
 Стоктон-Дарлингтонская ж. д. 333
 Стонхендж 22, 23
 Стор 132
 Стретфорд 72
 Суаким 398
 Судан 396, 398—401, 404, 406, 419
 Сураг 177
 Суррей 217
 Суссекс 44, 57, 100, 278, 279, 312
 Суффолк 38, 39, 64, 73, 108, 133
 Суэйл 43
 Суэц 342, 396
 Суэцкий канал 351, 401
 Тайн 28, 355, 373
 Тайнсайд 375
 Такет, о-в 49
 Танганьика, озеро 404, 407
 Танненберг 435
 Таншбру 61

Тель-эль-Кебир 398
Темза 23, 28, 37—39, 46, 50, 170, 248, 424
Тирон 426
Тодморден 333
Тонипанди 424
Торбэй 241
Тоутон 130
Тоуэр 197
Трансвааль 404, 405, 423
Трансваальская республика 403
Трапезунд 137
Трафальгар 294, 299, 349, 439
Трент 37, 43, 280
Триполи 430
Труа 126
Турецкая империя 344, 396, 401, 414, 419
Турция 175, 338, 343, 429, 431, 436, 438
Тэрнхем—Грин 202, 203

Уаза 438
Уай, река 92
Уайт, о-в 35, 100, 211
Уайтхолл, дворец 197
Уганда 399, 406, 407
Уз, река 37
Уиклоу 297
Уилтшир 312, 313
Уир 355
Уитби 44
Ульма на Дунае 299
Уолингфорд 68
Уолсолл 304
Уолтем 114
Уорстед 133
Уотлинг, дорога 50
Уэксфорд 221, 297
Уэльс 21, 23—25, 29, 30, 38, 42, 51, 60, 74, 75, 89, 92, 93, 95, 97, 284
Уэльс Южный 279, 363, 410, 424
Уэр 211
Уэрсли 279, 280
Уэссекс 42, 44, 46, 47, 50
Уэст Кантри 308
Уэст Райдинг 282

Фарерские о-ва 48
Фашода 415
Ферманаг 426
Фец 416
Фландрия 73, 78, 84, 85, 98, 99, 100, 101, 132, 133, 134, 151, 163, 295

Флемптон (Флемингтон) 73
Флодден 152
Флоренция 86
Флорида 260, 267
Фолкерк 96
Фолькленд 45
Форест оф Дин 278
Форт 38
Франция 9, 44, 48, 55, 56, 60, 62, 70, 72—75, 78, 89, 97—101, 108, 109, 113, 117, 121, 122, 125—129, 132, 137, 139, 156, 157, 162—165, 182, 184, 191, 223, 232, 233, 235, 238, 242—244, 246, 250, 252, 257, 267, 270, 271, 288—290, 292—301, 322, 323, 342, 344, 373, 380, 395—397, 400, 414, 416—419, 428, 435, 437, 438, 443, 444
Франция Северная 50, 54
Французское Конго 416
Фридланд 299

Хамбер, река 37, 38, 50
Ханслоу Хит 97, 240
Хантингдон 63, 187
Хартум 398, 399
Хексем 46
Херефорд 85
Хор Эпл Три 57
Хоут 428
Хугли 177
Хун 387

Цейлон 302

Чандернагор 258
Черная Англия 273
Черное море 323, 344, 429, 436
Честер 30, 38, 50, 60, 93
Чехия 181
Чешир 280
Чили 138
Чиллианвал 388
Чилтерн 85
Чиппенем 50

Шампань 435
Шатильон 127
Швейцария 297, 298
Швеция 73, 232, 278, 279
Шетландские острова 48
Шеффилд 326, 442
Шлезвиг-Гольштейн 344
Шордич 161
Шорем 444

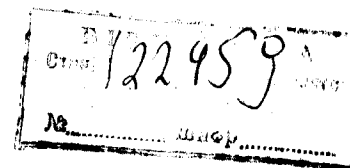
Шотландия 17, 21, 24, 25, 33, 47, 48, 60, 78, 89, 92, 93, 95—99, 104, 156, 164, 171, 173, 174, 177, 179, 185, 189, 207, 209, 212, 219, 223, 227, 230, 239, 240, 243, 252, 253, 262, 278, 279, 284, 292, 293, 330, 372, 440
Шропшир 63, 278, 304
Шрусбери 60, 122, 123

Эд-Хилл 202
Эдинбург 164, 292
Эйвбери 22

Эксетер 147
Эльба 35, 256, 301
Эльзас 414
Эльзас-Лотарингия 434
Эмден 174
Эн 438
Эссекс 38, 43, 63, 110, 212, 275
Этсандюн 50

Южно-Африканский Союз 406

Ямайка 225
Япония 140, 177, 413, 418

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вступительная статья	5
Глава I. ПЛЕМЕНА И ЛЕГИОНЫ	21
1. Иберийцы	21
2. Кельтские племена	24
3. Римская Британия	28
4. Падение римского владычества	31
Глава II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА	35
1. Англо-саксонское нашествие	35
2. Сельская община	40
3. Христианство	42
4. Скандинавы	47
5. Конец англо-саксонского периода	52
Глава III. ФЕОДАЛЬНАЯ АНГЛИЯ	58
1. Норманское завоевание	58
2. Социальная структура Англии времен «Книги страшного суда»	62
3. Королевская власть, бароны, церковь	66
4. Международные отношения	72
5. Великая хартия	77
Глава IV. УПАДОК ФЕОДАЛИЗМА	81
1. Торговля и города	81
2. Зарождение парламента	87
3. Уэльс; Ирландия; Шотландия	92
4. Столетняя война и переворот в военной технике	97
5. «Черная смерть»	102
6. Восстание крестьян	107
7. Политическое значение ереси лоллардов	112
Глава V. КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	116
1. Век парадокса	116
2. Парламент и Ланкастеры	121
3. Столетняя война (продолжение)	125
4. Война Роз	127

Глава VI. НОВАЯ МОНАРХИЯ И БУРЖУАЗИЯ	132
1. Суконная промышленность	132
2. Географические открытия	136
3. Аграрная революция	142
4. Монархия Тюдоров	149
5. Реформация в Англии	155
6. Контрреформация и правление Елизаветы	159
Глава VII. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	166
1. Борьба с Испанией	166
2. Привилегированные компании	172
3. Корона и парламент	178
4. Пуритане	186
5. Характер основных конфликтов английской революции	190
Глава VIII. АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	195
1. Долгий парламент. Классы и партии	195
2. Гражданская война	201
3. Казнь короля	208
4. Левеллеры	213
Глава IX. РЕСПУБЛИКА И КОМПРОМИСС	219
1. Ирландия; Шотландия	219
2. Республика	224
3. Компромисс 1660 г.	229
4. Компромисс 1688 г.	236
Глава X. АНГЛИЯ ВИГОВ	244
1. Финансовое положение страны в военное время	244
2. Партийная политика	250
3. Колониальная война	256
4. Американская революция	262
5. Война и промышленность	268
Глава XI. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	272
1. Сельское хозяйство	272
2. Топливо, железо и транспорт	277
3. Текстиль. Спинхамлендский эксперимент	281
4. Французская революция	288
5. Наполеоновские войны	294
Глава XII. ПОБЕДА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА	303
1. Англия после Ватерлоо	303
2. Война в деревнях	308
3. Фабричное законодательство	314
4. Корни либерализма	319
5. Билль о реформе	324

Глава XIII	ВЛАСТЬ ЛИБЕРАЛОВ	330
1.	Новый закон о бедных и век железных дорог	330
2.	Хлебные законы	336
3.	Внешняя политика. От Пальмерстона до Дизраэли	341
4.	Второй билль о реформе	347
Глава XIV.	ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА	352
1.	Революционный тред-юнионизм	352
2.	Чартисты	359
3.	Тред-юнионизм «нового типа»	367
4.	Социализм и организация неквалифицированных рабочих	372
5.	Война за землю и за национальную независимость в Ирландии	378
Глава XV.	КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ	385
1.	Индия	385
2.	Канада и Австралия	391
3.	Египет	396
4.	Тропическая и Южная Африка	401
Глава XVI.	ИСТОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	408
1.	Империализм	408
2.	Тройственный союз, Тройственное согласие	414
3.	Внутренний кризис 1906—1914 гг.	419
4.	Путь к Сараево	428
Глава XVII.	МИРОВАЯ ВОЙНА.	435
1.	Первая мировая война	435
2.	Внутренний фронт	439
	Указатель имен	446
	Указатель географических названий	452

НБ ПНУС

122459

Редактор *А. Старостин*

Технический редактор *А. Дронов*

Корректоры *Н. Булаков,*

Г. Скуратова

*

Сдано в производство 12/IV 1950 г.

Подписано к печати 3/VIII 1950 г.

A06615. Бумага 60/92¹/₁₆=15,36 ум.

листа.—36,0 п. л., в т. ч. 9 карт.

Уч.-издат. л. 32,3. Издат. № 6/681

Цена 24 р. Зак. № 278

*

16-я типография Союзполиграф-

прома Главполиграфиздата при

Совете Министров СССР, Москва,

Трехпрудный, 9.